

Н.Х. КНАУЗР

НЕМЦЫ ДРЕВНЕГО КРАЯ

(Туркестан, Средняя, Центральная Азия)

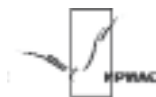

**Москва
2020**

КНАУЭР Н.Х.

НЕМЦЫ ДРЕВНЕГО КРАЯ

(Туркестан, Средняя, Центральная Азия)

**Москва
2020**

УДК 929.52

ББК 28.08

К53 Кнауэр Н.Х. Немцы древнего края (Туркестан, Средняя, Центральная Азия) — М.: ИРИАС, 2020 — 674 с. Библ. 105.

ISBN 978-5-93592-077-7

Издание второе, дополненное и исправленное

Памяти родителей, Христиана Христиановича и Таисии Васильевны Кнауэр, посвящается.

Искренняя благодарность и признательность Э. и И. Гепперт, В. Вильд, Э. Флик, М. Брумм, И.В. Черказьяновой и моим детям за их помощь и поддержку.

С разрешения автора данной книги тираж посвящается Вольтеру Густаву Германовичу — деду Вольтера Алексея Владимировича.

ЛР № 070785 от 15.12.97 г. Подписано в печать 15.04.2020 г.
Формат 60х90/16. Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,91. Тираж 100 экз. Изд. 34.
АО ИРИАС, 101000, Москва, Кривоколенный пер., д. 14, стр. 1
Тел.: +7 495 625-4257, 624-9938. E-mail: tev@vestnik-sviazy.ru
Отпечатано в типографии ООО «Канцлер»

ISBN 978-5-93592-077-7

© 2020 bei N.Knauer

© АО ИРИАС

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Во второй половине XIX в. на геополитическую карту Российской империи был нанесен ее новый территориально-административный регион, обозначенный первоначально (6.08.1868 г.) как Туркестанская область, а затем с 14.07.1867 г. — как Туркестанское генерал-губернаторство, первым генерал-губернатором которого получил назначение генерал-лейтенант Константин Петрович фон Кауфман. В условиях сложной международной и внутренней обстановки в стране начался нелегкий процесс миграции населения с центральных районов, в том числе и немцев с Поволжья и Северного Кавказа, на территорию только что завоеванного и присоединенного края, который на протяжении своей многовековой истории у разных народов носил различные названия. И первые немцы-переселенцы, представители многих сословий и рода деятельности, направлялись «в Туркестан» такое ныне уже забытое название носил тогда край. Ими и был заложен «первый, самый трудный камень» в основание немецкой диаспоры края и сформировано, сохраняющееся и поныне, уважительное отношение местного населения к ее народу. Ибо «туркестанские немцы» повсеместно утверждали добрые традиции законопослушания, трудолюбия, честного, добросовестного отношения к делу, выручки и добрососедства, продолженные последующими поколениями немцев края, пережившими за прошедшие полтора столетия на древней земле, как и в целом по стране, не одну волну репрессий, антинемецких кампаний, этнических чисток и насилия.

В историографии темы завоевания Туркестана, вхождения его в состав Российской империи, затем Советского Союза, колонизации и значения преобразований в экономической, культурной и общественной жизни населения края содержатся различные, далеко неоднозначные, порой не всегда объективные подходы и оценки. Вопросы становления, социально-экономического развития, численности немцев, их участия в жизни общества края в дальнейшие годы, политики правительства и власти на местах по отношению к ним в периоды сложных кризисных ситуаций, в ходе Первой и Второй мировых войн, последующего времени также нашли широкое освещение. Они отражены в работах и сообщениях многих дореволюционных, советских, российских и зарубежных ис-

следователей, отмечены на страницах биографических и мемуарных очерков, в характеристиках выдающихся представителей немецкого народа (И.И. Гейер, В.Л. Геншке, В. Германов, А. Добросмыслов, Л.И. Жукова, Д.М. Иноятова, В.Н. Земков, В. Ивонин, В.А. Каллаур, А.А. Кауфман, Г.К. Конград, В. Кригер, О. Клименко, Б.В. Лунин, А.М. Матвеев, Г.Б. Никольская, Б.И. Чижов, Н.П. Остроумов, В. Проскурин, К.К. Пален, А.А. Семенов, Г.П. Федоров, В. Чеботарева, Б.И. Чижов, И.И. Штемплер, М.Л. Юдин и многие др.). Некоторые аспекты духовной жизни немцев края отражены в статьях епископа К.К. Вибе.

Между тем, со временем все больше отмечается «некоторое забвение тысяч судеб» немецкого народа, его роли в изучении, исследовании и освоении территории, участии в развитии и создании современного облика края. Будущие поколения не простят сегодняшнего равнодушия, утраты коллективной памяти народа. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» (А.С. Пушкин). Жизнь каждого человека, его судьба — осколочек прошлой и сиюминутной истории народа, истории страны, края, в котором он жил и трудился. Мозаика людских судеб четко фиксирует пульс эпохи, ритм времени, раскрывает сложную картину жизни поколений, более глубоко и детально позволяет представить неоднозначные мотивы переселения немцев, нелегкий процесс социально-экономической и социально-культурной адаптации «носителей европейского стиля жизни», городских и сельских жителей как к местному, так и к русскому населению края, их «вживания» в условиях чуждой этноконфессиональной среды и на протяжении многих поколений честного служения на благо «полюбившегося им края», ставшего для них «новой родиной».

Сохранить память о прошлом — это значит сохранить и передать последующим поколениям историю немецкого народа на древней земле, дополнить не только общую картину истории российских немцев и страницы летописи древнего края, но и попытаться раскрыть на фактическом материале непростое «мужество жить», подлинную природу толерантности, взаимоуважения как условия успешного развития свободного плюралистического общества, умение строить современные доброжелательные взаимоотношения, всесторонние контакты в нашем многополярном мировом сообществе.

«ОН СТАЛ ИМ НОВОЙ РОДИНОЙ»

Немцы — подданные России, преимущественно военнотружущие из Прибалтийских (остзейских) губерний — участники военных походов в составе войск Оренбургского, Западно-Сибирского, Кавказского батальонов и чиновники различных ведомств появились в Туркестане по мере его завоевания во второй половине XIX в. Имеются сведения и о том, что небольшое число российских немцев после разбойных набегов кочевников на немецкие колонии Поволжья попадало на невольничьи рынки Хивы, Бухары, других городов Центральной Азии в значительно более ранние годы, в конце XVIII — начале XIX вв.¹ Почти тогда же стали появляться и немцы — подданные германских и других европейских государств. Так, в Ташкенте в 1869 г. проживали три прусско- и один саксонско-подданных немца, в 1877 г. — 17 подданных германских государств, в 1909 г. было учтено среди германских подданных 24 торговца и предпринимателя, среди австрийских подданных — свыше 30 музыкантов. Наличие в высшем руководстве края потомков германских выходцев несомненно оказало положительное влияние на этот процесс (генерал-губернаторы: К.П. фон Кауфман, Н.О. фон Розенбах, Ф.В. Мартсон, помощник генерал-губернатора В.Е. Флуг составили около ¼ от общего числа начальников края, а количество лет их руководства около ½ от общего периода (23 года из 50 лет) управления краем до 1917 г.). Однако ни о каком «приоритете» переселения немцев, как отмечается в ряде публикаций последних лет, ни для какого периода истории края говорить неправомерно. Начавшееся в 80-х годах XIX в. еще при К.П. фон Кауфмане переселение немцев-крестьян, особенно в неурожайные, голодные годы, из различных, в основном поволжских районов страны, проходило в рамках колониальной политики правительства по заселению края «надежными элементами», носило волнообразный характер, происходило самотеком и осуществлялось вопреки ограничительным указаниям центральных органов, отмечавших то, что как таковому «подлежат только лица коренного русского происхождения, православного вероисповедания...».²

¹ Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М. 2000. С. 11 — 113.

² ЦГА РУз. Ф. И-2. оп. 1. Д. 223. Л. 3 — 4.

Немцы — переселенцы каждой новой миграционной волны создавали свои колонии, вливались в колонии своих единоверцев, поселялись в русских поселениях, в городах. Приоритетными при расселении переселенцев-крестьян были северные и восточные районы края, долины рек Талас и Чу. Официально Бухара была закрыта для переселения, но к началу XX в. там проживало до 50 тысяч русско-подданных, в том числе были и немцы. Этому способствовали во многом строительство железной дороги (1899 — 1905 гг.) и принятые «Правила об устройстве поселений при железнодорожных станциях и пароходных пристанях в Бухарском ханстве». Такая же ситуация характерна была и для Хивы, где была создана немцами-меннонитами Ак-Мечетская колония. По данным Всесоюзной переписи населения (28.01.1897 г.) в Туркестанском генерал-губернаторстве, Хивинском ханстве и Бухарском эмирате было учтено 3800 немцев, что составляло около 0,1 % общей численности населения края, в том числе в Сырдарьинской обл. — 1877 немцев, из которых в Ташкенте — 554 (около 0,35 % населения), в Ташкентском уезде — 508, в Аулеатинском уезде — 682; в Закаспийской обл. — 1026; в Самаркандской обл. — 450; в Ферганской обл. — 160 человек; в Ак-Мечетской немецкой колонии Хивинского ханства — 150 человек. От общей численности немцев империи немецкое население края составляло 0,21 %. В первом десятилетии XX в. численность немцев в крае возросла до 8 — 8,5 тысяч человек. Основное большинство составляли подданные России, но среди них были до 350 немцев, подданных Германии, Австро-Венгрии и Хивинского ханства.³ Первоначальное преимущество военных и чиновников в составе немецкого населения края сменилось в последние десятилетия XIX в. значительным составом сельских жителей, переселившихся в регион в основном в 1891 — 1894 гг. Их выталкивали из обжитых мест голод в Поволжье, безземелье, растущая нехватка земли в центральных районах России и происходившее расслоение внутри немецких общин Кавказа. Свое влияние на миграционные процессы оказывали также: развитие в крае промышленного производства (с 1867 г. до конца века построено 571 предприятие, в регион стали прибывать специалисты и высококвалифицированные рабочие), транспортной структуры, товарооборота, а также столыпинская реформа 1906 г. Среди немецкого населения края были представители всех социальных групп общества: военные чины, предприниматели, вла-

³ Матвеев А.М. К вопросу о выходах из Германии в Средней Азии в конце XIX — начале XX вв. // Научные труды ТашГУ. Вып. 392. 1970. С. 61.

дельцы лавок, магазинов, аптек, предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов, купцы, служащие учреждений, учителя, медицинские работники, юристы, рабочие типографий, почт, железных дорог, телеграфа, ирригационных сооружений, ремесленники, но больше всего — крестьяне. При всех сложностях своего первоначального обустройства они выступали на территории края носителями европейского стиля жизни и, как правило, с большой добросовестностью относились к своим профессиональным обязанностям, содействовали развитию края, были добросовестной, законопослушной частью его общества. Немцы-крестьяне строго соблюдали свою этноконфессиональную обособленность, сохраняли язык и бытовую культуру. Положение их было более чем трудным, земли не хватало, агротехника местных культур была не знакома. «За последние 20 лет XIX в. прибыли до 500 немецких крестьянских семей». «Но часть из них, натолкнувшись на трудности (отсутствие свободных земель, нежелание нести воинскую повинность), начинает рассеиваться по городам, заниматься ремеслами, возвращаться назад или уезжать в Америку и Канаду».⁴

Преодолевая трудности и невзгоды немцы-крестьяне быстро приспосабливались к новым климатическим условиям, условиям жизни, специфике возделывания местных и выращиванию привезенных, новых для данного региона сельскохозяйственных культур, технологии сельскохозяйственного и промышленного производства и поднимали свои хозяйства на достаточно высокий уровень, составив довольно зажиточный слой населения. Отмечая благосостояние немецких семей, А.И. Солженицын подчеркивал основное качество, обеспечивающее его высокий уровень: «среди всех отменно трудолюбивы были немцы <...> рачительные и неутомимые, <...> где на земле такая пустыня, которую немцы не могли бы превратить в цветущий край, <...> не зря говорили в прежней России: немец, что верба, куда не ткни, тут и примется». Почти в каждом селении немцев был молитвенный дом, библиотека и хорошо оборудованная школа церковно-приходского типа. В городах в условиях дисперсного расселения происходил размыв национально-культурных традиций, утрата немецкого языка, при более или менее трепетном стремлении сохранить национальную специфику быта и семейного уклада, чему во многом способствовала религия. Среди немецкого населения края были в основном последователи лютеранско-евангели-

⁴ История народов Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент. 1947. С. 350.

ческого вероисповедания, но также католики, православные, реформаторы, поздние баптисты, адвентисты седьмого дня, среди крестьян — в большинстве меннониты. Немцы — городские и сельские жители, как подчеркивают многие исследователи, были в то время самым образованным народом среди населения края.

К 1914 г. в Туркестане проживало 9 млн. коренного населения и 500 тысяч «пришлого», из которого европейские выходцы составляли 21 тысячу человек. Из них 11 тысяч человек были направлены в Туркестан для прохождения воинской службы, остальные — российско- и иностранно-подданные европейские выходцы приехали в край по собственной инициативе (9000 — 10000 поляков, 8 — 8500 немцев, 1200 — 1500 прибалтов, 600 — 700 греков, 120 — 140 молдаван, 80 — 100 выходцев из Франции, Швейцарии, 50 — 60 скандинавов, 60 — 70 итальянцев, 50 — 60 англичан, 20 — 25 бельгийцев, 20 югославов). Среди осевших в крае европейских выходцев немцев в Сырдарьинской обл. — около 7600 человек, в том числе 4200 — в Ташкенте; в Ашхабаде — 586, Мерве — 96, Красноводске — 24; Самарканде — 378, Чарджоу — 118, Керки — 107, Фергане — 98 человек.⁵ Удельный вес их от общей численности немцев империи составил 0,26 %, относительная численность в составе населения края была равна менее 0,1 %. С июля 1914 г., с момента начала Первой мировой войны, в Туркестане появляются новые группы немцев: военнопленные германской и австро-венгерской армий, депортированные из прифронтовой полосы и беженцы. По инициативе военного ведомства была проведена первая депортация немцев и других народов империи «из всех мест, находящихся на военном положении». С 1914 по 1916 гг. было депортировано около 200 тыс. немцев, рассматриваемых в качестве «неприятельских выходцев», в том числе с 27.04.1915 г. — 150 тыс. немцев Волыни, ликвидировано почти 500 волынских колоний, часть из депортированных волынцев направлена в Центральную Азию. Миграция немцев в Туркестан перестала носить мирный экономический характер.

К середине 1915 г. в Туркестан вывезено около 148 тысяч военнопленных обеих армий противника, 350 человек «гражданских пленных», более 70 тысяч беженцев и депортированных с территорий Прибалтики, Украины, Белоруссии.

⁵ Никольская Г.Б., Матвеев А.М. Из истории азиатских и европейских выходцев в Средней Азии // Научные труды ТашГУ. Ташкент. 1972. С. 77 — 78; Обзор Сырдарьинской области за 1912 год. Ташкент. 1914. С. 6; Кригер В. Рейн. Волга. Иртыш. Алматы. 2006. С. 27.

К марту 1916 г. учтено более 200 тысяч военнопленных, беженцев — 57106 человек, из них: мужчин — 19934, женщин — 24545, детей — 12627 (в Самаркандской обл. — 8281 человек, в Сырдарьинской — 19590, в Ферганской — 16407, в Закаспийской — 12120 беженцев).⁶

Военнопленные согласно указаний штаба округа находились в «37 городских и специальных пунктах» в городах: Самарканд, Скобелево, Ашхабад, Андижан, особенно был «загружен» Ташкент. Их размещали в построенных бараках (для «строительства до 25.07.1915 г. из кредитов военного фонда было выделено 1.526.200 рублей»), в приспособленных для жилья казармах, сараях, полуземлянках, манежах. Не лучшим было размещение депортированных и беженцев. Так, в «Справке о беженцах» от 15.12.1915 г. отмечалось, что в Ташкенте их было сосредоточено до 17 тысяч человек, размещены в солдатских казармах, где, как подчеркивалось в документе, «отсутствуют санитарные условия», «из числа беженцев мало кто работает», «не знают своих прав, на работу их боятся брать, опасаются заразных болезней». Определены немцы были и на подселение в дома местных жителей, в основном в Казачьей слободе по Старо-Куйлюкской улице. Как гласит запись в справке: «в доме Назар Мухамедова расположены беженцы немцы Волинской губернии, 13 семейств, около ста человек. Каждое семейство занимает отдельную квартиру, за что платят сами, старших над ними нет, в баню ходят за свой счет, убирают всяк свою квартиру, пищу готовят всяк себе, люди врачом не осмотрены».⁷

Столь значительный и стремительный приток людских масс вызвал резкую дестабилизацию экономики, распространение различных заболеваний, создал в крае социальную напряженность. С ноября 1915 г. среди беженцев Ташкента началась эпидемия сыпного тифа с большим процентом смертности, особенно среди детей. По данным, зафиксированным в документах, из прибывших детей-беженцев в живых осталось не более 1/10 их численности. До 1/5 численности беженцев находились в больницах. Беженцы «старались» скрыть «своих больных», особенно это было распространено среди депортированных немцев-колонистов. По свидетельству медицинского инспектора больных «из их семей насильно приходилось отправлять в лазарет», в результате чего «в помещениях

⁶ ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1557. Л. 1об — 83; Д. 1743. Л. 149; История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент 1968. С. 525 — 556; Шульц Э. Начало восхождения на Голгофу// Панорама. 2013. №№ 11 — 12; 2014. № 1.

⁷ ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 921; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1747. Л. 5 — 6, 12, 16.

занимаемых немцами-колонистами, почти нет детей».⁸ По неточным данным, установленным епископом Ташкентской евангелическо-лютеранской епархии К.К. Вибе, в 1915 г. — начале 1916 г. в Туркестане умерло около 15 тысяч немцев. Непременный член от Министерства финансов в Совете Туркестанского генерал-губернатора А.А. Фрей 20.12.1915 г. был назначен уполномоченным по устройству беженцев в Туркестане с сохранением за ним прямых обязанностей (его дочь добровольно пошла работать в инфекционное отделение больницы). В городе были открыты дополнительные госпитали: № 159 — для беженцев (и депортированных) и № 160 — для военнопленных. Кроме того, больных обслуживали 1-я и 2-я городские больницы, военный госпиталь и лазарет, открытый в 1915 г. в казармах дисциплинарной роты. Врачей катастрофически не хватало, в «Справке» отмечено: для лечения «больных беженцев было назначено 10 врачей. Из них: 1 — умер, 1 — при смерти (Киснер заражен сыпным тифом, позднее скончался), 4 — больны, 4 — завалены по горло». В иные дни «поступало до 30 больных» и было «до 60 покойников». Эпидемии охватили и другие города края. Среди врачей, сиделок, обслуживающего персонала в больницах было немало настоящих подвижников, героев, «сознательно идущих на верную заразу» в борьбе с «охватившими город эпидемиями.⁹ Так, «Туркестанские ведомости» «с прискорбием сообщали», что «в воскресенье 10.01.1916 г. состоялось погребение скончавшегося от сыпного тифа военнопленного врача Теодора Вильслебена, добровольно во имя человеколюбия принявшего на себя обязанности врача в заражном отделении эвакогоспиталя». Т. Вильслебен пользовался большим уважением среди больных и жителей города. Во время его погребения по приказу начальника края ему (*военнопленному* — Н.К.) «во внимание к столь высокому поступку покойного» были отданы воинские почести, а Городская дума «почтила его память».

Труд военнопленных использовался на «принудительных казенных и общественных работах». Управление госимуществ отправило в Туркестан еще 3.09.1914 г. телеграмму в отношении военнопленных: «Ввиду предстоящего прибытия пленных немедленно телеграфируйте возможность использования их бесплатного труда для надобностей ведомства земледелия».¹⁰ «Инструкция о порядке

⁸ ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1747. Л. 6.

⁹ ТВ. 1915. 22 декабря; ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1747. Л. 50б, 71; «Ферганская жизнь». 1916. 2 января.

пользования военнопленных на принудительных, казенных и общественных работах» была утверждена 15.01.1915 г. Рабочий день для них устанавливался 9 часов в летний период и 8 часов в зимний. Посуточная плата военнопленным нижним чинам, выдаваемая на руки, устанавливалась для лиц, производивших земляные работы, — 10 копеек, специальным мастерам — не свыше $\frac{1}{4}$ посуточной оплаты, установленной вольнонаемным мастерам. При каждой команде должен быть фельдшер, при команде 500 человек и более — врач. Военнопленных на местах размещали отдельно, «совершенно обособленно» от вольнонаемных рабочих, а также пленных-славян. Они работали в лесных командах, обслуживали гидротехнические сооружения, занимались орошением долины реки Чу и Голодной степи, работали на опытных станциях, на фермах каракулевых овец, на строительстве дорог и цементного завода, на железной дороге и на рудниках. Однако положение их в Туркестане представляло беспрецедентный в военной истории случай. Они жили относительно свободно, пользовались относительной свободой передвижения, имели возможность наниматься на работу, работали врачами, учителями, выполняли инженерные работы, посещали кирху, устраивали благотворительные вечера, вносили оживление в культурную жизнь немецкой диаспоры края, могли общаться с семьями местных немцев, собирались на дачах, например, в поселке Кауфманское. В сводках соответствующих органов неоднократно отмечалось то, что пастор евангелически-лютеранской церкви часто посещал шталмейстера Саксонского короля генерала Генриха Гаука (умер 20.05.1915 г. в Ташкенте), а он, в свою очередь, «несмотря на то, что заключен в крепости и ограничен в свободе», «часто ездит куда-то поблизости по железной дороге», «свободно выходит в город», «свободно получает письма».¹¹

Однако нередки были и побеги военнопленных через границу с Персией, им помогали местные жители, бухарские евреи и персы, которые «вероятно связаны с австрийцами, <...> в персидских домах переодеваются в персидское платье, смазывают лица мазутом, а потом с караванами уходят через горы в Персию». Только с 14 по 19 февраля 1915 г. бежало 23 человека.¹² Пресса периодически сообщала об очередных побегах и мерах их пресечения. Ужесточение режима содержания военнопленных было проведено Временным правительством и

¹⁰ ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 921. Л. 1 — 43, 77.

¹¹ ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 921. Л. 38 — 43; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1830. Л. 1; Д. 1818. Л. 181; Д. 1748. Л. 19, 24 об; Д. 1739. Л. 68.

¹² ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1747. Л. 218, 694; Д. 1748. Л. 17 об; Д. 1650. Л. 6, 6 об.

сохранялось до середины апреля 1918 г. Многие из военнопленных «до конца испили чашу страданий на Туркестанской земле». На кладбище в поселке Кызыл-Кия Ферганской области в Узбекистане, где на шахтах работали пленные разных национальностей, в своем подавляющем большинстве — немцы, позднее был сооружен незамысловатый памятник, на котором выбиты латинским шрифтом красноречивые строки: «Чужестранец, передай Родине, что мы пришли сюда, повинуюсь суровым законам войны».¹³

Официальные известия о том, что «пленных в Туркестан больше назначать не будут и их предположено использовать на сельскохозяйственных работах во внутренних губерниях», поступили в Ташкент 22.03.1916 г.¹⁴ В конце 1916 г. пленных и беженцев стали вывозить из края, в том числе в Украину и Казанский округ. Между тем, на фоне спада напряженной обстановки, большую бурю протеста среди местного населения вызвал указ правительства от 15.07.1916 г. о мобилизации мужчин из среды коренных жителей в возрасте от 19 до 43 лет «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии». Среди местного населения быстро разнеслась молва о том, что там «их окончательно всех убьют немцы», а в правительственных кругах отмечалось, что это «видимо агитация со стороны пленных».¹⁵

К 1917 г. в Туркестане осталось 8 — 10 тысяч беженцев, среди которых депортированные волынские, черниговские, подольские, прибалтийские немцы, а также 41285 военнопленных, в том числе 39521 солдат (3515 — германской и 36006 — австро-венгерской армий) и 1764 офицера (60 — немецкой и 1704 — австро-венгерской армий).¹⁶

Официально считалось, что в годы войны немцы — подданные России — не подвергались ни экономическим, ни политическим преследованиям. Но именно тогда на российских немцев впервые обрушились огульные обвинения в «измене» и «шпионаже». Антинемецкие настроения, начавшие появляться в обществе с конца XIX в., нагнетались сверху: запрещено преподавание на немецком языке в школах, закрыты немецкоязычные газеты, запрещены проповеди на немецком языке. Охранное отделение края систематически составляло списки «не-

¹³ Жукова Л.И. Этнические кладбища в Узбекистане // Этнический атлас Узбекистана. Ташкент. 2002. С. 410.

¹⁴ ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1747. Л. 133 — 134; Д. 1830. Л. 107; ТВ. 1916. 22 марта.

¹⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1137. Л. 25.

¹⁶ Сиргебаев Б. Под знаменем интернационализма. Алматы. 1988. С. 26 — 27.

благонадежных, заподозренных в связях с военнопленными», в «симпатиях к неприязтельской стороне» или «в германофильской пропаганде»; проводились «беседы», предпринимались «меры» и налагались «штрафы за посредничество при передаче военнопленным писем», «общении» с ними» и т. д.¹⁷ Переселенческое управление разрабатывало проект инструкции об изъятии надельных земель, касающейся прежде всего немецкого населения азиатской окраины России. Исполнение этих узаконений о землевладении австрийскими, венгерскими и германскими выходцами, как и ограничения по вероисповедному и национальному признаку было отменено Временным правительством только после Февральской революции.

Немцы края сочувственно относились к военнопленным и беженцам, проводили сбор средств для их поддержания, стремились облегчить их жизнь, за что нередко страдали и сами. Были созданы различные благотворительные комитеты, общества попечения и помощи беженцам, военнопленным. Инициаторами их создания являлись: В.Э. Фульде, Н.Е. Энгельгардт (Андижан), Г.Г. Миллер (Наманган), Г.С. Реймерс (Туркестан), В.Л. Гиршфельд (Ташкент), генерал-майор фон Франкенштейн (Закаспийская область), барон фон дер Остен-Сакен (Красноводск) и др.¹⁸

По отношению к немцам — германско-подданным, как и к другим выходцам из европейских государств — союзникам Германии, царское правительство предприняло ряд мер: на их имущество накладывался секвестр, замораживались вклады в банках. В мае 1915 г. немцы, австрийцы, венгры и славяне, подданные Германии и Австро-Венгрии, проживавшие на территории Туркестана, были оторваны со своих мест и рода занятий и вместе с семьями интернированы в отдаленные районы края (Копаль, Скобелев, Наманган и др.). Торговые представительства и предприятия, например, фирмы «Зингер», «В.Г. Дюршмидт», «Гергард и Гей», «Л. Кноп», «Мейер-Корт» и др., были закрыты, имущество конфисковано, часть сотрудников фирм также сосланы в Копаль.¹⁹ В соответствии с «Положением об особом Комитете по борьбе с немецким засильем» (принято Сенатом 10.06.1916 г.) в Туркестане были созданы соответствующие структуры, однако, как свидетельствуют доку-

¹⁷ ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1830. Л. 476.

¹⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 181. Л. 4; Оп. 33. Д. 654; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 549. Л. 6; И-461. Оп. 1. Д. 1675; Д. 160; 182; ТС. № 341. С. 38 — 43.

¹⁹ ЦГА РУз. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1739. Л. 78, 108 — 109, 134, 431; Д. 1742. Л. 259, 296; Д. 1748. Л. 140б; Д. 1817. Л. 1; «Ферганская жизнь». 1915. 30 декабря.

менты, они носили довольно формальный характер, отличались тотальной безынициативностью и «никакой активной деятельности не проявляли». Но слухи, один невероятнее другого, расплзались, облекались в доносы, информации, сведения и разьедали общество. Усиленно муссировался слух о том, что «меннониты скупают пшеницу, хлеб, свиней и отправляют в Германию» (учитывая это извращенно-взбодоруженное состояние окружающего населения многие меннониты стали называть себя не немцами, а голландцами, отметив позднее так свою национальность и в переписях 20-х годов). Позволительно, однако, сделать вывод — слежка за немцами была тотальной: «Вся семья Шуберт очень нетерпимо относится к русским и грустит по поводу военных неудач немцев». «Брат Шуберта и племянник находятся на службе в германских войсках». «На Соборной площади есть цветочный магазин немца Гребер, он часто ездит на свою дачу около Кауфманской, там у него собираются пленные немцы до 50 человек, которым он покровительствует». «Гребер Анна Генриховна получает от пленных письма, которые потом сжигает». «Юргенсен помогает бежать в Персию». «Пастор при помощи влиятельных немцев проводит сбор денег на немецкий флот, часть денег перевел в Германию». «Служащие конторы Дюршмидт занимаются тайной доставкой оружия в Персию и Бухару» и т. д. Историк-религиовед А. Ипатов также отмечает то, что в это время «буржуазная печать развивает бешеную травлю немецких колонистов, <...> немцам приписываются самые отвратительные качества якобы имманентно присущие их национальному характеру».²⁰ Составлялись специальные списки, например, составленный от 26.05.1915 г. «Ликвидационный список лиц, заподозренных в германофильской пропаганде среди пленных и населения г. Ташкента и обысканных в ночь на 1.06.1915 г.» включал данные на 17 человек. Против фамилий некоторых из них наложена резолюция: «Выслать в одну из отдаленных губерний». Нередки были аресты немцев на несколько дней, обыски, учреждение «инспекторского надзора» за «делами фирм», «как несомненно германскими», обвинения в адрес немцев, как «пособников Германии», и т. д.²¹

Со временем информация, проступающая в охранное отделение, начинает приобретать несколько иное звучание. Ведущей становится новая тревожная нотка: «Некоторые пленные офицеры-немцы, хорошо говорящие по-русски,

²⁰ ЦГА РУз. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1653. Л. 34, 144 — 145; Д. 1650. Л. 13об; Д. 1742. Л. 200 — 204; Д. 1739. Л. 87 — 137; Ипатов А. Меннониты. М. 1878. С. 119.

²¹ ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1739. Л. 87 — 137, 233 — 236; Д. 1837. Л. 6 — 19.

ходят в штатском по восточному базару, где ведут пропаганду среди простого народа о ненужности настоящей войны с Германией, < ... > объясняют эту войну войной двух государей из-за личных счетов, говорят, что русский народ и немецкий любят друг друга и не могут обойтись один без другого». Последний Туркестанский генерал-губернатор генерал А.Н. Куропаткин, из 50 лет своей службы почти 23 года прослуживший в Туркестане, много сделавший во время своего управления Закаспийской областью (1890 — 1898 гг.) для ее благоустройства и процветания, обеспечивший строительство железнодорожной ветки от Мерва до самой южной точки, где была заложена крепость Кушка, прибыл в Ташкент 8.08.1916 г. Но уже в мартовских приказах 1917 г. был вынужден объявить по Туркестанскому краю об отречении самодержца царя Николая II от Всероссийского престола, призвать Туркестанские войска и население к верности Временному правительству России, был смещен с поста Ташкентским Советом солдатских и рабочих депутатов, помещен под домашний арест и отправлен в Петроград до 2.05.1917 г. Назревал октябрь 1917 г. Присоединяясь к оценкам В. Кригера, следует отметить, что дореволюционный период в жизни немецкого населения края, несмотря на все трудности и лишения первоначального обустройства, некоторые штрихи дискриминационной политики и попытки ликвидации немецкого землевладения, сложности военных лет, характеризовался в целом «стабильностью развития и общим ростом благосостояния, немцы края внесли весомый вклад в экономическое и культурное развитие края».²²

Официальное торжественное объявление Туркестанской революции Ташкент отметил в пятницу 10.03.1917 г. С этого момента в Туркестане начался новый период — период революционных преобразований. 30.04.1918 г. провозглашена Туркестанская автономная советская социалистическая республика (ТАССР) в составе РСФСР. Революционные события, мировая и гражданская войны нанесли колоссальный урон экономике края, хозяйства немецких колонистов потерпели большой ущерб, в селах многие предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов были закрыты либо разорены. Социальные потрясения вызвали катастрофический отток населения из Туркестана. Численность его начинает медленно восстанавливаться с конца 1918 г., но еще в 1922 г. она не достигла уровня 1914 г. Бурный революционный период и годы гражданской войны немцы Туркестана встретили настроенно, стараясь не принимать активного участия

²² ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 104. Л. 45, 81; Кригер В. Рейн. Волга. Иртыш... С. 42.

в социальном противостоянии. Период жизни немецкого населения Туркестана до и после 1917 г. подробно описан историком В. Кригером (Рейн. Волга. Иртыш... Алматы. 2006). Автор, выступая против односторонней оценки советскими историками российских немцев как «опоры царской администрации и оплота реакции», отмечает, что «имеющиеся материалы, в том числе и из архивов, убедительно опровергают» различные внеисторические концепции, и подчеркивает: «...участие немецкого населения Туркестана в аграрных и общественно-политических движениях конца XIX — начала XX вв. <...> практически не исследовано».²³

Присоединяясь к этой позиции, следует отметить также и то, что: «Туркестан, как писал Б.В. Лунин, никогда не был местом массовой ссылки политических деятелей и революционеров». Но таковые среди немецкого населения края тем не менее были, например: член «тайного общества» инженер М.Ф. Мауэр, народоведец И.И. Гейер, врач Вильберг (Николайполь), учитель Ф. Куфельд (Константиновка), сын которого Виктор вступил в 1-й Туркестанский советский кавалерийский полк, воевал с басмачами, Эмиль Шталь, работник Ташкентских железнодорожных мастерских — комиссар Первого Ташкентского революционного полка, Иосиф Лобнер, политработник, возглавлял с 1923 г. Николайпольский исполнительный комитет, Борис Краузе, участник студенческих движений, поэт М. Волошин (находился в ссылке с 17.09.1900 г. по 22.02.1901 г.), В.В. Геринг и др.²⁴ Призывались немцы и в ряды Красной армии: так, в Аулеатинском уезде в Красной армии находилось 108 солдат-немцев, или 3 % от всех призывников, хотя немцы составляли всего 1 % населения уезда. В Ташкентском уезде немцы, составляя 9,5 % населения Акджарской волости, поставили 36 % новобранцев-солдат. Для нужд Туркфронта в немецких селах работали «красноармейские хозяйственные команды», состоящие из верующих меннонитов и адвентистов, освобожденных на основе Декрета Советской власти от 4.01.1919 г. от воинской службы с оружием в руках по религиозным мотивам.²⁵ В. Кригер приводит «интересные биографические сведения» о первых коммунистах края (Франц Фаг-

²³ Кригер В. Рейн. Волга. Иртыш... С. 86 — 87.

²⁴ Штремплер И.И. Село меняет облик. Фрунзе. 1972. С. 18, 23.

²⁵ Кригер В. Рейн. Волга. Иртыш... С. 87, 89, 91; ЦГА РУз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 19. Л. 86; «Наша газета». 1919. 8 февраля; ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1328. Л. 27 — 27об, 321; Чебаторёва В. Германские и австрийские интернационалисты в Туркестане // Общественные науки в Узбекистане. 1985.

№ 2. С. 31 — 39; ЦГА РУз. Ф. 86. Оп. 1. Д. 2446. Л. 7.

лер, Карл Аксман, Генрих Лакмайер, Антон Шлиссер, Эдмунд Беднар, Готлиб Гельфгот, Михаил Гертнер и др.). Необходимо отметить весьма примечательный факт: для координации и руководства работами среди лиц различных национальных меньшинств в Туркесреспублике был создан в начале 1919 г. Совет (отдел) нацменьшинств Туркмнаца, в составе которого работало 11 секций, в том числе Центральное бюро немецких секций; организованы были также областные, уездные отделы и национальные секции. Создан был Совет просвещения национальных меньшинств и при Наркомпросе, который «по распоряжению партии» возглавил «служащий Совнацмина <...> заведующий Центральным немецким бюро» бывший военнопленный немец из Австрии (*не доверяли местным немцам края или никто не изъявлял желания быть руководителем?* — Н.К.) выпускник учительской семинарии в Бреслау Немец Иосиф Иванович (*скорее всего, псевдоним.* — Н.К.), 1884 г. рождения, член РКП(б) с 15.09.1918 г., принят в ряды партии Самаркандской секцией бывших иностранцев коммунистов-большевиков. «Свободно говорит и пишет на русском, <...> хорошо знает Самарканд, во время войны, до революции, был в лагере военнопленных в Самарканде, <...> тяжело ранен в левое бедро, жена и трое детей — в Австрии». Деятельность немецкой группы РКП(б) края и ее влияние на жизнь немецких селений отмечает в своей работе историк В.Г. Чеботарева. Но в целом органы власти отмечали, что в крае не только среди немцев, но и среди русского крестьянства «классовая борьба незначительна. <...> О середняке в русских поселках у нас <...> имеют смутное представление».²⁶

Бюро немецких секций ставило своей задачей работу по «советизации немецкого населения» республики, которое «очень трудно поддается советизации». Одной из причин этого, как отмечалось в документах, является: «во многих местах Туркесреспублики существуют до настоящего времени конфессиональные школы, содержащиеся на частные и общественные средства, в которых детям до 18 лет преподают религиозные предметы». «Немецкому Центральному бюро пришлось выдержать ожесточенную атаку кулацких элементов немецких сел против Советской власти», — отмечалось в печати тех лет.²⁷ При содействии Центрального немецкого бюро в крае было создано 13 немецких школ нового

²⁶ ЦГА РУз. Ф. 39. Оп. 1. Д. 659. Л. 56, 62; Ф. 34. Оп. 1. Д. 1335. Л. 341.

²⁷ Кригер В. Рейн. Волга. Иртыш... С. 94 — 95; Богот А. Просветительская работа среди национальных меньшинств // Журнал Наркомпроса Туркесреспублики. 1922. № 2. С. 156.

типа с немецким языком обучения, лучшей из которых считалась школа 1-й ступени при евангельско-лютеранской общине в Ташкенте, где обучалось 285 учеников; открыты три рабочих клуба и три национальные библиотеки; в Ауле-Атинском уезде работал детский сад. Эти меры, отмечают официальные документы, содействовали «проникновению влияния новой власти в немецкую среду», «сближению немецких колонистов с советской властью». Немцы продолжали оставаться самым грамотным народом среди населения края. Так, в Сырдарьинской области на 100 человек грамотными среди немцев были городские жители — мужчины — 79,9 %, женщины — 67,6 %, всего — 75,1 %; сельские жители — мужчины 56,9 %, женщины — 53,6 %, всего — 55,2 %. В целом по области грамотными среди немцев были 60,2 %: русских — 56,2 %, украинцев — 35,1 %, узбеков — 10,6 %, киргизов и казахов — 2,3 %.²⁸

В 1920 г. в Туркестане была проведена в два этапа земельно-водная реформа (проект водного закона выработан был еще при К.П. фон Кауфмане). Главной целью реформы ставилась ликвидация «байско-кулацкого землепользования и передача земли бедняцко-средняцким слоям населения», ликвидация самовольческих поселений, препятствующих «свободному земле- и водопользованию», прогону скота и т. д. В результате ряд старых переселенческих поселений были расформированы или перенесены на другое место. Были расселены жители немецкого села Алексеевка, перенесен на новое место поселок Иоганнесдорф. Переселение проходило не всегда спокойно, вызывало определенное недовольство и сопротивление. Численность немцев в Туркестане за эти годы продолжает сокращаться. В общей сложности к 1920 г. в Туркестане проживало около 7500 немцев, в том числе в Сырдарьинской обл. — 6103 человека, в Ташкентском уезде — 3723 — 0,6 % от общей численности населения, в Ташкенте — 1447 человек, в Ауле-Атинском уезде — 2268 человек — 1,0 % от общей численности населения уезда. (Этот уезд имел самую высокую плотность и компактность проживания немцев в крае, на короткое время в нем была создана единственная на всю территорию национальная немецкая, но в официальных переписных документах того периода она названа «голландская» Николайпольская волость. Вскоре переименована в Ленинаполь, позднее вошла в состав территории Киргизской ССР, включала 5 селений, в ней проживало 1020 немцев, что составляло 89,1 % всех жителей волости.) В Туркменской (бывшей Закаспийской) обл. было учтено 659

²⁸ ЦГА РУз. Ф. 86. Оп. 1. Д. 2446. Л. 7; Кригер В. Рейн. Волга. Иртыш... С. 84 — 85.

человек (0,2 % населения), численность немцев в ней сократилась на 58 %. Край покидают немцы, не принявшие новый режим: военные, администраторы, служащие, предприниматели, часть интеллигенции. Отток немцев — городских жителей — был особенно значителен, в том числе и в сельские районы края.²⁹

В то же время, перекрывая массовый отток населения, в Туркестан хлынула новая волна мигрантов, поставщиком которых стали глубочайший общественно-политический кризис страны и небывалый голод. Не менее 20 % выехавших из Поволжья, Украины, Центральных районов России умирали в пути, около 25 % умирали по прибытии. «В почтовых, товарных вагонах, на крышах пассажирских поездов, самотеком, караванами бричек и телег, семьями и в одиночку двигались люди в «благодатный край», за которым закрепилось прочное понятие «Ташкент — город хлебный». Среди них были и российские немцы. Это движение, особенно усилившееся с мая 1921 г., нельзя было как-то учесть и организовать. Численность немцев в регионе возрастает, прежде всего в сельских районах. Руководитель Центрального бюро немецких секций И.И. Немец докладывал 12.12.1921 г.: «немецкое население Туркеспублики <...> состоит, главным образом, из крестьян в количестве 20000 населения. Большая часть населения находится в Ауле-Атинском уезде Горного района и расположена в 7 селах. Жителей там 9000 человек. В Ташкентском уезде находится в 3-х деревнях 6000 населения, в Ташкенте — 2000 населения. В Мервском уезде в 2-х деревнях — 3000 населения. Кроме того, надо заметить еще около 2000 бывших военнопленных и беженцев из Поволжья — около 5000».³⁰

Попытки закрыть для переселения Туркестан в 1921 — 1923 гг. и решение НКВД об эвакуации 50 тысяч голодающих из Туркестана результатов не принесли. Только из Поволжья в эти годы выехало более 220 тыс. человек. Работоспособные из них составляли лишь 1/3 часть. В «Обзоре положения немецкого населения в Туркеспублике в 1922 г.» И.И. Немца отмечалось возрастание в три раза числа беженцев: общее количество немцев в крае составляло «около 35 тысяч, из них 15 тысяч прибыли из голодающего Поволжья. Около 20 тысяч живущих в Туркестане немцев составляли в основном сельские жители». Эти данные о численности немецкого населения края, безусловно, не точны, но в целом отражали достаточно ярко динамику происходящих реалий того времени. С

²⁹ ЦГА РУз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 93. Л. 1. Кригер В. Рейн. Волга. Иртыш... С. 83 — 85.

³⁰ ЦГА РУз. Ф. 86. Оп. 1. Д. 3332. Л. 18; Ф. 36. Оп. 1. Д. 19. Л. 191.

целью распределения прибывшего немецкого населения в крае начали создаваться новые поселки, в основном в долине р. Чу. Здесь, в Пишпекском уезде, к 1925 г. были освоены поселения: Бергталь (Рот-Фронт), Грюнфельд (им. Тельмана), к 1927 г. — Люксембург, Фриденфельд (1 Мая), Эбенфельд; селились немцы и в русских поселках: Водное, Богословское; продолжалось и внутрирегиональное переселение немцев-крестьян из старых колоний. Немцы пополняли также число рабочих на предприятиях, в шахтах, на угольных коях «Кызыл-Кия».³¹ III Чрезвычайная Сессия ЦИК ТАСССР 15.09.1924 г. приняла закон о национально-государственном размежевании края, за которым уже закрепилось название Средняя Азия. На территории бывшего Туркестана, Бухарского эмирата и Хивинского ханства были образованы Туркменская и Узбекская советские социалистические республики, позднее — Таджикская (5.12.1929 г.) и Киргизская (5.12.1936 г.) социалистические республики, часть земель отошла к Казахстану. Основные районы компактного проживания немцев-крестьян отошли к территории Киргизской ССР и Казахской ССР. В Узбекистане и Туркменистане немцы стали преимущественно городским этносом, составляющим прослойку высококвалифицированных рабочих, строителей, разработчиков угольных и рудных копий, обслуживающего персонала, служащих, интеллигенции. По данным переписи 1926 г., на территории Средней Азии (не включавшей южные районы Казахстана) проживало более 10000 немцев: в Киргизии — 4291 человек (0,4 % населения), в т.ч. во Фрунзе — 377 человек (1 %), в Таласском кантоне — 2989, в основном в Дмитриевской волости, где немцы составляли 35,1 %. Языком своей национальности назвали немецкий язык 98,9 % немцев волости, грамотность среди мужчин составляла 62,2 %, у женщин — 59,7 %; в Таджикистане учтено 60 немцев (0,01 % населения); в Туркменистане — 1276 немцев (0,13 % населения), в том числе в Ашхабаде — 296 человек (0,7 %), в Мервском округе — 740; в Узбекистане — 4646 немцев (0,1 % населения), в том числе в Ташкенте — 2160 (0,4 %), в Самаркандской обл. — 703 человека (в Самарканде — 447); в Ферганской обл. — 175, в Кашка-Дарьинской обл. — 39, в Сурхандарьинской обл. — 79, в Ак-Мечети — 172 человека.³² Доля немцев края в общей численности немцев страны возросла — 0,87 %, среди немцев оставался высоким показатель грамотного населения, в Ак-Мечетской колонии, где жители говорили на немецком и узбекском языках и почти не знали русского, грамотными были

³¹ См.: Кригер В. Рейн. Волга. Иртыш... С. 95. История Киргизской ССР. Т. 1. Кн. 1. Фрунзе. 1968. С. 246.

³² Кригер В. Рейн. Волга. Иртыш... С. 100 — 101.

90,3 %. Все большее распространение получали смешанные браки, уровень ассимиляции немцев края был выше его показателя по стране, возросла и доля немцев среди населения Средней Азии — 0,18 %.

Во второй половине 30-х годов XX в. во внутренней политике страны происходит переход от репрессий по классовому принципу к преследованию ряда национальных и этнических групп, якобы нелояльных по отношению к государственному строю (поляки, немцы, крымские татары, корейцы...). Годы «сплошной коллективизации», «массовых репрессий», «разоблачительных кампаний», «этнических чисток» жестко коснулись немцев, проживающих в крае. Была ликвидирована Ак-Мечетская немецкая колония (1935 г.), в регионе закрыты школы с немецким языком обучения, пресечена деятельность религиозных объединений, закрыты кирхи и молитвенные дома, за пределы края высланы священнослужители, в селе Мелек Джизакской области находился СредазГУЛаг. Можно сказать, что ни одну семью немецкой интеллигенции не обошли репрессии 1934 — 1937 гг. Изощренные разоблачения «диверсионной», «подрывной», «шпионской», «контрреволюционной» и прочей «вредительской» деятельности «социально чуждых элементов» уничтожили в те годы многие тысячи немцев врачей, учителей, инженеров, рабочих, ученых, творческих работников, затронули и село. В соответствии с директивой Главного управления Государственной безопасности НКВД № 26 от 2.04.1937 г. «О возрастающей опасности германских разведывательных органов и следственных учреждений фашистской партии на территории СССР» и прилагающейся к ней «Ориентировке о деятельности германских фашистов в СССР» органами НКВД на местах была проведена так называемая «немецкая операция» по отношению к немцам германско-подданным, «представляющих опасность для построения социализма». Тенденции развития немецкого этноса на территории Средней Азии, как и в целом по стране, были неблагоприятны и вызвали значительные потери его численности. Но те же процессы повсюду в стране привели к появлению на территории края новой группы немцев, репрессированных в других районах страны. Так, «раскулачивание» 1930 — 1931 гг. унесло с центральных районов страны на Восток 1,8 млн. человек, среди них были и немцы. На 1938 год в «кулацкой ссылке» было трудпоселенцев: в Узбекистане — 14307 человек (создано 13 новых поселков); в Киргизии — 11845 человек (26 новых поселков); в Таджикистане — 9052 человека (17 новых поселков).³³

³³ Земков В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930 — 1960. М. 2005. С. 33.

Новые миграционные потоки в Среднюю Азию выталкивал и разразившийся отчаянно страшный голод 1932 — 1933 гг. в центральных районах России, Украины и особенно Поволжья, где, по подсчетам А.А. Германа, жертвами его «стали свыше 55 тыс. человек», и который, как свидетельствует историк В. Кондрашев, наступил не вследствие засухи и недорода (хотя это частично имело место в 1932 г.) и не из-за сплошной коллективизации (хотя она существенно ухудшила материальное положение крестьянства и привела к упадку сельского хозяйства), а в результате принудительных хлебозаготовок, особенно жесточайших в Поволжье. В своей работе «Голод 1932 — 1933 годов: трагедия российской деревни» (М. 2008 г.) он отмечает: «Это был первый в истории поволжской деревни искусственно организованный голод», когда хлеб, который «у крестьян был», отнимали «любой ценой». Автор приводит также суждение известного американского историка-советолога Роберта Конквеста о том, что на Волге голод разразился «в районах частично населенных русскими и украинцами, но больше всего поражены были им немецкие поселения», и подчеркивает его вывод о том, что Автономная республика Немцев Поволжья, «видимо, и была главной мишенью террора голодом».³⁴ О сильном голоде и высокой смертности в республике сообщала Сталину в специальном письме и побывавшая там, вероятно в 1933 г., бригада писателей во главе с Б.А. Пильняком (сын немецкого колониста ветеринарного врача Вогау, председатель (до 1929 г.) Всероссийского Союза писателей, расстрелян в 1938 г.). Миграционные потоки вызывала и форсированная правительством политика индустриализации края, развития его промышленной сферы, расширения спектра использования природных богатств.

Приход к власти в Германии фашистского режима послужил основанием не только к особому размаху репрессий, закрытию всех немецких национально-территориальных образований (сельсоветов, районов), переводу всех школ с преподаванием на родном языке на русский язык, но и для частичной депортации немцев из западных пограничных районов. В апреле 1935 г. первыми депортированы в Сибирь из пограничной полосы Ленинградской обл. и Карелии финны (позднее в 1942 г. около 700 семей, более 3-х тысяч человек, финнов-ингерманландцев с советско-финской границы были вывезены в Узбекистан). В это же

³⁴ Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. 1996. С. 17 — 18; Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон. 1988. С. 409, 410.

время из пограничных районов Волыни депортированы 8300 немецких хозяйств. В мае — июне 1935 г. выселены «антисоветские элементы» из Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Западной Украины, Западной Белоруссии. Были вывезены в 1936 г. из Украины 15 тысяч семейств немцев и поляков, поскольку они, якобы, могли «представлять угрозу безопасности страны», часть из них депортированы в Среднюю Азию. Край стал в эти годы притягательным местом также для тех людей, которые стремились просто затеряться, спрятаться, спастись от репрессий, грозящих им в других районах страны. Миграционный баланс по всей Средней Азии к 1939 г. был положительным. По официальным, но не совсем точным данным, численность немцев края в 1939 г. возросла по отношению к 1926 г. в 2,7 раза (27585 человек), прирост составил: в Киргизии — 173,65 % (11781 человек); в Туркмении — 164,9 % (3346 человек); в Узбекистане — 124 % (10434 человека); в Таджикистане — 2224 человека. Возросла доля немецкого населения края в общей численности немцев страны — 1,22 %.³⁵

Военные сороковые годы коренным образом изменили образ жизни немцев России, огульно обвиняемых в наличии среди них десятков тысяч диверсантов и шпионов. Но, как свидетельствуют исследования, в частности, видного голландского историка Л.Де Йонга: «...нет данных, которые показывали бы, что местные немцы, будь то на Украине или на Волге, совершали нападения в тылу русских армий или же занимались тайной подготовкой подобных ударов. <...> Среди обнародованных немецких архивных документов пока нет ни одного, который позволял бы сделать вывод о том, что между третьим рейхом и немцами, проживавшими на Днестре, у Черного моря, на Дону или в Поволжье, существовали какие-либо заговорщические связи».³⁶

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 г. было предоставлено военным властям право выселять с территорий, где объявлено военное положение, лиц, признанных «социально опасными элементами». Особенно трагичный характер депортация немцев приобрела после Указа Президиума ВС СССР от 28.08.1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Немецкое население Средней Азии не было депортировано. Но в соответствии с распоряжением СНК СССР № 57 от 30.10.1941 г. «О расселении лиц

³⁵ Немцы России. Энциклопедия. Т. 1. М. 1999. С. 685.

³⁶ Земков В.Н. Спецпоселенцы... С. 94; Де Йонг Л. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М. 1958. С. 359; Пономаренко Р. «Советские немцы» и другие фольксдойче в войсках СС. М. 2014. С. 162.

немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные» и соответствующих республиканских распоряжений (в частности, Постановления № 196 от 6.01.1942 г. «О переселении лиц немецкой национальности в УзССР из Ташкента и областных центров») немцы и члены их семей были выселены из городов в отдаленные районы регионов, в необжитые, безводные или наоборот в заболоченные районы речных пойм, в места промышленных разработок полезных ископаемых (урановая, цинковая и другие руды, уголь, газ, нефть), где не было ни жилья, ни питания, ни школ для детей. Немцы — сельские жители находились в режиме спецпоселенцев и обязаны были отбывать трудовую повинность на местах. В одночасье в регионе изменилась география расселения немцев, деформировалась их социально-профессиональная структура, резко снизился образовательный уровень. Самый грамотный в регионе народ был отброшен к безграмотному и малограмотному положению. В соответствии с постановлением правительства от 10.01.1942 г. о мобилизации в рабочие колонны мужского немецкого населения с 17 до 55 лет немцы-мужчины края в 1942 — 1943 гг. были мобилизованы и отправлены на Урал, в Сибирь, на Север и другие места лишения свободы. Часть мужчин-немцев края были «мобилизованы в первую рабочую колонну», которая ездил по всему Турксибу — ремонтировала железную дорогу (вторая колонна состояла из бывших заключенных). Немцы мобилизованные были распределены также по промышленным объектам, на угольные шахты Ангрена (АнгренЛаг, 1942 — 1946 гг.), на строительство электростанций, разработку угольных копий, руд, цветных металлов, на Мубарекский нефтяной промысел Бухарской области, Чирчикский химкомбинат, Красноармейские рудники, строительство Большого Чуйского канала, железной дороги Кант — Токмак — Быстровка и другие объекты. Первоначально местное население относилось к спецпереселенцам недоброжелательно, как к «врагам народа», но скоро, убедившись в их нравственных качествах, трудолюбии и толерантности, за редким исключением, проявляло дружелюбие и сочувствие.

По сведениям НКВД, осенью 1941 г. в Средней Азии находились (по неполным данным) 20669 немцев: в Киргизии — 8426, в Таджикистане — 1321, в Туркменистане — 1919, в Узбекистане — 8 — 9 тыс. человек. На 1.01.1949 г. в Средней Азии были учтены 42177 немцев-спецпоселенцев и членов их семей (в том числе жен русской и других национальностей, как вышедших «замуж за лицо немецкой национальности») (форма рабовладельческого права «за раба идущая

работой становится»), доля их в общей численности немцев страны возросла более чем в 3 раза, составив 4 %: в Киргизии — 14954 немца (1,4 % от общей численности немцев страны и 36 % от численности немцев Средней Азии), в Таджикистане — 18184 немца (1,75 и 44 %), в Туркменистане — 2.521 немец (0,24 и 6 %), в Узбекистане — 6518 немцев (0,64 и 14 %). Доля немцев в общей численности населения Средней Азии составляла 0,39 % (в Киргизии — 0,95 % населения республики, в Таджикистане — 1,2 %, в Туркменистане — 0,2 %, в Узбекистане — 0,15 %). Среди спецпоселенцев региона различных национальностей (чеченцы, карачаевцы, ингуши, поляки, балкары и др.) и различных категорий обвинения немцы составляли 9,5 %, в Киргизии — 11,6 %, в Таджикистане — 60 %, в Туркменистане — 66 %, в Узбекистане — почти 4 %.³⁷

Народ был поставлен вне закона, подвержен физическому уничтожению и моральному унижению. С 1949 г. термин спецпереселенец вышел из употребления и применялся термин спецпоселенец, отправка на спецпоселение проходила во все годы войны и фактически не прекращалась до начала 1953 г. Так, в Таджикистан после войны были выселены 850 немцев из Литвы и распределена основная часть немцев — репатриантов, направленных в Среднюю Азию. На 1.01.1945 г. в республике было учтено всего 5595 спецпоселенцев, на 1.01.1953 г. — 46392 спецпоселенца, среди них немцев — 28164 человека. Немцы-репатрианты среди них составляли 18023 человека (8,7 % общей численности репатриантов страны и почти 92 % из числа немцев-репатриантов, направленных в Среднюю Азию). В Узбекистане — 1185 (0,56 и 6 %), в Туркменистане — 381 (0,17 и 1,9 %), в Киргизии — 36 репатриантов. «Репатриированные немцы считались наиболее неблагонадежными в политическом отношении». Немцы были в незначительном количестве и в составе лиц других категорий обвинения («бывшие кулаки», «фольксдойче», «власовцы», «немецкие пособники»). Демобилизованные (комиссованные) из трудовой армии также становились на учет спецпоселений. С конца 1945 по 1951 гг. статус спецпоселенца придан всем немцам по месту их жительства, в том числе и мобилизованным, закрепленным за предприятиями в качестве постоянных кадров промышленности. Для обеспечения режима и надзора за всеми спецпоселенцами была создана система дислокаций спецкомендатур: в Киргизии — 106, в Таджикистане — 50, в Туркменистане — 6, в Узбекистане — 186.³⁸

³⁷ Земков В.Н. Спецпоселенцы... С. 164 — 166.

³⁸ Земков В.Н. Спецпоселенцы... С. 187; Немцы России. Т. III. С. 264 — 269.

С конца 1940-х годов происходит нелегкий процесс бытового и хозяйственного обустройства спецпоселенцев. Материально-бытовые условия жизни большинства всех спецпоселенцев были более чем трудными. И вновь озвучены признания историков: «Немцы лучше других депортированных народов сумели адаптироваться в местах высылки. Среди них было немало квалифицированных рабочих, инженеров, техников, агрономов, врачей и других специалистов. <...> Немцы также быстрее и лучше других высланных народов освоили систему ведения сельского хозяйства в новых местах проживания. <...> Предприимчивость и трудолюбие немцев быстро превращали их в наиболее цивилизованный слой в хозяйственной жизни регионов, куда они были выселены, особенно Казахстана и Средней Азии». Однако на спецпоселении в тяжелом положении находилась система народного образования. Так, в феврале 1946 г. в Киргизии было 21174 ребенка школьного возраста, из них 16149 детей не посещали школу. Следует отметить, однако, что среди депортированных народов удельный вес взрослого неграмотного населения немцев был самым низким — 11,1 % (у курдов — 70,6 %, ингушей — 65 %, крымских татар — 23,6 %, крымских армян — 13,2 %).³⁹

В конце Второй мировой войны в край прибыла большая партия немцев-военнопленных. Труд военнопленных использовался на разработке угольных месторождений, на строительстве дорог, промышленных объектов, хозяйственных комплексов, общественных зданий (в частности театра оперы и балета имени Алишера Навои в Ташкенте — построен в 1940 — 1947 гг. по проекту архитектора А.В. Щусева). Испытания, выпавшие на долю этих людей, были нелегки. В память о немцах-военнопленных, нашедших вечный покой на узбекистанской земле, пятьдесят лет спустя, в 1996 г. установлен с участием многих организаций как со стороны Германии, так и со стороны Узбекистана мемориальный комплекс. В самом дальнем углу Яккасарайского Ташкентского городского узбекского кладбища очерчена невысокой оградой небольшая прямоугольная площадка земли. Здесь, в дальнем углу кладбища, в общей могиле хоронили умерших в Ташкенте военнопленных. Ни креста, ни столбика нельзя было поставить на их могилах. И тогда служитель кладбища (народная молва гласит, что это был Джалилов Фазыл) посадил на месте общей могилы саженец ветвистого дерева. Своей роскошной кроной оно оберегало покой погребенных и со временем стало указующим знаком. На противоположной стороне от входа на эту пло-

³⁹ Земков В.Н. Спецпоселенцы... С. 120, 131.

щадку вертикально поставлена плита из темного мрамора. Надпись на ней на немецком, русском и узбекском языках гласит: «Здесь покоятся военнопленные лагеря № 386» («Hier ruhen Kriegsgefangene des Lagers NR 386»). Перед плитой на земле, укрывшей прах погребенных, 19 небольших, чуть побольше развернутых страниц журнала, плиточек с именами и датами жизни умерших в лагере немецких солдат. Самым юным среди них едва исполнилось 20 лет (Leopold Eider, 1926 — 15.08.46; Edgar Bülдер, 1925 — 19.09.46; Herberd Kuhlen, 1924 — 05.10.46; Michal Kraus, 1924 — 23.08.48), самым старшим — чуть больше сорока (Iosef Boimtl, 1902 — 05.05.47; Iosef Mechalke, 1902 — 14.10.46; Wenzel Bergmann, 1904 — 12.04.47; Paul Schnower, 1907 — 20.03.48). В последнее воскресенье ноября к мемориальному комплексу приходят российские немцы столичного города, служащие посольства Германии в Узбекистане, священнослужители евангелическо-лютеранской и католической церковью почтить память погибших немецких военнопленных солдат. Высокая традиция сближает людей и делает их чуточку добрее, заставляет задуматься о великой цене мира и долге каждого сделать все, чтобы сохранить его на Земле. Есть памятное место и в Коканде, где на отдельном участке кладбища, вблизи бывшего лазарета для военнопленных, захоронены около 350 солдат и младших офицеров, все могилы покрыты каменными плитами, на большей части из них датой смерти указан 1943 год.

Основная часть немцев-спецпоселенцев Средней Азии находились на территории Киргизии (Фрунзенская, Таласская обл.) и Таджикистана (в северо-восточных районах, Ленинабадская обл.), они составляли преимущественную часть среди спецпоселенцев Таджикистана и Туркменистана, а также в некоторых других районах Средней Азии, где в годы войны начинает быстрыми темпами развиваться горнодобывающая, рудная, газовая, нефтяная промышленность, создаются ирригационные сооружения, строятся дороги. В соответствии с правительственным курсом «более эффективного использования спецконтингента, как рабочей силы в народном хозяйстве» в конце 1940-х — начале 1950-х годов на территорию края для работы на урановых рудниках Майли-Сая (ныне поселок Майлуу-Суу), Табошара и Янгиабада, в угольных шахтах, на строительстве Аламединского каскада и других гидроэлектростанций, горного комбината в Ак-Тюзе, химических и промышленных объектов, в Голодную степь, Вахшкую и Варзобскую долины, Марыйскую область и в другие районы «перебрасываются» эшелоны немецких семей с Урала, Сибири, Северного Казахстана. Так, после за-

вершения в 1952 г. в Челябинской обл. на Урале строительства под руководством академика С.П. Королева подземного секретного объекта особого назначения — ядерного полигона «Маяк», его строители немцы-специалисты самой высокой квалификации вместе с женами, детьми и немудреным скарбом были вывезены в Голодную степь Узбекистана. В пути люди думали, что их везут на смерть, как свидетелей и участников стройки. В Голодной степи их руками будут возведены поселки, построены гидроэлектростанции и оросительные каналы, освоены новые земли. Среди них был и С.С. Функ, будущий руководитель такой грандиозной стройки, как «Сырдарьинская ГРЭС». По сверхсекретному распоряжению Л. Берии в «товарных вагонах с решетками на узких окнах» 16.12.1946 г. в узбекский город Андижан, в 56 километрах от которого находились урановые месторождения, из Красноярска были привезены немцы — трудармейцы, и началась урановая эпопея Майли-Сая, до 1956 г. бывшего засекреченным объектом «почтовым ящиком — 200» (в нем работали «урановые немцы: Гекман, Браун, Штроо, Шумахер, Мель, Вебер, Кайзер, Кайль, Купш, Фельк, Кем, Фридрих, Нейман, Шмидт, Штаймарк, Дейс и др., о которых с горечью расскажет в своей статье А. Фельде. «Контакт». 2003. № 35). Рабочие батальоны «перебрасывались» из одной республики в другую (в основном из Туркменистана и Таджикистана в Узбекистан и Киргизию). В Ташкентскую область в составе целого строительного отряда были перебазированы немцы трудармейцы из Красноводска. Направлены были в послевоенное время в Среднюю Азию также до 15 % из общей численности лиц (210600 человек) немцев-репатриантов. Численность немцев в регионе вновь начинает возрастать. На 1.01.1953 г. на учете состояло немцев⁴⁰:

	всего	местные	выселенные	репатрированные	мобилизованные	другие
1	2	3	4	5	6	7
Киргизская ССР	15752	14845	528	36	230	113
Фрунзенская обл.	9897	9412	343	7	49	
Ошская	630	243	151	29	174	23
Таласская	4225	4200	25	200		
Иссык-Кульская	114	94	9		7	4
Тянь-Шаньская	95	95				
Джалал-Абадская	801	801				
Таджикская ССР	28164	137	8323	18023		1681
Туркменская ССР	1568	6	1035	381		146

⁴⁰ Земков В.Н. Спецпоселенцы... С. 213 — 225.

1	2	3	4	5	6	7
Узбекская ССР	8366	4664	1451	1185	1 024	42
Ташкентская обл.	1996	522	368	944		162
Самаркандская	3690	3195	193	17		285
Ферганская	1382	279	389	216		502
Андижанская	236	123	52		59	2
Наманганская	85	20	64		1	
Кашка-Дарьинская	225	77	139	4		5
Сурхан-Дарьинская	144	138			6	
Хорезмская	61	53	3	1	4	
Кара-Калпакская АССР	90	90				

Численность немцев-спецпоселенцев в Средней Азии составила 53850 человек — 4,4 % немцев спецпоселенцев страны: в Киргизии — 1,3 % от общей численности немцев спецпоселенцев страны и 29,3 % от общей численности немцев спецпоселенцев региона; в Таджикистане — 2,3 и 52,2 %; в Туркменистане — 0,12 и 3 %; в Узбекистане (в основном в Ташкентской, Самаркандской и Ферганской областях) — 0,68 и 15,5 %. К категории немцев-спецпоселенцев «местные» в крае относились 19652 человека — 36,4 % общей численности немцев региона: большинство из них в Киргизии — 14845 (93,2 % среди немцев республики) и в Узбекистане — 4664 (55,8 %), в Таджикистане — 137 (0,7 %), в Туркменистане — 6 человек (0,4 %). Вторую по численности группу составляли «репатриированные немцы» — 19625 человек (36,3 % среди немцев Средней Азии): в основном в Таджикистане — 18023 немца (63,8 % среди немцев республики), в Узбекистане — 1185 (14,2 %), в Туркменистане — 381 (24,5 %), в Киргизии — 36 (0,3 %) человек. «Выселенных» среди немцев края было 11339 человек (21,3 %): в Таджикистане — 8323 (29,7 % среди немцев республики), Узбекистане — 1451 (17,3 %), в Туркменистане — 1035 (65,4 %), в Киргизии — 528 (4 %). «Мобилизованных», приписанных к промышленным предприятиям, среди немцев спецпоселенцев края — 3031 человек (почти 6 %): в Таджикистане — 1681 (5,8 % среди немцев республики), в Узбекистане — 1024 (12,3 %), в Киргизии — 230 (1,7 %), в Туркменистане — 146 (9,4 %) человек. Другие по категории обвинения спецпоселенцы немцы в регионе — 155 человек. Немцы-спецпоселенцы составляли 0,45 % общей численности населения Средней Азии (в Киргизии — 0,86 % населения республики, в Таджикистане — 1,7 %, в Туркменистане — 0,12 %, в Узбекистане — 0,12 %). В общей численности всех спецпоселенцев Средней Азии спецпоселенцы-немцы составляли 14,4 % (в Киргизии — 11 % спецпосе-

ленцев республики, в Таджикистане — 62,8 %, в Туркменистане — 78 %, в Узбекистане — 4,4 %).

Несмотря на принятые официально режимные установки, немало лиц немецкой национальности за высокий вклад в развитие экономики края были удостоены государственных наград, звания передовиков производства, премированы за успехи в трудовой деятельности. После снятия ограничений в правовом положении немцев (1955 и 1972 гг.) долгие годы немецкий народ возвращался к нормальной жизни. В Средней Азии большинство немецких поселков возродилось вновь, но этнический состав их населения стал многочисленным. Нормой для немецких семей стало дисперсное расселение, возросла доля смешанных браков, привычным стало ущемление прав, умолчание немецкого вопроса на официальном уровне и формирование отрицательного общественного мнения на бытовом уровне. Но именно здесь официальная политика претерпела сбой. На бытовом уровне в своей основе отношения между людьми не определялись их национальной принадлежностью и строились на позитивных, дружественных началах. Однако процесс потери немецкой ментальности, знания немецкого языка становился необратимым. Катастрофически упал образовательный уровень немецкого населения, дети спецпоселенцев испытывали разного рода ограничения от местных органов власти, как то: невыдача разрешения на выезд к месту учебы, установление лимита на прием в высшие учебные заведения, национальность отягощала судьбы детей (по данным на 1979 г., на 1000 человек населения Киргизии высшее образование имели: немцы — 34 человека, узбеки — 48, уйгуры — 40, киргизы — 90, русские — 114, евреи — 500).⁴¹ Академик Б.В. Раушенбах с горечью подчеркивал, что в отдельных селах Киргизии, где немцы живут компактно, на долю одного человека приходилось газет в 13 раз меньше, чем у киргизов, и художественной литературы — в 100 раз меньше, чем у киргизов. По поводу размыва духовных основ и утраты черт немецкой ментальности одними из первых забили тревогу священнослужители, повсеместно в местах проживания лиц немецкой национальности стали возрождаться старые и возникать новые религиозные общины, в которых шла служба на немецком или на немецком и русском языках. Уже в 1960-е годы воссоздаются немецкие общины верующих баптистов, адвентистов седьмого дня, евангельских христиан, меннонитов, лютеран.

⁴¹ Вольтер Г. Под небом Киргизии. Фрунзе. 1991. С. 106 — 112.

Стремление к восстановлению разорванных семейно-родственных связей, поиски более благоприятных климатических условий жизни, возможности трудовой занятости определили, при сохранении запрета на возвращение в регионы прежнего проживания, перемещение немцев из Сибири на юг и их возрастающую миграцию в республики края. В 1959 г. в Средней Азии уже проживало 94108 немцев — 5,8 % от общей численности немцев страны: в Киргизии — 39915 человек (1,93 % общей численности населения республики); в Таджикистане — 32582 (1,65 %); в Туркменистане — 3647 (0,24 %); в Узбекистане — 17958 (0,22 %). Особенно стремительным был приток лиц немецкой национальности в Киргизию: всего в 1970 г. — 89 тыс., в 1989 г. — 101 тыс. человек.⁴²

Пик миграционных потоков пришелся на 60-е — 70-е годы XX столетия. С 1959 по 1970 гг. численность немцев на территории края возросла в среднем почти вдвое и составила 165865 человек. Крупным единовременным притоком лиц немецкой национальности (как и представителей других национальностей) в Узбекистан стал приезд строителей со всех районов страны для восстановления Ташкента после землетрясения 1966 г. Однако в официальных статистических материалах до 1970 г. о немцах, как о совокупной национальности, проживающей в крае, еще не принято было указывать. В 1970-е годы темпы миграции замедляются, но численность немцев в Средней Азии продолжает возрастать, составив в 1979 г. 183988 человек (9,5 % общей численности немцев страны).⁴³ На рост численности немецкого населения в крае продолжал влиять прежде всего механический прирост, к тому же среди мигрантов преобладали лица мужского пола и был высок удельный вес лиц в биологически активном возрасте (16 — 49 лет), составляя 65,5 %. Соответственно возросла доля смешанных браков, составив в 1979 г. по отношению к 1959 г.:

15 %	12,3 %	— Киргизия,
13 %	9,4 %	— Таджикистан,
12,5 %	8,5 %	— Туркмения,
11 %	8,2 %	— Узбекистан.

Но на численность лиц немецкой национальности в регионе всегда влиял и их стабильно высокий естественный прирост. В Средней Азии был самый высокий показатель рождаемости среди немцев по стране — 70,7 % (РСФСР — 15 %, Казахстан — 44,9 %).

⁴² Немцы России. Т. 1... С. 686, 689.

⁴³ Немцы России. Т. 1... С. 687, 689.

В 1980-х годах в демографической структуре края начинает снижаться численность населения некоренных национальностей и отток его за пределы республик. Общий отрицательный баланс миграции населения в регионе уже включал в себя эмиграционные потоки немцев в Россию и незначительную миграцию в Германию. В 1989 г. в Средней Азии проживало 178223 немца — 8,7 % общего числа немецкого населения страны. Снижается и показатель численности лиц немецкой национальности в общей численности населения Средней Азии — 0,54 %. Высоким продолжал оставаться численный показатель немцев в Киргизии — 101309 человек (2,38 %), однако около 36,6 % немецкого населения республики не назвали немецкий язык языком своей национальности. В Таджикистане — 32671 немец (0,64 % населения); в Туркменистане — 4434 (0,13 %); в Узбекистане — 39809 (0,2 %).⁴⁴

Процессы миграции все ощутимее стали влиять на демографическую ситуацию края. В Узбекистане и Киргизии прирост немецкого населения прекратился, в Таджикистане и Туркменистане проходило его стремительное сокращение. Если, например, в 1939 г. немцы составляли от общей численности жителей Ташкента 0,8 %, то к 1989 г. — не более 0,2 %. В 1980-х — 1990-х годах эмиграция немцев начинает приобретать особенно интенсивный характер. В одних республиках (Таджикистан) появилась опасность для жизни, в других — новые законы о языке и гражданстве делали немцев неконкурентоспособными на местном рынке труда. Показатель выезда российских немцев из республик края (и Казахстана) был самым высоким из стран СНГ, в первую очередь эмиграция шла из мест массового традиционного проживания немцев. Масштабы, характер и причины эмиграции населения за пределы территории края, по данным Центра изучения общественного мнения, являлись общими для некоренных жителей всех республик Центральной Азии:

большая опасность религиозного экстремизма	48,5 %
взяточничество и коррупция	36,5 %
расслоение общества	23,8 %
преступность и наркомания	18,6 %
экономическая несостоятельность	11,4 %
неуверенность в будущем детей	10,5 %

⁴⁴ Немцы России. Т. 1... С. 686, 687, 689.

Больше 70 % немцев-эмигрантов из региона выезжали в Германию. Потомки немцев — первых поселенцев в Туркестан, мигрантов и сосланных в Среднюю Азию — уезжали из Центральной Азии, оставив на территории края обустроенные поселки и городские кварталы, окультуренные просторы полей и садов, построенные их руками школы и больницы, заводы и электростанции. Их вклад в экономическое и культурное развитие региона был достаточно «весомым». Имена многих немцев — жителей края в советский период его истории — исследователей, ученых, творческих работников, строителей крупнейших сооружений, руководителей предприятий, простых тружеников — были известны далеко за его пределами: А.К. Арендс, А.С. Аделунг, Е.К. Бетгер, Р.И. Бендингер, Г. Брим, Л.Л. Бурэ, Р. Ванке, К.Н. Венланд (Митрополит Иоанн), Г.А. Визель, А.И. Гагенгалъс, П.В. Ган, К.С. Ган, П.А. Ган, Л.В. Геншке, А. Герман, Т.Т. Герцен, В. Горн, А.Ф. Кейзер, Н.А. Кейзер, А.А. Келлер, С.М. Круковская, Р.Б. Лаут, О.К. Ланге, Ф.М. Мауэр, Н. Мелькер, М.В. Мюнц, Э.М. Ольденкоп, А. Реслер, Г.К. Ризенкампф, Т.А. Сикстель, К.В. Тревер, В.Г. Фере, В.В. Фронгейзер, С.С. Функ, Х.Х. Ценнер, Р.Р. Циммерман, С.Э. Циммерман, Ю.Е. Шенгер, А.Э. Шмидт, М.А. Шмидт, Ф.И. Шмидт, М.А. Шпенглер, Р.Р. Шредер, В.Л. Шульц, С.С. Шульц, Г.Н. Шуппе и многие, многие другие.

Эмиграционный поток значительно сокращается с 1996 г., но сокращается и доля немецкого населения в общей численности населения государств Центральной Азии. В отдельных официальных изданиях даже вновь проявляется игнорирование наличия немецкого населения исходя из его малочисленности, как этнической группы в общей структуре этнического состава населения региона.⁴⁵ К 2000 г. в Кыргызстане проживали 21471 немец (0,43 % населения), в Узбекистане — 7838 немцев (0,03 %), в Таджикистане и Туркмении немецкое население, как отмечалось в печати, «сократилось». По некоторым данным, на 2010 г. проживали: в Кыргызстане 8563 немца (0,16 % населения), в Таджикистане 446 немцев (0,01 %), в Туркменистане, по неточным данным, 2800 немцев (0,05 %), в Узбекистане (по данным периодической печати) немцев и членов их семей около 15000 человек (0,05 %). Выезд значительного числа некоренного, в том числе и немецкого населения, изменил социально-этническую структуру, оказал свое влияние на экономическую и социальную жизнь края, но история немецкого этноса на его территории в новых социально-политических условиях продолжает свое развитие.

⁴⁵ Узбекистан в цифрах. Статистический сборник. Ташкент. 2000. С. 170.

На древней земле Центральной Азии молодые независимые государства, развиваясь по пути демократического строительства, открывают новые страницы своей истории. Немецкое население, численно значительно сократившееся в «лихие девяностые» годы XX в., занимает на них достойное место. Его определяют не только законодательные гарантии государств по защите прав национальных меньшинств на уровне народа и личности, но и добрые традиции долга, трудолюбия, толерантности и взаимопонимания, присущие ментальности немецкого народа. В 1990-х годах на территории края началось общественное самоорганизационное движение немецкого населения, оформлявшееся как на уровне общественного объединения *Widergeburt* в Узбекистане и Совета немцев Кыргызской Республики в Кыргызстане, так и в пределах всей системы гражданского общества края (оформление этого движения в Таджикистане и Туркменистане с эмиграцией немецкого населения было прекращено). Работа немецких культурных центров, советов молодежи, клубов, творческих объединений ныне осуществляется при самой тесной и всесторонней поддержке и помощи правительств центрально-азиатских государств и правительства Германии. В республиках Центральной Азии действуют общины и приходы католического, евангелическо-лютеранского и других христианских протестантских вероучений. Деятельность общественных объединений направлена на укрепление позиций немецкого меньшинства в обществе, сохранение самоидентичности, языка немецкой этнической группы, развитие национально-культурных традиций и самобытности немецкого народа, сохранение и обогащение исторического и культурного наследия немцев края. Она ориентирована прежде всего на молодежь, а также на поддержку старшего поколения. Важной является также и деятельность по сохранению истории немецкого народа края, сохранению памяти о прошедших и нынешних поколениях немцев, памяти о выдающихся представителях народа, очень непростых судьбах людей, их честном служении на благо развития края и укрепления благосостояния его населения.

КАУФМАНЫ НА СЛУЖБЕ РОССИИ

XIX век — «век пара и электричества» для России был веком укрепления великодержавных позиций, «мучительного вползания» в капиталистическую систему отношений, кардинального изменения социальной структуры общества и ломки всех патриархальных устоев. Шестнадцатый Всероссийский император, царь Польский, Великий князь Финляндский Александр II Освободитель (17.04.1818 — 1.03.1881 гг.) изменил герб Российской империи, отменил крепостное право (19.02.1861 г.), был вынужден заново создавать управление крестьянами, новый суд, новую армию, земское и городское управления, ограничить цензуру, провести университетскую реформу. При нем учреждены госбанк, волостные ссудные кассы, началось бурное строительство железных дорог, почтовой и телеграфной сети, создавались большие фабрично-заводские районы, городские и сельские народные школы, впервые был произнесен термин «интеллигенция», невиданного «расцвета достигла русская литература» и... происходило «колоссальное обнищание народных масс», «падение благосостояния» населения, укреплялась коррупция, возникли угрозы революции и была объявлена «война с террором». При нем Россия героически освобождала балканских христиан от турецкого ига (в честь этого в центре Софии на народные деньги ему возведен памятник) и ... начала притеснения немецкого землячества в стране — было ликвидировано самоуправление немецких колоний, в общинных управлениях немецкий язык заменен русским, в 1874 г. введена всеобщая воинская повинность вопреки обещанию Екатерины II не применять ее для колонистов «во веки вечные», колонисты перестали быть особым сословием. При нем возвращен Уссурийский край (1858 г.), присоединены Кавказ (1864 г.), Казахстан (1865 г.), Туркестан (1853 — 1881 гг.), вновь вошла южная Бессарабия (1878 г.) и за смешную плату (7 млн. 200 тыс. долларов, бесследно исчезнувших) продана Аляска («зоопарк, заповедник для белых медведей», «Сьюардский сундук со льдом», как оказалось позднее (1896 г.), «набитый» золотом) — 1519000 кв. км со всеми крепостями и прочими постройками.⁴⁶

⁴⁶ Факсимиле банковского чека на имя российского посланника в Вашингтоне Эдуарда Стекля, которым правительство США расплатилось в 1867 г. с Россией за приобретение Аляски, передано в 2009 г. директору Государственного Эрмитажа Михаилу Борисовичу Пиотровскому.

Александр II балансировал между партиями либералов и консервативного дворянства, начал свое правление (19.02.1855 г.) с амнистии декабристам, петрашевцам, участникам польского восстания 1830 — 1831 гг., настойчиво стремился сохранить для России статус великой державы, провел реформы, всколыхнувшие Россию, изменившие «всю русскую жизнь», но вскоре отошел от них, стал апатичен, не принимал активного участия в управлении страной. «Царь-Освободитель, — отмечал Э. Радзинский, — боялся дворян, обидел помещиков, разочаровал крестьян», от него отвернулось «разбуженное реформами русское общество». В стране начала усиливаться роль Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии во главе с шефом жандармов Петром Алексеевичем Шуваловым (1827 — 1889 гг.), одна за другой сдавались либеральные и укреплялись консервативные позиции, почти все деятели государственных реформ получили отставку или назначение подальше от центра и двора, на окраины империи. Так и генерал-лейтенант Константин Петрович фон Кауфман получил назначение в Туркестан, которое он (и не только он) рассматривал скорее как почетную, но все-таки ссылку, чем как акт высочайшего доверия и уверенности именно в нем.⁴⁷

Историю рода Кауфманов записал виднейший востоковед края А.А. Семенов (1873 — 1958 гг.), служивший в Туркестане с 1901 г. Лично ему ее рассказал племянник генерал-лейтенанта Петр Михайлович фон Кауфман (1857 — 1926 гг.) — министр народного образования России (1906 — 1908 гг.).⁴⁸

Род К.П. фон Кауфмана происходил из Швабии. Семья родоначальника рода Освальда Кауфмана уже в 1444 г. была известна среди самых уважаемых семей Тироля. Эта историческая область в Центральной Европе, в восточной части Альп, в VI в. вошла в состав Баварского герцогства, которое в 1490 г. стало частью единого Австрийского государства. Это государство еще с 1439 г. находилось, как и другие государственные образования, королевства, герцогства и земли, составляющие в совокупности территорию Священной Римской империи (962 — 1806 гг., с 1512 по 1806 гг. — Священной Римской империи германской

⁴⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 58 — 58об.

⁴⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Л. 1 — 7об.; Семёнов А.А. Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К.П. фон Кауфман 1-й // Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го. М. Типография Т-ва И.Н. Кушнерёв и К. 1910. С. I — LXXXIV; Иллюстрированная неделя. 1873. № 50.

нации), под властью династии Габсбургов. «Перешел в Австрию» и род Кауфманов, он находился в ней с XV в. до XVII столетия. В Нижней Австрии (федеральная земля на северо-востоке страны) Кауфманы владели тремя поместьями: Яйтендорф, Рассинг, Айнод (Jeutendorf, Rassing, Ainod). Поместье Яйтендорф в конце XVII в. перешло в женскую линию. Рассинг и Айнод были переданы посторонним лицам. Все три поместья под теми же названиями существуют до сих пор.

Германский король, император Священной Римской империи, австрийский эрцгерцог Фридрих III (1415 — 1493 гг.) за воинскую отвагу и мужество в 1469 г. возвел сына Освальда Эбергарда в дворянское достоинство. Сын нового дворянина Иоанн продолжил военную карьеру отца. Особенно он отличился в боях при ликвидации осады Вены (1529 г.) турецкой армией под предводительством султана Сулеймана Великолепного (1494 — 1566 гг.). За заслуги, оказанные городу и империи, за проявленную при защите столицы доблесть Иоанн вместе со своими двумя братьями был возведен в 1530 г. императором Карлом V (1500 — 1558 гг.) в имперское рыцарское достоинство. Позднее Иоанн — владелец поместья Рассинг, будет назначен наместником (Pfleger) Нижней Австрии. Его брат — Ульрих, достигнув духовного сана епископа, в 1535 г. будет избран ректором Венского университета (Rector magnificus).

Тридцатилетняя война в Европе (1618 — 1648 гг.), начавшаяся с религиозного конфликта между протестантами и католиками, закончилась борьбой за власть. Она принесла независимость Нидерландам и Швейцарии, возросшее могущество Франции, Швеции и Голландии, влияние и силу курфюршеству Бранденбург-Пруссия, ослабление власти Габсбургов и огромные разрушения Германии, на территории которой возникло 300 маленьких государств. В ходе этой войны контрреформист император Священной Римской империи и эрцгерцог австрийский Фердинанд II (1578 — 1637 гг.) изгнал в 1629 г. из страны вместе с другими поместными дворянскими родами протестантской ориентации род Кауфманов. Старинный гольштинский род распался на несколько ветвей, обосновавшихся в Дании, Польше, Бранденбурге, а с XVIII в. и в России. Вестфальский мир (1648 г.), завершивший тридцатилетнюю войну, восстановил права изгнанных и гарантировал возвращение поместий. Но Балтус фон Кауфман, обосновавшийся после изгнания в Бранденбурге, на родину не вернулся. Внук Балтуса Фридрих-Людвиг фон Кауфман, родившийся в 1715 г., поступил на службу к последнему польскому королю, ориентировавшему свою политику на Россию, Станиславу Августу По-

нятовскому (Poniatowski, 1732 — 1798 гг.) и с 1772 г. стал поверенным короля в Берлине.

Его сыновья, Август и Федор (Теодор), решили сделать свою карьеру на службе русскому императору. Август фон Кауфман умер в чине генерал-майора будучи генерал-губернатором Малороссии в 1801 г. Федор фон Кауфман, участник походов генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского (1725 — 1796 гг.), герой русско-турецких войн 1768 и 1774 гг., прославился своей отвагой, воинской смекалкой, мужеством и пользовался большим уважением среди подчиненных. На смертном одре в 1793 г. в чине подполковника, будучи командиром легко-гренадерского батальона в армии князя Г.А. Потемкина (1739 — 1791 гг.), он принял православие и стал родоначальником православной ветви рода Кауфманов. Петра, своего малолетнего сына, Федор Фридрихович фон Кауфман оставил без всяких средств, о чем сильно сожалел в последние дни перед кончиной. Светлейший князь Г.А. Потемкин по дороге в Петербург заехал в полк, взял девятилетнего сироту в свой экипаж и привез в Северную Пальмиру. Проезжая мимо кадетского корпуса, он дал знак кучеру остановиться, «выволок мальчугана за шиворот из экипажа и, втокнув во двор кадетского корпуса, приказал учиться хорошо». По просьбе светлейшего князя императрица Екатерина II повелела зачислить Петра в сухопутный шляхетский кадетский корпус (учрежден 29.06.1731 г. усилиями феноменального генерал-фельдмаршала Христофора Антоновича Миниха). Покровителями и опекунами маленького кадета были назначены сенаторы Ромер и Чичерин, а также секретарь императрицы Храповицкий.⁴⁹

Петр Федорович фон Кауфман (1783 — 1849 гг.), генерал-майор, кавалер ордена Св.Георгия 4-й степени, после окончания 1-го кадетского корпуса начал службу в суворовских войсках, в «мушкетерском Мантейфеля полку». Он участвовал в антинаполеоновских войнах 1805 — 1807 гг., в Отечественной войне 1812 г., в заграничных походах русской армии в 1813 — 1814 гг., находился в составе оккупационных войск в Париже до 1818 г., участвовал в Турецкой войне 1828 — 1829 гг., командовал с 1829 г. Селенгинским пехотным, с 1837 г. Сибирским егерским полками, с 1837 г. пехотной бригадой. Был трижды ранен. За отличную службу, усердие и воинскую доблесть П.Ф. фон Кауфману был пожалован в Царстве Польском «майорат в 5000 золотых годового дохода». Он скончался в 1849 г., возвращаясь из Венгерского похода, предпринятого по

⁴⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 7 — 7об.

просьбе австрийского правительства для подавления Венгерской революции (1848 — 1849 гг.). Большая семья (4 сына и 4 дочери) осталась без кормильца.

Двое из сыновей — Александр (1816 — 1843 гг.) и Николай (1820 — 1851 гг.) — умерли в молодые годы. Младший сын, Михаил Петрович фон Кауфман (2.11.1821 г., село Теленешты Оргеевского уезда Бессарабской губернии — 7.01.1902 г., С.-Петербург, Александро-Невская лавра), генерал-адъютант, Георгиевский кавалер, гофмейстер Высочайшего двора, член Государственного Совета, стал известным государственным деятелем России. Его же старшему брату, Константину Петровичу фон Кауфману, выпало на долю стать «собирателем, управителем и строителем» земель Российской империи на ее далекой Туркестанской окраине.⁵⁰

Родился К.П. фон Кауфман в родовом поместье матери Майдана вблизи Ивангорода. На западе русской земли, на границе с Ливонией, царь Иван III заложил в 1492 г. крепость. За границей ее прозвали «грозой Нарвы», поскольку воздвигнут форпост был на правом берегу р. Нарвы, напротив эстонского города Нарва, в 159 км к западу от места будущего Санкт-Петербурга. Городок, выросший вокруг крепости, получил название Ивангород. Здесь в беспокойное время возвращения в Россию из похода во Францию 19.02.1818 г. у Петра Федоровича фон Кауфмана родился сын Константин. Юные годы мальчика прошли в тяжелой походной обстановке. Дисциплинированность, умение быстро ориентироваться в обстановке, решительность и находчивость в поисках выхода из сложившихся ситуаций воспитались в нем уже в ту пору. Его мать, Эмилия Ивановна, дочь тайного советника де Ватсон, заведовавшего одно время финансами Царства Польского, женщина образованная, мудрая высоко ценила «верность долгу, преданность императору и честное служение отечеству». Она мужественно несла на своих плечах все заботы о семье и воспитании детей во время бесконечных походов мужа. В семье прививались высокие понятия чести, долга, достоинства, трудолюбие и доброжелательность. Обостренное чувство ответственности было присуще Константину с малых лет. Воспитание и семейная традиция определяли будущую карьеру подростка.

С 1829 г. он посещал гимназию в Виннице, где располагалась штаб-квартира Селенгинского полка, которым командовал отец, затем 25.11.1832 г. четырнадцатилетний подросток становится кондуктором одного из лучших старинных учеб-

⁵⁰ Кауфманский сборник... С. 1 — 5.

ных заведений страны — Николаевского инженерного училища, созданного по велению Петра I в 1712 г. как «Инженерная школа» (с 1855 г. Николаевская инженерная академия). Два года спустя в училище был зачислен и младший брат, Михаил. Любящая мать поучала старшего сына в своих письмах: «*Suivez en tout l'exemple de votre vaillant pe're...* Следуй во всем примеру своего доблестного отца. Всегда помни, что жизнь твоя принадлежит Родине и государю. Исполняй свой долг до конца, что бы ни случилось. И готовься к борьбе, прежде всего, с собственными слабостями. Знай, что только тот, кто умеет управлять собою, может заставить повиноваться себе других». Пример отца, который в глазах сына был «образцом самоотверженного исполнения долга», и воспитанная матерью глубокая любовь к Родине заложили нравственные устои, которыми Константин руководствовался до конца дней.⁵¹

Учили в училище не хуже, а воспитывали гораздо лучше, чем в гражданских учебных заведениях. Руководство училища полагало, что «всякий человек только тогда будет полезным деятелем, когда он будет работать на своем поприще». Училище находилось в одной из царских резиденций в Михайловском (позднее — Инженерном) замке, в котором был свой музей и картинная галерея; в нем преподавали рисование, архитектуру, устраивали литературные и музыкальные вечера, ставили спектакли, издавали журнал «Инженерные записки». Ф.М. Достоевский, тоже выпускник училища, так описывал обычный день его воспитанников: «...с раннего утра до вечера мы в классах, едва успеваем следить за лекциями. <...> Нас посылают на фрунтовое учение, нам дают уроки фехтования, танцев, пения, ставят в караул, и в этом проходит все время». Училище было центром военно-инженерной мысли России. Но его воспитанники проявили себя не только на военном поприще. Здесь получили образование и работали: физиолог И.М. Сеченов, физик П.Н. Яблочков, композитор и ученый Ц.А. Кюи, писатели Ф.М. Достоевский, Д.В. Григорович, художник К. Трутовский, будущий Герой Советского Союза генерал инженерных войск Д.М. Карбышев и др. Из воспитанников училища выходили «цельные натуры, с твердым характером, горячим сердцем, ясным и честным взглядом на жизнь и службу».

Константин, способный юноша, проявлял прекрасные успехи в учебе, хорошее поведение и талант дружбы, умение быть постоянно готовым к бескорыст-

⁵¹ ТС. № 546. С. 151; Чижев Б.И. Генерал-адъютант, инженер-генерал Константин Петрович фон Кауфман 1818 — 1882 гг. Биографический очерк. Пг. 1915. С. 21.

ной помощи. В 18 лет «за отлично-усердную службу и хорошее поведение» был произведен в первый офицерский чин, в унтер-офицеры с «правом ношения серебряного темляка», и «по экзамену» 25.12.1836 г. оставлен «при Николаевском училище для продолжения курса наук» в нижних офицерских классах в чине инженера-прапорщика. С «переводом в верхний офицерский класс» произведен в подпоручики. После окончания «с отличными успехами полного курса наук в верхнем офицерском классе <...> произведен по экзамену в поручики» и 14.11.1838 г., как и его сокурсник — прославленный герой, «гений» Севастопольской обороны (13.09.1854 — 28.08.1855 гг.) и фактический глава всего военно-инженерного ведомства империи, «знаменитый военный инженер», «отпрыск захудалой ветви старинного тюрингского рода» Э.И. Тотлебен (1818 — 1884 гг.), был выпущен из Николаевского инженерного училища на действительную службу в чине поручика и направлен к «управляющему инспекторской частью инженерного корпуса».⁵²

Службу начал в Новогеоргиевской инженерной команде с 22.02.1839 г., позднее, с 20.10.1842 г. переведен в Брест-Литовскую инженерную команду. Затем 25-летний офицер, как один из лучших военных инженеров, был переведен в Грузинский инженерный корпус для строительства укреплений.

⁵² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 2.

КАВКАЗ

С 14.03.1843 г. начинается отсчет 14-летней службы К.П. фон Кауфмана на Кавказе, где он сразу «очутился в атмосфере непрерывных стычек, тяжелых походов и героических штурмов повисших под облаками горных аулов». На Кавказе шла «война упорная» и затяжная. Почти столетний процесс включения региона в состав Российской империи проходил сложно. Отдельные народы мирно вступали в состав империи. Исторически Грузия, Армения, Кабарда, Осетия и другие земли тянулись к России. Часть территории была завоевана с большими усилиями. Приходилось военной силой оказывать противодействие и посягательствам на территорию края со стороны сопредельных государств. «Кавказский край» с центром в Тифлисе обладал особой формой правления, подчиненного лично императору. В 1816 г. все российские войска в регионе были объединены в Кавказский корпус под командованием генерала Алексея Петровича Ермолова (1777 — 1861 гг.), который так определял основные задачи русской службы на Кавказе: «...не спускать грабежа, не оставлять без наказания ни одного набега, не делать второго шага раньше первого, создавать базы, плацдармы, строить укрепления, дороги».

К.П. фон Кауфман прибыл на Кавказ в разгар освободительной борьбы горцев против завоевания Чечни, Дагестана и Северо-Западного Кавказа. Горцы (или черкесы, как их называли в Европе) были ослаблены внутренними раздорами, междоусобной враждой, чумной эпидемией, но почти всех их сплотила горячая проповедь мюридизма и провозглашение Кази-муллой газавата против русских. Его яростные призывы разогревали желание свободолюбивых джигитов взяться за оружие. Неудачу Кази-мулла потерпел только в Аварии. Аварцы, знаменитые своим мастерством чеканки по металлу, филигранной резьбы по камню и дереву, не приняли проповедника мюридизма. Из мусульман, «известных усердием и преданностью правительству», и, прежде всего, «из лиц аварского племени» формировались особые части местных мусульман, участвующих в борьбе против мюридизма.

Кази-мулла погиб 17.10.1842 г., вскоре был убит и его преемник Газмат-бек. Во главе движения встал другой сподвижник Кази-муллы — Шамиль (1797 —

1871 г.). Он присвоил себе титул имама (1834 г.), устроил на почти отвесной скале свой оплот, названный им «Ахульго» («Прибежище», пал в 1839 г.) и продолжил проповедь мюридизма. Ставка Шамиля в ауле Дарго была разгромлена в результате военной (Даргинской «самой кровопролитной и абсолютно бессмысленной») экспедиции в мае-июле 1845 г. Трезво оценив ситуацию, наибы (наместники, заместители) Шамиля, сильные, смелые и принципиальные люди, сами пришли к князю А.И. Бяратинскому (1815 — 1879 гг.) — наместнику императора на Кавказе. Позднее, 26.08.1859 г. в Гунибе — самом большом ауле Кавказа сдался на милость победителя и Шамиль. (Остаток своей жизни он вместе со своим многочисленным гаремом безбедно прожил в Калуге, затем в Киеве, совершил хадж в Мекку и Медину, где и умер.) Героический штурм Гуниба и пленение Шамиля нанесли окончательный удар проповеди мюридизма и обусловили постепенное прекращение военных действий на Кавказе. Для К.П. фон Кауфмана служба на Кавказе была временем «суровой боевой выучки» и «моральных испытаний», первого знакомства с Востоком и усвоения опыта дипломатии, этики поведения в отношении с ним, изучения турецкого языка, познания основ ислама и прочтения Корана. Он командовал 3-м батальоном Дагестанского пехотного полка, Кавказским саперным батальоном, лейб-гвардии саперным батальоном, служил старшим адъютантом в штабе Отдельного Кавказского корпуса под руководством князя М.С. Воронцова (1782 — 1856 гг.), генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева-Карского (1794 — 1866 гг.) и генерала М.З. Аргунтинского-Долгорукова (1797 — 1855 гг.) — внука первого армянского патриарха Иосифа Аргунтинского.

«Воинская доблесть», «отличное мужество и храбрость в сражениях с неприятелем», «отлично-усердная служба», «отличие в делах», «отличие в перестрелке» — неизменные характеристики «Послужного списка» К.П. фон Кауфмана в эти годы, заполненного записями о присвоении ему очередных воинских званий, награждении орденами, денежными премиями, поощрениями «монаршей благодарностью» и знаком отличия за 15 лет службы (22.08.1856 г.).⁵³

Заботливое отношение к подчиненным, смелость и решительность в боевых операциях получали достойную оценку. Солдаты и младшие офицеры уважали К.П. фон Кауфмана не только за высокое чувство долга, храбрость, скорый, точный анализ ситуаций и ответственное принятие решений, но и за его деликатность, доброту и природный юмор, о котором свидетельствует, в частности,

⁵³ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 305. Л. 94 — 130.

рассказанный К.П. фон Кауфманом много лет спустя генералу Н.И. Гродикову (1843 — 1913 гг.) следующий эпизод из жизни того времени. Во время осады высокогорного аула Чох — самого древнего поселения на территории Кавказа, с трех сторон окруженного двухметровой ширины каменной стеной с бойницами и четырьмя башнями, выстроенными искусственным египетским инженером, К.П. фон Кауфман и его товарищ по училищу Э.И. Тотлебен заявили командующему осаждающего корпуса князю М.З. Аргутинскому-Долгорукову — типичному кавказскому воину старой закваски, о том, что необходимо «устроить эполементы для защиты от неприятельских обстрелов.

— А когда эти эполементы будут готовы? — спросил князь.

— Нынче ночью. Ночью эполементы были готовы. Рано утром князь отправился их осматривать.

— Так где же ваши сооружения?

— А вот здесь, Ваше сиятельство, — указывая на небольшие земляные насыпи по бокам батарей, ответил К.П. фон Кауфман.

— Милостивый государь, — воскликнул князь, — я шарлатанов не люблю. Боевой командир, незнакомый со специальным фортификационным термином, означающим земляное закрытие, преимущественно боковое, полагал, что эполементы должны представлять что-то необыкновенно внушительное. Однако вспышка уязвленного самолюбия на проявление задорной молодости и добродушного юмора не означала характеристики молодого офицера». ⁵⁴

Руководство армии высоко ценило его воинскую доблесть и доверяло его знаниям. Тридцати пяти лет от роду К.П. фон Кауфман в чине полковника имел к 1854 г. 6 орденов и золотую саблю с надписью «за храбрость». Но именно тогда, глядя на дымящиеся пепелища разоренных аулов, разрушенных мостов, покинутые виноградники и сады, Кауфман запишет: «Никогда не забывайте, что война — это зло большое, если оно подчас неизбежно, то только как средство к достижению более прочного мира. Следовательно, если можно достигнуть его другим путем, то всегда следует предпочесть этот другой путь к миру». ⁵⁵

В военных операциях на Кавказе К.П. фон Кауфман был дважды ранен: в 1845 г. в ходе Даргинской экспедиции «во время соединения с отрядом генерала Р.К. Фрейтага, состоя за адъютанта при начальнике Главного Штаба генерал-лей-

⁵⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 3.

⁵⁵ Кауфманский сборник... С. 34.

тенанта И.В. Гурко, был ранен ружейною неприятельскою пулею в шею с правой стороны близь уха 22 июля 1845» и в ночь с 23 на 24 июля 1849 г. при «заложении бреши батарей № 8 <...> ранен ружейною неприятельскою пулей в ступень левой ноги на вылет». Много лет спустя он говорил о том, что в вопросах чисто врачебных на европейских врачей можно не всегда положиться. «На Кавказе я был ранен в ногу. Рана загноилась, и врачи решили раненую ногу отнять. Услышал об этом решении один местный врач-мусульманин пришел ко мне и сказал, что берется вылечить мою раненую ногу. Я, разумеется, согласился испробовать лечение, тем более что отрезать ногу можно было и после этого опыта. И все же обреченная на смерть нога живет до сих пор и действует».⁵⁶

Служба на Кавказе для К.П. фон Кауфмана знаменательна еще и тем, что в это время он стал семейным человеком. Его супруга — Юлия Маврикиевна Берх (1820 — 1906 гг.) — одна из троих дочерей Маврикия Борисовича (Мориц Антон-Август) Берха (1776 — 1860 гг.), адмирала, главного командира Черноморского флота (1851 — 1855 гг.), и Марии Ниман. Берхи — старинный дворянский род, обосновавшийся в Лифляндии с XVI в., ветвь дома Кандель из Вестфалии. Вспоминая много лет спустя о своей семейной жизни во время службы на Кавказе, когда у них еще не было детей, К.П. фон Кауфман рассказывал о том, что они жили на 30 рублей в месяц и всегда имели вкусный и сытный обед, что исключительно, как он подчеркивал, зависело от личного умелого хозяйствования Юлии Маврикиевны, и добавлял, что у него сохранилась записная книжка по ведению их хозяйства в то время, в которой его супруга вела запись всех своих домашних расходов.⁵⁷ С 19.02.1855 г., после смерти царя Николая I, на престол вступил его сын император Александр II. Ему предстояло разрешить Восточный кризис и завершить новую Крымскую войну с Турцией. В Крымской или Восточной, первоначально — русско-турецкой, затем (после договора 15.03.1854 г. уже тотально пораженной Турции с Англией, Францией и с Сардинским королевством) русско-турецкой и ее союзниками войне (1853 — 1856 гг.) К.П. фон Кауфман исполнял обязанности начальника походного штаба главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта Николая Николаевича Муравьева (Карского) — наместника царя на Кавказе.

⁵⁶ Остроумов Н. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания. Ташкент. 1899. С. 28.

⁵⁷ Остроумов Н. Личные воспоминания ... С. 12, 80.

В сентябре 1854 г. 62-тысячный десант союзных европейских войск высадился в Крыму вблизи Евпатории, началась героическая 349-дневная оборона Севастополя. «На каменистом полуцетырехугольнике Крымского полуострова шла война героическая и несчастная», — вспоминали позднее на страницах газет ее участники (в ходе обороны погибло 128 тысяч защитников). Война с турками и ее союзниками стала проводиться с двух сторон: в Крыму и на Кавказе. На пути движения русских войск вглубь Турции со стороны Кавказа была расположена укрепленная англичанами крепость Карс. Турецкая армия, потерпев поражение в открытом поле, закрепилась в Карсе. Обороной крепости руководил английский генерал Вильямс. Генерал-адъютант Н.Н. Муравьев поручил своему начальнику штаба собрать сведения о численности турецких войск, сосредоточенных в крепости, ее оборонительных средствах, объеме провизии в ней. Пленные и перебежчики дать такие данные были не в состоянии. «В Карсе на стороне османов сражалось много кадровых военнослужащих — иностранцев, участников польской революции 1830 года и венгерской революции 1848 года». Большинство из них приняло ислам и изменило свои христианские имена, среди генералов — два паши — венгры Кмети и Кольман. Муширом — главнокомандующим был Вассиф-паша, действительным же распорядителем гарнизона был англичанин Виллиам-Фенвик Вильямс (1800 — 1883 гг.), «душа» обороны крепости.

К.П. фон Кауфман стал собирать сведения у жителей окрестных поселений, учитывая сколько и чего привозилось ими в последнее время в крепость. Кроме того, так как не хватало сил и средств установить полную блокаду города, он применил тактику «строгого наблюдения». Передвижные «летучие отряды» конницы перекрыли все дороги, перехватывали все транспортные обозы к Карсу. Город лишился подвоза продовольствия. К.П. фон Кауфман был уверен в полноте собранных им сведений и точности своего расчета. Он доложил командующему русской армии о неминуемом падении крепости в ноябре. Однако генерал-адъютант Н.Н. Муравьев, получив сведения о том, что в сторону Карса в помощь осажденным движется дополнительный отряд, и под давлением из Петербурга предпринял 17.09.1855 г. безуспешный, с большими потерями штурм крепости. К.П. фон Кауфман находился непосредственно в рядах штурмующих. «За отличное мужество и храбрость, оказанные в сражениях с неприятелем 17.09.1855 г. под Карсом», ему «всемилоостивейше пожалован орден Св. Владимира 3-й степени с мечами». После неудачного штурма многие предлагали командующему

снять осаду. Но, поверив расчетам своего начальника штаба, генерал-адъютант Н.Н. Муравьев не сделал этого. В последние дни октября пошел снег. Гарнизон крепости и жители города терпели большие лишения. Крепость капитулировала 12.11.1855 г., 108 дней «летучей осады» завершились победой. От 30-тысячного отряда турецкой армии осталась половина. К.П. фон Кауфман не только обеспечил падение крупнейшего бастиона Османской империи, но и выработал условия капитуляции крепости и всей Анатолийской армии, подписал условия сдачи Карса с комиссаром Вильямсом. «Взятие Карса предопределило уход союзных войск с Крыма и окончание Восточной войны». В ходе мирных переговоров в Париже «сухопутную крепость Карс обменяли на морскую крепость Севастополь, <...> обладание главной базой русского Черноморского флота обошлось англичанам и французам во много раз дороже, чем кавказским войскам покорение Карской крепости», — отмечает А.В. Шишов, к сожалению, не отмечая заслуги в этом К.П. фон Кауфмана.⁵⁸

Запись в «Послужном списке» К.П. фон Кауфмана гласит: «Главкомандующим Кавказской Армией поручено было ему (*К.П. фон Кауфману* — Н.К.) заключение капитуляции, сдача Карса английским комиссаром Вильямсом 15.12.1855 года. Сдача крепости Карса: гарнизон этой крепости, доведенный до крайности тщательной и неусыпной шестимесячной блокадой наших войск и лишенный всякой возможности как в подвозе жизненных припасов, так и в получении подкреплений войсками, убедился в невозможности держаться дальше и поэтому предложил сдаться на капитуляцию, и по определении условий сдачи 16 ноября в 2 часа пополудни крепость Карса с полным вооружением около 130 орудий, до 26 тысяч ружей штуцеров и карабинов, 12 полковых и 18 других частей знамен и со всем вообще казенным имуществом сдана нам. <...> Главкомандующий Турецкой Армией Мусир-Васих-паша со своим штабом, десять других пашей, состоящих при гарнизоне, <...> английской службы генерал-майор Вильямс со своим штабом <...> и гарнизон крепости со всеми обер-офицерами и штабом сдались нам военнопленными. Падением Карса уничтожена окончательно Турецкая Анатолийская армия, состоявшая при открытии кампании 1855 года из 30 тыс. человек, из этого числа около 2 тысяч человек взято в плен одновременно в течение кампании до сдачи крепости во время блокады, более

⁵⁸ Чижов Б.И. Биографический очерк. С. 13; Шишов А.В. Схватка за Кавказ XVI — XXI века. М. 2007. С. 350, 355 — 356.

8 тысяч человек погибло в бою с нашими, от холеры, голода и истощения — до 8 тыс. человек, <...> до 7 тыс. регулярных войск сдались военнопленными, около 2 тыс. человек оставлены турками больными в Карсе» «16 ноября 1855 г.».⁵⁹

Заслуга К.П. фон Кауфмана в победе над турецкой армией в ходе взятия Карса была очевидной и признанной как императорским двором, так и военным руководством империи. С 25.01.1856 г. К.П. фон Кауфман «назначен и.д. начальника штаба его императорского высочества генерал-инспектора по инженерной части» Николая Николаевича Романова (Старшего, 1831 — 1891 гг.) и 26 августа этого же года произведен в генерал-майоры.⁶⁰ Император также оценил молодого генерала и обратил на него внимание. Александр II ставит осенью 1856 г. вопрос о возведении укрепления в Керчи и, вынашивая идею создать «второй Кронштадт», принимает решение о строительстве крепости. С большими полномочиями от императора с целью разработки плана и организации работы по укреплению обороны Керченского пролива и речного берега Буга в Южном крае империи 13.11.1856 г. в Керчь был командирован К.П. фон Кауфман. Задание «исполнил с отличным успехом», разработал проект укрепления района Керчь и левого берега Буга, сделал ряд распоряжений и 9.01.1857 г. приступил к «реализации другого проекта». Руководство же делами по укреплению Керченского пролива он предложил поручить инженеру-полковнику А.А. Нату.

К.П. фон Кауфман был избран также членом Совета Императорской военной академии и Конференции Николаевской инженерной академии. В «Историческом очерке развития Главного инженерного училища, составленном при Николаевской военной академии» (СПб. 1869 г.) засвидетельствовано, что «много важных вопросов было поднято и получило благоприятное решение благодаря инициативе К.П. Кауфмана».

Выполнял он и другие монаршие задания. К.П. фон Кауфман разрабатывает предложения о преобразовании школ кантонистов в военные училища и в августе октябре 1857 г. получает «монаршее благоволение» за «отличное исполнение обязанностей, возложенных на Комитет», руководимый им и учрежденный «для составления предложений о преобразовании заведений военных кантонистов в училища военного ведомства». (Кантонисты — несовершеннолетние и малолетние сыновья нижних чинов, которые составляли своеобразное сословие лиц, со

⁵⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 305. Л. 107.

⁶⁰ ЦГА РУз. Ф.И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 4.

дня своего рождения принадлежащих к военному ведомству. Гарнизонные школы на 50 человек солдатских детей существовали при каждом полку.)

«Отличие по службе» — неизменная характеристика его деятельности. За «отличный во всех отношениях порядок и устройство, найденное государем императором при осмотре войск 1-го конно-пионерского дивизиона и 2-й саперной бригады», начальником штаба которой в то время он был, в апреле 1858 г. К.П. фон Кауфман зачислен «состоять в свите его величества», затем 22.08.1860 г. последовало очередное награждение «знаком отличия беспорочной службы за XX лет», с 30.08.1860 г. — назначение на должность директора канцелярии Военного министерства и управляющим делами Военного Совета с «правом решающего голоса». В трудное время преобразования организационной структуры армии К.П. фон Кауфман стал ближайшим сотрудником и помощником самого активного и последовательного реформатора того времени Д.А. Милютина (1816 — 1912 гг.) — военного министра, военного историка, генерал-фельдмаршала. Перед директором канцелярии Военного министерства стояли задачи по организации и устройству военных округов. До середины XIX в. управление войск всецело сосредотачивалось в министерстве. Реформа предусматривала сохранение за военным министерством общего направления и контроля, исполнительская же часть возлагалась на местные органы — округа. Создание округов шло с запада на восток, всего было создано 15 военных округов. Пограничные военные управления представляли собой и управления действующей армии на случай войны. К.П. фон Кауфману пришлось руководить созданием одного из первых — Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского — округов (1862) и последнего — Туркестанского (1867) военного округа. Было и много других важных правительственных поручений, выходивших за рамки служебных обязанностей. Среди них, например, командировки в Вильну и Варшаву, как доверенное лицо царя, для выработки совместно с главнокомандующим в Варшаве генералом Ф.Ф. Бергом мероприятий «по прекращению волнений в крае»; на Волгу по поводу вспыхнувших там пожаров; за границу на десять месяцев «с ученой целью» (с 7.09.1860 г.) и т. д. Он живо интересовался всеми инженерными новинками, организовал издание «Инженерного журнала». Ради науки «он смело садился в подводную лодку, которую еще никто не испытывал, ради прогресса человеческой мысли он хлопочет у военного министра об осуществлении проекта летательного аппарата, хотя это дело не входило в круг его прямых обязанностей. И

так он поддерживал всякую свежую мысль, в какой бы области науки они не проявлялась», — отмечал много лет спустя писатель, журналист и авиатор А.В. Эвальд, которому К.П. фон Кауфман помогал получить деньги для строительства аэростата.⁶¹ По высочайшему повелению он являлся членом многих комитетов и комиссий, принимал самое деятельное участие в обустройстве государственных крестьян, за что был удостоен особым знаком «отличия для ношения на левой стороне груди» (17.04.1863 г.). Как личность К.П. фон Кауфман в полной мере соответствовал тому типу «питерского немца», который превосходно описал в XIX в. «самый русский из русских писателей» Н.С. Лесков — «пунктуально верный, неутомимо трудолюбивый и безукоризненно честный». Все годы службы в должности директора канцелярии Военного министерства Кауфман пользовался искренними симпатиями подчиненных, доброжелательным отношением к нему Д.А. Милютина и монаршей милостью. Высочайше ему был пожалован участок земли в 3000 десятин, присвоен чин генерал-лейтенанта (19.04.1864 г.) и придворное звание генерал-адъютанта императорской особы (6.12.1864 г.). Ожидало его и новое почетное назначение.

⁶¹ Эвальд А.В. Воспоминания о К.П. фон Кауфмане // Исторический вестник. 1897. № 10. С. 184 — 199.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

По решению Версальского договора (сентябрь 1814 г. — июнь 1815 г.), завершившего войны европейских государств и России с Наполеоном, территория Варшавского герцогства была разделена между Россией, Пруссией и Австрией. Отошедшие к России районы вместе с литовскими областями составили так называемое «Царство Польское» (в 1918 г. ставшее основой Польского государства). Оно имело свое автономное устройство, свою армию, администрацию, денежную единицу и конституцию. Государство представляло собой конституционную монархию и управлялось сеймом. Русским наместником царя в Польше с августа 1826 г. был цесаревич Константин Павлович (1779 — 1831 гг.) — брат императора Александра I. В мае 1829 г. в Варшаве королем Польским короновался Николай I. Первыми о независимости для поляков заговорили декабристы. «По праву народности должна Россия даровать Польше независимое существование», — писал П.И. Пестель. Недовольство зависимым положением, зревшее во всех кругах польского общества, вылилось 17.11.1830 г. в попытке вооруженной толпы, руководимой офицерами польской армии, убить цесаревича Константина Павловича. Польский сейм объявил династию Романовых низложенной с польского престола и провозгласил польского князя Радзивилла главнокомандующим с диктаторскими полномочиями. В «Манифесте», выпущенном лидерами повстанцев, отмечалась надежда получить максимальную поддержку Запада и подчеркивалась как основная цель борьбы «не допустить до Европы дикие орды Севера, <...> защитить права европейских народов». При этом правительство, революционный сейм отказались рассматривать даже самые умеренные проекты аграрной реформы и улучшения положения крестьян. Польша «стала жертвой безрассудного шовинизма», отмечали историки. В годовщину Бородинского сражения (26.08.1831 г.) Варшава была взята русскими войсками штурмом, польская конституция отменена, национальные войска распущены, самостоятельность Царства Польского утрачена, оно разделено на губернии. Годы спустя либеральное правительство Александра II предоставило широкие амнистии ссыльным и эмигрантам, участникам восстания 1830 — 1831 гг. Вернулись на родину почти 9 тысяч бывших участников сопротивления

ния. Однако глухое польское оппозиционное движение не прекращалось, выдвигались требования не только отторжения польских территорий от Российской империи, но и ее исконных западных земель (Белоруссии и Правобережной Украины). Проводниками антирусских настроений являлись священнослужители, их проповеди разжигали фанатизм, монастыри превращались в штабы и оружейные склады. Уже с 1860 г. проходили националистические манифестации, совершались оскорбления и угрозы в адрес русских, надругательства над православными кладбищами. Во время посещения императором Александром II Варшавы осенью 1860 г. царская ложа была залита серной кислотой. Националистов в своих действиях подпитывала уверенность в том, что Англия, Франция и Австрия окажут им вооруженную помощь и поддержку. Сигналом к новому восстанию послужил рекрутский набор 10.01.1863 г., в списки которого были включены около 12 тысяч человек, в их числе и подозреваемые в принадлежности к патриотической антирусской организации. Уклонившиеся от набора молодые люди вышли из Варшавы и составили первые повстанческие отряды, которые совершали вооруженные нападения на русские гарнизоны в разных районах края. Решающую роль в подавлении нового вооруженного восстания к осени 1864 г. сыграл генерал-губернатор Северо-Западного (Привислинского) края М.Н. Муравьев (Виленский, 1796 — 1866 гг.). В историю с легкой подачи «Колокола» А.И. Герцена он незаслуженно вошел как «Муравьев-вешатель». Жесткую оценку его деятельности дают и ряд историков нашего времени (Века А.В. История России. Минск. М. 2003), отмечая, что он «ввел настоящий террор», «казнил 128 человек, выслал на поселение 12483 человека». М.Н. Муравьев стремился, используя все методы того времени, быстрее подавить вооруженное восстание, планомерно укрепить позиции православной церкви в крае и активно выступал против повсеместной полонизации белорусского и русского населения края. С 1863 по 1865 гг. при нем построено 98 новых и отреставрировано 126 заброшенных и опустевших православных храмов, 63 часовни. Он умело проводил политику русификации, стремился, хотя порою и жестко, к укреплению русской культуры и закреплению края за Россией. Обострившиеся отношения с некоторыми из министров и состояние здоровья обусловили то, что в марте 1865 г. генерал М.Н. Муравьев попросил отставку. Император принял ее и в знак своего расположения к генералу возвел его в графское достоинство. Губернатором Виленского, Ковенского, Гродненского, Минского генерал-губернаторства, главным

начальником Витебской, Могилевской губерний и командующим войсками Виленского военного округа с 17.04.1865 г. был назначен К.П. фон Кауфман.

Восстание в Северо-Западном крае к этому времени силой оружия было подавлено, но глухая вражда ко всему русскому продолжала сохраняться. От К.П. фон Кауфмана требовались решительные и обдуманые меры для восстановления нормального течения жизни. Д.А. Милютин, узнав о новом назначении своего помощника, 24.04.1865 г. напишет: «Не знаю, поздравить ли Вас, Константин Петрович, с новым назначением. Я рад за Северо-Западный край, рад за Россию, но не радуюсь за Вас, а за себя просто скорблю. Но делать нечего. Дай Бог только Вам здоровья и сил. Приношу Вам глубокую от всей души благодарность за те 4 года, которые мы прослужили вместе, за деятельное, смею сказать, дружеское содействие, которое я нашел в Вас в продолжение этих многотрудных годов. Поверьте, что и во всю жизнь не забуду помощи Вами оказанной и тех приятных отношений, в которых мы были все это время».⁶²

«Приятные отношения» К.П. фон Кауфмана и Д.А. Милютина сохранились до конца дней, лишь несколько в последние годы жизни приглушенные расстоянием и стремительно нарастающим грузом лет. В своей характеристике бывшего помощника Д.А. Милютин отмечал, что «человек он деловой, работающий, благонамеренный, <...> не будучи авантюристом», обладает «достаточной самостоятельностью и решительным характером», готов «проявлять инициативу, не дожидаясь одобрения сверху». В плане же отрицательных моментов указывал на то, что он «падок на внешние почести». «В немецком юмористическом журнале во время назначения К.П. фон Кауфмана на пост генерал-губернатора появилась публикация разговора Шульца и Миллера, построенная на игре слов: «Was ist das für ein Kaufman? Das ist ein Kaufmann aus den Milütischen Buden» (Что это за Кауфман? Купец из милютинских рядов).⁶³

Еще до вступления К.П. фон Кауфмана в управление краем, один из бывших помощников М.Н. Муравьева генерал А.Л. Потапов — тоже претендент на губернаторский пост и впоследствии (с 1868 г.) Виленский генерал-губернатор, представил правительству записку об управлении Северо-Западным краем, в которой подробно доказывал, что для «умиротворения Ковенской области <...> необходимо подвергнуть ее усиленному онемечиванию». Но К.П. фон Кауфман,

⁶² Толбухов Е.М. В борьбе за русское дело // ТС. № 504. С. 9 — 10.

⁶³ Толбухов Е.М. В борьбе... С. 22; (Милютин Д.А.). Дневник Д.А. Милютина. Т. 3. М. 1947. С. 132.

который прекрасно знал историю политических событий в крае, был близко знаком с бытом и менталитетом польского народа, среди которого провел детство и имел родственные связи, находясь по материнской линии в близком родстве с известною в Польше семьею Гауке⁶⁴, был категорически против этого и высказывался за необходимость укрепления в крае русских традиций.

После приезда 2.05.1865 г. в край К.П. фон Кауфман провел свои ознакомительные поездки. Он был поражен тем, что судьба русского крестьянства всецело находилась в руках помещиков и чиновников — поляков, а коренные русские люди были католиками, несвободными от наслоений, привнесенных пришедшим с Запада духовенством. Поляки составляли от 80 до 95 % среди дворян-землевладельцев края. Совместно с губернатором Юго-Западного (Киевского) края генералом А.П. Безак К.П. фон Кауфман представил правительству данные, согласно которым в 9 западных губерниях положение вещей было таково, что «на десятиmillionное население, преимущественно малороссийско-белорусское и частью жмудско-литовское, имеется весьма ничтожное по численности население польского происхождения, состоящего большей частью из помещиков и мещан. <...> Сила этого элемента заключается в корпоративной замкнутости владения недвижимостью, собственностью, не допускающей проникать к себе никакую другую национальность, особенно русскую». Оба правителя находили ненормальным отсутствие в среде поместных землевладельцев, в интеллигентных слоях общества русского элемента и настаивали перед властью о необходимости преобразования существующего порядка.

К.П. фон Кауфман стремился расширить русское землевладение в крае, увеличить распределение за русским крестьянством земельных наделов. «Он стремился не к обрусению взбаламученного повстанцами Западного края, а к располячиванию окраин русской земли. Он не пытался окрашивать поляков в русские цвета, а лишь прилагал все усилия и старания к тому, чтобы очистить массу населения от наслоений, которые были наложены на него извне польским помещичьим классом и пришедшим с Запада, чуждым народу по крови и языку латинским духовенством»⁶⁵. М.Н. Муравьев в своих записках, опубликованных в 1866 г., писал о К.П. фон Кауфмане: «Хотя с немецкой фамилией, но истинно православный и русский <...> дал себе обет не отступать от введенной мною си-

⁶⁴ Толбухов Е.М. В борьбе... С. 4; ТС. № 546. С. 152.

⁶⁵ ТС. № 546. С. 153.

стемы действий и во чтобы то ни стало водворить в крае русскую народность и православие».⁶⁶

В 1864 г. М.Н. Муравьевым был введен запрет печатать на литовском языке буквари, официальные издания, книги для чтения и взамен литовской латиницы была введена кириллица. Так царское правительство стремилось предотвратить полонизацию литовцев, нейтрализовать польское культурное влияние и содействовать ассимиляции с русскими. К.П. фон Кауфман, стремясь к расширению русского влияния в крае, продолжал претворять в жизнь установленный ранее запрет царского правительства, распространив его на все издания (запрет продолжался до 1904 г., в 1872 г. он был распространен также и на применение в литовской печати готического шрифта). Основной целью деятельности К.П. фон Кауфмана было: во-первых, поднять влияние православного духовенства, увеличить число образованных священнослужителей и повысить их материальное обеспечение — он продолжил усиленно строить храмы, возводить новые и обустроить, подновлять, украшать старые, православие стало укрепляться «слова «царская вера» все шире стали разноситься среди народа»; во-вторых, он стремился установить в крае обязательное обучение детей, создать сеть русских школ, народных училищ, приобщить население к русской культуре; в-третьих, улучшить быт крестьян, обеспечить их достаток, расширить сферу русского землепользования, утвердить русское землевладение в крае, создать товарищество «приобретателей земель для небогатых русских», обменять польские владения на майораты в Царстве Польском и т. д. Будучи тонким дипломатом, он стремился распутать сложные узлы межнациональных отношений в регионе и, бесспорно, самым важным результатом его действий в регионе было «экономическое укрепление крестьян от корпорации польских панов».⁶⁷

Для реализации поставленных им задач на Совете под личным председательством императора Александра II 10.12.1865 г. были одобрены и приняты к руководству следующие чрезвычайные меры: во-первых, запрещалось лицам польской и еврейской национальностей приобретать в пределах Западного края помещичьи имения и земли; во-вторых, имения тех, кто был выслан из края за государственную измену, должны быть проданы в определенный срок русским либо сданы в казенное ведомство. Это решение вызвало «бурю в польских кругах

⁶⁶ Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб. 1891. С. 54.

⁶⁷ Толбухов Е.М. В борьбе... С. 38.

и еврейской печати». К.П. фон Кауфман, как инициатор, сделался мишенью для ожесточенных нападков и объектом интриг, нити которых вели к шефу жандармов П.А. Шувалову, воспитанного матерью — дочерью виленского шляхтича — в уважении к польским и католическим традициям. Он возглавил после трагических событий 4.04.1866 г. (покушение Д.В. Каракозова на императора) III отделение собственной его императорского величества канцелярии. К тому же К.П. фон Кауфман принимал меры к выселению из края лиц, будораживших население и препятствующих установлению мира и порядка, не считаясь с тем, что некоторые из них пользовались сильным заступничеством в Петербурге. Смелые распоряжения и действия генерал-губернатора были поставлены ему в вину. Еще 27.03.1866 г. «за заслуги перед отечеством в деле управления краем» К.П. фон Кауфман награжден орденом Св.Владимира 2-й степени с мечами над орденом; 17.09.1866 г. по засвидетельствованию великого князя Николая Николаевича Старшего об отличном состоянии войск под Вильно и Динабургом ему объявлена «высочайшая благодарность в дополнении к высочайшему приказу»; а 9.10.1866 г. он был «уволен в отпуск на 11 месяцев с отчислением от занимаемой должности и с оставлением в звании генерал-адъютанта».

ОТСТАВКА И НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Москва «зорко следила» за деятельностью молодого генерал-губернатора, «одобряла и оказывала нравственную поддержку его твердой позиции». Но в Петербурге под «давлением влиятельной польской эмиграции против К.П. фон Кауфмана образовалась коалиция, свалившая в свое время и М.Н. Муравьева». Она поставила перед собой задачу удалить его из Северо-Западного края. Эпизоды отъезда К.П. фон Кауфмана из Вильно, его отставки, нового назначения и дальнейшей его службы ярко описаны в многочисленных мемуарных изданиях, архивных материалах, монографиях историков.

Получив телеграмму о срочном вызове в Петербург, К.П. фон Кауфман подумал, что это может быть связано с произошедшими волнениями крестьян в имении князя Меншикова. Он приготовил для доклада императору все материалы по этому делу. Д.А. Милютин, трезво оценивая ситуацию, телеграммой предупредил К.П. фон Кауфмана о том, что над ним собираются тучи. Министр имел в виду ситуацию с Иосафатом Огрызко — одним из лидеров польского восстания, который прятался в Петербурге под защитой самого шефа жандармов, а К.П. фон Кауфман требовал его высылки для предания суду в Вильно. К.П. фон Кауфман отвечает на телеграмму министра: «Приеду и тучи рассею». Но он не учитывал резких перемен, произошедших в политическом курсе управления страной. П.А. Шувалов — младший участник «юных забав» императора и поверенный его сердечных тайн, став во главе III отделения, приобретал все возрастающее влияние на внутреннюю политику страны и императора. Его называли «вице-император», «Петр IV», «Аракчеев II», популярны были стихи Ф.И. Тютчева:

*Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр, по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй.*

П.А. Шувалов восемь лет фактически управлял страной, возвращая тайной полиции прежние полномочия и укрепляя консервативные позиции. Он восторженно преклонялся перед Англией и возглавлял коалицию польской аристокра-

тии, имевшей в то время большое влияние при дворе. «Я конечно знал о всех интригах, сплетнях и происках против меня, Петербург это любит, — отметит много лет спустя К.П. фон Кауфман, — они велись во всех сферах и всеми путями. Польки, влиятельные и красивые, так и шныряли между Вильной и Петербургом». Опишет он и о своем отъезде из Вильно: «С привычкою военного человека быть готовым выступить по первому требованию я решил не откладывать моего отъезда на завтра. До отъезда в Петербург оставалось 4 часа. <...> Все дела мои были всегда в порядке, а потому, сдав свою должность по закону и протившись с ближайшими сотрудниками, я выехал в Петербург. <...> Приехав на другой день вечером, я никого не застал дома: все мои уехали в театр. Беспокоясь о жене, до которой могли уже дойти слухи, я поехал в театр. Совесть моя была чиста и перед государем и перед Россией. Безбоязненно и не краснея я мог смотреть всем в глаза. Мое появление в театре обрадовало жену. Но едва я поместился в ложе, как вся публика театра обратила на меня бинокли. Многие усмотрели в моем появлении в театре бравоирование и как бы протест с моей стороны».⁶⁸

Д.А. Милютин сообщил К.П. фон Кауфману, что с ним хочет переговорить сам император. Взяв дело с материалами о волнении крестьян в имении князя Меншикова, он отправился в Зимний дворец. Но принят был не сразу, спустя время приглашен в кабинет. Император принял его доброжелательно, но сесть не пригласил. Расспрашивал про Вильно, про настроение в обществе, о жизни поселян. Вопросы задавал, не глядя на собеседника, поглаживая свою любимую собаку, лежащую у ног. Наступила небольшая пауза, не поднимая глаз и продолжая гладить собаку, император спросил: «Ну, а что еще нового?» К.П. фон Кауфман решил, что настал момент изложить дело о волнении крестьян. Немного послушав, Александр II перестал гладить собаку и все также, не глядя на генерала, произнес: «А знаешь, Кауфман, я решил тебя отозвать из Вильнь».

Сбитый таким неожиданным поворотом разговора, К.П. фон Кауфман, однако, быстро овладел собой и, поклонившись императору, заметил: «Ваше Императорское Величество, как верноподданный своего государя, осмелюсь спросить, что это означает: перемену ли системы управления краем или смену только лица?». Александр II встал, выпрямился во весь рост и, погрозив пальцем, произнес: «Кауфман, ты знаешь, что у меня перемены в системе управления краем не бывает». Аудиенция была окончена, послушный внутреннему приказу

⁶⁸ Толбухов Е.М. В борьбе... С. 31.

К.П. фон Кауфман развернулся и направился к выходу. «Не обижайся, голубчик! Так надо», — произнес вдогонку император. Генерал шел, не замечая вытянутых в струнку дежурных офицеров, застывшие фигуры вышколенных слуг. Чеканный ритм шагов отдавался в гулкой тишине. Он опомнился только тогда, когда лакей дворцового ведомства спросил: «Ваше превосходительство, а где Ваша каска?» Каска осталась в кабинете императора. «Спасибо, голубчик», — поблагодарил генерал и, не ответив на вопрос, стремительно шагнул в распахнутую перед ним дверь. Сумеречная мгла обволокла и поглотила его невысокую, стройную фигуру.⁶⁹ Этот эпизод об отставке генерала востоковед А.А. Семенов слышал от генерального консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского и генерала Н.И. Гродекова, которым рассказал о нем в беседе с ними сам К.П. фон Кауфман.⁷⁰

Образованный и деликатный Александр II не мог не осознавать глубину неожиданного удара, нанесенного К.П. фон Кауфману. Сам же генерал не забывал о нем до конца дней. Десятилетия спустя, вновь обласканный императором в зените своей славы, почестей, обладая почти беспредельной властью, Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман скажет: «Как ни люблю я наш Туркестанский край, а все-таки было бы лучше, если бы государь оставил меня тогда в Вильне. Тамошнее дело было ближе, роднее мне, да и нужнее России».⁷¹ Память об отставке со службы в Привислинском крае обернется у генерала негативным отношением к полякам. «Поляки нехороший народ, всю душу полагают в том, чтобы поссорить двух русских, которые как бараны гнут свою голову под польскую паутину», — говаривал он по случаю.⁷²

Вскоре после разговора К.П. фон Кауфмана с императором в правительственном органе, а затем и в «Северной почте» было опубликовано сообщение, в котором отмечалось: «...отозвание генерала К.П. фон Кауфмана не обуславливает никакой перемены в политической системе, принятой относительно западных губерний империи или в Царстве Польском. Первым должно вновь сделаться тем, чем сделала их история: областями существенно русскими, где народный православный элемент, образующий громадное большинство населения, должен приобрести принадлежащее ему преобладание. <...> Принятый нашим возлюб-

⁶⁹ Семёнов А. Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К.П. фон Кауфман 1-й // Кауфманский сборник... С. XVIII.

⁷⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 57об.

⁷¹ Толбухов Е.М. В борьбе... С. 42.

⁷² Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 89.

ленным монархом путь не есть результат исторической системы, могущей измениться смотря по впечатлениям минуты. Он был настоятельно предписан долговременным и горестным опытом». Но перемены в политической системе управления краем наступили. Выстрел Д.В. Каракозова определил победу клерикалов в стране. «С 4 апреля, — писал в своем дневнике Д.А. Милютин, — берет верх партия quasi-консерваторов или, вернее сказать, ретроградов. Представителем ее на первом плане является гр. Петр Шувалов».⁷³ В общественных кругах Петербурга и Москвы отставка К.П. фон Кауфмана произвела большое впечатление, было понятно откуда шел удар. Чтобы не вызвать бурю негодования в московских кругах на пост генерал-губернатора в Вильно был сначала поставлен бывший помощник губернатора граф Э.Т. Баранов, а затем уже открыто А.Л. Потапов — ставленник П.А. Шувалова. Но разрушение благих намерений К.П. фон Кауфмана началось уже при графе Э.Т. Баранове. Так, открытый в Вильно русский театр, против чего активно противодействовали в Петербурге, сразу после отставки был передан в управление поляку Ожаровскому. Все же К.П. фон Кауфман за 1,5 года много сделал для укрепления края, его решительные действия по восстановлению нормального течения жизни определили то, что «для русского дела в Северо-Западном крае не была страшна даже деятельность Потапова, как бы поставившего себе целью испортить то, что было уже сделано Муравьевым и Кауфманом», отмечали современники.⁷⁴

На самого К.П. фон Кауфмана события этого периода жизни произвели настолько глубокое впечатление, что оно не сглаживалось долгими годами. Глубокая душевная боль звучала в его словах: «Народ сбит с толку. Доверие к силе и твердости нашей подорвано. Сердце кровью обливается, вся внутренность моя переворачивается при мысли, что сила у меня была, что я не смог сделать то, что теперь может быть никто уже не сделает».⁷⁵

Но о том, как оценил народ деятельность К.П. фон Кауфмана на посту генерал-губернатора Северо-Западного края, красноречиво свидетельствует хотя бы тот факт, что уже после его отъезда из Вильны крестьяне Дзевалтовской волости Великомирского уезда Ковенской губернии (95 дворов, католики) на волостном сходе 4.02.1867 г. вынесли «Приговор»: «Мы, крестьяне, <...> приняв во внима-

⁷³ Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютина. Т. 1. М. 1947. С. 119.

⁷⁴ ТС. № 546. С. 157.

⁷⁵ Толбухов Е.М. В борьбе... С. 31 — 32.

ние то, что лес на постройку дома волостного училища был дан нам по распоряжению бывшего начальника здешнего края К.П. фон Кауфмана, <...> а также то, что он соизволил оказывать особое милостивое внимание к нашему училищу, <...> входил в подробный осмотр производившихся работ, <...> поощрял усердие рабочих денежною выдачей, <...> проверял знания учеников, отмечая их успехи раздачею книг и одобрением их ласковыми словами, <...> мы все, желая выразить нашу глубокую сердечную признательность определили:

1. училищу нашему дать наименование Константиновское;
2. просить высшее начальство о переименовании нашей волости в Константиновку;
3. присвоение училищу, волости и местечку наименования Константиновских ознаменовать особым празднеством, которое устраивать 21 мая в честь Православных церковноапостольских Константина и Елены...
4. просить К.П. фон Кауфмана пожаловать волости свой портрет;
5. сделать фотографию училища и отправить К.П. фон Кауфману».

Только десять месяцев спустя, в ноябре 1867 г. копия «Приговора» волостного схода была утверждена губернатором Северо-Западного края (графом Э.Т. Барановым). Прошел еще год пока это решение достигло К.П. фон Кауфмана в далеком Туркестане. «Только теперь получил я копию с приговора Вашего от 4.02.1867 г., — писал К.П. фон Кауфман, — добрые и истинные чувства Ваши <...> глубоко трогают меня не только потому, что в них выражается благодарность Ваша мне за то добро, которое я мог Вам сделать по воле государя, но еще и потому, что доброе семечко, которое я сеял меж Вами, даст хорошие плоды. <...> Желая участвовать в воспитании детей Ваших, прошу принять прилагаемые 300 рублей <...> для выдачи их тем, кто наиболее нуждаться будет <...> и в то же время заслуживает награды», — ответил он 10.11.1868 г. с «отдаленного Востока».⁷⁶ Искренние благодарности К.П. фон Кауфман получил и от юнкерского училища «в память» о том, что при нем был произведен «первый выпуск» и «училище быстро развивалось». По «просьбе молодых офицеров» был отправлен портрет генерала.⁷⁷ Прислана была и благодарность от попечителя Виленского учебного округа «от имени Виленской публичной библиотеки», «которая столь много обязана Вам своим преуспеваемом».⁷⁸

⁷⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 1427. Л. 1 — 8; ТС. № 546. С. 158.

⁷⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 2136. Л. 2 — 2об.

⁷⁸ ЦГА РУз, Ф. И-1. Оп. 20. Д. 2141. Л. 2.

В журнале «Русская старина» за 1904 г. были опубликованы «Записки» Виктора Николаевича Никитина (1839 — 1908 гг.) — домашнего секретаря К.П. фон Кауфмана в бытность его директором канцелярии военного министерства, чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Виленской и Ковенской губерний, писателя и публициста. Талантливый бытописатель и рассказчик, он «посвятил светлые строки личности К.П. фон Кауфмана, отмечая то внимание», которое оказывал он всем людям, «не зависимо от чинов и званий» и любовь к нему, особенно со стороны «простых чиновников, представителей низших сословий, которыми он был окружен всегда».

После отставки К.П. фон Кауфман жил в Петербурге, выполняя обязанности дежурного при Александре II генерал-адъютанта. «Этим, — как отмечал сам К.П. фон Кауфман, — он показал близкую ко мне милость, так это и было всеми понято. Но меня это мало радовало. Придворная жизнь не по мне. И я не замедлил проявить свой «дурной характер». При первой же встрече Александр II сказал: «Верь мне, как я тебе верю, и люби меня, как я тебя люблю».

— За что Вы меня выгнали из Вильно?

— Я скажу тебе это после, — ответил император».

Годы спустя К.П. фон Кауфман расскажет эпизод из своей жизни в Петербурге в то время: «Однажды у государя был назначен один из маленьких вечеров. Я был дежурным, стоял недалеко от государя и вижу подходящего графа Шувалова. Он шел ко мне с любезной улыбкой, протянул мне обе руки. Но мои руки были за спиной, я не переменил их положения и только поклонился Шувалову. Он мне этого не простил, конечно, на всю жизнь. Будь граф Шувалов только личным моим врагом, делай он зло только мне, уверяю Вас, что я не обратил бы на это внимания. Но по убеждению моему он наносил вред России, и я инстинктивно от него отшатнулся, как от зла». Описывая свою жизнь в Петербурге, он отмечал: «Любопытно было наблюдать нравы нашего развращенного столичного общества. Сила и влияние графа Шувалова определялись тогда уже в той мере, что его кто-то назвал Петром IV. Идти против этой силы было мало охотников, а число его прислужников росло не по дням, а по часам. Круг моих знакомых сильно вдруг уменьшился под предлогом, что я живу высоко. Я жил действительно высоко, на 4 этаже, так как после генерал-губернаторского содержания в 20 тысяч перешел на 4 тысячи. Как известно, вкусы мои просты и требования невелики. Конечно, семья моя должна была урезать расходы, так как наши личные средства были ничтожны. Но я не ощу-

шал никакого неудобства и был даже рад, что живу высоко. Хорошо было узнать истинных друзей, приязнь с которыми утвердилась еще крепче. Были и такие, которые зная, что государь сохранил ко мне свое доброе отношение, на всякий случай забегали. Смешное общество <...> Я, конечно, был не опасен для Шувалова, но неприятен ему был, и как-никак, а выжить меня из Петербурга ему очень хотелось. Нашлись люди, которые под видом приязни, стали мне советовать проситься в заграничный отпуск для поправления здоровья, намекая при этом, что мне дадут хорошие средства на лечение. Все честные люди знали, что моя смена была делом несправедливым в отношении меня, а по отношению к России делом по меньшей мере невыгодным. Тем не менее, врагам моим удалось сплавить меня из Петербурга. Я не могу, конечно, утверждать. Но сдается мне, что не без влияния графа Шувалова состоялось мое назначение сюда в Туркестан, <...> значительно раньше окончания срока отпуска, однажды весной 1867 года государь принял меня с глазу на глаз с тем же сердечным ко мне расположением, каким он встретил меня когда-то сменным им генерал-губернатором. Его обаятельно-ласковое отношение ко мне всегда меня глубоко трогало. Так было и теперь.

— Я хочу послать тебя генерал-губернатором в Ташкент, — сказал он. Признаться, эта неожиданность поразила и смутила меня, не скажу задела самолюбие, но пробудила какие-то особые чувства — обиды, что ли. Нужно, ведь, понимать, чем был в то время Туркестанский край. Мысль, что это новое старание моих врагов сбить меня подальше, мелькнула во мне: под этими мгновенными впечатлениями я осмелился спросить государя:

— Ваше Величество, это почетная ссылка?

— Мне нужен человек, которому бы я мог верить как самому себе, — ответил государь. Такое заявление моего монарха должно было вознести меня до звезд, как выражаются местные мусульмане, но в этот момент, грешный человек, я подумал только, что государь золотит мне горькую пилюлю. Верный, однако, своему солдатскому долгу, я мог только ответить:

— Воля Вашего Величества для меня священна.

— Так вот, приготовься послужить там мне и Родине. Работы, серьезного дела будет много, надо утвердиться, стать прочно, раз это историческая судьба привела Россию в этот край.

— Я счастлив служить Вашему Величеству и не боюсь работы, но, если, государь, Вы меня оттуда выгоните (я всегда употреблял это слово, говоря о моей

смене), как из Вильны, прежде чем я успею сослужить свою службу Вам и России... <...> Государь улыбнулся и сказал:

— Поезжай без страха, там ты останешься пока сам не захочешь уйти, в этом я даю тебе мое слово. Весь этот разговор велся в таком милостивом, почти дружеском тоне, что под конец я позволил себе выговорить одно условие и даже получил как «особую милость».

— Ваше Величество! Я не боюсь никакого контроля над собой и над своими действиями, ни явного, ни тайного, не уклоняюсь от последнего в каком бы то ни было виде. Но прошу, как особой милости, никогда, пока я буду в крае, не посылать ко мне синих мундиров. С минуту государь подумал, очевидно, озадаченный такой просьбой. Затем лицо его озарилось прекрасной улыбкой и он сказал:

— Быть по-твоему.

И вот теперь кончается десятый год моего управления Туркестанским краем. Государь сдержал свое слово во всем. Думаю, и я оправдал его доверие. Что здесь достигнуто, Вы сами видите. Конечно, были ошибки, в таком новом деле они неизбежны. Конечно, еще бездна дела предстоит здесь и мне всего не докончить, но я работаю в расчете, что последующие за мной администраторы найдут каждое дело прочно и честно поставленным. Результаты многих моих теперешних трудов и начинаний скажутся может быть тогда, когда уже я истлею в земле. Но лишь бы сказались!».⁷⁹

Высочайший Указ о назначении К.П. фон Кауфмана Туркестанским генерал-губернатором и Командующим войсками Туркестанского военного округа издан 14.07.1867 г.⁸⁰

И уже на следующий день 15 июля генерал-губернатор обратился лично к генерал-майору Александру Константиновичу Гейнсу (1834 — 1892 гг.) с просьбой стать его помощником «правителем моей канцелярии» и, получив согласие, «предложил <...> тот час же открыть ее действия».⁸¹

«Уверенный ли в самом себе и в своей силе, или повинуюсь воле государя <...> К.П. фон Кауфман не отказался от назначения в Туркестан и принял его. И за все свое долголетнее пребывание в Средней Азии ни разу не компрометировал себя тем, что смотрел на свою здешнюю службу как на известного рода синекуру.

⁷⁹ Толбухов Е.М. В борьбе... С. 38 — 42.

⁸⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 399. Л. 3.

⁸¹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 399. Л. 1, 5; Д. 400. Л. 1 — 2.

В этом отношении он честно исполнил свой долг государственного человека перед царем и отечеством», — отмечал А.А. Семенов. На пост Туркестанского генерал-губернатора его предложил Д.А. Милютин. В прессе бурно обсуждали положение России на южной окраине и назначение первого управителя вновь образованного генерал-губернаторства. Но общим лейтмотивом было одобрение кандидатуры К.П. фон Кауфмана. Время показало то, что лучшего выбора нельзя было сделать, и Александр II, назначив К.П. фон Кауфмана в Туркестан, не только высказал свое истинное отношение к нему, свое глубокое знание людей ближайшего окружения, но и выбрал «действительно блестящего представителя российской монархии», «одного из лучших российских администраторов».⁸²

⁸² Элен Каррер де Анкос. Александр II. М. 2010. С. 17.

ТУРКЕСТАН

Край, управление которым предстояло взять на себя К.П. фон Кауфману, — уникальное место на территории всего Евразийского континента. Это один из древнейших очагов цивилизации, исконным населением которого являлись многочисленные индо-европейские племена (часто их называют «арийскими»). В горных, труднодоступных районах до наших дней сохранились от них малочисленные народности: янгобцы — в верхнем течении р. Зеравшан; шугнанцы-ваханцы, рушанцы — на Памире. Это край сплетения мировых, национальных и множества племенных религий, зарождения зороастризма, место слияния европеоидной и монголоидной рас, проникновения и взаимовлияния тюркоидной, иранской, античной, индийской и арабской культур, мост между Востоком и Западом, где с разных сторон сходились люди, товары, идеи. От Каспийского моря — на западе до границы с Китаем — на востоке, от Арало-Иртышского водораздела — на севере до границы с Ираном и Афганистаном — на юге — эта территория в разные исторические периоды носила свои названия. «Трансоксиана», «Трансоксания» (с лат. «Междуречье») — так называла край древняя греко-европейская традиция — подразумевались все земли, лежащие по правую сторону р. Амударьи, т. е. историческая Согдиана, аму-сырдарьинское междуречье. «Туран» («Турестан») — страна туров, так иранский эпос в противовес собственно Ирану, включавшему западно-иранские народности, давал общее название землям к северо-востоку от Ирана, где обитали 3 тысячи лет назад кочевые скотоводческие иранские племена. Для европейской мифологии эта территория составляла также часть вольной «Скифии», где обитали ираноязычные кочевые народы. Край, стремительно изменяющий языковые, этнические, духовные состояния, пропустил через себя все племена, идущие на Запад, несметное количество их прошло по русским равнинам с Востока, из глубины Азии. Но он не пропустил ни одного завоевателя, идущего на Восток: встал непреодолимым кордоном на пути персидского царя Кира II Великого (559 — 530 гг. до н. э.); пресек осуществление мечты о далекой Индии Александра Македонского (356 — 323 гг. до н. э.). Ни родина Ибн Сино (Согд), ни родина Беруни (Хорезм) не покорились великому полководцу. Трижды брал приступом Мараканду (Самарканд) решительный Александр, но ушел, повернул назад. Однако остались на этой земле построенные его войсками

Александрии — крепости-поселения, и возникло, на «взлете восприятия местным населением культуры различных народов, составляющих его войско», Греко-Бактрийское царство (250 — 130 гг. до н.э.). В Мараканде тогда проживало минимум 2 тысячи греков.

Кочевники тохары (тогары — условное название народа, носителя тохарского языка во 2 — 1 тыс. до н.э.) пришли в регион во 2 в. до н.э., разрушили эллинистическое государственное образование и на многие столетия дали название краю «Тохаристан». (Тохарский язык — один из индоевропейских языков, относился к западной группе индоевропейской семьи языков группа кентум, к ней относились также языки кельтов, германцев, италиков. Потомками тохаров отчасти являются таджики и пуштуны, проживающие в современной провинции Афганистана — Тахар у границы с Таджикистаном.) Тюркот Амин в 658 г. окончательно победил тохаров. Тюрский каганат (552 — 745 гг.), объединивший обитателей Великой степи от Алтая до Дона, и тюркские правящие династии подчинили своему влиянию местные этносы, утвердили языком официального общения, за исключением памиро-иранских таджиков, тюркский язык, который вытеснил согдийский, хорезмийский, бактрийский и другие языки обитателей края.

Первые отряды арабов появились на левом берегу р. Амударьи в 629 г. Они называли край «Мавераннахр» (араб.: то, что за рекой; земля, лежащая там за рекой, «Заречь», менее известно в средние века название на фарси — Вараруд (Фараруд — «Заречь», правобережье Амударьи)). Арабские завоевания 7 — 9 вв. полностью уничтожали культурное наследие народов края, литературные памятники, письменные источники, произведения искусств. Они определили распространение ислама, феодального способа производства в его восточной форме, а также арабского языка, как языка Корана, духовной практики и науки (ученые края развивая наследие греческой философии, арабской географии, персидской исторической науки, создали известные в мире медицинскую, математическую, астрономическую, географическую и литературно-поэтические школы).

Название края — «Большая (Великая) Бухария» и «Малая Бухария» (Кашгар или Сицзян «новая граница», т. е. земли, лежащие к востоку от нее) — широко использовали русские путешественники, исследователи, купцы. Оно отражено в составленной после 1552 г. по указу царя Иоанна Васильевича «Книге Большому чертежу» (1627 г. — возможно, третья редакция), изданной в Москве первом известном полном своде географических и этнографических сведений о России и сопредельных госу-

дарствах, предназначенном как практическое руководство для «государевой службы посылку». Первая карта Азии была издана в Амстердаме в 1679 г.⁸³

С подачи англичан в XVIII в. появилось собирательное название края — Туркестан («Страна тюрков»), данное всему отторкоязычному региону в состоянии его политической раздробленности, междоусобных войн и национальных противостояний. Термин утвердился на Востоке у иранцев и афганцев, затем в Европе и был принят в России. В XIX в. было принято деление края на три части: «Русский (Западный) Туркестан», т. е. земли, входившие в Туркестанское генерал-губернаторство и протектораты Бухара и Хива; «Китайский (Восточный) Туркестан», т. е. Кашгар или Сицзян; и «Афганский Туркестан», т. е. территория северо-западного Афганистана. В конце XIX — начале XX вв. для обозначения внутренних частей Азиатского материка появился географический термин «Средняя Азия», но устойчивое употребление он получил в советскую эпоху, в 20-е годы прошлого века, объединяя пределы бывших республик СССР: Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. В связи с этой территорией, но всегда отдельно, упоминался и Казахстан. В апреле 1994 г. принято расширенное самоназвание края «Центральная Азия», ставшее употребительным еще после появления одноименного сочинения А. Гумбольдта *L'Asie Centrale* (Berlin. 1844). Но в целом понятие «Центральная Азия», всегда ассоциирующееся с кочевыми народами, населяющими ее просторы, и Великим шелковым торговым путем, ныне относится к региону еще только становящемуся, обретающему свой геополитический облик. Не случайно уже в начале XXI в. политическая география станет четко различать понятия «Центральная Азия» (территория бывших пяти союзных республик СССР: Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) и «Внутренняя Азия» (Монголия, Тува, Бурятия, Сицзян-Уйгурский автономный округ КНР). Каждое название края содержит свои пространственные границы, географические контуры. Однако главными водными артериями его неизменно оставались реки Яксарт, Сейхун — араб. (Сырдарья) и Оксус, Джейхун — араб. (Амударья), а также Хорезмское море, которое с VIII в. стало называться Аральским, хотя первое географическое изображение его в X в. Ибн Руста Истархи дано еще под названием «Хорезмское море».

На территорию края, управление которым вручалось К.П. фон Кауфману, уже вступили русские войска, но «Русским Туркестаном» ему еще только предстояло стать.

⁸³ Бюллетень САГУ. 1927. № 15.

Важнейшую роль в судьбах народов края играл Великий шелковый торговый путь, который связывал древние государства Центральной Азии (Согдиана, Бактрия, Хорезм, Парфия, Маргиана, Мидия), торговые и культурные центры Китая, Индии, Среднего и Ближнего Востока с Европой до Средиземного моря. По этой огромной транспортной системе шли миссионеры, путешественники, ученые, воины, торговые люди. Происходил интенсивный обмен материальными и духовными ценностями, производственными навыками, информацией и людьми. Но первый немец, о котором сохранились сведения и который оставил свои свидетельства о пребывании в крае, был привезен в Самарканд в качестве военного трофея. Оруженосец из Мюнхена И. Шильтбергер (Шильберг), сопровождая своего господина рыцаря, в битве под Никополем (25.09.1396 г.), которая завершила собой крестовый поход против османов и нанесла сокрушительный удар европейским надеждам защититься от турок Константинополь, попал в плен к турецкому султану Баязиту I Молниеносному. Затем в сражении у Ангоры в 1402 г. он стал собственностью Амира Тимура и его сыновей. Только через 33 года удалось мастеру-оружейнику вернуться в родной город и опубликовать свои воспоминания. Доктор всеобщей истории Ф.К. Брунн перевел их со старонемецкого на русский язык, опубликовав «Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1487 год» в «Записках Императорского Новороссийского университета». Год 1. Т. 1. Вып. 1 — 2 (Одесса. 1867). Караванные дороги Шелковой торговой трассы после открытия в 1499 г. португальским мореплавателем Васко де Гама более дешевого морского пути в Индию постепенно утратили свое значение. Край лишился своего главного источника доходов, страдал от феодальных междоусобиц, распрей и клановой борьбы за власть, внутренняя торговля не развивалась. Но во все времена дороги в Европу были открыты, ибо основной транзитной базой для европейцев, в том числе и для немцев, в далекий, манящий своей загадочностью, богатый край всегда была Россия. Она имела древние торговые связи с ханствами, находящимися на его территории, время от времени не отказывалась и от попыток совершить их вооруженные захваты. Судя по найденным археологическим артефактам Русь торговала с народами Центральной Азии с древнейших времен.⁸⁴

⁸⁴ Одним из первых систематических справочных изданий по истории взаимоотношений России с государствами Центральной Азии является труд С.В. Жуковского «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие (СПб. 1915); Остроумов Н. Бухарские и хивинские посольства в России и русские посольства в Бухару и Хиву // Туркестанские ведомости. 1907. №№ 86, 89, 92, 96, 99.

Начало же оживленных торговых и дипломатических связей России с феодально-теократическими государствами края относятся к XV в. Уже в 1404 г. русские торговые люди появляются в Самарканде, продают кожи, меха, лубяные ткани. В 1580 г. установить торговые отношения с Россией пожелал эмир Бухары. В 1585 г. для решения вопросов торговли бухарский эмир сам прислал в Москву первых послов. Бухарские купцы приводят свои караваны в Сургут (1599 г.) и Тобольск (1601 г.). В 1558 — 1560 гг. английский купец Э. Дженкинсон, посланник Лондонской Московской кампании с целью утверждения торговых отношений Англии и России и торгового пути через Россию в Китай и Индию, обратился к царю Иоанну Васильевичу и, «получив от русского царя грамоты к различным царям и государям, через владения которых придется проезжать», он первым из европейцев совершил путешествие в Хорезм и Бухару. Он не только оставил подробное описание своего путешествия и стран, которые прошел, но и освободил 25 русских пленных, находящихся в рабстве в Бухаре, взял с собой посланников от владык края в Москву. Сохранились сведения об одном из первых российских посольств в Бухару при царе Алексее Михайловиче в 1675 г. Открыто было русское представительство также в Хорезме. Яицкие и оренбургские казаки «под началом Нечая и Шамая» пытались совершать и набеги на Хиву.⁸⁵

Московское правительство также отправляло своих послов в Хиву и Бухару (И.Д. Хохлов, И. Федотов, М. Муромов, Б.А. Пазухин, В.А. Даутов). Посольства реальных политических и экономических результатов не имели, но способствовали расширению сведений о ханствах, которые были включены в «Книгу Большому чертежу». В 1700 г. посланец из далекой Хивы вручил Петру I грамоту от хана Шанияза (Шахидаза), в которой тот убедительно просил императора России принять его «со всем подданным ему народом» в подданство России. Таким образом он надеялся укрепить пошатнувшийся трон. Ответной грамотой Петр I выразил свое согласие и подтвердил его в 1703 г. новому хану Аран-Махмуду. Но Хива продолжала оставаться в зависимости от Бухары и, пользуясь своей недоступностью, наносила пограничным районам империи значительный ущерб, грабила торговые караваны и уводила в рабство людей.⁸⁶ Позднее аламаны (набеги) хивинцев достигали в Поволжье и немецких колоний. Именно угроза постоянных набегов хивинцев и других кочевников определила решение переселенцев

⁸⁵ ТС. № 83. С. 62.

⁸⁶ ТС. № 592. С. 22.

воздержаться от создания колоний на левобережной территории реки. Когда кризис Великой Северной войны (1700 — 1712 гг.) благополучно подходил к завершению, Петр I решил предпринять экспедицию в Туркестанский край. Виновником данного решения, согласно легенде, был туркменский старшина Ходжи Нефес, который в 1713 г. под большим секретом сообщил в Астрахани о том, что воды р. Амударьи приносят золотой песок, а хивинцы, чтобы скрыть это от русских, построили дамбу и отвели реку в Арал. Однако прежнее течение реки можно восстановить и добывать золото. Слухи подтвердил и сибирский генерал-губернатор князь М.П. Гагарин (1659 — 1721 гг.), сообщив со слов бухарских купцов, что возле калмыцкого города Эркенд (Яркенд) добывают золото. Известия заставили Петра I предположить, что Хива и Эркенд находятся на одной реке. Петр I нуждался в деньгах. Но не только в поисках «песошного золота» решился царь на экспедицию в Туркестан, а также и в надежде открыть короткий путь сообщения России с далекими восточными странами, найти возможность обратить воды Амударьи в Каспийское море и проложить водный путь в Индию.⁸⁷

Царь планировал совершить экспедиции в край с двух сторон: со стороны Каспийского моря и со стороны Сибири. Из Тобольска 1.06.1715 г. вверх по Иртышу на 59 судах вышла экспедиция (около 3 тыс. человек) под руководством полковника И.Д. Бухгольца (Бухольц, 1671 — 1741 гг.) — основателя Омска, строителя многих крепостей и «главного управителя» пограничной службы Сибирской (Иртышской) линии. Экспедиция с самого начала столкнулась с атмосферой полного безучастия, если не противодействия князя М.П. Гагарина, первого губернатора Сибирской губернии, казненного в 1721 г. «за лихоимство». Она снаряжена была не просто плохо, а очень плохо, что и определило ее неудачу. Однако результатом экспедиции как раз и было создание Сибирской линии — кордона постов и укреплений по р. Иртышу от Омска на Семипалатинск и Усть-Каменогорск для защиты русских владений от набегов степных кочевников. Прииртышье и Алтай, огражденные Сибирской линией, вошли во владения России. В последующие десятилетия Сибирская линия была продлена до китайской границы, на ней было выстроено в общей сложности 141 укрепление, составившие

⁸⁷ В 1902 г. В.В. Бартольд на основе данных археологических материалов опубликовал работу «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до 17 века», в которой отметил, что воды Амударьи текли по Узбою с XIII в. до 1573 г., при этом отмечались факты судоходства в 1392 г.; Шишков А.В. Схватка за Кавказ XVI — XXI века. М. 2007. С. 57.

Иртышскую и Колывано-Кузнецкую военные линии, воспрепятствовавшие китайской экспансии после разгрома Китаем Джунгарского ханства (1755 — 1758 гг.). «Прикрыв, таким образом, Сибирь, русское правительство стало энергично укреплять свою власть в Приуралье».⁸⁸

Еще раньше, 29.05.1714 г. был подписан знаменитый царский указ «О посылке Преображенского полка капитан-поручика князя Александра Бековича-Черкасского для отыскания устьев рек Дарьи». А. Бекович-Черкасский (до крещения Девлет-Кизден-Мирза, ум. 20.10.1717 г.) — сын кабардинских властителей, украденный ногайцами. Он во время взятия Азова (1695 — 1696 гг.) войсками Василия Александровича Голицына (1643 — 1714 гг.) вместе с двумя братьями попал к русским. Братья в качестве заложников воспитывались в доме князя Бориса Александровича Голицына (1651 — 1717 гг.), одного из воспитателей Петра I. Княжич учился за границей морскому делу, женился на дочери Бориса Александровича — Марфе, носил азиатский костюм, брил голову и имел прозвище «Давлят Гирей» («Покоритель царств»). На этого знающего Восток человека царь возлагал большие надежды и задачу реализации своей мечты: 14.02.1716 г. он получил от Петра I предписание с инструкцией «у прежнего устья р. Амударьи в Каспийском море построить крепость в одну тысячу человек, отправиться послом к хивинскому хану старым руслом», изучая «если возможно обратить оную воду в старый ток» и хана «склонить в подданство»; вступить в сношение с бухарским ханом, склоняя его к подданству; отправить из Хивы под видом купца поручика Кожина в «Индостан для проложения торгового пути».⁸⁹

Еще в 1710 г. «иноземный» капитан морского флота Яков Ренталь в докладной записке адмиралу Ф.М. Апраскину сообщал о том, что им найдено на Каспии удобное место для пристани, где можно «обретаться кораблям и всяким мореходным судам», позднее он исследовал морское побережье и совместно с поручиком Федором Соймоновым составил рисованную карту Каспийского моря («Картина плоская моря Каспийского от устья Волги реки протоки Яркловской до устья Куры реки по меридиану. Возвышения в градусах и минутах. Глубины в сажнях и футах. Рисована в Астрахани 1719 года октября 15»). Бекович-Черкасский на хивинской земле, на побережье Каспия, 9.10.1716 г. заложил крепость, отправил к хивинскому хану 2-х послов с подарками: дворянина Воронина и

⁸⁸ История русской армии... С. 283.

⁸⁹ ТС. № 366. С. 13.

Алексея Святого (не вернулись), и двинул в конце мая 1717 г. отряд в три тысячи человек (в том числе эскадрон пленных шведов) вдоль сухого русла Амударьи через плато Устюрт. Когда определился срок выступления отряда А. Бековича-Черкасского, поручик А. Кожин сделал все, что мог: послал сообщение из Астрахани, на свой страх и риск добрался до Петербурга, пытался объяснить двору, генерал-адмиралу графу Ф.М. Апраскину, князю А.Д. Меншикову, что «выступить в поход — значит погубить отряд, так как время упоздано, в степи сильные жары, нет кормов конских, к тому же хивинцы и бухарцы примут русских враждебно». Не услышали, не поняли, не приняли предупреждения.⁹⁰

Отряд выступил в поход. Первоначально дороги были хорошие, достаточно было и корма для животных. Но за р. Эльбой начались пески. В 120 верстах от Хивы в урочище Карагач состоялась трехдневная битва с 24-тысячным войском хана, которая завершилась победой русского войска. Тогда хан пошел на хитрость, прислал парламентаров и пригласил в свой стан А. Бековича-Черкасского. Он отправился к хану один, оставив остальное войско под командованием майора Франкенберга. Хан Ширгази вежливо принял князя, обещал срыть вал, повернувший Амударью в Арал, быть царю младшим братом, обещал мир и любовь, целовал грамоту и предложил разделить русское войско на части, каждую из которых разместить в различных местах, якобы для лучшего обеспечения продовольствием. Майор Франкенберг трижды отказывался разделить отряд, но А. Бекович-Черкасский, пригрозив трибуналом, заставил его это сделать. В пять сторон от реки Поргусан разошлись драгуны, пушки русского войска и были полностью вырезаны.⁹¹

Лишь несколько десятков яицких казаков избежали плена. Печальную весть в Астрахань о разгроме отряда принес яицкий казак Ахмедов. Все, что было заложено А. Бековичем-Черкасским — русские посты, крепости, вскоре опустело, разрушилось, войска и базировавшийся флот ушли в Астрахань. Однако данные, полученные в результате его похода, послужили основанием для западно-европейской картографии первой половины XVIII в. Как отмечают историки, излишний апломб, самонадеянность князя и вероломство хивинского хана погубили подающую вначале надежду на успех и беспрецедентную в преодолении трудностей экспедицию. Излишнюю, непростительную «доверенность» князя при-

⁹⁰ Терентьев М.А. Хивинские походы русской армии. М. 2010. С. 12.

⁹¹ ТС. № 366. С. 36; Шишков А.В. Схватка за Кавказ... С. 57 — 65.

писывают также нравственному расстройству его, вызванному тем, что в день выезда из Астрахани его жена и две дочери утонули в море⁹². А. Бекович-Черкасский 20.10.1717 г. был обезглавлен. «Пропал как Бекович под Хивой», стали горько поговаривать с тех пор. Хивинский хан послал в качестве подарка его голову в Бухару. Эмир Бухары не принял подношения хивинского хана: «Если хивинский хан людоед, то пусть ест сам», — был его ответ.⁹³

Когда в 1873 г. К.П. фон Кауфман приказал генерал-майору Н.Н. Головачеву (1823 — 1887 гг.) совершить карательный рейд против туркменского племени йомудов, отказавшегося принять русское подданство и платить контрибуцию, общественное мнение России восприняло это событие в том числе и как месть за Бековича-Черкасского и русское войско, погубленное именно этим племенем. Оба отряда, посланные Петром I, шли без карт, были слишком многочисленны для мирного посольства и слишком малы для успешной военной экспедиции. Их неудачи заставили Петра I принять решение: пройти в Индию другим путем. К 1722 г. русскими войсками было занято все побережье Каспийского моря и вся северная Персия — исходная позиция движения через Белуджан в Индию. Каспийское море стало русским озером. Во второй половине XVIII в. во Франции даже появилось фальшивое «Завещание Петра I», в котором ему приписывались планы захвата всей Северной Османской империи, Ирана и Индии. На этом английская дипломатия начала XIX в. строила свою широкую пропаганду о «русской угрозе» Индии и другим странам Востока и о чисто «оборонительном» характере своей внешней политики в этом регионе. Преемниками Петра I к 1735 г. все северо-персидские районы, провинции Гилян и Мазандеран были возвращены Персии.

Петр I не отказался от идеи поисков «песочного золота». В 1718 г. царь посылает в Бухару итальянца Флорио Беневини с заданием разузнать все о золоте. Беневини пробыл в Бухаре семь лет, тщательно фиксируя собранные сведения, спасся бегством через Хиву. Хан Ширгази, пытаясь загладить перед Петром I свою вину за казнь князя А. Бековича-Черкасского и наладить отношения с Россией, отпустил вместе с Беневини 92 плененных российских воина из войска князя. Ф. Беневини вернулся только в 1725 г., уже после смерти царя, доставив много сведений о регионе. Тема Индии в сношениях России с государствами ре-

⁹² ТС. № 83. С. 77 — 78.

⁹³ ТС. № 592. С. 26.

гиона присутствовала и позднее, какие бы интересы не выдвигались на первый план в тот или иной период: торговые, экономические, военные, научные. В 1801 г. император Павел I даже решил поддержать идею Наполеона Бонапарта о совместном походе в Индию. Все войско Донское готово было подняться в поход, а 27-тысячный эшелон атамана М.И. Платова успел даже дойти до окраин Саратовской губернии. И лишь известие о смерти императора остановило движение отряда.⁹⁴

Однако после неудачи А. Бековича-Черкасского происходит стратегическое отступление от заложенной Петром I политики России в расширении контактов с Азией со стороны Каспийского моря. Целых полтора столетия таких попыток не предпринималось, и на весь XVIII в. было прекращено продвижение русской государственности на юго-восток⁹⁵. Востоковед А.А. Семенов подчеркивал, что этот неудачный поход заставил российское правительство подчинять себе киргизские степи другим путем — оцеплять их укреплениями со стороны Сибири и Урала. Россия стала «укреплять свою власть в Приуралье». В государственную систему были включены земли яицких казаков, в 1735 г. основан административный центр степных владений — город Оренбург, в 1758 г. организовано Оренбургское казачье войско и положено начало устройству Оренбургской пограничной линии. Внешними делами при Оренбургском генерал-губернаторстве ведала Оренбургская пограничная комиссия (1799 — 1859 гг.). Регион Южного Урала стал главной основой России в ее геополитическом движении в Центральную Азию через Киргизские степи. В значительной степени он был заселен переселенцами, беглыми колонистами, выходцами из плена в Турции, Бухаре, Хиве, часть из которых принимали крещение, сохраняли связи с родственниками, хорошо знали местности своего рождения или пребывания в плену, языки их населения. Город Оренбург со дня своего основания стал важным центром научных, дипломатических, торговых и военных контактов со степью. Со временем наметилось два наступательных плацдарма России в Туркестан: Сибирский и Оренбургский.

До начала XIX в. русское правительство в основном ограничивалось отношениями с подвластными казахскими джусами. Но преследуя задачи расширения торговых связей с Востоком, оно стало отправлять в глубь Азии все более многочисленные дипломатические миссии, торговые представительства, разведыва-

⁹⁴ История русской армии... С. 284.

⁹⁵ История русской армии... С. 283.

тельные экспедиции, официальные посольства с целью установления «пристойной дружбы и любви, границы торговых отношений». На ее территорию стали проникать казаки, путешественники, исследователи, купцы, которые доставляли новые сведения, пополняли знания о регионе, образе жизни населения и постепенно готовили завоевание края. В списке этих имен немало немецких фамилий. Так, в конце августа 1738 г. под руководством поручика Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Иоганна Миллера был отправлен из Оренбурга (крепости Орск) купеческий караван в составе 40 верблюдов в Ташкент. Целью миссии было личное приведение вождей Старшего жуза к присяге, получение достоверной информации о реальном положении дел в регионе, установление договора о беспошлинной торговле для русских подданных. В составе отряда был и геодезист А. Кушелев. Миссия цели не достигла: караван за два дня пути до Ташкента 1.11.1738 г. вблизи Туркестана в урочище Балакампир был почти полностью разграблен; люди, сопровождающие его, взяты в плен, проданы в рабство. К. Миллеру с помощью казаха старшины Кунай-мирзы удалось добраться до Ташкента к правителям Толе-бию и Жилдас-хану. Мужественному молодому поручику удалось также при активном содействии батыра Средней Орды Джанибека выкупить, собрать всех членов посольства и вернуться в Россию, границы которой он достиг в июне 1739 г.⁹⁶ На основании описания и рассказов К. Миллера оренбургский историк П.И. Рычков (1712 — 1777 гг.) сделал практически первое в российской истории описание города Ташкента. (Первое официальное посольство из Ташкента было принято в 1794 г. генерал-майором Г.Э. Штрэндманом (1742 — 1803 гг.) — командующим войсками Сибирской линии.)⁹⁷

В 1742 — 1743 гг. инженер-капитан К. Миллер совершил второе путешествие из Орска в Джунгарию, в долину р. Чу, в район нынешнего Токмака. Он первым из европейцев посетил Бекпакадалу, Чу-Илийские горы, сделал описание маршрута, составил рукописную карту путешествия от Аральского моря до озера Балхаш. Она явилась первой русской оригинальной картой бассейна рек Сарысу и Чу, составленной не по расспросам и рассказам, а на основании личных наблюдений путешественника. Результаты этой миссии нашли отражение в «Путевом журнале К. Миллера 1742 — 1743 годах». По мнению одного из братьев-востоковедов Я.В. Ханькова (1818 — 1862 гг.), это было первое достоверное известие

⁹⁶ Известия АН УзССР. 1955. № 6. С. 87 — 93.

⁹⁷ Добросмыслов А. Ташкент в прошлом... С. 22.

о регионе к востоку от Аральского моря и единственное до середины XIX в. Ученый спустя столетие опубликовал «Миллерову карту» в качестве приложения к труду «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740 — 1741 гг. Гладышевым и Муравиным. Издана с приобщением современной карты Миллерова пути от Орска до Зюнгорских владений и обратно Я.В. Ханьковым» (СПб. 1851). Маршрут К. Миллера на свою карту, изданную в 1753 г., нанес и английский путешественник Д. Ганвей.

При Екатерине II из Германии был «выписан» натуралист Самуил Готлиб Гмелин (1744 — 1774 гг.). С 1768 по 1774 гг. академик Императорской Петербургской академии наук, известный как Гмелин-младший (племянник естествоиспытателя, врача и ботаника, исследователя Урала и Сибири, академика Иоганна Георга Гмелина), совершил в 1770 — 1772 гг. полное трудностей и приключений путешествие, описав Волжские течения до Астрахани, берега Каспийского моря, в том числе восточный так называемый Трухменский берег, полуостров Мангышлак, северную Персию и Закавказье. При возвращении из второй поездки в Персию в районе Дербента (село Ахметкент), захваченный 5.02.1774 г. в плен с целью выкупа по приказу хайгыцкого хана Усмея, он умер 30 лет от роду. Соглашаясь отдать С.Г. Гмелина за выкуп, хан все время менял условия, Екатерина II хотела отнять его силой, но помешал Пугачевский бунт. Исследователь не вынес тяжелых условий плена, скончался 16.07.1774 г. Императрица предприняла меры для получения от хана вещей и записок С.Г. Гмелина, часть рукописей еще раньше спасли его спутники И. Михайлов и Ф. Бауэр: выпущенные из плена они доставили рукописи в Академию наук. Фундаментальный труд ученого *Reise durch Russland zur Untersuchung d.Drei Naturreiche* (СПб. 1770 — 1784 гг.) в четырех книгах с чертежами и рисунками растений и животных, изданный академией наук столицы, «повергает в изумление каждого, кто берет эти книги в руки, ибо кажется невозможным к 30 годам сделать столько».⁹⁸ Труд явился важным вкладом в развитие многих наук: географии, геологии, ботаники, зоологии, этнографии, и содержал много сведений по медицине, сельскому хозяйству и экономике южных провинций России, сопредельных государств. Екатерина II, «желая наладить» более прочные связи с Востоком, как свидетельствовал барон Е. Мейендорф и отмечал исследователь, историк-популяризатор Г.И. Спасский (1763 — 1865 гг.), через

⁹⁸ Русский архив. 1912. № 9. С. 68 — 82.

посланника Ирназара Максутова «от щедрот своих» в знак дружбы с 1779 г. финансировала строительство медресе Назир-Эльчи в Бухаре.⁹⁹

О степях Оренбургских и Киргизских, о народах, их населяющих, писали выдающиеся ученые-немцы, известные как русские ученые-энциклопедисты, естествоиспытатели, путешественники Иоган Готлиб Георги (1729 — 1802 гг.) и Петер Симонс Паллас (1741 — 1811 гг.), о котором историк Н.Ф. Высоцкий писал как об ученом, который «должен быть поставлен во главе той плеяды ученых академиков, по большей части иностранцев», которые «своими путешествиями положили первое основание естественно-исторического изучения нашего отечества». Он первым указал на то, что уровень Каспийского моря лежит ниже уровня мирового океана, обосновал гипотезу об образовании Каспийского моря и о возникновении Аральского моря на месте единого огромного водного бассейна. П. Паллас также принимал участие в издании трудов С.Г. Гмелина после его смерти. Сведения этих ученых-путешественников были использованы Ф.Л. Гуссфельдом: им издана в 1786 г. в Нюрнберге «Карта Российской империи и Великой Татарии в Европе и Азии», на которой была обозначена территория расселения народов Центральной Азии.¹⁰⁰

Одну из первых карт Киргизии составил в 1794 г. генерал-лейтенант Яков Васильевич Боувер (1743 — 1822 гг.), он сделал также представление от 9.04.1795 г. Екатерине II «О положении дел в Среднем джусе и о мерах улучшения торговли и развитии оседлости» в этом районе степи. В 1793 г. в Оренбург прибыли с купеческим караваном два хивинца с письмом от хана, в котором он просил прислать глазного врача для лечения ослепшего дяди. Был послан опытный врач майор Егор Иванович Бланкеннагель (1750 — 1813 гг.), «многими опытами доказавший искусство свое во врачевании глаз». Пять месяцев трудной, опасной для жизни работы при ханском дворе, где все относились к нему с подозрением, считая шпионом, хотя и были благодарны за три сотни излеченных им больных, закончились благополучным возвращением майора в марте 1794 г. в Петербург вместе с 13 отпущенными с ним в благодарность за труды пленными русскими людьми. Е.И. Бланкеннагель «имел <...> возможность собрать сведения о земле, однако не иначе, как через тамошних российских невольников», он собрал цен-

⁹⁹ Лунин Б.В. История Узбекистана в источниках. Ташкент. 1988. С. 225.

¹⁰⁰ Корженевский Н.Л. О старинных картах, хранящихся в Узбекском филиале АН СССР // Известия Узбекского филиала АН СССР. 1941. № 3. С. 73.

ные сведения о состоянии управления в ханстве, его производительных силах, торговле. «Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву, в 1793 — 94 годах» изданы «с объяснениями» известного востоковеда В.В. Григорьева (1816 — 1881 гг.) в С.-Петербурге в 1858 г. Широкою же европейскую публику с жизнью и историей народов Центральной Азии познакомил немецкий композитор Георг Фридрих Гендель (1685 — 1759 гг.), творчеству которого принадлежит опера «Тамерлан», впервые поставленная в королевском театре Лондона 31.11.1724 г.

После Отечественной войны 1812 г. Россия активизировала свою внешнеэкономическую политику в отношении центрально-азиатских государств. На территории края к середине XIX в. находилось три независимых политических образования: Кокандское и Хивинское ханства, Бухарский эмират и ряд мелких феодальных владений. В 1819 г. в структуре Министерства иностранных дел России был создан Азиатский департамент. Военное проникновение и мирное заселение Азии, охрана и оборона новых границ происходили параллельно с научным изучением края. В плане расширения торговли с Востоком первостепенное значение имела Хива, через ее территорию пролегали ключевые торговые пути. Наместником Кавказа генералом П.А. Ермоловым была на восточное побережье Каспийского моря отправлена специальная экспедиция, от которой в сентябре 1819 г. выехала делегация к хивинскому хану во главе со штабс-капитаном Н.Н. Муравьевым. Делегацию ожидал враждебный прием хана и 48-дневное заключение в маленькой крепости Иль-Гельды. Но аудиенция в ханском дворце все-таки 20.11.1819 г. состоялась. Основным результатом посольства стали: издание двухтомного сочинения Н.Н. Муравьева (Карского, позднее генерала от инфантерии, последнего наместника Кавказа) «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 — 1820 годах» (М. 1822), долгое время считавшегося классическим трудом по региону; а также решение, принятое по итогам миссии Азиатским департаментом, о необходимости «привлечения военно-политических средств» для обеспечения экономических интересов России на Востоке. На восточном побережье Каспийского моря было решено вновь заложить крепости и отправить в Бухару дипломатическую миссию под руководством действительного статского советника Александра Федоровича Негри (1784 — 1854 гг.), владевшего турецким и персидским языками. Ранее дважды бухарские поверенные приезжали в Москву в 1816 и 1820 гг. и изъявляли желание своего правителя видеть русское посольство в Бухаре. Дипломатическое посольство, собранное только после вто-

ричного приглашения, отбыло из Оренбурга 10.12.1820 г. с большим караваном в 368 верблюдов и 400 лошадей, в сопровождении казаков и пеших солдат. Дипмиссия благополучно прибыла в Бухару 20 декабря и пробыла там до 10.03.1821 г. Основная цель миссии — расширение торговли между двумя государствами, сбор материалов о природных ресурсах, правительствах государств региона и их отношениях между собой и с Афганистаном. Один из офицеров состава посольства энергичный молодой инженер из прибалтийских немцев, полковник Генерального штаба барон Егор (Георг Вальтер Конрад) Каземирович Мейендорф (1794 — 1865 гг.) получил специальное «Наставление касательно обозрения Киргизской степи во время следования с посольством в Бухару»: исследовать путь, течения рек, изучить возможность заселения обширных пространств к югу от Оренбурга, «назначить места, удобные для крепостей вдоль по дорогам от крепостей Орской и Троицкой до р. Сырдарья», «обезопасить караванные пути в Бухарию и Хиву», «провести астрономические определения долгот и широт», составить маршруты путей, на основании чего подготовить «Общую генеральную карту» и вести журнал «путешествия в Бухару и обратно». Барон собрал обширнейшие географические, этнографические, социально-политические сведения, материалы о политическом, правовом устройстве, управлении государств края, роли торговли. Современники отмечали: «Немногие русские посольства, побывавшие в Бухаре, могут похвастаться такими обширными и разнообразными сведениями». В 1822 г. в «Северном архиве» опубликовано «Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухару в 1820 г.». В 1826 г. Национальной школой живых восточных языков (основана в 1795 г.) в Париже была опубликована на французском языке полная монографическая работа исследователя «Путешествие из Оренбурга до Бухары в 1820 г., через степи, простирающиеся на восток от моря Аральского и древнего Яксарта» с приложениями статей о заболевании и методах их лечения в Бухаре другого участника посольства зоолога, ботаника, доктора медицины Эдуарда (Эдуард Фридрих) Александровича Эверсмана (1794 — 1860 гг.), пожалуй, первого натуралиста в эмирате, который первым из европейских ученых въехал под видом татарского купца в Бухару и проводил свои исследования с большим риском для жизни; а также естественно-исторического (натуралистического) описания края ученым эмбриологом, анатомом Христианом Ивановичем Пандером (1794 — 1865 гг.).¹⁰¹

¹⁰¹ Лунин Б.В. История Узбекистана... С. 199; ЦГА РУз. Ф. 2487. Оп. 1. Д. 41. Л. 19.

В том же году книга была переведена на немецкий язык и издана отдельными частями в Йене. Но только 125 лет спустя, в 1955 г. перевод труда Е.К. Мейендорфа был сделан в Ташкенте с французского на русский язык ученым-востоковедом, крупнейшим библиографом Центральной Азии Евгением Карловичем Бетгером (1887 — 1956 гг.). Им была проделана «большая дополнительная работа. Он бережно подошел к переводу, скрупулезно разобрался в географических понятиях и политических обстоятельствах того периода времени, в сложностях административной и иной терминологии, присущих жизни бухарского общества», дополнил к переводу большое количество примечаний, сносок, приложений некоторых частей работы Э.А. Эверсмана и отрывки из воспоминаний сопровождавшего миссию священника Будрина. Сохранил он и перевод описания везда посольства Негри в Бухару, сделанный ранее востоковедом А.А. Семеновым. В своем отзыве от 15.08.1955 г. «О работе кандидата исторических наук Е.К. Бетгера по переводу на русский язык с французского книги Е. Мейендорфа...» старший научный сотрудник АН УзССР, к.и.н. востоковед О. Чехович напишет: «Сочинение это состоит из трех частей (книг). В первой части описывается путешествие посольства Негри через казахские степи и прибытие в город Бухару. Вторая содержит краткую заметку о среднеазиатских ханствах, соседних с Бухарой (о Хиве, Коканде, Кашгаре, Хисаре, Кулябе и др.). Третья, самая интересная часть сочинения Мейендорфа, содержит обстоятельное описание Бухарского ханства — его территории, населения, городской жизни, состояния сельского хозяйства и ремесел, внешней и внутренней торговли, политического строя и культуры. <...> Автор этого сочинения, <...> с 1820 года в посольстве Негри <...> специально для сбора географических и статистических сведений о Бухарском ханстве <...> отнесся к порученному ему делу с большой научной добросовестностью. Приводимые им сведения подтверждаются другими, в том числе местными, источниками и заслуживают доверия». Отмечая «прекрасный перевод Е.К. Бетгера», автор отзыва подчеркивает, что он «снабдил свой перевод ценными примечаниями справочно-библиографического характера. Научный уровень, добросовестность и точность этих справок заслуживает самой высокой оценки». Издание перевода было включено в план Госиздата УзССР на 1957 г., но под редакцией Н.А. Халфина работа Е. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару» опубликована в Москве только в 1975 г. Исследование края проходило и далее.

В 1825 — 1826 гг. доктор медицины и зоологии Казанского университета Эдуард (Иоганн Карл Эдуард) Иванович Эйхвальд (1795 — 1876 гг.) посетил полуостров Мангышлак, Красноводский и Балханский заливы с целью сбора ботанических и зоологических коллекций, проводил исследования геологического строения местности, наблюдал за жизнью прибрежных туркмен, собрал интересный этнографический материал.¹⁰²

В 1838 г. по просьбе бухарского эмира для поиска золота и драгоценных камней были посланы инженеры А.Р. Генгрос и Е.П. Ковальский, их задержали хивинцы, они «бросили все имущество» и в «ноябрьскую ночь, при страшной буре <...> убежали к русскому посту». Позднее горный инженер, участник Хивинского похода В.А. Перовского Александр Родионович Гернгрос (1813 — 1904 гг.) сделал описание западной части Киргиз-Кайсацкой степи.¹⁰³ Закрытость и неизвестность далекого края обусловили то, что любая дипломатическая миссия, торговая делегация, военная экспедиция имели и большое научное значение и, как правило, включали в своем составе ученых или специально обученных людей для сбора географических, геодезических, топографических и прочих сведений. Так, отряд в составе 2310 уральских казаков при 6 конных орудиях под командованием полковника (позднее генерал-фельдмаршала) Федора (Фридрих Вильгельм Ремберт) Федоровича Берга (1794 — 1874 гг.) в 1823 г., обогнув северо-восточное побережье Каспийского моря, вступил на плато Устюрт и достиг западного побережья Аральского моря. Движение отряда преследовало цель пресечь разбойничьи нападения на поселения рыбаков Каспия и р. Урала, предпринимаемые периодически кочевниками — наемниками либо Хивы, либо Бухары. Но в отряде были также участники «для научных изысканий». В 1825 — 1826 гг. Ф.Ф. Бергом проведена вторая Арало-Каспийская экспедиция. При полковнике состоял Александр Осипович Дюгамель (будущий дипломат, сенатор, Западно-Сибирский генерал-губернатор, им был подготовлен и представлен императору доклад об экспедиции), а также исследователи: Э.А. Эверсман, Х.Г. Пандер, Б.Ф. Лемм (1802 — 1872 гг.), полярный исследователь П.Ф. Анжу (1797 — 1869 гг.) и граф Г.С. Карелин (1801 — 1872 гг.), позднее известный географ, натуралист, путешественник и строитель многих крепостей на Каспии,

¹⁰² Письмо профессора Эйхвальда // Сб. Материалов о Русском Туркестане. Ташкент. 1871. С. 447 — 449; Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Средней Азии. Ташкент. 1955.

Ч. 1. С. 40, 43.

¹⁰³ ТС. № 366. С. 59.

прежде всего форта Ново-Петровский (с 1857 г. — Александровск, с 1939 г. — Шевченко).¹⁰⁴ Нивелировочные работы проводил Б.Ф. Лемм. В ходе экспедиций Ф.Ф. Берга впервые был сделан ряд астрономических наблюдений и произведена маршрутная съемка до западного берега Арала для военно-топографических, географических описаний и составления карты района; впервые произведено барометрическое определение высоты Аральского моря. В 1832 и в 1836 гг. состоялись экспедиции Г.С. Карелина по северо-восточному и юго-восточному побережьям Каспийского моря, доставившие много ценных научных сведений, в составе экспедиции 1836 г. принял участие геодезист Иван (Иоганн) Федорович Бларамберг (1800 — 1878 гг.), проводивший съемку и астрономические наблюдения на юго-восточном побережье.¹⁰⁵

Такие отряды стали посылаться в степь ежегодно, особенно после 1830 г., когда казахи Малой Орды обратились к России с просьбой принять их в подданство и обеспечить безопасность. Вместе с торговыми караванами шли образованные офицеры, горные инженеры, топографы, исследователи, часто рискуя жизнью для сбора сведений о путях передвижения, судоходных реках, полезных ископаемых. С декабря 1834 г. по июнь 1835 г. в Бухаре под видом татарского муллы Джафара находился профессор турецкого и персидского языков Института восточных языков С.-Петербурга Демизон, пришедший в эмират из Оренбурга с купеческим караваном. В городе им был встречен еще один путешественник родом из Трансильвании — Г. Гонигбергер, который около 15 лет путешествовал по странам Востока, позднее был и в С.-Петербурге.¹⁰⁶

Молодой геолог, географ и путешественник Александр Адольфович Леман (1814 — 1842 гг.), ученик доктора медицины, основоположника эмбриологии, кандидата философии и путешественника Карла (Карл Эрнст) Максимовича Бэра (1792 — 1876 гг.), совершивший вместе со своим учителем в 1837 г. на шхуне «Кротов» путешествие для исследования восточного берега Белого моря и на Новую Землю, был приглашен в 1838 г. для исследования Оренбургского края. Он принял участие в экспедиции Перовского в Хиву в 1839 г., в 1840 г. исследовал восточный берег Каспийского моря, южные отроги Урала и более года провел в Бухаре, отправившись в эмират в 1841 г. в составе дипломатической миссии

¹⁰⁴ Маслова О.В. Обзор русских... С. 36; ТС. № 366. С. 51.

¹⁰⁵ ТС. № 366. С. 73 — 77.

¹⁰⁶ Лунин Б.В. История Узбекистана... С. 51; ТС. № 372. С. 187; S-Petersburg-Zeitung. 1834. № 224.

К.Ф. Бутенева. Собранный им огромный материал ученый не успел издать, на обратном пути из Бухары он скончался в Симбирске, как писали в то время «от нервной горячки». В обработке Г. Гельмерсена в 1852 г. в С.-Петербурге была издана его работа «Reise nach Buchara und Samarkand in J-1841-1842», ботанические коллекции были обработаны профессором ботаники А.А. Бунге, который издал в С.-Петербурге в 1852 г. на немецком языке их описание. Продолжал исследования и Генерального штаба корпуса топографов капитан Б.Ф. Лемм. В 1838 — 1839 гг. он участвовал в составе русской миссии в Персию и Хорасанскую провинцию, проводил астрономические исследования, по результатам которых составил карту, ставшую основой при составлении последующих карт региона. С 20.05.1846 г. в течение 5 месяцев Б.Ф. Лемм проделал огромную работу по составлению карты Киргизской степи, определению ряда астрономических пунктов от Орской крепости до р. Сырдарьи и «обеспечения проходов для караванов и военных команд». Им определены астрономические пункты на северо-восточном берегу Аральского моря и в устье р. Сырдарьи от Орска до низовья реки. Отмечалась особая точность и скорость произведенных им астрономических определений 99 мест. Топографические съемки низовьев р. Сырдарьи продолжил вместе с А.И. Макшеевым в 1847 — 1848 гг. Исследование Аральского моря было в 1848 — 1852 гг. по рекомендации знаменитого мореплавателя Фаддей (Фабиан Готлиб Бенъямин) Фаддеевича Беллинсгаузена проведено А.И. Бутаковым.¹⁰⁷ На протяжении десятилетий Б.Ф. Лемм проделал большой объем (600) астрономических определений. За многолетний труд ему в 1850 г. была присуждена золотая Константиновская медаль Русского географического общества.

Горный инженер, будущий академик и директор Горного института, основоположник русской школы геологического картографирования Георг фон Гельмерсен (1803 — 1885 гг.), в течение 60 лет занимаясь описанием малоизвестных окраин России, в том числе и Киргизских степей, в 1840 г. издает свой труд о Хиве (Хива в нынешнем ее состоянии // Отечественные записки. 1840. Т. 8). Участник дипломатической миссии Г.И. Данилевского 1842 — 1843 гг. в Хиву Федор Иванович Базинер (1817 — 1862 гг.), изучая естественно-исторические, природные особенности края, публикует результаты своих исследований в изданиях АН (СПб. 1848). В январе 1857 г. генерал-майор Иван Андреевич Фитенгоф (1797 — 1871 гг.), командующий Сырдарьинской линией (1856 — 1858 гг.), предпринял удачную попытку

¹⁰⁷ ТС. № 366. С. 20 — 21, 143.

движения за р. Амударью с довольно значительным отрядом (600 человек, 3 орудия), в ходе ее была проведена съемка местности, которую продолжили в 1860 г. чины Генерального штаба Л.М. Мейер и Н.Н. Головачев, сняв пространство до разливов восточной части дельты р. Амударьи.¹⁰⁸ Л.М. Мейер руководил экспедицией Генерального штаба по изучению «киргизских степей Оренбургского ведомства» и геологического исследования берегов р. Эмбы и рыболовства в 1861 — 1862 гг. Характеристики региона в своих трудах касался и величайший естествоиспытатель, академик Петербургской академии наук К.М. Бэр. В 1853 и 1854 гг. он исследовал северо-восточную часть Каспийского моря и дважды посетил полуостров Мангышлак. Военный топограф, геодезист, обладавший к тому же разносторонними и глубокими знаниями, генерал И.Ф. Бларамберг вновь вернулся к исследованию края и систематически с 1840 по 1855 гг. проводил топографические съемки Киргизской степи, Устюрта и Южного Урала, опубликовав позднее «серьезные», по отзыву А. Вамбери, труды энциклопедического характера о районах, в которых проводил исследования. И.Ф. Бларамберг руководил также строительством укреплений на Сырдарьинской пограничной линии. О киргизских степях и об укреплениях от форта № 1 в Оренбургском крае и на Сырдарьинской линии, об исследовании р. Джаны-Дарьи — притока р. Сырдарьи, публикует свои заметки А.Н. Грен («Заметки об укреплениях в Оренбургском крае вообще и на Сыр-Дарьинской линии в особенности» (СПб. 1861). Геологические и палеонтологические исследования степных районов Оренбургского края проводил профессор Казанского университета, российский геолог и палеонтолог, основоположник казанской геологической школы Александр Антонович Штукенберг (1844 — 1905 гг.). Ф.Р. фон Остен-Сакен в 1857 г. совершил поездку по Средней Азии до южных отрогов Тянь-Шаня, дошел почти до Кашгара, собрал обширный гербарий, обработанный академиком Ф.И. Рупрехтом. (Записки русского дипломата барона Ф.Р. Остен-Сакен// Источник. Документы русской истории. 2002. № 1. (55)). Археологические раскопки курганов и записи образцов устного народного творчества жителей Киргизской степи осуществлял ученый-тюрколог, доктор философии Василий Васильевич (Вильгельм Фридрих) Радлов (1837 — 1918 гг.). В целом происходило постепенное и стихийное продвижение укрепленных постов в степь и военно-научное исследование края, в котором активное участие принимали немцы, в том числе и зарубежные ученые. В 30-е годы XIX в. в Оренбург в сопровождении химика профессора Густава Ризе,

¹⁰⁸ ТС. № 366. С. 321.

ботаника и зоолога профессора Кристиана Готфрида Эренберга, горного инженера Н.С. Меншикова, геологов Э.К. Гофмана и Г.М. Гельмерсена совершил поездку известный ученый, основоположник географии растительности Александр фон Гумбольдт (1769 — 1859 г.). Оренбургский генерал-губернатор Петр Кириллович фон Эссен (1772 — 1844 г.), раздосадованный тем, что необходимо встречать «какого-то натуралиста», срочно уехал в Уральск, оставив ученого на попечение председателя Азиатской пограничной комиссии генерал-лейтенанта Григория (Георг Гергард) Федоровича Генса (1787 — 1845 гг.), который в течение почти двадцати лет собирал материалы о внутренних районах Азии, руководил экспедицией 1831 г. из Оренбурга в верховья р. Тобола и имел «богатый опыт и запас сведений о Средней Азии». Свои материалы генерал любезно предоставил А. Гумбольдту. «Эти сведения были самою драгоценною находкой», — отмечал ученый, потому что указывали на «орографию таких стран, которые лежат внутри самой Азии и известны европейцам по одним названиям». Материалы Г.Ф. Генса ученый ценил очень высоко и широко использовал в своем труде «Центральная Азия» (Т. 1 — 3. 1843, на русский язык переведен только первый том, который содержал впервые полное рельефное описание региона).¹⁰⁹ Описанию территории ханств посвящена и работа «Путешествие на Восток в 1815 — 1816». (СПб. 1827) другого немецкого ученого, одного из основоположников современной географии Карла Риттера (1779 — 1859 гг.), автора фундаментального девятитомного труда «Земледелие в отношении к природе и истории человечества», уделявшего большое внимание изучению географии России и Ирана (в русском переводе в пяти книгах, 1856 — 1879 гг.). Значительный этнографический и регионоведческий материал был собран ученым-агрономом из Дрездена, 26 лет с 1846 г. преподававшим сельскохозяйственные науки в Дерптском университете и совершавшим научные путешествия по России, Кавказу, Западной Сибири и Туркестану, Александром Петцольдом (1810 — 1889 гг.), на русский язык переведена его работа «Обозрение Русского Туркестана». О Центральной Азии писали также немецкие ученые: этнолог, путешественник, этнограф и философ Адольф Бастиан (1826 — 1905 гг.); профессор Фридбургского университета геолог Георг Бем; профессор Иенского университета геолог и палеонтолог, автор единственного в своем роде в мировой геологической науке труда «История земли и жизни» Иоганн Вальтер (1860 — 1937 гг.). Швейцарец Генрих Мозер в 1868 г. совершил путешествие в Туркестан с целью вывоза шелковичного

¹⁰⁹ ТС. № 398. С. 22; ГА Оренбургской области. Ф. 166. Личный — Г.Ф.Генс.

червя, он вернется в край в свите генерала М.Г. Черняева в 1882 г., соберет много сведений, исторических материалов, совершит в 1883 г. поездку в Бухару и опубликует в Париже в 1885 г. свои путевые заметки «В странах Средней Азии (Путевые впечатления 1882 — 1883 гг.)», в России они вышли в 1888 г. Посетят край: ориентолог Х. Штумм; королевский архитектор Б. Шульц; путешественники А. Шлагинтвейт и А. Альбрехт; ученый-географ и альпинист из Мюнхена Готтфрид Мерцбахер (1843 — 1926 гг.), совершивший две экспедиции в район Центрального Тянь-Шаня в 1902 и 1907 гг. (его именем названы несколько горных вершин и загадочное, стекающее дважды в год озеро на Тянь-Шане, расположенное между северным и южным ветвями ледника Иньльчек), и другие исследователи.¹¹⁰

Развитие российской промышленности и торговли увеличивало значение товарооборота с кочевыми племенами и ханствами Центральной Азии, приводило в начале XIX в. к его расширению. Торговлю на российском рынке вели в основном купцы из Хивы и других ханств. Российские караваны подвергались грабёжам, а потому отправки их совершались нечасто, и защита их от «набегов разбойников», «шакк грабителей» и т. д. служила своеобразным мотивом продолжения территориально-политической экспансии империи на сопредельные территории. Но с 30-х годов XIX в. Англия, захватив Индию, стала усматривать в русской колонизации края потенциальную угрозу своему господству. Со второй половины XIX в. центральноазиатский регион, обладая важным геополитическим и геостратегическим положением, превратился в зону интересов крупных мировых держав. Россия столкнулась с опасным и очень опытным конкурентом. Англия засылала своих разведчиков, в том числе используя под видом купцов индийцев, создавала агентуру, свои миссии (в Бухаре таковая была основана уже в 1834 г.), подкупала ханов и владык полунезависимых бекств, навязывала им своих или турецких советников, поставляла оружие, строила планы создания на восточном побережье Каспийского моря и в верховьях рек опорных пунктов, откровенно интриговала, пыталась столкнуть владык края друг с другом и настраивала ханов против России. Она вытеснила Россию с афганского рынка, ослабила ее влияние в Персии и начала, продавая свои товары первоначально по очень низким ценам, вытеснять российских купцов с рынков азиатских государств. Ак-

¹¹⁰ ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 34. Л. 24; Ф. И-20. Оп. 1. Д. 1241. Л. 20, 64; Моисеев В. Жизнь и смерть Адольфа Шлагинтвейта: новые данные об отважном исследователе Центральной Азии // Азия и Африка сегодня. 2001. № 6. С. 41 — 43.

тивная политическая, военная и торговая экспансия Англии в регионе несла значительную угрозу России. Правительства государств края не особенно доверяли иностранцам, были более заинтересованы в российских рынках, где они сбывали продукцию сельского хозяйства, и стремились извлечь из противостояния России и Англии свою выгоду. Они не обращали внимания на грабежи своими подданными купеческих караванов, на бесконечные аламаны на пограничные поселения империи, на захваты людей в рабство. Особенно большой рынок русских невольников, ценившихся как рабочая сила очень высоко, был в Хиве. Все попытки мирного решения вопросов о защите торговых караванов, о положении пленных оставались безрезультатными. В связи с этим в Азиатском департаменте и в военных кругах крепло решение: нет другого способа осадить хана, кроме военного похода. Экспансия России оправдывалась необходимостью противостоять Англии, рассматривалась как оборонительная политика, направленная против ее агрессии.

В 20-е — 30-е годы XIX в. русские посты постепенно продвинулись вглубь территории края на 600 — 700 верст и стали достигать Голодной степи. Кочевые степные племена переходили в русское подданство. Со стороны Сибирской линии этот процесс проходил относительно спокойно, но на Оренбургской линии среди кочевников время от времени вспыхивали волнения, провоцируемые со стороны хивинского хана. В феврале 1839 г. Оренбургский генерал-губернатор генерал-адъютант В.А. Перовский (1794 — 1857 гг.) представил царю записку с проектом военного похода на Хиву, основанном на материалах экспедиции Ф.Ф. Берга и сведений из других экспедиций. С этого года начинается вооруженное вторжение России в Центральную Азию. Поход В.А. Перовского начался 14.11.1839 г. Под его руководством было 4250 человек при 180 орудиях. Кроме того, проводники, возчики, верблюжата из киргиз и казахов 10400 верблюдов. Целью похода, начатого под видом ученой экспедиции к Аральскому морю, было «сместить хана, заменить его надежным султаном Кайсацким; упрочить порядок, освободить пленных, дать полную свободу торговли». Но уже к 19 декабря отряд потерял 3000 верблюдов. Небывало суровая зима, жестокие морозы до минус сорока градусов, снежные бури, цинга и тиф приводили к гибели людей и животных, помешали честолюбивым планам губернатора. К 1.02.1840 г. у В.А. Перовского в строю осталось не более 2000 человек. Большинство оставшихся в живых верблюдов были больны, с обмороженными ногами. Рекогносцировка показала, что впереди еще более трудные условия для передвижения

отряда. Скрепя сердцем В.А. Перовский 14.04.1840 г. отдал приказ о возвращении в Оренбург. Отряд прошел половину пути, почти до Аральского моря, не встретив никакого противостояния ханских войск и потерял более одной трети состава. Как отмечают историки, только «энергией Перовского удалось спасти остатки отряда». Полная неудача похода определялась недостаточностью сведений о природных условиях края, неправильно выбранным временем года и неопытностью. «После первого похода Бековича второй русский поход в Среднюю Азию кончился неудачей, что вселяло в хивинцев уверенность в своей неуязвимости и непобедимости».¹¹¹ Но экспедиция не была окончательно бесплодной: хивинский хан Аллакул изменил свое отношение к России, прислал в августе 1840 г. в Оренбург 418 русских пленных, долгое время бывших в неволе, разослал фирман со строгим запрещением брать или покупать русских или вредить чем-либо России и русским купцам. Оренбургский купец Н.М. Деев, «без содействия» которого «не обошлось<...> ни одного русского посольства в Средне-Азиатские владения», возобновил торговлю с Хивой. В конце 1842 г. состоялась «миссия» — первое посольство в Хиву под руководством капитана П.А. Никифорова, правда, не имевшая никакого результата. Важным было и то, что в походе В.А. Перовского принимали участие ученые-исследователи, в том числе Федор Иванович Базинер (1817 — 1862 г.) — философ, натуралист, путешественник.¹¹² Он продолжил исследование края позднее, в 1843 г., будучи в составе дипломатической миссии М.И. Данилевского из Оренбурга в Хиву, и первым описал осеннюю флору Хивы и Киргизской степи, опубликовав на немецком языке в 1848 г. яркие сведения о растительности, географии, погоде и истории Хивы. Незаконченный перевод его труда «Путешествие через Киргизские степи в Хиву (1842 — 1843 гг.)» на русский язык был сделан с очень большими дополнениями и собственными примечаниями Е.К. Бетгером в 1956 г. В отряде Перовского были также ученые: географ А.А. Леман и будущий известный российский филолог немецких кровей, собиратель слов русских Владимир Иванович Даль (1801 — 1872 г.), совершавший в 1833 — 1841 гг. служебные поездки по Оренбургскому краю. Свои «Письма к друзьям из похода в Хиву», в которых впервые было дано описание экспедиции, он опубликовал на немецком языке в 1847 г., затем с дополнениями в 1867 г. В. Далю принадлежит также много произведений «по мотивам жизни» народов края. Он записал и опубликовал повествование о поездке в Бухару с торговым ка-

¹¹¹ История русской армии... С. 284.

¹¹² ТВ. 1873. №№ 31, 46.

раваном Яна Викторовича Виткевича (1808 — 1839 гг.), востоковеда, сосланного за участие в восстании в Варшаве 1830 — 1831 гг. в Оренбург, ставшего первым посланником России в Кабул в 1837 — 1838 гг. «Записка, составленная по рассказам оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Я.В. Виткевича относительно пути его в Бухарию и обратно». Описания пути, проделанного ссыльным исследователем с ноября 1835 г. до апреля 1836 г., записаны В.И. Далем лично со слов этого необыкновенно одаренного человека, талантливого дипломата, рано ушедшего из жизни.¹¹³ В июне 1840 г. генерал В.А. Перовский представил проект следующего похода на Хиву, император Николай I одобрил его и даже отдал приказ готовиться к походу, но до 60-х годов XIX в. широкомасштабные военные операции в крае не проводились.¹¹⁴

На территорию края продолжали отправляться с целью картографирования, изучения местности и политической ситуации в регионе различные миссии, возглавляемые, как правило, офицерами Генерального штаба. Так, в 1858 г. Азиатским департаментом МИД России было организовано три российских миссии: научная — во главе с востоковедом Н.В. Ханьковым (1822 — 1878 гг.) из Баку в Иран и западный Афганистан; торговая — из Семипалатинска в Кашгар во главе с известным казахским просветителем поручиком русской армии Ч.Ч. Валихановым (1835 — 1865 гг.), внуком последнего хана Среднего джуса; дипломатическая — под руководством полковника Н.П. Игнатова в Хиву и Бухару, в составе которой и совершил свою первую поездку в Азию востоковед Петр Иванович Лерх (1827 — 1884 гг.), участвовал в ней и астроном Отто Васильевич Струве (1819 — 1905 гг.). Особых результатов экспедициями достигнуто не было. Но ценный материал по экономике, характеристике управления в государствах Центральной Азии, расстановке политических сил и степени влияния Англии в ханствах был собран.

Россия между тем все острее осознавала свои интересы в регионе. Гражданская война в США (1861 — 1864 гг.) привела к резкому сокращению поставок хлопка для растущей текстильной промышленности страны. Хлопок был в районах Центральной Азии. К тому же русские товары не могли конкурировать на западно-европейском рынке. До 60 % российского металла и изделий из него вывозилось на Восток. Мировой рынок, соперничество с Англией, имперские амбиции вызывали

¹¹³ Первый русский агент в Афганистане // Новое время. 1885. № 3286; ТС. № 377. С. 80 — 81.

¹¹⁴ ТС. №. 83; ТС. № 366. С. 60.

остроту конфронтации государств, определяли политику России на Востоке. Непосредственными соперниками в борьбе за отдельные территории края всегда выступали Иран, Китай, Афганистан. Англия предпочитала действовать за их спинами, подстрекая к захватам территорий или к враждебным акциям. В военных кругах России очень хорошо понимали и слабость центрально-азиатских государств, и стратегическое значение этого края в противостоянии Англии, и экономическую значимость его для империи. Оренбургская (Сырдарьинская) оборонительная линия переносится в 1845 г. дальше вглубь территории края. К середине 1860-х годов командующими Сырдарьинской линией В.А. Перовским и А.Л. Данзасом построены уже ряд фортов. Россия строит оборонительные укрепления и в Приаралье: в 1847 г. под руководством И.Ф. Бларамберга военным инженером К.И. Герном построен форт Раим (с 1851 г. — Аральское укрепление, официально упраздненное в 1854 г., с 1855 г. — форт № 1, перестроенный в 1858 г. по плану полковника Генериха, с 1867 г. — г. Казалинск) — первое российское военное укрепление в Приаралье, служившее местом главной стоянки Аральской флотилии, учрежденной в 1847 г. по инициативе генерала В.А. Обручева. В 1849 г. сюда была доставлена двухпушечная шхуна «Константин», а затем и другие суда. В 1853 г. генерал В.А. Перовский взял крепость Ак-Мечеть и воздвиг форт Перовский (Перовск, с 1922 г. — г. Кызыл-Орда), «запиравший у Аральского моря все пути в Среднюю Азию». С его устройством завершилось создание пограничной, так называемой новоучрежденной, Сырдарьинской оборонительной линии, а в политической географии стали отмечать «Среднеазиатские владения России».

Киргизские и казахские кочевые племена, подчиненные Кокандскому ханству, в поисках защиты от беззакония и произвола ханских наместников все активнее стали переходить в российское подданство. Отсутствие четких границ с государственными образованиями края приводило к тому, что кокандские отряды вторгались в кочевья русских подданных, собирали с них дань, уводили скот, забирали людей в неволю и всегда подстрекали против России. Все чаще стали возникать вооруженные конфликты с войсками кокандского хана, и Сырдарьинская оборонительная линия получила название «передовая Кокандская линия». Русские войска на территорию края продвигались и с востока, со стороны Сибири. От Омска до китайской границы линией тянулись казачьи станции, они давно врезались в глубину степей и, как проводники русского

влияния среди кочевых народов степей, «сами принимали многое из их быта и понятий». ¹¹⁵

В 1851 — 1853 гг. генерал-губернатор Западной Сибири Густав Христианович Гасфорд (1794 — 1874 гг.) ходатайствует об основании в Заилийском крае военного поселения «Заилийский»; 7.03.1854 г. был утвержден проект укрепления «за рекой Илею»; построенное укрепление было названо в честь одной из трех дочерей генерал-губернатора «Вера». Николай I скорректировал в своей резолюции «Согласен укрепление назвать Верным». Весь Заилийский край вошел в состав России. К 1858 г. была создана так называемая Ново-Сибирская пограничная линия, включавшая города Копаль и Верный, из которого Г.Х. Гасфорд и сменивший его генерал Александр Осипович Дюгамель (1801 — 1880 гг.) стремились сделать «непреступную для наших азиатских соседей твердыню». С этого времени основными пунктами русского вторжения в Западный Туркестан стали: с запада — г. Перовск, со стороны Сибири — г. Верный. Границы империи с устройством укреплений вдоль гор Алатау и по р. Сырдарья постепенно замыкались. «Русские шли вперед, — писал современник событий, — потому что если бы мы не выдвинулись на Сырдарью, мы бы были принуждены отступить обратно к Уралу». Царское правительство приняло решение сомкнуть границы юго-восточных оборонительных линий, между которыми было огромное расстояние в 650 верст (по другим источникам 900 верст), служивших открытыми воротами для вторжения войск кокандского хана на территорию империи. К тому же происходило и резкое изменение во взглядах на «значение среднеазиатских завоеваний». Раньше движение на юг считалось делом внутренней политики, и ставилась задача обеспечения спокойствия степных границ. «Теперь же среднеазиатская политика стала приобретать великодержавный характер, <...> взорам Двуглавого Орла стала угадываться синеватая дымка Памира, снежные облака Гималайских вершин и скрытые за ними долины Индостана. Заветная мечта окрылила два поколения туркестанских командиров. Наша дипломатия осознала огромную политическую выгоду туркестанских походов, ставших замечательным орудием политического давления — орудием, ставшим бы неотразимым в руках более смелых и искусных, чем были руки дипломатии Александра II». ¹¹⁶

¹¹⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 118.

¹¹⁶ История русской армии... С. 286.

Решено было с двух сторон, навстречу друг другу, выдвинуть два отряда. Весной 1864 г. из форта Перовского вышел отряд под командованием полковника Н.А. Веревкина (1828 — 1898 гг.), из укрепления Верного — Западно-Сибирский отряд под командованием полковника Генерального штаба М.Г. Черняева (1828 — 1898 гг.). На стыке наступающих с двух сторон отрядов находилась крепость Чимкент, считавшаяся неприступной. М.Г. Черняев, принявший общее командование над соединившимися отрядами, занял 22.09.1864 г. крепость, на время обосновавшись в ней. (Его попытка овладеть в том же году в октябре Ташкентом не удалась.) Действия М.Г. Черняева были порой жесткими, особенно при взятии Пишпека и Ауле-Аты. Принимавшие в его походе участие известный путешественник Н.А. Северцев (1817 — 1885 гг.) и казахский историк, этнограф, филолог и просветитель Чокан Чингисович Валиханов (1735 г. — 10.04.1865 г.) выражали ему решительные протесты. Ч. Валиханов в знак протеста оставил службу и возвратился в Семиречье. Завоевания новых территорий отрядами М.Г. Черняева и Н.А. Веревкина были, однако, настолько неожиданными для царского правительства и до того не в его планах, что 31.10.1864 г. даже состоялось высочайшее повеление «о непременной недвижности нашей границы». Но затем из завоеванных территорий бухарских и кокандских земель 12.02.1865 г. была образована в составе Оренбургского генерал-губернаторства Туркестанская область. Во главе ее поставлен получивший генеральский чин М.Г. Черняев. С целью составления проекта «Положения» для управления областью создана особая комиссия под председательством действительного статского советника Н.К. Гирса, получившая неофициальное название «Степная». Одним из членов ее состоял Александр Константинович Гейнс (1834 — 1892 гг.) — позднее первый помощник К.П. фон Кауфмана по устройству управления в Туркестанском крае. Два года члены комиссии разъезжали по степи, знакомились с бытом населения, собирали статистические данные. Именно А.К. Гейнсу принадлежит заслуга обработки собранного материала, анализа результатов его данных и разработки основных принципов организационного управления, которые позднее легли в основу устройства всего региона. Но уже тогда, в 1865 г., центральным органом власти для новой области стало военное министерство, и, поскольку общеимперская администрация подчинялась МВД, это создавало основу для будущего соперничества двух ведомств.

Пока шла разработка вопросов управления областью, внимание генерала М.Г. Черняева занимал город Ташкент — «ключ к Средней Азии», так определял

его стратегическое значение Армений Вамбери (Герман Банбергер). Ташкент входил в состав Кокандского ханства, но все больше распространялись слухи о том, что городом собирается завладеть эмир бухарский. Это побудило генерала М.Г. Черняева ускорить реализацию своих намерений овладеть городом. Со своими незначительными силами (1951 человек, 12 орудий) 29.04.1865 г. он занял небольшое укрепление Ниязбек, господствующее над водными источниками, питающими Ташкент, и расположился в нем лагерем в 8 верстах от крепостных стен города. В Ташкенте под руководством кокандского хана Алимкула было сосредоточено до 30 тысяч войск при 63 орудиях. Утром 9 мая Алимкул с многочисленным отрядом сделал боевую вылазку за городские стены и был смертельно ранен. Воспользовавшись сложившейся ситуацией и учитывая то, что в городе среди защитников не было единства и большая партия высокопоставленных горожан считала для себя лучшим присоединение к России: от них в конце апреля 1865 г. прибыл в лагерь посланец Тюря-хан Зейбуханов, генерал М.Г. Черняев решился на штурм Ташкента. В течение 3-х дней мая 1865 г. штурмом малыми силами, потеряв всего 25 человек убитыми и 117 человек ранеными, он взял огромный со стотысячным населением город, окруженный толстой сырцовый кладки стеной в 24 версты длинной. В наградные листы Георгиевских кавалеров и в исторические хроники героических подвигов при штурме крепостных сооружений внесены были многие имена офицерского и рядового состава. В списке лиц, «храбростью, мужеством и распорядительностью заслуживающих особого внимания при штурме Ташкентской крепости», есть имя штабс-ротмистра Белорусского гусарского полка Густава Александровича фон Вульверта (1840 — 1894 гг.), будущего генерал-майора, коменданта Гельсингфорса. Возглавив вместо раненого капитана Каховского штурмующую солдатскую цепь, он с криком «Ура!» бросился вперед и повел за собой солдат. Под сильным огнем штурмующие преодолели открытое место, штыковой атакой одолели обороняющих ров и, взобравшись на крепостные стены, бросились захватывать орудия. В этот момент Г.А. фон Вульверт был ранен, но «исход схватки был уже предрешен».¹¹⁷

М.Г. Черняев взял город на свой страх и риск и вопреки распоряжениям начальства. Русское правительство, действовавшее с оглядкой на Запад, пребывало в растерянности. Министерство иностранных дел даже 23.02.1866 г. высказало намерение вернуть город, а его министр А.М. Горчаков призвал отозвать русские

¹¹⁷ ТС. № 592. С. 150; ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 30. Л. 138; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 23. Л. 41.

войска «от Ташкентской независимой области».¹¹⁸ Директор Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухов и военный министр Д.М. Милютин считали, что ни интересам торговли, ни политическим интересам страны новые завоевания пользы не принесут, наоборот, вызовут лишние расходы казны и дипломатические осложнения. «Ташкент взят генералом Черняевым. Никто не знает почему и для чего», — записал в своем дневнике министр МВД П. Валуев. Серьезные разногласия были у М.Г. Черняева и с Оренбургским генерал-губернатором Н.А. Крыжановским (1818 — 1888 гг.), который считал необходимым провозгласить независимое Ташкентское ханство и даже объявил в сентябре 1865 г. Ташкент независимым владением. На совещании в Петербурге, где присутствовали оба генерала, была выработана «точная» и очень «ясная» инструкция, предписывающая «в Ташкенте не стеснять себя никакими регламентациями, а стараться дать ему устройство действительно наиболее соответствующее нашим и его выгодам». В конце концов Д.А. Милютин поддержал М.Г. Черняева, что и привело к юридическому включению Ташкента в состав империи. Сподвижник генерала ученый Н.А. Северцев подготовил проект «Положения о Среднеазиатской пограничной области», и 6.08.1865 г. было высочайше утверждено «Временное Положение об управлении Туркестанской областью», которое действовало до 11.04.1867 г. «Занятие Ташкента окончательно упрочило положение России в Средней Азии».¹¹⁹

М.Г. Черняев предоставил ташкентцам льготную («весьма странную», по оценке современников) грамоту («агдь-нама»), «договор», «переписанный в четырех копиях на узбекском языке» для каждой из четырех даха города; освободил рабов; начал сооружение новой крепости и конфликтовал со своим непосредственным начальником — Оренбургским генерал-губернатором Н.А. Крыжановским. В ответ на требования бухарского эмира вернуть занятые русскими войсками города и угрозу объявления «священной войны» он арестовал бухарских купцов, находившихся в этих городах, и без согласования с Петербургом отправил посольство в страну, именующую себя «опорой ислама», во главе с дипломатическим чиновником МИД Кирилом Васильевичем Струве (1835 — 1907 гг.). Аудиенция посольства ограничилась тем, что эмир, сидя у окна и выслушав приветствия послов, стоящих во дворе, «удостоился взглянуть на них и

¹¹⁸ Терентьев М.А. Туркестан и туркестанцы //ТС. № 87. С. 200.

¹¹⁹ История русской армии... С. 288; Века А.В. История России. Минск. М. 2003. С. 618.

погладить бороду в знак благоволения». Посольство осталось в плену, участники его чуть не заплатились жизнью. Эмир обещал отпустить всех только тогда, когда его посол, уехавший в Петербург с ультимативным требованием очистить от русских войск Чимкент и Ташкент, вернется обратно. Посол эмира был задержан в Казалинске, царское правительство не давало четких указаний и в целом было недовольно положением дел и строптивым характером генерала. Д.А. Милютин тоже считал, что «увлеченный неутомимой жаждой военной славы, Черняев не соизмерял своих предприятий со средствами и действуя вопреки получаемых инструкций, очутился с горсткою войск лицом к лицу перед двумя противниками: Бухарой и Кокандом». В Петербург шли донесения о полном хаосе в административной и финансовой частях Туркестанской области, о непродуманных военных действиях генерала. В итоге генерал М.Г. Черняев был отозван из Туркестана. На смену М.Г. Черняеву 10.02.1866 г. был назначен редактор журнала «Русский инвалид» генерал-майор Генерального штаба Д.И. Романовский (1825 — 1881 гг.). Он и, приехавший позднее в область, генерал Н.А. Крыжановский успешно продолжили военные действия с Бухарой, начатые М.Г. Черняевым. «Бухарская операция», в результате которой русские войска, выиграв ряд сражений, заняв штурмом несколько городов и крепостей, вошли на территорию Бухарского эмирата и встали лагерем недалеко от Самарканда, была завершена в октябре 1866 г. Эмир, потеряв значительные территории ханства, «стал более осторожным», освободил заложников, но только весной следующего года для переговоров о мире прислал в Оренбург посла, которому пришлось прожить в городе несколько месяцев, дожидаясь приезда К.П. фон Кауфмана.

В первых числах декабря 1866 г. генерал-майор Д.И. Романовский уехал из Ташкента. Туркестанская область была сдана генерал-майору Николаю Максимовичу Цеге фон Мантейфелю (1827 — 1889 гг.), затем вскоре после последовавшего его отъезда начальнику Джизакского гарнизона, полковнику Александру Константиновичу Абрамову (1836 — 1886 гг.). Указом правительства от 14.07.1867 г. область была реорганизована в Туркестанское генерал-губернаторство в составе двух областей: Сыр-Дарьинской и Семиреченской.

«УСТРОИТЕЛЬ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ»

После своего нового назначения Туркестанским генерал-губернатором в край К.П. фон Кауфман выехал не сразу. Все лето он изучал материалы о далеком регионе империи и его населении, литературу, описания, документы, донесения и справки ведомств, имевших отношения с азиатскими окраинами, беседовал с людьми, побывавшими в крае, с руководителями различных учреждений. В Ташкент он выехал из Петербурга 23.08.1867 г. окружной дорогой через Омск, Верный, Сергополь, Копал. Столь долгий окружной путь он избрал с целью регулирования взаимоотношений с Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами, а также для ознакомления с краем, его населением и составом чиновников аппарата управления.

К.П. фон Кауфману были даны широкие полномочия, вплоть до ведения переговоров, «право на объявление войны и на заключение мира» с властителями государств на условиях, какие он признает «соответствующими достоинству русской державы», право ведения дипломатических сношений и другие права по судебной и финансовой частям.

«Милостивый государь, Константин Петрович, — писал ему директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов, — имею честь препроводить при сем <...> высочайшие полномочия для ведения переговоров, в случае окажется в том необходимость, как с эмиром Бухарским, так и с Ханами и Правительствами дружественных, соседних с нами владений в Средней Азии. О получении этих полномочий соблаговолите меня уведомить». Полномочия были оформлены как высокое произведение искусства. «Сам текст полномочия был написан на великолепной бумаге, золотыми крупными буквами, страницы заключены в бордюр из гербов губерний и областей России. Золотой глазуревый переплет, заключающий этот текст был прошнурован толстыми золотыми шнурами и вложен в массивный серебряный ларец, через стенки которого высо-

вывались концы шнуров, на них красовался оттиск большой государственной печати на красном воске. Концы золотых шнуров оканчивались массивными золотыми петлями. Выражение, заключавшееся в этом послании, «нашим царственным именем заключать» и т. д. свидетельствовало, что в руки К.П. фон Кауфмана вверялись все направления тогдашней политики в Средней Азии», — отмечал востоковед А.А. Семенов.

Первому главному начальнику края высочайшим рескриптом было предоставлено право действовать на месте соответственно с обстоятельствами. «Мы признаем за благо снабдить нашим высочайшим полномочием нашего Туркестанского генерал-губернатора <...> и уполномочиваем его к решению всех политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условий, постановлений. Обещаем императорским словом нашим за нас и приемников наших за благо принять все, что в силу сего означенного уполномоченным нашим заключено и подписано будет». К.П. фон Кауфман, — как пишет М.А. Терентьев, — «не упускал случая показать «золотую книгу» именитым жителям края. Она вызывала «особое почтение у местного населения и порождала молву о большой власти, наделяющей ею ее владельца».

По свидетельству современников и многочисленных биографов К.П. фон Кауфмана, медленное передвижение в экипаже, продолжительные остановки и пребывания в тех или иных местах, на станциях, в поселениях давали генералу неоценимые знания о крае. Останавливаясь в крепостях и городах, он работал с утра до вечера, принимал и выслушивал всех, делал распоряжения. В его свите был также и генерал А.К. Гейнс. В Оренбурге пришлось задержаться на 18 дней. Вместе с генералом Н.К. Крыжановским он доработал мирный договор с Бухарой, считая необходимым добавить пункт о сношениях эмира с российским правительством только через Туркестанское генерал-губернаторство, что подчеркивало его равное положение по отношению с центрально-азиатскими государствами. Договор определял русско-бухарскую границу, обязывал эмира и русское правительство пресекать действия разбойничьих шаек, гарантировал свободу доступа русским и бухарским купцам в города России и Бухары и право русским строить караван-сарай на территории эмирата. Вместе с трактатом о мире, подписанным обоими генералами, К.П. фон Кауфман отправил эмиру копию Царского манифеста о его назначении Турке-

станским генерал-губернатором и данных ему полномочиях. Документы были вручены послу 14.09.1867 г. Но, по многим свидетельствам, посол не торопился быстрее добраться до Бухары, по пути подолгу останавливался в кочевьях и агитировал против русских.

В укреплении Верное К.П. фон Кауфман задержался около недели, до 20 октября. Ему были устроены чрезвычайно торжественные встречи и помпезные чествования. Он, как отмечал генерал Д.Г. Колокольцев, «не отвергал делаемых ему высоких встреч» и «перед азиатским народом старался сохранить свое достоинство, как посланный от Великого Государя», квартира его была «переполнена должностными лицами, принимал всех, выслушивал, отдавал распоряжения, осмотрел крепость, инспектировал казармы, склады, расквартирование войск, лазарет, гауптвахту», «своей энергичностью и быстротой своих действий поставил всех, как говорится, на ноги».¹²⁰

По существу, он совместно с Г.А. Колпаковским, тогда еще формально военным губернатором Семипалатинской области, вскоре сменившим Верненского уездного начальника Н.Е. Фридерикса, заложил основания нового города Верного (с 1921 г. — Алма-Ата, с 1993 г. — Алматы) — центра созданной 19.05.1867 г. Семиреченской области. К.П. фон Кауфман и позднее заботился о развитии города, в каждое свое посещение его привозил саженцы зеленых насаждений для озеленения улиц и создания парка, и, как подчеркивает В. Проскурин, стремился заселить край «трудолюбивым и знающим русским элементом, чтобы завоевать его мирным путем» и сделать «частицей великой России». В «захолустном же мире чиновничества» поездка генерала по Семиречью на пути в Ташкент «не могла оставить приятных воспоминаний». «Недовольство генерал-губернатора отметили современники событий, почти всем виденным разносы, замечания вызывали у семиреченцев бесконечные пересуды и страх за свое будущее. Общее впечатление было таково: вновь назначенный генерал-губернатор служить не любит и что блаженные времена бесцеремонного хозяйничанья разных мелких чиновничьих сошек скоро должны сделаться достоянием истории».

В Ташкент К.П. фон Кауфман прибыл 7.11.1867 г. С последней почтовой станции в город шли две дороги: одна через базарную площадь старого города, другая, минуя ее, вела прямо к наскоро специально для генерал-губернатора построенному домику. Русские купцы возвели при въезде в европейский квартал

¹²⁰ Кольцов Д. Воспоминания генерал-лейтенанта Кольцова. М. 1887. С. 20.

превосходную арку стоимостью более тысячи рублей со щитом с вензелями Александра II и флагами.¹²¹ В газете «Москва» 20.07.1867 г. было напечатано письмо известного в Ташкенте купца И.И. Первушина (это имя до сих пор на слуху среди старожилов Ташкента), который «хаживал со своими караванами аж до Кашгара». Он писал по поводу назначения К.П. фон Кауфмана: «Имя генерала Кауфмана, дорогое каждому русскому человеку по его прежней плодотворной деятельности в Северо-Западном крае, его слишком хорошо известная неутомимая деятельность и его настойчивость могут достаточно ручаться за то, что дело русское в глубине Средней Азии вверяется надежным рукам и возбудят значительно упавший в последнее время дух наших торговых людей, имеющих большое дело в Средней Азии».¹²² Депутаты от города и купечества собрались у арки, но К.П. фон Кауфман въехал в Ташкент через старый город. Депутаты успели сориентироваться и встретили генерал-губернатора у ворот в старый город. Приняв подношения, К.П. фон Кауфман поблагодарил собравшихся и произнес краткую речь, в которой отметил ту пользу, которую приносят купцы своим пребыванием в крае и своей деятельностью в нем. Вечером в городе была устроена «иллюминация». Со стороны местного населения никаких приготовлений к встрече сделано не было. И хотя на плоских крышах домов собралось немало народа, «на всем протяжении пути до европейского квартала К.П. фон Кауфмана и его свиту сопровождала господствующая тишина и настороженное недоумение жителей». Генерал сразу начал знакомиться со служащими в крае людьми. Узнав от чиновников, что многие из назначенных на службу страдают в дороге по пути в Ташкент от недостатка продуктов питания и безденежья, генерал выделил 7 тысяч рублей, снабдил ими одного из служащих, наделил его полномочиями относительно почтовой связи, которая находилась в руках киргиз, приказал запастись нужными в пути человеку продуктами и отправил на тракт. Киргизы — служители почтового тракта, были удивлены массовым потоком людей, направлявшихся тогда «на Ташкент», горестно считая, что Средняя Азия «теперь кончал».¹²³

Прибыв в Ташкент, К.П. фон Кауфман стремился налаживать отношения с соседями. Но эмир не отвечал на письмо, отправленное ему из Оренбурга.

¹²¹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 31об.

¹²² ТС. № 1. С. 195; Москва. 1867. 20 июня.

¹²³ ТС. № 422. С. 72; ЦГА РУз. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 150. Л. 2.

К.П. фон Кауфман же через неделю уехал в Ходжент, на передовую линию границы с Бухарой. Он нашел, что граница Джизакского района, означенная в проекте договора с эмиром, неудобна, и, изменив пункт договора о границах, отправил изменения эмиру и еще раз выразил свое стремление поддерживать добрые отношения. «К.П. фон Кауфман, — отмечал В. Пикуль, — мастер политического диалога с противником. Слово являлось его оружием и залпы пушек иногда лишь продолжали прерванный диалог». Ко времени приезда К.П. фон Кауфмана в Ташкент фактически война с Бухарой была не закончена. Эмир Музафар (1834 — 1885 гг.) колебался: смириться с новым могущественным соседом или еще раз попытаться обрести счастье в борьбе с ним. Он вел переговоры с соседними государствами, надеялся на помощь Турции, не пресекал набегов «вольных бухарцев» на посты и поселения мирных жителей пограничных территорий империи и не торопился с ответом на письмо. Из поездки по осмотру южных границ К.П. фон Кауфман вернулся в Ташкент 27.11.1867 г. Собственно только с этого момента Туркестанское генерал-губернаторство, как и Туркестанский военный округ, были открыты. При его возвращении за семь верст до города, в кишлаке Ногай-Курган, его встретили богатые и именитые люди из Ташкента и пригласили на затянувшийся до вечера завтрак, во время которого был провозглашен тост «за здоровье дорогого гостя». В ответ на это К.П. фон Кауфман вежливо сказал: «Всегда и везде, где бы мы, русские люди, не собирались, первый тост наш принадлежит нашему великому государю». Он всегда умел деликатно указать на величие русского царя и на то, что он — его посланец и предан ему, как и делу, которому служит для России. Весь путь от Ногай-Кургана до Ташкента встречавшие освещали фонарями. «Это была уже совсем другая встреча, нежели при первом въезде К.П. фон Кауфмана в город».¹²⁴

В один из первых дней после возвращения К.П. фон Кауфман посетил домик на территории крепости, в котором жил генерал М.Г. Черняев. Осмотрев его, он приказал сохранить все как было при его хозяине, «хранить эту землянку на память в том виде, в котором оставил ее победитель».¹²⁵

В начале декабря в Ташкент прибыл посол эмира Мирзахуд Муса-Бек, но он не имел никаких полномочий, ничего не мог объяснить «с истинно восточным пристрастием ни на что не возражая и на все соглашаясь». «Корректный

¹²⁴ ТС. № 422. С. 73.

¹²⁵ ЦГА РУз. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 150. Л. 2; ТС. № 422. С. 73.

К.П. фон Кауфман, приписывая эту ситуацию недоразумению», написал еще одно письмо эмиру, предлагая ратифицировать мирный договор, и еще раз объяснил значение обмена мирными условиями, тем более необходимыми в связи с тем, что на границе становилось все более тревожно и доходило до столкновения вооруженных отрядов. Майор О.К. Гриппенберг и полковник А.К. Абрамов уже выступали по тревоге в походы. Но эмир не торопился с ответом. Посол все это время жил в Ташкенте.¹²⁶

Неспокойно было и на границах с другими ханствами. В Кокандском ханстве образование Туркестанского генерал-губернаторства было воспринято как предзнаменование последних дней своего существования. Началось спешное переселение жителей из Коканда, Андижана и других городов в Китайский Туркестан. К.П. фон Кауфман считал необходимым тотчас же по прибытии в Ташкент отправить Кокандскому хану письмо, в котором отмечал, что если хан сам не начнет враждебных действий, будет дорожить дружбой с Россией, то сможет жить совершенно спокойно, так как завоевывать его владения никто не хочет, и России нет в этом никакой надобности. Через три дня после его возвращения с Бухарской границы из Ташкента в Коканд отправился торговый караван купца И.А. Хлудова (н.д. — 1868 г.). С ним отбыл полковник Шауфус с письмом к хану. И посол от хана Коканда прибыл в Ташкент уже в начале декабря.¹²⁷ На торжественном приеме бухарского и кокандского послов 3.12.1867 г. К.П. фон Кауфман сказал: «Государю императору благоугодно было назначить меня правителем здешней страны не для завоевания новых земель, а для распространения благоденствия между его верными подданными и для дарования стране спокойствия, которого она не знала в течение многих веков. Я не трону тех, кто дорожит дружбой великой русской земли, но горе тем, кто не поймет благодетельных видов миролюбивого Белого царя». Однако для утверждения «благоденствия», «спокойствия» в крае потребовалось еще много усилий. В январе 1868 г. был подписан договор с Кокандским ханом, значительно улучшивший возможности торговли для русских купцов и фактически ставивший Кокандское ханство под контроль России. Отношения же с Бухарой продолжали оставаться неопределенными.

¹²⁶ ТС. № 521. С. 149 — 150.

¹²⁷ Письмо из Ташкента. Ташкент. 22 ноября // Московские ведомости. 1867. № 5; Сын Отечества. 1867. № 10.

В первые дни своего приезда в Ташкент К.П. фон Кауфман написал также дружелюбное письмо и хивинскому хану Мухаммад-Рахиму, извещая его о своем прибытии в край, о высочайших полномочиях данных ему на ведение пограничных дел. Он отмечал частые и дерзкие набеги лихих джигитов — подданных хана на пограничные районы, грабежи ими торговых караванов и уведомлял хана о том, что для обеспечения безопасности русских купцов от грабителей будет предпринято движение русских отрядов за р. Сырдарью из Казалинска и Перовска.¹²⁸ Хан не удостоил письмо ответом. Только в феврале 1868 г. пришел амбициозный, ничего не означающий ответ из Хивы от кушбеги премьер-министра и министра финансов, который давал понять К.П. фон Кауфману разницу между ним и ханом, указывая на то, что он всего лишь подданный царя, а хан — самодержавный властитель. Извинительным было то, что хану тогда было всего 20 лет, и он не обременял себя государственными делами. В официальных донесениях в Петербург К.П. фон Кауфман писал о том, что позиции России в Средней Азии прочны, и дальнейшие военные действия, если Бухара и Коканд не будут выступать против России, нецелесообразны.

¹²⁸ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. 1875. С. 82 — 83.

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ КРАЕМ

*Портрет генерала А.К. Гейнса
художника И.Е. Репина (1896)*

Осмотрев границы и приняв ряд мер для налаживания мирных отношений с правителями соседних государств, К.П. фон Кауфман приступил к организации структуры управления вверенного ему края. «Едва ли какому либо генерал-губернатору когда-нибудь приходилось принимать край более расстроеным. Масса злоупотреблений, общее недоверие и злоба местных жителей на русскую администрацию — вот тогдашнее положение дел в Туркестане», — отмечал А.А. Семенов.¹²⁹ Первостепенной стояла задача устройства гражданского управления, создания особой системы военно-народного

управления Туркестаном. Предполагалось ввести такой порядок управления, который «позволил бы жителям увидеть в русской администрации защитников от произвола ханов, но в то же время не отталкивал бы и прежних управителей», занявших «враждебно-выжидательную позицию». К.П. фон Кауфман считал что «всякая крутая мера в этом отношении принесет больше вреда, чем пользы», придерживался поэтапного создания системы административного управления, стремясь не к обособлению, а к возможно полному слиянию края с остальными районами России. Важными при этом были и учет международного опыта, и материальные затраты, и необходимость поднять авторитет России не только в регионе, но и в Европе. Особенно значимыми были в этом отношении 1867 — 1871 гг. — годы закладки фундамента, установления гражданских отношений в крае, выработки правил отношения военной власти к местному населению, его обычаям и традициям, укладу жизни и этики общения, чтобы местные жители

¹²⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 86; Семёнов А. Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К.П. фон Кауфман 1-ый // Кауфманский сборник. Ташкент. 1910. С. XV — XIX.

увидели «русскую силу не только на поле битвы, но и в участии к быту и в управлении».

Реформа управления краем была начата с Ташкента. К.П. фон Кауфман считал, что успешное проведение реформы административного управления в Ташкенте может повлиять на оседлое мусульманское население других городов и поселений.

Ближайшим помощником губернатора в проведении реформ был генерал А.К. Гейнс, человек хорошо изучивший степной край, особенности его климатических и природных условий, населявшие его народы, их традиции, нравы, особенности социального, бытового, экономического уклада. Под его руководством была образована особая комиссия из нескольких отделений. Прежде, чем чиновники комиссий приступили к работе, К.П. фон Кауфман счел нужным поговорить с представителями местного населения. На представительном собрании он произнес речь. «В то время как Ташкент и другие уездные города принадлежали еще ханам, жизнь и имущество каждого жителя находились в руках деспотических беков, назначавшихся из числа самых близких людей к хану, следовательно, таким, которые, по существовавшим в Средней Азии порядкам, могли безнаказанно попирать все божеские и человеческие законы. Таким образом, при возвращении караванов из Ирбитии, Нижнего, Петропавловска и Троицка, у купцов отбиралось все ценное и хорошее в пользу бека или хана. Ради корысти бухарские и кокандские власти нарушали иногда мусульманские законы и налагали противозаконные подати. Богатые люди подвергались по капризу высших властей опасности быть повешенными или зарезанными потому только, что они богаты. Всякий человек, без исключения, мог быть подвергнут телесному наказанию. Караваны грабились киргизами, и чтобы охранять свои товары ташкентцы были принуждены содержать войска в укреплениях, выстроенных на торговых путях, а вы знаете, что это дорого стоит. К довершению всего кровавые перевороты в Коканде или Бухаре отзывались в городах неистовством кипчаков или другой партии, успевшей захватить власть над ханством в свои руки. В таком положении были дела, когда русские, чтобы положить конец наездам кокандских занетчиев на волости русских киргизов, чтобы обезопасить их от грабежей кокандских подданных, чтобы обуздать претензии соседних правительств, принуждены были завоевать правый и левый берег Сыра до города Ходжента. Генералы Черняев и Романовский, исполняя волю нашего Великого Государя, заботились

об устройстве новой области, но принужденные оборонять страну от нападения бухарцев и кокандцев, они имели мало времени для того, чтобы окончить это устройство. Кроме того, по своему служебному положению, они не имели достаточно прав, чтобы сделать все, чего они желали для блага народа, без разрешения высшего начальства. Однако с тех пор, как наши войска заняли эту страну, русские основные законы защитили сартов. Жизнь и имущество жителей завоеванных мест были обеспечены. Сартовские города и деревни, которые прежде трепетали перед всяким внешним врагом, защищаются теперь непобедимою русскою армией, следовательно не боятся никого. Грабежи караванов в наших пределах прекратились совершенно. Все лица, добровольно содействовавшие русской власти, осыпаны наградами. Администрация области знала поименно всех ташкентцев, бывших прежде ее врагами, точно так же, как и теперь она может назвать каждого, которые не в такой степени верны государю, как того требует принесенная ему присяга, однако, она не преследует ни тех, ни других. Она ждала и ждет, чтобы этих людей исправило время. Надеюсь, они поймут свой долг и свою пользу. До сих пор русская администрация не всегда действовала безошибочно потому, что у губернаторов не было еще лиц, достаточно подготовленных для управления здешним народом, и еще потому, что наша власть не могла быть хорошо знакома с жизнью сартов, ни с теми из последних, которых нужно было допускать к участию в управлении городом и областью. Чтобы узнать жизнь сартов и киргизов в прошлом году была командирована особая комиссия, которая сделала в С.-Петербурге свой доклад. На основании сведений, ею составленных, написаны новые законы для этой области, которую велено называть Сыр-Дарьинской. Между тем, его императорскому величеству благоугодно было по многим соображениям основать Туркестанское генерал-губернаторство из земель, простирающихся от Тарбагарских гор и Аягуза, что у Чучака, до Аральского моря. В состав генерал-губернаторства входят две области: Сыр-Дарьинская и Семиреченская. Волею государя императора генерал-губернатором этих земель назначен я. Чтобы охранять спокойствие вверенной мне страны, государю было угодно дать мне право вести, в случае нужды, войну и заключать перемирие с соседними с этой стороны России владениями. Пользуясь таким доверием нашего императора я потреблю все меры, чтобы дать вам безопасность и спокойствие. Прибытие сюда посланников эмира дает мне силы, надежды, что мир не будет нарушен и укрепитя. Для того же, чтобы упрочить

внутреннее устройство края на благополучие живущих в нем русских, сартов и киргизов, государю угодно было повелеть мне обсудить этот вопрос здесь, на месте, как именно применить к делу законы, которые были составлены в С.-Петербурге для всех жителей Туркестанского генерал-губернаторства. Эти законы составлены так, что могут дать нам счастье, если вы только пожелаете. Таким образом, правительство полагает возможным предоставить ташкентцам, как и всем другим сартам, право выбирать правильным образом арык-аксакалов, аксакалов и казиев с подчиненными им лицами. Число аксакалов и казиев в каждой местности будет определено мною. Выборы предложено проводить на три года, с правом по истечению их избирать новых лиц или оставлять тех же на прежних местах. Ташкентцы и жители других городов, за исключением только некоторых преступлений, будут судимы выбранными казиями по шариату и обычаям, таким образом, что в приговоры казиев не будут иметь право вмешиваться русские чиновники. Если бы, однако, обе тяжущие стороны захотели судиться у русского судьи, то это им разрешается, русским же судьям приказано разбирать дела по совести. Жалование арык-аксакалам и аксакалам с их помощниками будет назначаться самим народом. Казии будут получать по обычаю от тяжущихся казилык. Общества могут, впрочем, назначать им содержание, тогда казии не будут уже иметь право брать казилык. Сбор подати предложено возложить на хозяйственные управления, которые учредятся для всех сартовских поселений из граждан, выбранных народом. При ханах жители здешних городов и деревень платили херадж, танап, закят, саваим и саулук-закяты, кошъ, ханскую подать, кепсен чиновникам и сборы весовой, базарный, соляной, подворный на поддержание дорог, на поддержание вала вокруг города, арыков, улиц и т. д. Производить сборы на поддержание арыков в городах и на пашнях, на починку и очистку улиц будет предоставлено хозяйственным управлениям в размере, которым они признают нужным. При этом будет, однако, наблюдаться, чтобы лица, которым поручаются работы, выполняли свою обязанность честно и правильно. Будет также обращено внимание на то, чтобы сборы по исправлению арыков и прочего не превышали действительных расходов по работам. Провинность, взимавшаяся при ханах на исправление дорог, будет обращена в денежную плату, которая в размере мною установленном будет собираться в каждом городе через хозяйственные управления, на устройство правильных почтовых сообщений и на улучшение дорог.

Заметим, вместо всех податей, которые прежде платились ханским правительствам, предложено установить в пользу казны всего три подати: херадж, танап и закят, так что со временем, когда хозяйственные управления откроют свои заседания, кроме этих трех податей, ташкентцы, как и жители других городов, освобождаются от всех других податей и сборов. Закят будет взиматься в размере $1/40$ часть с торгового капитала. Если бы купец хотел торговать выше той, за которую уплачен закят, то он обязуется внести дополнительный закят. Сбор хераджа, танапа и закята будет производиться общественными управлениями, проверять же, как верно собраны эти подати, будут русские чиновники. Таким образом, правительство предполагает передать в руки народа большую часть управления. Но, если новые законы с такою заботливостью желают сделать народ счастливым, то мне нужно еще узнать достаточно ли умны сарты, чтобы пользоваться милостями великого государя. Предупреждаю вас, что даже сильное правительство, как русское, затруднится сделать народ счастливым, если последний не поймет своей пользы. Для того чтобы знать, можно ли управлять сартами с помощью новых законов, я приказываю комиссиям приступить к устройству народного управления в городах области, в том числе и в Ташкенте. Прежде всего необходимо, чтобы жители помогали этим комиссиям, старались исполнять все их распоряжения охотно и от души потому, что они будут работать в пользу народа. Нужно также, чтобы аксакалы и казии были выбраны народом из числа самых лучших людей. Особенно важен выбор в члены хозяйственных управлений, которые будут собирать подати. Выберут жители чиновников из числа хороших людей — будет им жить хорошо; выберут дурных — опять начнутся обиды, притеснения и незаконные сборы в течение целых 3 лет. Наблюдение за ходом работ комиссий в Сыр-Дарьинской области принадлежит ее губернатору Головачеву. Но так как кроме того он должен управлять Сырдарьинской областью, командовать ее войсками и исполнять другие поручения, которые я возложил на генерала Головачева, то чтобы облегчить его, я поручил устройство собственно города Ташкента правителю моей канцелярии генерал-майору А.К. Гейнсу. Вас всех, собравшихся сюда сартов, я назначаю в состав комиссий, которые будут благодетельны для народа и, оказывая вам большое доверие, я надеюсь, что вы постараетесь оправдать это доверие. Генералу Гейнсу я предоставил право рекомендовать мне тех из вас, которые будут особенно полезны при работах комиссий, с тем, чтобы подобные лица были отмечены мною и награж-

дены. С другой стороны, он же будет иметь право просить о высылке из Ташкента каждого человека, который будет затруднять работы по устройству управления городами. Я собрал вас, лучших людей Ташкента, чтобы вы слушали, поняли меня и рассказали жителям все, что я вам говорил, а также объяснили им сколь полезно содействовать правительству, которое желает сделать много добра. Передайте также вашим согражданам, что, если благие намерения правительства будут встречены со стороны жителей Ташкента равнодушием, вследствие которого оно не будет в состоянии исполнить всех своих намерений, или если сарты вместо того, чтобы помогать, станут, паче чаяния, мешать выполнению целей правительства или обманывать его, то это убедит меня, что вам слишком еще рано давать законы, подобные тем, которые хотят вам дать. Передайте, что тогда правительство будет принуждено вследствие вашего неблагоразумия вмешиваться во внутренние порядки вашей жизни. Тогда само правительство назначит вам аксакалов, казиев и чиновников, которые будут брать с вас подати уже по ближайшему усмотрению администрации. Тогда правительство будет поставлено в необходимость действовать так, чтобы его приказания исполнялись ради страха, если вы не захотите исполнять ради собственной пользы. Помните мое слово. Оно твердо потому, что оно сказано вашим высшим начальником — представителем здесь в стране русского правительства, которое, как вам известно, достаточно, чтобы выполнить несмотря ни на что свою волю. Предупреждаю еще раз, в ваших руках ваша судьба. Поймете вы свою пользу, захотите для себя добра, станете содействовать правительству и вы будете счастливы; захотите другого, пойдете наперекор правительственным видам, и тогда власть начнет действовать строго и сильно. Желая вам добра, советую вам выбрать бесконечную преданность великому государю вашему, который не устает заботиться о вас, и любовь эта укажет вам как надо вести себя, чтобы быть достойным такой же любви со стороны нашего доброго Белого царя».¹³⁰

«Таким образом с самого начала Кауфман дал понять населению покоренного края, что русская администрация не собирается ломать сложившийся веками уклад его жизни, дает ему возможность организовать самоуправление, устранив ханскую тиранию. Провозглашалась система так называемого косвенного управления, т. е. управления через существующие традиционные институты власти».¹³¹

¹³⁰ Москва. 1868. декабрь; Сын Отечества. 1868. № 80; ЦГА РУз. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 150. Л. 50; ТС. № 422. С. 73 — 77; Русский Туркестан. СПб. 1872. С. 174.

¹³¹ Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии... С. 277.

После окончания организационных работ в старом Ташкенте К.П. фон Кауфман приступил к проведению реформ управления в областях края. В составленной им по этому поводу инструкции он тщательно описал границы каждого уезда областей (в Сырдарьинской — 7 уездов, в Семиреченской — 5), особое внимание уделил разъяснению прав, которыми могут пользоваться члены комиссий в ходе своей работы, обязанностей, которые должны быть выполнены тщательно и неукоснительно. Назначил членов организационных комиссий по три человека на уезд с кочевым населением и определил «приличную в материальном отношении постановку их жизни в степи». Особо отметил то, что на выданные им средства служащие должны приобрести все необходимое им для жизни, «не забирая у местных жителей при поездках по зимовкам ни помещений, ни топлива, ни перевозочных средств». Требуя «добросовестного выполнения служебных обязанностей», К.П. фон Кауфман предупреждал при этом о том, что «пользование» правами, предоставленными членам комиссий, не принесет пользы ни людям, ни отечеству, если служащие не сумеют приобрести у местного населения уважения к себе и «доверия к своим намерениям», чего можно достигнуть «безукоризненной честностью, терпением и мягким обращением с людьми, искренним желанием, опираясь на новый закон, улучшить их положение». «Я требую, — отмечал начальник края, — чтобы члены комиссии, поняв всю важность настоящего поручения, вложили душу в дело, за которое берутся, и работали честно, энергично и сознательно».¹³² Опубликованные биографические, архивные материалы, воспоминания современников однозначно подчеркивают, что «старые туркестанцы», попавшие в Туркестан при К.П. фон Кауфмане, «проникались стремлениями и задачами благоустройства края», в основной массе были близки к генерал-губернатору и все вместе «составили замечательную плеяду туркестанских деятелей» того времени, которые «формировали новый облик ставшей им родной земли».

К.П. фон Кауфман понимал, что жизнь местного населения, понятия, общественное и государственное устройство, поземельные отношения в крае не совместимы с европейскими взглядами и принципами, он стремился все свои действия соизмерять с реальной обстановкой, с уровнем жизни общества феодального этапа развития, нравами и историческими традициями Востока, опи-

¹³² ТС. № 422. С. 78.

раться на существующие ранее местные налоговые и юридические системы. Принятая непростая система военно-народного управления и устройства Туркестанского края, исходящая из принципов: неразделенность военной и административной власти, принадлежность всех чиновников управления к военному ведомству, сохранение всех традиционных институтов самоуправления местного населения под контролем русской администрации, отделение в допустимой степени суда от администрации предоставляла внутреннее управление местному населению по всем вопросам общественной жизни, кроме политических, обеспечивала сохранение традиционного семейно-бытового уклада населения, шариата, а у кочевых народов — адатов. Наряду с осторожным, вдумчивым отношением к быту, экономике и историческим судьбам народов, специфике их традиций и сложившегося уклада жизни это обеспечивало четкую согласованность всех частей гражданского управления в крае. Так, например, в своем «Отчете» К.П. фон Кауфман отмечал, что для местности со смешанным оседлым и полуоседлым населением «я разрешил принять особую форму организации населения, удобства которой во всех главных отношениях я имел случай видеть затем доказанным на опыте». Генерал Г.А. Колпаковский, губернатор Семиреченской области, в своих воспоминаниях подчеркивал, что «именно в первые годы им (К.П. фон Кауфманом — Н.К.) положено прочное начало для всей его 14-летней плодотворной деятельности в Туркестане». Подотчетный в своих действиях «по политической части» Азиатскому департаменту МИД, по общему управлению краем — Азиатской части Генерального штаба, генерал-губернатор, во «все вникавший, все сам делавший, все знавший», олицетворял в крае «власть единую и сильную», входившую во все моменты и тонкости текущей жизни и потому хорошо понятную местному населению, веками жившему в принципах авторитарного правления. Ему принадлежало право устанавливать размеры налогов (новым для края был почтовый налог), распоряжаться кредитованием юридических и физических лиц, предоставлять иностранцам русское подданство, высылать политически неблагонадежных лиц и утверждать смертные приговоры, в том числе и вынесенные мусульманскими судами. С вышестоящими организациями и с низшими административными звеньями — областями, отделами, районами он связывался через канцелярию. «Кауфман пользовался особым доверием императорского правительства и мог напрямую обращаться с военным министром и с самим императором, <...> он нередко обращался к государю с просьбой

санкционировать уже осуществленные в крае мероприятия, <...> мог и ослушаться императорской воли. <...> Но надо признать, что позволить себе это мог только Кауфман и только при Александре II». ¹³³

К.П. фон Кауфман старался и внешне учитывать нравы и традиции Востока, всегда соизмеряя свои действия с обстановкой. Объезд им края, особенно там, где ему предстояла встреча с местным населением, всегда был обставлен с определенной торжественностью и пышностью. Он появлялся в старом городе в окружении свиты, поражающей блеском, что должно было свидетельствовать о мощи государства, представителем которого он являлся. Описание таких выездов сохранил востоковед Николай Петрович Остроумов (1846 — 1930 гг.), многие годы проработавший с генералом: «...сначала выехал рысью казачий офицер. За ним неполная сотня казаков с большим знаком и, наконец, в коляске сам генерал с адъютантом. На К.П. фон Кауфмане — походная форма, в ботфортах, с каскою на голове, на плечах — енотовая шуба». ¹³⁴ Н.П. Остроумов подчеркивал и то, что «тогда в Ташкенте этикет в присутствии генерал-губернатора соблюдался в высшей степени». Так, описывая бал 31.12.1877 г., на который были приглашены все начальники отделов, много офицеров, гражданских чиновников, купцов и почетных гостей из местного населения, он отмечал, что, когда К.П. фон Кауфман «входил в залу, то все сидевшие мужчины обязаны были вставать и продолжали стоять все время, пока он там находился, хотя бы он входил и не в первый раз». Генерал-губернатор учитывал все тонкости образа жизни и вековых обычаев жителей Востока. В его доме находилась комната, отделанная в стиле интерьеря жилищ местного населения, «поражающая своей пестрой красотой и своеобразной прелестью». Приемы посольств также были обставлены с сохранением местных обычаев и так, чтобы послы в лице К.П. фон Кауфмана могли увидеть могущественного начальника края, облеченного полным доверием императора. Из «принципа», чтобы «не умалить своего авторитета» в глазах местных жителей, он не участвовал в торжественной встрече 2.06.1878 г. в Ташкенте епископа Туркестанского и Ташкентского Александра, одетого в соответствующий его сану роскошный, сверкающий наряд священнослужителя. «По прибытии в край первый генерал-губернатор убедился, что привыкшие к авторитарному стилю местные жители не воспримут в качестве своего нового законного правителя всего

¹³³ Центральная Азия в составе Российской империи. М. 2008. С. 101.

¹³⁴ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 33, 38.

лишь царского чиновника, пусть и достаточно важного». Именно в силу этих обстоятельств у южной границы империи появился «полуцарь (ярым-паша) с практически безграничными правами», олицетворяющий «власть сильную и крепкую». ¹³⁵

Отдельные историки наших дней, рассматривая вопрос о характерных особенностях системы управления краем в то время, делают вывод, что исследование этого вопроса «позволяет определить характер деятельности Туркестанского генерал-губернатора как автократию». ¹³⁶ Не разделяя этого утверждения, следует, однако, признать бесспорным, что управление краем, действительно, опиралось в значительной мере именно на личностный авторитет К.П. фон Кауфмана, который, как отмечал Н.П. Остроумов, «особенно возрос после разгрома бухарских войск и победного похода в Хиву, <...> генерал Кауфман был фактическим распорядителем политических судеб Средней Азии, имел право смотреть даже на Бухарского эмира и Хивинского хана не более как на подчиненных ему областных начальников». Однако многочисленные архивные материалы, бесчисленные отчеты и не всегда лицеприятная переписка начальника края с различными ведомствами, постановление Государственного Совета от июля 1869 г. об учреждении в Ташкенте Туркестанской казенной палаты, которая заведовала поступлением налогов, выполняла контрольные функции и была подведомственна Министерству финансов, свидетельства соратников и современников о том, что натуре самого К.П. фон Кауфмана было присуще органичное чувство ответственности и долга, и он не забывал лишний раз подчеркнуть среди местного населения, что он «такой же подданный русского царя, как и другие русские, поэтому обязан подчиняться русским законам», отвергают отмеченные выше выводы. Высокий личностный авторитет управителя края среди населения ни в коей мере нельзя сравнивать с автократией или авторитарным режимом. «Обаяние его росло и ширилось помимо его воли». Да и определение изначально созданной на далекой пограничной окраине России административной системы, как военно-народного управления, уже ни одно столетие является общепризнанным. ¹³⁷

К тому же, доверие к русским на первых порах было полным и «доходило до веры на слово». Местное население многое в принципах жизни русских считая

¹³⁵ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 35, 51.

¹³⁶ Центральная Азия в... С. 101.

¹³⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 104. Л. 4, 82.

хорошим, перенимало для себя. К.П. фон Кауфман — «муж совета и разума» — стремился содействовать этому. Он не терпел грубых выхонок со стороны гражданских чиновников и стремился доказать местным жителям, что в условиях мирного времени русский закон и его исполнители выше прежних порядков управления при другом режиме, а военные действия неотвратимо несут разруху, ожесточенные расправы и гибель мирных жителей. Доброжелательное отношение самого генерал-губернатора к населению обаятельно действовало на простодушных людей, например, даже «один из бедняков обратился к генералу с жалобой на неведомого «калямуша» (крыса), которая сгрызла бумажные деньги, завернутые в сальную тряпку».¹³⁸

К.П. фон Кауфман тщательно контролировал весь ход организационных работ, а также непосредственный их участник — генерал-майор А.К. Гейнс — и как начальник канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства, главного исполнительного органа, состоявшего из офицеров и чиновников различных специальностей, и как руководитель организационной комиссии столицы Туркестана. Ташкент был одновременно и административным центром Сырдарьинской области и столицей всего Туркестанского края. В городе «сложилось своеобразное разделение управления между верхами местного населения и российской военной администрацией». Такое разделение было распространено на весь Русский Туркестан и получило официальное наименование «Военно-народного управления». Управление в казачьих селениях Семиреченского казачьего войска определялось особым «Положением». В Сырдарьинской и Семиреченской областях действовали три вида судов: гражданский, военный (на основании общих законов империи) и суд по народным обычаям (адату, шариату). А.К. Гейнс приложил серьезные усилия для того, чтобы местные мусульманские богословы приняли фетву (решение по какому-либо вопросу), согласно которой новые законы и новый порядок социальной жизни были признаны не противоречащими требованиям и духу мусульманской веры. (О значении этой фетвы А.К. Гейнс подробно изложил в своей брошюре «О закяте» (СПб. 1869)). Улемы города после длительных и горячих диспутов одобрили фетву. К.П. фон Кауфман игнорировал эту сделку с мусульманским духовенством. Тем не менее, фетва, «принятая ташкентскими улемами и подтверждающая с мусульманской точки зрения легальность административно-организационных мероприятий в крае, не-

¹³⁸ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 206.

сомненно, обеспечила успех реформы управления в Ташкенте и была гарантом того, что реформа повсеместно пройдет без осложнений. Ни активного, ни пассивного противодействия работе организационных комиссий местное население не выказывало, хотя в районах оседлых поселений она проходила значительно сложнее, чем в степных кочевьях.¹³⁹

Уже весной 1868 г. работа всех организационных комиссий была завершена. Результатом ее явились: учет всего туркестанского населения, о чем до того времени имелись весьма смутные представления; регистрация площади культурных, необработанных земель и точных границ посевов различных культур; планировка удобных для поселения местностей; установка пространств степных районов для колонизации без ущерба кочевому населению, устройство народной администрации, благодаря которой «русская полицейская администрация получила возможность сложить с себя массу мелких дел и обязанностей по управлению». Спустя два десятилетия после проведения реформы журнал «Военное обозрение» отметит: «Военно-народное управление в крае — явление исключительное и доселе небывалое на Руси. Кавказ был территорией непрерывных войн и восстаний в течение 60 лет и, тем не менее, не считался территорией военного министерства. Только один Туркестанский край предоставляет в этом отношении редкую особенность. Несомненно, что это существование края под эгидой вооруженной власти имело серьезное влияние на его дальнейшую судьбу и развитие и придает ему характер военного поселения».¹⁴⁰ На все официальные административные должности в крае назначались военные: чиновники особых поручений при генерал-губернаторе по дипломатической или сельскохозяйственной части, начальники отделов, строительных комитетов, председатели судебных и прочих комиссий, областных правлений, заведующие ирригацией, директора библиотеки и музея, городничие и т. д. Они выполняли различные функции и на первых порах вынуждены были действовать на свой страх и риск. «Но Россия 50 лет тому назад была еще менее богатой силами, способными самоотверженно, честно, умно и систематично приложить свой труд на устроение завоеванного края», — отмечал генерал А.Н. Колпаковский. Административные ряды «во многих случаях пополнялись людьми без надежной подготовки, а иногда, особенно на первых порах, лицами с протекцией и потому только немногие из них убеж-

¹³⁹ ТС. № 422. С. 77 — 78; Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент. 1965. С. 176.

¹⁴⁰ Военное обозрение. 1884. № 8; ТС. № 377. С. 1.

денно относились к серьезной и ответственной задаче русской службы в новом крае». ¹⁴¹ Однако к чести офицерского состава, особенно этих первых десятилетий управления Туркестаном, «многие из них, не имея опыта соответствующей работы, учились на местах, по ходу дела и проявили себя как прекрасные администраторы, исследователи, строители, публицисты, люди высокой чести. Среди них были личности выдающиеся, талантливые, трудоспособные и бескорыстные», — отмечал В.В. Бартольд. Е.А. Глушенко, раскрывая значение личного вклада и роль К.П. фон Кауфмана в управлении и развитии края, отмечает: «Появившись в Ташкенте, Кауфман начал преобразовывать край, что никогда не проходит гладко, без сопротивления оппонентов или даже врагов. Он был «устроителем края», как называли его соратники. При этом он хорошо знал, чего хотел добиться, он был одним из немногочисленной группы либералов, которые окружали Александра II и подвигли его на реформаторство. К тому же он был человек с немецким характером». ¹⁴² Не эта ли черта его натуры в какой-то мере обуславливала и успехи в достижении поставленных им задач, и служила причиной бесконечной череды завистливой критики, злобных оговоров, беззастенчивой клеветы? Все годы пребывания К.П. фон Кауфмана на своем посту ему приходилось преодолевать не только неизбежные трудности преобразования края, но и сталкиваться с бессмысленной критикой в свой адрес, бюрократическими проволочками столичных кругов, повелевающих периферией, проводить «непрекращающуюся борьбу» со службой государственного контроля, с министерствами финансов, иностранных дел и даже военным. Характерную горькую резолюцию по поводу поставляемых ему препон К.П. фон Кауфман написал на письме ему военного министра от 10.03.1872 г.: «Не могу не благодарить за откровенные мнения товарища военного министра, столь логично изложенные, но с тою же откровенностью должен выразиться, что одною из побудительных причин предлагать то, что я предложил, есть невозможность сношений с некоторыми из военных учреждений, которые не хотят входить в положение губернатора, на котором лежит такая тяжелая ответственность, и который за все труды свои и заботы получает в благодарность одни оскорбительные отзывы и нежелание помочь ему. Происходит ли это от равнодушия к делу этих учреждений, от незнания ли дела или от личного нерасположения ко мне, но я на каждом шагу получаю

¹⁴¹ Остроумов Н.П. К сорок третьей годовщине взятия Ташкента // ТС. № 468. С. 175 — 178.

¹⁴² Глушенко Е.А. Россия в Средней Азии... С. 298.

несочувственные и оскорбительные бумаги, которые, нарушая мое здоровье, лишают меня возможности всякой надежды на ведение управления в крае при такой централизации в министерствах, какая выразилась в последнее время. Мне удалось установить отношения с некоторыми из соседей наших в Средней Азии, о которых и мечтать было нельзя за несколько лет тому назад. Достигнуть этого я мог лишь твердою, неизменною, честною и в тоже время, выражусь так, доброю политикою с этими ханами, вопреки общественному здесь мнению, без кровопролития, и что же? Лишают меня возможности довести дело до конца и последними распоряжениями относительно Хивы, компрометируют меня перед этими ханами, и очень может быть, что дело придется поправлять с оружием в руках. Я хлопочу об увеличении доходов с края и уже достигну еще значительно больших, если мне не будут мешать разные формальности. Меня заедают министерства финансов и контроля разными до смешного требованиями, а министерство финансов даже грубыми, циничными, неприличными отзовами, на которые мне стыдно отвечать; разве так платят люди, сколько-нибудь имеющие совесть и любовь к родине, человеку, который себя не жалеет на пользу отечества. Всякому терпению есть мера. Я нахожусь иногда в таком положении, что если бы не любовь к государю императору и нежелание огорчать его, я готов был бы бросить все и бежать от этих дел. Я не имею другого честолюбия, как только то, чтоб государь был мною доволен. К остальному всему я равнодушен, но мне не дают дело делать, а только портят, отравляют жизнь. Если бы я добивался обогащения или возвышения, я был бы равнодушен ко всему, что меня огорчает теперь, но я желаю только добра и развития вверенного мне края не за счет России, а за счет средств этого края, вопреки стремлению некоторых господ обрезать, как они думают, крылья мне. Советы и указания военного министра так хороши, что нельзя им не последовать, и я готов еще раз попробовать испытать все, что можно, чтобы быть лишь поставленным в возможность отвечать за край перед государем. Но если мне не удастся достичь желаемого в бытность мою зимою в Петрограде, тогда я вынужден буду просить государя об освобождении меня, ибо мое положение мне не под силу».¹⁴³ При этом К.П. фон Кауфман действительно отправил официальную просьбу Д.А. Милютину об отставке, ссылаясь на свое состояние здоровья. Но министр уговорил своего бывшего помощника и сотова-

¹⁴³ Семёнов А. Покоритель и устроитель... С. 75.

рища продолжить управление краем. Тем более что к этому времени правительство уже было вынуждено прислушаться и принять многие предложения К.П. фон Кауфмана, в том числе и в отношении Хивы.

Временное «Положение...» 1867 г., на основании которого строилась вся оригинальная структура административного военно-народного управления краем, хотя и было первоначально принято сроком на три года с возможной последующей корректировкой его в зависимости от особенностей местных условий, действовало до 1886 г. К.П. фон Кауфман постоянно работал над совершенствованием административной системы. Так, в 1871 г. он представил новый проект «Положения...», но по причине длительной и порою абсолютно бессодержательной переписки с различными ведомствами по поводу их замечаний, этот, как и два его последующие проекта, не был проведен в законодательном порядке и был затерян в бюрократическом лабиринте. Поэтому многие решения в своей деятельности К.П. фон Кауфману приходилось принимать по личному усмотрению, руководствуясь соображениями целесообразности и пользы дела.

Особенностью управления краем при первом Туркестанском генерал-губернаторе было и то, что в крае с почти сплошь мусульманским населением не было мусульманского духовного управления в том виде, как оно было создано в остальных районах России. В мусульманских регионах империи, признавшей согласно грамоте Екатерины II ислам «терпимой религией», были созданы муфтияты — Духовные управления мусульман: Оренбургское Магометанское собрание (1788 г., Уфа) и Таврический муфтият (1794 г., Симферополь). На все попытки ввести в Туркестане духовное управление по типу Оренбургского или Таврического с муфтием во главе К.П. фон Кауфман отвечал отказом. Ознакомившись с исламом и Кораном еще на Кавказе, он очень четко осознавал то, что закон Мухаммеда (как и закон Моисея) не разделяет царства небесного от царства земного, не допускает воздаяния Богу — Божьего, а кесарю — кесарево. Наоборот, он тесно связывает церковь и общество, религию и политику. Христианское государство, считал он, находится в непримиримом противоречии с основами ислама. Христианство различных направлений может рассчитывать на успешную борьбу с исламом, но не на мир с ним. Бороться же можно двумя способами: 1) неуклонными преследованиями и гонениями; 2) полным игнорированием. Среднего пути не дано, он приведет только к усилению ислама. Так отмечал К.П. фон Кауфман, представляя на законодательное утверждение «Проект Положения

о гражданском управлении краем» в 1871 г. В 1878 г. Оренбургское мусульманское духовное собрание предприняло попытку подчинить Туркестанский край в духовном отношении под свой контроль. Генерал-губернатор обращается к военному министру Д.А. Милютину: «Двенадцатилетний опыт показывает, что местное духовенство не так фанатично и ревниво относится к обрядам и порядкам общежития и управления, чем приезжее духовенство из приезжих татар и башкир, которые всегда и везде являлись самыми ревностными поборниками господства идей и порядков мусульманства. По этим соображениям я признаю неудобным не только подчинять Оренбургскому муфтию духовные учреждения местного населения края, но даже и позволять им иметь прямые официальные сношения со здешними магометанскими учреждениями и лицами». Политика «игнорирования», «позитивного нейтралитета» предусматривала четкое отделение административной сферы от духовной. Вскоре после своего вступления в должность генерал-губернатор собрал представителей мусульманского духовенства, которым предложил неприкосновенность культа в обмен на полную лояльность. Некоторые историки (в частности, Даниэль Броуэль) пишут о «своеобразном идеологическом трюке», об «упорном нежелании понять какой властью обладает ислам», о проявлении, свойственной «большинству правительственных чиновников империи», выдачи «желаемого за действительное, не основываясь на реальные наблюдения» и отмечают, что «заговор молчания, созданный чиновниками вокруг ислама, <...> скорее акт отчаяния, нежели подлинное убеждение людей» и т. д. Но именно многолетний опыт общения с представителями различных кругов верующих мусульман и борьбы с Шамилем на Кавказе определяли политику К.П. фон Кауфмана. Он требовал от административных чиновников проявления терпимости по отношению к рядовым мусульманам и, одновременно, принимал меры к ослаблению в крае высокого духовенства с его «фанатичной пропагандой ислама». Признавал необходимым бороться против той деятельности духовенства, которая имела политический характер, считал недопустимым никакой духовной иерархии, никакой централизации духовенства в областях и в целом крае в какие-либо духовные учреждения, советы. Но, игнорируя духовенство, традиционную мусульманскую школу, К.П. фон Кауфман никогда не вмешивался в религиозную жизнь местного населения, которому в крае гарантировалась свобода жизни по законам шариата и были установлены должности кази-каляна и раиса, наблюдавшие за исполнением

этих правил и обычаев. Во время Бухарской экспедиции 1868 г. К.П. фон Кауфман издал специальный приказ о бережном отношении к обнаруженным исламским ценностям и поиска таковых с помощью местного населения. Свидетельства современников гласят: «И за все время его управления краем и в политическом, и в религиозном отношениях в крае была тишина».¹⁴⁴

Одним из средств ослабления мусульманского духовенства и его негативного влияния на население предполагалось ограничение доходов, в том числе прав на землю, ее изъятие там, где возможно, сокращение вакуфных владений. К.П. фон Кауфман был также глубоко уверен в том, что с помощью русского образования и культуры возможно повернуть местное население в другую сторону от ислама. И если ограничить земельные владения духовных заведений, их доходы, не обеспечивать материально мусульманские учебные заведения, то они «сами собой отомрут» и влияние ислама ослабнет. Он считал, что без административной поддержки ислам вскоре лишится общественной поддержки, перестанет быть популярным, и был искренне убежден в призвании России цивилизовать Восток, полагая, что движение ее в Центральную Азию находит свое объяснение и оправдание только в «плодах положительных, в плодах торговли», что «конечно же важнее всяких завоеваний». В целом же он не придавал «особого значения различию вероисповеданий» и считал «достаточным для получения рая добрую, честную жизнь каждого человека, к какой бы он вере не принадлежал». Он стремился преодолеть скрытую враждебную деятельность мусульманских законоучителей, ослабить их и привлечь на свою сторону рядовых верующих. При нем реставрировались медресе и мечети, имеющие историческую ценность. Однако предпринятые К.П. фон Кауфманом реформы, не имели корней в прежней мусульманской культуре, расшатывали и ослабляли ее основы. И преодолеть глухую враждебность никогда не удавалось. Он искренне, но ошибочно думал, что мусульманской культуре не следует придавать большого значения, поскольку она изжила себя, отжила свой век, и поэтому игнорировал ее, «упускал из вида, что мусульманское население Туркестана религиозно во всех проявлениях своей жизни», отмечал Н.П. Остроумов и подчеркивал, что в тоже время он выступал против христианского миссионерства среди мусульман, и «начиная с К.П. Кауфмана на христианское миссионерство» среди местного населения «был наложен запрет не только в лице православных миссионеров, но и западноевропейских».

¹⁴⁴ ТС. № 546. С. 154.

«Мы должны вводить в Туркестанском крае христианскую русскую цивилизацию, но не должны стараться предлагать населению православной веры. Он обдумал свой взгляд и возвел его в принцип».¹⁴⁵ К.П. фон Кауфман, как идеолог политики неотрицания, неограничения, а «оригинального игнорирования ислама», конечно, ошибался, недооценивал силу традиций мусульманской культуры и искренне верил в просветительско-культурную миссию русских в завоеванном крае. Не верил К.П. фон Кауфман во внутреннюю силу ислама, отчасти, и под влиянием господствующего тогда в обществе представления о Турции, как о больном организме, и считал вообще мусульманскую культуру неспособной к пробуждению и дальнейшему прогрессу. Он придавал значение только европейскому образованию и верил в него. Комиссия по устройству мусульманского духовного управления в крае под председательством генерал-губернатора Н.А. Иванова была создана только в 1899 г.¹⁴⁶

Тактика невмешательства, веротерпимости, свобода молитв и обрядов по законам шариата, но при этом отношение к исламским священнослужителям, как к рядовым обывателям, сохранялась в Центральной Азии до 1917 г.

¹⁴⁵ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 44.

¹⁴⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 109. Л. 186.

БУХАРСКИЙ ПОХОД

Работа по организации административного управления краем приближалась к завершению, и, хотя военные отношения с Бухарой были официально не завершены, а все дипломатические усилия сводились к неопределенности, К.П. фон Кауфман, еще надеясь установить отношения с бухарским эмиром мирным путем, планировал 9.04.1868 г. выехать в Петербург для доклада императору и военному министру о состоянии дел в Туркестане и за своей семьей. Он пишет: «Очень может быть, что соседи наши не вызовут меня на борьбу — искренне этого желаю <...> не отступая от мирной политики, я делаю все возможное к тому, чтобы не доводить дело до разрыва». Когда в начале марта на имя генерал-губернатора пришло, наконец, письмо из Бухары, весьма отвлеченного содержания, корректный К.П. фон Кауфман еще раз написал подробный ответ, в котором объяснил порядок и значение обмена мирными условиями. Посол Мирахуд-Муса-Бек, который жил в Ташкенте уже 4-й месяц, повез это письмо эмиру в Бухару. Но его отъезд из Ташкента, также как и ранее отъезд из Оренбурга, сопровождался глухими волнениями в кочевьях, в которых он подолгу останавливался, и участвовавшими стычками русских войск с нарушителями мирной жизни на границе с эмиратом. Положение на границе становилось все более тревожным, все более дерзко проводились набеги на пограничные посты и поселения. К.П. фон Кауфман отправил на границу отряд в 600 казаков для выбора мест будущих укреплений по северному склону Нурагинских гор, о чем считал необходимым уведомить эмира Музаффара. Но в Ухтомском ущелье отряд был встречен соединенными войсками двух бухарских бекств. Хотя войска эмира были разбиты, отряд не преследовал бежавших воинов и не пересек границу. Музаффарбек, разгневанный потерей части земель своих владений, но все же не решавшийся выступить против сильного соседа в одиночку, хитрил, затягивал время, вел переговоры с правительствами соседних властителей и даже с администрацией Британской Индии и Турцией. Турецкий султан отказал сразу, властители края выжидали и ответили отказом в последний момент, отряд афганских наемников Искандер-Ахмед-хана, не получив жалования к сроку, покинул крепость Нурата и перешел на сторону русских. Антироссийская коалиция распа-

лась. Эмира подстрекала фанатичная клика мусульманских мулл, улемов и кичливых беков, обвинявшая его в поражениях. Она в отсутствие эмира, отправившегося на богомолье, объявила «газават». Очутившийся перед фактом Музаффар-бек официально объявил в Кермине «газават» России и двинул войска в сторону еще непризнанной им русско-бухарской границы. Уверенность действиям эмира придавали и донесения лазутчиков о том, что число строевых солдат в русских войсках сравнительно невелико, среди солдат, непривычных к местному климату, много больных, особенно малярией, нет врачей, не хватает лекарств. Сообщение о сборе Музаффар-беком в Самарканде значительного и неплохо обученного войска заставило К.П. фон Кауфмана отложить поездку в Петербург, отправить отряд пехоты к Джизаку, начать спешную подготовку к походу на Самарканд. Первые сражения посланного отряда с бухарскими войсками произошли 15.04.1868 г. под Джизаком и Яны-Курганом — этот день стал началом «священной войны». Войска эмира при этом были разбиты. На церковной площади Ташкента 17.04.1868 г. К.П. фон Кауфман известил войскам Ташкентского гарнизона о походе против войск эмира и на следующий день двинул войска (около 3,5 тыс. человек пехоты, 5 сотен казаков при 16 орудиях), «лично команду войсками экспедиционного отряда». «Человек ответственных решений и волевой военачальник, генерал фон Кауфман сразу оценил обстановку. Примирительная политика не удалась, злая воля Бухары стала очевидной — эту злую волю надлежало сломить».¹⁴⁷ Генерал предупредил ташкентских мусульман о соблюдении спокойствия во время отсутствия и похода в Самарканд. Он объяснил местному населению и властителям соседних государств, что, во-первых, Россия велика и могущественна, что он не единственный в многочисленном ряду исполнителей «велений Белого царя» и многие другие могут быть продолжателями порученного ему императором государственного дела; во-вторых, что он такой же подданный русского царя, как и другие русские, и обязан подчиняться законам империи и отстаивать ее интересы. Эти указания, а может и вера наивных людей в то, что все воины в отряде генерала ослепнут (этот слух активно распространялся), исключили какие-либо выступления в столице во время похода русских войск в Самарканд. (Такая же наивная вера в победу ислама над христианством руководила Кувинским Дунчи-ишаном, предводителем Андиганского восстания

¹⁴⁷ История русской армии... С. 289.

1898 г., уверявшим что как только русская пуля достигнет тела мусульманина, она превратится в воду.)¹⁴⁸

Бухарские войска — около 60 тыс. человек (15 тыс. сарбазов — регулярные войска, 20 — 30 тыс. кавалерии, 150 орудий и многочисленное ополчение) пытались остановить продвижение русских отрядов к Самарканду. Короткие стычки, как правило, заканчивались поражением бухарских войск, затем прибывал посыльный с просьбой подождать, так как эмир вот-вот подпишет условия мирного договора. К.П. фон Кауфман ждал и ровно в назначенный срок двигал свои войска дальше.

На подходе к речным поймам Зеравшана авангард русских войск был атакован бухарской конницей. Подполковник Н.К. Штрандманн с 4 сотнями казаков и 4 конными орудиями отеснил ее на левый берег. К.П. фон Кауфман с войском 1.05.1868 г. подошел к садам Самарканда. К нему опять прибыл Муса-бек, который привез утвержденный эмиром первоначальный и уже исправленный текст договора, да еще на персидском языке, а также и просьбу эмира: остановить русские войска. К.П. фон Кауфман ответил, что будет вести переговоры, когда войско придет на ночлег. Пройдя сады, войска увидели, что весь противоположный возвышающийся берег занят бухарскими войсками до 40 тыс. человек. Их от русских отрядов отделяли довольно глубокая и полноводная р. Зеравшан (Золотоносная — тадж.) и залитые водой рисовые поля. К.П. фон Кауфман заявил послу, что не может встать на ночлег на виду армии эмира, и предложил ему отправить кого-нибудь к владыке с предложением во избежание напрасного кровопролития отвести войска с Зеравшанских высот. Он дал срок в два часа. Посол исполнил поручение генерала, но ответа никакого не последовало. Через два часа К.П. фон Кауфман уведомил посла, что начинает действовать. Посол попросил отсрочку еще на полтора часа и сам поехал передавать эмиру его предложение. Но войска эмира оставались на высотах и даже открыли огонь по направлению к тому месту, где находился штаб и сам начальник похода, к счастью не нанося значимого ущерба. По истечении срока К.П. фон Кауфман произнес: «С Богом!» и двинул войска. По грудь в воде, держа ружья над головой, солдаты шли двумя колоннами, в одной из них был и сам генерал. По его приказу казаки, взявшись за руки, встали поперек стремительного Зеравшана, сдерживая напор воды и помогая слабым. Достигнув берега, солдаты ложились на спину, поднимали ноги

¹⁴⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 104. Л. 21, 82.

вверх, выливали воду из сапог, строились в цепи и сразу шли в штыковую атаку. (Бухарцы восприняли эти действия как некий магический обряд, приносящий победу, и даже пытались позднее повторять его на сухих местах перед предстоящим боем.) Бухарское войско в панике бежало, оставив лагерь и 21 пушку. Жители Самарканда закрыли ворота и не пустили разбитую армию эмира в город. Убегающих не преследовали.

Парламентеры. Картина художника В.В. Верещагина

На другой день, 2 мая К.П. фон Кауфман принимал депутатов от жителей города. «Украшение земли», «Священный город» Самарканд изъявил свое нежелание жить под деспотичной властью бухарского эмира и его алчных беков. В великолепный солнечный день русское войско вступило в известный во всем мусульманском мире древний город. Ранее в Самарканд, где находятся мусульманские святыни, под страхом смерти, как ныне в Мекку, лицам других религий доступ был запрещен. А. Вамбери справедливо считал, что Самарканд «может действительно называться если не «средоточием мира», то центром гражданской жизни Средней Азии». К.П. фон Кауфман вступил в древнюю столицу без единого выстрела. На лицах «высыпавших на улицы горожан была написана безмятежность», но она скрывала проходившую среди жителей борьбу двух партий: мусульманского духовенства, подстрекавшего эмира, и торгово-промышленных кругов, которые были не против присоединения к России. В тот же день 2 мая К.П. фон Кауфман телеграфировал Александру II: «Имею счастье поздравить Ваше Императорское Величество с торжеством: древний и знаменитый город Средней Азии, центр мусульманства Самарканд, гордый своею исторической славою, без выстрела пал к стопам Вашего Величества, отворив ворота храбрым и честным воинам Вашим».

Искренне тронутый теплым приемом и не подозревавший о страстях, кипевших среди жителей, К.П. фон Кауфман устроил 3 мая для именитых людей города большой прием. На следующий день по всем войскам действующего отряда

*Вступление русских войск в Самарканд.
Художник Н.Н. Каразин*

был отдан приказ: «Войска, собранные для действия в бухарских владениях! Внезапно поднялись Вы со своих квартир и быстро собрались на Ключевом и в Яны-Кургане. Вы были веселы, у Вас был порядок, я любовался Вами. От Яны-Кургана в два дня прошли Вы почти 70 верст. На Самаркандских высотах неприятель хотел запереть Вам дорогу. Сильна была его позиция, но Вас она не остановила. Под перекрестным огнем неприятеля прошли Вы болота и молодецки бросились на высоты. Неприятель бежал, оставив в руках Ваших 21 орудие. Окружив Вас со всех сторон, неприятель пытался нанести Вам вред в обозе, но и тут встретил дружный отпор. Спасибо Вам от мала до велика: Вы вели себя так, как я ожидал, свято и честно исполнили Вы свой долг и присягу Государю Императору. С такими войсками, как Вы, везде победа и торжество. Ура, Вам, молодецкие войска!»¹⁴⁹

Преследуя цель заключения мирного договора, К.П. фон Кауфман написал бухарскому эмиру письмо с предложением мира на условиях признания за Россией занятых территорий, в том числе Самарканда, и выплаты контрибуции. Послов, отправленных к эмиру, постигла печальная участь: одному из них отрубили голову, другого бросили в яму-клоповник. Ответа не последовало. Эмир воспринял это действие командующего русскими войсками как проявление слабости и неуверенности в своих силах. Не затихала между тем в Зеравшанской долине и пропаганда газавата. Муллы-проповедники «священной войны» наводняли улицы, базары города и всю долину. Персы и бухарские евреи тайком пробирались в цитадель, где расположился лагерь русских войск, и сообщали о том, что против них готовится выступление. Однако К.П. фон Кауфман еще искренне верил в порядочность и дружелюбное отношение самаркандцев. Он знакомился с городом, спокойно, часто без конвоя, вдвоем с В.В. Верещагиным осматривал древние святыни, встречался с местными жителями. Но очень скоро отовсюду стали поступать сведения о том, что большие отряды вооруженных людей начинают сосредотачиваться у крепостей Катта-Курган (к юго-западу от Самарканда),

¹⁴⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

в городе Ургут (к юго-востоку от Самарканда), в Кара-Тюбе, Чилеке. Эмир мечтал о реванше, о дальнейшей борьбе и снова собирал войско (по некоторым данным более 60 тыс. человек).

К.П. фон Кауфман посылает свои отряды в разных направлениях от Самарканда: 6 мая майор Ф.К.фон Штемпель занял Чилек; 11 мая полковник А.К. Абрамов повел войска на Ургут, взял его штурмом и, пройдя весь город, 13 мая вернулся в Самарканд; 16 мая был отправлен отряд под командованием генерала Н.Н. Головачева в Ката-Курган, на подступах к городу отряд разбил войска эмира и 18 мая без боя занял укрепление. Все еще намереваясь провести переговоры с эмиром, К.П. фон Кауфман тоже отправился 21 мая в Ката-Курган вместе с обозом фуража и продовольствия. В городе его уже ждали послы из Бухары с мирным договором, на этот раз ратифицированным эмиром. Но это был тот же Оренбургский вариант 1867 г., многие положения его были изменены последующими событиями. К.П. фон Кауфман предложил послам следующую дилемму: или уплатить России в течение 8 лет 4,5 млн. рублей контрибуции, после чего эмир получит обратно все завоеванные у него земли, или же уплатить 120 тыс. рублей военных издержек и признать за Россией все сделанные ею завоевания. Послы выбрали последнее и попросили десять дней срока для сбора контрибуции. Но не успели эмиссары прибыть к эмиру, как перемирие было нарушено, на русские отряды то там то тут стали нападать подданные Бухары киргизы. Затем последовало известие, что со стороны Шахризьябса к Кара-Тюбе подходят многочисленные вооруженные отряды.

Отдав распоряжения генералу Н.Н. Головачеву, командующий с двумя казачьими сотнями выступил 24 мая из Ката-Кургана и в тот же день прибыл в Самарканд. Под руководством полковника А.К. Абрамова 27 мая к Кара-Тюбе был отправлен отряд из 8 рот пехоты и 3 казачьих сотен при 6 батальонных орудиях. Отряд разбил 10-тысячное шахризьябское войско. На следующий день шел вновь тяжелый бой с еще более многочисленным войском эмира, оно было рассеяно. Но в целом поход был тяжел и не очень удачен. В Самарканде после выступления генерала А.К. Абрамова в цитадели осталось около 500 человек русских во главе с К.П. фон Кауфманым. Он полагал, что достаточно одного его присутствия для удержания населения в повиновении, хотя в городе было очень неспокойно. «Низкие поклоны должностных лиц местной знати действовали усыпляюще, но горячая проповедь газавата страстно лилась под темными сводами медресе и

мечетей и на залитом солнцем Регистане. А забитые и трудолюбивые евреи (яхуди) опять спешили надеть свои символы рабства — грубые веревочные пояса (зоннары) и вместе с персами со страхом ожидали за свою преданность к русским поголовного истребления», — отметит современник. Когда отряд генерала А.К. Абрамова возвращался в Самарканд, на окраине города он наткнулся на засаду. Небольшая перестрелка обратила в бегство устроителей засады, но на каждом шагу, на каждой перекрестке в городе были устроены баррикады. Отряд вошел в цитадель, пробиваясь через преграды, и только тогда горстка гарнизона поняла, какая опасность угрожала им. К.П. фон Кауфман был поставлен в необходимость из положения наступающего перейти в положение обороняющегося. Он приказал укрепить Самаркандскую цитадель и подготовить ее к обороне, но даже и половина его распоряжений не была приведена в исполнение. От генерала Н.Н. Головачева 29 мая поступило известие, что бухарская пехота, артиллерия и конница вновь сосредотачиваются около Ката-Кургана. Отойдя от города на 16 верст, войска эмира укрепились на Зерабулакских высотах, обложили город мелкими отрядами и устраивали вылазки. У русских войск была отогнана часть верблюдов, на исходе были боеприпасы. К Кара-Тюбе вновь начало подтягиваться 30-тысячное войско Шахризьябских беков, замысливших занять Самарканд. К Чилеку и Яны-Кургану, где был небольшой отряд в 400 человек при 2 орудиях, подтягивалось 15-тысячное войско кочевых племен — подданных эмира. К.П. фон Кауфман решил обезопасить отряд генерала Н.Н. Головачева. В Самаркандской цитадели осталось 4 роты, несколько саперов и казаков — всего до 750 человек, включая музыкантов, больных, раненых, нестроевых. Остальные войска с К.П. фон Кауфманом во главе усиленным маршем выступили 30 мая к Ката-Кургану, большая часть жителей которого перешла в ряды бухарских войск. За одни сутки отряд достиг города, К.П. фон Кауфман дал день отдыха солдатам и 2 июня двинул войска двумя колоннами (под командованием А.К. Абрамова и фон Пистелькорса) к Зерабулакским высотам. После упорного боя «1700 штыков и 3200 казаков под личным предводительством Кауфмана обратили в бегство бухарское войско» (6 тыс. сарбазов, 15 тыс. конницы, 14 орудий — всего против русских в этих боях действовало 35-тысячное войско эмира). Потрясенный эмир попросил аман. Участники боя на Зерабулакских высотах рассказывали позднее о том, как генерал бесстрашно входил на позиции поверженного противника, как тысячные ряды отступающих бухарских солдат медленно проходили мимо, и «ни

один из них не осмелился тронуть победителя». На третий день после боя К.П. фон Кауфман, объезжая части немного отдохнувшего войска, благодарил солдат и офицеров за их отвагу и блестящую победу: «Спасибо, молодцы, славно стреляете, чуть меня не подстрелили», — приветствовал он одну из отличившихся рот. «Рады стараться», — выпалили молодцы. После Зерабулакской победы многие начальники войсковых частей советовали командующему войсками идти дальше, вглубь страны, чтобы разом покончить с сопротивлением эмира. Однако К.П. фон Кауфман был опытным воином и трезво оценивал обстановку. В его распоряжении был немногочисленный отряд с уставшими солдатами, добрая половина из которых страдала различными заболеваниями, беспокоился он и за необеспеченный тыл и судьбу гарнизона. К.П. фон Кауфман отдал приказ возвращаться в Самарканд.¹⁵⁰ Возвращались не торопясь, щадили людей, животных, а следом за русскими войсками шли мародеры, от которых страдало местное население. О том, что все дни боев на Зерабулакских высотах защитники Самаркандской цитадели самоотверженно, героически сдерживали осаду, командующий еще не знал.

¹⁵⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 41 — 41об.

ОБОРОНА САМАРКАНДСКОЙ ЦИТАДЕЛИ

В первые дни после ухода К.П. фон Кауфмана с отрядом к Ката-Кургану в городе было относительно спокойно, но это была предательская тишина. Со всех сторон к Самарканду стекались вооруженные отряды найманов, кипчаков, кара-калпаков — подданных бухарского хана. Подошел к Самарканду и Шахризязбский бек Джура-бей. Он был убежден в победе К.П. фон Кауфмана над эмиром и, полагая, что генерал пойдет дальше на Кермине и Бухару, а также осведомленный о малочисленности русского отряда в Самарканде, намеревался освободить столицу Тамерлана — дорогой и священный для всех мусульман город. Жители города поддерживали бека и прибегли к обману. Городские аксакалы отправились в цитадель с просьбой оказать им помощь против приближающихся к городу отрядов степных племен. Комендант гарнизона майор барон Ф.К.фон Штемпель выделил две роты солдат и два орудия. Не успел отряд пройти и двух улиц, как был окружен со всех сторон. Сдерживая стремительный натиск огромной массы вооруженных людей, отряд стал с боем пробиваться к цитадели. Вооруженные толпы стремились на плечах отступающих ворваться в крепость. Однако отряд полковника Н.Н. Назарова, незадолго до этих событий подавшего рапорт об отставке, но не успевшего уехать, отбил натиск, отстоял Бухарские ворота. Майор Ф.К.фон Штемпель отдал распоряжение укрепить ворота, обращая особое внимание на оборону Самаркандских и Бухарских ворот, заблаговременно распределил всех защитников по отсекам стены цитадели, разместил лазарет во дворце хана, расположенном в центре цитадели, там же укрыл и мирных русских жителей, волею случая оказавшихся в Самарканде и собравшихся в цитадели (в эти трагические дни погиб или умер от желтой горячки один из братьев известных купцов Хлудовых — Иван Алексеевич, «знаменитый предприниматель» и «смелый деятель на торговом поприще», проработавший после окончания Петропавловской школы два года в немецкой конторе в Бремене, водивший торговые караваны до Кашгара и много сделавший для края).¹⁵¹

Первое нападение на цитадель состоялось в день боя на Зерабулакских высотах — 2 июня 1868 г. Утром с криком «Ур! Ур!» и барабанным боем осаждав-

¹⁵¹ ТС. № 7. С. 208.

шие бросились к цитадели. Штурм продолжался беспрерывно, особенно ожесточенные, упорные приступы проходили у южных Бухарских ворот. К вечеру осаждавшим удалось поджечь ворота и сделать рядом с ними провал в стене. Майор Ф.К.фон Штемпель перевел к Бухарским воротам полковника Н.Н. Назарова с саперной ротой. Они под сильным огнем устроили завал из мешков с песком и землей, за завалом установили орудия и картечным огнем отбили осаждающих. Разрушены были и Самаркандские ворота. Провалы здесь также удалось заделать мешками с землей. Штурмы цитадели продолжались и ночью. Положение защитников плохо приспособленного для обороны укрепления, в нескольких местах с обвалившимися стенами, было отчаянным. Штурмы шли огромным числом атакующих, с разных сторон одновременно. Из садов и саклей, с мечетей и минаретов в округе летел град пуль. Защитники еле успевали заделывать пробоины и перебегать с места на место. Чтобы хоть как-то облегчить свое положение, они ночью устроили вылазки: сжигали в округе дома, из которых шли наиболее активные, ожесточенные обстрелы, заготавливали корм для лошадей. Из рядов защитников за эти сутки выбыло 22 человека убитыми и 58 ранеными. Майор Ф.К.фон Штемпель составил новое распределение людей по обороне крепости, которое не изменялось до конца обороны.

Упорные бои 3 июня начались еще до рассвета и продолжались до 3 часов дня, т. е. до времени, когда в город пришло сообщение о разгроме войск эмира. Значительное число осаждающих отошли от цитадели. Шахризьбский бек Джура-бей увел свои войска из города. В 17 часов оставшаяся часть вооруженных людей вновь бросилась на штурм, он был успешно отбит. В ночь с 3 на 4 июня гарнизон цитадели занялся расчисткой площади вокруг ханского дворца в центральной части крепости. Было решено: если осаждающие войска ворвутся в крепость и будет взят ханский дворец, гарнизон взорвет пороховые погреба, т. е. всю цитадель, что повлекло бы гибель гарнизона и всех, находящихся в цитадели. К счастью, к такой мере не пришлось прибегнуть. Штурмы начали ослабевать, 4 и 5 июня они проводились уже не с такой энергией, 6 и 7 июня продолжалась лишь плотная стрельба, а вылазки полковника Н.Н. Назарова даже отогнали осаждающих от стен и местами заставили прекратить стрельбу.¹⁵²

Ф.К.фон Штемпель не один раз отправлял гонцов к К.П. фон Кауфману с донесениями о положении дел в городе. Но только один из них (по легенде — сын

¹⁵² ТС. № 521. С. 151 — 153.

арестованного ранее отца, согласившийся доставить донесение в ответ на обещание отпустить отца) добрался 6 июня вечером до отряда русских войск. Остальные были либо пойманы и зарезаны, либо переходили на сторону осаждающих. К.П. фон Кауфман с отрядом находился уже в 18 верстах от города. Вечером 7 июня гарнизон цитадели и жители города увидели ракеты — сигнал о подходе отряда. Командующий войсками не вошел в город в ночь, отряд расположился лагерем на подступах к нему. Как отмечал в своих воспоминаниях художник В.В. Верещагин, К.П. фон Кауфман дал возможность уйти из города большому числу народа, «особенно женщинам и детям», и только потом отдал приказ «примерно наказать город». Утром 8 июня К.П. фон Кауфман вступил в Самарканд. Войска были встречены пулями, летящими в солдат из садов и домов, с крыш мечетей и башен минаретов. Тогда командующий направил колонны по главной улице к базару и разрешил солдатам баранту. Вошедшим в город войскам предстало страшное зрелище: горел базар, повсюду развалины, тлеющие фундаменты сожженных домов, разлагающиеся под знойными лучами солнца трупы. С приближением отряда гарнизон цитадели перешел в наступление, закончив таким образом ее славную недельную оборону. Потери личного состава за время обороны Самаркандской цитадели были самыми значительными за время войны с бухарским эмиром: убитых — 49, раненых — 172 человека. «Измученные, изможденные защитники, закопченные лица, свежие следы борьбы красноречиво свидетельствовали о героическом упорстве осажденных, державшихся на ногах только лишь благодаря нравственному напряжению».¹⁵³

К.П. фон Кауфман еще ранее пригласил в Туркестан художника В.В. Верещагина, который прибыл в Ташкент в качестве прапорщика при нем 27.08.1867 г. Все дни обороны цитадели талантливый живописец был среди защитников, участвовал в вылазках и не раз оказывался в критических ситуациях. Солдаты любили отважного художника, ценили и оберегали как могли могучий талант. Его живописные полотна, созданные сразу после войны — достоверные фронтовые репортажи — явились одним из выдающихся культурных событий и потрясли общество. Зарисовки и записи, которые он делал в короткие минуты отдыха, легли в основу художественных полотен его знаменитой «Туркестанской серии», а также опубликованных позднее воспоминаний, в которых есть и такие строки:

¹⁵³ Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Под ред. В.Е. Троцкого. Вып. III. СПб. 1872. С. 198.

«Как теперь вижу Кауфмана на нашем дворе, творящего после всего произошедшего суд и расправу над разным людом: или захваченным в плен с оружием в руках, или уличенным в других неблагоприятных делах. Добрейший наш Кауфман, окруженный офицерами, сидел на походном стуле и, курая папиросу, совершенно бесстрастно произносил: расстрелять, расстрелять, расстрелять».¹⁵⁴ Честному воину, закаленному Кавказом, Азия преподала урок, принудив его к жестким мерам против коварства, предательства и лжи.

Приказ по войскам о «храброй войне» гарнизона Самаркандской цитадели был издан 10.06.1868 г.:

«По выступлению моему из Самарканда в Ката-Курган для поражения там эмировых войск, собравшихся для враждебных против нас действий, Вы были осаждены. Шахриязбские войска, масса вооруженных городских и окрестных жителей, увлеченных возмутителями, возымели дерзкую мысль уничтожить Вас. Они ошиблись и наказаны. Вами руководили долг, присяга и честное русское имя. Больные и раненые, могущие стрелять и колоть, все были в строю, на стенах и вылазках. Распорядительный, храбрый комендант и все господа штаба и оберофицеры были с Вами всегда, руководили Вами и разделяли Ваши опасности. Их распорядительность и Ваша храбрость и стойкость сделали ничтожными все попытки неприятеля. Вы не уступили ему ничего. Вы бились семь дней, и когда на восьмой я пришел к Вам, все были так бодры и веселы, что нельзя было мне не любоваться Вами. Помяните доброй и вечной памятью павших во время славной семидневной обороны цитадели. А Вам, молодцы, спасибо за службу».¹⁵⁵

Военные неудачи и общее недовольство подданных смирили гордого эмира Музаффара, 12 июня он прислал к К.П. фон Кауфману посла с письмом, в котором звучало отчаяние. Эмир сообщал о своем отречении, объявлял о капитуляции своей армии и просил его допустить до личного свидания с государем, чтобы просить у него разрешения удалиться в Мекку. К.П. фон Кауфман капитуляцию не принял. Имея в своем распоряжении незначительные войска, измученные боями, болезнями и тяжелыми переходами, считая, что для России экономически и политически выгоднее сохранить автономию Бухары, «а не управлять этой страной и быть вынужденной содержать там для этого значительное войско», он предпочел заключить мир и 23 июня подписал с эмиром договор на условиях,

¹⁵⁴ Верещагин В.В. На войне в Азии и в Европе 1868 — 1882. М. 1898. С. 3.

¹⁵⁵ Русский Туркестан. Сборник... С. 198.

которые определил сам. Эмир Музаффар, лишенный поддержки своих подданных, становился вассалом своего недавнего противника. К России были присоединены Самаркандский и Ката-Курганский округа, четко разграничивались владения Российской империи и эмира Бухары. Эмир обязан был уплатить 125000 тилей (500 тыс. рублей) золотом в течение года и следить, чтобы его подданные беки не производили разбойных нападений на российских подданных, которым предоставлялось право свободной торговли и право приобретать недвижимость; право суда над российскими подданными принадлежало Туркестанскому генерал-губернатору (но еще в феврале 1870 г. К.П. фон Кауфман отмечал в письме к военному министру, что эмир бухарский все еще не исправился и не уплатил 120 тысяч контрибуции, а с «купцов наших, если случится, берет двойной закят кроме взяток, которые приходится платить»). Подписанный 23.06.1868 г. договор между Россией и Бухарой до 1873 г. являлся единственным документом, который определял отношения государств. Император Александр II отказался ратифицировать договор, но правительству, а тем более эмиру об этом сообщено не было.

Из завоеванных областей Бухарского эмирата 24.07.1868 г. был сформирован Зеравшанский округ, начальником которого назначен произведенный в генерал-майоры А.К. Абрамов с правом «губернатора в отношении подчиненного ему военно-народного управления» и с правом «командующего корпуса» отряда войск, «оставленных в его распоряжении». К России отошли города Самарканд и Катта-Курган.¹⁵⁶

«Временные правила управления Зеравшанского округа» утверждены 29.07.1868 г., они были разработаны А.К. Гейнсом. Позднее, 12.06.1886 г. Зеравшанский округ преобразован в Самаркандскую область. Стараниями генерала А.К. Абрамова в создаваемой русской части города (как и все поселения края, Самарканд был разделен на европейскую часть и старый город, где жили местные жители) создавались укрепления для защиты населения от внезапных нападений, строились казармы для солдат, частные дома чиновников и служащих, казенные и городские здания, церкви и молитвенные дома. К 1892 г. в европейской части города проживало более 10115 человек, в том числе: православных — 7446, мусульман — 1054, римских католиков — 68, протестантов — 75, иудеев — 485, раскольников — 416, армяно-григорианцев — 71. В память о павших за-

¹⁵⁶ ТС. № 521. С. 149 — 154.

щитниках цитадели на братской могиле в центре зеленого сквера на Ургутском проспекте (ныне Камала Ататюрка) была поставлена мемориальная стела. Часть постамента разрушена временем, но памятник сохранился до сих пор, сохранилась и надпись на нем: «Больше сея любви никто не имеет, да кто душу свою положит за други своя». К.П. фон Кауфман 2.07.1868 г. выступил с отрядом из Самарканда и форсированным маршем к 7 июля вернулся в Ташкент, куда доходили противоречивые слухи, в том числе и о неудачах русских войск, и о враждебном настроении жителей Кокандского ханства. Это вызывало определенное напряжение в обществе и настроенное настроение населения. Со вступлением отряда в Ташкент все успокоилось, и жизнь вступила в мирную колею.¹⁵⁷ Генералу Н.А. Веревкину в Оренбург 9 августа пришла телеграмма из Петербурга: «Передайте генералу К.П. фон Кауфману, что государь пожаловал ему за Зерабулак орден Белого Орла с мечами, В.В. Верещагину — Георгия 4-й степени. Искандер-хана разрешено принять на службу подполковником и пожаловать ему орден Станислава 2-й степени с мечами; всем, отличившимся при защите Самарканда, повелено назначить награды по примеру наград на Кавказе и сделать общее представление по всем войскам действующего отряда».¹⁵⁸

Но быстрые успехи русского оружия в Центральной Азии вызвали большую тревогу и переполох в правящих кругах России, опасавшихся осложнения на международной арене, в первую очередь с Англией. В связи с этим еще 13 июля МИД России и Военное министерство направили К.П. фон Кауфману основанное на личном распоряжении императора предписание: «не распространять пределов наших новыми завоеваниями, направлять все усилия к тому, чтобы можно было отвести войска из Бухарских владений». Инструкции, как отмечал А.Д. Милютин, носившие характер «общих указаний», высказывая опасения по поводу осложнения отношений с Англией, предлагали «очистить временно занятый край, <...> не распылять военные и без того немногочисленные силы, находящиеся здесь». К.П. фон Кауфман не исполнил высочайшего повеления и пред-

¹⁵⁷ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб. 1906. С. 472 — 475.

¹⁵⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 366. Л. 1; Искандер-Ахмад-хан был внуком Дост-Мухаммел-хана, к которому в 1837 г. приезжал сосланный, как участник польского оппозиционного движения, И.В. Виткевич. В результате его бесед с ханом тот обратился с письмом к императору о союзе России с Афганистаном, но российское правительство не смогло развить это начинание. Искандер-хан с 280 солдатами, перейдя к К.П. фон Кауфману, долго и честно служил в его войсках. После смерти генерала, во время поездки в Петербург был обижен высокомерием царского двора, уехал и примкнул к англичанам.

писанных ему указаний об отводе войск с занятых территорий. Ни минуты не колеблясь, он срочно выехал 8 августа в Петербург. В своем дневнике он записал: «В сущности, я был уже государственным преступником, послушником моего царя. Неисполнение высочайшего повеления влекло за собой в лучшем случае удаление со службы, а не то разжалование, даже смертную казнь. <...> На аудиенции государь поинтересовался исполнением приказа, на что я ответил: Ваше Величество, я не исполнил Вашего повеления и исполнить не могу! Наступила минута молчания и в эту минуту на меня смотрел разгневанный царь.

— Почему ты так поступил?

— Ваше Величество! Азия — страна своеобразная, она понимает и уважает только силу. Из раз завоеванного ей нельзя уступать ни одной пяди. Ваше великодушное намерение вернуть Самарканд Бухаре Азия объяснит единственно слабостью. Малейшая уступка — и нас не только перестанут уважать и бояться, но мы рискуем потерять все, чем завладели раньше. Будем вынуждены все опять брать с бою.

Вспоминая эту сцену, мне до сих пор представляется то, что говорил не я, а кто-то другой во мне, мой двойник», — отмечал он позднее. Безусловно, так поступить мог только человек высокого гражданского мужества и подлинно государственный человек, для которого честь и интересы России были превыше всего, выше опасений за свою судьбу. К.П. фон Кауфман убедил императора и в правильности своей позиции в отношении главного соперника — Англии. «Нас там мало, а Англия поможет подняться всему мусульманству против нас в Средней Азии, <...> а между тем <...> Англия нигде так не уязвима, как в Азии. Это узда, которой мы всегда можем ее сдерживать».¹⁵⁹

Император согласился со всеми доводами и аргументами К.П. фон Кауфмана, поблагодарил его за все действия и наградил за взятие Самарканда орденом Святого Георгия 3-й степени и Белого Орла. Также повелено было «начертать его имя золотыми буквами на белой мраморной доске» и сделать надпись: «Самарканд, 1868», доску «укрепить в Николаевской инженерной академии».¹⁶⁰

Русская пресса разноречиво освещала события «Бухарской экспедиции». Российское общество того времени относилось недоверчиво и даже недружелюбно к тем, кто «выдвинулся в боях и походах» против «халатников». Левые же изда-

¹⁵⁹ Толбухов Е. Устроитель Туркестанского края // Исторический вестник. 1913. № 6. С. 906 — 907.

¹⁶⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 366. Л. 1.

ния описывали «ошеломляющие успехи», «славные победы», подчеркивали очевидность того, что «поход предприняли, вероятно, в необходимость ради государственных интересов, о чем людям, непосвященным в тайны политики в Средней Азии, судить трудно» и т. д. Русское телеграфное агентство (орган МИД) осторожно умалчивало о значении побед в Центральной Азии, как будто их и не было, стараясь уверить западно-европейские государства в крайней маловажности этих побед. А «Русский инвалид» (орган Военного министерства) даже счел необходимым опровергнуть «частную информацию о марше Кауфмана». Россия и Англия вели наступательную политику в крае и при этом обе опасались друг друга. Англичан пугали успехи туркестанских войск. Для них призрак появления русских на берегах «священного Ганга» становился все более реальным. Известный ориенталист Армелий Вамбери, считавшийся в то время единственным авторитетным знатоком Центральной Азии, писал в Times горячие письма, в которых увещал англичан «всячески противодействовать завоевательным планам русских посредством искусственной дипломатии, пока еще есть к этому время». Его письма читались с увлечением и производили впечатление на европейского читателя. Но много позднее он все-таки вынужден был отметить: «Завоевание русскими Туркестана было счастьем для населения этой страны. В этом должна сознаться даже Англия».

К.П. фон Кауфман не обращал особого внимания на толки и пересуды в русской и иностранной прессе. Не сторонник военных авантюр, он исключал и возможность политических интриг, стремясь придать русской политике в Туркестане «характер экономический, промышленный, торговый». Во время своего пребывания в Петербурге он решил познакомить жителей столицы, насколько это было возможно, с естественными (природными), историческими и этнографическими особенностями края. В здании Министерства государственных имуществ, в четырех больших залах была устроена выставка «Туркестан». Для выставки приехавшие вместе с К.П. фон Кауфманом в Петербург туркестанцы дали привезенные ими из края предметы. В одной зале были выставлены зоологические экспонаты и коллекции минералов, собранные в крае доктором зоологии Н.А. Северцовым и горным инженером Татариновым. В другой — размещена коллекция картин В.В. Верещагина, впервые выставленная для обозрения публики. (Художник посетил Самарканд во второй раз в 1869 г., затем, приехав в Мюнхен в 1871 г., продолжил работу на восточные сюжеты, создавая

свою знаменитую «Туркестанскую серию», включившую 13 картин, 81 этюд, 133 рисунка. Впервые она была выставлена в Лондоне в 1873 г., на следующий год — в Петербурге. Он отказался продавать картины «Туркестанской серии» по отдельности, поставив условием покупку всей коллекции целиком. Она была приобретена П.М. Третьяковым за 92 тыс. рублей серебром. Позднее, в 1874 г. после пристройки новых зданий меценат поместил верещагинскую серию в отдельной галерее.) Выставка картин произвела фурор, в публикациях тех лет приводятся высказывания о том, что «Туркестанская коллекция» картин В.В. Верещагина — это «завоевание России, гораздо больше, чем завоевание Кауфмана», авторство которых приписывается либо одной из почитательниц В.В. Верещагина, либо художнику Н. Крамскому. Но именно по инициативе К.П. фон Кауфмана и была создана эта коллекция, кроме того, по его же инициативе было предпринято издание весьма ценного фотоальбома «Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина, изданы по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства. 26 листов с 106 рисунками» (СПб. 1876). В третьей зале были представлены оружие и костюмы жителей Ташкента. В четвертой — несколько экземпляров сельскохозяйственных продуктов края. Открытая 27.03.1869 г. выставка продолжалась неделю и вызвала большой интерес, обратила на себя внимание столичного общества и столичной прессы. Своим посещением ее удостоил император Александр II с супругой. Российская общественность «с восторгом восприняла присоединение новых земель, усматривая в этом, а также в подписании мирных торговых договоров с Бухарой и Кокандом перспективу для развития отечественной промышленности и торговли, расширения рынка сбыта продукции». И очень скоро К.П. фон Кауфман имел все основания для доклада: «В настоящее время русские товары на бухарских рынках преобладают и смело могут конкурировать с немногими английскими».

ИСКАНДЕРКУЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Между тем в самой Бухаре было неспокойно — то тут то там вспыхивали бунты и волнения сторонников продолжения войны с Россией. Они сплотились вокруг старшего сына эмира Абдуллы Малика более известного под именем Ката-Тюрэ (т. е. великий, князь, господин). Он пользовался популярностью среди населения степных и горных районов за свою непримиримость к русским. Опираясь на помощь шахризьябских беков, Ката-Тюрэ поднял восстание против своего отца и во многих районах был провозглашен эмиром, а Музаффар объявлен свергнутым с престола. Сторонники партии Ката-Тюрэ отошли в Карши. Положение эмира в своей стране стало критическим. Он обратился за помощью к генерал-майору А.К. Абрамову, и тот, по распоряжению К.П. фон Кауфмана, сформировал отряд в Джизаке, двинув его в сторону Карши. Не заходя в город, 22.10.1868 г. отряд генерал-майора А.К. Абрамова рассеял войска Кара-Тюрэ и заставил его бежать. В город зашли бухарские войска. Теперь уже Ката-Тюрэ обратился к А.К. Абрамову с просьбой помирить его с отцом и разрешить прибыть в Самарканд. Но, получив согласие, он по дороге не устоял, занял бухарский город Хатырчи и вырезал в нем всех своих противников. Разбитый затем войсками отца, долго скитался в Хиве, в кочевьях Закаспийских туркмен, в шиитском Мешед, перебрался в Кабул и нашел убежище в англо-индийских владениях, скончался в 1908 г. в Пешаваре.

К.П. фон Кауфман возвратился из Петербурга 19.07.1869 г. В крае работали русско-бухарские комиссии по установлению территориальных границ, эмир совершал походы на восток, компенсируя потерю территорий присоединением ряда мелких бекств (Гисар, Куляб, Кабидиак), потихоньку интриговал против России и все еще надеялся на возвращение ему завоеванных ею городов, прежде всего Самарканда. Об этом он просил не только Туркестанского генерал-губернатора, но и обращался через посла лично к Александру II. Но в самом эмирате положение было далеко от идеального: эмира не признавали Шахризьябские беки, ему отказывались подчиняться мелкие бекства в верховьях р. Зеравшан, которые с переходом Самарканда к России стали фактически самостоятельными.¹⁶¹ Генерал-майор А.К. Абрамов писал К.П. фон Кауфману о том, что горные районы Зе-

¹⁶¹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 48 — 49.

равшана географически и исторически связаны с уже занятой территорией и богаты природными ресурсами, «особенно залежами каменного угля и лесными зарослями», и их присоединение увеличит «налоговые поступления» Зеравшанского округа. К.П. фон Кауфман, учитывая важное стратегическое значение района, поддержал А.К. Абрамова: присоединив верховья Зеравшана — источник всех гидротехнических сооружений долины, можно будет держать под контролем Бухару. Он считал необходимым закрепить успех майского похода 1868 г. в Бухару и распорядился двинуть в Зеравшанскую горную страну два отряда. Один — из Самарканда под началом генерал-майора А.К. Абрамова, второй отряд — для барометрических и астрономических наблюдений — из Ура-Тюбе во главе с полковником А. Деннетом через Аугинский перевал. (Позднее А. Деннетом был составлен очень добросовестный военно-статистический очерк «Авганистан», опубликованный первоначально в журнале «Природа и люди», а затем вышедший отдельной книгой «Авганистан. Военно-статистический и исторический очерк». СПб. 1879.) Экспедиция, в составе которой были и ученые, получившая название Искандеркульской (по названию горного озера), была трудной, но успешной. Меньше чем за два месяца (с 16 мая по 30 июня 1870 г.) полунезависимые мелкие бекства, укрепленные в своих курганах (замках, где жили местные правители), после коротких боев переходили в русское подданство. В административном отношении эта территория образовала так называемые Зеравшанские тюмени в составе Зеравшанского округа. К.П. фон Кауфман ставил вопрос о присоединении Зеравшанской долины, но категорически возражал против включения в состав России всего Бухарского эмирата. Первоначально все сношения с Бухарой шли через Туркестанского генерал-губернатора, имевшего в своем распоряжении чиновника Министерства иностранных дел для дипломатических сношений, но затем к Бухарскому дворцу был назначен особый представитель со званием Императорского Политического агента, и вся переписка перешла из министерства военного в министерство иностранных дел.¹⁶²

Александр II отметил участников Искандеркульской экспедиции. К.П. фон Кауфман был награжден в 1870 г. орденом Святого Александра Невского 4-й степени с добавлением к нему в 1872 г. алмазных знаков. При заключении мирного договора с бухарским эмиром Музаффаром, К.П. фон Кауфман признал Шахриязбские владения подвластными Бухаре. Но беки не признавали власти эмира,

¹⁶² ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 11об.

вопрос о Шахризьябсе оставался напряженным. Династическая вражда беков и эмира продолжалась не одно столетие. Летописцы сохранили сведения до 30 военных походов эмиров в Шахризьябс. Появление русских в крае никак не повлияло на вражду сторон. Музаффар даже просил К.П. фон Кауфмана помочь ему наказать строптивых беков. Однако по отношению к русским они держались безукоризненно, и просьба эмира была отклонена. Во время же похода в Зеравшанские горы на границе Шахризьябса стали появляться мелкие вооруженные отряды и нападать из засады на казачьи отряды и пограничные кишлаки. Эмир и директор Азиатского департамента статский советник П.Н. Стремоухов сообщали К.П. фон Кауфману о том, что между Шахризьябскими беками и афганским эмиром Ихир-Али существует особое соглашение. Ситуация становилась все более тревожной и требовала безотлагательных мер. К.П. фон Кауфман считал, что самое удобное время для похода в Шахризьябс — время уборки урожая, когда бекам будет трудно собрать значительные силы. Приготовления к походу держались в строжайшей тайне вплоть до 7.08.1870 г., когда выступил головной отряд численностью до 300 человек при 6 орудиях под руководством генерал-майора А.К. Абрамова. Через 3 дня выступил второй вспомогательный отряд. Русские войска подошли 11 августа к Шаару и Китабу — двум городам, смежно расположенным и укрепленным одной общей стеной длиною в 80 верст. После упорного сопротивления жители городов отправили 14 августа к А.К. Абрамову депутатов с изъявлением покорности. Русские войска в город не вошли, это сделали войска эмира. Беки — Джурабей (... — 1906 гг.) и Баба-бей (1833 — 1898 гг.) с родственниками и приближенными бежали через перевал к Коканду.

Примечательно, что, когда под стенами Китаба и Шаара шло сражение, и судьба беков еще не была решена, К.П. фон Кауфман послал в Петербург донесение о своем еще только намерении предпринять поход в Шахризьябс. Часть земель беков была присоединена к Зеравшанскому округу, вся остальная территория отдана бухарскому эмиру. Но присоединение шахризьябских городов к Бухаре прошло без обычных в таких случаях на Востоке жестоких кровавых расправ с населением. К.П. фон Кауфман закрепил акт передачи района эмиру Бухары особым письмом от 28.08.1870 г.: «Высокочтимый эмир! Действительно шахризьябские беки и народ их постоянно волновали и беспокоили Ваши владения, посылая людей для грабежа. Вы же долгое время терпели все это. Но, наконец, они получили надлежащее за их бесчинства и поступки. Всякий,

замысливший дурное, получает, наконец, должное воздаяние за свои поступки».¹⁶³ Эмир понял недвусмысленный намек. «Дарственная грамота» примирила его с потерей Самарканда, он понял, что только поддержка со стороны императора и лично К.П. фон Кауфмана обеспечит ему спокойствие и сохранит трон. Джура-бей и Баба-бей через горные перевалы в верховьях р. Кашка-Дарьи пробирались в Кашгар, но были схвачены кокандским ханом Худояр-ханом (1839 г.) и отправлены в Ташкент. Некоторое время они проживали в Той-Тюбе, затем в сентябре 1870 г. К.П. фон Кауфман вызвал Джура-бея к себе на дачу, принял его очень радушно и «так сумел обойтись с ним, что примирил его с собой и с постигшим его поражением». Таково было собственное признание Джура-бея, не раз рассказанное им. Он добавлял также, что так мог повлиять на него самого только К.П. фон Кауфман.¹⁶⁴ Впоследствии беки поступили на военную службу и быстро сблизилась с русским обществом. К.П. фон Кауфман относился к ним с полным доверием, советовался по специальным военным вопросам, оказывал внимание. Джура-бей, «высокий, стройный мужчина с умным худошавым лицом», выполнял много секретных поручений по дипломатической части в Бухаре, Коканде, Афганистане. Баба-бей «имел круглое жирное лицо, сонливое» и был очень «неглупый человек». В 1875 г. К.П. фон Кауфман пригласил их принять участие в Кокандском походе. Они участвовали в битвах при Махраме, в штурме Андижанских укреплений, выполняли курьерскую службу, проводили разведку. По ходатайству К.П. фон Кауфмана император наградил Джура-бея орденом Св. Станислава 2-й степени и чином подполковника. По этому случаю он посетил Петербург, был принят вместе с сыном лично Александром II, который зачислил сына Джура-бея в собственный конвой — это был первый случай для выходцев из Центральной Азии. В 1901 г. Джура-бею присвоен чин генерал-майора, в 1903 г. он официально примирился с бухарским эмиром, ему была назначена пожизненная рента и награда орденом Бухарской Золотой Звезды, в 1904 г. он награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В его поместье под Ташкентом была собрана одна из лучших в Туркестане библиотек старинных восточных рукописей, часть из них он подарил Российской Академии наук, в библиотеке занимался известный востоковед В.В. Бартольд. Баба-бею за Кокандский поход был присвоен чин майора, особый знак отличия и орден Св. Анны

¹⁶³ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 50 — 52.

¹⁶⁴ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 212.

3-й степени для нехристиан, установленный с мечом и бантом. В 1880 г. Баба-бей произведен в подполковники по армейской кавалерии. Имел награды: ордена Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени. Он занимался сельским хозяйством и большую часть своих средств тратил на строительство медресе, мечетей, на своих многочисленных родственников (более 50 человек), носил, как и его отец, титул валлями, т. е. благодетель, скончался 15.07.1898 г. в Ташкенте на 65 году жизни.¹⁶⁵ Джура-бей пережил его на 8 лет, погиб трагической смертью 28.01.1906 г. при загадочных обстоятельствах в своем доме. Как отмечал востоковед А.А. Семенов, «смерть беков была заключительным актом в жестокой вражде знаменитого шахризьябского турецкого рода Кинагаз с бухарской династией Мангыт. И отныне безмятежный покой бухарских эмиров уже не тревожил призрак мятежных феодалов». В отношении с беками проявился главный принцип тактики К.П. фон Кауфмана, который единодушно подчеркивали сподвижники генерал-губернатора и которому он не изменял в своих действиях: «Во внешней политике К.П. фон Кауфман ставил правилом великодушие к побежденному и обращение смиренного врага в союзника и преданного вассала, с сохранением самобытности покоренных стран — прием с таким блистательным успехом впоследствии примененный Англией». «До конца жизни Кауфман сохранил с побежденными ханами дружеские и доверчивые отношения и пользовался ими как стражами русских передовых постов, обращенных лицом к нашему вековому сопернику в Азии — Англии».¹⁶⁶

¹⁶⁵ ТВ. 1898. № 54.

¹⁶⁶ ТС. № 546. С. 156.

БЛАГОУСТРОЙСТВО И ИССЛЕДОВАНИЕ КРАЯ

Укрепив и обезопасив южные границы владений Российской империи, К.П. фон Кауфман с присущими его натуре честного, добросовестного выполнения долга и ответственности за порученное дело приступил к исследованию и благоустройству завоеванного края. Прежде всего необходимо было благоустроить город, ставший административным центром, столицей края — Ташкент. Ташкент (Каменный город — узб.) раскинулся у подножья западных предгорий Тянь-Шаня на холмистой, изрытой многочисленными каналами равнине, понижающейся с северо-востока на юго-запад и орошаемой стремительным Чирчиком, притоком Сырдарьи. Более чем 2200-летняя история города содержит много драматических и трагических страниц. Он был торговым и административным центром оседлой культуры Чирчикской долины, ее границей со степью, менял название и правителей, переходил из рук одних властителей к другим, разрушался до основания и заново отстраивался, терял и вновь приобретал свою независимость, служил яблоком раздора для различных завоевателей и нередко попадал под власть кочевников, но даже на краю гибели он неизменно сохранял свою неповторимую красоту и очарование. Сведения о нем сохранили китайские рукописи, персидские, арабские, тюркские источники, труды Хорезми, Махмуда Кашгарского, Бируни. Ташкентская область в периоды своей истории входила в состав государства кочевников Кангха, подчинялась государству тюрков, китайской империи Тан, арабскому халифату Омейядов, найманам и уйгурам, татаро-монголам и джунгаро-калмыкам. Все они оставили свой след в этнологической и культурной жизни города и его населения.

Ташкент — название города, которое он носит с XI в., со второй половины XVI в. был вынужден принять протекторат Бухарского эмира, в 1784 — 1807 гг. было создано самостоятельное Ташкентское государственное образование, затем город был завоеван Кокандским ханством и в 1809 г., хотя и номинально, вошел в его состав. Не все жители города были сторонниками кокандского хана Алимкула, возглавившего его оборону во время стремительного штурма генерала М.Г. Черняева, — «многие жители города были рады приходу русских», — пишет современник событий.

Заняв город, генерал М.Г. Черняев не нарушил размеренный ход городской жизни. К востоку за городской стеной, на выкупленной земле между каналами Анхор и Чаули, были отстроены казармы для солдат, заложена крепость, несколько административных корпусов и первое жилое здание нового города — домик генерала, сооруженный в течение одного дня — 17.06.1865 г. (находился в сквере у современного выставочного зала Академии художеств Республики Узбекистан. Там же, вблизи арыка Босу, позднее был построен и дом Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана). Дома для чиновников и торговых людей строились солдатами «на скорую руку» из сырого кирпича, обожженного знойными лучами южного солнца. Домик К.П. фон Кауфмана тоже первоначально был построен на азиатский манер без окон, их заменяли двери. В зимнее время он отапливался переносной глиняной печкой, летом камышовая крыша снималась, и «свои донесения Кауфман писал под открытым небом, над столом был натянут небольшой зонтик». Но ни солдатские домишки, ни жилища местного населения, приспособленные на европейский вкус, не вмещали массу переселившихся в Туркестан людей. Приехавшие служащие с трудом пережили дождливую зиму 1867 — 1868 гг. Небольшая, около одной квадратной версты, русская часть города представляла собой картину военного лагеря. Безусловно, первоочередными задачами первого Туркестанского генерал-губернатора были: организация управления краем, установление, в том числе и с вынужденным использованием военной силы, мирных отношений с соседними государствами и подписание с ними торговых договоров, но и вопрос о благоустройстве русской части города стоял очень остро. К.П. фон Кауфман еще до похода в Бухару, посоветовавшись с генералом А.К. Гейнсом, обязал его из сумм местных земских сборов образовать 100-тысячный фонд для выдачи ссуд на постройку домов лицам, получавшим не менее 1,5 тысяч рублей в год жалования, в размере годового оклада и с правом погашения в течение 10 лет под 2 % со всей полученной суммы.¹⁶⁷ Эта мера привела к появлению частных построек — уже в 1868 г. насчитывалось 270 частных построек. В доме, где раньше жил генерал Мантейфель, был оборудован клуб, была заложена православная церковь, отстроен был великолепный генерал-губернаторский дом, который в народе называли дворцом. Осенью 1871 г. семья К.П. фон Кауфмана переехала в новый дом.

¹⁶⁷ ЦГА РУз Ф. 2412. Оп. 1. Д. 150. Л. 3; ТС. № 422. С. 79.

Старый, типично восточный город, разделенный на 4 крупных района (даха: Шейхантаур — на востоке, Бешагач — на юге, Кукча — на западе, Сибзар — на севере), окруженный внушительной многокилометровой стеной, практически не сохранившейся до настоящего времени (если не считать современной декоративной имитации Самаркандских ворот), с 12 воротами и сторожевыми башнями, продолжал жить по своим законам. По описанию современников, он представлял собой почти 21 тысячу одноэтажных желто-серых домов из «сырцового кирпича под плоскими земляными крышами, <...> узкие улицы извиляются среди глинобитных стен домов без окон и заборов, на них почти нет арыков, <...> поражает отсутствие планировки, в весеннюю пору — непролазная грязь, в летнюю невозможная пыль».

Новый город как возник стремительно, так и застраивался скорыми темпами, превращаясь в административно-хозяйственный центр, имеющий «вид довольно благоустроенного европейского города, хотя в нем нет, как писал в статье «Старый и новый Ташкент» А.А. Кауфман, посетивший край в 1908 г., не только электрического освещения, но даже такой вещи как телефон»; с широкими, утопающими в «чисто итальянских садах» улицами, «в густой зелени тонут одноэтажные, по большей части аккуратные и не без вкуса выстроенные, светло окрашенные каменные домики, все улицы похожи одна на другую, широкие, прямые, по большей части шоссированные», «но на каждом шагу вы видите, что этот почти европейский город заброшен в самое сердце Средней Азии». «Ташкент по преимуществу город военных и чиновников, административный центр обширной окраины, до сих пор состоящий на военном положении. На каждой улице — вывески различных штабов, управлений и канцелярий, на каждом шагу — кокарды офицеров, чиновников и красные шаровары солдат». «Жить просто нельзя стало в Ташкенте, — жалуется обыватель, — цены на квартиры выше петербургских».¹⁶⁸

Стремительно развиваясь, он превращался в столицу окраины России, со всеми присущими столице атрибутами: государственными учреждениями, учебными заведениями, магазинами, банками, церквями. В начале 1865 г. на месте русской части города были пустыри, поля, заросшие клевером, и сады; в 1877 г. она занимала 1 кв. версту, в 1904 г. — уже 25,5 кв. версты, в 1908 г. — 30 кв. верст. В 1871 г. здесь проживало 2073 человека (без солдат), из них офицеры и

¹⁶⁸ Кауфман А.А. Новый и старый Ташкент // ТС. № 466. С. 185.

чиновники составили 1011 человек, врачи и акушеры — 16, торговцы — 80 человек. В 1877 г. на сто тыс. местного населения в русской части города проживало — 3 тыс. человек, в 1885 г. — 13100 человек, в 1907 г. — более 20 тыс., в 1908 г. — 50 тыс. жителей.¹⁶⁹ С самого начала застройки были приняты меры к тому, чтобы в новой части города все было правильно размерено, регулярно проводилась и планировка кварталов. Между каналами Анхор и Чаули — она прямоугольная, в Заулийской части в 1870 г. по приказу К.П. фон Кауфмана архитектор А.В. Макаров составил план радикально-кольцевой застройки. «Две цивилизации: одна старинная почти ни на йоту не удалившаяся от библейских времен, другая новая, европейская, со всеми ее достоинствами и недостатками, мирно уживались вместе», — писал в 1870 г. путешественник и исследователь Н.А. Маев. Во времена К.П. фон Кауфмана Ташкент называли «азиатским Парижем», где «повсеместно слышалась превосходная французская речь», были публичная библиотека, клубы, театр, проводились семейные вечера и разрастался «кауфманский сад», в котором «ежедневно играла музыка и прогуливались все желающие показаться и посмотреть», в котором были размещены «мосты, мостики, водопады, искусственные острова, горки, дорожки», приводящие «в восторг», где «все порядочно, чисто, правильно, размеренно». Кауфманский сад, посаженный самим генералом, был одним из украшений города: «Я создал этот сад почти из ничего, никому не было дела до него, а я старался и трудился и сделал то, что никто не ожидал», — говорил К.П. фон Кауфман. Сад был очень хорош, генерал сделал из него приятное место гуляния для жителей всего Ташкента. Широкие прямые улицы утопали в зелени, тротуары из сырцового кирпича, вдоль которых текли арыки, тщательно поливались.¹⁷⁰ Новый город имел свое неповторимо своеобразное лицо, обогатив российскую архитектуру конца XIX — начала XX вв. так называемым туркестанским архитектурным стилем.

Организовано было и управление жизнью города. К началу XX в. Ташкентская городская дума (открыта 30.08.1878 г., в ее состав были избраны немцы: А.И. Розенфельд, Р. Келлер, с 1907 г. товарищем (заместителем) городского головы — И.И. Шнейвас) была единственной в империи, которая сформировалась и действовала на основании либерального «городового положения» 1870 г., в то

¹⁶⁹ Энциклопедия УзССР. Ташкент. 1989. С. 33 — 41; ЦГА РУз. Ф.И-17. Оп. 1. Д. 3686. Л. 17; ТС. № 466. С. 59; № 439. С. 185.

¹⁷⁰ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 100; ТС. № 331. С. 22.

время как в других городах местные органы самоуправления опирались на «городовое положение» 1890 г. Городская дума в 1878 г. присвоила К.П. фон Кауфману звание «Первого гражданина города Ташкента».

Очень скоро Ташкент стал не только административным центром, столицей края, но и оплотом всей его научной мысли, крупнейшим научным центром империи, превращаясь в основную опорную базу всей российской ориенталистики, «отъезд из Ташкента в другие местности Туркестана считался отъездом в провинцию», — отмечал академик В.В. Бартольд и подчеркивал, что практически результаты всех научных исследований в Туркестане сосредотачивались в Ташкенте, а затем отправлялись в центральные научные учреждения России или за границу. Академик и сам во многом содействовал этому. Неоднократно бывал в крае, изучал историю народов Центральной Азии, древние памятники, рукописи, был инициатором создания и бессменным патроном Туркестанского общества любителей археологии и старины (1875 — 1917 гг.), одним из организаторов и преподавателем Туркестанского университета. Не случайно на здании Института востоковедения АН Республики Узбекистан в числе 33 имен — величайших мыслителей Востока — было выписано и его имя.

Уже во времена К.П. фон Кауфмана Ташкент входил в первую десятку крупнейших городов России. К началу XX в. в городе были построены 7 православных церквей, лютеранская кирха, мужская и женская гимназии, реальные училища, выходили три газеты, работали научные общества, благотворительные, музыкальное и скаковое общества, фабрично-заводские заведения и мастерские, почти в черте города хорошо оборудованная обсерватория, Публичная библиотека, содержащая богатое собрание сочинений, преимущественно по Азии.¹⁷¹ Многоводный Анхор разделял старую и новую части города, а в месте соединения их возвышалась новая европейская крепость (остатки крепости снесены в начале 2000 годов в связи со строительством резиденции Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова «Ак-сарай»). Но уже тогда, как отмечал Н.П. Остроумов, считая нерасчетливым возводить огромные, богатые дома, как, например, дом купца Д.Н. Захо, местное население искренне и сочувственно недоумевало: зачем тратят такие средства, «все равно в будущем отойдет к нам». Или когда в 1896 г. подписывались долгосрочные контракты Городской думы с бельгийской компанией относительно строительства и эксплуатации трамвая сроком на 45

¹⁷¹ ТС. № 320; № 699; № 701; № 702.

лет, раздавались возгласы «...неужели русские рассчитывают еще так долго владеть краем?»¹⁷²

Реконструкция старого города и разрушение его городской стены началось с 70-х годов XIX в. Но первый проект объединения старого и нового городов в единое целое был принят только в 1939 г. После крупнейшего землетрясения 1966 г., особенно затронувшего старый город, был разработан Генеральный план застройки Ташкента (1970 г.). В конце XX в. утвержден Генеральный план реконструкции города с использованием новых прогрессивных строительных материалов в сочетании с архитектурными формами декора традиционного строительства. XXI в. изменяет облик города, который еще помнят старожилы Ташкента. Уничтожены многие осколки исторической памяти, срублены вековые чинары и карагачи Константиновского сквера, исчез изумительный, заложенный еще при К.П. фон Кауфмане, зеленый наряд улиц, парков, садов столицы, немного сохранилось и от его дачи — ныне это парк Бабура, 19.11.2009 г. разрушена церковь при бывшей Туркестанской учительской семинарии во имя Святого Благоверного и Великого Александра Невского (освящена 22.11.1897 г.). Стремительное время несет с собой разрушительно-созидательные веяния новых идей, вкусов, порядков. Однако оно бессильно уничтожить неизменное очарование города, его величие и красоту.

С развитием города возрастала и численность населения города, в том числе и численность немецкого населения в нем. По данным переписи 1897 г. в Ташкенте проживали 164 мужчины и 141 женщина немецкой национальности, поданных России. Немцы, обрусевшие (и не очень), селились первоначально «в разброску», все больше постепенно тяготя к районам бывших улиц Гоголевской и Наманганской, на которой и была позднее построена лютеранская кирха. При кирхе была открыта немецкая школа, в которой учились дети не только из немецких семей. Но говорить о компактном поселении немцев в Ташкенте не приходится. Весь строй общественной жизни новой части города, ее культурно-образовательный фон были типично русскими, плотно заполняя и частную жизнь сограждан. Тем не менее, быт и принципы ведения домашнего хозяйства немцев-горожан не были вполне русскими. Передаваясь из поколения в поколение, бережно сохранялись элементы традиционного семейно-бытового уклада, особенности воспитания детей, специфика приготовления пищи. Это

¹⁷² ТС. № 466. С. 171.

стремилась закрепить религия, этому содействовало и то, что большинство браков были внутринациональными. Рождавшиеся же в смешанных браках дети, в основном крещенные в православных храмах, в большей или меньшей мере постепенно теряли эти традиции.

Примечательно для города и то, что со времен Второй мировой войны осколок подлинно немецкой культуры стал частью символа Ташкента. Это Ташкентские куранты — 15 метровая башня, увенчанная сталактитовым карнизом и арочным фонарем, на которой вмонтированы и устроены часы — подарок городу мастера А.А. Айзенштейна (1905 — 1986 гг.), однополчанина А.И. Солженицына по 250-й Бобруйской стрелковой дивизии Белорусского фронта. Ратуша прусского города Аллейштейна (ныне г. Ольштын в Польше) была искорежена артиллерийским снарядом. Часовому мастеру, участнику штурма города командование разрешило увести часы из разрушенной башни ратуши в Ташкент в подарок родному городу. Уже в 1947 г. куранты были открыты, как монумент в честь победы в этой войне. В 2009 г., в связи с реконструкцией бывшего Константиновского сквера и территории вокруг него, воздвигнута «для симметрии» вторая башня — копия Ташкентских курантов.

Обладея высокой мерой ответственности за порученное дело, К.П. фон Кауфман — человек высокообразованный — был твердо убежден в том, что «наука должна прокладывать пути для управления краем», и определил научное исследование Туркестана в качестве одной из основных задач своей деятельности. Он всемерно содействовал проведению различных исследований и превосходно организовывал планомерное всестороннее изучение края и сопредельных государств. Приглашая ученых из-за границы и из центральных районов России, он много сделал для развития науки. Академик В.В. Бартольд отмечал в отношении исследователей края, что часто «их научные интересы и степень разработки вопросов не всегда соответствовали занимаемой должности, и достижения научные не соизмерялись со скромным положением в административной структуре края». Среди них было немало немцев — подданных России и других государств. Ученые, исследователи были в составе всех военных экспедиций, а иногда с риском для жизни предшествовали им, проникая в места, где до них не ступала нога че-

ловека. Они оставались в Туркестане навсегда, или жили в нем какое-то время и служили с искренней верой в высшую ценность науки и ее несомненную пользу для процветания полубившегося края. Их энтузиазм и бескорыстная самоотверженность заражали окружающих, молодые офицеры охотно включались в экспедиционные исследования, и уже в июле 1867 г. при исследовании почвы в Ак-Тастыбулаке было сделано первое открытие и отправлена в Ташкент генерал-губернатору первая партия каменного угля чиновником особых поручений по горной части А.С. Татариновым.¹⁷³

Понимая, какую огромную помощь в изучении и освоении края может оказать книга, К.П. фон Кауфман сразу после своего назначения на пост генерал-губернатора обратился к руководителям различных научных и учебных заведений с письменной просьбой о пожертвовании книг и журналов для Туркестана, для создания в Ташкенте публичной библиотеки.¹⁷⁴ Он считал, что основные задачи создаваемой библиотеки состоят в насаждении «между жителями мусульманского Востока начал европейской гражданственности и цивилизации», а также в «удовлетворении умственных потребностей русского общества Ташкента», который выступает как «новый административный, торгово-промышленный, просветительский центр».¹⁷⁵ Сотрудники библиотеки, открытой согласно сообщению в первом номере «Туркестанских ведомостей» («в этом году») (1870 г.), в своих изданиях по истории книжного фонда и ныне неизменно отмечают, что в создании и первоначальном пополнении фонда основная роль принадлежат К.П. фон Кауфману. Библиотеки были открыты также согласно его приказу при каждой войсковой части, включавшей более 10 человек офицерского состава. Свою библиотеку имело и каждое научное общество Туркестана. К.П. фон Кауфман мыслил библиотеку как хранилище краеведческой и востоковедной литературы. Еще до отъезда в Туркестан он пригласил известного тогда столичного библиографа В.И. Межова к выполнению им так называемого «Туркестанского сборника» — оригинального и монументального источника полной коллекции публикаций по Центральной Азии и сопредельным странам.¹⁷⁶ В 416 томах, подготовленных В.И. Межовым, было собрано по возможности все, что появлялось в Европе и в России в виде отдельных изданий или в газетах и журналах с

¹⁷³ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 442.

¹⁷⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 270; Д. 887; Оп. 16. Д. 2263; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 9701.

¹⁷⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 2414. Л. 6; Кауфманский сборник... С. 94.

¹⁷⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 47. Л. 221.

1867 г. и ранее до 1883 г. К ним было издано три вспомогательных указателя. В.И. Межов писал: «К.П. фон Кауфман понял, оценил мою идею и дал фактическую возможность привести ее в исполнение. Поэтому с чувством глубокого уважения и живейшей признательности посвящаю его имени настоящий труд. <...> Сборник, подобный нашему, более чем необходим для страны, которую отделяют от нас несколько тысяч верст». К.П. фон Кауфман дорожил «Туркестанским сборником» и ни под каким предлогом не разрешал выдавать тома на дом. Однажды М.И. Бродовский — чиновник по особым поручениям, просил К.П. фон Кауфмана выдать том сборника приехавшему ученому, ругаясь за целостность издания головой, однако генерал-губернатор остался непреклонным: «Голову Вашу можно снять, а тома потерянного все-таки не восстановить. Какая же польза для библиотеки и для меня с Вас?»¹⁷⁷ Сотрудники Национальной библиотеки Узбекистана, ссылаясь на огромную популярность сборника среди ученых наших дней, подчеркивают: «Туркестанским сборником» К.П. фон Кауфман оставил в истории нашей библиотеки благодарную и долгую память о себе». Прерванная по решению генерала Н.О. фон Розенбаха в 1885 г. работа по составлению томов сборника была возобновлена в 1907 г., ее до 1916 г. продолжали Н.В. Дмитровский, востоковед А.А. Семенов, библиограф и востоковед Е.К. Бетгер. Ими составлено еще 175 томов. Всего «Туркестанский сборник» включает 594 тома, 10714 вырезок. Это своеобразная энциклопедия, к которой до сих пор обращаются историки, экономисты, этнологи и другие ученые, зримое свидетельство просветительской политики К.П. фон Кауфмана и деятельности многих русских людей в крае.¹⁷⁸ В течение нескольких лет «Сборник» был сканирован издательским домом Melia Land в Ташкенте, создавшим вместе с библиотекой первую цифровую коллекцию о крае; электронные версии сборника имеются ныне в Японии, Южной Корее, Казахстане и Германии. Одновременно с открытием Ташкентской публичной библиотеки с 28.04.1870 г. в Ташкенте начала издаваться газета «Туркестанские ведомости» — хроника и яркая летопись местных событий, а также детальное дополнение к «Туркестанскому сборнику».

С первых дней работы библиотеки ее сотрудники считали одной из главных своих задач — создание крупнейшего книгохранилища краеведческого характера. И уже в начале XX в. были все основания официально констатировать то

¹⁷⁷ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 171.

¹⁷⁸ ТВ. 1908. № 271; ТС. № 495. С. 180.

положение, что «во всем мире нет библиотеки (не исключая и Императорской С.-Петербургской публичной библиотеки), которая бы заключала в себе полное и всестороннее собрание сочинений, относящихся к Туркестану». Натуралист А.Ф. Миддендорф, исследователь Ферганской долины, отмечал: «Трудно писать о Фергане, живя в труднодоступном болотистом уголке Лифляндии. С тех пор как фон Кауфман устроил для Средней Азии образцовую единственную в своем роде библиотеку в Ташкенте — только там на месте и можно было бы пользоваться всеми необходимыми литературными материалами».¹⁷⁹

К.П. фон Кауфман вообще очень бережно относился к книге. В 1871 г. Н.В. Дмитровский — директор библиотеки и помощник редактора газеты «Туркестанские ведомости» — получил от МВД России циркуляр, в котором предписывалось изъять некоторые книги, а в других замазать страницы. «Ни уничтожать книги, ни портить листы в них я не разрешаю. Книги пишутся не для этого. Я понимаю, что существуют произведения, читать которые могут не все, но из этого не следует, что их нужно уничтожать или портить. Потрудитесь запереть эти книги в шкаф, и ключ держите у себя, а если кто-нибудь будет обращаться за ними — каждый раз докладывайте мне; разрешать или не разрешать выдачу этих книг я беру на себя», — таков был ответ К.П. фон Кауфмана на указание из центра.¹⁸⁰ В июле 1879 г. для контроля за деятельностью библиотеки им была создана библиотечная комиссия. В 1883 — 1918 гг. ее функции выполнял Наблюдательный комитет. К.П. фон Кауфманом была заложена также традиция пожертвования в книжный фонд библиотеки от частных лиц. Свои труды и собрания книг библиотеке передавали многие исследователи, ученые, частные лица.¹⁸¹

По инициативе К.П. фон Кауфмана на базарах и у частных лиц для библиотеки скупались восточные рукописи и редкие книги. Для Востока характерно весьма трепетное отношение к книге, рукописям — ценнейшим источникам сведений о прошлых эпохах. Доступ к сокровищам библиотек Тамерлана, Мамуна, хивинских ханов был величайшей наградой за особые заслуги на поприще науки, литературы или прилежания в усвоении знаний. По заданию К.П. фон Кауфмана, который указывал на то, что Бухара и Самарканд считаются «сосредоточением учености и образованности мусульманского мира» и что там «находилось много

¹⁷⁹ ТС. № 320. С. 3; Кауфманский сборник... С. 132.

¹⁸⁰ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 172.

¹⁸¹ Кормилицын А.И. Рукописные коллекции и библиотеки на территории Узбекистана эпохи средневековья. 1993. С. 56.

собраний весьма важных восточных рукописей», востоковед Александр Людвигович Кун (1840 — 1888 гг.) предпринимал поиски рукописей и других источников богатейшего собрания библиотеки Амира Тимура, разоренной, исчезнувшей в междоусобной борьбе потомков, разобрал и спас рукописи хранилища хивинских ханов, кокандского архива, создал в Ташкентской публичной библиотеке отдел восточных рукописей, 87 единиц хранения которого впервые описал и составил каталог отдела другой востоковед — Евгений Федорович Каль (1863 — 1891 гг.).¹⁸² Рукописные сокровища Востока, собранные в Ташкентской публичной библиотеке волею и усилиями энтузиастов того времени, составили большую ценность для науки будущего. По выражению советского востоковеда Василия Васильевича Струве (1889 — 1985 гг.), «сосредоточение большого количества рукописей превращало библиотеку в научно-исследовательское учреждение востоковедного характера». В апреле 1933 г. библиотека была объявлена «Центральным рукописехранилищем», спустя 10 лет, в ноябре 1943 г. на базе ее фонда был организован Институт востоковедения АН УзССР. Начавшаяся с нескольких сотен книг, основанная первым генерал-губернатором Ташкентская библиотека с 12.04.2002 г. получила новый статус — Национальная библиотека Республики Узбекистан.

Отдельные восточные рукописи, как и предметы археологии, искусства, оружие народов края, К.П. фон Кауфман отсылал в Императорскую публичную библиотеку, Азиатский музей, Оружейную палату и другие научные учреждения. Украшением коллекции рукописей на персидском, арабском и турецко-джагагайском наречии (язык Бухары), переданных им Императорской публичной библиотеке в С.-Петербурге, являлся «Коран Османа». Коран (чтение — араб.) — это не только священная книга мусульман, собрание проповедей, обрядовых, юридических установлений, заклинаний, молитв, назидательных рассказов и притч, произнесенных пророком Мухаммедом в Мекке, Медине и записанных первоначально его личным писцом Зейд ибн Сабитом на глиняных табличках, пальмовых листьях, пергаменте, плоских костях, медных пластинках и т. д. Это важнейший историко-этнографический источник. После смерти пророка Мухаммеда в 632 г. его преемник, первый халиф Абу-Бакр решил собрать воедино все первоначально записанные тексты, пока они не исчезли совсем. Распределив тексты по опреде-

¹⁸² Лунин Б.В. Научные труды ТашГУ. Новая серия. Археология Средней Азии. Т. VII. Ташкент. 1966. С. 120 — 144.

ленной системе, Сабит Зейд произвел их запись, которая получила название Сухуф (листы, страницы между двумя обложками). Следующую и окончательную редакцию Корана, получившую статус официальной, Сабит Зейд провел уже при халифе Османе ибн аль-Аффана (644 — 656 гг.), по его указанию, включая при этом в текст дополнительно изречения пророка, сохранившиеся в памяти хафизов — соратников и учеников пророка. Эта редакция Корана получила название Мусхаф (свиток) или «Мусхаф Османа». Сухуф и частные записи были уничтожены. С оригинала были сняты копии и отправлены в Мекку, Медину, Басру, Куфу и Дамаск. Они считаются самыми древними и подлинными списками Корана, с которых позднее снимались многочисленные копии, в том числе и подделки под оригинальные. Существует несколько прекрасных, цветистых, как восточное сюзане, легенд о том, как «Коран Османа» или «Мусхаф Османа», по преданию, на нескольких страницах залитый кровью халифа Османа, убитого повстанцами у себя дома за чтением Корана в 656 г., попал в Ташкент. Но бесспорно одно — это, безусловно, пожалуй единственная сохранившаяся частичка огромного книжного богатства Тамерлана. А.Л. Кун проделал большую работу в поисках разоренной библиотеки и обнаружил в мечети Ходжи Ахрара (пригород Самарканда) рукописный список Корана, «написанный на 353 больших листах белого толстого пергамента (из кожи газели) квадратным куфическим шрифтом, без точек и гласных знаков, его никто из священнослужителей прочесть не мог».¹⁸³ Считаясь казенной собственностью, принадлежащей бухарским эмирам, более 400 лет хранился он в мечети, улемы которой сказали, что «в настоящее время Коран этот не имеет никакого значения, так как его никто не умеет читать», «он служит лишь объектом поклонения бухарских эмиров во время посещения Самарканда».¹⁸⁴ Полковник Серов по поручению начальника Зеравшанского округа генерал-майора А.К. Абрамова приобрел за 125 рублей «священный список». Он был отправлен К.П. фон Кауфману и отослан им «в виду того значения, которое может иметь эта книга в библиографическом отношении для всего ученого мира» в С.-Петербург, в Российскую Императорскую публичную библиотеку, где хранился до 1917 г., затем в Уфе, позднее в Ташкенте.¹⁸⁵ В 1905 г. было отпечатано 50 экземпляров факсимильного издания «Корана Османа».¹⁸⁶

¹⁸³ ТВ. 1874. № 1; 1883. № 5; № 6.

¹⁸⁴ Голос. 1870. № 243.

¹⁸⁵ ТС. № 41. С. 67, 169; ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 710. Л. 54 — 68; Ф. 394. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

¹⁸⁶ Лыкошин.Н.С. О Коране Османа // ТВ. 1892. № 40.

Из дошедших до наших дней самых древних рукописей Корана одна хранится в Мекке, в Каабе; другая — в Медине, в мечети Пророка; третья — в Каирской Египетской национальной библиотеке; четвертая — в Ташкенте, в библиотеке Духовного управления мусульман Узбекистана. К.П. фон Кауфмана интересовали все вопросы изучения нового края, а также как можно широкого ознакомления с ним жителей других районов России и за рубежом. По его поручению (приказ № 87 от 22.05.1871 г.) и на выделенные им деньги А.Л. Куном в 1871 — 1872 гг. был составлен «Туркестанский фотографический альбом». На значимость фотографий в научном отображении действительности указал в письме к начальнику края от 8.02.1870 г. А.П. Федченко, подчеркивая, что «они единственные дают возможность» вполне ознакомиться с «тамошней природой и физиономией страны».¹⁸⁷

В «Туркестанский альбом» (издан в 7 экземплярах) вошло 1262 цветных рисунка и фотографических снимка. Цель издания — «охарактеризовать бытовую жизнь оседлого и кочевого населения края, представить наглядно Туркестан и его жизнь в отношениях: археологическом, историческом, этнографическом и индустриальном». Альбом должен был дать также представление о древней культуре народов края, запечатлеть типы народностей Туркестана, многие из которых ныне бесследно исчезли. Фотографии альбома касались в основном Сырдарьинской области и Зеравшанского округа, представляли собой богатый материал, который путем фотографирования никогда не был создан ни для какой части Российской империи. Л.Н. Кун исключительно добросовестно отнесся к порученному делу, преодолевая разного рода трудности, собрал большой материал. Сохранилась запись о том, что он 6.06.1872 г. сдал «10 тюков, обшитых кошмою, обвитых веревками и пропечатанных каждый 4 раза по углам печатью <...> для доставки в Чиназ на судах Аральской флотилии». Груз был доставлен в Ташкент.¹⁸⁸ Фотографические материалы, собранные А.Л. Куном, были отосланы в С.-Петербург, где за окончательной работой по подготовке сборника следил чиновник особых поручений М.И. Бродовский. В 1899 г. Н.В. Дмитровский поместил в «Туркестанских ведомостях» статью «Туркестанский альбом и К.П. фон Кауфман». Подробно описывая содержание альбома и отмечая его значение, он писал: «Все, кому дороги интересы этнографии, должны питать полнейшую признательность к виновникам этого прекрасного и богатого альбома — Кауфману,

¹⁸⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 15. Д. 73. Л. 24 — 26; Первые фотографии в крае были сделаны А.С. Муренко еще в 1858 г. во время миссии полковника Н.П. Игнатъева из Оренбурга в Хиву.

¹⁸⁸ ТС. № 83. С. 172.

за его просветительское сочувствие к интересам науки, и трудолюбивому исполнителю его предначертаний господину Куну. Последнему, без сомнения, приходилось бороться со многими трудностями, вспомним о предубеждении мусульман против изображения людей».¹⁸⁹

По оценкам современников, составление альбома было воспринято «как строго научная фиксация Туркестана», являлось «одним из важнейших событий национально-культурной жизни края»; он представлял собой «величайшую художественную ценность», был «явлением совершенно единственным» и должен быть признан «изданием истинно монументальным», которым, как отмечал Н.В. Дмитриевский, «могут похвастаться только три библиотеки в России — Императорская публичная, АН и Туркестана».

«Альбом» не утратил своей научной значимости и в наши дни. К.П. фон Кауфман передал экземпляры альбома в ИРГО и представил также «для издания им и исследования в других научных целях» все негативы этого альбома. Один из экземпляров К.П. фон Кауфман первоначально оставил себе, затем он был передан С.-Петербургскому университету.¹⁹⁰ (Позднее были созданы сокращенные варианты альбома, также альбом «Виды и типы Хивинского ханства» (1873 г., подпоручик Г.Е. Кривцов), «Самаркандский альбом» (1874 г.), «Типы народностей Средней Азии» (1876 г.). Ныне земплеры «Туркестанского альбома» хранятся в Ташкенте в Национальной библиотеке Республики Узбекистан, в Публичной библиотеке в Москве, в США создана электронная версия «Туркестанского альбома», хранящаяся в свободном доступе в Национальной библиотеке Конгресса США, и «сегодня все это изобразительное богатство середины XIX в. практически доступно каждому человеку, имеющему выход в Интернет».)

Александр Людвигович Кун — из немецкой семьи коллежского секретаря, учителя Ставропольской губернии, выходца из Мемеля (ныне литовский г. Клайпеда), окончил после смерти отца, как «казеннокоштный воспитанник», в 1859 г. губернскую гимназию и затем в 1865 г. восточный факультет Петербургского университета со степенью кандидата. Уже с 1864 г. работал счетным чиновником в конторе департамента морских отчетов, затем с 1866 г. — столоначальником канцелярии Оренбургского генерал-губернаторства и в ноябре 1867 г. по личной рекомендации известного русского востоковеда В.В. Григорьева был направлен

¹⁸⁹ ТВ. 1899. № 36; Кауфманский сборник... С. 132.

¹⁹⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 7247. Л. 28 — 28об, 63 — 63об.

в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора. Он принимал участие в походе на Самарканд и после его завоевания провел активные поиски остатков знаменитой библиотеки Тамерлана, собрал сведения о «Коране Османа», составил описание самаркандских древностей, работал также в комиссии по проверке амляковых сборов в Зеравшанском округе, разобрал запутанный вопрос о вакуфах Самарканда и с 16.08.1869 г. был направлен в распоряжение начальника Зеравшанского округа «для этнографических, статистических и исторических ученых исследований». Он составил также подробное «Описание архитектурных памятников Туркестана» с приложением чертежей и коллекции туркестанских изразцов, материалы были высланы в Петербург. В 1870 г. он прошел вверх по Ягнобу (приток р. Зеравшан) и в 1871 — 1872 гг. был совместно с А.П. Федченко в составе Искандеркульской экспедиции генерала А.К. Абрамова. Занимаясь составлением «Туркестанского альбома», составил «Описание местоположения старого Ходжекента, называемого местными жителями также Арал (остров)» (1871 г.), первым высказал мысль о том, что ягнобцы — жители горных районов Памира — потомки согдийцев (до X в. согдийский язык был языком межнационального общения в Центральной Азии). «Приоритет в установлении связи ягнобского языка с согдийским принадлежит А.Л. Куну», — отмечал Л.В. Ошанин. Материалы «для исследования ягнобского языка» А.Л. Кун отправил востоковеду К.Г. Залеману, который использовал их в своих «Ягнобских этюдах» и предоставлял позднее немецкому ученому Г. Юнкеру и другим востоковедам (рукопись «Сведения о ягнобском народе» и «Материалы для исследования ягнобского языка» хранятся в восточном отделе библиотеки им. Горького Петербургского университета). В 1873 г. А.Л. Кун был включен в состав Хивинской экспедиции, в ходе которой собрал обширную коллекцию восточных рукописей — до 200 экземпляров, из них много переводов с персидского языка на хивинско-тюркское наречие, а также рисунков домашней утвари, костюмов, зарисовок видов крепостей и развалин с их планами и разрезами, штампов для чеканки монет.¹⁹¹

Он проделал огромную работу по разбору документов архива хивинского хана (отправлены в С.-Петербургскую библиотеку им. Салтыкова-Щедрина, где были обнаружены только через 60 лет, в 1936 г. П.П. Ивановым), изучил налоговые документы и налоговую систему административного устройства ханства. В очерке «Поездка по Хивинскому ханству» (1874 г.) он подчеркивал глубокую древность

¹⁹¹ ТС. № 83. С. 189.

культуры Хивинского оазиса: «Цивилизация возникла здесь не позже, чем на берегах Тигра и Ефрата. С незапамятного времени Хивинский оазис стал перепутьем для торговли всего юга и юго-востока с севером и северо-востоком Европы». Его рукопись «Очерки истории заселения Хивинского ханства с древних времен, состав современного населения, администрация, города ханства» использовал позднее в своей работе советский востоковед Ю.Э. Брегель. С 21.04.1874 г. А.Л. Кун исполнял должность чиновника особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе по учебной части. Но во время Кокандского похода 1875 — 1876 гг. принял в нем участие и, узнав, что во дворце андижанского бека Насир-Эдина (сына хана Коканда) библиотека намного богаче, чем при дворце в Коканде, немедленно отправился в Андижан в сопровождении трех джигито, чуть было не попал в плен во время вспыхнувшего в городе на второй день по прибытии восстания. Спасся бегством ночью в Наманган, где в то время стоял отряд К.П. фон Кауфмана, едва не утонул при переправе через р. Кара-Дарью. Он собрал предметы старины, 300 книг восточных поэтов, 40 юридическо-богословских сочинений, 18 Коранов, 50 учебников, отправленных позднее в Царскосельский лицей. Результаты своих исследований опубликовал в работе «Очерки Кокандского ханства» (1876 г.).

А.Л. Кун был избран членом-корреспондентом Института живых восточных языков в Париже, членом Русского археологического общества, участвовал в подготовке III Международного съезда ориенталистов в Петербурге, был одним из инициаторов создания Среднеазиатского научного общества, автором многих публикаций о жизни и литературе коренных народов края.

С 1.01.1876 по 20.09.1882 гг., занимая должность главного инспектора училищ Туркестанского края и рьяно отдаваясь порученному делу, постепенно отходил от научной работы. Деятельность его в этой должности порой вызывала несколько снисходительные отзывы со стороны современников и замечания о том, что он «злоупотребляет добротой и доверием» К.П. фон Кауфмана. На это начальник края отвечал: «Хотя Кун русской грамоте недостаточно выучен, но за его хлопотливую деятельность я все-таки благодарен ему». Он полностью поддерживал выдвинутые А.Л. Куном идеи распространения знаний местных языков среди русского населения края, создания для этого транскрибированного кириллицей словаря местных широко употребляемых слов и оборотов речи. Но эти планы остались нереализованными.¹⁹²

¹⁹² Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 17.

Н.П. Остроумов, служебные разногласия которого с А.Л. Куном не являлись секретом, однако объективно отмечал в своих воспоминаниях: «При составлении Положения об административном устройстве в Туркестанском крае А.Л. Куну было поручено устройство учебной части. Выполнил блестяще. Ему исключительно обязан Ташкент тем состоянием учебного дела, которое мы видим в Туркестане, — 2 гимназии, учительская семинария, городские училища, уездные начальные школы — все благодаря энергичной, честной деятельности Куна».¹⁹³

В ташкентском обществе он слыл человеком большой совести, исключительной порядочности и огромного трудолюбия. В 1882 г. А.Л. Кун, отстраненный от работы генералом М.Г. Черняевым, вынужден был уехать из Ташкента. Исполнял должность попечителя Виленского учебного корпуса, мечтал вернуться в Ташкент, даже подал незадолго до смерти соответствующий рапорт. Умер в Вильно 24.10.1888 г., через 4 дня скончалась его жена, 30 октября — сын Георгий. Плодотворный исследователь, он оставил обширное и многогранное наследие, разметанное по многим архивам. Личное собрание восточных рукописей исследователя приобретено библиотекой Петербургского университета. «Хлопотливой» деятельности А.Л. Куна многие центральные научные учреждения России обязаны наличием в своих фондах ценных коллекций предметов старины и восточных рукописей. Но то многое и ценное, «чем обязан А.Л. Куну Туркестанский край, осталось так до конца и не исследованным».¹⁹⁴

Исследователи, ученые, путешественники «Кауфманского времени» собирали материал по всем отраслям знаний: изучали географию, природные богатства края, историю и культуру народов, особенности климатических условий. В 1867 г. вторую поездку в Туркестан совершает известный ориенталист П.И. Лерх, занимаясь изучением вопросов истории культуры края. Свои исследования он продолжил в 1870 г. Многие археологические раскопы П.И. Лерха предвосхитили будущие начинания В.В. Бартольда и других востоковедов. Благодаря трудам П.И. Лерха в конце XX столетия ЮНЕСКО было торжественно отмечено 2500 лет Самарканду. Для «этнографических и филологических» изысканий продолжил поездку в Сырдарьинскую область и Семиречье востоковед В.В. Радлов.¹⁹⁵ «Заметки о кульджинских каменноугольных копиях в окрестностях укр. Баяндая»

¹⁹³ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 74. Л. 27.

¹⁹⁴ Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент. 1965. С. 114 — 127.

¹⁹⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 490. Л. 4.

публикует (1871 г.) военный инженер Карл Семенович Фабиан (1840 г.). Ректор С.-Петербургского университета, зоолог, профессор Карл (Фридрих) Федорович Кесслер (1815 — 1885 г.) в 1869 — 1871 гг. впервые провел исследования ихтиофауны Каспийского и Аральского морей, составил описание ихтиофауны и флоры Туркестана. Работу продолжил в 1874 — 1876 гг. его ученик и последователь, впоследствии крупнейший специалист в области ихтиофауны Каспийского моря и рыбного хозяйства России, доктор зоологии Оскар Андреевич Гримм (1845 — 1921 гг.). Возглавив Арало-Каспийскую экспедицию, он опубликовал ее результаты в 1876 — 1877 гг. Восточное побережье Каспийского моря, бассейн р. Амударьи и ее старого русла (Узбоя) привлекали многих исследователей: неисправимого романтика инженера Христофора Всеволодович Гельмана (1852 г.), возглавившего позднее техническую часть Бухарского эмирата и строительство дворца эмира; князя Александра Эдмундовича Гедройца (1848 — 1909 гг.), легендарного барона Александра Васильевича Каульбарса (1844 — 1925 гг.) — исследователя горной системы Тянь-Шаня, истоков р. Сырдарьи, озера Иссык-Куль и Закаспийского края. Их исследования развеяли вековую мечту российских царей — направить воды р. Амударьи в Каспийское море и проложить короткий, нетрудный путь в Индию. Они показали, что уровень дна Каспийского моря находится намного выше, чем уровень русла р. Амударьи. В 1876 г. состоялась военно-научная экспедиция полковника Л.Ф. Костенко и А.Р. Бонсдорфа на Алай и Памир, в ходе которой были достигнуты и обследованы котловины озер Кара-Куль и Ранэ-Куль. В эти же годы были основаны и научно-исследовательские учреждения. С именем К.П. фон Кауфмана связано открытие в Ташкенте 19.01.1878 г. Астрономической и Физической обсерватории. Магнитные и метеорологические наблюдения в крае во время различных военно-научных экспедиций и путешествий проводились и раньше, в том числе и исследователями из Германии. Так, с целью изучения магнитного поля Земли по проекту, разработанному немецким ученым Александром Гумбольдом, братья Роберт, Альберт и Герман Шлагинтвейн пересекли высокогорное плато Деккан, совершили поездки в Кашгар, первовосхождение на Гималаи, Каракорум, Куньлунь, вернулись в Германию в 1857 г. с собранным обширным материалом естественно-научного, исторического плана. Однако Альберт захотел посетить еще Восточный Туркестан и вновь выехал на Восток. Вблизи города Янкерт он был задержан афганским вооруженным отрядом, отвезен в Кашгар и 26.08.1857 г.

убит. На месте его захоронения позднее русским консулом в Кашгаре был поставлен памятник. «Русский памятник на китайской территории», — писали газеты. (По одной из версий, известное полотно В.В. Верещагина «Апофеоз войны») было создано им под впечатлением рассказа о том, как деспот Кашгара — Валихан-тюре — казнил европейского путешественника и приказал голову его водрузить на вершину пирамиды, сложенной из черепов других казненных людей.)¹⁹⁶ Много магнитных наблюдений в Центральной Азии и на территории юго-западной Сибири в 1870 — 1872 гг. провел капитан Константин Васильевич Шангорст (1846 — 1908 гг.), сделавший первые магнитные наблюдения в Туркестане.¹⁹⁷ В Петро-Александровске первую метеорологическую обсерваторию обустроивали Дорант и Мильберг. С 80-х годов XIX в. начались систематические магнитные наблюдения в крае.¹⁹⁸ К.П. фон Кауфман еще в 1867 г. ходатайствует об открытии сети метеорологических станций для изучения климата и создании в Ташкенте соответствующего руководящего центра.¹⁹⁹

Доктор философии университета в Цюрихе, физик и геофизик, академик С.-Петербургской АН Генрих Иванович Вильд (1833 — 1902 гг.), только что вступивший в исполнение должности директора Главной физической обсерватории (1868 — 1895 гг.) России, разработал проект устройства в Туркестане 15 метеорологических станций с Центральной физической обсерваторией в Ташкенте. Оборудование для 15 метеостанций прибыло в Туркестан в 1869 г.: частью в Казалинск, частью в Верный. При военно-топографическом отделе штаба ТуркВО в Ташкенте в мае 1870 г. была открыта метеостанция. Вскоре, 19.12.1871 г. было утверждено представление о постройке Ташкентской астрономической обсерватории. В начале 1872 г. начальник топографического отдела С.И. Жилинский и астроном капитан К.В. Шарнгорст — его кандидатура предполагалась для заведывания обсерваторией, определили тот участок для строительства, на котором и по сей день находится в Ташкенте Астрономический институт. Строительство физической обсерватории затягивалось по многим причинам (задержка кредитования, Хивинский поход). Вопрос о строительстве астрономической обсерватории решался более успешно. Для преодоления сложившейся ситуации принято решение объединить астрономическую и физическую обсерватории в единую. На конференции Академии наук России в 1874 г. это ре-

¹⁹⁶ ТВ. 1887. № 17; 1889. № 28.

¹⁹⁷ ТС. № 383. С. 46 — 48.

¹⁹⁸ ТС. № 73. С. 26.

¹⁹⁹ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 616. Л. 1.

шение было одобрено. Так возникла Ташкентская астрономическая и физическая обсерватория (ныне Астрономическая академия им. Улугбека). Магнитная станция была перенесена на территорию обсерватории.²⁰⁰

В 1873 г. К.П. фон Кауфман командирует за границу капитана Аксель (Эдвард) Робертовича фон Бонсдорфа (1839 — 1923 г.), он сменил уехавшего из края К.В. Шарнгорста с целью приобретения инструментария и оборудования для обсерватории по заказу Отто Васильевича Струве — на протяжении многих лет (1868 — 1889 гг.) директора Главной астрономической обсерватории в Пулково. А.Р. фон Бонсдорф с этого года постоянно проводил астрономические работы в Туркестанском военном округе. Он не только участвовал в военных действиях в Кокандской и Ферганской областях, но и возглавлял научные экспедиции в Кульджу и Текес.²⁰¹

Вместе с А.Р. фон Бонсдорфом в 1874 г. в Туркестан приехал выпускник Мюнхенского университета, баварский подданный Франц Ксавье фон Шварц (1847 — 1903 гг.). В ноябре 1874 г. он принял участие в экспедиции Н.А. Маева, в ходе которой они проникли в места, доселе еще непосещаемые ни одним европейцем, дошли до границ Дарваза и Куляба, побывали в Каратаге и Душанбе, ими была открыта в 1875 г. Гиссарская горная страна, составлена первая точная карта Гиссарского края и Кулябского бекства. Ф.К. фон Шварц определил астрономически 14 пунктов и 167 высот. Н.А. Маев составил подробное топографическое описание района. По результатам экспедиции за комплекс проведенных работ им была присуждена Малая золотая медаль ИРГО. К.П. фон Кауфман пригласил Ф.К. фон Шварца для организации метеорологических работ в Туркестанском крае. Однако доцент Мюнхенского университета, кандидат математических наук Ф.К. фон Шварц, как иностранный подданный, не мог заведовать Ташкентской обсерваторией (директором был назначен геодезист подполковник И.И. Померанцев), к тому же звание его по образованию было причислено Генеральным штабом к «окончившим среднее учебное заведение». Первоначально был зачислен «сверхштатным астрономом», вскоре принял российское подданство, и 31.12.1878 г. назначен помощником заведующего по метеорологической части.²⁰²

²⁰⁰ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 616. Л. 2 — 2об. В 1920 г. обсерватория была разрушена «все выломано и разграблено», прошли годы, пока она возродилась вновь. ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 616. Л. 25.

²⁰¹ Костенко Л.Ф. Военно-научная экспедиция на Алтай и Памир // Военный сборник. 1879. № 4. С. 375.

²⁰² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 7472. Л. 2; ТВ. 1879. № 3.

Он начал систематические работы по абсолютным определениям элементов земного магнетизма. До 1882 г. в составе многих экспедиций — Н.А. Северцова, И.В. Мушкетова, Н.А. Маева — делал астрономические, магнитные и барометрические наблюдения в Ташкенте, Фергане, на Алтае, в Кульдже, Гиссаре, Афганистане. Большинство экспедиций были слишком тяжелы: финансовые трудности, бездорожье, нехватка оборудования и хотя сколько-нибудь знающих людей. Поскольку К.П. фон Кауфман считал важным исследование Бухары, восточных и южных бекств, граничивших с Афганистаном и входивших в сферу влияния Англии, Ф.К. фон Шварц в 1877 г. в составе экспедиции Н.А. Северцова в очень тяжелых условиях ненастной погоды, сильных снежных бурь, морозов и глубокого снега сделал много определений в Ферганской долине и на Памире. К 1881 г. Ф.К. фон Шварцем была создана сложная сеть метеостанций в крае — 17 метеостанций, тогда же обсерватории был передан магнитный теодолит Бауэра — дорогостоящий, драгоценный инструмент. Ф.К. фон Шварц положил «начало производству систематических магнитных наблюдений при обсерватории». Продолжал он совершать и полевые наблюдения с помощью походных магнитных приборов. Всего его полевыми наблюдениями было охвачено более 100 населенных пунктов на территории Туркестана. Результаты исследований отправлялись в Петербург и Вашингтон, они имели важное научное значение в области географии, топографии и метеорологии Центральной Азии, а также для оперативного использования при разработке военных операций. Начальник окружного штаба генерал-майор Адольф Иванович Мозель (1905 г.), осмотрев тригонометрические, топографические и астрономические работы Ф.К. фон Шварца, нашел, что «обширность чертежных работ <...> более чем замечательна», а «беловики отличаются большой четкостью и особой художественностью. <...> За такое прекрасное исполнение <...> считаю долгом искренне поблагодарить <...> астронома Шварца». ²⁰³

Ф.К. фон Шварц был первым астрономом в крае и единственным специалистом, проводившим метеорологические, геомагнитные и астрономические исследования, только в 1883 г. в помощь ему был приглашен физик Я.П. Гуляев. Ф.К. фон Шварца интересовала не только астрономия. Он объездил вдоль и поперек весь край, изучал жизнь, традиции, культуру живущих здесь народов, читал литературу на русском языке по истории края, собирал сведения о походах Александра Маке-

²⁰³ ТВ. 1879. № 43.

донского, а по приезде в Германию проработал одно из крупнейших собраний книг о Туркестане в Мюнхенской государственной библиотеке. Труд «Поход Александра Великого в Туркестан» он издал в Мюнхене в 1893 г. Придерживаясь теории о том, что территория Афганистана, Балха, Мерва и соседних местностей была колыбелью великой расы — ариев, он считал Туркестан прародиной европейцев, местом формирования индоевропейских народов, откуда шла их миграция в направлении Европы, Ближнего Востока, Северной Индии, колыбелью культуры кельтов, германцев, славян и других народов. «Именно здесь, — отмечал Ф.К. фон Шварц, — в образе жизни, обычаях и традициях можно найти много отголосков из библейских сюжетов и сочинений Гомера», и подчеркивал то, что только в Туркестане ему удалось больше проникнуться содержанием Библии и произведений Гомера, лучше их понять и по достоинству оценить. Гипотеза Ф.К. фон Шварца о том, что арии произошли от смешения первобытных людей и «таинственного племени из неприступной горной долины Танымас» изложена в его работе «Туркестан, колыбель индogerманских народов» и нашла поддержку у многих европейских ученых. Важно, как отмечает историк В. Германов, что она стимулировала их интерес, в том числе ученых Германии, к Туркестану (например, определила проведение экспедиции Германского и Австрийского альпийских обществ в 1913 г. в восточную часть хребта Петра Великого в Дарвазе, а затем советско-германской экспедиции на Памир в 1928 г.). В 1890 г. Ф.К. фон Шварц вернулся в Германию, опубликовав свои впечатления о Туркестане: «Поездки по Туркестану» (Фрайбург. 1900 г. На нем. языке); F.Schwarz. Turkestan, die Viele der Indogermanischen Volker (Freiburg. 1900); «Великий потоп и великое переселение людей» (Мюнхен. 1893 г.), переиздано в Штутгарте в 1906 г.

Большие ботанические исследования в крае проводил сын директора С.-Петербургского ботанического сада, приехавшего в 1855 г. из Цюриха, Э.Л.Регеля Альберт (Иоанн-Альберт) Эдуардович Регель (1845 — 1908 гг.), врач, флорист, путешественник. После окончания Дерптского университета он был назначен врачом в город Кульджу Семиреченской области (ныне в Китае), с 1876 г. служил чиновником особых поручений Кульджинской канцелярии при Семиреченском военном губернаторе, затем уездным врачом в городе Ош. Но главным для него были исследования края. С ограниченными средствами совершал он труднейшие путешествия в районы, куда не ступала еще нога европейского человека, по маршрутам: Оренбург — Казалинск — Ташкент — долины рек Четкал и Талас — озеро Иссык-Куль — Вер-

ный (Алматы) — Кульджа (1876 г.); в Кульджийский (Илийский) край (1877 — 1879 г.); в Турфан (ныне в Китае, 1879 г.); в Пишпек (Бишкек), Ауле-Ату (Тараз, в Казахстане), Самарканд, Узген, по рекам Алабуга и Нарын (1880 г.); в очень трудных условиях по бекствам Бухарского эмирата Дарваз и Шугнан, которых он достиг первым из исследователей (1881 — 1883 г.); в Мерв, откуда топограф Л. Синицын привез его совсем больным. Находясь на обратном пути в Ташкенте (декабрь 1884 г.), «дал повод по многим своим поступкам подозревать ненормальность его умственных способностей». Был отправлен в Ташкентский военный госпиталь и затем 29.12.1885 г. по распоряжению главного врача госпиталя — в С.-Петербург к его отцу в сопровождении одного фельдшера и одного рядового.²⁰⁴ А.Э. Регель собрал большое количество ботанических коллекций, этнографических материалов, материалов по зоологии, геологии, архитектуре, истории и культуре края, коллекции окаменелостей насекомых; исследовал декоративные, луковичные, корневищные группы растений; ввел в ботанику многие туркестанские растения (некоторые из них стали известны науке впервые и вошли под его именем); обследовал и описал сады Ташкента, их планировку, недостатки, особенности; сделал ряд географических открытий; составил с топографом П.Е. Косяковым новую карту хребтов Западного Памира; произвел ботанические исследования Тянь-Шаня. «Нельзя не удивляться энергии и настойчивости, с которой при самых ограниченных средствах Регель успел проникнуть далее, нежели возможно было ожидать при самых смелых предположениях», — отмечали современники.²⁰⁵

Он был отличным коллектором. О своих путешествиях писал подробнейшие отчеты, статьи, публикации в газетах и сборниках, в том числе в зарубежных изданиях. Часть своих путешествий описал в изданиях «Путешествие в Турфан» (1881 г.), «Памирские экспедиции» (1883 г.). Однако ему не представилось возможности обработать все свои материалы. Ботанические коллекции — более 100 тысяч экземпляров — обрабатывались по частям его отцом, Эдуардом-Августом Регелем, также данные гербария вошли в список новых видов растений под общим названием «Описание новых или малоизвестных растений» в многотомных изданиях (1864 — 1884 г.) известного биолога, систематика растительного мира Р.Э. Траутфеттера «Флора России». Коллекции насекомых были переданы в Петербургскую академию наук, коллекции горных пород — в Горный институт,

²⁰⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1 Д. 2469. Л.68, 137.

²⁰⁵ ТС. № 361. С. 20 — 28, 48.

где были позднее обработаны И.В. Мушкетовым и Г.И. Романовским, эскиз карты Западного Памира — в Генеральный штаб, где им занимался О.Э. Штубендорф. Он был из тех исследователей, о которых современники писали, что они проникали в «места недоступные, где вообще не была нога человека», совершали свои исследования в «тяжелейших условиях» и «многое из этого делалось в благодарность за то тепло отношений и постоянную поддержку, которую они встречали у К.П. фон Кауфмана и которую ценили очень высоко».

Туркестанский генерал-губернатор не только покровительствовал науке и искусству, но и приглашал в край ученых, чей труд мог содействовать практическому освоению богатств края, развитию его производительных сил, предпринимательства. Так, он отмечает, что И.И. Мушкетов для края просто «клад», что А.И. Вилькинс «обязательно должен оставить свои занятия в Лейпциге» и приехать в Ташкент «для руководства школой шелководства», приказывает вызвать горного инженера Геноха «на розыск источников воды в степных просторах» и т. д.²⁰⁶ Через посредство вице-президента ИРГО в С.-Петербурге П.П. Семенова он пригласил «посетить вновь приобретенный Россией край — Ферганскую область для исследования естественных условий этого края по отношению его к сельскому хозяйству» известного ученого Александра Федоровича Миддендорфа (1815 — 1894 гг.), академика, «снискавшего себе почетную известность своим знаменитым «Путешествием на Север и Восток Сибири». «Поездка Миддендорфа была бы весьма полезна краю. Едва ли я мог бы указать на другое лицо подходящее для решения задачи, мною поставленной», — отмечал он в резолюции на своем приглашении.²⁰⁷ А.Ф. Миддендорф, «только после долгого раздумия» ответивший согласием, выехал из С.-Петербурга 9.05.1878 г. в сопровождении гражданского инженера Перру и ботаника Смирнова, вернулся спустя полугодя, на изучение края ушло около трех месяцев. Экспедиция, положившая начало исследованию продуктивного потенциала почвенного покрова края, вызвала срочное, наполненное подозрениями донесение «бдительного» ферганского чиновника военно-уездному начальству: «Приехавший, странствуя верхом, глядит на землю, смотрит вдаль и постоянно пишет». По завершении экспедиции ученый подчеркнет, что его работа «могла быть выполнена лишь благодаря просвещенному содействию Ферганского военного губернатора генерала

²⁰⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 5382. Л. 1 — 12.

²⁰⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 15. Д. 251. Л. 1.

А.К. Абрамова», и отметит: «Трудолюбивый обитатель Средней Азии <...> служит нам образцом беспримерной нетребовательности, любви к делу, неутомимого прилежания и работающей выносливости, рядом с большой живностью ума». Он подчеркнет также: «Если подумаем, как юн новый порядок вещей в Русском Туркестане, <...> то невольно возбудит наше удивление, как быстро исчезли господствовавшие там прежде варварские условия, и что вместе с русскими водворилась безопасность жизни и имущества, которые мы в настоящее время бесплодно стали бы искать в староевропейских государствах, каковы: Греция, Испания и в особенности несчастная Сицилия». Свой труд «Очерки Ферганской долины» с приложением аналитических таблиц «Химические исследования почв и вод К. Шмидта», профессора Дерптского университета, и результатов обработки «метеорологических наблюдений, определения некоторых высот», проведенных Э. Штеллингом, ученый издаст в 1878 г. на немецком языке, перевод на русский язык был сделан В.И. Ковальским в 1882 г. В рецензиях на книгу отмечалось: «Она замечательна как по обилию фактов, богатству литературного материала, так и по критической оценке этих фактов, выводам научным и практическим».²⁰⁸

Научная деятельность в крае вскоре разрослась до обширных размеров. Именно в те годы были совершены самые важные открытия Н.А. Северцева, В.Ф. Ошанина, Г.Н. Потанина, Н.М. Пржевальского, Г.Д. Романовского, А.П. Федченко, П.П. Семенова, И.В. Мушкетова, А.Ф. Миддендорфа и других исследователей, экспедиции которых К.П. фон Кауфман окружал четким вниманием и ответственным покровительством. Он лично обратился в Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ с просьбой организовать научную экспедицию в Туркестан для «изучения производительных сил Сырдарьинской и Семиреченской областей». Решено было отправить в Туркестан молодого ученого Алексея Павловича Федченко (1844 — 1873 гг.), «предварительно командировав его на 3 месяца за границу с целью доставить ему возможность усовершенствоваться в некоторых практических приемах для исследования и воспользоваться специальными советами известных заграничных ученых».²⁰⁹ Вместе с женой Ольгой Александровской (дев. Armfeld, 1845 — 1921 гг.) он прибыл в Туркестан 14.12.1868 г. и до 1872 г. с ее участием провел четыре экспеди-

²⁰⁸ ТС. № 319. С. 263 — 275; № 320. С. 1 — 4.

²⁰⁹ ТС. № 7. С. 329; Назарьян Р. Самаркандская старина. СПб. 2010. С. 134 — 140.

ции: в Зеравшанскую долину, к озеру Искандеркуль (в составе военной экспедиции генерала А.К. Абрамова), в пустыню Каракум и по Ферганской долине до Заалайского хребта. Супруги собрали богатый материал по флоре, фауне, физической географии и этнографии края. А.П. Федченко считается первооткрывателем Зеравшанского, Гисарского, Туркестанского, Алайского, Заалайского хребтов и Алайской долины, пионером в изучении ледников Средней Азии. Крупнейший в мире горно-долинный ледник, открытый им, назван в 1878 г. В.Ф. Ошаниным его именем. Сообщая о своих открытиях в статье «На верховьях Мук-су» (ТВ. 1879 г.), В.Ф. Ошанин пишет: «Я желал, чтобы его имя осталось связанным навсегда с одним из грандиознейших глетчеров среднеазиатского нагорья. Желал это потому, что изучение ледниковых явлений особенно занимало Алексея Павловича. Пусть «Федченковский ледник» и в далеком будущем напоминает путешественникам имя одного из даровитых и усерднейших исследователей Средней Азии». А.П. Федченко была открыта 2.07.1871 г. самая высокая на Памире горная вершина — 7165 м, которую он назвал пиком Кауфмана (с 1928 г. — им. Ленина, с 1994 г. — пик Независимости, с 2000 г. — пик им. Абу Али ибн Сино). Список важнейших трудов А.П. Федченко, посвященных краю, составленный Е.К. Бетгером, включал 21 название. Картографирование района Заалайской горной цепи, открытой А.П. Федченко, начал позднее в 1906 г. затем продолжил в 1913 г. немецкий ученый, географ и альпинист Вильям Рикмер Рикмерс совместно с Х. фон Фикер и Р. Клебелсбергом. На конференции, посвященной 200-летию Российской академии наук, в 1925 г. он предложил провести совместную советско-германскую экспедицию на Памир. Она состоялась в 1928 г. (на ее основе позднее по решению СНК СССР развернула многолетнюю работу Памиро-Таджикская экспедиция АН СССР). Но первый этап маршрута этой экспедиции прошли еще в 1925 г. будущий академик Н.Л. Корженевский и студент второго курса Туркестанского университета Эдуард Александрович Шмидт (1895 г. — не позднее 1952 г.). План совместной экспедиции 1928 г. был составлен Х. фон Фикер. Р. Рикмерс был назначен руководителем экспедиции с немецкой стороны, старшим группы альпинистов — Ф. Борхерс. С советской стороны ею руководил и осуществлял общее руководство экспедицией соратник В.И. Ленина, будущий академик, выдающийся организатор науки в 1918 — 1919 гг., арестованный как «враг народа» в 1937 г., Н.П. Горбунов (1892 — 1938 гг.), руководитель альпинистской группы Н.В. Крыленко, альпинист номер один, министр юстиции, тоже

арестованный в 1937 г. В составе русской группы принимали участие: в группе альпинистов — Отто Юльевич Шмидт (1891 — 1956 гг.) и Рихард Рихардович Цимирман (1891 — 1951 гг.), метеоролог. О.Ю. Шмидт и Н.В. Крыленко были первыми советскими альпинистами, поднявшимися на высоту более 6000 м. Задача экспедиции состояла в геолого-географическом исследовании малоизвестной горной области, расположенной на границе Памира с Дарвазом, изображенной на карте белым пятном. Работа экспедиции была закончена восхождением на высочайшую точку Заалайского хребта — бывший пик Кауфмана альпинистами Alwein, Wien, Seider. Результаты комплексной экспедиции, в том числе и на высоте от 5 до 6 тысяч метров, были весьма плодотворны. Особый интерес представляло открытие ими истоков ледника Федченко и его связь со смежными ледниковыми группами.²¹⁰

А.П. Федченко погиб при восхождении на Монблан в 1873 г., похоронен недалеко от места гибели — на англиканском кладбище Шамони во Франции, на склоне самой высокой вершины Альп. На могиле поставлен необработанный гранитный камень со вставленным черным кубом и единственной сохранившейся фотографией ученого. Надпись на мраморе гласит: «Ты спишь, но труды твои не будут забыты». И.В. Мушкетов в своей книге «Туркестан» напишет о том, что А.П. Федченко «по праву принадлежит одно из первых мест в ряду многочисленных исследований Туркестана новейшего времени. И конечно, в значительной мере в этом заслуга Ольги Александровны, собравшей гербарии нескольких тысяч видов растений, среди которых многие были описаны впервые». Она «с редким для женщины самоотвержением разделяла все трудности и лишения своего мужа, она, действительно, оказала ему существенную услугу». Только благодаря ее высокому профессионализму и несокрушимой энергии с помощью зоолога В.Н. Ульянова в кратчайший срок были обработаны и на средства К.П. фон Кауфмана изданы несколько томов с описанием флоры и фауны Туркестана. Ею подготовлены к выходу в свет 24 выпуска «Трудов Туркестанской экспедиции», на обложке стоит имя мужа. Переизданные в 5 томах в 1950 г. они включали также превосходный альбом литографий «Виды русского Туркестана» по рисункам с натуры О.А. Федченко. Эта выдающаяся и передовая женщина конца XIX в. — начала XX в. совершала неоднократные поездки в Туркестан и

²¹⁰ Корженевский Н. Советско-германская Памирская экспедиция 1928 года // Бюллетень САГУ. Ташкент. 1928. Вып. 14. С. 173 — 174.

много лет спустя после гибели мужа, неутомимо проводила географические и ботанические исследования. В знак внимания и уважения к научным трудам О.А. Федченко Александр II прислал ей в подарок браслет, украшенный рубинами и бриллиантами. В 1906 г. она избрана действительным членом-корреспондентом АН России, была также членом многих зарубежных научных обществ. А через несколько лет после ее смерти научные сотрудники Ленинградского ботанического сада назвали одно из центрально-азиатских растений ее именем *Olgaea iljin*. Следует отметить еще одну заслугу этой необыкновенной женщины в истории Туркестанского края. Во время посещения Самарканда осенью 1869 г. К.П. фон Кауфман обратил внимание начальника Зеравшанского округа генерала А.К. Абрамова на плачевное состояние архитектурного памятника Гур-Эмир и распорядился отреставрировать его за государственный счет, хотя это должны были сделать мутевалии, распоряжавшиеся вакуфными доходами. По заданию К.П. фон Кауфмана и на средства, выделенные им, О.А. Федченко и художница О.Н. Бутакова принимали участие в реставрации гробницы Тамерлана, о чем гласит также и заметка Н.В. Дмитровского к неустановленному изданию П.И. Пашино: «А почему вы не упоминаете, что гробница Тамерлана реставрирована по приказанию Кауфмана и на русские деньги?»²¹¹

Заслуги этой необыкновенной четы исследователей в истории Туркестанского края более чем широки. А.П. Федченко интересовало все: пути сообщения, торговые связи, перспективы развития экономики, он изучал распространение заболевания — ришта, предложил метод борьбы с ним, предлагал издавать русско-узбекский словарь, организовал Туркестанский отдел Общества любителей естествознания, чтение лекций на русском и узбекском языках, активно участвовал в организации Туркестанского раздела Политехнической выставки, размещенной в 1872 г. в Кремлевском саду в отдельно построенном павильоне, вынашивал мысль о плане работ по разработке каменноугольных месторождений, отмечал в своих письмах к К.П. фон Кауфману об активных действиях англичан в крае, в частности об английском разведчике Д. Вуд, проникшем на Памир в 30-е годы XIX в.

По инициативе К.П. фон Кауфмана группа ученых во главе с А.П. Федченко «в целях всестороннего изучения края» создала первое Среднеазиатское научное общество (1869 г., среди учредителей: К.В. Струве, А.Л. Кун, Н.Б. Тейх,

²¹¹ ЦГА РУз. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 536. Л. 4об; Ф. 2681. Оп. 1. Д. 304; Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии... С. 452.

А.В. Каульбарс). Позднее созданы и другие научные общества, члены которых сделали немало для развития науки и культуры края: общество врачей (1899 г., казначей К.Б. Бетгер); востоковедов (1901 г., среди учредителей: О.И. Гамбургер, С.А. Геппенер, Я.Я. Лютш), Туркестанский отдел русского технического общества (1892 г., председатель М.С. Зингер-Кор, секретарь В.С. Гейцельман); Туркестанский отдел Русского географического общества (1896 г., среди учредителей — Х.В. Гельман, «самое деятельное объединение городской интеллигенции»); Туркестанское общество сельского хозяйства (1885 г., по инициативе И.И. Краузе в нем принимали участие многие немцы селекционеры, агрономы, садоводы); Кружок любителей археологии (1895 г., первое научное востоковедное общество в крае, которое помимо археологии изучало историю, географию, этнографию, языки народов края). Основы научных традиций К.П. фон Кауфман закладывал прочно и на всех этапах своей деятельности, но особенно — в первое десятилетие управления.

Им была реализована также однажды высказанная мысль А.П. Федченко об открытии в Туркестане музея. В 1869 г. К.П. фон Кауфман обратился к энтомологу, профессору С.-Петербургского лесного института Эрнесту Эрнестовичу Баллиону (1816 — 1901 г.) с просьбой составить программу открытия в Ташкенте Туркестанского музея. При полной и всесторонней поддержке губернатора края Ташкентский музей был открыт в 1876 г. (в 1896 г. — в Самарканде, в 1899 г. — в Фергане), финансировал открытие музея Иероним Иванович Краузе, он же отдал в музей и несколько своих коллекций.

Генерал Г.П. Федоров, прослуживший в Туркестане около 40 лет (1870 — 1910 гг.) в своих воспоминаниях «Моя служба в Туркестанском крае», называя «кауфманское время» «блестящей эпохой», напишет: «...я вспоминаю, как этот замечательный человек умел привлечь в край выдающихся ученых и людей науки, посвятивших годы на изучение и описание края во всех отношениях. Кауфман щедрой рукой давал средства на снаряжение ученых экспедиций и на издание их трудов. Литература о Средней Азии обогатилась многими шедеврами, исключительно благодаря симпатии и поддержке Кауфмана. Не было того уголка, начиная с болотистых низин дельты Амударьи и кончая горными ледниками и вечными снегами, которые остались бы не исследованы и не описаны. Это был поистине Периклов век Туркестанского края». («Периклов век» — период наивысшего подъема культуры демократических Афин, V в. до н. э.) Заложенные К.П. фон Кауфманом традиции

изучения края были продолжены в том числе и немцами в последующие годы. Так, выпускник Петербургского института инженеров путей сообщения Павел Михайлович Лессар (1857 — 1905 гг.) провел нивелировку местности от Асхабада до Серахса, проехал Мерв, Афганистан, Харасан, прошел через Каракумы в Хиву. За работы, опубликованные в «Известиях» ИРГО, ему присуждены серебряная (1882 г.) и малая золотая (1883 г.) медали.²¹² Исследования в крае проводил энтомолог Е.П. Вильберг. К.К. фон Шульцем были опубликованы «Некоторые результаты нивелировочных работ, произведенных между Оренбургом, Аральским морем и Кара-Тугаем» (СПб. 1882 г.). Наблюдения о быте мусульман публиковал Николай Александрович Дингельштедт (1843 — 1898 гг.). Начальник Ауле-Атинского и Перовского уездов генерал-майор Василий Андреевич Каллаур (1843 — 1918 гг.) стал первооткрывателем древнетюркских рунических (орхонских) надписей на камнях возле р. Орхон в Семиречьи («и стали тюркоты рабами <...> чужому государству <...> своим мужским крепким потомством и рабами своим чистым женским потомством»). Он сделал не одно открытие в древней истории края, осмотрел и дал краткое описание многих памятников, лично снимал планы городищ и руководил деятельностью по составлению карт памятников древности. Сосланный в край народоволец, ставший позднее начальником статистического управления Сырдарьинской области, Иван Иванович Гейер (1860 — 1907 гг.) издавал ценные исследовательские материалы, в том числе и о переселенцах, статистические сведения и справочники. В 1892 г. было официально засвидетельствовано важное экономическое значение «как для Туркестана, так и всей России» исследований И.И. Краузе, которые он проводил более 30 лет. Востоковед В.Ф. Эггерт (1842 г.) публикует в 1897 г. «Материалы для истории службы и деятельности туркестанских сапер за 25 лет (1866 — 1891 г.)». Писатель и путешественник Эдуард Романович Циммерман (1822 г.) издал свои заметки о поездке в Самарканд (В глубь Азии: Поездка в Самарканд. М. 1893 г.). Лаборант Берлинского университета Гаймондс в 1901 г. два месяца изучал среднеазиатских фалангов (верблужьи пауки) в Голодной степи. Берлинский врач В. Зеллербек в 1897 г. «посетил с научной целью» Закаспийскую область и Бухару. Приват-доцент Венского университета У. Мохель, германские подданные К. Вильд, К. Рейтер, А. Броннер совершили двухмесячную

²¹² Лессар П.М. Заметки о Закаспийском крае и соседних странах. Поездки в Персию, Южную Туркмению, Мерв, Чарджоу и Хиву // ЗКОГО. 1884. Кн. 13. Вып. 1. С. 161 — 212, с картами; ТС. № 329. С. 309 — 349.

поездку по Туркестанскому краю; экскурсионная группа Бременского географического общества, предполагая провести зоологические исследования, просила разрешение на посещение Семиреченской области по пути в Западную Сибирь. Дневник о посещении исследователями края оставил сопровождающий их полковник Фридерих.²¹³ Полковник Геннерих выполняет поручение Генерального штаба, данное военному инженеру генералу Серебренникову по сбору материалов, касающихся завоевания Средней Азии. А.Ф. Эйхгорн стал первым исследователем фольклорной музыки народов Центральной Азии и их музыкальных инструментов. Он изобрел своеобразную нотопись (тамбурная табулатура) для записи макамов (протяжного горлового пения), собрал коллекцию музыкальных инструментов и издал каталог «Полная коллекция музыкальных инструментов народов Центральной Азии А.Ф.Эйхгорна. Каталог» (СПб. 1885). Собранный им богатый материал, дневник (1870 — 1872 гг.) с описанием жизни русской военной элиты и его раритетные фотографии того времени нашли отражение в работе Т.М. Джани-заде (Музыкальная культура русского Туркестана по материалам музыкально-этнографического собрания Августа Эйхгорна, военного капельмейстера в Ташкенте (1870 — 1883 гг.). М. 2013 г.).

Продолжались научные исследования и в советское время. Немцы края этого периода истории также внесли свой достойный вклад в развитие научной мысли во всех областях знаний. Приоритетными научными направлениями оставались востоковедение, геология, растениеводство. Имена немцев-ученых вошли не только в сокровищницу советской, но и мировой науки. Так, в Ташкенте работали: иранист А.К. Арендс, востоковеды отец и сын А.Э. Шмидт и Э.А. Шмидт, библиограф, востоковед Е.К. Бетгер, востоковед, краевед Н.Э. Вунцетель, биолог М.Ф. Вунцетель, археолог Э. Вульферт, геолог и палеонтолог В.Н. Вебер, биолог А.И. Гагельганс, филолог К.С. Ган, гидрогеолог Г.П. Гельцер, историк Л.В. Геншке, биолог Н.Н. Кейзер, филолог, искусствовед С.М. Круковская (Бурэ), художественный критик М.В. Мюнц, биолог-селекционер Ф.М. Мауэр, математик Г.Ф. Риман, биолог С.С. Циммерман, физик Р.Р. Циммерман, биолог-селекционер Р.Р. Шредер, искусствовед Ф.И. Шмит, микробиолог В.Ф. Штибен, географы В.Л. Шульц и С.С. Шульц (старший), геолог, историк, педагог С.С.Шмидт (младший), физик Г.Н. Шуппе, биохимик Р. Энгелянд и многие, многие другие ученые. В конце 20-х — начале 30-х годов XX в. Ташкент стал исходным пунктом многих

²¹³ ЦГА Руз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 879. Л. 23 — 29; ТВ. 1901. 10 августа.

зоологических и геологических маршрутов. На карте региона отмечены имена геологов докторов наук Т.А. Сикстель, А.С. Аделунга, М.А. Шмидта. Немцы были участниками многочисленных научных экспедиций в Центральную Азию. В военные сороковые годы в Ташкенте работали ученые из Москвы, Ленинграда и других городов центральной России, в их числе востоковеды В.В. Струве, Е.Э. Бертельс, К.В. Тревер. Историографы Центральной Азии высоко ценят то, что ученые А.К. Арендс, Е.Э. Бертельс, Е.К. Бетгер, В.В. Струве, А.Э. Шмидт совместно с другими востоковедами осуществили огромную работу по научной каталогизации рукописных собраний Института востоковедения Узбекистана, результатом которой явились капитальные издания десяти томов «Собрание восточных рукописей АН УзССР» (1952 — 1975 гг.).²¹⁴ Скоротечное время размывает память об этих и других не менее достойных немцах-ученых, исследователях, путешественниках, вписывая все новые и новые имена, но умалять ценность сделанного первопроходцами со всей силой их таланта, любви и преданности делу на благо края оно не в силах.

В регионе не только изучались природные ресурсы, фауна и флора края. Довольно скоро их результаты послужили мощным импульсом для всестороннего и широкого развития экономики региона: начало создаваться промышленное производство, основана переработка лекарственных растений, производство сантонина, налажено проведение опытов по использованию лиственных растений, древесных насаждений для скрепления сыпучих, движущихся песков вблизи водоемов, возделываемых полей, оросительных каналов, дорог, для укрепления горных склонов, изменялась структура сельского хозяйства, создавались опытные плантации. К.П. фон Кауфман всячески поощрял опыты по разведению таких культурных растений, которые раньше привозились из-за границы. Особое внимание он уделял хлопководству, приказывая доклады о культуре хлопчатника, требовавшие разрешения генерал-губернатора, доставлять ему в любое время дня и ночи.

Хлопководство, родиной которого является Индия, существует в регионе более 5 тысячелетий. Хлопок, как и шелк, шерсть, был камнем раздора между кланами края. Американский хлопок стоил в 3 раза дешевле, к тому же «местный сорт хлопка был известен на европейских рынках России под именем бухарского и занимал последнее место как по качеству волокна, так и по качеству очистки». Но К.П. фон Кауфман, предвидя будущность культуры хлопчатника, считал выгоднее

²¹⁴ Собрание восточных рукописей АН УзССР. Т. 1. Ташкент (1952 — 1975). С. 12.

вкладывать деньги в развитие отечественного хлопководства. Еще во время московской Политехнической выставки 1872 г. профессор МГУ Архипов провел обстоятельную экспертизу сортов туркестанского хлопчатника, сделал вывод о том, что он может быть использован только для производства толстых нитей, и указал на то, что климатические условия края весьма благоприятны для промышленного производства хлопчатника. В конце 1874 г. К.П. фон Кауфман командировал агронома М.И. Бродовского в Америку для изучения «хлопкового дела», санкционирует появление опытных хлопковых полей и хлопкоочистительные заводы, создает для проведения селекционных работ специальную хлопковую плантацию и ферму, оборудованную лучшими техническими приспособлениями, на которой проводились опыты культивирования американских сортов хлопчатника. Но только в конце 1880-х годов хлопковые поля края начали засеивать американскими сортами хлопчатника с самораскрытием при созревании плодов, с гибкими длинными волокнами, несравненно более ценными и удобными для ткацкого производства, и хлопок Туркестана стал одним из важных составляющих сырьевых ресурсов для текстильного производства России.²¹⁵

Сильный толчок при К.П. фон Кауфмане был также дан развитию шелководства и виноградарства. Потребовались годы напряженного труда, преодоления бюрократических препон, которые строил Петербург, недовольный вложениями в будущее производство края и усилиями по привлечению к опытно-экспериментальной работе в Туркестане квалифицированных специалистов. К счастью, К.П. фон Кауфман обладал удивительной способностью собирать профессиональные кадры — не только найти нужного ему человека, но и убедить, завлечь его высокой идеей самоотверженно-бескорыстного труда на благо развития края и интересов России. Таковым был, например, статский советник, кандидат естественных наук, чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторстве по сельскохозяйственной части Александр Ильич Вилькинс (1845 — 1892 гг.). По личному приглашению К.П. фон Кауфмана, озабоченного развитием шелководства, 22.11.1872 г. он был откомандирован в Туркестан для работы в Туркестанской школе шелководства, создаваемой в Ташкенте.

Еще в 1863 г. болезнь шелкопрядов на юге Франции и Италии заставила обратить внимание заинтересованных кругов на Центральную Азию, как обширный источник здоровых шелковичных червей. Тогда с целью закупки

²¹⁵ Добросмыслов А. Ташкент в прошлом... С. 390.

шелкопрядов в Бухару впервые прибыли четыре итальянца. Правда, их поездка могла закончиться плачевно, если бы не оказали заступничество и содействие купец Хлудов и русские власти. Однако и местные породы шелковичных червей были подвержены некоторым губительным болезням, да и методы размотки нити были намного примитивнее европейских. Создавая школу шелководства в Ташкенте, К.П. фон Кауфман преследовал цели подготовки специалистов шелководов высокой квалификации, расширения районов распространения шелководства, изменения некоторых частей станка по производству шелка, организацию ежегодных выставок с целью внедрения более прогрессивных методов шелководства и производства шелка, подготовку и издание соответствующего руководства на таджикском или персидском языках. Он стремился также предпринять энергичные меры для предохранения Туркестанского края от распространения болезней шелковичных червей. Для ознакомления с практикой шелководства и приемами гренирования по системе Пастера А.И. Вилькинс был командирован в Италию и на юг Франции. Официально считаясь помощником директора (энтомолог В.Ф. Ошанин) школы шелководства, А.И. Вилькинс практически явился ее создателем и организатором всей работы. Ежегодно в школе обучалось 10 — 14 человек. Параллельно по программе, разработанной Министерством государственных имуществ, он в 1873 — 1876 гг. совершает поездки по наиболее важным шелкопромышленным центрам — в Ходжент, Кульджу, а также в Самарканд и Бухару, поставляющую в Россию наилучшие из среднеазиатских шелков. К.П. фон Кауфман пригласил в то же время в Ташкент бухарских евреев, которые занимались производством и крашением шелковых тканей, убеждая их, что здесь их не будут преследовать по религиозному принципу и они смогут избежать гетто Бухары и строгой самодисциплины.

А.И. Вилькинс знакомится с состоянием местных шелковичных рынков, производит закупки коконов, изучает приемы местной размотки шелковой нити, качества ткани, существующие цены. В своих отчетах он дает подробную характеристику каждого района шелководства, описывает сорта шелка, проводит классификацию и анализ основных заболеваний шелкопряда, их причин и методов лечения, анализирует всю технологию производства шелка в Туркестане. В 1875 г. он выезжает в Кульджу, где наблюдает местного дикого шелкопряда. Подробный отчет о жизни дикого шелкопряда в естественных условиях, с приложением сделанных им рисунков, представлял значительную научную ценность.

Статья о диком родиче шелковичного червя была опубликована в «Известиях» Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Подробная информация о состоянии шелководства в регионе поступала от А.И. Вилькина и в Комитет шелководства Московского Императорского общества сельского хозяйства. Весной 1876 г. он вновь приезжает в Бухару, как член русского посольства, а осенью этого же года включен в состав посольства генерала А.Н. Куропаткина к правителю Кашгарии для определения более точной границы только что завоеванной Ферганской долины и остается в составе посольства до апреля 1877 г., составляя подробнейшее описание пограничных территорий. Петербургский чиновник, ознакомившийся с этими материалами, признает: «Границы проведены хорошо». В последующие годы он занят изучением и устройством новой для Туркестанского генерал-губернаторства области — Ферганской долины. В сложных условиях нестабильности во всех отношениях он исполняет обязанности чиновника по земельному устройству области, занимается составлением инструкции для участковых земельно-податных инспекторов по изучению почвенных условий Ферганской области и издает ее в 1880 г. Выполняя эту работу, он глубоко изучает вопросы налогообложения и ставит перед руководством края вопрос о том, что подати тяжелы для населения и применять единую систему сборов, выработанную проектом «Положения об управлении Туркестанским краем», можно будет не скоро. Круг его научных и общественных интересов весьма широк. Он являлся членом Ферганского областного организационного присутствия (1880 г.), входил в состав комиссии по изысканию способов укрепления сыпучих песков, совместно с Г.Уйфальви (ШарльЭженде-Уйфальви (1842 — 1904 гг.) французский ученый, ориентолог) проводил этнологические исследования, был делегатом от Туркестанского края на Московскую антропологическую выставку 1879 г. и даже принимал участие в организации Константиновского конного завода (1877 г.).

Генерал Г.М. Черняев — преемник К.П. фон Кауфмана пресек многие начинания первого губернатора, отстранил от дел многих, преданных ему людей, в том числе закрыл школу шелководства. А.И. Вилькинс остался «за штатом», но не хотел уезжать из края. Военный губернатор Ферганской области генерал А.К. Абрамов оказал «посильную помощь» — содействовал его поездке по программе ИРГО на Северный Тянь-Шань в должности помощника комиссара генерала В.Ю. Медынского для исследования областей горных районов и

проведения границ с Китаем (постарался отправить его подальше от Ташкента). По результатам своих наблюдений среди населения внутренних районов Тянь-Шаня пытливый исследователь выпустил оригинальную монографию «Антропологические темы в Средней Азии» (М. 1884 г.), в которой сделал вывод о том, что в древности на этой территории проживала одна из ветвей горных арийцев. Среди имен исследователей, чьи «работы по этнической антропологии не утратили до сих пор своего значения в виду основательности обработки фактического материала», историки наших дней неизменно отмечают и имя А.И. Вилькинса.

В мае 1884 г. его вновь вызовут в Ташкент «по случаю вторичного причисления на службу», выдают «двойные прогоны и пособие на подъем», наградят за участие в «разграничительной комиссии с Китаем» орденом Св. Анны 2-й степени, вновь зачислят чиновником особых поручений по сельскохозяйственной части и определят членом Комиссии по учреждению в Ташкенте периодических сельскохозяйственных выставок. Он примет активное участие в организации Ташкентской сельскохозяйственной и промышленной выставки 1890 г. и будет делегирован на Московские (1889 и 1891 гг.) выставки.²¹⁶

В поле внимания А.И. Вилькинса всегда были две важнейшие отрасли сельского хозяйства — шелководство и хлопководство. Сменивший М.Г. Черняева генерал Н.О. Розенбах поручил А.И. Винкильсу дальнейшую разработку проблем хлопководства, в том числе вопроса о том, почему в крае плохо применяются американские сорта хлопчатника среди местного населения. А.И. Вилькинс проводит четкий анализ достоинств и недостатков зарубежных (преимущественно американских и египетских) сортов хлопчатника, аргументирует вывод о том, что зеравшанский и ферганский хлопчатники из местных сортов больше подходят для производства, чем ташкентские сорта. На «пепелище» шелковичной школы он учреждает в 1885 г. «Опытную хлопковую плантацию», а также с «целью распространения в крае грены европейских пород» тутового шелкопряда при ней и гренажную станцию, именно ему принадлежит заслуга распространения в крае целлюлярной грены европейских пород, «благодаря чему шелководство быстро поднялось в Туркестане». А.И. Винкильс организовывал и руководил ежегодными съездами Туркестанских хлопковых плантаторов, на которых для «развития культуры высоких сортов хлопчатника в среднеазиатских условиях» проводил занятия по ознакомлению с американскими и другими сортами

²¹⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 10. Л. 1, 13.

хлопчатника. В 1888 г. им составлено «Руководство к культуре Американского хлопчатника в Туркестанском крае». С 1890 г. съезды плантаторов стали проводиться эпизодически, по мере необходимости распространения новой информации. Хлопководство к этому времени стало ведущей отраслью экономики края. Россия перестала зависеть от хлопкового импорта. В 1884 г. под посевы американских сортов хлопчатника было занято 205 десятин земли, в 1888 г. — 37137 десятин. «В этом быстром прогрессе хлопководства бесспорно принадлежит большая заслуга Александру Ильичу», — отмечала пресса.²¹⁷

Много внимания в эти годы А.И. Вилькинс уделял проблемам экологии, сохранности лесных массивов, птиц их населяющих, диких животных. Он выезжает в Зеравшанский округ, Ферганскую и Сырдарьинскую области для «осмотра» не только хлопковых полей, но и лесов, исследует ущелья Туркестанского хребта, изучает высокоствольные породы елей в Ауле-Атинском уезде, осматривает пихтовые леса в Таласской долине. В его обстоятельных, научно аргументированных докладных записках сквозит тревога по поводу хищнической вырубки лесов, истребления диких животных. В течение нескольких лет он следит за популяцией фазанов в Перовском уезде, где «уральцы промышляют сплавом леса до Казалинска, вырубая заросли и уничтожают дичь». Он требует от руководства края установить порядок в процессе вырубки лесов, разработать правила охоты, особое внимание обратить на урегулирование охоты на фазанов, а также проводит исследование причин высыхания лесов, изучает основные виды болезней, приводящих к расширению районов лесного сухостоя, рекомендует меры борьбы с ним. Лекции, с которыми нередко выступал ученый-натуралист, как и его публикации в периодических изданиях, всегда вызывали возбужденный интерес. В характеристике вопросов о явлениях в области органической жизни в основу своих гипотез им было положено учение о постоянстве физических сил в природе и сохраняемости энергии (потенциальной и кинетической).

Весной 1892 г. А.И. Вилькинс получил задание от нового начальника края генерала А.Б. Вревского доставить для зоологического международного конгресса в Москве некоторых туркестанских птиц и животных. Поручение было выполнено успешно. Но будучи делегирован на конгресс от Туркестана, он скончался в Москве после четырех дней болезни, 21.08.1892 г., «от удущья». Деятельность

²¹⁷ ЦГА РУз. Ф.И-1. Оп. 28. Д. 175. Л. 159, 161, 162 — 163; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 150; ТВ. 1892. № 35; № 36; № 39; № 40.

А.И. Вилькинса на благо общества была многогранной и плодотворной. Несмотря на временную отстраненность, он за усердие и достижения в исследовании края, энергичные труды по улучшению состояния его экономики, распространение передовых методов производства хлопчатника и разведение шелкопрядов, разработку и принятие мер к обеспечению сохранности и защите богатства среднеазиатской природы был награжден чинами, орденами, медалями, имел благодарности, состоял членом многих научных обществ, был уполномоченным Лейпцигского этнографического музея. При этом, как отмечали современники: «Науку стремился связать с мистицизмом, занимался экспериментальной телепатией, признавал медиумов и верил в материализацию духа». Возможно, причиной этого была ранняя смерть жены, утрату которой он переносил тяжело. Известный ученый-востоковед Б.В. Лунин с горечью отмечал, что «заслуги А.И. Вилькинса перед общественностью и наукой незаслуженно забыты».²¹⁸

Большие заслуги перед Туркестаном имела также деятельность сына купца, статского советника, химика Николая Богдановича Тейха (1839 — 1910 гг.). По окончании Дерптского университета в звании провизора фармации Н.Б. Тейх начал службу в 1866 г. лаборантом в Горном институте. После сдачи в 1869 г. экзамена на звание магистра в Медико-хирургической академии он был направлен в должности химика по горной части в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора и явился фактически организатором, а с 19.12.1869 г. заведующим первой горно-химической лаборатории в Туркестане, которой руководил до своей смерти около 30 лет. Для повышения квалификации и научного уровня в вопросах «судебно-медицинских, метеорологических и других знаний был командирован в С.-Петербург и Дерпт (июнь 1876 г. — январь 1877 г.). По распоряжению генерала М.Г. Черняева лаборатория была закрыта, не работала с декабря 1882 г. по февраль 1887 г. Однако свои исследования горных пород руд, угля, горючих сланцев, сплавов, земель, состава воды в источниках, озерах, арыках, колодцах, анализ качества продукции предприятий края он не прекращал и в это время. Он установил целебные свойства ташкентской минеральной воды, и ныне пользующейся большим спросом у населения, наладил ее производство. (В Ташкентском институте курортологии в 1954 г. состоялась выставка «Тейх Николай Богданович — первый химик Туркестана».) Н.Б. Тейх принимал активное участие в об-

²¹⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 295. Л. 247 — 258, 406.

щественной жизни города, был любим и уважаем его жителями, являлся членом Среднеазиатского ученого общества, членом многих комиссий, в частности, по выборам в Государственную думу в мае 1906 г., был секретарем Церковного совета Ташкентского евангелическо-лютеранского прихода. За свою разностороннюю деятельность неутомимый труженик был пожалован чинами и награжден многими орденами, в том числе орденом Св. Владимира 4-й степени.

Среди неутомимых исследователей края, честных тружеников на благо его развития можно назвать много немецких имен. По разному складывались судьбы этих энтузиастов, различной была доля их вклада в науку, неоднозначна и не всегда объективна оценка труда, определяемая им обществом, подверженным, как и во все времена, влиянию различных идей, взглядов, настроений. Но о значительной роли К.П. фон Кауфмана во всестороннем исследовании, изучении края и дальнейшем развитии различных отраслей науки говорят хотя бы те факты, что многие научные общества России, «желая выразить свое глубокое уважение к государственным и научным заслугам» и выражая надежду на то, «что и на будущее время» он не откажет в «содействии во всем, что может способствовать процветанию науки», избирали его своим Почетным членом и отмечали наградами. В 1873 г. К.П. фон Кауфман был избран Почетным членом С.-Петербургской АН. Когда Парижское Географическое общество, намереваясь провести весной 1876 г. Международный географический конгресс, направило в МИД России записку с предложением определить в состав Почетного комитета конгресса «лиц высокого общественного положения, известных в науке», в состав комитета от России была выдвинута кандидатура К.П. фон Кауфмана (а также П.П. Семенова и О.Я. Литке). Князь Орлов, сообщая К.П. фон Кауфману об избрании его представителем от России в состав Почетного комитета конгресса, отметил: «...в продолжении всего управления Туркестаном Вы являли себя самым просвещенным и ревностным покровителем наших исследований». П.П. Семенов, сообщая об этом решении от имени ИРГО пишет: «...я имею честь покорнейше просить Вас почтить меня уведомлением о Вашем согласии дать Ваше имя в список представителей России в Почетном Комитете Парижского Международного географического Конгресса».²¹⁹

²¹⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6336. Л. 1 — 3об.

А.В. Эвальд писал о К.П. фон Кауфмане: «Он принадлежал к небольшому числу тех редких людей, которых не заедает служебная рутина и которые через всю жизнь проносят неугасимый светоч юношеской веры в лучшее, <...> он подерживал и поощрял всякую свежую мысль, в какой бы области науки они не проявлялись. <...> К нему обращались многие за поддержкою в своих работах и никогда, никому он не отказывал в своем покровительстве».²²⁰ Но К.П. фон Кауфману приходилось решать и множество других проблем, актуальность которых в каждый момент определяла жизнь. Так, в начале 70-х годов XIX в. чрезвычайно острой становилась проблема отношений с Хивой.

²²⁰ Эвальд А.В. Воспоминания о К.П. фон Кауфмане // Исторический вестник. 1897. № 10.

ХИВИНСКИЙ ПОХОД

Стремление К.П. фон Кауфмана к установлению мирных отношений с соседями гордая Хива восприняла как подтверждение своей недоступности и недосыгаемости для русских. Она принимала всех недовольных продвижением русских войск, разжигала ненависть к русским, грабила русские караваны, не замечала набеги своих подданных на пограничные поселения соседей, уводила в рабство людей, устраивала невольничьи торги и именем хана вымогала подати с кочевых племен — подданных России. Изданное в 1869 г. новое «Положение об управлении в Уральской и Тургайской областях» вызвало волнения среди кочевников в Оренбургской степи. Через плато Устюрт в их кочевья шли вооруженные ханские посланники и подстрекали к выступлению против русских. Они внушали всем, что обитателей кочевий сначала переписут (что было предусмотрено новым положением), заставят построить постоянные села, обратят в чужую веру, заберут мужчин в солдаты и заставят отказаться от перекочевков. Хива вела переговоры с английскими эмиссарами, с турецким султаном, Бухарой, Кокандом, Кашгаром и Афганистаном о создании союза против России. К.П. фон Кауфман приходит к выводу о возможности только военного решения хивинского вопроса. Его поддерживают Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский и военный министр Д.А. Милютин. Между тем директор Азиатского департамента П.А. Стремоухов призывал «ни в коем случае не думать о военном походе в Хиву» и «вооружиться терпением», «дать обстоятельствам обрисоваться». С целью оказать воздействие на Хиву, К.П. фон Кауфман предложил высадить десант на восточное побережье Каспия и основать там русское укрепление. Идея была поддержана, 5.11.1869 г. из Баку выступил отряд под командованием полковника Н.Г. Столетова. Конницей в его отряде командовал Д.М. Скобелев. На побережье Муравьевской бухты Красноводского залива, на хивинской земле, была основана крепость Красноводск, быстро выросший вокруг нее город стал центром нового округа. Высадка русских войск на восточном побережье Каспийского моря ухудшила отношения с Хивой. Волнения кочевников то разгорались, то затухали и, захватывая новые районы, привели к нарушению движения почты по всему почтовому тракту Оренбург — Ташкент. К.П. фон Кауфман от-

правил хану Мухаммед-Рахиму осенью 1869 г. письмо, в котором, ссылаясь на пример Бухары и Коканда, еще раз отмечал необходимость «жить в мире», поддерживать «добрососедские отношения» и предоставить свободу торговли русским купцам. Заканчивалось письмо откровенным предупреждением о возможности в противном случае военного похода против Хивы. Но хан не слушал предупреждений, не внял советам некоторых своих старейшин «идти к русским с повинной», не отвечал на требования русских пограничных служб. К.П. фон Кауфман сообщает в Петербург о том, что в хивинском плену томятся сотни соотечественников и он располагает достоверными сведениями о существовании невольничьего рынка, откуда русских перепродают в Коканд и Персию. Существовал и ценник, по которому русские стоили гораздо дороже других рабов (мужчина — до 200 тиллей — 360 рублей, женщина — до 300 тиллей — 540 рублей). К.П. фон Кауфман пишет: «Не предрешая времени, мы должны идти на Хиву, хотя бы только для освобождения наших соотечественников, томящихся в тяжелой неволе». В 1871 г. он выдвинул в сторону Хивы отряд генерала Н.Н. Головачева. Это заставило Сеид-Мухаммед-Рахим-хана задуматься о своем положении. Но на новое послание К.П. фон Кауфмана последовал дерзкий ответ диван-беги: «Я не могу взять в толк, каким образом пять или десять русских, живущих в Хиве по дружбе, могут стать яблоком раздора?» От дальнейших действий по отношению к Хиве К.П. фон Кауфмана отвлекли события на востоке края в Кульдже и Кашгаре.

В Кашгарию в 1858 г. с караваном семипалатинского купца совершил поездку поручик царской армии Ч.Ч. Валиханов. В 1868 г. в ней побывал капитан Павел Яковлевич Рейнталь (1840 — 1882 гг.). Впоследствии именно он рассматривался в качестве возможной кандидатуры на должность первого русского консула в Кашгар. Он дважды был принят правителем Кашгара Якуб-беком, бывшим кокандским военачальником и правителем Ташкента, который сбежал в Восточный Туркестан, укрепился там, занял «своими сторожевыми постами всю Заилийскую местность», образовал государство Йеттишар (1867 — 1877 гг.) и также не пресекал набеги своих подданных на пограничные территории России. (После смерти Якуб-бека в 1877 г. Кашгар вновь был присоединен к Китаю.) Свои путевые заметки П.Я. Рейнталь опубликовал в 1870 г.²²¹

²²¹ Русские военные востоковеды до 1917 г. Сост. М.К. Басханов. М. 2005. С. 202; Рейнталь П.Я. Из путевых заметок о Нарыне и Кашгаре // Военный сборник. 1870. № 8. С. 384 — 388.

Волнения на границе и отсутствие ее четких определений заставили К.П. фон Кауфмана отдать приказ о сосредоточении войск в стратегически важных пунктах Семиреченской области на границе с Китаем. Но в Кашгар русские войска не пошли. Все более непредсказуемы и опасны для жителей края становились события в Кульдже. Плодородная чаша Кульджинского района Китая простиралась на восточной границе Туркестана у отрогов Тянь-Шаня, Куэнь-Луня и подножья Памира. Для русских товаров Кульджа была открыта после 1851 г., когда был подписан договор между Россией и Китаем. Впервые из российских поданных под видом купца в составе дипломатической миссии в 1856 г. в Кульдже побывал Чокан Валиханов. Восстания уйгур (таракчинцев) и дунган — мусульман — против китайских властей были нередки. Очередное, начавшееся в 1864 г., вспыхнуло с новой силой в 1870 г. Беспорядки в Кульдже нарушали спокойствие приграничных поселений казаков Семиречья и вынуждали к экстремному принятию мер на востоке Туркестана. Восстание было явно инспирировано (в соседний Кашгар прибыли из Англии 300 мастеров по изготовлению оружия). Волнения вызвали хаос и разгул разбойничьих шаек. Разбой, разорение селений перекинулись на русские территории, русские торговые караваны подвергались грабежам. Китайские власти смотрели на это, что называется, «сквозь пальцы». К.П. фон Кауфман, считаясь с многолюдным Китаем, полагал необходимым избегать военного конфликта с цинским государством и не хотел действовать силой оружия.²²²

Военный губернатор Семиреченской области генерал Г.А. Колпаковский отправлял в Ташкент одну телеграмму за другой, требуя уточнить пограничные территории, так как казачьи поселения уже давно продвинулись за пределы отмеченной границы, а беспорядки в Кульдже отражаются на торговле и престиже русских в Центральной Азии. В мае-июне 1870 г. К.П. фон Кауфман побывал в Семиречье и сделал выводы, имеющие далеко идущие последствия. Он пишет министру иностранных дел А.М. Горчакову: «...положение на границе ухудшается, < в связи с этим > полагал бы необходимым теперь же, не теряя времени и не дожидаясь прихода сюда китайских правительственных войск, принять какие-нибудь решительные меры к устранению причин, уничтожающих в последнее время всякую нашу торговлю с Западным Китаем и постепенно подрывающих наше вековое значение в глазах киргиз. <...> Мы за-

²²² Чижов Б.И. Генерал-адъютант... С. 11.

няли весь край, начиная от Сергополя до озера Иссык-Куль, исключительно в видах обеспечения нашей торговли с Чучугаком, и теперь, после 30-летних трудов и затрат, достигнув, наконец, спокойствия в Степи и устроив хорошее и безопасное почтовое сообщение с Сибирью, все наши старания оказались тщетными, и мы оказались как бы на краю света. <...> Разрушена торговля, на границе не прекращаются грабежи. <...> Мы теперь же должны — как для пользы наших среднеазиатских владений, так в особенности для восстановления упавшей торговли нашей с Западным Китаем — помочь Китаю в усмирении этих отдаленных провинций, хотя бы непосредственным вмешательством нашим в дела таракчей и дунган и в избавлении на первое время прежней Илийской провинции от власти таракчинского султана. <...> Другого выхода из этого безотрадного положения, в которое нас поставило дунганское восстание, я не вижу». В расширении торговых оборотов он видел важнейший показатель стабильности добрососедских отношений стран. Осенью 1870 г. в Кульджу был откомандирован капитан А.В. Каульбарс. Вождь восставших султан Абильоглы принял его «благодарно» и многое наобещал, но в письме к генералу Г.А. Колпаковскому заявил свои претензии, не подтвердив обещания. К.П. фон Кауфман решает: «Не нужно ждать китайские войска, немедленно занять Кульджу, объяснив китайскому правительству, что им будет возвращен этот город, как только явится на то уполномоченное от них лицо». Никаких планов включать эту территорию в состав Российской империи не было. Инициатива ввода войск в Кульджу исходила исключительно от местной русской власти, и правительство одобрило эту операцию при условии передачи в будущем Кульджи Китаю. Положение дел на границе накалилось до предела, и 14.07.1871 г. К.П. фон Кауфман отправил в Кульджу отряд под командованием генерала Г.А. Колпаковского, 22 июля султан Абильоглы вручил генералу ключи от города. Китаю было заявлено, что территория занята временно с целью предотвращения беспорядков и прекращения резни буддистов и мусульман. Порядок был восстановлен, и население, вернувшееся под защитой русских войск к своим мирным занятиям, успокоилось, китайские войска начали постепенно занимать провинцию. Восставшие мусульмане, опасаясь мести, начали тысячами переселяться во вновь завоеванные Россией области Туркестана. Их нужно было кормить и уstraивать. Китайцы требовали выдачи беглецов, на что К.П. фон Кауфман ответил решительным отказом и этим сразу привлек сердца беженцев.

Дипломатическая казуистика в течение последующих 10 лет не способствовала обоюдоприемлемому решению вопроса о Кульдже. Генерал Г.А. Колпаковский вообще отстаивал мнение, что край возвращать Китаю нельзя, так как мусульмане Кульджи окажутся заложниками и по вековой китайской традиции могут быть поголовно вырезаны. К тому же Кульджа — важный стратегический пункт и может служить естественным рубежом. К.П. фон Кауфман поддерживал его мнение, но необходимо было считаться с Китаем, учитывать ежегодный многомиллионный торговый оборот с ним, наличие значительно превосходящей по численности и качеству вооружения армии. Кроме того, не очень четкой была и граница с соседним Кашгаром. В октябре 1871 г. генерал Г.А. Колпаковский предоставил очередную докладную записку «Об экспедиции в Кашгар» для защиты южных границ, поселений казаков Семиречья в Заилийском крае и возможного военного похода в Кашгар. Но вопрос о Кашгаре, так же как и о Кульдже, оставался открытым. И хотя К.П. фон Кауфман был постоянно в курсе всех событий на восточной границе Туркестана, в год 300-летия Сибирского казачьего войска принял участие в торжественном богослужении в Больше-Алмаатинской станичной церкви, в крестном ходе вокруг Алмаатинской станицы, 18.07.1872 г. был причислен к Семиреченскому казачьему войску и имел казачий мундир, его все больше и острее волновали отношения с Хивой. Он продолжал готовиться к походу на Хиву и, являясь наиболее последовательным сторонником наступательной позиции, упорно добивался санкции С.-Петербурга на военную экспедицию против Хивы, разъяснял чиновникам внешнеполитического ведомства, что «сохранение некоторое время спокойствия и мира» возможно только в том случае, если хан обеспечит безопасность русской торговли в Хиве, накажет участников нападения на русские караваны, перестанет вмешиваться в дела казахских племен. Он отмечал, что с Хивой должны быть установлены другие отношения. «Выжидательная политика России оказалась неприемлемой для этой страны. <...> Хива не признает силы России, продолжает выступать против нее <...> и это влияет самым невыгодным образом на развитие нашей среднеазиатской торговли. <...> Неприязненное отношение к нам Хивы усложняет всеобщее наше положение в Средней Азии и мешает делу устройства наших степных областей». Он предлагал «нанести самый решительный удар по Хиве, но не присоединять ханство к российским владениям». Сторонников военной операции было немало, но дипломатические чиновники традиционно опасались реакции Англии. Рус-

ский дипломат в Лондоне, давний недруг К.П. фон Кауфмана граф П.А. Шувалов даже заявил, что Хива не будет присоединена к России, а П.А. Стремоухов не только продолжал призывы к долготерпению и ожиданию пока хан «не осознает всего», но и свидетельствовал Д.А. Милютину о том, что данные о положении на границе с Хивой не совсем верны и действия хивинцев не так уж и враждебны.

Прошел почти год бесконечной переписки сторонников обеих позиций при упорном игнорировании одной из сторон реальной действительности, пока в результате англо-российских переговоров в конце 1872 г. сложилась ситуация, когда Россия согласилась на присоединение Бадахшана к Афганистану, а Англия признала Хиву «сферой влияния» России. В начале декабря этого же года состоялось особое совещание руководителей ведомств, губернаторов Оренбургского и Туркестанского краев и наместника Кавказа. Было принято решение о военном походе в Хиву и о разработке соответствующего плана. Неудачные походы 1717 и 1839 гг. в Хиву показали, что в основе всякого военного действия против нее должно быть подробное изучение окружающих Хиву степей. Геодезические и топографические исследования этих территорий проводились постоянно одновременно с движением частей русской армии. На основании анализа данных многих военно-научных экспедиций и был разработан план военной экспедиции. «Поход предстоял высшей категории трудности. К тому времени в России были известны и проанализированы труднейшие экспедиции французских войск в Египет и Алжир, а также английских в Индию и Афганистан, но они не шли ни в какое сравнение с планируемой экспедицией в Хиву. Строго говоря, нужно было победить не хивинцев — противника заведомо слабого, а их могущественного союзника — Великую Степь», — подчеркивает Е.А. Глущенко.²²³ Хива по численности населения уступала Бухарскому эмирату.

К.П. фон Кауфман сделал существенные замечания по подготовленному плану. Посчитав его предложения весьма целесообразными, император внес коррективы в первоначальный расклад сил и состав руководства экспедицией и своим окончательным решением возложил все руководство походом на К.П. фон Кауфмана и Туркестанский отряд определил как главный в нем. Извещая о своем решении назначить К.П. фон Кауфмана «главным начальником всех войск», Александр II произнес: «Кауфман, возьми мне Хиву!» Учитывая опыт предыдущих походов и знания о степи, приобретенные в последующие годы, составители

²²³ Глущенко Е. Герои империи... С. 81.

плана пришли к решению организовать несколько отрядов такой силы, чтобы каждый из них отдельно в состоянии был овладеть ханством, и определили время выступления — ранняя весна 1873 г. Целесообразность этой меры определялась и тем, что ни один из путей не был хорошо изучен.²²⁴

Выступали к Хиве с двух сторон: западной и восточной, четырьмя колоннами — всего около 13 тыс. человек. Оренбургским отрядом, который выступил в начале января 1873 г. и шел старым самым длинным (1400 верст), но и самым безопасным, обеспеченным довольствием путем, командовал губернатор Уральской области генерал-лейтенант Н.А.Веревкин (3474 человека), «солдаты шли в полушубках с меховыми воротниками и в валенках, обшитых кожей». В походе с ним за 25 верст до Хивы 14 мая соединился Мангышлакский отряд под руководством полковника Н.П. Ломакина, перешедший плато Устюрт в 50-градусный мороз.

Красноводский отряд под командованием полковника В.И. Маркозова, выступив в середине марта, до Хивы не дошел. Пустыня встала непреодолимой преградой, из приблизительно 800 верст пути на нее приходилось около 700 верст. Страшная жара — «к полудню градусник показал 52 градуса, после чего лопнул», известковая пыль стояла «густым облаком», «сквозь эту непроницаемую мглу солнце казалось неподвижным, раскаленным ядром, лишенным лучей», «лошади падали десятками», «люди бросали фураж, сухари, одежду, патроны, даже ружья, дальше стали раздеваться, швырять одежду». «Одни зарывались в песок, чтобы из глубины вздохнуть воздуха; другие в забытьи бродили по сторонам, точно отыскивая воду», — так описывает путь отряда русский военный историк конца XIX в. К.К. Абаза. В средних числах мая отряд В.И. Маркозова возвратился в Красноводск. «Пройденный путь обозначился трупами палых верблюдов, баранов и лошадей <...> Лошади погибли все, верблюдов уцелело менее половины: из 3 тысяч — 1400».²²⁵

Самый большой Туркестанский отряд (5300 человек, 1650 лошадей, 10 тысяч верблюдов) шел самым рискованным и трудным путем через песчаную одну из самых страшных — в Азии — пустыню Кызыл-Кум. Оренбургский отряд уже выступил в поход, когда в Ташкент пришло известие об экспедиции в Хиву. К.П. фон Кауфман был еще в Петербурге. Он вернулся 20 февраля, и началось

²²⁴ ТС. № 83. С. 62.

²²⁵ Абаза К.К. Завоевание Туркестана... С. 148 — 151.

спешное завершение подготовки к походу. План экспедиции Туркестанского отряда разработал начальник штаба ТВО генерал-майор А.И. Мозель так, чтобы не заходить в пределы Бухарского эмирата. Но эмир сам выслал своих сарбазов для участия в экспедиции и отдал приказ зависящим от него бекам готовить фураж, топливо и воду для отряда, когда он будет проходить по их территории. Как командующий всей экспедицией, К.П. фон Кауфман 28.02.1873 г. торжественно принимал парад войск Ташкентского гарнизона, выступающего в поход. На параде присутствовали жители не только русской части города, но и старого города. Ташкентские войска выступили 1-го марта и последовали к Джизаку. К.П. фон Кауфман, опытный военачальник, всегда особенно беспокоился о солдатах, о состоянии здоровья подчиненных. Он тщательно продумал режим быта людей в походной обстановке, в различных погодных условиях и приказал разработать специальную подробнейшую инструкцию по распорядку дня и правилам жизни людей в походе. Она содержала 30 пунктов на 14 страницах наставлений для офицеров в отношении их к солдатам. При отряде был лазарет с довольно многочисленным составом медперсонала, для перевозки больных — специально подготовленные носилки. За это внимание к ним солдаты платили командующему взаимной любовью и уважением.²²⁶ «При подготовке экспедиции Кауфман проявил себя и как военный инженер. По его собственным чертежам еще с 1871 г. на Волге и верфи Аральской флотилии изготовлялись железные понтоны: один понтон составлялся из четырех ящиков, свинчивающихся винтами». Они использовались при переправе через Амударью.²²⁷ Туркестанский отряд выступал 13 марта двумя колоннами: одна из Казалинска, другая из Джизака, в ней и находился К.П. фон Кауфман. Начальником полевого штаба был назначен генерал В.Н. Троцкий (1836 — 1901 гг.). В числе участников похода также были: великий князь, младший брат императора Александра II и внук императора Николая I Николай Константинович Романов (1850 — 1918 гг.), находившийся до конца своих дней в Ташкенте в своеобразной ссылке; князь, 5-й герцог Лейхтенбергский, внук императора Николая I Евгений Максимилианович Романовский (1847 — 1901 гг.); американский журналист (New Volk) ирландского происхождения из штата Огайо, участник Парижской Коммуны «коренастый рыжеволосый» Артур Макгахан (1834 — 1878 гг.); «освободитель болгар», будущий военный министр Болгарии,

²²⁶ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. II. СПб. 1906. С. 156 — 157.

²²⁷ Глущенко Е. Герои империи... С. 84.

организатор болгарских вооруженных сил, затем Уссурийского войска (1889 г.) Генерального штаба капитан В.Г. Золотарев (1837 — 1891 гг.) и прусский поручик Штумм.²²⁸ Туркестанскому отряду «пришлось вынести всю тяжесть континентального климата — сперва резкий холод, затем в апреле ужасный зной».²²⁹ Но и в этом изнурительном походе не были забыты вековые традиции, 7 апреля священник о. Малов совершил торжественное богослужение. Войска отметили праздник Пасхи. «Претерпевая те же беды: и холод, и зной особенно в песках Кызыл-Кума, обе колонны в конце апреля (24.04.1873 г.) соединились у многоводных колодцев Хал-Ата, где по всем правилам инженерного искусства были построены солдатами укрепление им. Святого Георгия и сторожевая башня с высоко поднятым русским флагом, оставлена рота солдат и большая часть груза. <...> Пески сменялись такырами (такыр — неплодородная подсолонная, до гладкости отполированная ветром глинистая почва), дневная жара — ночным, пронизывающим до костей холодом. <...> Палящий зной сжигал кожу, ветер высушивал ее, руки и ноги отказывались двигаться, но магическое слово «Близко колодец!» поддерживало людей. Ни платье, ни палатки не защищали от урагана песку, навевавшего еще большие зной и удушье вместо прохлады», — описывал К.К. Абаза.²³⁰ Каких гигантских усилий стоило войскам движение к Хиве, видно из продиктованного самим К.П. фон Кауфманом описания положения отряда в дикой и самой опасной пустынной части пути между Хал-Ата и Амударьей, названной «Адам Крылган»: «Адам Крылган» представляет поразительно оригинальную местность. Это необозримое море песку. С одной стороны — высокие холмы, как волны, взбитые на эту высоту страшными бурями, с другой — тоже волны, разбежавшиеся мелкой зыбью точно тихое озеро, которое рябит западный ветер. В воздухе — ни птицы, на земле — ни растения, ни насекомого, только местами следы разрушенной, уничтоженной жизни в виде белеющих костей людей и животных. И над всем этим песчаным морем — южное, глущее солнце, сильно накаляющее песок. <...> Самая опасная из форм пустыни — это текучие барханы, передвигающиеся пески. «Адам-Крылган» в переводе значит «гибель человека», местные жители называли эту часть пустыни «Страна смерти». <...> Ощущения человека, томимого жаждой, движущегося шаг за шагом возле своих навьюченных животных, невозможно ни описать, ни представить себе. <...> Сердце щемило у каж-

²²⁸ ТС. № 86. С. 88.

²²⁹ История Русской армии... С. 291.

²³⁰ ТС. № 147. С. 12.

дого, плохо чувствовалось всем в стране смерти. Вода в колодце Аши-Кудук настолько отвратительна и представляла собой какую-то густую, грязную, вонючую жидкость, что даже неприхотливые, неразборчивые верблюды, несмотря на томившую их жажду, подходили к колодцу, наклоняли в него свои морды, но тот час же с гримасами отвращения отворачивали головы и, медленно качаясь из стороны в сторону, отходили прочь. Солдаты изумляли азиатов, бывших при отрядах. Посланники Коканда и Бухары бывшие, в свите, выражали изумление и говорили, что люди сами по себе в подобной обстановке не могут ходить пешком, как идут русские солдаты. «Их несут святые» — вот на каком заключении остановился пораженный виденным фанатично настроенный улем. <...> Накалившийся песок жег углем. <...> При полном затишье в воздухе температура поднялась за 40 градусов. Жажда томила людей и животных. Из арьергарда стали приходиться зловещие донесения: «Верблюды не идут, множество их падает». Решено было сжечь походное имущество, <...> запылали кибитки, сундуки, кошмы, мешки, вещи. <...> Уничтожение имущества совершалось ни один раз. Для спасения артиллерийских запасов и воды люди освобождают верблюдов, сбрасывая прочь вьюки и предавая их огню. Воды осталось на полтора дня. Последовал приказ: «Запас растянуть на три дня». Нижние чины несли на руках мешки с порохом и артиллерийскими снарядами, снятыми с павших верблюдов. Снова было решено уничтожить и сжечь все тяжести, в которых не встречалось насущной потребности. Снова запылали костры, клубясь тяжелым дымом и распространяя над позицией невыносимый смрад, заражающий и без того удушливый, знойный воздух. <...> Бивак представ-

лял собой мрачную картину: истомленные тяжелым переходом, мучимые жаждой, с запекшимися губами люди, измученные, исхудалые, с мутными глазами лошади, верблюды, эти умные животные, смотревшие по сторонам и как бы взы-

*Хивинский поход 1873 г. Через пески к колодцам Адам-Крылган.
Художник Н.Н. Карзин. 1888. Гос. Русский музей.*

вавшие о помощи, дымящиеся костры. И над всем этим — то же палящее солнце, а под ногами — раскаленный песок. Будущее начинало представляться весьма серьезно и мрачно».²³¹

Преодоление «Страны смерти» в Кызыл-Кумах перед выходом к Амударье было самым тяжелым временем для измотанного пустыней отряда. Особенно тяжелыми были дни 3 и 4 мая. «Отряд не мог продолжать движение, отряд не шел, а полз, переваливаясь с одной песчаной гряды на другую. Несколько раз генерал, желая ободрить войска, пропускал их мимо себя, опять их обгонял и опять пропускал», — описывал К.К. Абаза день 3 мая. Головная часть отряда стала на привал в 10 часов утра, а арьергард подошел лишь в 5 часов вечера; конница еле дотащилась ночью. На этом привале сожгли все излишние тяжести, все, без чего можно было обойтись: офицерские палатки, в том числе и палатку генерала, походные кровати, мундиры, белье, запасные сапоги, крупу, штурмовые лестницы, часть понтонов зарыли в землю. Затем оставалось решить роковой вопрос: что же делать дальше?

Продолжать движение при суточном запасе воды значило погубить отряд; отступить — еще хуже, просто позорно: исчезла бы вера в неодолимость русских, и тогда вся Средняя Азия поднялась бы как один человек. Как ни жутко приходилось изнуренным солдатам и офицерам, лежавшим теперь в забытьи, но положение генерала было в десять раз хуже: он страдал не только за жизнь вверенных ему людей, но за будущность всего края, им сплоченного, им устроенного», — отмечал историк. Генерал М.А. Терентьев же (не будучи участником похода) в своей работе «История завоевания Средней Азии», описывая Хивинский поход и положение Туркестанского отряда, подчеркивал: «Кауфман чуть не погубил отряд».²³² Между тем участники похода в многочисленных воспоминаниях, публикациях, воссоздающие в подробнейших деталях картину трагического положения отряда, устрашающих (и не только) действий хивинских войск, пытающихся морально и физически уничтожить отряд, стоического поведения солдат и офицеров, слаженно действовавших в столь губительной для человека природной обстановке, позиции и действий командующего в каждый момент этого труднейшего двенадцатидневного периода Хивинского похода, указывают на то, что именно решительность, находчивость, умение четко ориентироваться

²³¹ ТС. № 422. С. 83 — 86.

²³² Абаза К.К. Завоевание Туркестана... С. 160; Терентьев М.А. История завоевания... С. 233.

в сложных ситуациях, присущие командующему, спасли отряд. Востоковед А.А. Семенов в отношении труда М.А. Терентьева специально подчеркивает: «последним источником следует пользоваться осторожно, ход событий хотя в общем и верно изложен, но Кауфман, которым автор имел личные причины быть недовольным, выставлен в совсем другом свете, чем он рисуется по документам».

Описания предпринятых разведывательных мер лазутчиками из числа казахов и киргиз, бывших при отряде К.П. фон Кауфмана, широко известны, стали легендой. К.К. Абаза пишет об одном джигите, другие указывают на несколько человек, которых призвал командующий, обещав каждому, кто принесет свежий камыш, 100 рублей. Джигит, как пишет К.К. Абаза, «шел отомстить хивинцам, которые умертвили его жену и детей, а братьев и отца продали в рабство. <...> Ему дали лучшую лошадь, <...> в светлую лунную ночь джигит вихрем умчался в пустыню. Прошло два часа, мучительных, страшных. Вдруг гробовая тишина этого живого кладбища сразу была нарушена криками неудержимой радости: «Вода, вода!»

Принесенная вода была мутная, невкусная, но все же вода. За 6 верст от караванного пути оказались колодцы, известные под названием «Алты-Кудук» («Шесть колодцев»). В ту же ночь отряд передвинулся на эту стоянку. Отряд был спасен». ²³³ «Находчивость Кауфмана выручила отряд. Отряд был спасен», — от-

мечает и историк Б. Чижов. ²³⁴ Ханские войска пытались помешать движению русских войск: внезапные нападения на лагерь, перестрелки, угрожающие атаки и столь же внезапные отступления наездников, боевые

*Первое появление русских войск на Амударье. Переправа Туркестанского отряда у Шейх-арыка.
Художник Н.Н. Каразин*

²³³ Абаза К.К. Завоевание Туркестана... С. 160.

²³⁴ Чижов Б.И. Генерал-адъютант... С. 13.

схватки, сопровождение движущихся колонн на расстоянии, попытки отогнать верблюдов были не редкость. Но успех операции был очевиден, 12 мая отряд вышел к р. Амударье.²³⁵

Несмотря на отсутствие связи между отрядами, идущими к Хиве с разных сторон, они подошли к городу почти одновременно. Соединенный Оренбургско-Мангышлакский отряд под командованием генерала Н.А. Веревкина подошел к Хиве на сутки раньше отряда К.П. фон Кауфмана и, взяв сады, начал обстрел города. Хан Мухаммед-Рахим, оставив весь свой гарем, бежал к туркменам йомудам в Хазават. К.П. фон Кауфман издал приказ: «Не стрелять, если хивинцы не будут делать этого».²³⁶ Он рекомендовал генералу Н.А. Веревкину не спешить со штурмом, предложил горожанам сдаться и гарантировал непроведение карательных акций. Еще приближаясь к городу по территории ханства, он распространял среди местных жителей через отпущенных пленных или специальных посланцев прокламации, в которых объяснял, что отряд пришел в Хиву только для наказания хана давно проявлявшего недружелюбие к России, а не против мирных жителей, и не тронет их имущества. Солдатам под страхом смертной казни запретил мародерство: «Я строго воспрещаю обижать мирное население и брать у него что-либо бесплатно и произвольно». В исполнении приказа был «вполне уверен» и рассчитывал на то, что «собственно войска мне никогда не придется укорять в нарушении принятого мною по отношению к мирному населению права, которое я объявил жителям Хивинского ханства в моей прокламации к ним».²³⁷ Догнавший Туркестанский отряд американский журналист Макгахан отмечал: «Да, говоря правду, я и сам удивлен был сдержанностью русских и строгой законностью, руководившей всеми их действиями».²³⁸ Еще по мере приближения отряда к городу к командиру все чаще и чаще приезжали делегации от хана, первоначально требуя убраться из пределов ханства, затем заверяя в дружеских чувствах и излагая просьбу прекратить стрельбу. К.П. фон Кауфман с отрядом встал лагерем в полупереходе от Хивы. Он получил известие о том, что часть жителей города решила распахнуть ворота, но генерал Н.А. Веревкин 28 мая пошел на штурм в сторону северных Шахабадских ворот. Как писал В.В. Верещагин: «Он повел солдат на штурм города Хивы с одной стороны (северной), в то время как с другой городская депутация выходила с хле-

²³⁵ Лобысевич Ф.И. Описание Хивинского похода 1873 года. СПб. 1898. С. 172 — 173.

²³⁶ ТС. № 86. С. 88.

²³⁷ Лобысевич Ф.И. Описание... С. 202, 205; ТС. № 87. С. 89 — 90.

²³⁸ Макгахан. Военные действия на Оксу и падение Хивы. Пер. с англ. М. 1875. С. 133.

бом и солью для выражения командующему войсками полной и безусловной покорности». Штурм прошел не совсем удачно. Генерал Н.А. Веревкин был ранен в лицо, солдатская цепь понесла потери и вынуждена была отступить. Однако отряд М.Д. Скобелева, командовавшего разведкой при штурме, прорвался в пробитую брешь и, несмотря на приказ своего начальства «стоять на месте и не лезть вперед», стал продвигаться к ханскому дворцу, считая, что его взятие будет означать овладение сердцем ханства. М.Д. Скобелев довел людей до ханского дворца, где его встретили седобородые аксакалы со словами: «Мы сдали город без боя». Генерал М.А. Терентьев назвал бои под Хивой «перепалкой». К.П. фон Кауфман отправил генералу Н.А. Веревкину указание о прекращении боя.²³⁹ Командующий был возмущен самовольными действиями М.Д. Скобелева. Слово, данное населению, было для него делом чести, и это нарушение он воспринимал как личное оскорбление. Занятие Хивы произошло без боя, она пала 29.05.1873 г. Жители города отправили к К.П. фон Кауфману, находящемуся в 8 верстах от города, посольство с выражением покорности, а к генералу Н.А. Веревкину депутатов с просьбой прекратить обстрел. Утром войска Н.А. Веревкина соединились с Туркестанским отрядом в 6 верстах от города. Их встречала почетная депутация. Начались переговоры о сдаче Хивы и условиях капитуляции. В два часа дня русские войска торжественно, чеканя шаг, с развернутыми знаменами в безукоризненно чистом обмундировании под звуки марша вошли в город. Перед цитаделью, на небольшой площади прошел традиционный смотр войскам. К.П. фон Кауфман в парадной форме объезжал выстроенные отряды и взволнованно поздравлял солдат и офицеров с победой, благодарил за службу, труды, выносливость и доверие к своим командирам. «Кауфман, — писал американский журналист А.Макгахан, — говорил о своих солдатах чуть ли не со слезами на глазах. По его словам, никакой другой солдат в целом мире не вынес бы того, чему русский солдат подвергся в этом походе. И я вполне разделяю его мнение на этот счет».²⁴⁰ «То был звездный час ярым падшо, невысокого, лысого человека с веселыми голубыми глазами, который имел 55 лет от роду, расстроенное на Кавказе здоровье, за три месяца прошел страшные, безводные пустыни, деля тяготы со своими сотоварищами-подчиненными. Они не подвели друг друга», — отметит Е.А. Глущенко.²⁴¹

²³⁹ Глущенко Е. Герои империи... С. 102; Терентьев М.А. История завоевания... С. 258.

²⁴⁰ Макгахан. Военные действия на Оксу... С. 128.

²⁴¹ Глущенко Е. Герои империи... С. 103.

К.П. фон Кауфман исполнил просьбу императора, совершил то, что до него не мог сделать никто, и третий поход на Хиву завершился триумфом русского оружия. День 30.05.1873 г. был встречен громом хивинских пушек, салютовавших 201-й годовщине со дня рождения императора Петра I (28.05/9.06.1672 г.) и признанию хана Хивы слугой российского царя. К.П. фон Кауфман отправил корпус в Ташкент с депешей на имя Александра II о взятии Хивы. Из Ташкента, который 29.06.1873 г. был соединен телеграфом с Европейской Россией через Западную Сибирь и Верный, она ушла в Европейскую Россию как телеграмма № 1. В войсках отслужили панихиду за упокой души императора Петра I и воинов, погибших в походе. В Ташкенте на церковной площади 17 июля был отслужен благодарственный молебен. Русское войско, изнуренное тяжелым походом, было крайне утомлено и в случае сопротивления всего населения могло бы остаться без продовольствия, не сохранить за собой победу. Но, как отмечали участники похода, «в Хиве более чем в каком-либо другом владении края население отличается полнейшей апатией и равнодушием ко всему, что выходит из узкие рамки их личных интересов и противостояние русской армии и войск хана было изолировано от народа. А великодушие к побежденным и деликатность в отношении к жителям города русских воинов вызвали к ним доверие как к защитникам. <...> Выступление войск против нас было вполне изолировано от народа». Жизнь в городе вскоре вошла в нормальное русло.²⁴²

Не желая долго оставаться в Хиве и не ставя цель присоединения территории ханства к России, К.П. фон Кауфман отправил послов к хану с предложением вернуться в город и принять от него управление ханством в свои руки. Сеид-Мухаммед-Рахим-Богадур-хан 2 июня прибыл в лагерь русских войск, расположенный под стенами столицы в Гендемианском саду, вблизи Шура-хана на правом берегу р. Амударья. Он выразил готовность исполнить все требования и условия, которые будут ему предложены командующим войсками. В воспоминаниях А. Макгахана отражены некоторые подробности прошедших переговоров. К.П. фон Кауфман сказал Сеид-Мухаммед-Рахиму: «Если бы Вы послушались моего совета три года назад и исполнили бы тогда те справедливые требования, то никогда не видели бы меня здесь.

Удовольствие видеть ярым-падишаха так велико, что я не мог бы желать какой-либо перемены, — ответил хан.

²⁴² ТС. № 83. С. 124.

Кауфман рассмеялся: «Могу уверить Вас, хан, что в этом случае удовольствие взаимно. <...> Что Вы будете делать? Что думаете предпринять?»

— Я предоставляю это решать Вам, Вашей великой мудрости. Мне же остается пожелать одного — быть слугой великого Белого царя.

— Очень хорошо. Если хотите, Вы можете быть не слугой, а другом. Это зависит от Вас.<...> Великий Белый царь слишком велик, чтобы мстить Вам. Показав Вам свое могущество, он готов теперь простить Вас и оставить по-прежнему на престоле при известных условиях, о которых мы с Вами, хан, поговорим в другой раз.

— Я знаю, что делал очень дурно, не уступая справедливым требованиям русских, но тогда я не понимал дела. И мне давали дурные советы. <...> Я благодарю великого Белого царя и славного ярым-падишаха за их великую мудрость и снисхождение ко мне и всегда буду их другом.

— Теперь Вы можете возвращаться в свою столицу как хан. Восстановите свое правление, судите свой народ и охраняйте порядок. Скажите своим подданным, чтобы они принимались за труды и занятия, никто их не тронет, скажите им, что русские не разбойники и не грабители, а честные люди, что они не тронут их жен и имущества». ²⁴³

Хан — «крепкий», «могучий», тридцатилетний молодой человек, увлекающийся соколиной охотой, действительно, «не понимал дела», поскольку он и не вникал в него, но те рекомендации, которые давали ему К.П. фон Кауфман, его подчиненные — специалисты по различным вопросам, он быстро впитывал и в дальнейшем неукоснительно следовал им. К.П. фон Кауфман первым делом потребовал, чтобы хан издал указ об отмене рабства. Уже через две недели после падения Хивы, 12.06.1873 г., на главных площадях и базарах столицы, с минарета дворцовой площади раздались голоса мулл и глашатаев, возвещавших ханский ферман: «Я, Сеид-Мухаммед-Рахим-Бахадур-хан, во имя глубокого уважения к Российской империи, повелеваю всем моим подданным предоставить всем рабам моего ханства полную свободу. Отныне рабство в моем ханстве уничтожается на вечные времена. Пусть это человеколюбивое дело послужит залогом вечной дружбы и уважения всего славного моего народа к великому народу русскому». ²⁴⁴

²⁴³ Макгахан. Военные действия на Оксу... С. 202 — 203.

²⁴⁴ ТС. № 546. С. 113.

В Хиве началось немедленное освобождение, по разным источникам, от 27 до 40 тыс. рабов, закованных в цепи, томящихся в ужасных условиях в неволе (преимущественно персов и русских). Отныне купля-продажа людей запрещалась под страхом смерти. Не все проходило гладко. Часть рабов-персов, освободившись, начала мстить своим поработителям. К.П. фон Кауфман быстро навел порядок, пресек мародерство, пообещал вывести бывших рабов за пределы ханства и сделал это. Все подданные Сеид-Мухаммеда подчинились новому положению, за исключением большинства родов туркмен-йомудов, которые вели полукочевой образ жизни, жили грабежами и продажей на невольничьих рынках «живого товара». Свободолюбивые и гордые, они всегда были верны хану, готовы в любое время выступить на его защиту, но «допускали хана лишь как номинального правителя, не признавая ни власти над собой, ни своего подчинения ему».²⁴⁵

Они не отпустили ни одного раба, не признали требование К.П. фон Кауфмана об уплате в течение двух недель контрибуции в размере более 500 тыс. рублей, отказались прислать довольствие для русских войск и допускали даже наезды на лагеря и русские посты. К.П. фон Кауфман понимал, что неповиновение будет еще более сильным после того, как русские войска уйдут из Хивы. Слишком тяжела и многозатратна была Хивинская экспедиция, чтобы допустить возможность искажения ее результатов в дальнейшем. Для решения вопроса с йомудами и для сбора контрибуции из Хивы выступили два отряда: Оренбургский — на Куня-Ургенч, и майора Н.Н. Головачева — к Хазавату. Майор Н.Н. Головачев шлет донесение о том, что йомуды не только не приступили к сбору контрибуции, но «даже намерены отразить русских силой». К.П. фон Кауфман в ответ предписывает: «...если йомуды не занимаются сбором контрибуции, а собираются дать войскам отпор <...> предать эти кочевья йомудов и семьи их полному и совершенному разорению и истреблению, а имущество их, стада и прочее конфискации».²⁴⁶

Мировая пресса того времени, военные историки прошлого и наших дней неоднозначно оценивают и распоряжение К.П. фон Кауфмана, и действия Н.Н. Головачева. Верный и преданный слуга великодержавного царя К.П. фон Кауфман всегда отстаивал интересы государства и не мог поступить иначе, не мог оставить у себя за спиной почти 180-тысячное племя воинственных и жестоких степняков, не при-

²⁴⁵ ТС. № 87. С. 101.

²⁴⁶ Терентьев М.А. История завоевания... С. 269.

знавших власть царского наместника в столь отдаленном крае. Проявление жестокости русских, о которой трубила иностранная пресса, относилось только к одному племени йомудов, о варварских, жестоких нравах которого ходили легенды, имевшем значительное численное превосходство, прекрасный конный состав, отличное знание местности, к тому же «карательные меры коснулись далеко не всех и вскоре были прекращены». Вся экспедиция была недолгой, продолжалась, включая время на дорогу и разведку, с 6 по 17 августа. При этом солдаты не знали, что именно это племя сто лет тому назад в этих местах полностью истребило доверившихся им русских солдат Бековича-Черкасского. Спустя время, в 1878 г. генерал-лейтенант Н.И. Гродеков, участник Хивинского похода, позднее отважно, в одиночку совершивший разведывательный проезд через север Афганистана, северную Персию и Туркмению, писал о том, что победы над туркменами-текинцами можно будет достичь, если «действовать так, как действовали против йомудов туркестанские войска в 1873 году. <...> Если торговцы неграми поставлены вне законов всех наций, то и туркмены должны быть поставлены в такое же положение. Чтобы там ни писали Скайлер и Ко. о жестокостях русских в йомудскую экспедицию 1873 года, во всяком случае, приказ генерала К.П. фон Кауфмана, по моему мнению, самый человеколюбивый акт, который когда-либо был издан, ибо он клонится к спасению и благополучию миллионов людей».²⁴⁷ «Этот Хивинский поход, — отмечают историки и наших дней, — был самым трудным из всех многотрудных туркестанских походов. Безмерных лишений, которым подверглись здесь роты линейных батальонов и кавказских полков, не выдержала бы никакая армия в мире. <...> Военные и политические дарования генерала Кауфмана выявились еще раз в полном своем размере».²⁴⁸

В составе всех отрядов Хивинской экспедиции были офицеры Генерального штаба: помимо функций разведки и связи на них была возложена обязанность изучения ранее неизвестного края, исследование хивинских владений и, прежде всего, составление подробной карты Хивинского оазиса. В отряде были и исследователи из Туркестана.²⁴⁹

Так, специально «для изучения Хивы в ботаническом плане» в состав Туркестанского отряда был включен ташкентский аптекарь И.И. Краузе. И когда он, как описывали соратники, вдруг прямо во время сражения склонился над каким-либо новым для него экземпляром хивинской флоры, разглядывал его и, не об-

²⁴⁷ Терентьев М.А. История завоевания... С. 280.

²⁴⁸ История русской армии... С. 292.

²⁴⁹ ТВ. 1873. № 50.

ращая внимания на перестрелку, отложив винтовку, вынимал блокнот и начинал трепетно исследовать, описывать его, это приводило в восторженный энтузиазм одних и вызывало недоумение у других участников боя. Изумленный неприятель приходил в замешательство, считая, что совершается какое-то колдовское действие, и порою предпочитал ретироваться. Любопытствующее нетерпение исследователя толкнуло И.И. Краузе на участие в одной рискованной вылазке на противоположный левый берег р. Амударьи. Лодка, на которой переправлялись смельчаки, была замечена и обстреляна неприятелем. Все возвратившиеся на правый берег были позднее представлены к награде Георгиевскими крестами, кроме И.И. Краузе, которого, как «штатского», не сочли возможным пожаловать в Георгиевские кавалеры. А.Л. Кун занимался разбором рукописей архива хивинских ханов. Им же было собрано до 200 экземпляров восточных рукописей, из которых большая часть составляла исторические сочинения и включала оригинальные сочинения хивинского народа. На полковника А.В. Каульбарса был возложен сбор «географических сведений о стране и статистических данных о населении», а также сбор сведений «о путях, ведущих из культурного хивинского оазиса через пески на юг и на запад». Заинтересованность в изучении Хивы проявило и Императорское Русское географическое общество, составившее подробные инструкции.

К.П. фон Кауфман 17 июля созвал бывших при отряде лиц, интересовавшихся ханством в научном отношении, снарядил специальную экспедицию (5 сотен казаков, съемочная партия топографов Туркестанского военно-топографического отдела) под руководством полковника А.И. Глуховского и предложил им, пользуясь случаем передвижения Оренбургского отряда, возвращающегося из Хивы, отправиться с ним. Экспедиция детально изучила старые русла р. Амударьи, Куня-Дарьи и районы Саракамышского пространства. А.В. Каульбарс своими исследованиями р. Амударьи доказал, что российские суда могут заходить в нее из Аральского моря.²⁵⁰ Результаты исследований экспедиции, получившей название Урундарьинской, и последовавшие позднее (1876 — 1877 гг.) исследования старого русла р. Амударьи П.М. Лессаром показали, что уровень дна Каспийского моря много выше, что делает совершенно непригодным использование старого русла для пропуска вод из р. Амударьи в Каспийское море.²⁵¹ Известный ученый

²⁵⁰ ТС. № 83. С. 184 — 189.

²⁵¹ ТС. № 331. С. 221.

И.В. Мушкетов отмечал: «Главным и самым важным результатом Урундарьинской экспедиции была прекрасная съемка старого русла Амударьи, называемого Урундарью от Куны-Ургенча до озера Саракамыш, что в связи с работами Каульбарса и Аральской флотилией в дельте Амударьи и с топографическими работами в Хивинском оазисе дало в результате превосходную карту Хивинского оазиса и низовьев Амударьи».²⁵²

В задачу всех отрядов во время движения их к Хиве входила и рекогносцировка пройденного пути. Поскольку Красноводский отряд под руководством полковника В.И. Маркозова повернул назад, часть пути осталась неисследованным пространством. По этому поводу В.В. Верещагин писал в своих воспоминаниях: «Слишком торопясь пройти раньше других, они измучили лошадей и заморили выючных животных». Официальные документы отмечали: повернули назад «из-за недостатка воды», «нет воды». К.П. фон Кауфман решил для изучения непройденного пути отправить специальный отряд. Однако М.Д. Скобелев вызвался пройти этот участок сам, совершив поступок, которым полностью «загладил свою вину перед командующим за самовольный марш к хивинскому дворцу». Переодевшись в одежды кочевника, он в сопровождении трех туркмен и двух казаков за семь дней преодолел 560 верст в местности, где неоднократно сталкивался с группами вооруженных людей. С ними обычно разговаривали его попутчики, в то время как М.Д. Скобелев, рискуя быть раскрытым, изображал глубоко спящего человека. Он вернулся в Хиву 11 августа, подтвердил официальную версию, оправдал действия полковника В.И. Маркозова перед общественностью и начальством, поскольку установил, что между Змукширом и колодцем Нефестули — участком непройденного пути, действительно, находится 174 версты безводного пространства, и восстановил свою репутацию перед К.П. фон Кауфманом.

Просьба императора была выполнена, гордая Хива покорилась русским войскам, исследования региона завершены, из Ташкента доставлено согласие Александра II на ряд условий заключения мирного договора. И как только К.П. фон Кауфман, тревожившийся за исход дерзкого рейда полковника М.Д. Скобелева, к которому явно «благоволил», дождался его возвращения, он на следующий день, 12.08.1873 г., подписал в Гендемианском саду договор с ханом о мире и дружбе с Россией, об установлении новых границ, о торговом приоритете русских купцов, которым предоставлялось право беспрошленной торговли и эксплуа-

²⁵² ТС. № 73. С. 21.

тации р. Амударьи («исключительное и свободное плавание по Амударье предоставляется русским судам, а хивинские и бухарские допускаются только с разрешения русской власти»).²⁵³ Хан обязан был выдавать преступников, бежавших от русского правосудия, и выплатить весьма щадящую 2 млн. 200 тыс. рублей контрибуцию в течение 20 лет. (Хивинская экспедиция стоила России намного больше.) Хива была лишена права заключать дипломатические соглашения с соседями, все внешнеполитические связи должны были осуществляться только через Туркестанского генерал-губернатора.²⁵⁴

Через два часа после подписания договора, оставив подробнейшие инструкции по управлению ханством Рахим-Музаффар-хану, командующий с войсками отбыл в Ташкент. Хан со своей свитой долго сопровождал его в пути. В 1891 г. Полван-Мирза-баши, главный секретарь Хивинского ханства (в 1873 г. ему было 25 — 27 лет), рассказал, что К.П. фон Кауфман произвел в Хиве огромное впечатление — и не только как завоеватель ханства, но и как человек — своими личными достоинствами. Хивинцам «понравилась его отчетливая, выразительная речь и его рассудительность, помогавшая ему разобраться в делах новых и запутанных, и всегда я встречал в Кауфмане человека терпеливого и снисходительного». Этот отзыв особенно важен, учитывая положение К.П. фон Кауфмана как завоевателя Хивы.²⁵⁵ По договору, составленному К.П. фон Кауфманом, небольшая полоска земли была передана Бухаре в благодарность за участие в походе бухарских сарбазов, в награду за поставку верблюдов и провианта российским войскам и, что также было немаловажным, для лучшего устройства пограничной территории и выравнивания границы. Весь правый берег р. Амударьи для лучшего «пригляда» за Хивой отошел к России (ибо, как писали современники: «...на нашей среднеазиатской окраине никогда не может быть мира в европейском слове его понимания»), на левом — хивинском берегу — строились пристани, склады для товаров, охраняемые хивинцами. Для управления населением отошедшей к России территории был создан Амударьинский отдел в составе двух уездов: Нукусского и Чимбайского, в административном отношении подчиненного Сырдарьинскому областному правлению. Начальником отдела был назначен полковник артиллерийских войск Н.А. Иванов. Здесь, на правом берегу реки был

²⁵³ ТС. № 72. С. 42 — 48.

²⁵⁴ ТС. № 72. С. 84.

²⁵⁵ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 207.

заложен форт, который К.П. фон Кауфман назвал в честь двух императоров Петро-Александровск (ныне Турткуль). Все работы по организации административного управления в Амударьинском отделе были завершены в 1876 г. Хива была прочно связана с Россией, а Туркестан получил новый водный путь через Аральское море и р. Амударью.²⁵⁶

Ташкент встречал К.П. фон Кауфмана из похода 28 сентября. Встречал пышно, торжественно, с фейерверками и музыкой, с банкетом в роскошных шатрах и шпалерами войск, выстроеными по всей дороге при въезде в город. За Хиву командующий экспедицией был произведен 1.01.1874 г. в инженер-генералы, пожалован 22.06.1873 г. орденом Св. Георгия 2-й степени, а на именной доске в Николаевской академии появилась дополнительная надпись: «Хива, 1873». Также 7.01.1874 г. разрешено носить пожалованный ему императором Германии, королем Прусским орден Красного Орла 1-й степени с мечами, в феврале 1874 г. ему был подарен шахом Персидским портрет «Его Величества», украшенный бриллиантами.²⁵⁷

«Исполинский», как писали газеты, поход в Хиву удивил всю Западную Европу, вызвал пристальное внимание общественности и сказался на ходе политических событий в восточном вопросе. Отечественная пресса во множестве статей и заметок сообщала о «замечательном походе», выражала восхищенное удивление героизму, мужеству и доблести «русского экспедиционного отряда и его командующему». Публикации за рубежом взахлеб выплескивали возмущение варварством и жестокостью русских и лично К.П. фон Кауфмана в походе против йомудов. Однако не отметить значимость ликвидации рабства и работорговли в Центральной Азии не могли и они. Но были и другие публикации. Так, в Лондоне в 1874 г. вышла книга Артура Макгахана «Поход на Оксу и падение Хивы» (J. A. MaxGahan. London, 1874), где он писал: «Русский солдат далек от дикаря: он не жесток, не кровожаден, насколько я его видел, напротив, скорее добр и смирен, когда не возбужден <...> Сознаюсь откровенно, я был немало удивлен скромным поведением русских. Я ожидал, что при вступлении в Хиву они будут грабить и жечь город и убивать жителей. Генерал Кауфман, однако, держался совершенно другой системы обращения с хивинцами. Как только войска его достигли реки, он издал успокоительное воззвание к жителям и <...> солдаты не

²⁵⁶ ТС. № 73. С. 161; № 72. С. 42.

²⁵⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6174. Л. 1.

выказывали ни малейшего расположения нарушить обещания, данные генералом Кауфманом. Они не делали никаких попыток брать что-нибудь силою и платили спрашиваемую цену не ворча, как бы давно приученные к этому». И подчеркивал: «Доверие русского солдата в честность и искусство своих начальников достойно похвалы и удивления: он считает их непогрешимыми, и хотя русские сражались здесь с варварами, которые совершали всевозможные жестокости над пленными, что в значительной мере могло бы извинить жестокость со стороны солдат, тем не менее поведение их было бесконечно лучше, нежели поведение других европейских войск в европейских войнах».²⁵⁸ (В 1988 г. вышла биографическая книга Дейла Уокерса «Джануарис Макгахан и кампании американского журналиста»; в 1945 г. — пьеса одного актера, автор Рик Соваш «Жизнь и время Дж. Макгахана».)

Когда годы спустя после Хивинской экспедиции в российской печати появились статьи, умаляющие значение похода и роли в нем К.П. фон Кауфмана, в защиту чести и достоинства генерала выступили бывшие его сослуживцы и соратники. В «Средне-Азиатском вестнике» № 6 за 1896 г. была опубликована статья Н.Н. Касьянова, в которой, ссылаясь на многолетний опыт тесного общения с К.П. фон Кауфманом, он писал: «...если хотя несколько наших читателей проникнутся глубоким сочувствием к известному нам — участникам Хивинского похода, настойчивому проведению генерал-адъютантом К.П. фон Кауфманом принципа сбережения своих войск и непротития бесцельно неприятельской крови, а также охраны частного имущества противника, то мы будем считать себя слишком достаточно вознагражденными».²⁵⁹

Сразу же после возвращения в Ташкент К.П. фон Кауфман создал специальную комиссию для «описания Хивинского похода» под председательством бывшего начальника полевого штаба генерала В.Н. Троцкого. Сам К.П. фон Кауфман выехал в Петербург для доклада о результатах экспедиции и «укрепления здоровья». То ли комиссия генерала В.Н. Троцкого не спешила с выполнением задания, то ли новые серьезные проблемы, созревавшие в Туркестане со стороны Кокандского ханства тому причиной, но «Описание Хивинского похода 1873 г. По материалам особой комиссии, учрежденной тотчас после похода под председательством бывшего начальника полевого штаба. Составлено полковни-

²⁵⁸ ТС. № 87. С. 89 — 90. 100; Макгахан. Военные действия на Оксу... С. 133.

²⁵⁹ ТС. № 521. С. 77.

ком Ф.И. Лобyseвичем под редакцией генерал-адъютанта В.Н. Троицкого» (СПб. 1898) было опубликовано только спустя 25 лет после событий. На правах рукописи в 1882 г. был издан в Ташкенте по распоряжению К.П. фон Кауфмана «Стратегический обзор Хивинского ханства. Составители: Генерального штаба полковники Л.Н. Соболев и Н.И. Гродеков». (Т. 1882. Типография, арендуемая Ф.В.Базилевским).²⁶⁰

Информация о военной экспедиции широко распространялась в России. В Петербурге в Педагогическом музее генерал А.Н. Хребтов, как извещал «Петербургский листок» (1874. № 24), проводил о Хивинском походе «народные чтения».²⁶¹ В центральных журналах были опубликованы карандашные зарисовки боевых эпизодов, моментов отдыха солдат и других событий Хивинского похода, сделанные художником поручиком Дингофом («Путевая книжка русского офицера поручика Дингофа») хранится ныне в Ташкенте в Национальной библиотеке республики), многочисленные зарисовки художника Н.Н. Каразина, гравировщика К. Вейермана. На темы похода русских войск в Хиву и Бухару лучший в России акварелист и рисовальщик-иллюстратор, писатель Николай Николаевич Каразин (1842 — 1908 гг.) написал семь больших батальных картин («Штурм Ташкента», «Вступление русских войск в Самарканд 8 июня 1868 года», «Зерабулак», «Взятие Махрама», «Текинская экспедиция 1881. Штурм Геок-Тепе», «Первое появление русских войск на Аму-Дарье. Переправа Туркестанского отряда у Шейх-арыка», «Хивинский поход 1873. Через мертвые пески к Колодцам Адам-Крылган»). Годы спустя, на торжественном собрании старых туркестанцев в честь годовщины Хивинского похода 30.05.1906 г. в Петербурге генерал-адъютант В.Н. Троицкий предложил установить в столице ежегодные «Туркестанские обеды». И эта идея была поддержана всеми 40 бывшими участниками похода, собравшимися в честь знаменательной даты (33 года), и одобрена военным министром А.Н. Куропаткиным, также принимавшим участие в походе.²⁶² Россия гордилась и ценила по достоинству экспедицию в Хиву. Поход вошел в анналы военной истории русской армии. «Можно смело сказать, что семимесячный поход на Хиву был беспрецедентным не только в русской военной истории. Ни одной из европейских армий нового времени не приходилось так

²⁶⁰ ТС. № 427. С. 91.

²⁶¹ ТС. № 87. С. 185.

²⁶² ТС. № 427. С. 116.

долго находиться в условиях безводной песчаной пустыни, преодолевая при этом огромные расстояния».²⁶³

После похода в Хиву К.П. фон Кауфман еще раз вернулся к вопросу о договоре с Бухарой, обратив особое внимание на то, что спустя пять лет после подписания первого договора с Бухарой там продолжается торг рабами. По этому поводу он сделал представление бухарскому правительству. Новый вариант русско-бухарского договора подписан в Шааре 28.09.1873 г. Он ставил Бухару в большую, чем договор 1868 г., подчиненность России. Теперь русская администрация в Туркестане гарантировала эмиру территориальную целостность его владений и свою помощь в борьбе с противниками. Россия имела возможность вмешиваться в решение вопросов о наследнике Бухарского престола и выборе первого министра. Остальные вопросы внутреннего управления оставались в компетенции эмира. В новом договоре К.П. фон Кауфман еще раз вернулся к вопросу о ликвидации рабства и ввел особую статью — десятый пункт договора гласил «...отныне в пределах бухарских прекращается на вечные времена постыдный торг людьми, противный законам человеколюбия».²⁶⁴

Внес К.П. фон Кауфман и несколько параграфов, определяющих статус бухарских евреев в отношениях между Бухарой и Россией. Бухарские евреи официально получали российское гражданство при условии вступления их в купеческие гильдии, они освобождались от тяжелых налогов, дискриминации, притеснений на религиозной основе. Началась их активная миграция из Бухары и Хивы. Подписью и печатью К.П. фон Кауфмана договор был скреплен 17.10.1873 г. С юридической точки зрения Бухара была самостоятельным и независимым государством. Фактически она превращалась в вассальную страну. К.П. фон Кауфман считал, что коренные интересы России требуют сохранения над Бухарой полного «статуса кво» и своего «преобладающего влияния» в связи с переменами, которые могут произойти от усиления в Афганистане английского влияния. Он предвидел ход событий и последующее развитие их подтвердило, что он был превосходным стратегом и оказывался прав.

²⁶³ Глущенко Е. Герои империи.... С. 118.

²⁶⁴ ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 47.

ЭКСПЕДИЦИЯ В КОКАНД

Тяжелые природные условия походной жизни, стычки и перестрелки, моральное напряжение за исход Хивинской экспедиции, за жизнь и благополучие людей, высокое чувство долга перед отечеством и государем усугубили подорванное за годы войны на Кавказе здоровье командующего войсками. «Для излечения болезни <...> от ран происходящей», ему был предоставлен 4-месячный заграничный отпуск с мая по сентябрь 1874 г. В Ташкент К.П. фон Кауфман вернулся в мае 1875 г. Тогда же в третий раз в Туркестан прибыл и Генерального штаба полковник М.Д. Скобелев. Ситуация на границе Туркестанского края вновь становилась сложной и все более напряженной, быть может с менее всего ожидаемой К.П. фон Кауфманом стороны — Кокандского ханства. Ведь доносил же он в 1871 г. с полной уверенностью в Петербург о том, что Худояр-хан отказался «от всякой мысли враждовать с нами или прекословить нам». Хану даже вручили бриллиантовые знаки ордена Св. Святослава 1-й степени и титул «светлости». К.П. фон Кауфман был прав, хан и не думал враждовать с Россией, но события в ханстве он уже не контролировал.

Коканд — Хоканд упоминается в арабских источниках с X в. Времена и события привели к образованию в 1709 — 1876 гг. Кокандского ханства под властью династии минглар, ведущей свое происхождение от великого Тимура. В 1844 г. на ханский престол вступил 16-летний Худояр-хан. Четырежды за годы своего правления он убежал в Бухару в поисках защиты от волнений и мятежей своих подданных. С момента прибытия в Туркестан К.П. фон Кауфмана Худояр-хан был в высшей степени корректен: когда бывший правитель Ташкента Якуб-бек убежал в Китай (Восточный Туркестан) и создал временное независимое государство Йеттишар, он предложил свои услуги в качестве посредника в отношениях с ним; выдал бежавших мятежных беков Шахрисабза Джура-бия и Баба-бия; прекратил военные действия против Бухары из-за спорных территорий Каратигана (сентябрь 1869 г. — март 1870 г.); во время неурожая зерновых культур в 1871 г. организовал доставку хлеба в Туркестан из Ферганской долины; отряд кокандского войска принимал участие в Хивинском походе и т. д. Однако популярность хана среди своих подданных посте-

пенно падала. Сказались и недовольство неудачами в борьбе против России и Бухары, не последнюю роль играли личные качества хана и его приближенных. Они пытались возместить потери от налоговых поступлений с территорий, отошедших к России, за счет оставшихся подданных и прибегали к различным уловкам и поборам. В ханстве были установлены самые невообразимые налоги: на степную колючку, на камыш, на пиявки. «У народа, — как писал С. Айни, — от рубашки остались лишь ворот, от кальсон — пояс, от тела — кости». За нарушение натуральных повинностей людей зарывали в песок по шею и оставляли умирать. В погоне за наживой было утрачено чувство меры, разоренное население доведено до отчаяния. А.Л. Кун на заседании географического общества еще в 1871 г. подчеркивал, что в Коканде глубоко «пустила корни болезнь всеобщего недовольствия против хана и его приближенных». К.П. фон Кауфман также неоднократно предупреждал Худояр-хана о пагубности его курса: «Если Вы не прекратите образа Вашего управления народом, <...> то я Вам предсказываю дурной конец». Но все было тщетно.²⁶⁵

Волнения в ханстве возникали часто. Периодически Худояр-хан обращался к К.П. фон Кауфману за помощью для подавления мятежей, но генерал-губернатор всегда отвечал отказом, подчеркивая, что никогда не пошлет армию против народа. С новой силой волнения вспыхнули в 1873 — 1874 гг., превратившись в довольно мощное антиханское движение в 1875 г. Недовольство Худояр-ханом проникло в элитные слои, в среду мусульманского духовенства и даже в семью самого хана. Старший сын хана — Насреддин-хан (правитель Андижана) примкнул к заговорщикам. Восстали кипчаки — полукоचेваемые жители восточных районов ханства. Они провозгласили ханом самозванца Исхак-Мулла-Хасаноглы, взявшего имя Пулат-бека и выдававшего себя за родственника первого хана Коканда Алим-хана Нарбуло-бея. Восстание быстро распространялось в сторону столицы, охватывая многие города.²⁶⁶

В это время для изучения, топографической съемки и военно-стратегического описания Ферганской долины и Кашгара К.П. фон Кауфман отправил научно-дипломатическую миссию в Кашгар под руководством М.Д. Скобелева, который помимо английского, французского, немецкого хорошо владел и узбекским язы-

²⁶⁵ Халфин Н.А. Присоединение... С. 316; Терентьев М.А. История завоевания... Т.П. С. 332 — 333.

²⁶⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 8; Оп. 34. Д. 278. Л. 26 — 30; Д. 346. Л. 113; Ф.И-715. Оп. 1. Д. 58. Л. 178 — 180.

ком, а также дипломатического чиновника А.А. Вейнберга. При них было 22 казака и 2 топографа. Они прибыли в Коканд 15.07.1875 г. М.Д. Скобелев в своих воспоминаниях писал: «Простившись с генерал-губернатором, мы двинулись в путь 10 июля 1875 года, оставив Ташкент во всем блеске его беззаботной, даже роскошной жизни; войска округа стояли в лагере по садам, состоялось распоряжение о предстоящем отпуске бессрочно отпускных, которых, помнится, в этом году впервые хотели отправить не пешком, а на верблюдах. <...> Словом, ничто не предвещало близость грозы. <...> Город Коканд произвел на меня волшебное впечатление: дворцы, сады, мечети, богатейший базар, все это ставит Коканд наряду лучших азиатских городов. Коканд не уступает Самарканду. <...> Хан принял нас, кажется, 17 числа, окруженный двором более чем в 5000 человек. Все окружавшее нас представляло вид азиатской пышности и только сам повелитель встретил нас скромно, сидя в уголку одной из великолепных арабских зал дворца». Только «вечером 19 июля Мирза Хаким (посол Коканда в Ташкенте, в доме которого остановилась миссия), наконец, решился нам сообщить о том, что вся восточная часть ханства восстала против правительства и что <...> сборищем восставших командует ближайший любимец хана Абдурахман — автобачи (автобачи — придворный титул, буквально «податель воды для рук»), и добавил, что хану всей правды сказать никто не смеет, но события идут так быстро, что развязки надо ожидать очень скоро». Абдурахман-автобачи из племени кипчаков был сыном Мусульманкула, бывшего регентом хана при его вступлении на престол. Позднее регент был казнен ханом.

М.Д. Скобелев продолжал составлять план города и нередко один выезжал на его улицы. Город менялся на глазах. «Все кофейни были переполнены, и массы пьяных от курения опиума и хашиша шатались по улицам, в оружейном ряду базара <...> не доставало рук точить оружие, <...> вертящиеся дервиши в одной из главных мечетей уговаривали народ сделать угодное Богу и избежать бедствия избиением русских, находившихся в Коканде». Мулла Исса-Аулие призывал народ к газавату. Повсюду раздавались проповеди мулл о необходимости восстания против русских и хана. Ханская армия перешла на сторону восставших, к ним примкнул брат хана и второй сын Худояр-хана, Мухаммед-Алим-бек — правитель Маргелана. Власть в городе захватила аристократически-клерикальная группировка кипчаков, ориентированная на Англию. Повсеместно был объявлен газават. От поездки в Кашгар нечего было и думать, все дороги к нему

были перекрыты. Было принято решение возвращаться.²⁶⁷ М.Д. Скобелеву и А.А. Вейнбергу удалось уговорить сыновей хана отпустить отца из города. Худояр-хан, покинутый всеми, собрал свою казну — 30 ящиков с драгоценностями и золотом, имущество, 4 жен, 40 наложниц, и в сопровождении небольшого отряда (8 тыс. человек, 68 орудий) и русского посольства (22 казака, 9 купцов, 6 казахов-караванщиков) выступил 22 июля в сторону Ходжента. За чертой города их преследовали многочисленные вооруженные группы восставших, в шести километрах от города завязался бой. Большая часть войска, сопровождавшего хана, перешла на сторону восставших, захвачена была и значительная часть казны, что, возможно, и охладило пыл преследователей.²⁶⁸ От сокровищ Кокандского ханства осталась лишь маленькая толика. Уникальные экспонаты из Кокандской урды сохранились в музеях. Так, в Петербурге в Эрмитаже хранится трон Худояр-хана, украшенный драгоценными камнями. Русскому отряду, оказавшемуся основным защитником хана, пришлось очень трудно, положение спасла своевременно подоспевшая помощь, высланная Ходженским уездным начальством под руководством полковника Нольде. Худояр-хан писал позднее К.П. фон Кауфману, что А.А. Вейнберг и М.Д. Скобелев «выехали вместе со мной, и несмотря на несколько раз повторяющиеся преследования бунтовщиков и перестрелку, не отставали от меня. На подобный поступок способны лишь русские. Когда мои собственные приближенные изменили и бежали, они стойко следовали за мной, не будь их, может быть, я не добрался до русской границы». Хан со своим семейством, имуществом, свитой в 500 человек в сопровождении русских отрядов прибыл в Ходжент 24 июля. Прибытие в город хана и его сопровождающих определило весьма значительный рост затрат со стороны городского руководства на содержание хана и его свиты. К.П. фон Кауфман распорядился отправить Худояр-хана в Ташкент, куда он и прибыл 8 августа, передав сразу по прибытии К.П. фон Кауфману государственную печать Кокандского ханства. Оставлять свергнутого хана в живых было не в традициях восточной политики. По всему Ходжентско-Ташкентскому тракту восставшие жгли почтовые станции, захватывали ямщиков и проезжающих. Худояр-хан во время переезда чудом избежал гибели от рук своих подданных.

²⁶⁷ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 63. Л. 136.

²⁶⁸ Терентьев М.А. История завоевания... Т. II. С. 347.

На престол в Коканде вступил сын Худояр-хана — Насреддин-хан. Во время переворота в Коканде К.П. фон Кауфман был в Верном. По возвращении в Ташкент из поездки по Семиречью он получил письмо от руководителей восстания, в котором его уверяли в том, что народ перестал слушать Худояр-хана. Генерал-губернатор в ответе указал, что он готов признать Насреддина ханом Коканда, если он будет верно исполнять по отношению к России обязательства, мирные условия, заключенные его отцом, удовлетворит все понесенные убытки русским купцам и посольству в Кашгар, а также определит пенсию Худояр-хану. Условия не были приняты.²⁶⁹ Худояр-хан был уверен, что «всемогущий» генерал-губернатор восстановит его в своих правах и довольно вольготно жил в Ташкенте. К.П. фон Кауфман предложил выехать ему на постоянное место жительства в Оренбург. По описанию очевидцев там он стал торгашом, «лошадиным барышником», затем попросил разрешения выехать в Мекку, был ограблен слугой, после долгих лишений достиг Афганистана, где умер в нищете и похоронен в Герате. По этому поводу есть и другие версии. Многочисленные члены семьи (дети, жены) получали пенсии из земельных сумм трех коренных областей края.²⁷⁰

Замена одного правителя другим не сопровождалась прекращением волнений. Насреддин-хан ни о каком снижении налогов и не думал, продолжая во всем обвинять русских. Вооруженные отряды совершали нападения на территорию соседнего с Кокандом Кураминского уезда, захватывали и жестоко издевались над русскими, сжигали почтовые станции, грабили мирных жителей и ставили себе целью восстановить Кокандское ханство в прежних пределах, т. е. включая и Ташкент. Около 10 тыс. мятежников спустились с гор и наводнили селения долины р. Ангрэн, пытались поднять и другие полукочевые племена. Так дальше продолжаться не могло. «Энергичный Кауфман реагировал немедленно» и выступил с отрядом 1 августа из Ташкента в Ходжент, который первым из городов губернии подвергся нападению и который защищали все жители, поскольку гарнизон был очень немногочисленным.²⁷¹ К 8 августа русские войска сосредоточились в Ходженте. Армия Абдурахмана-автобачи до 16 тыс. человек, отступив, сосредоточилась в 45 верстах от Ходжента в крепости Махрам, там же находились и неплохо обученные войска Насреддин-хана. К.П. фон Кауфман 20 августа двинул войска (16 пехотных рот, 8 казачьих сотен, 20 орудий) к крепости.

²⁶⁹ ТС. № 147. С. 343 — 345.

²⁷⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 8.

²⁷¹ История русской армии... С. 294.

Во время движения к Махраму и битвы под ним военные действия происходили и в других частях пограничного пространства. После упорной битвы 20 — 21 августа штурмом с фланговыми обходами крепость была взята. Абдурахман-автобачи, потеряв более 2000 тысяч человек убитыми, бежал в Маргелан. С русской стороны погибло 6 человек, 8 ранено. (Но спустя несколько дней — 25 августа отряд казаков под руководством А.П. Хорошихина, бросившись в преследование, попал в засаду и был порубан.) Дорога на Коканд была открыта, и 26 августа из Махрама К.П. фон Кауфман двинулся к столице ханства. По пути он был встречен посольством от Насреддин-хана с письмом весьма туманным по содержанию и подарками. Не ответив на письмо и отвергнув подарки, К.П. фон Кауфман просил передать хану, что он будет разговаривать с ним, когда приедет в Коканд, и примет извинения от него лично, и если встретят русские войска с хлебом и солью и отдадут себя на милосердие государя императора, то войска никого не тронут, в противном случае Коканд будет взят «вооруженной рукой». При этом русские войска были совсем немногочисленны, и «рука» была не так уж превосходно вооружена. Но сопротивления больше оказано не было, и войска, встреченные достарханом, 29 августа без выстрела вошли в город. В «Туркестанских ведомостях» 26.10.1875 г. был опубликован большой «Поздравительный адрес жителей Самарканда К.П. фон Кауфману»: «Его Высокопревосходительству, большую славу имеющему, известному всем своею справедливостью, нашему милостивому покровителю Туркестанского генерал-губернаторства адрес от жителей Самарканда. Мы получили радостное известие о деле под Махрамом, где Вы лично сами командовали славными русскими войсками, и о взятии Вами Коканда. Это известие доставило нам большую радость, а потому мы посылаем к Вам в Коканд из нашей среды доверенных лиц, и во главе их — самаркандского казия, муллу Мира-Низаметдин-ходжу, чтоб передать Вашему Высокопревосходительству от нашего имени поздравления и нашу искреннюю признательность за то, что Вы постоянно заботитесь о пользе народа, о водворении спокойствия и процветания городов. Справедливым покорением Коканда Вы еще раз доказали соседним жителям, что люди, делающие обиды и притеснения находящимся под высоким покровительством Белого царя, подвергаются наказанию. Мы, преданные Вам жители, убеждены, что пока мы имеем благодаря Всевышнего Бога Вас нашим милостивым покровителем и вооруженным русским войскам — нашим заступникам, мы совершенно обеспечены своим

богатством и будем жить в полном спокойствии и никого и ничего не страшась. Великий Белый царь Вас и Ваше войско милостиво наградил вполне заслуженными высокими наградами. Мы, слуги, никогда не забудем Вашу заботливость о спокойствии народа. Когда нам угрожает опасность, Вы оберегаете нас и, бросив свой дом, свое семейство, Вы, испытывая лишения, переносите трудности похода. Во всякое время мы молим Всевышнего о Вашем здоровье, и дай Бог, для пользы службы Его Императорского Величества Белого царя и для пользы народа, Вам и всему вашему семейству. Просим Вас, донесите наши верноподданнические чувства и искреннюю нашу признательность Его Императорскому Величеству нашему Белому царю. Г. Самарканд. Рамадана 18 дня, 1292 г. (октября 1875)».²⁷² На подлиннике приложено 62 печати местного самоуправления и почетных жителей Самарканда.

Волнения в других областях ханства не утихали, и остатки разбитых войск, возглавляемые Абдурахманом-автобачи, собрались на востоке — у Маргелана и Оши. К.П. фон Кауфман решил послать отряды вглубь страны: 8 сентября он без боя вошел в Маргелан, Абдурахман бежал, бросив свой лагерь; 10 сентября М.Д. Скобелев занял Ош; 25 сентября русские войска вошли в Наманган. Получая отовсюду успокоительные сообщения, К.П. фон Кауфман посчитал возможным приступить к разработке условий мирного договора и вызвал к себе Насреддин-хана из Коканда. Составленный по типу соглашений с Бухарой и Хивой договор, заключенный 23 сентября, обеспечивал хану сохранение за собой престола, обязывал его заплатить контрибуцию и закреплял всю северную часть Кокандского ханства по правому берегу р. Нарын с городом Наманган за Россией. В составе Ходженского уезда был образован Наманганский отдел, начальником которого назначен М.Д. Скобелев. Вопрос о восстановлении Худояр-хана даже не поднимался. Александр II ратифицировал договор 17.10.1875 г. К.П. фон Кауфман был награжден шпагою, украшенной алмазами с надписью «За покорение Коканда. 1875. 22 августа». Соглашение Насреддин-хана с К.П. фон Кауфманом и уход русских войск за р. Сырдарью вызвали новую волну выступлений в восточных районах ханства и против русских, и против хана.²⁷³ Центром нового витка мятежа стал Андижан, во главе стояли все те же руководители: в городе до 70 тыс. войск Абдурахман-автобачи, за его стенами лагерь 15-тысячного отряда Пулат-бека, которого восставшие объявили

²⁷² ТС. № 151. С. 34 — 35.

²⁷³ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 10

ханом, низложив Насреддин-хана. Во всех мятежных районах был провозглашен газават. Из лагеря под Наманганом к Андижану был отправлен отряд генерал-майора В.Н. Троицкого, действия которого были не вполне удачны. Восставшие воспряли духом. К.П. фон Кауфман распорядился укрепить Наманган, усилить состав гарнизона, а сам выехал 16 октября в Ходжент на границу Кокандского ханства. Туда же под защиту русских почти одновременно прибыл и Насреддин-хан, заявив, что он опасается своих приближенных. Разобравшись на месте в ситуации, К.П. фон Кауфман приказал незадолго до того возведенному в генерал-майоры М.Д. Скобелеву укрепить крепость Махрам, с довольно значительным отрядом оставил его в Намангане, приказав разработать план зимней экспедиции, что и было выполнено к началу декабря. С небольшими замечаниями К.П. фон Кауфман утвердил представленный М.Д. Скобелевым план и 6.12.1875 г. выехал в Петербург по делам службы. Дальнейшие военные действия происходили в его отсутствие, но по программе, утвержденной им. Основным оставался вопрос о мятежном Андижане. После упорных «кровопролитных пятидневных боев», в «которых неприятель защищался со страшным упорством, редким между среднеазиатскими народами, и в которых он понес огромные потери», 8 января М.Д. Скобелев взял крепость, 10.01.1876 г. город Андижан изъявил свою покорность, бежавший Абдурахман-автобачи 24 января был разбит и сдался добровольно, присягнув на верность русскому царю. М.Д. Скобелев гарантировал ему неприкосновенность и по телеграмме К.П. фон Кауфмана отправил в Ташкент. Узнав об этом, другой руководитель восстания Пулат-хан вырезал всю его семью и русских военнопленных. В Ходжент к Насреддинхану прибыла делегация кокандских жителей. Рассчитывая на помощь русских, он выехал в Коканд, но был разбит кипчаками и снова бежал в Махрам. На другой день после бегства Насреддин-хана жители города истребили кипчаков и опять пригласили Насреддин-хана, который 30 января в очередной раз занял ханский престол.²⁷⁴

Между тем К.П. фон Кауфман, прекрасно понимая, что Насреддин-хан не сможет удержать в повиновении своих кочевых и полукочевых подданных, еще до приезда в Петербург направил военному министру «Записку о средствах и действиях против Коканда в 1876 году», в которой отмечал: «Настоящее ненормальное хаотическое состояние в Кокандском ханстве несомненно отражается на всем экономическом быте и строе русского Туркестана. <...> Дальнейшие отношения наши к Коканду теряют характер внешних отношений и принимают значение домашних,

²⁷⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 11.

более близких, чем существующие между двумя соседними губерниями». Прибыв в Петербург, К.П. фон Кауфман в январе 1876 г. минуя административные инстанции, в обход министерства иностранных дел, добился санкции императора на полную ликвидацию независимости Кокандского ханства; 2.02.1876 г. из Петербурга в Ташкент генерал-лейтенанту Г.А. Колпаковскому от К.П. фон Кауфмана пришла телеграмма с приказом занять ханство и установить там российскую власть: «Бывшее Кокандское ханство переименовать в Ферганскую область. Начальником области — Скобелев. Насреддина пока в Ташкент».²⁷⁵

Депешу с решением о присоединении Кокандского ханства получил от начальника штаба войск генерала В.Н. Троицкого и М.Д. Скобелев. Не имея официального на то согласия, не мешкая, он форсированным маршем с отрядом из 2 сотен казаков, 2 рот стрелков и полуроты конницы отправился в Коканд, 7 февраля внезапно появился под его стенами и без выстрела занял столицу. Докладывая об этом пораженному генерал-лейтенанту Г.А. Колпаковскому, который рассчитывал лично занять Коканд к 19 февраля, ко дню рождения Александра II, М.Д. Скобелев при этом почтительно просил и.д. командующего войсками ТВО как можно скорее прибыть в Коканд, «дабы получить указания для введения прочного порядка в Ферганской области». Самостоятельность Коканда была ликвидирована полностью.²⁷⁶ Донесение М.Д. Скобелева вызвало негодование не только генерала Г.А. Колпаковского. Выступили все прежние и новые недоброжелатели Белого генерала, обвиняя в дерзком самовольстве и требуя за это наказания вплоть до смертной казни. И опять решительно и веско защитил его К.П. фон Кауфман. Он пишет Г.А. Колпаковскому: «Я был прав, посылая телеграмму в Ташкент и к Скобелеву; этим я обеспечил успех дела. Если бы Вы, придя десятью днями позже, встретили сопротивление в Коканде, всем пришлось бы вести осаду, терять людей и Бог знает, чем бы это кончилось, а Скобелев понял в чем дело, занял Коканд без потери одного человека и сделал хорошо. Ясно, что Вы опоздали, а не он упредил Вас».²⁷⁷

²⁷⁵ Терентьев М.А. История завоевания... С. 406.

²⁷⁶ Терентьев М.А. История завоевания... С. 408 — 409.

²⁷⁷ Кнорринг Н.Н. Белый генерал. М. 1992. С. 51. Позднее возникали попытки восстановить независимость Коканда: в ночь на 17 мая 1898 г. около 1500 человек, недовольных переселенческой политикой царского правительства, под руководством ишана Мадали, напали на русский гарнизон в Андижанском уезде, но были разбиты вставшей по тревоге ротой солдат. С 27 ноября 1917 по 18 февраля 1918 гг. существовала Туркестанская (Кокандская) автономия (Туркестанский Мухтариат), установленная решением IV Чрезвычайного общемульманского съезда в Коканде, которую возглавлял Мустафа Чокай (Шокай)-оглу (25.12.1890 г., близ Кызылорды — 27.12.1941 г., Берлин). Разгромлена большевиками.

Торжественный въезд Г.А. Колпаковского в Коканд и объявление собравшемуся народу высочайшего повеления о присоединении ханства к России состоялось 15.02.1876 г. В ночь на 19.02.1876 г. небольшой отряд полковника Н.А. Меллер-Закомельского (1844 — 1928 гг.) настиг Пулат-хана в Уч-Кургане и нанес ему сокрушительный удар. Наиболее жестокий из главарей мятежников был схвачен и казнен 1 марта в Маргелане на той самой площади, где он зверски расправлялся с русскими пленными. Бывший кокандский хан — Насреддин-хан (по одним сведениям) и Абдурахман-автобачи были высланы в Оренбург. По другим сведениям, Насреддин-хан умер в Ташкенте, оставив 4-х сыновей, которые получали от российской власти пенсии, а в 1898 г. потомки хана были возведены в дворянское достоинство. Абдурахман-автобачи по письму К.П. фон Кауфмана позднее был переведен в Южные районы в Екатеринослав, и ему назначена пенсия из доходов Ферганской области в 3000 рублей в год.²⁷⁸

Сражением в Уч-Кургане закончился Кокандский поход. По указу Александра II от 26.11.1876 г. была учреждена светло-бронзовая медаль на Георгиевско-Владимировской ленте «За покорение ханства Кокандского въ 1875 — 1876 годах». Ею были награждены все воинские части, вплоть до нестроевых, медицинские работники, священники, гражданские чиновники, волонтеры, джигиты из местного населения, находящиеся при войсках.

Мы долго не забудем,

Кокандскую войну,

И детям петь мы будем,

Как брали Фергану... — слагали свои напевы солдаты.

К.П. фон Кауфман прибыл в Коканд в конце 1876 г., М.Д. Скобелев устроил ему пышную встречу. По распоряжению Туркестанского генерал-губернатора была образована Ферганская область. Начальнику ее, генерал-майору М.Д. Скобелеву пришлось приложить немало усилий, прежде чем в Ферганской долине установился покой и порядок. Действуя «твердо, но с сердцем», он еще много дней провел в походах. Особенно примечателен был поход в Ош, на Гульчу, в Алайские горы, где укрывались бунтующие киргизы, подстрекаемые сыновьями «Алайской царицы» Курбаш-Дман-Даухи. Трудная военно-научно-дипломатическая экспедиция в Алайскую долину на Памир в июле-августе 1876 г. была весьма успешной. Алайская царица была принята и одарена генералом, изъявила готовность принять русское

²⁷⁸ Терентьев М.А. История завоевания... С. 426.

подданство со всем своим народом, и в течение многих лет она и ее сыновья, за исключением одного, служили России.²⁷⁹ В честь «Царицы Алая» (скончалась в 1907 г.), как называл ее в своем донесении в Петербург М.Д. Скобелев (название хребта — Алайский, отделяющий Киргизию от Таджикистана и не имеющий никакого отношения к Узбекистану), было дано название улице на окраине Ташкента, а затем и возникшему на ней Алайскому базару, ставшему популярным среди жителей города.²⁸⁰ За год своего управления Ферганской областью М.Д. Скобелев, девизом которого было «Любовь Родине, сердце — людям, душу — Богу, а честь оставь себе и никому не отдавай», много сделал для региона и его жителей: решил проблему организации военно-народного управления областью и, поскольку сам не любил небрежного, неряшливого отношения к делу, установил это как главный принцип в работе и для подчиненных, требуя при этом «сердечного» отношения к народу мятежных племен; начал строительство телеграфной линии; закупил в Америке в Южной Каролине лучшие сорта хлопчатника, что увеличило производство хлопка в два раза; выбрал место для нового русского города, так как в Коканде была плохая вода. Строительство нового города началось уже в 1876 г. в 420 км. к востоку от Ташкента, в 75 км. к западу от Андижана и в 12 км. от Старого Маргелана. Административный центр Ферганской области уже 19.04.1878 г. был перенесен из Коканда в Новый Маргелан.²⁸¹ С 1907 по 1920 гг. город именовался Скобелев, затем Фергана. Он не имеет древних архитектурных памятников, основная достопримечательность — крепость, эспланада и радиально-концентрически расходящиеся от них тщательно озелененные улицы. Вековые чинары, ивы, тополя, дубы, сосны, смыкаясь своими кронами, превращают улицы в живые аллеи. Зеленый наряд города во многом был создан руками немецких садоводов, в основном Г.А. Оттендорфом. Среди специалистов, определивших на первоначальном этапе развития внешний облик нового города, были главные архитекторы: М.Г. Бот, Э.Г. Брун, Г. Крюгер.

²⁷⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 11об.

²⁸⁰ ТВ. 1907. № 26.

²⁸¹ ТВ. 1878. № 7. Памятник М.Д. Скобелеву в Москве, поставленный в 1912 г. — скульптор П.А. Самсонов, был взорван в 1918 г., «как приспешнику царизма». Ныне Петербургский филиал Скобелевского комитета предлагает поставить памятник на месте взорванного памятника В.И. Ленину на Финском вокзале. М.Д. Скобелев — герой русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. — был первым губернатором освобожденной Плевны. В Софии главный бульвар носит его имя, в Плевне есть Скобелевский парк, музей этого города хранит слепок уничтоженного в России памятника «Белому генералу» и его личные вещи.

Спокойствие в регионе было восстановлено. В апреле 1877 г. Россия вступила в войну с Турцией, но она не коснулась Туркестана. Все старания турецких эмиссаров разжечь фанатичное движение в генерал-губернаторстве не увенчались успехом. Начала волноваться Бухара, вспыхнуло восстание в давно покоренном Дагестане, но Туркестан жил тихой, рабочей жизнью, «хотя всем известно, что К.П. фон Кауфман приготовился по первому слову государя выступить для демонстрации против Англии со всеми бывшими в его распоряжении войсками в убеждении, что этим походом были бы красноречиво защищены наши интересы в начавшемся международном турнире, чем робкими речами дипломатов. <...> После всех выигранных сражений — это была самая блестящая победа, одержанная Кауфманом».²⁸² Любопытна и выдержка «из письма Шипкинского героя из Адрианополя»: «В то время, когда во всех мусульманских странах было против нас восстание и велась священная война, в одном только крае, бывшем тогда гнездом мюридизма, царило спокойствие и никаких покушений против России не делалось. Я тебе не льщу, говоря, что это следует отметить и, вероятно, не забудется».²⁸³

«После обильных событий 1876 г. минувший 1877 г. прошел в Туркестанском крае сравнительно тихо, <...> спокойствие на границах дало возможность туркестанской администрации заняться внутренним устройством края», — отмечала пресса.²⁸⁴ В разгар Восточной войны 10.06.1878 г. в пустых сараях, предназначавшихся ранее для постоянной ярмарочной торговли, на Госпитальной улице открылась Ташкентская сельскохозяйственная и промышленная выставка, имевшая большое значение для края как первый опыт ознакомления русского и местного населения с достижениями сельского хозяйства и промышленности. Усилия местных властей были сосредоточены на решении хозяйственных вопросов, дальнейшем развитии производства края, организации научных исследований и разведывательных экспедиций, вызванных, как говорилось в официальных до-

²⁸² ТС. № 546. С. 155.

²⁸³ Чижев Б. Генерал — адъютант... С. 16.

²⁸⁴ ТВ. 1878. № 5, 6.

кументах, «политическими резонами». Край жил мирной, спокойной жизнью. Но спокойствие не было уделом К.П. фон Кауфмана. За пределами края на восточной границе беспокойной была ситуация в Кульдже, Кашгаре, Афганистане, на западной — тревожили туркмены. С 31.10.1876 г. Туркестанское генерал-губернаторство было переименовано в Туркестанский край и передано в ведение МВД, все военные должности отделялись от гражданских. Смена ведомства имела свои последствия. Военный министр Д.А. Милютин был не только единомышленником, другом К.П. фон Кауфмана, но и заступником, ходатаем за него перед двором и правительством, его покровителем. В то же время война обострила русско-английские отношения и вызвала недовольство Англии успехами русского оружия, а граф П.А. Шувалов, будучи в это время послом России в Англии, очень «постарался», попирая интересы отечества не на словах, а на деле, быть, как называли его в российских кругах, «другом Англии». В ходе подготовки Берлинского конгресса (1.06 — 1.07.1878 г.) политика края, особенно в отношении Афганистана, играла большую роль, и он, не забыв прошлых обид, где мог стремился унизить и навредить К.П. фон Кауфману. В противовес дипломатии правительства России «английская же дипломатия в Лондоне подкреплялась военной силой в Британской Индии и добивалась успеха». К.П. фон Кауфман, как пишет П.Н. Остроумов, горько замечал: «...меня не удивляет безобразие Англии в Азии, меня удивляет остальная Европа, допускающая англичанам делать всякие безобразия».²⁸⁵

Осенью 1876 г. К.П. фон Кауфман отправил дипломатическую экспедицию в Кашгар (25.10.1876 — 6.04.1877 гг.) для установления четких границ и описания территории под руководством Генерального штаба капитана А.Н. Куропаткина. После долгих переговоров капитан привозит согласие правителя Кашгара Якубека на некоторое исправление границ, чего требовал в своей докладной записке генерал А.Г. Колпаковский еще в октябре 1871 г. Генерал М.Д. Скобелев, стремясь принять участие в военных действиях на Балканах, сдал в марте 1877 г. свое управление Ферганской областью генералу А.К. Абрамову, и К.П. фон Кауфман тотчас направляет его к южной границе. Пройдя с отрядом всю пограничную территорию, А.К. Абрамов забраковал границу с Кашгаром, намеченную А.Н. Куропаткиным, и предложил свою. Однако острее в это время были во-

²⁸⁵ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 92.

просы, связанные с Афганистаном, положением англичан в Индии и их влиянием на прилегающие государства, что особенно волновало К.П. фон Кауфмана. «Правда, — отмечает Н.П.Остроумов, — состояние восточных границ всегда волновало Кауфмана, и в его взглядах на нашу среднеазиатскую политику было много глубокой мудрости. <...> К сожалению, в Петербурге его политические взгляды не всегда разделяли, и ему приходилось испытывать немало неприятного. Англичане сознавали силу за генералом Кауфманом и старались разными способами и происками вредить ему. Но, с другой стороны, люди, понимавшие Кауфмана, ценили его политику и высказывали ему полное свое сочувствие».²⁸⁶ Афганистан, занимавший важное стратегическое положение на подступах к Индии, Ирану и Туркестану, давно привлекал внимание англичан. Первая англо-афганская война 1839 — 1842 гг. определила положение страны как зону английского влияния. В Петербурге с целью оказать давление на Лондон в ходе подготовки к Берлинскому конгрессу, созываемому по инициативе западно-европейских стран для пересмотра условий мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1877 — 1878 гг., было принято решение имитировать «угрозу британской морской торговле и дальним подступам к Британской Индии». К.П. фон Кауфман получил приказ 6.03.1878 г. военного министра Д.А. Милютина о «демонстрации русской военной силы в Средней Азии и окончательного установления границ между афганской территорией, находящейся под влиянием Англии, и территорий, вошедших в состав Российской империи». В штабе ТВО, как отмечалось в приказе генерал-майора А.И. Мозеля, «ввиду грозившего нам разрыва с Англией» и необходимостью «произвести по возможности демонстративное впечатление на английское правительство в Индии», приступили к разработке соответствующего плана. (В свое время генерал-майор М.Д. Скобелев разработал план похода «на Индию», но позднее сам отказался от этой идеи.) Последовавшим приказом по Туркестанскому генерал-губернаторству предусматривалось формирование трех отрядов: Самаркандский главный (генерал-майор В.Н. Троицкий), Ферганский (генерал-майор А.К. Абрамов), Петро-Александровский (полковник А.А. Гротенгельм). В приказе от 13.04.1878 г. командующему войсками ТВО военный министр Д.А.Милютин отмечал: «Отношения к нам Англии приняли в последнее время столь недружелюбный характер, что окончательный разрыв с нею делается более и более

²⁸⁶ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 84.

вероятным». В июне 1878 г. К.П. фон Кауфман выступил в так называемый «Джамский поход», вызванный «политическими соображениями». «Истинная цель посылки отряда известна была только Кауфману. Но какова бы ни была эта цель, нельзя не признать, что движение <...> отряда на юг было ловким шахматным ходом», — запишет Г.П. Федоров. В «Послужном списке Командующего войсками ТВО генерал-лейтенанта К.П. фон Кауфмана» есть запись: «Был в походе из Ташкента к селению Джам, командуя действовавшими войсками Туркестанского военного округа с 11 июня по 18 августа 1878 года».²⁸⁷

Войска (48 рот, 21 сотня казаков, 40 орудий, 8 ракетных станков) — около 20 тыс. солдат и офицеров сосредоточились у селения Джам в 60 км к юго-западу от Самарканда. Штаб отряда во главе с К.П. фон Кауфманом — в Самарканде. В отрядах было достаточное количество походных лазаретов (3 на 160 мест) и медицинских пунктов (50). Генерал А.Н. Куропаткин в своих «Воспоминаниях...» отмечал, что в «поле» была «выставлена <...> еще невиданная в Средней Азии сила». Однако 18 июля состоялось официальное указание «отменить предполагавшееся с целью демонстрации наступательное движение со стороны Туркестанского округа и Красноводска». Местному населению нужно было как-то объяснить всю эту операцию с «демонстрацией силы» на границе, затем роспуском действующих отрядов, увольнением в запас. Был пущен быстро распространившийся слух о начавшейся в отряде эпидемии. Но в Туркестанском военно-санитарном управлении не было заведено ни одного дела, связанного с походом и вообще с эпидемией в 1878 г. В докладе К.П. фон Кауфмана также нет упоминания о возникновении заразных болезней в ходе экспедиции. Историки называют Джамский поход «лебединой песней» командующего войсками, «весь многолетний опыт которого по руководству ими есть свидетельство планирования им действий на несколько шагов вперед, тщательного анализа каждого шага, учета каждой мелочи, особого, бережливого отношения к рядовым». Десятилетия спустя, в 1913 г. в ознаменование 300-летнего юбилея дома Романовых по России и за ее пределами прошла акция по восстановлению храмов и памятных мест, связанных с историей России. Возможно, в это время над могилами умерших в ходе «Джамского похода» воинов были поставлены неприхотливые, весьма немногочисленно ныне сохранившиеся памятники. На границе Самаркандской и Кашка-Дарьинской областей, около узбекского кишлака Джам, возвышается

²⁸⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 305. Л. 130.

памятный знак — пирамидальный кирпичной кладки монумент в четыре человеческих роста с черным крестом в верхней части и надписью «Здесь похоронены чины Джамского отряда, предназначенного в поход на Индию». Не об этом ли и проникновенные строки поэта Я. Смелякова:

*Мы позабыть никак не можем Апрельским утром неизменно
Ни старший брат, ни младший брат К ним долетает на откос
О том, что здесь, в больших могилах Щемящий душу запах сена
Сыны российские лежат. Сквозь красный свет таджикских роз.*

Одновременно с «демонстрацией силы» под Джамом в Кабул была отправлена 29.05.1978 г. немногочисленная военно-дипломатическая миссия под руководством знающего персидский язык генерал-майора Н.Г. Столетова. Инструкции он должен был получить от К.П. фон Кауфмана, который очень четко указал послу на то, что, во-первых, посольству надлежит склонить симпатии афганского эмира в сторону России и «вырвать его из лап Англии»; во-вторых, объяснить эмиру, что помощь Афганистану может быть оказана только в случае вооруженного столкновения России и Англии. В своих письмах к послу в Кабул К.П. фон Кауфман настоятельно указывал на то, что следует вообще отказаться от обещаний помощи эмиру в случае его выступления против англичан. Об этом он еще раз написал в письме от 28 июля, сообщая Н.Г. Столетову, что войска, отправленные «воевать Индию», остановлены и подлежат расформированию, так как у России отныне «нет причин конфликтовать с Великобританией». На афганском престоле в то время находился Шер-Али-хан, добившийся некоторого ослабления междоусобной борьбы и позиций племенных вождей, стремящийся к укреплению силы и авторитета центральной власти. Он одинаково недоверчиво относился и к русским, и к англичанам, стараясь всеми силами в течение 1875 — 1878 гг. нейтрализовать попытки англичан навязать стране новый договор, по которому Афганистан был бы превращен в английский протекторат. К.П. фон Кауфман первый начал переписку с эмиром, имея цель включить Афганистан в сферу русского влияния, расположить хана к добрососедскому отношению к России и предлагая хану дружбу «могущественного Белого царя».

Шер-Али-хан доброжелательно принял 29 июня посольство Н.Г. Столетова, подписал с ним 9.08.1878 г. проект русско-афганского союза и в то же время отказал во въезде на территорию Афганистана английскому экспедиционному корпусу Невилля Чемберлена, что послужило поводом Англии предъявить

ультиматум хану, а по истечении срока и при бездействии со стороны России развязать вторую (1878 — 1880 гг.) англо-афганскую войну. В ноябре 1878 г. английская армия уже вторглась в Афганистан. Почему Н.Г. Столетов не только не выполнил указаний К.П. фон Кауфмана, заключив с эмиром договор, по которому Россия обязывалась в одностороннем порядке оказывать военную помощь Афганистану в борьбе против англичан, но и, прихватив большую часть посольской кассы, на второй день после подписания договора один выехал в Туркестан, оставив на произвол судьбы остальных участников посольской миссии в Кабуле, историки до наших дней высказывают различные предположения. После отъезда Н.Г. Столетова во главе посольства в Кабуле остался Н.О. Разгонов. Г.П. Федоров, который находился в составе полевого штаба Джамского отряда, отмечал, что афганскому эмиру «конечно, не было известно ни о князе Горчакове, ни о графе Шувалове, которые не сумели или не хотели отстоять честь и достоинство России, <...> ни о Гирсе, стоявшем во главе нашего дипломатического ведомства, ни об исторической всегдашней уступчивости нашей в сношениях с Европой. Эмир знал только К.П. фон Кауфмана». События, связанные с политическими, дипломатическими, военными интересами России и Англии в их отношениях друг к другу и к Афганистану, добросовестнейшим образом осветил Е.К. Глушенко, определив их очень емкой фразой: «драма на Востоке». «Джамский поход» не особенно напугал англичан, «мало помог российской дипломатии, не покрыл славой русское оружие», был отменен еще до вступления в ноябре английских войск в Афганистан, но понесенные жертвы были не совсем напрасны. На Берлинском конгрессе, наконец, было заключено соглашение между Россией и Англией о проведении границы между Афганистаном и Туркестаном. Н.П. Остроумов записал слова К.П. фон Кауфмана в разговоре с ним от 30.11.1878 г.: «Мне предлагали отправиться в Афганистан на свой страх и риск с одним батальоном. Но я ведь не Ермак. То была шайка разбойников, которые, если бы и погибли, то не причинили бы государю боль вреда. Если бы же я погубил бы войско, то тогда был бы должен отвечать перед государем. За Туркестанский край я перед Россией всегда отвечаю, а за Афганистан отвечать нельзя».²⁸⁸ Он высказывал свое мнение и о бессмысленности войны для англичан, отмечая, что «эмир может возобновить тяжелую, почти невозможную войну для англичан, последние же

²⁸⁸ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 83; «Большая игра» в Центральной Азии. М. 2014. С.115, 127 — 128, 146 — 147.

получат не больше выгод, чем получили до сих пор, т. е. ничего». Последующие годы показали, что он был прав.²⁸⁹

Александр II в честь 60-летия командующего войсками ТВО и, возможно, стремясь сгладить неуклюжесть сложившихся ситуаций и умалить душевную горечь, подписал ему наградную грамоту. «Нашему генерал-адъютанту, Командующему войсками Туркестанского военного округа, Туркестанскому генерал-губернатору инженер-генералу Константину фон Кауфману. В течение многих лет, управляя отдаленным краем, Вам вверенным, Вы всегда являлись отличным и ревностным исполнителем наших предначертаний по всем мероприятиям, касающимся как благосостояния и порядка среди местного населения, так и устройства расположенных в крае войск. Не менее внимания Нашего заслуживало и то разумное понимание государственных польз и исторических задач России, которое Вы неизменно проявляли в разнообразных сношениях с пограничными владетелями с целью утверждения законного влияния Нашей политики в Средней Азии. Во внимание к Вашим государственным заслугам и неутомимым трудам Всемилостивейше пожаловали Мы Вас кавалером Императорского Ордена нашего Святого равноапостольского князя Владимира 1-й степени, коего знаки при сем препровождая, повелеваю Вам возложить на себя и носить по установлению. Пребываем к Вам Императорскою милостию Нашей благосклонно. Александр. В Ливадии 10 августа 1878 года».²⁹⁰ К.П. фон Кауфман высокой наградой не успокоен. Н.Г. Столетов подставил его, свел на нет все его усилия, поставил генерал-губернатора в чрезвычайно затруднительное положение. Царское правительство не решалось на союз с ханом, подписание договора с ним не имело последствий. По указанию дипломатических кругов К.П. фон Кауфман вынужден был уведомить Шир-Али-хана в письме от 12 декабря об отозвании оставшейся дипломатической миссии из Кабула, поскольку де Англия заверила Россию в том, что независимость Афганистана будет ею сохранена. Шер-Али-хан, который понадеялся на помощь России и был разбит англичанами, передал престол своему старшему сыну Якуб-беку и бежал 13.12.1878 г. на север Афганистана в Мазари-Шерах, намереваясь достичь Петербурга и обратиться за помощью к мировой общественности. К чести хана, которого К.П. фон Кауфман ценил очень высоко «...из всех азиатских жителей,

²⁸⁹ ТС. № 246. С. 130.

²⁹⁰ ТВ. 1879. № 8.

которых мне случалось встречать, он был правдивей всех», он ночью тайно вывел все оставленное Н.Г. Столетовым русское посольство из Кабула и сопроводил его до границы с Туркестаном. К.П. фон Кауфман пытался понять мотивы поступка Н.Г. Столетова, объяснить столице свое видение положения дел в регионе, исправить сложившуюся ситуацию. Петербург же равнодушно рекомендовал ему «уступчивость в отношении афганского вопроса» и, как всегда, опасаясь осложнения отношений с Англией, не разрешил даже принять обманутого, покинутого и больного хана с семьей в Ташкенте, пересечь ему границу Туркестана. К.П. фон Кауфман пытается объяснить: «Если Шер-Али-хану будет отказано в почетном гостеприимстве, <...> этим мы навсегда испортим наши отношения <...> и <...> потеряем возможность угрожать Англии с этой стороны, ибо угроза эта возможна исключительно тогда, когда Афганистан на нашей стороне». Он шлет шифрованные депеши, послания в столицу, с горечью отмечая: «Позволю себе думать, что все существующие и могущие быть новые затруднения в делах наших в Европе идут от Англии и все они разрешались здесь. Будь мы вовремя сильны в Средней Азии, мы могли бы достигнуть и на Балканском полуострове, и в Малой Азии всего, что нам нужно, <...> я со всей точностью исполню все то, что мне Высочайше указано, <...> рассуждаю же я потому только, что уж очень наболело у меня на сердце за все это последнее время». 3.01.1879 г. состоялся прощальный обед К.П. фон Кауфмана с посольством Афганистана, на котором генерал-губернатор объявил, что Россия отказывается от вмешательства в дела Афганистана.²⁹¹ «Стыд, причем совершенно незаслуженный в том, что он оказался в глазах верившего ему Шир-Али изменником своему слову, оказал губительное влияние и на нравственное, и на физическое состояние Константина Петровича», — пишет Г.П.Федоров. «Всегдашний страх перед Англией, отличавший нашу дипломатию того времени, бездарность и многое другое, отличавшее чрезвычайного посла России к эмиру Шир-Али и, наконец, всегдашнее бездушие к судьбам и престижу отечества со стороны правительственных сфер — разрушили на десятки лет предприятие, которое задумал провести первый Туркестанский генерал-губернатор: включить Афганистан в сферу русского влияния, вырвав его у Англии. Вместо этого престиж России пал в Афганистане безвозвратно, <...> и в среде воинственных кланов этой страны о русских уже потом

²⁹¹ ТС. № 246. С. 130; «Большая игра»... С. 273, 302.

не могли слышать без ненависти», — отмечал А.А.Семенов.²⁹² Смута и неурядицы захлестнули Афганистан: споры за власть, полная потеря независимости в результате Гандаманского договора, подписанного Якуб-беком с англичанами весной 1879 г., объявлявшего Афганистан зависимым владением Англии, затем восстание солдат афганской армии, к которым присоединились горожане, истребление английских гарнизонов и повсеместное отчаянное сопротивление народа, новая оккупация англичанами Афганистана в октябре 1879 г., определившая низложение с ханского престола Якуб-бека. Русская дипломатия, наконец, под влиянием К.П. фон Кауфмана изменила свое отношение к афганскому вопросу, поняла, что теряет буферную «нейтральную» зону. Она даже разрешила принять Шер-Али-хана в Ташкенте, но уже очень больной и гордый хан отказался покидать Мазари-Шерах, где и скончался 21.02.1879 г. К.П. фон Кауфман болезненно переживал и был искренне огорчен судьбой своего «заочного друга» и после смерти эмира, как отмечал Г.П. Федоров, изменился даже внешне — похудел, резко постарел. «Кауфман отказал эмиру в поддержке. Рыцарь своего слова, он на этот раз изменил своему обычаю. Кауфман после этого потух, <...> все стали замечать в нем не только отсутствие энергии, но даже некоторую апатию. Он был по-прежнему приветлив, ласков со всеми, внимательно выслушивал доклады, делал все необходимые распоряжения, даже создавал крупные и по-прежнему талантливые проекты, но прежнего орла в нем уже не замечалось, <...> и вся организаторская машина вдруг остановилась».²⁹³

«Вся организаторская машина вдруг остановилась» — поразительное по глубине и точности признание современником значимости и роли личности К.П. фон Кауфмана в жизни края. Реанимируя свои действия в отношении Афганистана, русская дипломатия обратила внимание в это время на нового претендента на престол — живущего с 1870 г. в Самарканде афганского сердара Абдул-Рахмана, ранее проигравшего в династической борьбе и сбежавшего в Туркестан, узбека по материнской линии. Царское правительство, не разрешая ему в ходе англо-афганской войны 1878 — 1880 гг. выезд на родину, решило теперь сделать на него ставку. В соответствии с директивой из Петербурга, К.П. фон Кауфман вызвал Абдул-Рахмана в Ташкент, выдал ему ординарным рас-

²⁹² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 12об — 13.

²⁹³ Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае. (1870 — 1910) // Исторический вестник. 1913. № 10. С. 42.

ходом 37 тыс. рублей, и тот немедленно 30.11.1879 г. покинул Ташкент по направлению к Афганистану. Генерал-губернатор написал бухарскому эмиру: «Абдул-Рахман скрылся, но неизвестно куда вместе с родственниками, проживавшими в Самарканде, <...> и если они где-либо обнаружатся в Бухаре, то <...> их не задерживать, пусть идут, куда хотят». В течение всего их пути по бухарским владениям эмир, помня наказ К.П. фон Кауфмана, совершенно «не обращал внимания» на «беглецов». Многочисленные замаскированные депеши о том, что сердар «бежал», «скрылся», имели целью уверить англичан в том, что его «бегство» произошло без ведома русских. «Беглецы» вышли к р. Пянджу в первых числах января 1880 г.²⁹⁴ Между тем К.П. фон Кауфман писал в Петербург: «мне непонятно, какие обстоятельства в Афганистане могут побудить желать, чтобы Абдул-Рахман с братьями отправился туда. <...> Казалось бы Абдул-Рахмана надо не пускать туда и не холить до могущей быть в нем надобности». Секретарь канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства Каблуков телеграфировал К.П. фон Кауфману, что «предположительно отправить Абдул-Рахмана в Афганистан, кажется, внушено «другом Англии» (т. е. графом Шуваловым). На сообщении генерал-губернатор напишет: «Я так и думал». Действуя осторожно и весьма искусно, проведя ряд успешных боев, Абдул Рахман-хан постепенно подчинил себе крупнейшие провинции страны, и сначала джирга (собрание глав племен) признала его эмиром всей страны, а затем это сделали англичане. Укрепившись на престоле, эмир Абдул-Рахман-хан порвал всякие сношения с Россией и даже пытался вредить ей, перешел на сторону англичан. На содержание сердара, его семьи и огромного двора за 10 беззаботных лет в Самарканде было затрачено 300 тыс. рублей. В Петербурге надеялись, а российская дипломатия рассчитывала на его благодарность за это. Но бездумные, запоздалые усилия дипломатов оказались тщетными, а К.П. фон Кауфман вновь оказался прав.²⁹⁵ «Джамский поход», миссия в Кабул Н.Г. Столетова, «бегство» Абдул-Рахман-хана были «значительным эпизодом» «большой игры», борьбы двух великих держав за преобладающее влияние в Азии.

Петербургская дипломатия оказалась бесплодной и в решении Кульджинского вопроса. Прошло десять лет неопределенного статуса Кульджи. Необходимость закрепить за Россией хотя бы часть Кульджи, важной в стратегическом отношении,

²⁹⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 13об.

²⁹⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Л. 14 — 15об.

а также, возможно, используемой для расселения бежавшего из Кульджи мусульманского населения до конца отстаивал генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский. Петербург все больше шел на уступки Китаю и придерживался установки «отдача Кульджи не будет бесплодной жертвой; потеря выгодной стране позиции будет вознаграждена возможностью развивать взаимовыгодную торговлю с Поднебесной». У К.П. фон Кауфмана было свое особое мнение. Он соглашался с необходимостью возратить Кульджу Китаю, поскольку об этом было официально заявлено в самом начале, но настаивал на взимании с Китая в размере 60 млн. рублей контрибуции — денег, необходимых для постройки Среднеазиатской железной дороги. С 19 мая по 5 ноября 1879 г. К.П. фон Кауфман был в Петербурге. На Межведомственном совете, состоявшемся 9.07.1879 г., изложив свою позицию, он подчеркнул, что деньги — 60 млн. рублей нужны не только для строительства железной дороги, это не только компенсация ущерба, понесенного русскими купцами и разгромом поселений, лавок, базаров, но и плата «за крайне неприязненное отношение к нам, выказываемое китайцами к нашим пограничным властям, за стеснение нашей торговли и явное пренебрежение к нашей силе». Переговоры дипломатов все больше заходили в тупик. В качестве аргументов с обеих сторон стали готовить военную силу. К границе Кульджи подтягивались китайские войска, для вооружения которых проводили закупки даже в Германии. В Семиреченской области также были собраны отряды из всех родов войск, готовые по первому зову выступить в поход, 1-й Сибирский полк вошел в Кульджу. К.П. фон Кауфман получил 10.03.1880 г. депешу от военного министра Д.А. Милютинина о том, что «в Пекине не дорожат нашей дружбой. Китайцы могут начать войну из-за Кульджи. <...> Надо быть готовым ко всему, примите меры осторожности на границах Китая». Министр иностранных дел в своей телеграмме также отмечал необходимость быть готовым ко «всякой случайности на границе», но советовал «сохранять строго выжидательное положение».²⁹⁶ Весть о возможной передаче Кульджи Китаю распространялась быстро и плодила слухи. Военный губернатор Семиреченской области генерал-майор П.К. Эйлер (1827 — 1880 гг.) издал 13.11.1879 г. циркуляр «О слухах по поводу передачи Кульджийского края обратно во власть Китая», предлагая населению успокоиться и верить в то, что в случае передачи Кульджи русское правительство «позаботится и сумеет устроить быт населения по возможности в лучшем поло-

²⁹⁶ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 гг.) — Барнаул. 2003.

жени». Он лично объезжал всю территорию края и успокаивал население. Однако среди населения усиливалась паника и страх быть зарезанным, когда край перейдет к Китаю.²⁹⁷

К.П. фон Кауфман настаивал на активизации действий дипломатов и русской политики в регионе, представил не один доклад военному министру Д.А. Милютину о том, что «должно переменить тактику русской политики в отношении к Западному Китаю». Не ограничившись посылкой специального уполномоченного полковника Генерального штаба П.П. Матвеева в Кульджу, 10.05.1880 г. «в виду возможного столкновения с Китаем» сам выехал в Верный. Столкновения не было. Китайская и особенно русская дипломатия пошли на взаимные уступки. Начался новый этап мирного урегулирования вопроса о Кульдже, и К.П. фон Кауфману было предписано возвращение с границы. В Ташкент из поездки в Семиречье он возвратился 13.07.1880 г. При въезде в Ташкент было произведено 13 пушечных выстрелов, встреча была торжественной, много было чиновников и жителей города. Но, как отмечал Н.П. Остроумов, все чувствовали себя немного «натянуто». К.П. фон Кауфман возвращался из поездки, которая была лишь «имитацией» похода. Но это посещение им Семиреченской области имело тем не менее большие последствия для русской политики на Востоке, во взаимоотношениях России и Китая. Российская дипломатия использовала авторитет и влияние К.П. фон Кауфмана в решении своих вопросов.

Во время пребывания К.П. фон Кауфмана в Верном жители города 21.05.1880 г. торжественно отпраздновали именины генерала. Первосвященник о. Александр провел богослужение, представители города с епископом во главе собрались на квартире именинника, где протоирей кафедрального собора о. Высоккий обратился к К.П. фон Кауфману с речью: «Ваше Высочество! Во время утверждения самостоятельной кафедры в Верном, духовенство в нем служащее не имело удовольствия лично приветствовать Ваше Высочество с днем тезоименитства Вашего. Обстоятельства политические привели Вас ныне сюда и мы очастливлены тем, что в присутствии Вашего Высочества принесли купно с архипастером нашим моления и благодарения Господа Бога о здравии и благоденствии Вашем и о благополучии управляемого Вами края. Приносим Вам лично наши поздравления с днем тезоименитства, <...> усердно просим принять копию Казанской иконы Богородицы и подношения по русскому обычаю: хлеб и соль,

²⁹⁷ ТВ. 1878. № 7; 1879. № 45.

как изъявление искреннего пожелания нашего, чтобы дом Ваш и весь управляемый Вами край не оскудевали изобилием плодов земных». Епископ Александр, приняв от протоирея икону, благословил ею начальника края. Директор мужской прогимназии Новак представил генералу ученика 3 класса Верненской прогимназии Дмитрия Уваева, юношу 14 лет, который прочел написанные им несколько наивные, пафосные, но очень искренние и правдивые стихи, ярко отражающие атмосферу и настроения, царившие в обществе того периода времени.

*Приветствуем тебя, орд покоритель,
С любовью и насколько сил в нас есть
Тебе, врагов-монголов покоритель,
Мы дружно воздаем хвалу и честь.
Кто о твоих победах здесь не знает?
Кто имени героя не слышал?
Да знают все! И в их сердцах
Плывет к тебе любовь,
Достойный генерал!
Любовь свою различно выражают:
Войска идут карать с тобой врагов.
Народ в веселых песнях восхваляет
Победы славные твоих сынов.
И мы тебе, науки покровитель,
Сии плоды наставников труда*

*Прославлен ты победой над Кокандом,
Прославлен и победой над Хивой,
Победой над великим Самаркандом,
Прославлен ты повсюду, наш герой!
Приносим в знак любви, о просветитель,
Тебя мы будем все любить всегда!
С днем ангела тебя мы поздравляем!
Да будет счастье всегда с тобой!
Чего мы искренне тебе желаем –
Бог да продлит твои лета, герой!
Опять идешь ты за отчизну биться,
Настала вновь военная пора.
И, пожелав с победой возвратиться,
Провозгласим тебе, герой, Ура!*

В заключение вечера К.П. фон Кауфман провозгласил тост за духовенство и просил у него благословения и молитв за успех русского оружия в ожидаемой войне и за здоровье славных туркестанских войск».²⁹⁸

Прошел еще год дипломатических «усилий», 12.06.1881 г. «в виду исключительного положения в Кульджинском районе», «с целью сосредоточить в одних руках военное и гражданское управление в сем районе» и чтобы «гарантировать успешную подготовку к передаче и самой передаче» в Кульджу был направлен в качестве комиссара российского правительства для передачи района Китаю помощник командующего войсками Сырдарьинской области генерал-майор Алексей Яковлевич Фриде (1838 — 1896 гг.).²⁹⁹ Он был хорошо знаком с положением дел на китайской границе, заведовал дипломатической

²⁹⁸ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 151 — 157.

²⁹⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 336. Л. 5 — 6.

частью и управлял походной канцелярией К.П. фон Кауфмана во время его поездки по Семиречью. К 11.02.1882 г. Кульджа была передана Китаю всего за 9 млн. рублей, 12 февраля был подписан Петербургский русско-китайской трактат, ратифицированный богдыханом 3 мая и 7 августа русским императором — «неоправданная уступка Китаю», по определению ученого Н.М. Пржевальского, «первая победа китайской дипломатии в XIX веке», по определению современников, историков.³⁰⁰

До 23.05.1882 г., когда комиссаром А.Я. Фриде и комиссаром китайского правительства Шэнь-Тай был подписан протокол о передаче Илийского (Кульджийского) края под власть китайцев, в Семиреченскую область переселилось и приняло русское подданство, как докладывал 19.03.1883 г. генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский: таракчей — 75 тыс., дунган — 5 тыс., киргизских кибиток — 5440, всего — свыше 107 тыс. человек — абсолютное большинство населения Илийского края. Китайские же чиновники, отметил Н.М. Пржевальский, стали распространять среди оставшегося населения слухи о том, что «русские так бедны и жадны до денег, что продают обратно свои завоевания». А.Я. Фриде оказывал большую помощь в организации переселения жителям Илийского края. Он лично объезжал все местности и составлял списки желающих переселиться, объяснял им, что свободной земли в Семиреческой области не так уж и много, а материальная помощь совсем невелика. В прессе отмечалось, что за заботу и помощь, оказываемую А.Я. Фриде беженцам-мусульманам, уйгуры (таракчинцы) — переселенцы Карасуйской волости Верненского уезда — в знак благодарности и признательности называли первое свое поселение (кент) его именем «Алексеевка». В честь его также назван «ледник Фриде» в хребте Терский Алатау на Восточном Тянь-Шане, открытый ботаником А.Н. Красновым. Генерал-майором А.Я. Фриде основан 1882 г. и город кульджинских беженцев — Джаркент.³⁰¹

Обеспечение мира и спокойствия на территории Туркестана и его границах было важной, но не единственной задачей генерал-губернатора. Много сил и внимания было вложено им в благоустройство и дальнейшее развитие хозяйства, экономики края, повышение уровня жизни населения, его благосостояния. Не подлежит сомнению то, что напряженная военная и административная деятель-

³⁰⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 336. Л. 25.

³⁰¹ Семиреченские областные ведомости. 1884. № 2 (14 января). С. 5.

ность лично К.П. фон Кауфмана и его сподвижников, в числе которых немало было российских немцев, обеспечила базу стремительного вrastания населения, всего строя феодального общества Туркестана в новую жизнь, которая начала развиваться по буржуазному пути.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НЕМЦЕВ-КРЕСТЬЯН

К.П. фон Кауфман был не только «собирателем земель» южной окраины России, управителем и организатором глубокого, всестороннего исследования края, но и «мудрым вчинателем», «строителем Туркестана». На всей его территории был установлен мир, гарантирована безопасность жизни для населения, утихла междоусобица, было ликвидировано рабство, запрещены пытки и смертная казнь, создавались условия для развития производства, торговли, свободного передвижения мирных караванов. И там, где раньше караваны конвоировали сотни человек с артиллерией, любой, имеющий «охранную грамоту ярым-падишаха, мог свободно передвигаться не только в пределах Туркестанского края, но и по всем соседним ханствам».³⁰² К.П. фон Кауфману удалось без особого кровопролития и жестокости «умиротворить край и поднять благосостояние всех слоев населения». В этом большую роль сыграла начатая им реформа землепользования, в основу которой он предложил «утверждение фактического пользования землею, установившегося в крае на праве постоянного пользования», что позволяло «по возможности не насилуя исконных народных воззрений на поземельное право» тем не менее приближать его «к порядку, существующему в прочих частях империи». Он возражал против предложения министра финансов Рейтерна о введении в Туркестане подворного землевладения, поскольку мусульманское земельное право отмечало лишь право государства на землю. Все другие владения (частные, заповедные-вакуфные) не фиксировались в документах; понятия «крестьянин-собственник», отмечал К.П. фон Кауфман, в крае нет, оно заменено понятием «постоянное землепользование». И подчеркивал то, что существующее в крае положение, когда собственником земли был хан, эмир или она принадлежала духовным учреждениям, не позволяло России «воспользоваться ни пашней, ни степью, <...> везде вырастал неведомый собственник, опирающийся на свидетельство и обычай». В решении поземельного вопроса он руководствовался поисками путей поэтапного сближения окраины с центром и всемерно содействовал проведению в жизнь принципа закрепления земли за дехканином, это привело к тому, что масса земель, особенно в Ферганской долине, были закреплены за теми,

³⁰² ТС. № 546. С. 156.

кто ее фактически обрабатывал. Безусловно, «аграрные реформы по трудности проведения в жизнь не могли быть проведены в одночасье», требовали много времени и были проведены генерал-губернатором частично. Вместе с тем он принял меры к ограничению, где только возможно, поземельных претензий местной аристократии и духовенства, значительно раскрепостив работающее на этих землях земледельческое население, растущий же спрос на хлопок и сухие фрукты вызывал прилив денег в Туркестан. У местного населения появился достаток. К.П. фон Кауфман, как рачительный хозяин «в своей устроительной деятельности», принял «основания», которые прежде всего «должны были примирить местное население с потерей им самостоятельности», отмечал в своих воспоминаниях Г.А. Колпаковский. Население Туркестана — около 3,5 млн. человек, было обложено гораздо меньшими налогами, чем при ханах. Вместо налогов и поборов, составляющих оплату натурой до половины всех продуктов труда дехканина, он предписывал «необходимым добиваться», чтобы все сборы не превосходили 10 % общего количества собранных продуктов. Экономика региона получила толчок к дальнейшему развитию. Его территория, представляющая пустыню или такырную степь, с редкими и небольшими оазисами, почти сразу после установления на ней новых мирных порядков, стала притягательной для переселения сотен тысяч выходцев из Хивы, Китая, Кашгара, Сибири, Бухары, Кызыл-Кумских степей и отчасти из Афганистана. Началось заселение в Туркестан польских евреев и армян из Кавказа, переезд в другие города «бухарских» евреев. Но главное изменение строя жизни края несло с собой переселение из европейских районов России. Оно призвано было решать «основные задачи колонизации» Туркестана и, как подчеркивал К.П. фон Кауфман, «политические цели государства», главными из которых он считал «закрепление края за Россией» и «устройство культурной жизни Туркестана на общеевропейских началах». В.В. Бартольд также подчеркивал, что с переселенческим движением из России, хотя оно развивалось в различных областях края неравномерно, было тесно связано изменение строя жизни в Туркестане. В публикациях последних лет тема «переселения русских в Туркестан» слишком «политизирована». В одном из учебников по истории Узбекистана «просто и кратко» даже отмечено, что оно «полностью» противоречило «экономическому, политическому и культурному развитию местного населения».³⁰³

³⁰³ Рахимов Ж. История Узбекистана (вторая половина XIX века — начало XX века). Т. 2007. С. 149, 152.

Безусловно, переселение русских в Туркестан не исключало, как и всякая колонизация, негативных моментов, оно проходило в разрез вековому наличию рабства и косных феодальных отношений в обществе, разрушая эти устои. Но противоречило ли оно развитию строя жизни местного населения? Сторонник последовательной, твердой колониальной политики в крае К.П. фон Кауфман очень хорошо понимал важность всестороннего изучения вопроса о переселении, необходимость наличия средств для создания земельного колониационного фонда и искренне считал «устройство русской колонизации» в сочетании с «культурным воспитанием оседающего и способного к энергичному преуспеванию кочевого народа <...> краеугольными началами» программы своего управления краем. Колониальным амбициям Петербурга и хаосу стихийных переселенческих волн, преимущественно обездоленных, разоренных крестьянских масс, он «противопоставил талант администратора и высокое гражданское мужество строителя территории». Он подчеркивал, что все годное для оседлости пространство уже заселено, и «густота народонаселения вызывает уже и ныне переселенческое движение оседлого населения в Киргизскую степь». Оберегая от переселенцев земледельческие районы края, он разрешил их поселение только на свободные земли Семиреченской области, где к 1867 г. уже переселилось до 15 тыс. казаков, создававших сторожевые станицы на «лучших землях», отнимая при этом у коренного населения не только лучшие пашни, «но и лучшие зимовые кочевки», не забывая о «наглядном проявлении негативных моментов переселения».³⁰⁴ Он был очень обеспокоен тем, что общий показатель крестьянской эмиграции на территорию области за 1867 — 1881 гг. — 3324 семейства — в два раза превышал норму, установленную в 1869 г., и на одну треть больше нормы при расширенном плане, установленном в 1872 г. Он запретил покупку земли у местного населения европейцам, не имевшим русского подданства, и старался сдерживать и организовать переселенческий поток, но уже в 1869 г. были основаны два первых селения русских крестьян-переселенцев: Гавриловское и Луговое.³⁰⁵

В 1873 г. К.П. фон Кауфман подписал Генеральный план крестьянской колонизации для всего генерал-губернаторства, учитывающий как интересы местного населения, так и переселенцев. Новые поселения предполагалось основывать

³⁰⁴ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана (по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства.). СПб. 1885. С. 151.

³⁰⁵ История КазССР. Алма-Ата. 1943. С. 289.

вдоль крупных рек и почтовых трактов от Оренбурга до Ташкента и от Ташкента до Семипалатинска. Наиболее подходящими для переселения крестьянских масс в климатическом и земельном отношении оказались районы Сырдарьинской области, где проживали в основном казахи (или как их называли — киргизы) и собственно киргизы (или как их называли — каракиргизы). Искренне убежденный в выполнении высокой миссии русской эмиграции, К.П. фон Кауфман сделал первые и «самые трудные» шаги в реализации и организации переселенческого движения. Он еще смог его контролировать и определенным образом сдерживать. Но с годами поток переселенцев стал возрастать и становился все более непредсказуемым. Отсутствие свободных земель для оседлого заселения, высокая плотность населения оазисов, непривычные способы ведения хозяйства и возделывания культур поливного земледелия, дороговизна оросительных работ, настороженно-напряженное отношение местного населения, в том числе и русских старожилов-казаков, затрудняли, но не служили достаточной преградой для переселения крестьян в Туркестан. Незнакомые с поливным земледелием переселенцы возделывали культуры, известные на родине — пшеницу, овес (60 — 90 %), занимались огородничеством, ремеслами.³⁰⁶

Все или почти все негативные моменты, недостатки переселения крестьян заключались в том, что «вопрос был решен в Петербурге и основывался не на предварительном изучении края, а кабинетным путем, руководствуясь исключительно географической картой».³⁰⁷ С годами неграмотность, слабая продуманность переселенческой политики царского правительства все больше разоряла как часть населения местных жителей, так и часть переселенцев. Местное, особенно кочевое население, кочевники — казахи и киргизы вытеснялись в горы и пустынные степи, где обрекались на более трудные условия жизни. «Мы не уничтожаем, — писал в начале второго десятилетия XX в. военный губернатор Ферганской области начальнику края генералу Н.А. Куропаткину, — а изводим, ставя в безвыходное положение <...> людей жизнеспособного народа».³⁰⁸ Окончательное разорение было уготовано и для части крестьянских переселенцев. Так, по данным только Ташкентского переселенческого района, процент обратных переселенцев-крестьян, вконец разорившихся и не сумевших приспособиться к

³⁰⁶ ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 110. Л. 58 — 61.

³⁰⁷ ТВ. 1908. № 10; ТС. № 466. С. 50.

³⁰⁸ ЦГА РУз. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 663. Л. 17.

местным условиям, «в 1911 году достиг 81 %, от числа приезжающих, а в 1913 году — 99 %».³⁰⁹ Но растущее безземелье в центральных районах империи, страшный голод в Поволжье гнали и гнали людей на новые земли. Крестьяне-переселенцы преодолевали огромные лишения и трудности. Только 1,1 % крестьянских семей прибывали в Туркестан в год выхода их из родных мест, через год — 9,1 %, через 2 года — 11,8 %, через 3 года — 12,9 %, через 5 и более лет — 64,8 %, большая часть семей — без имущества, только 11 % семей привозили деньги.³¹⁰

Большинство крестьян — 57,1 % — переселились в 1891 — 1892 гг. после страшной засухи и голода в стране, особенно в районах Поволжья. В общем потоке крестьянских переселенцев на территорию Центральной Азии шло и переселение немцев-колонистов. В 80-х годах XIX в. по отношению к ним происходил перелом в политике правительства: они уравнивались в правах с русским населением, было ликвидировано самоуправление, преподавание в школах колоний переведено на русский язык, ликвидированы ряд других льгот, в том числе в 1874 г. Александр II отменил освобождение колонистов от воинской повинности, что особенно возмутило немцев-меннонитов, так как пацифизм — один из главных принципов их вероучения. Ответом на проведенные реформы был выезд из России 16 тысяч немцев-колонистов в Америку, Канаду и Бразилию. Но небольшая часть их, ведомая религиозной идеей, двинулась в Туркестан. Некоторые историки наших дней, в частности историк Назаров Р., ставят вопрос: «...почему именно немецкое переселение поощрялось в первую очередь правительством, <...> является ли наличие большого количества немцев в администрации туркестанского генерал-губернаторства и среди военных, о чем говорят исследователи, <...> случайностью или целенаправленной политикой царской власти?»³¹¹

История немецкой диаспоры в Туркестане неразрывно связана с историей заселения немцев в целом по России, и кадровая политика в крае закономерно определялась процессами, происходившими в стране. О первоочередном поощрении правительством переселения немцев, и тем более немцев-крестьян, в Туркестан говорить абсолютно неправомерно. Хотя из 13 туркестанских генерал-губернаторов до 1917 г. трое были немцами, тем не менее, среди служащих Туркестана,

³⁰⁹ Этнический атлас Узбекистана. Ташкент. 2002. С. 190.

³¹⁰ Пален К.К. Переселенческое дело в Туркестане. СПб. 1910. С. 284 — 285.

³¹¹ Назаров Р. Вклад немецкой диаспоры в развитие науки и культуры Туркестана (XIX — начало XX вв.) // Диаспора немцев Узбекистана в диалоге культур. Т. 2010. С. 70.

как свидетельствуют архивные материалы, в списках чиновников администрации края немцы по численности составляли ничтожное меньшинство, причем желателен был их переход в православие. Для лютеран, пожелавших перейти в православие, уже с 1718 г. совершался только обряд миропомазания (без повторного крещения), с 1721 г. были разрешены смешанные браки. Оставаясь в рамках своей веры выходцы из других стран в основном занимались торговлей, предпринимательством, были ремесленниками, рабочими высокой квалификации, обслуживающим персоналом, воспитателями, военными. Историк А.М. Матвеев приводит следующие показатели социального положения немцев в начале XX в. в пределах Туркестана: занятые на производстве, служащие, обслуживающий персонал — 300 человек, в основном высококвалифицированные специалисты (машинисты, механики, мастера, инженеры, наладчики и т. д.), в том числе специалисты по обработке металла — около 40, строители и ремонтники — около 33, железнодорожники — 50, почтово-телеграфные работники — 14 и прислуга — 140 человек. Ремесленным «самодельным» трудом занимались более 200 человек (ткачи — 30, портные — 36, колбасники, кондитеры, пивовары — 22, ювелиры, часовые мастера — 14 человек), а также плотники, столяры, изготовители мебели и брочек — около 50 человек, торговым посредничеством занимались 6 человек, торговлей сельскохозяйственными продуктами было занято 36 и содержанием гостиниц, клубов — 6 немцев, 818 человек служили в воинских частях. Значительную прослойку среди по большей части обрусевших немцев — русских подданных, составляли учителя, врачи, агрономы и другие представители интеллигенции. Основную массу переселившихся в край составляли подданные России, но незначительное число среди них — около 250 немцев были подданными Германии и Австро-Венгрии.³¹² Переселение немцев-колонистов определялось не специальной политикой правительства в крае, а общими процессами, происходившими в стране, и вызвано было вполне житейской проблемой — поисками лучшей доли, и неважно, что приоритетом при этом выступали либо религиозные, либо экономические мотивы. Да и появились первые немцы-крестьяне в крае намного позже по отношению к другим переселенцам — только спустя 11 лет (1880 г.), после того как были созданы первые русские поселки. Переселение немцев, не являющихся «коренными русскими людьми»,

³¹² Матвеев А. К вопросу о выходцах из Германии в Средней Азии в конце XIX — начале XX века // Научные труды ТашГУ. Вып. 392. 1970. С. 62 — 63.

каждый раз требовало разрешения, не имело специальных правовых основ, было относительно немногочисленным и проходило не только не в рамках «приоритетной» политики правительства по заселению, а вопреки ей. К началу второго десятилетия XX в. сельским хозяйством занималось «примерно 40 % всех немцев (из 8 тыс., живущих в крае)».³¹³ Сенатор К.К. Пален (1833 — 1912 гг.), инспектирующий переселенческое дело в Туркестане в конце первого десятилетия XX в., писал: «Подавляющее большинство переселенцев Туркестанского края — крестьяне, русские, православные. Лишь в Ауле-Атинском и Ташкентском уездах имеется 266 дворов немцев лютеран и меннонитов, а в Ходженском уезде в поселке Вольнское проживает несколько десятков семей баптистов».³¹⁴ Пограничное положение края определяло и наличие специальных правил его посещения иностранцами. Так, согласно «Правилам...» от 29.06.1901 г. для посещения края подданными европейских государств существовали ограничения, которые не распространялись на подданных соседних азиатских государств.³¹⁵

Первыми переселенцами немцев-крестьян были меннониты из колоний на юге России, где в эти годы стало оживляться «Движение исхода», основанное на предсказаниях места и времени второго пришествия Христа. Еще основоположник учения штундистов в Германии Иоганн Альбрехт Бенгель (1687 — 1752 гг.) призывал своих единоверцев готовиться ко второму пришествию Христа и предсказывал, что оно должно произойти в 1790 г. где-то на Востоке. Его расчеты были скорректированы немецким писателем-мистиком И.Г. Юнг-Штилингом (1740 — 1817 гг.), который определил, что пришествие состоится в 1836 г. «в стране Востока», а баронесса Юлиан фон Крюденер (1764 — 1864 гг.) назвала место — на горе Арарат, на Кавказе. Проповеди этого учения, а также надежда выбраться из нужды, приобрести обещанную царским правительством землю, определили в свое время переселение многих тысяч немецких крестьян с территории Германии на Кавказ и юг России. Начиная с 1870 г. баварский писатель Самуэл Клеттер стал пророчествовать о совершении пришествия Христа в 1889 г. в Туркестане. Его идеи скоро проникли в Россию. В менонитских общинах юга империи произошел раскол. Среди жителей молочанских и хортицких менонит-

³¹³ Никольская Г.Б., Матвеев А.М. Из истории азиатских и европейских выходцев в Средней Азии в начале XX века. Материалы по истории и археологии Средней Азии. Ташкент. 1972. С. 84; Обзор Сырдарьинской области за 1910 г. Ташкент. 1912. С. 163, 168.

³¹⁴ Пален К.К. Переселенческое дело... С. 281 — 282.

³¹⁵ ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 223. Л. 3, 4.

ских немецких колоний Таврической губернии и Поволжья еще в 1860 г. возникло движение «братские меннониты» в противовес «явно недостойной жизни номинальных христиан». Страстные проповеди Клааса Эпп, Абрахама Петерс, Мартина Классен и др. распространяли новое учение, внушая верующим, что убежищем для истинно «божьего народа» станет Средняя Азия.³¹⁶

В 1879 г. делегация меннонитов из Таврической губернии во главе с Абрахамом Петерсом и Якобом Янценом обратилась к К.П. фон Кауфману во время его пребывания в Петербурге с просьбой о разрешении поселиться им в Туркестане и сохранить привилегии, дарованные колонистам Екатериной II и Павлом I, которые отменил Александр II. Не дожидаясь окончательного ответа, сотни семей (около 500 меннонитов) во главе с К. Эпп, воодушевленные идеей скорого второго пришествия Христа, который явит людям свой светлый лик в Туркестане, двинулись со всем скарбом и живностью через Оренбургскую степь в Центральную Азию.³¹⁷

К.П. фон Кауфман не мог ответить на просьбу меннонитов без консультации с МВД. Но, оценивая создание немецких колоний в крае в качестве образцов европейской культуры сельского хозяйства, уговорил императора дать разрешение меннонитам на поселение в Туркестан, а возвратившись в Ташкент вскоре вынужден был уже сделать соответствующее распоряжение на обустройство 71 семьи немцев-меннонитов, прибывших в Ташкент и Ташкентскую область осенью 1880 г. из Кеппентальского церковного округа Саратовской, Самарской губерний и из Таврии Северного Кавказа. На зиму они были временно расселены в пустующих лавках на ярмарочной площади и в селении Капланбек. Антисанитарные условия, холод, непривычный климат привели к массовым заболеваниям прибывших. Приехавшие жили за счет временных подработок, занимались извозом, перевозили бульжники и другой материал для мощения улиц города. К тому же в ходатайстве об освобождении от воинской повинности им было отказано. Не согласившись с отказом об освобождении от воинских повинностей, 29 семей немецких колонистов-меннонитов приняли решение идти дальше и просить прибежища у эмира бухарского. Зная о нравах эмира и фанатичном настрое при его дворе, временно исполнявший во время отъезда К.П. фон Кауфмана

³¹⁶ История евангельских христиан-баптистов в СССР. М. 1989. С. 34, 47, 54, 55.

³¹⁷ История евангельских... С. 422. Большинство переселенцев позднее разочаровались в К. Эпп, на это были свои хозяйственные и духовные причины, он был отлучен от церкви, скончался в 1913 г.; ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1087. Л. 23 — 25.

должность Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский пытался отговорить их, убеждал отбросить «химерическую» идею. Однако непреклонные в своем решении меннониты двинулись в сторону Бухары. Перезимовав в урочище Зерабулак, пережив страшные лишения и потери, они получили от эмира отказ на поселение, мотивированный тем, что земли мало, воды самим не хватает, пришельцы не знают языка, не умеют обрабатывать землю, а женщины ходят с открытыми лицами, чем «дадут дурной пример здешним».³¹⁸

Что вело все дальше и дальше этих людей? Отчаяние, безысходность, покорность, упорная настойчивость натуры, глубокая вера и преданность религиозной идее, наивные ожидания торжества справедливости? После отказа эмира делегация меннонитов из трех человек отправилась в Хиву для встречи с Саид-Мухаммед-Рахим-ханом и получила от него разрешение на поселение. Колонисты (к ним присоединилось еще 23 менонитских семьи переселенцев, прибывших позднее) при содействии начальника Аму-Дарьинского отдела генерала барона А.А. Гротенгельма, на многочисленных повозках, в сопровождении эскорта бухарских войск, преодолели значительное расстояние через плодородные земли Бухары, затем — на верблюдах по знойной пустыне, часть пути — на лодках по р. Амударье. «Везде, где мы останавливались, — напишет в своих воспоминаниях участник тех событий Г. Янцен, — нас в обилии снабжали кормом для лошадей, большим количеством овощей, яйцами, молоком, рисом, мукой, бараниной. И все это стоило очень дешево». В Хиву 52 семьи меннонитов в основном из Новоузенского уезда Самарской губернии и Бердянского уезда Таврической губернии прибыли 11.08.1881 г. Немцы в Хиве появились еще во второй половине XVIII в. — это пленные, захваченные во время набегов кочевников на Поволжские колонии (три немецкие колонии были разорены до основания), которых до 12.06.1873 г. продавали на невольничьих рынках, некоторые из них создавали свои семьи с местными жителями.³¹⁹

Первоначально переселенцам были отведены земли в Клиганском бекстве арыка (канала) Лаузана, выведенного из р. Амударьи в 160 км от Хивы близ г. Ходжейли. Трудолюбивые крестьянские руки начали бережно обрабатывать землю, колонисты сажали овощи, картофель, фруктовые деревья, обустроивали

³¹⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1 Оп. 16. Д. 2385. Л. 134 — 135.

³¹⁹ Матвеев А. К вопросу о выходцах... С. 33.

жилища. Но кочевники туркмены-йомуды нападали на поселян — «немисов», разрушали их хозяйства, вытаптывали посевы, убивали людей. Меннониты в силу своих религиозных убеждений не имели оружия для защиты семей и своего имущества.³²⁰ Хан отводит переселенцам по их просьбе 16.04.1884 г. новые земли в урочище Ак-Мечеть, в 13 км к югу от Хивы, во владениях своего брата Атаджан-тюри. В своих воспоминаниях Г. Янцен отмечает, что только около 40 семей из Лаузана переселись в Ак-Мечеть, остальные, «не выдержав тягот переселения и обустройства на новых местах, <...> выехали в течение последующих нескольких лет в Северную Америку».³²¹ Первые четыре года община, получив 50 га земли, освобождалась от всяких повинностей. Позднее часть доходов отдавалась в ханскую казну и Атаджан-тюри.³²² Но в Ак-Мечети не было достаточно воды. Переселенцы стали заниматься огородничеством, животноводством, ремеслами (столярное, кузнечное, слесарное, ткачество), строительством ветряных мельниц, жилых домов, торговых. Они строили маслособойные и хлопкоочистительные заводы в городах Ургенч, Хива, Ханка, Ташауз. Светлейший хан Хивы Сеид Асфендиар-Богадур-хан (Исфендиар-хан, 1873 — 1918 гг.) по случаю своего восшествия на престол сделал большие подношения Николаю II. Поблагодарив хана, царь вернул ему деньги со словами: «Возьмите с собой Роопа, он Вам построит на эти деньги больницу». Архитектор А.И. Рооп с участием акмечетских мастеров построил дворцовый комплекс Нуруллы-бая в Хиве. Немецкие мастера в окрестностях древнего города построили летнюю резиденцию Саид Мухаммед Рахим Бахадур-хана (Мадраим-хана II, 1864 — 1910 гг.) Кубла-Тоза-баг. Паркетные полы, отделочные работы дворцовых залов обоих памятников архитектуры, представляющих собой смесь старинного хорезмского стиля с европейским стилем «ампир» XVII — XVIII вв., сохранились до сих пор. Из привозной российской древесины руками первоклассных немецких мастеров сделаны карнизы, дверные и оконные блоки, художественные паркетные полы сложного геометрического рисунка. На фарфоровом заводе в Петербурге были изготовлены по эскизам акмечетских мастеров специальные кафельные плитки с оригинальным рисунком

³²⁰ Нуриджанов К. Восьмое чудо света: Страницы истории Хорезма. Ургенч-Хива. 1994.

³²¹ Фитц А. Забытые фрагменты истории // Вера в жизнь. 1992. № 3.

³²² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1479. Л. 2 — 3; Ф. И-125. Оп. 1. Д. 252. Л. 2 — 6, 15 — 19, 25 — 28; Гейер И.И. Весь Русский Туркестан. Ташкент. 1908. С. 228.

для 10 изразцовых печей. Расписной плафон и медальоны в виде летающих амурчиков, павлиньих перьев и бантов в Кубла-Тоза-баге оформлены, видимо, также местным художником-любителем из акмечетских мастеров. Под руководством А.И. Роопа меннониты построили еще два здания европейского образца в Хиве: почта и больница (1910 — 1913 гг.). «Труд А.И. Роопа и акмечетских умельцев наравне с местными мастерами вошел в сокровищницу культуры Узбекистана, — отмечает историк Л.И. Жукова, — но ни в одной из опубликованных монографий, статьях или путеводителях, посвященных архитектурным памятникам Хивы, об участии А.И. Роопа и акмечетских мастеров не указано».³²³

Численность колонии была невелика: в 1899 г. ее составляли 36 семей — 140 человек, в 1906 г. — 155, в 1913 г. — 143, в 1929 г. — 280 человек. Община пополнялась за счет прибывавших в разное время единоверцев из Закаспийской области, Киргизии, Поволжья, Украины. Отделившиеся молодые семьи колонистов в 1908 г. основали в Таласской долине новый поселок — Хивинский, в котором в 1912 г. проживало 88 человек, часть семей вообще покинули край. В быту колонисты сохраняли старинный уклад жизни, носили костюмы покроя XVIII — XIX вв., воспитывали детей по классическому немецкому образцу. На средства общины содержалась школа, в воскресные дни выполнявшая функции молитвенного дома. По сообщениям Л.И. Жуковой, одним из первых учителей был Яков Тефс, которого община с целью его образования отправляла в Америку. Отношения с местным населением были дружескими. Колонисты освоили местные обычаи, культуру, узбекский язык и почти не знали русского языка.³²⁴

Владея более технологичными методами сельскохозяйственного труда, колонисты научили местных жителей выращивать томаты, картофель, баклажаны, капусту, улучшили породистость коров — завезли с 1904 по 1920 гг. 120 коров краснопестрой породы, передавали хивинцам навыки европейского ремесленного производства. Так, староста общины Вильгельм Пеннер (Панор-бобо), отмечает Л.И. Жукова, научил хивинца Худайбергена Деваева искусству фотографии, который затем стал первым кинооператором края. Первые кинокадры, снятые им, относятся к 1908 г. Лучшими мастерами и подрядчиками в колонии были: Герман Ризен, Гергард Классен, Герман Янцен, Густав Классен и др. Крупные доходные хозяйства имели: Иван Гергардович Лепп, Александр Гергардович Лепп, Арон Лепп, Паульс Обсон,

³²³ Этнический атлас... С. 173 — 175.

³²⁴ ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 314. Л. 48об.

Отто Оттавия Тейфс, Петр Генрихович Нахтиган, Давид Дауд, Отто Шмидт и его отец, Андрей Шмидт. По устным сообщениям знатоков края — краеведов, известно, что «немецкий островок» поселян был обнесен, как крепость, глинобитной стеной с одними запирающимися на ночь воротами — местная традиция того времени. До 1928 г. для урегулирования проблем с канцелярией хана, а затем с органами советской власти Хорезмской области избирался староста и два уполномоченных по хлопковому и торговому делам. Пастором общины в последние годы был Отто Шмидт, Атабай-немис, как его называли местные жители. Советскую власть колонисты встретили настороженно, продолжая держаться обособленно, не смешиваясь ни с местным, ни с русским населением, упрямо отказывались от всех нововведений, от средств госбюджета для школы, от учебников советского типа, аккуратно выписывали литературу из Германии и не хотели вступать в кооперативы и колхоз. Посетившие в 1925 г. поселок статисты были поражены тем, насколько полно колонисты сохранили свой уклад жизни, традиции, принципы веры; они с удивлением констатировали, что «даже богатеи из немцев не тронули во время революции». Этот факт — лучшее свидетельство того, как относилось местное население к немцам-колонистам.³²⁵

В 1929 г. на основе личных хозяйств под нажимом властей был создан единственный в Узбекистане немецкий колхоз. Из всей занимаемой площади в 56 га 58 % было отведено под посевы хлопчатника. Его урожайность на этих полях была почти в два раза выше, чем в соседних колхозах. (Как свидетельствует Л.И. Жукова, сбор с гектара земли составлял 1000 кг при общей урожайности у местного населения — 600 кг.) Наряду с сельскохозяйственным производством значительным источником доходов общины по-прежнему являлось кустарное производство. В советское время жители колонии постоянно подвергались преследованиям на религиозной и национальной основе. По данным сводок НКВД, колония «была абсолютно не подвергнута советскому влиянию», культурная работа среди меннонитов проводилась «исключительно скверно». Но выезд за границу уже был невозможен. За отказ отдавать сверх положенного излишки производства в пользу государства почти все жители колонии были вывезены в ночь на 30.04.1935 г. на грузовиках в Вахшскую долину Таджикистана и направлены в спецпоселки Вахш-строля Таджикистана, где они основали новый поселок Ной-Ак-Мечеть, к западу от

³²⁵ Чеботарева В. Меннониты: поиски земли обетованной // Neues Leben. 1992. № 40; Чеботарева В. Страницы истории российских немцев. М. 2001. С. 37 — 48.

Душанбе. Немногочисленные потомки выходцев из Хивы и ныне живут на таджикской земле, часть семей позднее переселилась в Киргизию и Казахстан.³²⁶ По другим данным, колония была ликвидирована 27.04.1935 г., «все жители поселка за отказ объединиться в колхоз и срыв депортации «кулаков» сотрудниками НКВД были погружены на автомашины и в результате многодневной эпопеи с несколькими пересадками (водный и железнодорожный пути) поселены в Таджикскую ССР, в район г. Курган-Тюбе, где ими был основан поселок № 7.³²⁷ В конце 70-х годов XX в. в Хиву уже из Германии приезжали несколько туристов, еще не совсем забывших узбекский язык. Весной 2007 г. американское турагентство организовало тур по Центральной Азии, в том числе и по местам проживания хивинских немцев. Из 25 туристов 14 человек были потомками хивинских немцев, среди них — два правнука Клааса Эпп.³²⁸

Для поселения оставшихся ждать своей участи в Ташкенте семей меннонитов в марте 1881 г. было отведено 1040 десятин земли на Ур-Маральском участке Ауле-Атинского уезда Сырдарьинской области и открыт кредит для выдачи ссуды на поселение в размере 3550 рублей. Переезд на новый участок по горным дорогам, непригодным для колесного транспорта, был очень труден. Начальник Ауле-Атинского уезда В.А. Каллаур выслал для сопровождения переселенцев опытного проводника. В «Туркестанских ведомостях» 16 июня был опубликован специальный документ «Правила отбывания воинской повинности в Туркестанском крае», в котором еще раз объяснялся порядок отбывания альтернативной службы меннонитов, в том числе в составе лесных бригад. После его опубликования часть семей уехала в Америку, остальные семьи таврических меннонитов во главе с Якобом Францевичем Янценом, Генрихом Францевичем Янценом, Исааком Ивановичем Пеннером, Германом Корнелиусом Эппом поселились на отведенных землях, создавая в диких, киргизских степях новые «бастионы цивилизации». В бассейне р. Талас они начали осваивать в последних числах апреля 1882 г. поселки: Николайполь, Гнаденталь, 10 семей, прибывших из Самарской губернии, создали поселок Кеппенталь, в 1883 г. в километре от него — Гнаденфельд. Немецкие названия не были утверждены М.Г. Черняевым, и в 1893 г. они получили соответственно официальные названия: Николайполь, Анд-

³²⁶ Иноятова Д.М. Экскурс в прошлое и настоящее хивинских немцев // Диаспора немцев Узбекистана в диалоге культур. Ташкент. 2010. С. 71.

³²⁷ Кригер В. Рейн — Волга — Иртыш. Алматы. 2006. С. 102, 105.

³²⁸ Иноятова Д.М. Экскурс в прошлое... С. 71.

реевка, Романовка, Владимировка.³²⁹ Общее название колонии — Николайполь (Николайталь, Павловка, с 1932 г. — Ленинополь). В советское время здесь был организован колхоз «Победа», в котором в 1959 г. проживало 3818 человек, в 60-х годах XX в. из общей численности жителей около 5 тыс. немцы составляли более 2 тыс. человек, ныне поселок назван Бакай-Ата, немцы из него выехали все. Большинство выехавших живут в Германии и время от времени встречаются. На встречах часто выступает со своими, идущими от сердца, песнями на нижненемецком диалекте Катарина Ведель, ее прадед Яков Ведель был одним из основателей поселка.³³⁰ Социальный состав колонистов был однороден: 90 семей составляли крестьяне, 2 — мещане, 1 — купеческая семья. Всего в колонии проживало 496 человек, из них 270 — мужчин и 226 — женщин.³³¹

Состав немецких колоний пополнялся за счет естественного прироста, а также в значительной степени за счет крестьян-переселенцев новой волны миграции в начале девяностых годов XIX в. в основном из районов засушливого и голодного Поволжья. Как отмечал в 1907 г. сенатор К.К. Пален, больше всего «переселенцев устроилось в период с 1891 по 1893 гг. — 57 % всех переселившихся хозяйств». За последние 20 лет XIX в. в Туркестан переселилось до 500 немецких крестьянских семейств.³³² В 1893 г. в Николайполе — 220 человек (30 детей); Романовке — 155 человек (23 ребенка); во Владимировке — 55 человек (10 детей); Андреевке — 123 человека (10 детей).³³³ В 1911 г. проживало: в Николайполе 275 человек, в Романовке 196 человек, во Владимировке 67 человек, в Андреевке 152 человека. И это при том, что через 25 лет после заселения в колониях из всех семейных, «прибывших при водворении», осталось 24 человека. «Остальные, — как отмечал начальник Ауле-Атинского уезда В.А. Каллаур, — или уехали в Америку, или умерли».³³⁴ В 1920 г. Николайпольская колония включала 215 хозяйств, 1180 человек, на каждую семью приходилось по 15,5 десятин земли. В 1923 г. создано «Менонитское сельскохозяйственное общество», закупившее два трактора и инвентарь, на его базе возник кооператив «Эдельвейс» (1927 г.), но в годы коллективизации вся техника была национализирована.³³⁵

³²⁹ ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5221. Л. 20.

³³⁰ Кригер В. Рейн Волга... С. 11.

³³¹ ЦГАРУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 14679. Л. 25.

³³² Пален К.К. Переселенческое дело... С. 281; Матвеев А. К вопросу о выходах... С. 65.

³³³ ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 86. Л. 8 — 16.

³³⁴ Каллаур В.А. Немецкая культура на р. Талас // Среднеазиатская жизнь. 1907. № 115; № 116.

³³⁵ Кригер В. Рейн — Волга... С. 11.

Колонии сохраняли свои конфессиональные особенности, разделившись «уже здесь на Таласе, спустя несколько лет на две духовные общины или толка»: в Романовке был духовный центр и жили семьи так называемых церковных (крещение через обливание водой) или общих меннонитов (П. Янцен, Г. Янцен, К. Янцен, К. Валл, Л. Янцен, В. Гисбрехт, К. Госсен, Регер и др.), в Андреевке (А. Реймер, И. Пеннер, П. Пеннер, И. Классен, Я. Мантлер, П. Валл, К. Нейман и др.) и Владимировке (Г. Реймер, Б. Дик, А. Дик, Я. Дик, А. Кооп, Г. Отто, П. Пеннер, К. Криверг и др.) — семьи братских меннонитов (крещение в реке, а «здесь в пруду», «по вероучению близки к баптистам»). Возглавляли селения Я.Ф. и Г.Ф. Янцены, Г.К. Эпп, И.И. Пеннер. Среди колонистов этих поселений не было отставных воинских чинов.³³⁶ Отлученные от общин за «недостаточную твердость в правилах веры и уступчивость требованиям власти» — согласие нести воинскую повинность — около 20 менонитских семей совместно с семьями лютеран, баптистов и адвентистов седьмого дня (всего 45 дворов) основали к 1890 г. в пяти километрах от Владимировки селение Орлово (Орловка), ныне Ак-Дебе. На каждый двор при этом было отрезано по 20 десятин удобной и неудобной земли.³³⁷ Земля, отведенная первоначально недалеко от р. Талас, не понравилась поселянам, и они ушли дальше к югу, к подножью Таласского Алатау. В 1893 г. в селе проживало 292 человека, к 1912 г. в селении было уже 45 нижних военных чинов, и к 1920 г. оно включало 95 домохозяйств с общей численностью 542 жителя. Во второй половине 20-х годов — 310 хозяйств, 1869 человек, 1670 десятин земли, по 0,89 десятины на душу. Поливных земель здесь было меньше, но имелись хорошие выпасы для скота, и жители поселка занимались огородничеством и животноводством.³³⁸ В журнале заседания Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора отмечалось: «Русские сектанты, являясь в край инородчески и встречая малодружелюбное отношение к себе со стороны (местного) населения, очень быстро проникают отчетливым сознанием необходимости защищать себя и свою Родину с оружием в руках. Меннониты шли на военную службу».³³⁹ Среди основателей села — семьи Шмидт, Кривинг, Шнайдер, Янцен, К. Валл. В колонии была школа, библиотека, мастерские, водяная мельница, сыроварня. Лю-

³³⁶ ТС. № 422. С. 34 — 38.

³³⁷ Кауфман А.А. По новым местам. СПб. 1905. С. 305; ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5146. Л. 64; Д. 5221. Л. 20.

³³⁸ ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1, Д. 5221, Д. 60; Матвеев А. К вопросу о выходах... С. 66.

³³⁹ ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5146. Л. 5.

теране колонии были прихожанами Ташкентского лютеранского прихода. Это село стало местом рождения художника Теодора Герцена. В советское время создан колхоз им. Жданова. Для отделившихся семей обеих колоний и 17 семей выходцев из Ак-Мечетской колонии была выделена в 1908 г. 491 десятина земли к западу от города Талас, на которой были основаны участки Гогендорф и Хивинское, позднее — единое село Хивинское, которое включало 64 семьи. В советское время в нем был создан колхоз им. Шверника.³⁴⁰

По мере роста численности жителей освоенных поселков все острее ощущалась нехватка поливной земли. Правительство предложило арендовать ее у местного населения. В 1908 г. на условиях аренды было засеяно 625 десятин в Орлово и 1845 десятин в колонии Николайполь.³⁴¹ В 1906 — 1907 гг., заплатив 1992 рубля, 47 семей из Самары и Саратовского уезда арендовали земли в Бештакской волости Ауле-Атинского уезда площадью 40 десятин и создали к 1908 г. самовольческие поселки Иоганесдорф (Ивановский) и Штаперельдт; в 1911 г. здесь проживало 389 человек.³⁴² Из 47 семей поселка на родине имели от 1 до 4 десятин земли 27 семей, 4 семьи — свыше 4 десятин и 16 семей были безземельными, по вероисповеданию — в основном лютеране.³⁴³ Немцы-крестьяне арендовали земли за пределами колонии у местного населения по своеобразной системе «ортачество»: пахали, засевали и убирали урожай вместе с владельцами земли, затем делили полученный урожай пополам, «колониист пашет и сеет своими семенами, киргиз поливает посев и жнет, молотит колониист, оставляя себе солому и полову, а зерно делится пополам, причем семена киргизами возвращаются».³⁴⁴

В 1913 г. аренда земель была запрещена. С годами правительство предлагает для малоземельных крестьян и повзрослевших сыновей первых немецких (как и русских) поселений внутрирегиональное переселение в верховья р. Чу Семиреченской области на земли переселенческого фонда. Из колоний Таласской долины выезжают и создают в долине Кичак-Джалга дочерние поселения около 380 семей. Первые 24 семьи выехали еще в 1907 г. по бездорожью через пески Моюнкум, переживая эпидемии, страдая от недостатка питьевой воды в долину р. Чу, основав в ее верховьях позднее ставшими русско-украинско-немецкими

³⁴⁰ ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5221. Л. 20; Кригер В. Рейн — Волга... С. 14 — 15.

³⁴¹ Пален К.К. Переселенческое дело... С. 305.

³⁴² Штемплер И.И. Село меняет облик. Фрунзе. 1972. С. 95.

³⁴³ ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5221. Л. 23.

³⁴⁴ Пален К.К. Переселенческое дело... С. 305.

поселки: Алексеевка (где было 32 немецких двора, 160 человек) и Петровка (после 1918 г. — Водное и Богословское (Богословка). В 1926 г. в них проживало 119 и 142 лица немецкой национальности. Среди переселенцев — семьи Н. Абрахамс, Р. Намм, Я. Паульс, Я. Пеннер — владелец водяной мельницы (разрушена в 30-х годах XX в.). В.А. Каллаур, описывая факт создания поселков, отмечал, что меннониты «из своей среды выделили 24 семьи», которые «все распродали, отправились по реке Чу на новый участок — 200 верст севернее Ауле-Ата, через пески», указывая на то, что «если понадобится этим колонизаторам помощь, то надо помочь обязательно — дело серьезное и полезное», подчеркивал: «русские на предложение уездного начальства, осмотрев участок, селиться отказались».³⁴⁵

Голод 1920 — 1921 гг. в Поволжье и южных районах России вытолкнул новые потоки переселенцев в благодатный край. В Пишпекском уезде в эти годы создаются в основном переселенцами из Поволжья у р. Красная поселки Люксенбург и Фриденфельд (Первое Мая), в 1928 г. в них поселились и переселенцы из Кустанайской области. Выходцами из Таласской долины, среди которых семьи Германа Янцена, Дитриха Гамма, Зукау, Мартенсов, Коопов, Тильманов, в 65 км к юго-западу от Пишпека (Бишкека) к 1925 г. были основаны также новые немецкие поселки: Бегталь (Рот-Фронт) и Гринфельд (им. Тельмана). В 1965 г. они включали 899 жителей немецкой национальности.³⁴⁶ Были и одиночные поселения, возникали хутора, выселки. Так, в 1920 г. в Таласской долине был зарегистрирован хутор Шуберт (1 дом).

Немцы-крестьяне осваивали селения и в другом уезде Сырдарьинской области — Ташкентском, на р. Акжар в Акжарской волости. Первым в 34 верстах к северу от Ташкента возникло село Константиновское (1891 г., 107 дворов, 572 человека). В 1,5 верстах от него, влево от почтового тракта, — селение Кауфманское (1892 г., 92 двора, 450 человек); Солдатские выселки (1894 г., 55 дворов, 212 человек); Степное (1910 г., 95 дворов, 401 человек). Константиновское (с 1917 г. — Тоболино, ныне Дербисек) в 1910 г. включало 124 двора, 825 жителей, в 1929 г. в нем проживало 1600 человек: 1100 — лютеран, 300 — реформаторов, 200 — католиков. Первыми переселенцами села были: К. Вебер — открыл слесарную мастерскую, Альберт Иоганес, Криштоф Гельвер, Иоганн Грей, Генрих Куфельд,

³⁴⁵ Каллаур В.А. Немецкая культура ... 1907. № 116; ТС. № 422. С. 34 — 38.

³⁴⁶ Штемплер И.И. Село меняет... С. 12; Санего Л. Нашей родиной был Бергталь в Чуйской долине// Слово Кыргызстана. 2012. 27 июня — об изданной в 2012 г. на нем. языке книге Зукау В. Нашей родиной был Бергталь в Чуйской долине.

Андрей Лоренц, Карл Лоренц, Иосиф Реш и др. Г. Миллер открыл в поселке кузнечно-слесарную мастерскую, в которой работал сам, а одна из первых в крае семей адвентистов седьмого дня — семья Бетрам обслуживала построенную ею и широко известную в округе вальцовую мукомольную мельницу.³⁴⁷

Селились немцы и в русских поселках: Дмитриевка, Черняево (1884 г.), Никольское (1883 г.), Троицкое (1886 г.), Самарское (1892 г.), Чиназ (1885 г.), Капланбек, Ключевское. Однако Переселенческое управление давало рекомендации: создавать поселения, учитывая родственные, земляческие, религиозные, языковые и бытовые отличия немецкого населения от окружающего русского, казахского, украинского населения. Переселение незначительное немцев-крестьян в Самаркандскую область началось в конце 80-х годов XIX в. (Ходжентский уезд); в Ферганскую область — с 1893 г. (с. Николаевское, Благовещенское). В районах Республики Таджикистан немецкое население появилось в основном после 1941 г. В поселках на территории Семиреченской области поселения немцев-крестьян были весьма не многочисленны, в 1913 г. в области проживало около 60 немецких семей, область заселяли казаки. Во времена К.П. фон Кауфмана к бывшим 14 поселкам казачьего войска было освоено еще 27 новых поселков, и переселилось до 20 тыс. душ крестьянских семей. В Закаспийской области, где все земли были объявлены государственными и выделялись местному населению в бессрочное пользование, заселение немцев-крестьян на «свободных» землях было также невелико. С 1892 г. на арендованных землях были освоены самовольно прибывшими переселенцами (50 семей) из Поволжья поселки: Крестово (Крестовское) в Серахской волости Тедженского уезда и Гермабский (Саратовское, Козельский) в Гермабском районе Ашхабадского уезда. В 1907 г. Крестово, который находился в десяти верстах от укрепления Серахс, долгое время был единственным европейским поселением в уезде и был основан, как и другие селения переселенцев, в приграничной полосе с целью поставки в города и гарнизоны воинских частей сельскохозяйственной продукции, проживало в нем 418 человек, в 1913 г. — 507 человек. Крестьяне, получив по 100 рублей на семью и 600 рублей на приобретение крупного рогатого скота, в тяжелых климатических условиях, при постоянных трудностях водоснабжения сеяли пшеницу, ячмень, выращивали овощи, бахчевые культуры, занимались живот-

³⁴⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 70. Л. 1 — 7.

новодством, а также извозом и продавали по установленным ценам зерно и фураж, а также «по высоким (рыночным) ценам» молочные, колбасные изделия, домашних животных в укреплении Серахс.³⁴⁸

Из поселка Гермабский (Саратовский), основанного переселенцами из центральных районов России в 18 верстах от Гермаба, на р. Мерген-Ульд близ персидской границы, часть жителей в 1896 г. переселились в Крестово, остальные уехали после неурожая 1904 — 1905 гг. в местечко Байрам-Али (около г. Мерв), часть жителей — в Мургабское государево имение, часть — в Тахтамышский район Мервского уезда, основав в нескольких километрах к западу от Мерва колонию Саратовка II (Саратовское II, позднее в 1909 г. — Козелковский), в 1925 г. в ней проживало 222 человека. Жители ее занимались животноводством, охотой, продавали молоко, масло, сметану, окорока диких кабанов в Ашгабаде.³⁴⁹ В начале второго десятилетия XX в. начали застраиваться также поселки Немецкий, в 15 верстах от Кара-Су, и Александровский. Немцы-крестьяне Туркестана были подданными России, лишь маленькая толика их сохраняла иностранное подданство.³⁵⁰ Немцы Ак-Мечетской колонии с 1904 г. были «навсегда уволены из подданства России» и «приняты» подданными хана Хивы.³⁵¹

Жители колонии Николайполь в годы Первой мировой войны и разжигания антинемецких настроений стали называть себя «голландцами», а язык «голландским», засвидетельствовав об этом и в переписных документах 1920 г. Но, как отмечал историк А. Матвеев, они говорили на одном из диалектов немецкого языка и ничем не отличались от остальных немцев. В.А. Каллаур, описывая свое посещение Николайпольской колонии в честь 25-летнего юбилея ее создания в 1907 г., также неоднократно указывал на то, что тот или иной текст приветствия или речь проповедника «произносились», «были зачитаны» на немецком языке.³⁵²

Немецкие колонии представляли собой замкнутое экономическое, этнокультурное и конфессиональное пространство, границы колонии и религиозной общины, как правило, совпадали. Ориентация на семейную и внутриобщинную жизнь определяла неприятие лиц иного вероисповедания. Смешанные браки, особенно для меннонитов, были исключением. Селения состояли из одной очень

³⁴⁸ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 616. Л. 7, 150.

³⁴⁹ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 616. Л. 67 — 68.

³⁵⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1 Оп. 16. Д. 2385. Л. 150.

³⁵¹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 2385. Л. 210 — 212.

³⁵² ТС. № 422. С. 34 — 38.

широкой и длинной хорошо озелененной улицы с расположенными к ней перпендикулярно переулками. По обеим сторонам ее располагались благоустроенные усадьбы, огороженные высоким, густозаросшим забором из кустарниковых насаждений. Усадьбы строились по типу так называемого «саксонского дома», объединяющего под одной массивной крышей все жилые и хозяйственные постройки, или состояли «из двух связей» для двух колонистских семей, имея общую прихожую и кухню. Первоначально дома строились из самана — самодельного кирпича из глины, обожженного южным солнцем. Но десять-пятнадцать лет спустя немцы стали перестраивать свои дома, используя кирпич или шлакоблочный материал, что было не совсем экологически целесообразным в климатических условиях края, но очень удобным для внутривладельческих работ в любое время года. Строили прочно, на века. Перед домом в садике — цветы, кустарники, фруктовые деревья, за домом — ухоженный огород, сад, виноградники. По своей планировке, архитектуре строений, озеленению и благоустройству немецкие селения резко отличались от русских поселков и поселений местных жителей. В годы после распада Союза и массовой миграции из Центральной Азии некоренного населения российские немцы выезжали в Германию целыми колхозами, селами, оставляя чистые ровные улицы, крепкие дома, возделанные трудолюбивыми руками поля и огороды, дававшие не один урожай в год под щедрым южным солнцем. В городах края немецкий стиль постройки не сохранился. Дома немцев соответствовали местным стандартам каждого времени. Но неповторимый колорит домашнего уюта — чистота и порядок, высоко взбитые перины, подушки и подушечки, салфетки, с вышитыми на них изречениями из Библии, женское рукоделие и поделки — сохранялся в большей или меньшей мере повсюду в немецких семьях. Почти в каждом немецком селении был молитвенный дом, библиотека (книги и журналы регулярно выписывались из Германии) и хорошо оборудованная школа, в Романовке и Константиновке — приходские училища.³⁵³ Учителей оплачивали за счет общины, девочки учились 5 лет, мальчики — 6 — 7 лет. Изучали Закон Божий, немецкий язык, историю, арифметику, природоведение, русский язык. Среди сельских учителей имена: Э. Барент, П. Валл, Г.П. Коппер, В. Пеннер, Н. Реймер, О. Сакс, Г. Янцен. До революции немцы как в городе, так и в селах были самым грамотным народом

³⁵³ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 379; Д. 380; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 381; Народное просвещение. 1906. № 8; ТС. № 503. С. 87, 176; № 504. С. 1 — 115.

среди населения Туркестана. Большинство мужчин владели музыкальной граммоной, играли на скрипке, цитре или дудель-закпфайфере — вольнке немецкого образца. Материалы свидетельствуют о том, что самыми грамотными среди немецкого крестьянства были жители менонитских колоний Ауле-Атинского уезда (значительно менее грамотными были крестьяне Закаспийской области). Однако ориентация на получение среднего, а тем более высшего образования среди немецкого крестьянского населения была невысокой. Отмечая это положение, В.А. Каллаур приводит данные о том, что за 25 лет со дня основания колонии Николайполь только 11 человек получили среднее образование, при этом самыми популярными профессиями были профессии врача и учителя.³⁵⁴

Медицинскую помощь в селах оказывали костоправы (Г. Эпп, М. Эпп, И. Янцен, П. Браун) и «повивальные бабки» (Фрус, Крекер). В Романовке был открыт первый акушерский пункт (А. Тильман, М. Тесман). В 1910 г. в доме Г. Регерс открыта общественная больница из 6 палат по 4 койки, обслуживали больницу зубной врач К. Боон, акушерка П. Боон, акушер А. Барг, выпускники 3-годовой медицинской школы Р. Коппер, Л. Валл, а также студент медицинского университета из числа «неблагонадежных» — Вильберг.³⁵⁵

Наблюдение за порядком в колониях находилось в руках выборных старост или старшин. Большое влияние на все стороны хозяйственной, личной и общественной жизни оказывали пастыри. Положение всех переселенцев особенно в первые годы было очень трудным: новые климатические условия, незнакомая агротехника возделывания местных культур, скудость водяных ресурсов, недостаток поливных земель. Некоторые вконец разорившиеся крестьяне возвращались обратно. Например, из пяти русских поселков Ауле-Атинского края в первые годы вернулась 241 семья, мотивируя возвращение тем, что здесь им «грозит голодная смерть».³⁵⁶ Семьи немецких крестьян выезжали в основном в Канаду и Америку. Туда же выезжали и некоторые русские крестьянские семьи, и это уже вызывало протест царского правительства.³⁵⁷ Оставшиеся в Туркестане немцы-крестьяне переживали лишения, терпели нужду, преодолевая невзгоды. Обеспечение земель было неодинаковым в разных селах, но постепенно, к 1902 г., в них переходят от общинно-передельного землепользования, свойственного рус-

³⁵⁴ Каллаур В.А. Немецкая культура... 1907. № 115.

³⁵⁵ ТС. № 422. С. 38.

³⁵⁶ ЦГА РУз. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1855. Л. 30.

³⁵⁷ ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 6009. Л. 24.

ским деревням, к подворному землепользованию, как в немецких колониях юга России, что исключало хищническое отношение к земле. Творческий подход ко всему окружающему, рачительные усилия, особенности брака, наследования земли и имущества, сохранение профессиональных структур (различия между которыми сказывались на экономическом и бытовом укладе отдельных групп) и — главное — трудолюбие позволили немцам достаточно быстро приспособиться к новым условиям жизни, создать благоприятные условия для своих коммерческих и культурных нужд. Во многом этому содействовали концентрация и решение социальных проблем в общинно-религиозных рамках. В.А. Каллаур писал: «Я не был в Таласе с 1898 года. Как в Николаевской немецкой колонии, так и в селении Орлово заметна особая зажиточность, особенно в Орлово, ведь многие, особенно лютеране, приехали сюда в 1892 г. почти нищими, а теперь у некоторых имеется по два дома под железной крышей, два жеребца, <...> с прошлого года в немецких колониях устроено две русских маслобойни, ежедневно один из русских объезжает поставщиков, свистит, берет молоко, записывает, рассчитывается. Итак, хоть одно дело от немцев попало в русские руки среди меннонитов». «Трудолюбивые, организованные немцы, получив в Сырдарьинской и Закаспийской областях, — пишет также в своем инспекторском отчете в 1907 г. граф К.К. Пален, — самые неблагоприятные, неплодородные земли, очень скоро превратили их в высокоплодородные». «Немцы не ограничиваются удобрением, получаемым из своего собственного хозяйства, а скупают навоз у окрестных киргизов, <...> и результаты старательной обработки земли и обильного ее удобрения сказались очень быстро: получив наименее плодородные в Таласской долине земли, меннониты почти удвоили их урожайность».³⁵⁸

Посетивший в 1903 г. Голодную степь экономист А.А. Кауфман (1864 — 1919 гг.) характеризовал жителей менонитских поселений как особо рачительных хозяев, у которых материальный достаток стоит неизмеримо выше любого богача русской деревни. Верные своему долгу и принципам веры колонисты поднимали свои хозяйства, старательно усваивали от местного населения специфику агротехнических приемов земледелия, возделывали рожь, пшеницу, овес, ячмень, внедряли новые огородные культуры — томаты, бобовые, картофель, баклажаны, морковь, огурцы, свеклу, вводили севообороты, применяли сельскохозяйственную технику (заменяли соху плугом, серп жнейкой), внедряли аппараты для дое-

³⁵⁸ Пален К.К. Переселенческое дело... С. 291.

ния коров, сенокосилки, жатки, веялки, улучшали местную киргизскую породу коров, вывели знаменитую аулеатинскую упряжную лошадь, занимались сыроварением, маслоделанием, огородничеством, садоводством, торговлей, ремеслами. В почете были столяры, плотники, кузнецы, дояры, парикмахеры; женщины обрабатывали шерсть, занимались ткачеством, вязанием, шитьем и т. д. Они являлись добросовестнейшей частью общества, ибо честность, трудолюбие и порядок — органичная черта, неистребимое качество российских немцев. И.А. Бунин (1870 — 1953 гг.) устами героя своей повести «Деревня» Тихона Ильича говорит: «Взять хоть русских немцев или жидов; все ведут себя дельно, аккуратно, все друг друга знают, все приятели, и не только по пьяному делу, все помогают друг другу; если разъезжаются — переписываются, портреты отцов, матерей, знакомых из семьи в семью передают; детей учат, любят, гуляют с ними, разговаривают как с равными, вот вспомнить-то ребенку и будет что. А у нас все враги друг другу, завистники, сплетники, друг у друга раз в год бывают, мечутся как угорелые, когда нечаянно заедет кто, кидаются комнаты прибирать».³⁵⁹

Переселенцы были также искусными мастерами, развивали на местах ремесленное производство. В Константиновке известными мастерами были Г. Миллер, семья Бертрам, К. Вебер. Во Владимировке — Г. Отто (предприятие по изготовлению веялок, сортировок, бричек), Г. Янцен, К. Криверг, П. Пеннер (изготовление мебели); в Романовке — П. Валл (швейная мастерская и черепичный завод). П. Янцен, К. Валл владели мукомольными мельницами, Л. Янцен — сыроваренным и маслодельным заведением; в Андреевке Г. Эпп, Я. Реймер открыли сыроварни. Исследователь и видный деятель сельского хозяйства князь В.И. Масальский в своей работе «Туркестан» отмечал, что особенно хорошо было организовано молочное хозяйство в менонитских колониях Аулеатинского уезда, где имелось несколько сыроваренных и маслодельный (в Романовке) заводы. В народе сыр так и называли «аулеатинский», а масло — «немецкое». Искусные колбасники, маслобойщики, сыровары — жители немецких колоний — два раза в год отправляли фургоны сыра, масла, ветчины, колбасы, крупитчатой муки в Ташкент и другие крупные города Туркестана, доставляя скоропортящиеся продукты на большие расстояния.

Но немецкие поселения, особенно менонитские, имели одну особенность — довольно значительную, социально-экономическую и общественную обособленность. Отмечая вклад немцев-крестьян в развитие сельского хозяйства, их влия-

³⁵⁹ Бунин И.А. Деревня. Повести и рассказы. М. 1981. С. 86.

ние на повышение культуры земледелия и животноводства края, администрация тем не менее считала, что «целям колонизации они не отвечают». «Их своеобразная отчужденность — это желание во что бы то ни стало сохранить свой западноевропейский облик. Это заковывает их в замкнутый круг. Менонитские селения интересны как пример того, что может достигнуть на этой благодатной почве тщательная и разумная обработка, но целям колонизации они нисколько не отвечают и дальнейшее водворение колонистов должно быть признано нежелательным», — писал в своем отчете в конце XIX в. чиновник особых поручений при министре внутренних дел А. Половцев.³⁶⁰

Отношение к переселению немцев в Туркестан со стороны центрального правительства и местных властей проявлялось в рамках общей атмосферы, складывающейся в российском обществе по отношению к российским немцам на рубеже XX в. Экономическое развитие объединенной Германии (с 1871 г.), расширяющаяся конкуренция товаров германского производства на российском рынке углубляли противоречия между Россией и Германией, усиливали антинемецкие предубеждения против российских граждан немецкого происхождения. К тому же Российское правительство, учитывая стратегическое положение Центральной Азии, всегда отдавало предпочтение при переселении прежде всего лицам русской национальности. Против переселения немцев на территорию края было и местное православное духовенство, усматривая в них источник распространения христианского сектантства. После завоевания края переселение крестьян в Туркестан вплоть до 1883 г. шло на льготных условиях: с освобождением от воинской повинности, для усадьбы нарезалось по 18 десятин земли на семью, выдавалась ссуда 10 рублей и гарантировалось освобождение от налогов на 25 лет. Более или менее первоначально равное землепользование позднее было нарушено, и земля нарезалась в зависимости от экономической мощи хозяйства. К 1917 г. только 54,4 % крестьян владели первоначальным наделом, зажиточно жили 7,2 %, надел которых был больше первоначального, остальные 38,4 % — бедняцкие хозяйства. Не были выработаны в первые годы и законодательные меры, переселение носило стихийный характер. В 1883 г. генерал-губернатор М.Г. Черняев в принятых им «Правилах...» поселения утверждает, что «поселен-

³⁶⁰ Половцев А. Отчет чиновника особых поручений при министре внутренних дел А.А. Половцева, командированном в 1896 — 1897 гг. для собирания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанский край. СПб. 1898. С. 159.

цами поселков могут быть только лица русского происхождения». Но волны голодающих крестьян из центральных районов России и Поволжья захлестывали Туркестан. В.В. Бартольд отмечал, что в связи с голодом в России 1891 — 1892 гг. Туркестан пережил самую большую переселенческую волну. Не исключением был и самозахват земель, вызывавший возмущение коренных жителей. В центре и на местах усиливалось стремление как-то регламентировать переселенческое движение. С 12.06.1886 г. были введены новые «Временные правила о переселении обывателей на казенные земли», согласно которым к переселению допускались исключительно лица «коренного русского происхождения, православного вероисповедания или сектантских толков баптистов и адвентистов». Узаконение это действовало до 1903 г. С 1893 г. переселенцы стали получать путевое пособие, медицинскую и другую помощь. Однако тогда же, в июле 1893 г. была закрыта для переселения Семиреченская область, год спустя — Ферганская и Сырдарьинская области. С 1896 по 1905 гг. Туркестанский край официально считался закрытым для переселения. Но поток переселения крестьян, в том числе и немцев, не прекращался, и устройство их было делом вынужденным. В новых «Правилах о добровольном переселении сельских обывателей и лиц на казенные земли в области Сырдарьинская, Ферганская и Самаркандская» от 10.07.1903 г. вновь четко отмечалось, что к переселению «допускаются сельские обыватели и мещане православного вероисповедания, принадлежащие к коренному русскому населению Европейской России».³⁶¹ После революции 1905 г. царское правительство все больше стало обращать внимание на политическую благонадежность, экономическую состоятельность и национальную принадлежность переселенцев. «Правила о переселении на казенные земли» от 26.04.1906 г. еще раз законодательно подтвердили это положение. В 1910 г. П.А. Столыпин также напишет: «...в ограничении интересов русских крестьян и по соображениям государственной важности принять меры против заселения Степных областей немцами-колонистами, как элементом, не отвечающим задачам русской колонизации». Запретительная политика переселения лиц немецкой национальности в Туркестан, как «нежелательного элемента», четко проявлялась не один раз, но реалии жизни и действия некоторых чиновников на местах, опиравшихся на экономическую целесообразность и здравый смысл, приводили к ее сбою.

³⁶¹ Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края (Сырдарьинская, Ферганская, Самаркандская и Закаспийская области) за 1915 год. Ташкент 1916. С. 72.

Так, в газете «Русский Туркестан» (28 октября 1904 г.) отмечалось: «...между тем аулеатинских колонистов нельзя не признать в нашем крае за людей полезных, а потому помощь им в смысле увеличения надела необходима и небесплодна; свою культуру они поднимают окружающее население киргизской степи».

В 1906 г. было создано Сырдарьинское переселенческое управление (трудности работы определяли то, что заведующие его менялись почти каждый год). Технический же надзор за сельским хозяйством, ирригационными сооружениями, лесопосадочными работами, борьбой с вредителями сельскохозяйственных культур, выдачу свидетельств на разработку полезных ископаемых, надзор за организациями, лечебными и школьными учреждениями осуществляло Туркестанское управление земледелия и госимущества. На местах стали работать податные комиссии, в составе которых были землемеры, межевщики, податные инспекторы. С 1886 г. в Туркестанский край стали направлять офицеров и чиновников, прошедших определенную подготовку для работы в южных районах империи. В Ташкент в этот год командировается «группа слушателей старшего класса офицерского курса восточных языков в С.-Петербурге». Среди них: поручик Гольцгауэр, исполнявший обязанности комиссара вакуфных прав на землю в Ферганской области, поручик Шлиттер, ставший комиссаром поземельной комиссии в Сырдарьинской области. Вообще среди сотрудников областных, волостных, уездных управлений земледелия и госимущества и поземельных комиссий было немало немцев: И.Д. Бергман, И.К. Блак, А.П. Ветберг, Н.А. Вунцетель, П. Гамбургер, С.М. Ган, П.Ф. Гауф, С.Х. Генкгузен, П.А. Герн, Ю.И. Гоппер, П.В. Гофман, П.Я. Граубинг, П.А. Дюбург, А.К. Линденблат, К.О. Магазинг, А.И. Мартисон, Э.Ф. Мейер, Ф.К. Михельсон, Э.Э. Моргенрот, Э.Э. Пильц, С.Ю. Раунер (разработчик проекта поселка Духовского около станции Голодная степь, зав. всеми казенными землями в Голодной степи), В.К. Ройтман, А.Е. Синклер, К.Л. Эггерт, О.А. Фридрихсон, П.А. фон Швенцон, Л.К. Шеффер, Б.Х. Шлегель, И.Л. Шперер и др. Жизненно важное значение в климатических условиях края имело искусственное орошение. Одним из перспективных районов орошаемого земледелия для будущих переселенцев рассматривалась Голодная степь. Голодная степь — солончаковая, в трещинах, безлюдная, сухая пустыня, наполненная скорпионами, черепахами, фалангами, различными видами змей, ящеров и варанов, которых особенно боялись русские солдаты, называя их «степными крокодилами». При К.П. фон Кауфмане был установлен надзор за расхо-

дованием вод, орошением уже окультуренных площадей, были проведены предварительные изыскания по строительству канала в Голодной степи, и началось его строительство в 1872 г. (Ходженский район Самаркандской области, арык Тонгуз). С 1883 г. этой проблемой занимался великий князь Николай Константинович Романов. Построенный им канал им. Николая I протяженностью 90 км орошал около 7 тыс. десятин земли. С 1901 г. дело орошения Голодной степи взяло на себя правительство, канал «Романовский» к 1916 г. орошал более 28 тыс. десятин земли. В строительстве ирригационных сооружений, в их техническом обслуживании и в осуществлении оросительных работ активное участие принимали российские немцы: Е.Н. Блумберг, И.И. Вальтер, Г.П. Гельцер, Н.Ф. Геннигсен, В.Е. Гойер, В.А. Гольст, Г.И. Енш, Г.А. Зельгейм, А.М. Лундинг — заведующий гидротехническими постами (провел промеры всех важнейших водных источников Ферганской долины, обработал собранные материалы, установив количественный запас оросительных вод), А.А. Матисен, Э.М. Ольдекоп, И.И. Петерс, А.Е. Синклер, И.Э. Шютц и др. В строительной партии по орошению 45 тысяч десятин земли в Голодной степи в начале XX в. работали: А.К. Гренут, Г.А. Зельгейм, В.М. Рейхель, Г.К. Ризенкампф — начальник Ташкентского технического отдела по составлению проекта орошения в бассейне р. Сырдарья, в северо-западной части Голодной степи. Ирригаторы и гидротехники были одновременно и первыми энергетиками Центральной Азии. Разработка и строительство крупнейших гидроузлов проводилась так, чтобы наряду с орошением обеспечивалось и получение электроэнергии. Под руководством Г.К. Ризенкампфа впервые был разработан комплексный план орошения 500 тыс. десятин целинных земель, в котором спроектированы: гармонично действующая оросительная система, план заселения и землеустройства освоенной площади, расположение новых городов, административных и промышленных центров, заводов по переработке сельскохозяйственных продуктов, схемы железных дорог и шоссе, линии связи и электропередач. Проект не был осуществлен в связи с войной 1914 г. В 1928 г., когда было раскручено так называемое «шахтинское дело», получившее широкий резонанс по всей стране, в том числе и «о вредительстве в области водного хозяйства» в Центральной Азии, состоялись судебные процессы над рядом специалистов в этой области (Э. Реслер, Г.К. Ризенкампф). При разработке проектов освоения целинных земель (350 га) в 60-х годах XX в. в Узбекистане проект Г.К. Ризенкампфа однако был принят за основу. В проекти-

ровании и строительстве водохозяйственных объектов в Центральной Азии в последние десятилетия XX в. — начале XXI в. активное участие принимали немцы: В. Гейн, Д.П. Горн, В.Ф. Райх — один из руководителей, занимался проблемами Чирчикстроя, строительством Кадырьинской ГЭС, строил текстильный комбинат в Ташкенте, А. Райсих, Г. Реслер, В. Реслер, С. Функ, М.А. Шмидт, К.В. Шлейхер, В.В. Эрнст, В. Шредер, Р. Эшинбах и др. Не один десяток тысяч мозолистых и добрых рук немцев-переселенцев облагораживали земли далекой Киргизской степи, умножая достаток ее населения.

УСТРОЙСТВО КУЛЬТУРНОЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КРАЯ

К.П. фон Кауфман ставил основной задачей своей политики сделать «как православных, так и мусульман одинаково полезными гражданами России». Как отмечал Н.П. Остроумов: «одной из главных задач К.П. фон Кауфмана было устройство культурной жизни в Туркестане на общеевропейских началах, закрепление его за Россией» и «сближение местного населения с европейскими понятиями». Он считал необходимым вводить «христианскую русскую цивилизацию», «русифицированное просветительство», но «не стараться предлагать местному населению православной веры.³⁶² Полагая, что «самое сильное влияние на людей может осуществить только народное образование», он говорил на съезде учителей в Верном в 1878 г.: «Только народное образование способно завоевать край духовно, ни оружие, ни законодательство не могут сделать этого, а школа и только школа может». Обращать внимание на «школьное дело» заставил его и быстрый рост числа семейных служащих. Школы для привлечения в край русских людей, которые бы «привыкали к нему с детства», открывались еще до К.П. фон Кауфмана. Первая школа в Ташкенте была открыта в 1866 г., в ней обучалось 15 девочек и 18 мальчиков — дети военных. На средства генерала Д.И. Романовского, покровителя города, в 1867 г. была открыта русская школа в Ходженте. Первая русская школа в Самарканде была открыта в 1871 г. К моменту приезда К.П. фон Кауфмана в Туркестан здесь работали уже 14 русских школ. За годы его управления краем было открыто 46 начальных школ, 5 средних учебных заведений и гимназий, учительская семинария, несколько пансионатов при гимназиях, ученических квартир и детских приютов. Особой заботой и гордостью генерал-губернатора были открытые 3.09.1872 г. в Ташкенте прогимназии (позднее — полные гимназии) — мужская и женская. Для них построены специальные двухэтажные (сохранившиеся и в наши дни) прекрасные здания по проекту главного архитектора города В.С. Гей-

³⁶² ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 104. Л. 5; Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 31 — 32, 40 — 44.

цельмана (1851 — 1922 гг.) при участии художника А.Л. Бенуа (1838 — 1902 гг.). С 28.11.1879 г. по 12.06.1885 г. Почетной попечительницей Ташкентской женской гимназии была супруга К.П. фон Кауфмана Юлия Маврикиевна фон Кауфман.³⁶³ В память о К.П. фон Кауфмане было принято решение оставить Юлии Маврикиевне звание Почетной попечительницы пожизненно, а также о том, чтобы жены генерал-губернаторов были попечительницами Ташкентской женской гимназии. С 11.12.1886 г. второй Почетной попечительницей женской гимназии была утверждена Ольга Ивановна Розенбах.³⁶⁴ Вскоре с 17.05.1875 г. было учреждено Управление учебных заведений Туркестанского края, начавшее действовать с января 1876 г. (упразднено в декабре 1917 г.). В апреле 1880 г. был издан специальный циркуляр для военных губернаторов областей в развитие приказа от 15.11.1879 г. о необходимости в «непродолжительное время ввести в крае обязательное обучение для всего русского населения, проживающего в нем». С этой целью в каждой области и уезде были созданы особые комиссии.³⁶⁵ К.П. фон Кауфман считал необходимым воспитывать вместе детей из русских семей и из семей местного населения и предлагал ввести русскую транскрипцию в преподавание мусульманских школ, заменить ею мусульманскую арабскую традицию. В то время эти планы остались на бумаге. Не добился он и согласия преподавателей восточного факультета МГУ на введение русского алфавита среди местного населения. Это было реализовано в 1929 г., в конце XX в. кириллица была заменена латинским шрифтом. Стремясь устранить вредное в политическом и экономическом отношении обособление мусульманских школ от русских, он предлагал принять в основу воспитания детей не религиозные различия, а одни и те же принципы, правила. При этом он подчеркивал, что не придает особого значения различию вероисповедания и считает «достаточным для получения рая добрую, честную жизнь каждого человека, к какой бы вере он не принадлежал». В этом вопросе «школьного дела» у него были расхождения не только с некоторыми могущественными лицами из центра, но и с некоторыми руководящими чинами на местах. Так, генерал А.К. Абрамов, «человек хорошего, здравого смысла», как отмечал сам К.П. фон Кауфман, был с ним не согласен и весьма негативно рассуждал об образовании местного насе-

³⁶³ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3996. Л. 7, 7об.

³⁶⁴ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3996. Л. 14.

³⁶⁵ ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 608. Л. 2, 2об.

ления. Для подготовки учителей, «могущих приступить к светскому обучению детей из местного населения, не знавших русского языка», была открыта в доме полковника Нольде в Ташкенте 30.08.1879 г. учительская семинария. Позднее для нее было построено А.Л. Бенуа одно из красивейших зданий Ташкента (сохранилось до наших дней, но построенная при семинарии небольшая, удивительно светлая, гармоничная, ювелирно выполненная тоже по проекту А.Л. Бенуа православная церковь имени Александра Невского была разрушена 21.11.2009 г.)³⁶⁶

К.П. фон Кауфман рассчитывал пригласить на должность директора семинарии профессора Казанского университета и Духовной академии Н.И. Ильминского (1822 — 1891 гг.), всецело занятого вопросом просвещения нерусских народов. Переписка с министром народного просвещения Д.А. Толстым по этому вопросу результатов не дала. Тогда главный инспектор училищ А.Л. Кун порекомендовал на должность директора учительской семинарии известного впоследствии востоковеда Н.П. Остроумова (1846 — 1930 гг.). Он прожил в Ташкенте много лет и оставил свои многочисленные доброжелательно-объективные записи о К.П. фон Кауфмане и его преемниках. К сожалению, его отношения с А.Л. Куном, видимо, не сложились. К образованию местных народов на русском языке К.П. фон Кауфман относился с большой осторожностью. Когда главный инспектор народных училищ А.Л. Кун разработал инструкцию о подчинении мусульманских школ контролю, К.П. фон Кауфман не допустил вмешательства инспектора во внутренний строй мусульманской школы: «Сломать их вековой строй и переделать на другой лад пока невозможно».³⁶⁷

К.П. фон Кауфман стремился путем народного образования вывести кочевое население из-под опеки фанатичного мусульманского оседлого населения и считал, что совместное обучение их с русскими детьми будет способствовать зарождению и укреплению русского духа. А это создаст условия для развития естественных способностей людей, их нравственного и материального прогресса. Идея совместного обучения и проживания детей была продуктивна во всех отношениях, однако, как отмечал Н.П. Остроумов, особых последствий эти мероприятия не имели. Местные жители края неохотно отдавали своих детей в такие школы. А выпускники возвращались в свои семьи, кланы, роды и растворялись в привычной для них среде, не

³⁶⁶ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 32, 40, 49.

³⁶⁷ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 101.

оказывая особого влияния на окружающих. К 1.01.1903 г. в Туркестане было более 100 русско-туземных школ, в которых обучалось менее 3 тысяч учеников, в то время как в мусульманских школах — более 80 тысяч человек, новые мусульманские школы создавались под видом мечетей и при мечетях. К.П. фон Кауфман поднимал вопрос об изучении местных языков русским населением края, для чего в Ташкенте был организован ряд публичных чтений и была объявлена премия для составления словарей. Но этой идее не суждено было тогда сбыться — не нашлось квалифицированных авторов. Только востоковед, преподаватель учительской семинарии, затем политический агент в Бухаре и посол в Кашгарии Я.Я. Лютиц (1854 г. — после 1921 г.) составил первый учебник киргизского языка для учащихся семинарии (Киргизская хрестоматия. Ташкент. 1883 г.). Была открыта в Ташкенте и офицерская школа восточных языков. Но в целом «в Туркестане не было русских переводчиков, от Кауфмана до Куропаткина — переводчики из пришлого и инородческого населения».³⁶⁸

Очень беспокоился начальник края о том, что в школах учат, а не воспитывают, и резонно настаивал на необходимости чередовать умственные занятия учеников с физическими упражнениями и работой на верстаках. В полезности этого он убедился на основе воспитания собственных детей, которые учились прекрасно. Здоровье своих детей и их умственное развитие он приписывал исключительно физическому труду и отмечал благотворное влияние его в общем развитии детей. Особенно указывал на свою дочь Лену, которая не отличалась крепким физическим здоровьем, но благодаря системе физических упражнений выросла, «развилась физически и умственно и была потом здоровой женой и хорошей матерью». «Умными письмами ее генерал восхищался». Говоря о сыне, К.П. фон Кауфман отмечал, что он иногда затруднялся решать заданные арифметические задачи, и тогда следовал приказ оставить занятия книгой и идти к верстакам. «После упражнений на верстаках Мика (Михаил — *Н.К.*) без труда решал заданную задачу». С гордостью рассказывал он и о том, что «когда сын учился дома, он всегда писал Россия огромными буквами, а Англия — маленькими».³⁶⁹

На завтраке выпускников МГУ 12.12.1878 г. в честь дня основания университета, устроенном по инициативе В.П. Череванского, К.П. фон Кауфман изложил проект «Устава Общества вспомоществования бедным учащимся в

³⁶⁸ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 31.

³⁶⁹ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 95, 103.

Туркестанском крае» и открыл подписку на взносы в его фонд, 17 октября этого же года император дал разрешение на учреждение трех стипендий имени К.П. фон Кауфмана (Николаевское инженерное училище, училище Св. Екатерины в Петербурге, Ташкентская мужская прогимназия). Он учредил также стипендии в Горном, Технологическом институтах и в Петро-Разумовской академии. «За получение посредством <...> его отеческой заботливости о бедных детях и сиротах <...> образования <...> благодарно вспоминали его юноши и девушки, учившиеся в разных институтах империи», — отмечал Н.П. Остроумов.³⁷⁰

Еще в 1871 г. в Ташкенте было создано «Ташкентское благотворительное общество попечения о раненых и больных воинах — позднее — повсеместной помощи пострадавшим на войне и их семьям». Председателями главного комитета общества и Почетными попечителями его были: К.П. фон Кауфман, Ю.М. фон Кауфман, М.Ю. Фриде, О.А. Эверт; среди членов главного комитета: барон Н.Г. фон Бутлер, майор А.Я. Фриде, генерал-майор П.К. Эйлор; казначеи общества: М.Р. Келлер, Ф.И. Гинтенбрант, Л.К. Крабе. Общество собирало средства для улучшения нравственного и материального положения нуждающихся (в том числе и лиц местных национальностей).³⁷¹ В ведении общества и на его средства с 1872 г. состоял детский приют. Попечителем детского приюта был определен Н.П. Остроумов и весь личный состав Туркестанской учительской семинарии, врачом — К.Ф. Иогансон, аптекарем — И.И. Краузе, с 1.04.1875 г. приютом заведовала участковая попечительница Мария Ивановна Мозель. В 1875 г. по указанию К.П. фон Кауфмана был создан Комитет по устройству приюта и для ветеранов Туркестанских войск. Подхватив идею генерала о создании приюта, великий князь Константин Николаевич Романов предложил для этой цели свое имение «Запорожье», находившееся рядом с Беговатом. Созданная под председательством П.О. Папенгута комиссия пришла к выводу, что за ветхостью здания приют не может быть здесь обустроен.³⁷² Приказом 19.02.1879 г. К.П. фон Кауфман руководство Попечительным советом детского приюта взял на себя: «Существующий с 1872 года в Ташкенте детский приют доказал на деле незаменимую пользу этого учреждения. Желая развить в крае дело детских приютов на прочных началах я приказываю своевременным учредить в Ташкенте Попечительный

³⁷⁰ ТВ. 1878. № 4; 1879 № 1, № 2.

³⁷¹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 654. Л. 1 — 7; ТС. № 341. С. 22.

³⁷² ТС. №. 421. С. 34.

совет под моим председательством в составе следующих чинов: военный губернатор Сырдарьинской области, правитель канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, начальник штаба ТВО, сверх того в составе совета обязан всегда присутствовать член от местного духовенства по назначению епархиального начальства». Среди членов совета были: А.А. Вейнберг, Ф.И. Гинтенбрант, И.Ф. Гуюс, А.И. Дейбнер, А.И. Мозель, А.М. Отто, М.Р. Келлер, К.Ф. Левенгаген, М.Р. Розенфельд. К.П. фон Кауфман контролировал работу приюта, вникал во все проблемы жизни воспитанников.³⁷³ Как-то на заседании Попечительного совета начальник штаба ТВО генерал А.И. Мозель заявил о том, что приютских детей не следует водить в церковь к богослужению, так как они не могут понимать его и потому в церкви только зевают. На что К.П. фон Кауфман заметил, что детей нужно приучать с малых лет молиться, и предложение генерала А.И. Мозеля осталось без последствий.³⁷⁴ В том, что К.П. фон Кауфман находил среди своих многочисленных обязанностей время заниматься серьезно делами учебного ведомства, современники видели большую заслугу начальника края. Подчеркивая, что он любил ташкентские учебные заведения, как свои детища, Н.П. Остроумов запишет: «Он не просто создавал дело (учебное), но выхаживал его и радовался, глядя на его развитие и достижения. История оценит его заслуги по этому делу, а мы, живые свидетели его отношения к школам и к делам школы, можем только с чувством искренней признательности вспомнить это минувшее время». Учащиеся школ и учителя, чувствуя подлинную заботу об их нуждах со стороны начальника края, платили ему также своей любовью.³⁷⁵ Когда в Ташкенте стало известно о награждении К.П. фон Кауфмана орденом Св. Владимира 1-й степени, утром 31.08.1878 г. к нему явился весь чиновничий мир города, а вечером поздравить собрались учащиеся, «гимназистки в пестрых сарафанах», классные дамы, учителя. «Детей угощали чаем, конфетами и разнообразной закуской, <...> было объявлено, что с разрешения генерал-губернатора уроков завтра не будет. Дети имели еще больше удовольствия», — записал Н.П. Остроумов и подчеркнул, что генерала «радует женская гимназия», созданная им, она растет и развивается, и из маленьких девочек вырастали бойкие девочки. Это в отдаленном Ташкенте, где он в первые годы своего управления краем видел мало во-

³⁷³ ТВ. 1879. № 8; № 43; ТС. № 341. С. 22 — 58,

³⁷⁴ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 169.

³⁷⁵ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 139.

обще семейных пар». Интересна и запись Н.П. Остроумова о «серьезном и очень резонном» рассуждении К.П. фон Кауфмана о «назначении женщины»: «Он рассказал, что министр внутренних дел Тимашев не благосклонно относится к стремлению женщин на государственную службу. Кауфман находил такую политику министра крайностью, ввиду незначительного числа русских женщин, ищущих выхода из своего безвыходного положения. Хотя был согласен с тем, что прямое назначение женщины — в семье, т. е. быть женою, хозяйкою и матерью, воспитывать детей.³⁷⁶

К.П. фон Кауфман вообще любил детей. В конце сада его дома находилась мусульманская начальная школа, в которой дети на разные лады и голоса зубрили свои уроки, и шум от них раздавался по всему саду, но генерала не тревожил шум этой школы, и он относился к ее существованию вполне спокойно. Но, когда среди гимназистов Ташкента были замечены попытки совершения самоубийства, он был крайне встревожен и немедленно посетил 7.02.1880 г. мужскую и женскую гимназии города, побывал на некоторых уроках и обратился к собравшимся со следующими словами: «Хотел я Вам, дети, сказать о тех случаях, которые начинают повторяться в вашей среде. Очень жаль будет, если ташкентские прогимназии, на открытие и устройство которых потрачено столько хлопот, забот и труда, не оправдают возложенных на них надежд. А между тем, при открытии их имелось в виду принести не зло, а только добро. Это всякий из вас должен знать, ибо это известно родителям и родственникам, которые считают за счастье иметь здесь гимназии. Спросите их, и они вам скажут это. Мне очень жаль, что между вами оказались несколько воспитанников крайне малодушных. Видя слабости своих успехов, они вместо того, чтобы употребить все усилия и старания к исправлению полученных ими баллов на успехи, решились на страшный шаг в жизни — самоубийство. Стыдно и грешно, дети, падать духом. Разве на это нам дана жизнь Богом? Разве этим путем мы должны возблагодарить его за милость к нам? Данная Богом жизнь принадлежит не только нам самим, но и нашим родным, обществу и отечеству. Со всеми бывает в жизни горе, всякому подчас тяжело и трудно. Но что делать? Надо переносить всякое горе. Если туго — надо подобраться, терпеть, но не поддаваться отчаянию. Господь Бог дал нам разум и силу, характер и мужество для того, чтобы мы смело переносили житейские невзгоды, неудачи! Каждый из нас обязан всеми, данными ему от Бога дарами, пре-

³⁷⁶ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 78 — 80.

одолевать встречаемые в жизни препятствия. Вы молоды, для вас жизнь только начинается! Плохо, если вы уже теперь начинаете теряться, падаете духом, не дорожите жизнью! Родители ваши, отдав вас в прогимназию, думают и рассчитывают, что вы подготовитесь легко преодолевать невзгоды, встречаемые в жизни, что вы будете полезными деятелями отечества, утешением семьи. Вообще я желаю от вас, дети, чтобы вы учились и вели себя в гимназии, и на улице, и в обществе так, чтобы всякий видел вас и мог с похвалой сказать: «вот видно, что это ученики Ташкентской гимназии!».³⁷⁷

К.П. фон Кауфман считал необходимым сближение школы и общества. Для этого были организованы регулярные открытые педагогические беседы, о которых заранее оповещала газета «Туркестанские ведомости». Он считал очень важным выбор школьных учебников, например, замечал, что учебник русской истории нужно писать так, чтобы входящие в состав России народы захотели жить в этой стране несмотря на все ее беды в прошлом и настоящем. Учителям К.П. фон Кауфман оказывал особое внимание, встречался с ними во время их проезда к месту назначения через Ташкент и при своих посещениях отдаленных мест края. «Дело миссионерское и дело школы только тогда может идти хорошо, — подчеркивал К.П. фон Кауфман, — когда в него вкладывается душа, но не всякий способен отдавать свою душу делу на нем лежащему».³⁷⁸

В первые годы завоевания края учителями нередко назначались офицеры и чиновники или становились их жены. Но очень скоро их сменил профессиональный состав учителей, которых привлекали в Туркестан не только энтузиазм, но и высокая оплата труда. Среди них было немало немцев: М.Э. Бауэр, Е.Г. фон Берг, Е.К. Бетгер, Н.К. Бетгер, П.Х. Биркенталь, В.К. Бланк, Э.О. Боот, В.А. Бурмейстер, Л.Н. Бурмейстер, Г.Г. Вельман, А.Э. Гарф, Н.Ф. Гейнрихсен, В.А. Гельднер, Ф.А. Гольберг, Е. Гофман, Л.Я. Гофман, А. Зауэр В.А. Доппельберг, М.К. Карлстедт, А.А. Кауфельд, Р.М. Келлер, А. Клюге, Я. Кнорр, А.М. фон Кун, Ф.С. Куфельд, О.К. Линдваль, Ф.А. Линдрот, Ф.Ф. Летци, И.К. Паас, Д.Н. Лютш М.Ф. Мазинг, Э.Н. Мюллер, Е.П. Папенгут, М.П. Папенгут, К. Преслер, Э. Розенберг, Н.И. Пфейфер, Р.А. Пфенних, Э.А. Рогаль, Е.Г. Роде, А.В. Ротт, Ф.А. Тейх, Э.Э. Фигнер, А.Н. Фриц, И.И. Шмидт, Ф.Ф. Шмидт, Г.А. Штраупе, М.Г. Шотт, О.А. Эверт, А.М. Эгерт, О.Р. Эйгорн, А.Д. Эрм, А.К. Югмейстер и

³⁷⁷ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 136 — 138; ТВ. 1880. № 9.

³⁷⁸ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 90.

многие другие. Некоторые из учителей продолжали работать в школах и вузах Туркестана и после революции.³⁷⁹

Много усилий приложил К.П. фон Кауфман к созданию в Туркестане прекрасной военной школы. На огромной территории края он застал действовавшие незначительные отряды в таком состоянии, что оно не могло не ужаснуть его. Почти одна треть солдат лежала в лазаретах, а среди находящихся в строю до трех четвертей состава были больны. Он значительно увеличил численность войск Туркестанского края, так как необходимо было обеспечивать тыл, оставлять гарнизоны в городах и укреплять крепости на границе. «Азия, — предупреждал он, — не умеет драться, это правда, но, поверьте, что сила есть, и когда-нибудь она разыграется, <...> значит нам нужно подготовить наши границы, зорко следить за тем, что делают с ними». Он придал войскам стройную организацию, укрепил дисциплину в отрядах, значительно улучшил их санитарное состояние. Были проведены специальные исследования болезней солдат во всех районах края, степень заболоченности мест, порождавшая лихорадку, запрещено употребление сырой воды, в большом количестве сырых фруктов, в войсках введено чайное довольствие, употребление только кипяченой воды и кваса. Современники отмечали, что К.П. фон Кауфман настоятельно стремился ввести в войсках употребление чая вместо водки, подчеркивая, что водка в таком жарком климате особенно вредна, а «чай напиток безопасный и полезный». А один из членов распорядительной комиссии по устройству Туркестанской выставки, открытой 4.06.1878 г., рассказывал о том, что К.П. фон Кауфман вычеркнул всех винооторговцев и водочников из списка лиц, представленных к награде. Согласился он на награду только одному, который предложил лучший способ очистки спирта, так как «спирт имеет значение в науке». В войсках резко сократилась заболеваемость, особенно после того, как были построены сухие, светлые, хорошо проветриваемые, хотя и нероскошные казармы, введена в войсках подстилочная кошма, сохраняющая в походах силы и здоровье солдат. Были построены лазареты, приемные покои для осмотра нижних чинов. К.П. фон Кауфман лично следил за движением заболеваемости среди войск, обеспечением их довольствием. Пища в войсках стала более разнообразной. Где бы генерал-губернатор ни был, он пробовал солдатскую пищу, награждал кашеваров, поощрял командующих войсками за хорошее санитарное состояние в гарнизонах и заботу о довольствии

³⁷⁹ ЦГА Руз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 379, 380; ТС. № 503. С. 176; № 504. С. 115.

солдат. При отсутствии железной дороги укомплектование войск Туркестанского округа было крайне затруднительно. Однако различные пункты края были укреплены и усилены артиллерией, введено систематическое обучение состава войск. К.П. фон Кауфман заботливо сохранял и приумножал традиции, приобретенные войсками в походах, учил солдат и офицеров беречь здоровье, воспитывал у командного состава сознание беречь каждого солдата, ценить его храбрость, стойкость и трудолюбие, иметь каждого солдата на учете и обеспечить безопасность его жизни в мирное время. Напряженная ситуация первых лет вынудила ввести строгое наказание за убитых в мирное время солдат и казаков: если нет виновных, виновным считалось все мужское население аула. Объявление этого принципа привело к тому, что убийства русских солдат в мирное время были крайне редки. Столь же суровое наказание ожидало и тех из российско-подданных, кто нарушал незыблемое правило: как только недавний противник становился русским подданным, его вера, жизнь, имущество, обычаи уважались неукоснительно. Гуманное отношение и доверие к местному населению настоятельно воспитывалось в войсках. Повсеместно принимались меры к тому, чтобы обеспечение войск продовольствием приносило пользу местным жителям. Причем он старался следить, чтобы «между ртом солдата» и производителем не было посредников. Участки для размещения солдат определялись на неосвоенных землях или из числа земель ханов, беков, тех, кто бежал. Земли дехкан были неприкосновенны.

К.П. фон Кауфман был превосходным воспитателем молодых офицеров, умел рассмотреть в каждом командире его истинные способности, терпеливо развивал их, поощрял самообладание, храбрость, глазомер и быстроту принятия решений. Так, он правильно оценил молодого М.Д. Скобелева — горячего, быстрого и недостаточно выдержанного «петербургского выскочку», как посчитало не принявшее его ташкентское общество. Генерал-губернатор, относившийся по-отечески к талантливому офицеру, считал вредным для самого М.Д. Скобелева влиять своим авторитетом на слишком обостренное общее «нерасположение» к нему. Когда молодой офицер решил уехать из края, он отпустил его, рассчитывая, что «время сгладит», «ослабит зависть к нему и вражду сослуживцев». (Неотступно следовавший за своим воспитанником француз Жирард учил детей К.П. фон Кауфмана, а также познакомил М.Д. Скобелева в 1870 г. с В.В. Верещагиным.) Затем будет Хивинский поход (1873 г.), Кокандская экспедиция (1875 — 1876 гг.), управление и командование войсками Ферганской области (1876 —

1877 г.). М.Д. Скобелев пройдет серьезную туркестанскую военную школу. Проверкой воспитанных ею духовных, физических и моральных качеств «Белого генерала», будущего героя и первого губернатора освобожденной Плевны станет русско-турецкая война (1877 — 1878 гг.), а затем поход под Геок-Тепе (1881 г.). На пути в Дунайскую армию в 1877 г. М.Д. Скобелев напишет своему наставнику К.П. фон Кауфману: «Позвольте Ваше Высокопревосходительство еще и еще раз выразить Вам мою глубокую сердечную признательность за все для меня сделанное, служба под Вашим начальством навсегда останется лучшим воспоминанием моей жизни, не говоря уже о положении известной репутации, которой всецело Вам обязан, но я в особенности должен никогда не забывать, каким человеком я прибыл во вверенный Вам край в 1869 г. и каким человеком я теперь еду в действующую армию. Я в полном смысле слова Ваше создание, сознаю это, всегда буду сознавать и горжусь этим! Желаю Вам здоровья, а себе счастья когда-либо опять Вас увидеть!»³⁸⁰

И это при том, что М.Д. Скобелев вообще-то не очень жаловал немцев и говорил: «Я готов учиться у немцев, но я готов перенять у них только лучшее. Вассалом их быть не намерен». Много лет спустя Н.П. Остроумов, ссылаясь на имена прославленных генералов А.Н. Куропаткина, В.Н. Троцкого, Н.И. Гродекова, Н.И. Королькова, Н.А. Иванова и др. запишет, что «военные и гражданские чиновники, служившие под начальством генерал-губернатора в Туркестанском крае, <...> до сих пор вспоминают имя К.П. фон Кауфмана с большим уважением, а <...> местное население с большим почтением. И теперь еще можно видеть, как бывшие сослуживцы покойного благоговейно подходят к его могиле и молятся об успокоении его души».³⁸¹

Военный историк М.А. Терентьев, несмотря на личные обиды, также отмечал то, что К.П. фон Кауфман, прошедший «хорошую военную школу на Кавказе», сам создал «целую школу отличных военачальников и администраторов (Скобелев, Колпаковский, Абрамов и др.). Твердый характером, добрый, справедливый и доступный Кауфман оставил по себе хорошую память среди местного населения, он завоевал Туркестан, он его создал, он его устроил». Как «подлинно государственный человек, обладающий широким взглядом на вещи и способностью работать во имя идеи, не размениваясь на мелочи, он умел предоставить каждому

³⁸⁰ Чижев Б.И. Генерал-лейтенант... С. 20.

³⁸¹ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 198.

из подчиненных очерченную ему законом самостоятельную сферу деятельности». Не следует забывать и то, что именно эта созданная им военная школа, воспитанная на высоких принципах чести, долга перед отечеством, ответственности за порученное дело предоставляла в те годы кадры для административной системы края. Отсутствие опыта чиновничьей службы при этом во многом компенсировалось искренним желанием администраторов-военных различных рангов действовать во благо развития края и благополучия населения, проживающего в нем. «Военные чины были первыми проводниками русского влияния среди местного населения, которое характеризовало их как героических, терпеливых, добрых и незлобивых людей».³⁸²

Среди военных высшего командного состава, выполняющих административные функции в Туркестанском крае, были и немцы, в основном из дворянских родов. Некоторых военная служба, возвышенное чувство долга перед отечеством, а чаще всего обстоятельства и искренняя любовь к экзотическому краю и его народу надолго или навсегда привязали к Туркестану: А.К. Бонге, А.К. Гейнс, С.А. Геппенер (востоковед), А.А. Гернгросс, Н.А. Гернгросс, А.И. Гиппиус, А.А. Гротенгельм, М.А. Киргоф, Л.В. Леш, С. Лилянталь, Ф.В. Мартсон (Туркестанский генерал-губернатор, 1914 — 1916 гг.), А.И. Мозель (разработчик маршрута следования Туркестанского отряда во время Хивинского похода, предоставленные им в Генеральный штаб материалы по географии, топографии метеорологии имели серьезное научное значение), П.О. Папенгут, А.Г. Реймерс, П.К. Рихтер, Н.О. Розенбах (Туркестанский генерал-губернатор, 1884 — 1889 гг.), Р.В. фон Ропп, В.Е. Флуг (помощник Туркестанского генерал-губернатора и Командующий войсками ТВО, 1911 — 1913 гг.), А.Я. Фриде, Д.Н. Шафгаузен, В.В. Шпицберг и Е.В. Шпицберг (инициаторы «Обращения» к «старым туркестанцам» с предложением создать сборник рассказов о военных походах в Туркестане), Ф.К. фон Штемпель, П.К. Эйлор и др. 1.09.1900 г. в Ташкенте состоялось торжественное открытие Ташкентской приготовительной кадетской школы, на базе которой в конце 1914 г. организовано Ташкентское военное училище. Военные, в том числе и немцы, были начальниками областных, волостных и уездных правлений, исполняли обязанности рядовых клерков, служили чиновниками особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе по горной, дипломатической части, непременно членами от Министерства финансов при Совете генерал-губерна-

³⁸² ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 118.

тора, были Политическими агентами в Бухаре, таможенными служащими, в том числе в самой Бухаре, в соответствии с соглашением с бухарским правительством о включении ее в русскую таможенную черту. В 1885 г. создается Российское императорское политическое агентство, осуществляющее непосредственную связь Петербургского двора с Бухарой и контролирующее русско-афганскую границу, к Бухарскому дворцу был назначен особый представитель со званием Императорского Политического агента и вся переписка из Министерства военного передана в Министерство иностранных дел.³⁸³ Среди них имена: А.К. фон Адеркас, Н.В. Бауэр, Б.Э. Блом (востоковед), К.Н. Блюмер, А.А. Вейнберг (востоковед), П.А. фон Герн, Ш.К. Гоштовт, Н.К. Дрейер, Г.К. Кайзер (востоковед), В.О. Клемм (востоковед, позднее генеральный консул в Бомбее), В.В. Купфер, К.Ф. фон Левенгаген, П.М. Лессар (востоковед, позднее посол в Китае), В.Ф. Летц, Я.Я. Лютиш (востоковед, политический агент в Бухаре, позднее генеральный консул в Сеуле), Г.Н. Майер-2-й, А.Я. Миллер (востоковед, автор манифеста «О свободе», зачитанного от имени Бухарского эмира 7.04.1917 г.), С.П. фон Остен-Дрезен, П.А. Рейнгартен, К.В. Струве, А.К. Термен (востоковед), А.А. Фрей, Д.Н. Шафгаузен, барон Ф. фон Шель и др.

Начальниками областных и уездных управлений и их помощниками служили немцы: Г.В. фон Берг, Н.А. фон Бурмейстер, Н.Г. фон Бутлер, А.К. Вильде, И.И. Гейер, Л.Л. Гессен (дал подробное описание Алайской долины, кормов, скота, списки кочевых киргизов Ошского уезда), В.А. Геруа (востоковед), О.Ф. Гольцгаузен, Е.Л. Гоштовт, И.Ф. Гуюс, А.В. Девель, Н.А. Денгельштедт, А.И. Дейбнер, Л.Л. Зауэр, Л.Л. Иессен (востоковед), В.А. Каллаур, барон А.Н. Меллер-Закомельский, Н.К. Неймарк, П.В. Рейфельд, Н.М. Росс, В.Э. Сандман, Е.Н. Тейх, А.Ф. фон Трентовиус (востоковед), Ф.И. фон Фалер, А.В. Фок, И.И. Шнейвас, Н.Н. Шосте, Э.Э. Штакельберг, В.Ф. Эгерт (востоковед), Э.Г. Эгерт, Д.И. Эссен и др. Немало немцев, в том числе высокообразованных, было среди служащих канцелярий Туркестанского генерал-губернатора, областных, уездных и волостных управлений. Не случайно в характеристике состава Туркестанского евангелическо-лютеранского прихода, к которому в основном принадлежали немцы, отмечалось: «в Верном, и в самых отдаленных уголках Туркестана можно встретить прихожан не только со средним, но и высшим образованием».

³⁸³ ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 10б.

Были немцы и среди членов судебных палат, среди мировых судей, судебных следователей, нотариусов, смотрителей интендантских управлений: Э.К. Андерсон, С.Н. Баумгарт, Р.К. Беренс, В.Н. Берг, В.А. Бергер, М.Г. Бек, М.М. Бек, Э.Ф. Блэч, Р.Р. Вейс, Ф.Л. Бутлер, А.М. Виктешмайер, Е.Т. Виссендорф, И.Г. Глидеман, Е.А. фон Гривинец, Г.И. Доррер, Л.К. фон Кубе, Г.Ф. Ламздорф, Г.В. Ливенсон, В.Ф. Литмар, Г.С. Рейсер, И.Р. Пфлаумер, И.И. Попель, Р.Э. Пфейлитцер, А.А. фон Тазенгаузен, В.А. фон Тазенгаузен, А.Л. Фрайберг, П.А. фон Швенцон, К.К. Штольц и др. Как правило, они принимали активное участие в общественной жизни края. Так, современники, например, отмечали: «Ни один крупный туркестанский уголовный процесс не проходит без Глидемана, как ни одно крупное гражданское дело не проходит без участия Рейсера. Без бурных аплодисментов не обходилось. Речи И. Глидемана вызывают потоки слез».³⁸⁴

В аппарате управления Туркестанским краем не было создано специального ведомства народного здравоохранения. «Врачебное управление в крае по проекту «Положения <...> 1867 года» не получило особых органов. <...> Заведывание медицинской частью в областях было возложено на областных (дивизионных) врачей и в генерал-губернаторстве на окружного Военно-Медицинского инспектора, за что им назначено по штатам добавочное содержание», — отчитывался К.П. фон Кауфман.³⁸⁵ Прежде всего они призваны были следить за здоровым состоянием войск и санитарным состоянием мест их дислокации. Но в их ведении находились не только военные, но и гражданские врачи и медицинские работники. Несмотря на неразработанность структуры медицинской службы в крае, надзор за состоянием медицинской помощи населению осуществляло управление военно-медицинской частью ТВО, на местах — областные военно-медицинские инспекторы, городские и уездные врачи. При К.П. фон Кауфмане в 1868 г. в крае было открыто первое лечебное заведение — Ташкентский военный лазарет, с 1870 г. — Ташкентский военный госпиталь второго класса на 45 коек. Появились приемные амбулаторные пункты с фельдшерами, которые создавались и в районах местожительства местного населения, больницы с женщинами-врачами, аптеки, уездные повивальные бабки, должность эта была упразднена в 1912 г. Первая лечебница для местных женщин и детей открыта в 1883 г. в Таш-

³⁸⁴ Туркестанский курьер. 1915. № 281.

³⁸⁵ Проект Всеподданнейшего отчета... С. 116.

³⁸⁶ ЦГА РУз. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 440. Л. 33.

кенте, затем в других городах.³⁸⁶ Аптека А. Нейгебауэра при Ташкентском лазарете отпускала бесплатно лекарства для бедняков. Среди аптекарей края известны: Р.А. Бауман, К.Б. Бетгер (проработал 54 года на фармацевтических должностях, из которых 30 лет заведующим Ташкентской городской аптекой, участник всех комиссий по созданию аптечной сети в крае, разработчик проекта по управлению и организации медицинской службы в Туркестане), В.Б. Лодинг, И.И. Краузе (владелец первой частной аптеки в Ташкенте), Э.А. Вильде (владелец аптеки в Коканде, а также фотограф-любитель и внештатный корреспондент газеты «Утро Ферганы») и др. К.П. фон Кауфман с особым «удовольствием» встречал всякое желание жителей на местах «устраивать» больницы «по подписке» (на собранные населением деньги), объявлял жителям района благодарность, уверял в том, что «благодетельные результаты» их усилий «не замедлят сказаться в действии», и всячески помогал. По указанию К.П. фон Кауфмана информации об эпидемиях публиковались в газетах. Популярными брошюры о холере, оспе, вреде наркотиков распространялись среди местного населения. Медицинская помощь в крае повсеместно оказывалась не только российским подданным лицам, но и местному населению, не имевшему ранее ничего кроме услуг знахарей. Среди медицинского персонала края (в том числе и в советское время) было немало российских немцев: А.К. Апель, Н.К. Бельхерт, Г.А. Бендингер (открыл первую амбулаторию в старой части Ташкента), К.И. Берг, А.К. Бетгер, Г.Ю. Блюменталь (заслужил благодарность за труды по прекращению холеры в Самарканде в 1892 г.), Т. Вильслебен, В.А. Вихерт, И.И. Вольтер, Н.М. Ганс, А.А. Гартвиг, М. Гейштор (Гайстор — первая женщина врач в Туркестане, заслужившая во время холерной эпидемии 1882 г. в Фергане золотую медаль с надписью «за усердие»), Ю. Гертнер (отличился в период эпидемии оспы в Ауле-Ате в 1879 г.), Г.И. Гизлер, Я.Г. Гоштовт, Г.И. Дюнтер, Ю.Ф. Зиверт, К.Ф. Иогансон, Э.К. Капеллер, Е. Кинель, И.Ю. Кумберг, К.Э. Лейкфельд, А.А. Лосфер, Э.А. Нилендер, П.И. Оттенберг, О.В. фон Петерсон (состоял «в России во главе лепрозорий», посетил в 1912 г. Старую Бухару с целью исследования результативности «средства Эрлиха «606» для лечения проказы и малярии»). Он «нисколько не смутившись ужасною картиною, немедленно приступил к вливанию средства «606», посетил улицу, где проживало 100 прокаженных в изоляции, <...> установил, что это не проказа, и приказал немедленно дать им свободу, <...> обратил внимание на подготовку здешних врачей. Его высочество

(эмир Бухары) лично благодарил профессора и просил принять от него 1000 рублей на закупку средства «606», которое «стоит дорого».³⁸⁷ А также врачи Р.А. Пипер, О.А. Ренар, К.О. Рейнгардт, Г.Г. Феглер (ташкентский городской врач и врач при особе хана Хивы), С.Х. Фихтнер, Г.Г. Фогель (его именем названо немецкое село), П.И. Фтенберг, Х.Х. Ценнер, И.Л. Циммерман, С.Э. Циммерман, Ф.Ф. Шмидт, М.А. Шпенглер, Е.А. Штейн, Л.Б. Эш, О.Ф. Штремберг, С.И. Ян и многие др. Военно-ветеринарное управление имело своих областных инспекторов и врачей, среди них: Н.К. Розенберг, К.Я. Ромет, Г.В. Штанге и др.

Большое внимание К.П. фон Кауфман уделял благоустройству городов, улучшению их санитарного состояния. Сеть почтовых, телефонных и телеграфных станций связала города Центральной Азии с Россией. Старые города, поражающие отсутствием планировки, реконструировались, застраивались заново по регулярным планам. Новые города Новый Маргелан (Скобелево, Фергана), Новая Бухара (Каган), как и новый (русский) Ташкент, строились на свободных территориях как военно-административные, торгово-промышленные центры. «К городам «чисто русского происхождения» относились почти все города Закаспийской и Семиреченской области, а также Сырдарьинской, например, Казалинск, Перовск, Петро-Александровск».³⁸⁸ «Самоотверженный труд» архитекторов, строителей, инженеров, закладывая основы современного облика края, придавал городам своеобразный колорит, создавал неповторимые образы русского колониального архитектурного стиля. «Новый Ташкент получил свое, выразительное лицо благодаря самоотверженному труду нескольких выдающихся инженеров и архитекторов, в особенности Вильгельма Гейцельмана, <...> возглавлявшего в течение 22 лет все строительство в Туркестанском крае, <...> и Алексея Бенуа (1838 — 1902 гг.), талантливое «свободного художника», происходившего из знаменитой российской аристократической семьи».³⁸⁹ Участник Хивинского и Кульджинского походов, демонстрации в Джам — А.А. фон Бурмейстер (1850 — 1906 гг.) был строителем укреплений и крепостей в Ташкенте, Оше и в других районах края. Очаровательный стиль Нового Маргелана (Ферганы) создавали талантливые архитекторы: коллежский ассессор Г. Крюгер, назначенный в 1878 г. областным архитектором Ферганской области; Э.Г. Брун, сменивший его на этом посту и за 26 лет службы создававший неповторимый структурный стиль нового города; М.Г. Бот. Застрой-

³⁸⁷ ЦГА Руз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 12 — 13.

³⁸⁸ Центральная Азия в составе Российской империи. М. 2008. С. 230.

³⁸⁹ Голендер Б.А. Окно в прошлое. Ташкент. 2002. С. 23.

щиком новой части г. Коканда был архитектор М.Ф. Мауэр, реставратор многих памятников, в том числе древнего памятника Самарканда на площади Регистан — медресе Улугбека При К.П. фон Кауфмане города стали приобретать европейский вид, появились прямые улицы, площади, скверы, сады с обилием зелени. Нужно было учитывать местный многовековой опыт, традиции, специфику, обусловленную особенностями климата, географии и исторических условий. Строились различные капитальные, правительственные сооружения, крепостные фортификационные укрепления и дома чиновников. Особенно украсился Ташкент. «Ташкент — удаленный от Петербурга и Москвы русский город — уже через 5 — 8 лет со дня своего основания парадоксальным образом стал куда более близким к столицам по уровню цивилизованности и интенсивности сношения с центром, нежели совсем географически близкие древние, но дремотные исконно русские города со старинными монастырями и церквями», — отмечает Е.К. Глущенко.³⁹⁰ Однако в Туркестане церковное зодчество выступало мощным эстетическим фактором для переселенцев-христиан. Простые и яркие образы церковной архитектуры воздействовали и на местное население. Строительный устав предписывал строить храмы только в «русском стиле» — одном из направлений русской эклектики (1830 — 1900 гг.). Архитекторы дореволюционного Туркестана имели непосредственное отношение к строительству храмов и монастырей. Гражданский инженер В.С.Гейцельман сам проектировал христианские соборы, принимал участие в их строительстве (Спасо-Преображенский собор, разрушен в 30-е годы XX в.) и вносил изменения в проекты других зодчих, в 1897 г. им разработан также типовой проект церковно-приходской школы. Историк Г.Н. Чабров подчеркивал, что его проекты «были выполнены с исключительной добросовестностью и стремлением к выразительности». Архитектор Сыр-Дарьинской области А.Л. Бенуа создал несколько проектов православных церквей для сел края, строил домовую церковь учительской семинарии во имя Благоверного князя Александра Невского (1898 г., разрушена 18 — 21.09.2009 г.), здание евангелическо-лютеранской кирхи в Ташкенте (освящена 3.10.1899 г.). А.А. фон Бурмейстер — автор проектов Покровско-Богородицкой школы в селе Высоком и храма Святого Александра Невского на кладбище по бывшей улице Боткина (1904 г.), ему также за безвозмездный труд по постройке нового здания в 1874 г. первой в Туркестане православной Иосифо-Георгиевской церкви в Ташкенте (не сохранилась, освящена 22.12.1868 г.) объявлена

³⁹⁰ Глущенко Е. Герои империи... С. 151.

архиерейская благодарность. Крупнейшей и чрезвычайно примечательной, по мнению специалистов, постройкой тех лет также является дворец эмира Сейид-Абдулал-Ахад-Богодур-хана, правившего в Бухаре в 1885 — 1910 гг., построенный Х.В. Гельманом по проекту и при участии А.Л. Бенуа. Значение этого выдающегося комплекса выходит далеко за пределы региона. Дворец выполнен в мавританском стиле с богатыми орнаментальными украшениями из алебастра и являет собой истинный шедевр архитектуры начала XX в., вполне заслуживающий быть внесенным в список мирового наследия ЮНЕСКО. К сожалению, дворец ветшает, и редкий по красоте декор, выполненный по эскизам А.Л. Бенуа, может быть утрачен.³⁹¹

В конце 60-х годов XIX в. было создано Военно-инженерное управление при штабе войск, дислоцировавшихся в Туркестане. С 1877 г. начинают работать строительные отделы при областных правлениях во главе с областными инженерами. В 1887 г. введена должность чиновника особых поручений по строительной части при Туркестанском генерал-губернаторе. С этого года по 1908 г. эту должность занимал В.С. Гейцельман. В конце XIX в. — начале XX в. в Туркестане собралась группа военных и гражданских инженеров, архитекторов, призванных создавать новый архитектурный облик городов края. Среди них достойное место занимали российские немцы: Г.П. Бауэр, Р.И. Бендингер, А.Л. Бенуа, А.Г. Бот, А.А. Бурмейстер, Э.Г. Брун, М.Б. Вебель, О.И. Гамбургер, В.С. Гейцельман, Х.В. Гельман, Н.А. Гернгрос, А.А. Гребнер, И. Китнер, Г. Крюгер, Э.К. Левенштерн, М.Ф. Мауэр, П.А. Рейнгартен, Д.Г. Ренненкампф, Г.И. Ротт, А.И. Рооп, К.Б. Фишер, Б.Х. Шлегель, Г.И. Шлейфер, Г.Ф. Шульц и др. Их эстафету приняли в советские годы Ф. Беккер, Г. Бенк, В. Гейн, Г. Генкель, И. Гергардт, О.П. Геринг, В. Горн, О.Х. Вейгум, Ю. Миллер, С.С. Функ, А. Штерн, И. Штольц и др.

Туркестанское генерал-губернаторство на первых порах было дотационным. В изданиях современных историков можно встретить упреки в том, что присоединив Туркестан, Россия начала «нешадно» эксплуатировать природные богатства края, использовать его сырьевые ресурсы. Но для этого в крае элементарно не было условий, полностью отсутствовала промышленная инфраструктура, внутрирегиональная торговля была не развита, требовались значительные вложения и огромные усилия по преодолению низкого уровня развития экономики.

³⁹¹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 9084; Оп. 31. Д. 47. Л. 20; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 76. Л. 1 — 17; Ф. И-5. Оп. 1. Д. 1150. Л. 19.

Преследуя военно-стратегические и экономические цели, К.П. фон Кауфман стремился создавать благоприятные условия для развития торговли и промышленности в крае. «Не было такой отрасли труда и промышленности, которой бы Константин Петрович не покровительствовал и которой не шел бы навстречу», — отмечали современники. В крае активизируется торговля, строятся первые заводы и фабрики, прежде всего по переработке сельскохозяйственных продуктов, добыче и обработке полезных ископаемых. Дороги, по путям подвоза товаров и сырья, становятся безопасными. Российские купцы, например Первушины (отец и сын), братья Хлюдовы, купцы и предприниматели из российско- и германско-подданных немцев: Л.Н. Бауэр, Ю. Брехлер, Н.А. Вильнер, Н. Вильфзон, Г. Вольтер, Ц.А. Гентмаль, Н.А. Гринберг, В.Г. Дюршмидт, М.Р. Келлер, Л. Кноп, братья Крафт, Т.Э. Лерх, Э.А. Линде, К.Э. Канн, Р. Мауль, А.А. Рейт, А.И. Розенфельд, Г.Х. Фишер, Г.Н. Шенклер, К.К. Штрандман, А. Шотт, Р.Ф. Шуберт, А. Эрлангер и другие, строили рисоочистительные и чугунолитейные, винокуренные, табачные и маслобойные заводы, шелкомотальные, текстильные и кондитерские фабрики, вели разработку угля, золота, серебра, нефти, разрабатывали место-рождения свинца, цинка, меди, открывали типографии и литографии.

«Пионерами русской культуры» называл публицист Р.В. Гагемейстер купечество, торгующее с Центральной Азией, хотя и полагал, что выгоды от этой торговли будут незначительны. Промышленно-экономическое освоение ресурсов Туркестана первоначально развивалось медленно, требовало больших затрат, не было ни одного хлопкоперерабатывающего, горнодобывающего предприятия. В своей докладной записке К.П. фон Кауфману от 28.12.1879 г. горный инженер Иванов отметит: «Быть может ни одно дело в крае не обязано стольким заботам и вниманию вашего величества, как горное, в широком смысле этого слова! Значение горных богатств для Туркестана, эксплуатация собственных средств страны, которая находится в особых, исключительных условиях по своему географическому и политическому положению, было исходным пунктом системы, приложенной с неослабеваемой энергией к делу исследования края в горнопромышленном направлении».³⁹²

Промышленность по первичной переработке хлопка была создана только к 90-м годам XIX в. Хлопок представлял стратегический интерес не только в текстильной промышленности, но и с военной точки зрения. Усилия, приложенные в

³⁹² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 378. Л. 29.

этом направлении в первые годы управления краем, сказались позднее. Среди туркестанских предпринимателей, занимавшихся производством, торговлей и связанными с ними видами деятельности, заметной была фирма берлинца Г.В. Дюршмидта — первого немца, удостоенного в 1906 г. высокого купеческого звания коммерции советника. Его фирма «Г.В. Дюршмидт» (с 1883 г.) занималась покупкой, обработкой и поставкой в Германию и центр России кишок, которые использовались на струны для музыкальных инструментов, для производства колбас и галантерейных изделий, а также экспортом конских шкур, каракуля, мерлушки, семян люцерны. Экспорт очищенных от повилики туркестанских семян люцерны и обработанных и просоленных кишок приобрел благодаря ему мировое значение. Более или менее крупные предприятия фирмы с 1904 г. находились во всех крупных городах Туркестана, в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Фирма имела до 2-х млн. рублей годового дохода, была награждена медалями и почетными отзывами на выставках в Ташкенте (1884, 1886, 1896 гг.), в Москве (1891 г.), в Новгороде (1896 г.), являлась спонсором Туркестанского общества сельских хозяев и Ташкентской лютеранской общины. Г.В. Дюршмидт был награжден орденами Св. Станислава 4-й степени и Св. Анны 4-й и 3-й степеней, в 1899 г. удостоен звания потомственного Почетного гражданина Ташкента, в 1909 г. эмир Бухары пожаловал ему орден Золотой Звезды 2-й степени «за полезную деятельность» в Бухарских владениях. Умер Г.В. Дюршмидт 11.08.1911 г. в Берлине. Долго решался вопрос о праве наследования его владений, в 1915 г. они были причислены в государственную казну. Управлял фирмой Г.В. Дюршмидта в Ташкенте и был его ближайшим соратником Р.Ф. Шуберт, открывший на Карасу в 1901 г. свой первоначально маслособойный, а затем, изменив в 1906 г. производство, первый в крае рисоочистительный завод с 500 — 600 пудов перерабатываемого зерна в сутки. «На Рисовой» привычно говорят жители Ташкента, имея в виду этот район города. Его партнерами в Верном были Рихард Мауль и Юлиан Брехлер. Р.Ф. Шуберт финансировал строительство Ферганской железной дороги.³⁹³

С 1890 г. с фирмой Г.В. Дюршмидта по закупке кишок стал конкурировать купец 1-й гильдии Луи Александрович Зальм, но позднее он занимался скупкой невыделанных кож и пушнины, стал главой акционерного общества, военно-обмундировальная фабрика которого производила обувь и шила одежду для войск ТВО.³⁹⁴

³⁹³ ТС. № 521. С. 79 — 81.

³⁹⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 179. Л. 29; Оп. 17. Д. 867. Л. 9.

Один из 9 магазинов края по продаже чая и сахара принадлежал немецкой фирме «Караван».³⁹⁵ В Коканде, где был целый немецкий квартал, а затем и по всему Туркестану развернули свою деятельность торговые дома: «Георгард и Гей», «Л. Кноп», «Братьев Крафт», «Мейер Корт», «Вогау и К». Иоган-Юлиус и Николай-Эдуард Крафты (двоюродные братья) учредили в 1879 г. торговый дом «Братья Крафт» со складочным капиталом в 30 тысяч рублей. В 1884 г. их торговый дом по продаже хлопка был открыт в Москве, в 1887 г. — в Коканде, Андижане, Намангане, Маргелане. Торговый дом «Братья Крафт» в 1890 г. включал в сферу своих интересов обработку хлопка, торговлю чистым хлопком и хлопчатобумажной пряжей, чайную торговлю, производил скупку и вывоз шелковых коконов. Ему принадлежало три хлопкоочистительных завода в Ферганской долине с годовым доходом 2,5 млн. рублей, на которых было занято до 250 рабочих, и Бешарыкская фабрика по производству гигроскопической ваты. С 1900 г. в делах торгового дома на правах полных товарищей участвовали сыновья Николая-Эдуарда: Александр Николаевич (30.05.1843 г. — 27.08.1935 г., владелец 2-х заводов, член совета Московского учетного банка и Московского биржевого общества) и Николай Николаевич (владелец одного завода, почетный член Сретенского городского попечительства о бедных в Москве). С 1910 г. на тех же правах в работе торгового дома принимал участие сын Иоганна-Юлиуса Николай Юльевич, который открыл дополнительно контору технических работ (составление смет, проектов, проведение экспертизы по техническим вопросам, поставки оборудования и представление интересов в России ряда германских машиностроительных заводов). Скончался «преждевременно до 23 декабря 1913 г.».³⁹⁶ Торговому дому «Братьев Крафт» принадлежали также маслобойные и мыловаренные заводы. Он имел деловые связи с Лондоном, Бременом, Магдебургом, с фирмой Круппа в Германии и работал до 1918 г. Вилла братьев Крафт, построенная в 1903 г. в Коканде В.С. Гейцельманом, сохранилась ныне на центральной улице города Истиклол.

Кокандский купец 1-й гильдии Андрей Иванович Зигель был членом Ферганского нефтегорнопромышленного акционерного общества «Чимион», основанного в 1900 г. Н.А. Вильнер, А. Эрлангер занимались производством красок. Прибалтийский немец И.И. Краузе открыл в Ташкенте (1872 г.) первый завод

³⁹⁵ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом... С. 393, 395, 400.

³⁹⁶ ЦГА РУз. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 9805. Л. 41; Ф. И-91. Оп. 1. Д. 204. Л. 380; Д. 3747. Л. 1; НР. Т. 2. С. 215.

по производству растительного масла: в день — от 100 до 150 пудов хлопкового масла, в год до 30 тысяч пудов на сумму в 150 тысяч рублей. Он наладил экспорт масла во внутренние губернии для использования его в консервной промышленности, а также для производства олифы и мыла, был одним из инициаторов создания под Чимкентом единственного в мире сантонинного завода. Сантонин — алкалоид из цветочных головок цитварного семени дикорастущей (позднее культивируемой) полыни — дармины, как называли ее местные жители. Только в Туркестане на бугристом солончаковом пространстве в треугольнике городов Ауле-Ата, Чимкент, Туркестан этот вид полыни (ныне исчезающий и занесенный в Красную книгу) составлял обширные сплошные заросли. Завод, открытый на средства купцов Н.П. Савинкова и Н.Н. Иванова, начал работать 1.01.1885 г. и за год выработал 150 пудов 32 фунта чистого и 38 пудов 26 фунтов сырого сантонина, поставляемого по заказу в Гамбург. В списке владельцев завода числился также прусский подданный Вильгельм Пфафф. Завод работал круглогодично, но в неурожайные годы (когда дули гармсели — горячие ветры, губительные для полыни) — 5 — 6 месяцев простаивал. Позднее химико-фармацевтический завод вырабатывал препараты из эфедры, плодовой косточки, опиума, многих лекарственных растений края, изучением промышленного применения которых всю жизнь занимался И.И. Краузе. Он и его сыновья были также пионерами каменноугольной промышленности, занимались разработкой каменноугольных залежей, киновари, горного сланца, асбеста. Копи И.И. Краузе в Капине-Сайском каменноугольном бассейне давали до 1905 г. ежегодно по 200 тысяч пудов угля, а затем производительность их начала падать.³⁹⁷ Директором рудников каменноугольного акционерного общества «Кызыл-Кия» в 20-е годы XX в. был Ф.Г. Лонге, добычей каменного угля занимались также Т.А. Шестер, Г.А. Бендингер, И.А. Плетцер, Л.Н. Эмильфельд, К.Р. Пфлаумер и др. Были немцы среди разработчиков нефти: М.А. Крузенштерн, Э.И. Мюллер — в Кокандском уезде, Г.Г. Лерх, К.Ф. Лерх, Е.К. Штукенберг, М.Ф. Лацинг, М.И. Рем — в Самаркандской области; серебряной и свинцовой руды: П.В. Фосс; ртути: А.М. Грейц, Б.И. Краузе; золота: П.А. Шотт; железа: А.А. Пандер, М.А. Зайдель, его сын Федор, В.М. Бек, К.Р. Крафт, С. Рейсер, Н.И. Госфельд, Т.А. Шестер, И.А. Плетцер; меди: Л.М. Герценштейн, Б.И. Краузе; известняка: К.Р. Пфлаумер; кварцевого песка:

³⁹⁷ ТС. № 516. С. 38 — 39.

Н.Д. День; сыры: М.Ф. Лацинг; бирюзы: И. Шпенст, А.М. Грейц. В Ташкенте 16.04.1907 г. был проведен Первый съезд горнопромышленников. Среди присутствующих — И.И. Глаз, В.М. Бек, И.И. и Е.М. Краузе. На съезде С.И. Краузе предложил созывать подобные съезды периодически.³⁹⁸

Славились в Туркестане также немцы — пивовары, колбасники, сыровары, кондитеры и производители других продуктов. В 1869 г. был открыт немцем из Нарвы Н.А. Гринбергом первый в Туркестане завод по производству искусственных вод, в 1895 г. построены первые киоски по продаже прохладительных напитков. «Но особым качеством отличалась вода магистра формации Н.Б. Тейха, который в течение 30 лет вел свое небольшое дело». Налажена была продажа газированной воды, мороженого и в Семиречье. С 1900 г. пионером колбасного производства в крае был Андрей Григорьевич Шотт, дело продолжил его сын П.А. Шотт. Мастер колбасного дела Петр Шнейдер и его сыновья (Иван, Франц, Яков) наладили промышленное производство колбас. Они впервые применили новую технологию изготовления фарша и оболочек для своей продукции и владели одним из пяти магазинов по продаже мясных изделий в Ташкенте. Известны имена колбасников Семиречья: Франца и Оскара Бауэр, Александра Геймана, Рихарда Мауль, Ванды Гандытер, Юлия Блехер и др.

Среди ташкентских жителей популярны были кондитерские изделия «от Эйслера» и кондитера Г.Э. Генеля, охотно раскупались цветы из магазина А. Гербер. В цехах А.М. Штейнбрехер и Т.Н. Шютте обрабатывали шерсть. К.К. Штрандман построил в Ташкенте возле Тал-арыка скаковой ипподром, был вице-президентом Ташкентского скакового общества и устройтелем скачек. В селе Романовка был открыт первый в Туркестане завод по промышленному производству сливочного масла.³⁹⁹ Крупный пивоваренный завод в Ауле-Ата (ныне Тараз), другие предприятия, а также мукомольная мельница в пригороде принадлежали немцу Г. Вольтеру. В 1886 г. пивоварню в Новом Маргелане открыл Эраст Витте. В Каракалах владельцем пивоваренного завода и пивной лавки на базарной площади города был выходец из Австрии Эдмунд Адольфович Линде. Он также занимался закупкой скота в Китае, разведением мальков в озере Балыктыколь, был присяжным заседателем, содержал школу, детский дом, интернат для инвалидов, занимался благотворительностью и имел «твердый авторитет честного торговца».

³⁹⁸ Туркестанский курьер. 1907. № 88 — 95; ТС. № 422. С. 1.

³⁹⁹ ТС. № 511. С. 6.

Своих доверенных лиц и представителей присылали в города Туркестана многие российские и зарубежные фирмы (Зингер, фарфоровый завод Гарднера, товарищество «мануфактуры Альберта Гюбнера», «Шлиссельбургской мануфактуры» и др.).

Важную роль в экономической структуре края играли российские банки, широкая сеть филиалов которых была создана во всех хлопкосеющих районах Туркестана. Первоначально в Туркестане было лишь одно отделение Государственного банка. Затем в 1898 г. открылось первое отделение коммерческого банка, к 1912 г. в крае уже «было 7 отделений государственного банка и 40 отделений коммерческих банков».⁴⁰⁰ Они закупали хлопковое волокно, кредитовали фирмы и предприятия, являлись владельцами хлопкоочистительных фабрик, нефтяных промыслов, строили дороги, способствуя развитию промышленности, торговли, строительству железных дорог. Одним из управляющих крупнейшего в Туркестане Русско-азиатского банка был М.А.Зайдель, среди руководителей отделений банка в городах края, управляющих и работников коммерческими банками были немцы: Г.Г. Бауэр, Э.А. Гартвиг, Д.А. Генрихов, Е.Г. Глюк, Ф.В. Кейзер, Г.А. Розен, А.Г. Шеффер, С.Р. Юстус — в Коканде; С. Гензельман, В.Л. Рейс — в Самарканде; Ф.А. Цицер, Н.Е. Энгельгарт — в Андижане; Б.И. Мюллер — в Бухаре; А.Д. Эрм — в Ташкенте и др.

Весьма заметной была среди немцев и рабочая прослойка: машинисты, механики, мастеровые, строители, прокладчики дорог, рабочие типографий, железных дорог, почт, телеграфов, в качестве прислуги, на поденной работе и т. д. Меньшую по численности группу среди российских и иностранных подданных-немцев составляли ремесленники, которые занимались обработкой продуктов питания, винокурением, медоварением, ткачеством, были владельцами часовых, ювелирных и других мастерских, парикмахерских, магазинов, изготовляли табак и папиросы. Часть из ремесленников фактически работала по найму. Но отдельные из них — владельцы ремесленных предприятий — вливались в ряды предпринимателей, торговцев и купцов. Развитие торговли втягивало край в общероссийский и мировой рынок. В общем потоке переселявшихся в Туркестан были деловые люди, искренне желавшие поднять благосостояние края, способствовать всестороннему его развитию, и работали на совесть, делая свое дело основательно, на благо себе и на пользу людям. Потому и оставили добрую память на земле, ставшей их новой родиной.

⁴⁰⁰ Центральная Азия в составе... С. 154.

К.П. фон Кауфман «много хлопотал о соединении Туркестана с Россией железной дорогой, но этим хлопотам не суждено было осуществиться при его жизни, так как ему мало в этом сочувствовали», — «посоветовала» Юлия Маврикиевна в разговоре с Н.П. Остроумовым по «поводу дурных дорог и связи Туркестанского края с Россией». Генерал-майор К.С. Безносиков, командированный по просьбе К.П. фон Кауфмана для исследования вопроса о возможности проведения железной дороги, проводил исследования для постройки ее к Ташкенту по различным направлениям, идущим от уральской, оренбургской и сибирской линий. Придерживаясь данных 1870 г., он, человек высоких нравственных принципов и самоотверженной преданности делу, первоначально избрал основным направлением линию от Оренбурга до Ташкента, но затем признал свои ошибки при расчетах и отдал предпочтение линии от Екатеринбург (Пермь) через Челябинск, Троицк, Туркестан к Ташкенту.⁴⁰¹ К.П. фон Кауфман призывал чиновников из центра к незамедлительному строительству железной дороги, без чего «мы всегда будем слабы». Военным инженером Струве на имя К.П. фон Кауфмана 26.04.1880 г. отправлена «Докладная записка» «по предмету постройки железной дороги от Оренбурга до Аральского моря».⁴⁰² В начале мая инженер-генерал Г.Е. Струве снаряжает комплексную экспедицию под руководством К.К. фон Шульца. «Экспедиция, во главе которой я имел честь состоять, была снаряжена генералом Г.Е. Струве вследствие полученного им в начале 1880 г. разрешения на производство изысканий для предполагаемой железной дороги от г. Оренбурга до Кара-Тугая на Сырдарье», — отчитывался К.К. фон Шульц.⁴⁰³ При этом предусматривалось решение многих задач: нивелировка предполагаемого пути для постройки железной дороги, сбор геологических, ботанических, атмосферных, этнографических и прочих данных. «Некоторые результаты нивелировочных исследований, произведенных капитаном К.К. фон Шульцем между Оренбургом, Аральским морем и Кара Тугаем», были опубликованы в «Записках ИРГО» (Т. XII. № 3. СПб. 1882 г.). Но первая железная дорога к Ташкенту была проведена с юга от Красноводска. В конце ноября 1880 г. начались работы по строительству Закаспийской железной дороги от Каспийского моря через Кызыл-Арват (1881 г.), Ашхабад (1885 г.), Новую Бухару (Каган, 1886 г.) к Самарканду и Джизаку (1888 г.) до Андижана (1898 г.) и Ташкента (1898 г.). Движение по всей

⁴⁰¹ ТС. № 151. С. 9.

⁴⁰² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 138. Л. 39.

⁴⁰³ ТС. № 364. С. 60 — 81.

линии от Красноводска до Ташкента было открыто в 1899 г. Первый поезд из Красноводска (станции Узун-Ада) прибыл в Самарканд 15.05.1888 г. — в день коронации императора Александра III. В 1889 — 1905 гг. «по высочайшему повелению» была проведена железнодорожная ветка от Оренбурга до Ташкента (архитектором по ее устройству был Н. Гохман), 1.01.1906 г. прибыл первый поезд Оренбург — Ташкент. Система железных дорог общей длиной около 4 тысяч верст обеспечила беспересадочное регулярное движение от Петербурга до Ташкента, Красноводска и Кушки. Она предназначалась для военно-стратегических целей, выходила к границам Афганистана и весьма значительно сократила сроки доставки грузов, прежде всего хлопка, содействуя дальнейшему развитию торговли и экономики края. Среди инженеров строителей железных дорог и обслуживающего персонала (в том числе и в советское время) — немало немецких имен: Р.К. Бендер, Н.Г. Бендингер, К.Ф. Биккерт, В.П. Вейнберг — начальник участка пути, И.И. Вильде — ревизор, Ф.О. Гамбургер, А.Э. Гедройц, А.Д. Гескет — военный инженер, начальник службы пути и сооружений Средне-Азиатской железной дороги (Ашхабад), Н. Геннигсен и Н.А. Гиршфельд — военные инженеры, А.М. Грейц — военный инженер Самаркандской инженерной дистанции, А.И. Гопфенгаузен — начальник станции Красноводск, О.Ф. Граф — начальник участка станции Джусалы, К.А. Зарринг — заведующий товарной конторы станции Ташкента, А.В. Каль — начальник станции Казалинск, У.Э. фон Клопман — строитель Семиреченской железной дороги, Ф.Ф. Кригер, Э.В. Кох, К.В. Линденблат — военный инженер Ташкентской и Ферганской инженерных дистанций, А.П. Фегезак, Я.Я. Штирц — инженер Аму-Дарьинского отдела и др. В мае 1873 г. начала действовать русская гребная флотилия на реке Амударье. В 1877 г. совершил свой первый пробный рейс пароход Аму-Дарьинской флотилии от Петро-Александровска вверх по реке до Чарджоу. По воде возили хлопок, ткани, сырье, бухарские фрукты, цитварное семя, выделанные кожи, кошмы, мерлушку, козий пух, ковры. Одними из первых в флотилии были: вольнонаемный гражданин из Нарвы Карл Иосиф Нюссер и П.К. Нейгаус — механики, Ф.Г. Гольцфот — машинист парохода «Цесаревич», К.Ф. Левенгаген — капитан Аральской флотилии, М.М. Шлефендорф — капитан в Чарджоу.

При К.П. фон Кауфмане были упорядочены существовавшие пути сообщения и строились новые, контроль за строительством и состоянием дорог осуществляли дорожные комитеты при местных административных правлениях. С 1907 г. в Ташкенте началось строительство городского трамвая, первая линия которого была за-

пущена 29.12.1912 г. Среди работающих в «Ташкентском трамвае»: Г. Гильберг, К. Готлиб, Г. Витт, И. Краус, Г. Михель, В. Шрот и др. немцы. Содержание шоссе-ных дорог и дорожных сооружений с 1877 г. было принято на земский кредит. Создание транспортной сети приблизило для жителей Туркестана «святую землю» Мекку, связало его с Европой, улучшило сбыт продуктов сельского хозяйства, промышленных, ремесленных, кустарных изделий, втянуло Туркестан в российский и мировой рынок, увеличило возможности дальнейшего развития производства и экономики края.

В Туркестане была создана сеть почтовой и телеграфной связи. Первоначально с июня 1873 г. Ташкент был связан телеграфом с европейской Россией через Сибирь, управление сетью телеграфных станций находилось в Верном и только в 1881 г. перенесено в Ташкент. В 1885 г. была налажена телеграфная связь через Перовск, Казалинск, Орск. В 1884 г. телеграфные станции созданы в Бухаре. Свой вклад в создание и четкое функционирование почтовой и телеграфной связи внесли немцы: В.Э. фон Биллер, О.П. Вигандт, К.И. Гетц, Г.Х. Гофман, П.А. Крузе, Г.Ф. Крюгер, Е.Р. Минцлов, К.К. Ромонд, В.К. Оттенсон, Д.Д. Франц, Е.Р. Фризе, В.Б. Штраус и др.

С приходом русских войск началось целенаправленное озеленение края. По всей его территории стали создаваться специальные лесные команды для посадки лесополос вдоль строящихся дорог, водоемов, опытных полей, для закрепления сыпучих песков и горных склонов. Много внимания озеленению районов своего поселения уделяли жители немецких колоний. Их усадьбы окружала живая зеленая изгородь, на улицах с обеих сторон вдоль арыков — ветвистые деревья. Они завозили семена лесных пород, закладывали лесопитомники и создавали оазисы среди выжженной пустыни. По приказу К.П. фон Кауфмана местные дехкане разравнивали на склонах гор земляные террасы, рыли вдоль них оросительные арыки, питающиеся из горных родников и сажали лиственные и хвойные деревья. Каждому дехканину платили золотыми монетами, за что генерал получил в народе прозвище «Гилла Тура» — «Золотой господин».

«Губернаторское золото» спустя годы проросло рукотворными лесами, превратилось в природно-климатические курортные зоны близ Ташкента и других городов. Решено было превратить в парк окрестности Акташа — самый близкий к столице горный курортный район. К.П. фон Кауфман устроил там дом отдыха, за ним последовала и вся городская элита. Вновь прибывавшие на службу ниж-

ние чины проходили в озелененных горных районах акклиматизации. И ныне в 80 км к северо-востоку от города расположен один из самых популярных горнолыжных комплексов Узбекистана — Чимган.

В Ташкенте и его окрестностях старожилы еще на исходе XX в. помнили имена лесоводов и садоводов-селекционеров отца и сына А.А. Гребер и П.А. Гребер, В. Гроса. П.А. Гребер издал «Руководство по садоводству в Туркестанском крае» (1907 г.). Н.Бухгейм изучил и описал «Фрукты Ташкентского района на столичных рынках» (1907 г.). Прекрасный сад при дворе великого князя Николая Константиновича Романова с прямоугольной разбивкой аллей, засаженных российскими дубами, соснами, елями, липами и другими привозными породами деревьев и кустарников, создан был И.И. Краузе. К сожалению, к концу первого десятилетия XXI в. зеленые шатры садов и парков Ташкента были почти все уничтожены, и вместо них появились грандиозные застройки.

Много дубрав и рощ за почти 50 лет вдохновенного труда по озеленению городов и сел Семиреченской области посадил старший ревизор лесного управления края Эдуард Оттонович Баум (1850 — 1921 гг.). Одна из многочисленных посаженных им рощ в пригороде Алматы, которую он заложил в 1892 г. «для увеселительного парка», носит его имя «Роща Баума» и объявлена государственным памятником природы. «Роща Баума» — искусственный зеленый массив, расположенный в северной части Алматы, разделенный сеткой алей, дорожек, а по периметру проведена алея, обходная дорога. Э.О. Баум создал великолепный зеленый наряд Верного, который и в наши дни шумит листвой, дарит прохладу и свежесть жителям города. После окончания Петровской земледельческой и лесной академии и С.-Петербургского земледельческого института в 1874 г., он приехал в 1876 г. в Верный (Алматы), где почти полвека работал лесничим, 25 лет из них — старшим лесным ревизором. Проводил селекционные работы, был организатором зеленого строительства, отбирал в России посадочный материал, завез и интродуцировал 44 лиственных, 17 хвойных пород и 52 вида кустарников. Доставил и акклиматизировал 74 сорта яблонь (в том числе знаменитый «Алматынский»), 49 сортов груш и других плодовых растений. Им были заложены по всей территории Семиречья лесные питомники, созданы лесные заслоны на горных склонах, засаженные кленами, дубовыми и ореховыми рощами. Вдоль основных трактов также были заложены рощи из карагача, вяза, дуба, березы, сосны, ясени и других пород, сохранившиеся до наших дней. По его инициативе

был издан приказ об обязательной посадке жителями Верного и других поселений Семиречья не менее 20 декоративных и плодовых насаждений (саженцы выдавались бесплатно). Он сам обходил дом за домом, улицу за улицей, приносил выращенные им саженцы декоративных, плодовых пород деревьев и кустарников, учил людей их сажать и выращивать. Весь урожай своего плодородного сада он отдавал детскому приюту города. В 1881 г. им была организована Верненская школа садоводства, директором которой был его брат, О.О. Баум. «Лесоводы братья Баумы создали 27 питомников площадью в 155 десятин, лесные питомники, рощи, сады». Он очень остро чувствовал необходимость зеленого строительства развивающегося города и других территорий края. «Я помню, как на голом предгорье, на берегу Алмаатинки, стояло несколько срубов и юрт. Теперь там утопает в зелени прекрасный город. Свидетельствую о том, что когда я был в Верном, там не росло ни единого кустика», — писал известный исследователь П.П. Семенов. Краевед В.Н. Шнитников вспоминал о нем: «...это был настоящий фанатик леса, дрожавший над каждым деревом так, как будто он сам его сажал и ухаживал за ним». Высокая гражданская позиция, активная общественная деятельность Э.О. Баума заражали людей. В 1906 — 1907 гг. он руководил Тяньшанско-Верненским обществом «ревнителей просвещения», которое организовывало бесплатные народные чтения, читальни, публичные библиотеки, концерты, спектакли, народные гуляния, был автором многих публикаций в периодической печати. Им было создано общество «Попечения о нуждающихся переселенцах Семиреченской области». После революции Э.О. Баум заведовал Семиреческим лесным подотделом. Дом, в котором он жил в 1880 — 1921 гг., не дом, «а резной и узорчатый высокий терем», является памятником архитектуры и охраняется государством. Много сделал для края и его брат О.О. Баум, которого, как считают историки, можно назвать «первым метеорологом края». Зеленый наряд Скобелева (Ферганы) — создание городского сада и заведующего лесничеством области Г.Г. Оттендорфа. За заслуги перед обществом он награжден 10.12.1888 г. золотой медалью на Анненской ленте с надписью «За усердие». В областном музее хранилась рукопись его книги «Практические советы для садоводов». Любил заниматься садоводством и сам К.П. фон Кауфман, считая, что «садоводство помимо практического и гигиенического значения <...> имеет влияние на смягчение характера, <...> все садоводы — люди добрые». Н.П. Остроумов отметил: «Действительно, устроенный генерал-губернатором сад очень

хорош и генерал сделал из него приятное место гуляния для всего Ташкента.⁴⁰⁴ Среди ученых-агрономов, инструкторов по хлопку, шелководству, пчеловодству, рыболовству, лесоводов и садоводов, управляющих земельным и государственным имуществом — А.Я. Бушман, П.О. Гамбургер, В. Гейштоф, Ф.Ф. Герберт, Е.В. Гребнер, Ю.И. Гоппер, В.И. Грюнберг, Г.Р. Деринг, И.К. Дитерикс, А.Ф. Зан, А.Я. Дрикис, Э.Ф. Мейер, А. Локк, В.А. Лиценмайер, Г.Г. Оттендорф, В. Пельц, Н.А. Прейс, В.А. Риттер, П. Ротт, А.В. Узберг, В.В. Эргардт и др.

Роль и значение вклада российских немцев в социально-экономическое развитие края органично взаимосвязаны с общей оценкой этого вопроса при характеристике последствий русской колонизации Центральной Азии. В современной историографии оценки последствий русского завоевания края далеко не однозначны и весьма противоречивы. В работах ряда центрально-азиатских авторов встречаются негативные, необоснованные «однобокие оценки» типа: «Колонизация края царской Россией привела в начале XX в. к глубокому политическому и экономическому кризису в Туркестане».⁴⁰⁵ Эти и подобные им мотивы абсолютно не новы, они были известны и раньше. Но еще в 80-е годы XIX в. член британского парламента Джордж Керзон и консервативный политик Генри Роулис вынуждены были отмечать: «Водворение российского управления на большей части Средней Азии явилось истинным благом для всего рода людского. Были уничтожены отвратительная торговля рабами и все сопутствующие ее мерзости, был подавлен бандитизм, повсеместно удалось умерить и поставить под контроль мусульманский фанатизм и свойственную ему жестокость».⁴⁰⁶

Безусловно, после вхождения территории края в состав Российской империи произошли значительные изменения во всех областях как материального, социально-экономического, так и духовного быта коренного населения. Рост промышленного производства, развитие торговли вызвали кардинальные изменения в экономике края, привели к сокращению, а порой и к ликвидации некоторых традиционных народных ремесел, многие из которых становились попросту неконкурентоспособными, формировалась монокультура сельскохозяйственного производства. Но зримо и очень скоро начала меняться вся экономика-географи-

⁴⁰⁴ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 100.

⁴⁰⁵ Германова В.В. Вторжение Российской империи в Среднюю Азию (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана) // Центральная Азия в составе Российской империи. М. 2008. С. 360 — 381.

⁴⁰⁶ Глушенко Е. Герои империи... С. 157.

ческая карта региона, возросла численность его населения, повысился уровень жизни народа, развивались товарно-денежные отношения. Возникли новые города и поселения городского типа, которые становились торговыми, административными и культурными центрами региона, формировалась новая развитая инфраструктура капиталистических производственных и общественных отношений, в становлении и развитии которых немалую роль сыграли российские немцы. При этом следует отметить то, что они, сохраняя свои традиции, родной язык, связь с прародиной, во взаимодействиях как с местным, так и с русским населением края выступали носителями «общеевропейских стандартов» трудовой деятельности, культуры, деловых отношений, содействуя расширению, укреплению экономических, торговых, производственных и бытовых контактов в многонациональном социуме региона.

«ДЕЛОВОЙ ОН ЧЕЛОВЕК»

В добросовестном ярком издании «Герои империи» (М. 2010 г.) историк, писатель Е.А. Глущенко, подробно и объективно характеризуя деятельность К.П. фон Кауфмана, заметил: «...мало сохранилось свидетельств его чисто человеческих качеств». ⁴⁰⁷ С этим утверждением позволительно не согласиться. Скучны свидетельства его семейной жизни. Те же, что отражены в многочисленных публикациях, воспоминаниях современников и архивных документах, кратко свидетельствуют о семейном союзе и взаимоуважении супругов, о счастливой семейной жизни их дочери — Лены и трагедии сына — Михаила. В своих письмах из Туркестана К.П. фон Кауфман лишь кратко отмечал: «Семья моя здорова, ради Бога, дети учатся весьма прилежно и подрастают. Общество порядочное и не особенно скучает. По четвергам собираются потанцевать». Но он был, что называется, до мозга костей государственным человеком и личные, человеческие качества природы первого генерал-губернатора края повсеместно и ярко проявлялись в его военной, административной и общественной деятельности, в его службе на благо отечества и процветания края. Сослуживцы, окружавшие его люди однозначно подчеркивали деловые качества и талант превосходного администратора, организатора К.П. фон Кауфмана. Н.П. Остроумов пишет: «Деловой он человек, когда бы ни явился к нему, я всегда заставал его сидящим за столом и что-то пишущим. <...> Обыкновенно, когда составленные от его имени бумаги не нравились ему, он собственной рукой изменял их текст и приказывал переписывать или переделывать к следующему докладу». ⁴⁰⁸ При этом его «деловитость», «практицизм», приверженность долгу, приоритету государственных интересов всегда основывались на высоких нравственных принципах и гуманизме. Он был лишен догматизма, менялся вместе с изменяющейся жизнью и возникающими обстоятельствами военной или административной необходимости. Но неизменность его нравственного кредо всегда подчеркивали соратники и многочисленные биографы. К.П. фон Кауфман умел «быстро подмечать способности подчиненных, умел развить и воспользоваться ими». Он всегда интересовался и внимательно относился вообще к людям,

⁴⁰⁷ Глущенко Е. Герои империи... С. 131.

⁴⁰⁸ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 27, 29, 50.

окружавшим его. «Часто первое знакомство происходило на даче в двух верстах от города. В этом и заключалась отличительная манера знакомства с новыми лицами, приезжавшими в край на службу, особенно когда этим лицам вверялось ответственное дело. За завтраком, среди обыкновенных разговоров, генерал внимательно присматривался и прислушивался к новому лицу и определял ему цену с точки зрения здравого смысла, развития и деловитости. Внешний лоск значения не имел в его глазах. <...> Доброта К.П. фон Кауфмана, его ласковый прием, скорее отеческий, чем начальствующий, глубоко западали в душу особенно молодого чиновника, приехавшего в новый край, в котором не было ни одного знакомого. И такой прием был особенно дорог».⁴⁰⁹ Н.П. Остроумов записал мнения местных жителей о генерал-губернаторе: «2 декабря 1891 года сидел у меня Мухитдин-ходжа. Я спросил казия, чем особенно памятен ему и местному населению К.П. фон Кауфман. Казий сразу оживился и сказал: «Да такого генерал-губернатора не было более и не будет». Я его перебил и сказал: «От чего так, Россия велика и почетных генералов у нас много». Но казий с некоторым волнением сказал: «Нет, я был в Москве во время коронации покойного государя, видел там много разных русских чиновников и ни одного такого умного и спокойного, как генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, не встречал».⁴¹⁰ Н.П. Остроумов подчеркивал, что ташкентский казий «часто вспоминает генерал-губернатора и всегда положительно». Казий изумлялся его умной рассудительности, знаниям, умению понимать суть проблемы и детали ситуаций, его «открытому характеру и доступности для каждого даже простого ташкентца. <...> Он, — отмечает востоковед, — не отказывал в приеме никому, ни одному жителю, каждого старался выслушать и каждое дело разобрать, <...> был человек весьма умный и умел обходиться с людьми всякого рода, <...> таких людей немного бывает на свете. <...> Серьезный тон в обращении он умел менять без принижения своего достоинства на полухотливый. Но знал в этом меру и имел терпение выслушать от местных жителей иногда даже колкие речи. <...> За его умение обходиться со всякими людьми, «учеными и неучами» его любили и уважали как чиновники, трудящиеся под его руководством, так и местное население очень любило его и люди до сих пор вспоминают с большим уважением».⁴¹¹

⁴⁰⁹ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 2, 11, 15.

⁴¹⁰ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 204.

⁴¹¹ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 200.

Джура-бек также с благодарным чувством вспоминал о генерал-губернаторе; «недавний еще самонадеянный враг и вдвойне озлобленный (как мусульманин и как потерпевший поражение), решивший остаться на русской службе, вспоминал о генерале с теплым чувством, ибо К.П. фон Кауфман «всегда уважал в нем человека».⁴¹² Прием посетителей, чиновников и других лиц проходил три раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам. После служебных докладов К.П. фон Кауфман часто приглашал подчиненных к своему семейному завтраку, за которым велась непринужденная беседа, в том числе и о семейных делах чиновников, рассказывались анекдоты, которых генерал знал множество и умел ими пользоваться, но никогда не обижал и не унижал собеседника. Склонность К.П. фон Кауфмана добродушно поговорить и пошутить «в свободные от деловых занятий минуты» отмечал в своих воспоминаниях и В.В. Верещагин. Он умел мастерски вести разговор, отлично вникая в положение чиновника. Его влияние на коллектив было благотворным, современники отмечали его умение создавать благоприятную служебную обстановку, обеспечить всем условия для роста, уметь гасить конфликты, «вникать в жизненные обстоятельства коллег и помогать выходить из сложных ситуаций». Он никогда не фальшивил, оставался верен самому себе, умел «объединять и мобилизовывать людей потому, что был выше политических пристрастий, в нем жила неподдельная терпимость, способность услышать и выслушать человека, искренний интерес к чужому мнению, <...> к каждой отдельной личности, которой он прежде всего старался помочь, поддержать в трудную, да и в нетрудную минуту».⁴¹³ Как гостеприимный хозяин, он нередко «собирал» в своем доме «многочисленные общества», устраивал несколько раз в году балы, «памятные для всех туркестанцев». Н.П. Остроумов пишет: «...собирались на такой бал 200 — 300 человек, <...> веселились от души. Старшие чиновники следовали примеру Кауфмана и широкое гостеприимство в семейных домах того времени практиковалось очень многими». Современники отмечали то, что держал себя К.П. фон Кауфман с большим достоинством всегда. Этикет в присутствии К.П. фон Кауфмана соблюдался в высшей степени. «Генерал умел держать себя с большим достоинством и принимал очень важную позу, когда требовало общество. В этом отношении он, безусловно, стоял выше всех

⁴¹² Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 212.

⁴¹³ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 20, 135; Из воспоминаний художника В.В. Верещагина // Русская старина. 1890. Декабрь. С. 789.

ташкентских генералов, хотя между последними были лица видные и представительные». ⁴¹⁴ Он старался детально учитывать в манерах своего поведения ментальность местного населения. Отсюда и комната в его доме, отделанная в узбекском вкусе с ее пестрой красотой, и пышность выезда генерал-губернатора в старый город Ташкента и во время посещения других городов Туркестана. Из принципа, чтобы не «умалить своего авторитета» в глазах местных жителей города, он не участвовал в торжественной встрече 2.06.1878 г. епископа Туркестанского и Ташкентского Александра, облаченного в соответствующий его сану роскошный, сверкающий наряд священнослужителя. ⁴¹⁵

К.П. фон Кауфман, для которого долг перед отечеством, государем и людьми был превыше всего, стремился воспитывать и у своих подчиненных порядочность, высокие нравственные позиции, требовал соблюдения законности и уважения к человеку. Он издает 29.11.1868 г. приказ по военно-народному управлению: «До сведения моего дошло, что некоторые лица военно-народного управления по своей частной и общественной жизни не всегда умеют держаться на той высоте, на которой должен стоять каждый русский, служащий в Средней Азии. Чтобы оправдать ожидание его Императорского Величества государя императора и нашей Родины, чиновники, принадлежащие к администрации Туркестанского края, должны отличаться самую безупречную жизнью и честно исполнять тяжелые общественные обязанности на них лежащие, т. е. трудиться непрерывно и постоянно на пользу русского значения в Азии. Лица, по своей жизни не могущие служить образцом для местного населения и которые не в силах трудиться настойчиво, не должны продолжать службу в вверенном мне крае. На этом основании предлагаю господам военным губернаторам и правителю моей канцелярии доставить мне собственноручные секретные аттестации всех подчиненных им лиц, служащих по администрации края. В аттестациях должно быть подробно охарактеризовано каждое лицо по отношению к пользе, которую он приносит в крае, его охоты быть полезным русскому делу в Средней Азии и по отношению благопристойности поведения. Обращаю внимание господ военных губернаторов и правителя канцелярии на то, чтобы аттестации были произведены самым беспристрастным образом». ⁴¹⁶

⁴¹⁴ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 95.

⁴¹⁵ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 33, 35, 51.

⁴¹⁶ ЦГА РУз, Ф. И-1. Оп. 1. Д. 28. Л. 7 — 7об.

Востоковед А.А. Семенов писал: «Кауфман явился в край в зрелом возрасте 49 лет, имея опыт управления и командования войсками. Многочисленные таланты, энергия, смелость, военно-исторические знания, выдержка и ясное спокойствие, умение разобраться в сложных вопросах, знание человеческой души, умение выдвигать нужных людей и назначать их на соответствующие места, наконец, способность очаровывать и обласкать подчиненного — все это удивительно красиво сочеталось в натуре К.П. фон Кауфмана». Не все из лиц, окружавших К.П. фон Кауфмана, выделялись своими высокими нравственными и служебными качествами. Американский журналист Я. Макгахан, участник Хивинского похода, отмечал, что в Туркестан из Великороссии вдруг тоже зашпешили различные искатели азарта, приключений и экзотики: молодые офицеры в жажде чинов и славы, певички, хористки, аферистки и дамы полусвета без определенных занятий, торговцы, газетчики, рисовальщики, карточные шулера, авантюристы всех мастей. Некоторые из них были обязаны появлением в крае покровительству своих высокопоставленных родственников и, чувствуя поддержку Петербурга, «топили в грязи здесь и себя и то русское дело, которое они обязаны были по чувству долга и верности государю оберегать». Н.П. Остроумов также отмечает, что среди «многочисленного служивого люда» большая часть «безыдейных работников», которые «ехали ради привилегий, смотрели на туркестанскую службу как на временную ступень, как на этап в дальнейшем движении к дальнейшему повышению или, наконец, как на ссылку».⁴¹⁷ «Уследить за всем этим и пресечь зло в корне не под силу было К.П. фон Кауфману, постоянно заваленному делами по внешнеполитической, административной и военной частям, созидание коих приходилось начинать с самого основания и по планам, лично им разрабатывавшимся, — отмечал А.А. Семенов, — на этом светлом фоне героической туркестанской легенды были и свои мрачные стороны (Головачев, Колзаков, Гомзин, Медынский, Нольде и др.). На это позволительно заметить, что даже самые ярые противники покойного генерал-губернатора не могут привести ни одного примера, рисующего его личную нечестность, злоупотребления высочайше вверенными ему правами и полномочиями, подчеркивая лишь, что К.П. фон Кауфман мягко относился к преступлениям вышеназванных лиц, ходатайствуя об облегчении их участи».⁴¹⁸

⁴¹⁷ ТС. № 468. С. 178.

⁴¹⁸ Семенов А.А. Покоритель и устроитель... С. 84.

Все свои указания, замечания он делал в тактичной форме, а его отказы были удивительно деликатны. В своих воспоминаниях Г.П. Федоров подчеркивал то, что при К.П. фон Кауфмане ближайшие его сподвижники, чиновники канцелярии главного административного органа управления генерал-губернаторством, через который проходили немалые суммы денег, были людьми долга и высоких нравственных принципов, и даже такой предубежденный человек, как ревизор Ф.К. Гирс, который стремился всеми силами «докапать в делах канцелярии какие-либо признаки незаконных действий», в конце концов «сложил оружие» и призвал чиновников в «помощники своей ревизии». Он пишет, что даже генерал-лейтенант М.Г. Черняев, «столь предубежденный против К.П. фон Кауфмана и его сподвижников», впоследствии «резко изменил неприязненное <...> отношение». Сплетен и критики в адрес первого генерал-губернатора края, обвинений в честолюбии было немало. Порой это вызывало негодование и протесты, порой замкнутость, но К.П. фон Кауфман придерживался правила «не обращать много внимания на всякие неприятности». Н.П. Остроумов, отмечая, что «сплетни о нем распускали все время», подчеркнул реакцию на это генерал-губернатора, высказанную им в одном из разговоров: «Мне, — сказал он, — иногда договаривают, что иные дурно отзываюся обо мне, но я не обращаю на это внимание и не стараюся заискивать расположения к себе у людей, а преследовать моих недоброжелателей не имею права».⁴¹⁹

В своих воспоминаниях инженер и писатель А.В. Эвальд напишет: «В течение своей жизни я никогда не встречал человека пожилого, притом администратора, занимавшего высокие посты, который сохранил бы такую юношескую свежесть, как К.П. фон Кауфман. Это был чрезвычайно живой человек, живой не в смысле быстрых движений, а в смысле таком, что до конца своих дней он сохранил способность увлекаться всем новым и увлекаться с чисто юношеским пылом. <...> К нему обращались многие за поддержкою, он представлял из себя редкое явление в административных сферах, и имя его не должно умереть в потомстве».⁴²⁰ Многочисленные документы эпохи К.П. фон Кауфмана с его бесчисленными резолюциями и заметками на них, исправлениями и дополнениями позволяют составить «ясное представление о планомерности всех его админи-

⁴¹⁹ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 136.

⁴²⁰ Эвальд А.В. Воспоминания о К.П. фон Кауфмане // Исторический вестник. 1897. № 10. С. 184, 199; Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 199 — 200.

стративных и военных распоряжений, о широте его государственных замыслов и о честном, идейном отношении к задачам русского управления Средней Азии», — пишет А.А. Семенов. Они емко свидетельствуют и о личностных, индивидуальных качествах его натуры.⁴²¹

Возле такой личности, каким был К.П. фон Кауфман, особенно ярко проявлялись как благородные, так и самые низкие качества окружавших его людей. Имена многих из них ныне не помнит никто. Личность же К.П. фон Кауфмана, его заслуги перед Россией, управление и «устройство» им Туркестанского края продолжают привлекать интерес историков, писателей, общественности.

⁴²¹ Семенов А.А. Покоритель и устроитель... С. 77 — 83.

ВЗЯТИЕ ГЕОК-ТЕПЕ

При К.П. фон Кауфмане была завоевана и объединена под русским влиянием почти вся территория русского Туркестана. Оставалась лишь «вольная» Туркмения, присоединение которой было решено провести войсками Кавказского военного округа. После завершения «Турецкой кампании» Александр II утвердил в 1879 г. план решительного похода против туркмен, продолжавших свои аламаны даже на западные берега Каспийского моря. Командующим войск Закаспийского военного отдела и начальником предполагаемой экспедиции император назначил своего крестника, героя Туркестана и русско-турецкой войны генерала М.Д. Скобелева. Генерал прибыл в Красноводск 4.05.1880 г. и, связавшись с К.П. фон Кауфманом, начал активную подготовку к походу вглубь Ахал-Текинского оазиса, к туркменской твердыне Геок-Тепе, сооруженной не без участия европейских инженеров. Чтобы обойти Геок-Тепе, нужно было пройти 600 миль безводной пустыни. Решение этой задачи обеспечил начальник мобилизационной армии генерал-лейтенант М.Н. Анненков (1835 — 1899 гг.), который «соединял качество воина с образованностью искуснейшего инженера». Он предложил построить через пески стратегическую железную дорогу, разработал специальные приемы защиты от сыпучих песков, замены топлива каменным углем нефтью. Топливо и вода — до 4000 ведер в сутки — доставлялись в цистернах по уже проложенному участку пути. Впервые были сформированы 2 русских железнодорожных батальона. Солдаты в условиях частых песчаных бурь, непривычного знойного климата, испытывая большие трудности и перегрузки, работая лопатой, всегда имели около себя ружье. Рельсовый путь от порта Красноводск до Бами продвигался ежедневно на 4 — 5 верст через пески и, по существу, обеспечил взятие Геок-Тепе. Позднее, 21.10.1913 г. генералу М.Н. Анненкову, как главному строителю Закаспийской железной дороги, доведенной до Самарканда в 1888 г., в этом городе был открыт памятник, уничтоженный вскоре после революции. К.П. фон Кауфман первоначально с недоверием встретил идею М.Н. Анненкова, но затем поддержал ее полностью и всячески содействовал. Крепость была взята после тяжелых для обеих сторон боев и кровопролитного штурма 12.01.1881 г. Взятие Геок-Тепе предопределило исход всей экспедиции.

Сдав командование генерал-лейтенанту Петру Федоровичу Рербергу (1835 — 1912 гг.), М.Д. Скобелев 28.03.1881 г. выехал из края.⁴²²

Из вновь приобретенных земель Ахал-Текинского оазиса и Закаспийского военного отдела 16.05.1881 г. образована Закаспийская область, вошедшая в состав Кавказского наместничества. Затем 28.02.1884 г. в нее «под высокую власть Белого царя» вошел Мервский оазис, последовало мирное присоединение Серахского и Тедженского районов, бои на Кушке и «дружественный» Атек, влившийся в состав Ахал-Текинского округа. Этим закончилось образование самой обширной из всех областей Туркестана — Закаспийской области.⁴²³ До 1890 г. она входила в состав Кавказского военного округа, затем была выделена в отдельный административный и военный район. С 1.07.1899 г. Закаспийская и вновь Семиреченская (с 25.05.1882 г. выделенная в Степное генерал-губернаторство) области вошли в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Новое объединение областей было проведено исключительно в военно-стратегических целях и давало 120 тыс. рублей экономии в год. Все пять областей управлялись различно: три коренные области Туркестана — Сырдарьинская, Ферганская, Самаркандская — на основе «Положения об управлении Туркестанского края 1886 года»; Семиреченская — на основании «Степного положения», Закаспийская — на основании своего «Временного положения 1890 года». В 80-х годах XIX в. окончательно сформировались границы России в Центральной Азии. В 1895 г. было достигнуто разграничение сфер влияния на Памире между Россией и Британским правительством, 27.02.1895 г. был заключен договор Англии и России о разграничении Афганистана и России на Памире, 18.08.1908 г. последовало подписание нового соглашения, по которому Россия признала Афганистан вне сферы российского влияния.

При К.П. фон Кауфмане к России была присоединена большая часть Центральной Азии: Зеравшанский округ — 466 кв. км (1868 — 1870 гг.); Аму-Дарьинский отдел — 1920 кв. км (1873 г.); Кульджинский район — 1224 кв. км (1871 г.); Ферганская долина — 1770 кв. км, 5380 кв.км (1875 — 1876 гг.).

Огромная территория — больше чем Германия, Франция и Австро-Венгрия вместе взятые. Над номинально независимыми Хивой и Бухарой был установлен протекторат России. «Он создал могучую окраину России, внушающую мистический трепет и уважение <...> соседям и непризрачный страх Англии», — от-

⁴²² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 11. Д. 15

⁴²³ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 104. Л. 87 — 89; ТС. № 388. С. 1 — 12; Толбухов Е.М. В борьбе за русское дело... С. 4; Центральная Азия в составе... С. 137.

мечали историки. Присоединение и преобразование Туркестана стоило довольно дорого. За 1868 — 1878 гг. доходы в крае составили 32 млн. рублей, а расходы — 99 млн., дефицит — 67 млн. рублей. Из 99 млн. рублей общего расхода на гражданское управление потрачено 24 млн., на содержание войска — 75 млн. рублей. Не случайно, в частности, В.В. Верещагин был глубоко против присоединения Туркестана к России, считая, что «овчинка выделки не стоит». В течение 10 лет край сохранял этот дефицит. Только в 1909 г. доход казны от Туркестана стал превышать расходы и дал прибыль в 1 млн. рублей. В 1911 г. доход составил 22,2 млн. рублей, расход — 18,8 млн. рублей.

Генерал-лейтенант К.П. фон Кауфман, как военный и общественный деятель своего времени, обладая масштабным государственным мышлением, действуя по законам своей эпохи, заложил основы формирования нового экономического хозяйствования, нового строя всех сфер жизни общества на огромной территории, которая на современной политико-географической карте мира охватывает основные контуры «постсоветской» Центральной Азии. В наше время некоторые историки, фальсифицируя на волне русофобии историю своих народов, искажают реальные исторические факты, приводят произвольные трактовки, характеристики, оценки исторических событий, их участников, делают искаженные выводы, формулировки. Но вопреки этому основными являются все же признания того, что «в Туркестан вторгся могучий порыв свежего ветра», «на структурном, глубинном уровне слились Восток и Запад» и, как отмечает доктор исторических наук Файзулла Исхаков, «во всех сферах жизни многонационального коренного населения Туркестана в колониальный период и в советские десятилетия было больше созидательного, весьма значимого, нежели ущербного, регрессивного».

ПОКУШЕНИЕ НА АЛЕКСАНДРА II

В день покушения на Александра II (1.03.1881 г.), совершенного террористом И. Гриневецким, К.П. фон Кауфман заболел. Император был в его глазах «идеалом честного и правдолюбивого монарха», который «если и ошибался и уклонялся от намеченного им себе пути, то лишь потому, что он тоже был человеком, и обстоятельства оказывались сильнее его воли». Месяца за два до трагедии К.П. фон Кауфману приснился «вещий сон», рассказывая о котором он произнес: «Чему быть, того не миновать».⁴²⁴

26.03.1881 г. К.П. фон Кауфмана поразил апокалиптический удар, после которого он уже не оправился. Старые раны, беспокоившие его постоянно, трагическая смерть императора, непоследовательность политики Петербурга по отношению к Кульдже и Афганистану, клубок негатива последних лет, распутать который было не в его силах, разочарование в нравственных достоинствах некоторых близких к нему чиновников, неудачное осуществление ряда принятых им проектов (канал в Ходжентском уезде, конский завод в Капланбеке, строительство ярмарки и биржи, переделанной позднее в здание театра и др.) окончательно подорвали его здоровье. С 10.04.1881 г. должность Туркестанского генерал-губернатора вместо тяжело больного К.П. фон Кауфмана стал исполнять генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский (приезд его в Ташкент совпал с передачей Кульджи Китаю). Врачи — Шиманский, Бредов, Околов, Логинович, Суворов — следили за состоянием больного и периодически выпускали специальные информационные бюллетени.⁴²⁵ Болезнь протекала тяжело: с рожистым воспалением правой ноги, потерей сил и речи, высокой температурой тела. «Спокойно и тихо», как уведомлял в своем письме Г.А. Колпаковскому подполковник Б.М. фон Берг, в 1 час 6 минут в ночь на 4 мая 1882 г. К.П. фон Кауфман «уснул сном вечным».⁴²⁶

«Эта ожидаемая кончина повлияла на туркестанскую жизнь сильнее недавней гибели императора Александра II», — отмечали современники. Набальзамированное тело генерала находилось в зале генерал-губернаторского дома в

⁴²⁴ Семенов А.А. Памяти М.Г. Черняева; ТС. № 546. С. 156; Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 185.

⁴²⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 638. Л. 12, 15 — 16, 63; Ф. И-5. Оп. 1. Д. 1135. Л 1 — 4.

⁴²⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 718. Л. 1, 7.

ожидании приезда из Петербурга его жены и сына. При этом 7 мая было получено и разрешение перевести тело «генерал-адъютанта фон Кауфмана из Ташкента в Петербург».⁴²⁷ Генерал Г.А. Колпаковский 4 мая отправил во все области телеграмму: «Нужно объявить об этой тяжелой утрате и назначить панихиду сегодня в 3 часа дня, не раньше, чтобы дать по возможности собраться на молитву за упокой души К.П. Кауфмана». Представители всех войсковых соединений и жителей со всех областей края были делегированы в Ташкент для участия в церемонии погребения. А.Г. Колпаковский 10 мая ходатайствует в Петербург по вопросу «всемиловитейшего разрешения государя императора отнести за счет казны расходы на похороны» и, «принимая во внимание полувековую службу покойного, заслуги престолу и государю», а также «общее желание населения», дать «разрешение на открытие подписки на сооружение памятника генерал-адъютанту фон Кауфману».⁴²⁸

Благословение предать тело К.П. фон Кауфмана земле на избранном им месте от епископа Александра было получено 12 мая. Похороны были назначены на 17.05.1882 г.⁴²⁹ Подробные сообщения о событиях этого дня оставили страницы газет, воспоминания современников, записи Н.П. Остроумова, который подчеркивал: «Внимания и почета покойному было оказано много: от родных, военных и гражданских учреждений служили панихиды у его гроба, на котором возлагались венки из живых и искусственных цветов». 17 мая в 8 часов 30 минут гроб с телом К.П. фон Кауфмана был торжественно перенесен генералами и начальниками правлений в небольшую Иосифо-Георгиевскую церковь. Священники совершили отпевание, и была произнесена речь старшего из них, о. Андрея Малова (1815 — 1899 гг.): «К.П. фон Кауфман будучи 14 лет главным начальником здесь на далекой окраине, ты знал и наши достоинства, знал и наши немощи, по достоинствам нашим и заслугам ты мощно ходатайствовал перед монархом об отличии нас, об улучшении быта нашего. О немощах наших ты силился, превозмогая себя, чтобы отечески необидчиво дать нам понять, но наказывал редко, и если наказывал, то соединял насколько можно, требования строгой законности с чувством нравственной правоты. Ты видел в каждом из своих подчиненных прежде всего человека и требовал честности и порядочности, коими сам

⁴²⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 718. Л. 8; Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 191.

⁴²⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 718. Л. 11.

⁴²⁹ ЦГА РУз. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 1135. Л. 6.

обладал в высшей степени. Ты имел истинное желание поднять человека, возвысить его в его глазах, привлечь к нему или облагородить то, что должно быть присуще его природе. И память о твоей плодотворной деятельности всегда будет дорога и любезна в роды родов. Что мы тебя глубоко уважали и любили, ты это знал и ты избрал себе эту далекую окраину могилою, верь же, что наши чувства к тебе не умрут и перейдут в будущие поколения, а твои заслуги гражданские и военные в течение почти полувека перед престолом, церковью и отечеством оценит и увековечит история нашего отечества».⁴³⁰

По окончании отпевания гроб с телом К.П. фон Кауфмана был поставлен на катафалк, и печальная процессия, строго в соответствии с разработанным церемониалом, медленно, заняв всю Соборную улицу, двинулась к могиле, приготовленной на углу гимназического сквера. Вопрос о месте погребения решался непросто. Одни указывали место возле церкви, другие — вблизи любимых генералом гимназий. К.П. фон Кауфман, будучи истинно «русский по душе человек», любил Туркестанский край не только как свое «создание», но и как «русскую землю». Г.П. Федоров, вспоминая о днях похорон первого генерал-губернатора края, напишет: «Еще раз от всего сердца скажу: мир праху этого благороднейшего кристально-чистого человека, этого рыцаря чести, этого верного и преданного слуги Родины и Монарха. В заключение не могу не повторить одной фразы, сказанной однажды Кауфманом: «Прошу похоронить меня здесь, чтобы каждый знал, что здесь настоящая русская земля, в которой не стыдно лежать русскому человеку». Вот так смотрел Кауфман на Туркестанский край». На высказанное желание К.П. фон Кауфмана похоронить его на туркестанской земле укажут и другие биографы генерал-губернатора. Было принято решение: предать тело земле напротив любимых им гимназий.⁴³¹

На похоронах, как описывает Н.П. Остроумов, «достаточно было речей искренних и теплых». Первой и наиболее выразительной была речь Г.А. Колпаковского, соратника и друга еще с Кавказа, с совместных боев с горцами, «забывшего в эти дни скорби свои трения при жизни» с покойным и высказавшего «чувства своего почтения» почившему начальнику края. Н.П. Остроумов сам выступил с речью от лица учителей, в которой отметил, что «Бог не судил покойному увидеть первые

⁴³⁰ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 192 — 193.

⁴³¹ Чижов Б.И. Генерал-адъютант... С. 19; ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 718. Л. 3, 4; Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 2.

плоды трудов своих, но он при жизни своей умел успешно сознавать, что им было сделано для учебного дела в крае все, что было можно, а сделано было много». Он также подчеркнул, что «добрый и ласковый по натуре» К.П. фон Кауфман «обнаруживал» эту «черту своего характера» в отношении учащихся детей и учителей. «Держась естественного взгляда на человеческую природу, он всегда сознавал, что люди всегда и везде были людьми, т. е. со слабостями и недостатками, а потому не требовал <...> невозможных доблестей, <...> умел одних <...> сдерживать, других одобрить, иных поощрял, а всех — терпеливо выслушивать и побуждать к деятельности. <...> Рассудительно требовательный в отношении самого дела, он был всегда более снисходительным к нашим недостаткам и добр, чем строг и взыскателен». От лица ученых края выступил В.Ф. Ошанин, который отметил «самую светлую черту <...> высокого ума К.П. фон Кауфмана, <...> жившего при убеждении, что только серьезным изучением природы и бытовых условий края, только при помощи истинно научных приемов, можно достичь твердых ответов на жизненные вопросы и потому поощрявшего возможно широкое и разнообразное исследование Туркестанского края. <...> Вот почему имя человека, много помогавшего делу науки, никогда не забудется и занесется навсегда в почетный список истинно просвещенных деятелей». Он подчеркнул также, что «личные, глубоко симпатичные качества покойного начальника края и президента ученого общества обаятельно влияли на каждого, кто с ним общался, и что с его кончиной туркестанцы лишились крайне дорогого человека».⁴³²

Вокруг могилы были посажены кустистые карагачи, привезенные из генерал-губернаторского сада, которые, несмотря на позднее весеннее время, хорошо принялись, «как бы по сочувствию к своему дорогому хозяину». Н.П. Остроумов тепло пишет о супруге К.П. фон Кауфмана: «Глядя на Юлию Маврикиевну, я невольно проникся уважением к ней за ее умение держаться просто и в тоже время с достоинством. Она обращала на себя особое внимание во время отпевания ее покойного супруга и во время панихид, совершаемых в ее присутствии над гробом умершего. Она стояла на коленях и была в высшей степени сосредоточена в своем молитвенном настроении. Не было при этом ни обмороков, ни вскрикиваний, а было видно глубокое чувство супружеской скорби, сдерживаемой христианской верой и надеждой».⁴³³ «Вдова Кауфмана, Юлия Маврикиевна могла теперь

⁴³² Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 195.

⁴³³ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 197.

навсегда покинуть край, хотя и созданный трудами ее мужа, но все еще неуютный. Сбережений у ярым-падшо не оказалось, и ей пришлось занимать деньги на дальнюю дорогу».⁴³⁴ «18 мая 1882 года, — запишет в своем дневнике Н.П. Остроумов, — я ездил к Юлии Маврикиевне отдать ей свой последний поклон, как супруге покойного начальника, которого я всегда глубоко уважал. Она приняла меня и, видимо, была довольна оказанной ей честью. Сдержанная по природе и удрученная горем, она сказала мне, что речь мою она получила в рукописи и повезет ее с собою в Петербург. Потом она заговорила со мной о наступлении экзаменов и высказала сочувствие к учащимся, что им приходится в такую жару усиленно заниматься. В заключение она просила меня сообщать ей, если что-нибудь будет напечатано о покойном, и заметила при этом с очевидной грустью, что из военных никто не сказал речи и не выставил военных заслуг покойного. Она говорила, что заслуги ее покойного мужа с течением времени будут более всесторонне и глубоко оценены впоследствии».⁴³⁵

Юлия Маврикиевна выехала из Ташкента и прибыла в С.-Петербург 3.06.1882 г. вместе со своим братом, полковником Б.М. фон Бергом — «верным ординарцем» К.П. фон Кауфмана. Он был со своим командиром до последних дней его жизни и практически являлся единственным родственником возле большого генерала. Вместе с врачами следил за состоянием его здоровья, хранил ключи от ящика стола, где находились секретные и личные документы генерала, был распорядителем прощальной церемонии и ее деятельным устройтелем. На похороны он взял с армейского склада «101 аршин черного сукна» и «30 аршин парусины морской» на 274 рубля 84 копейки, а «сдал в интендантское казначейство только 268 рублей 24 копейки», таким образом остался «должен 6 рублей 60 копеек». Отчисленный от занимаемой должности в 4-месячный отпуск с 1 июня, он выехал из Ташкента и «прибыл со вдовой фон Кауфман в Петербург».⁴³⁶ По вопросу о долге жандармский сыск будет сопровождать его в С.-Петербурге, на Кавказе, в Крыму, повсюду, куда бы он ни переезжал. Причиной этого были, однако, не требования по линии министерства финансов. Используя официальный повод, генерал Г.А. Колпаковский, обеспокоенный «неустроенной» судьбой 57-летнего «верного ординарца», «смотрителя дома» К.П. фон Кауфмана, не

⁴³⁴ Глущенко Е. Герои империи... С. 196.

⁴³⁵ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 196 — 197.

⁴³⁶ ЦГА РУз Ф. И-1. Оп. 33. Д. 718. Л. 28.

оставлял его своим вниманием, приглашая на службу в Семиреченский край. Б.М. фон Берг вернется в Туркестан, с 17.03.1883 г. будет «прижалован по Степному генерал-губернаторству» и определен на службе «по Дому генерал-губернаторства с исправлением довольствия Павлодарского уездного начальника». ⁴³⁷ И это при том, что Г.А. Колпаковский, как отмечал Н.П. Остроумов, в последние годы был довольно в «прохладных отношениях» с К.П. фон Кауфманом. Но именно его начальник края назначал исполнять свою должность во время отъездов по службе в С.-Петербург, и именно он руководил краем во время болезни генерал-губернатора, организовывал его похороны и произнес на них «самую яркую и проникновенную речь». Позаботился он и о судьбе близкого К.П. фон Кауфману и уже далеко не молодого человека, оставшегося не у дел. В начале 1885 г. Б.М. фон Бергу будет присвоен чин генерал-майора, и 24.04.1885 г. он выйдет в отставку. ⁴³⁸

После торжественных похорон первого генерал-губернатора края была назначена под председательством генерал-майора С.П. Николаева (... — 1888 г.) специальная комиссия «по украшению могилы К.П. фон Кауфмана <...> как для сбора средств, так и для выработки проекта надгробного памятника».

⁴³⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 203. Л. 416об.

⁴³⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 61. Л. 1 — 8.

О ПАМЯТНИКЕ К.П. ФОН КАУФМАНУ

На должность Туркестанского генерал-губернатора неожиданно для жителей края 25.05.1882 г. был назначен генерал Г.М. Черняев.⁴³⁹ Более подходящим кандидатом на этот пост считался генерал Г.А. Колпаковский, «человек разума, деловитости и энергии». Но он был назначен управлять Степным губернаторством, в состав которого из Туркестанского края тогда же была выделена Семиреченская область. В адрес вновь назначенного генерал-губернатора поступили приветственные и поздравительные письма от «оренбуржцев», «азиатских евреев» и местного населения.⁴⁴⁰ Например, такое:

*Борец за истину, за веру и свободу,
Борец за жизнь и честь поруганных славян!
Не только русскому известен ты народу,
Но от Кавказских гор и до высот Балкан!
И от Каишгарии до берегов Арала,
От сердца Азии до Белого Кремля!*

В «Петербургских ведомостях» и газете «Новое время» от 16.08.1882 г. появилась статья, в которой извещалось: «...не желая ответственность за прошлое и вместе с тем желая знать с какого исходного пункта ему придется начать свое управление, М.Г. Черняев поступил тактично и предусмотрительно, исходатайствовав ревизию краю до вступления его в управление. Ходатайство генерала удовлетворено, и назначен для ревизии гражданских дел тайный советник Ф.К. Гирс». Он должен был не только провести ревизию, но и руководить составлением нового проекта «Положения об управлении Туркестаном» и составлением штатов. Однако ревизия, проходившая не менее года, не принесла краю никакой пользы, кроме вреда. Она, по сообщению Г.П. Федорова, нашла лишь некоторые финансовые нарушения в строительном деле, привлекла двух архитекторов к суду, который «торжественно их оправдал».⁴⁴¹

⁴³⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 706. Л. 10, 12.

⁴⁴⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 706. Л. 10, 26, 29, 30.

⁴⁴¹ ТС. № 326. С. 11.

Г.М. Черняев прибыл в Ташкент 5.10.1882 г., и чиновники «сразу почувствовали совсем другое отношение к ним, и многие теперь вспоминали наидобрейшего дедушку Кауфмана». «Кончина фон Кауфмана отозвалась Туркестану некой растерянностью». Генерал М.Г. Черняев — выпускник академии Генерального штаба, герой обороны Севастополя (1854 г.), за что награжден золотым оружием с надписью «за храбрость», орденом Св. Владимира 4-й степени, участник экспедиции А.И. Бутакова по низовьям р. Амударьи до Кунграда (1858 г.), покоритель Ташкента, своей отвагой и искренностью завоевавший доверие местных жителей, бывший губернатор Туркестанской области, руководитель военных действий сербского правительства (1875 — 1876 гг.) и т. д., прибыл в Ташкент «предубежденным против управления К.П. фон Кауфмана, не остановился у его могилы, не оказал знаков внимания месту его погребения». «Это была незаслуженная обида памяти К.П. фон Кауфмана, ничем не вызванная и основанная исключительно на почве личной неприязни Черняева», — отметит Г.П. Федоров. «Выглядело это странно», так как явных оснований для неприязни у генерала не было. Он не только не был знаком с К.П. фон Кауфманом, но даже не встречался с ним никогда. Отозванный с поста губернатора Ташкентской области в 1866 г., он вместе с женой, Антониной Александровной фон Вульферт, переехал в Петербург, где стал владельцем газеты «Русский мир» — проводника славянофильских взглядов, «приют всех бездарей и оскорбленных самолюбий», по определению Ф.М. Достоевского. Ревнуя, завидуя ли успешной деятельности К.П. фон Кауфмана, на страницах своей газеты М.Г. Черняев постоянно распространял сплетни и «травил» начальника края, продолжая это делать даже после того, как назначенная императором по личной просьбе генерал-губернатора комиссия «не обнаружила злоупотреблений», о которых «живописал «Русский мир». «Из номера в номер своей газеты он пропагандировал свои героические деяния в Средней Азии, свой якобы образцовый административный опыт, противопоставляя его «дурацкому» управлению краем К.П. Кауфманом», — отмечает Е.А. Глущенко.⁴⁴²

От имени начальника Главного штаба, между тем, 15.11.1882 г. генералу М.Г. Черняеву направлено было «конфиденциальное письмо», в котором спрашивалось «его мнение» по поводу просьбы Г.А. Колпаковского отнести расходы на похороны генерал-губернатора на счет казны и объявить подписку на сбор

⁴⁴² ЦГА Руз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 328. Л. 156 — 169; Глущенко Е. Герои империи... С. 421 — 424.

денег на памятник К.П. фон Кауфману. М.Г. Черняев накладывает на письме резолюцию: канцелярия должна составить справку «кто устраивал похороны, откуда взяты деньги, какая сумма собрана (на памятник) и где хранится». Ответ генерала Г.А. Колпаковского на запрос по этому вопросу гласит: «Какая сумма израсходована на похороны в канцелярии нет сведений. Ибо все расходы производились вдовой из собственных средств».⁴⁴³

Вопрос же о подписке на памятник повис в воздухе на долгое время, никаких распоряжений новым начальником края по нему сделано не было. Но тем не менее, спустя время, именно генералом М.Г. Черняевым в противовес всем его предыдущим действиям был дан некоторый толчок к его положительному решению. Ситуация в крае была далеко не лучшей. Болезнь К.П. фон Кауфмана тяжело отразилась на положении дел в Туркестане. Обременительным для края становилось возросшее количество войск, стоимость содержания гражданской администрации увеличивалась пропорционально ее бюрократизации, естественный экономический рост остановился, вместо доходов край приносил ущерб государству. М.Г. Черняев, человек застенчивый «до столбняка», отважный воин, ответственный перед государем, однако не был дипломатом, не обладал административным тактом, не обнаруживал трезвой расчетливости и деловитости. Одаренный, как отмечали его биографы, «не столько талантом, сколько хорошим природным инстинктом», он совершенно не разбирался в людях, был чрезвычайно некомпетентен в выборе сотрудников и доверенных лиц, позволял действовать от своего имени «различным чистоплюям и карьеристам» в целом очень нечистоплотным и часто портил себе карьеру тем, «что не умел или не хотел приспособливаться к желаниям и понятиям правящих лиц». Под влиянием «советников» он взялся за «наведение экономии», начал «упрощать» «сложную бюрократическую машину» управления краем, сокращать штаты, увольнять людей, сосредоточил в своих руках апелляционную и кассационную инстанции по всем судебным делам, закрыл многие, по его словам, «излишние» учреждения. Поступая в соответствии со ставшей широко известной в то время фразой, произнесенной им ранее: «Русский ученый самый вредный человек для своих соотечественников», он закрыл Ташкентскую публичную библиотеку (такой совет дал ему инспектирующий книжный фонд библиотеки писатель В.В. Крестовский, которому ранее генерал подсказал сюжет романа «Петербургские тру-

⁴⁴³ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 718. Л. 34об.

щобы»)), как читальню «с довольно низменным, а отчасти и тенденциозным характером», поскольку фонд ее «по большей части», якобы, состоял из «зловредных либеральных книг». Годами создававшийся фонд библиотеки едва не пропал. Он был сохранен в основном только благодаря «титаническим усилиям» ее сотрудников и других лиц по не выполнению приказа и старательно сознательному затягиванию сроков расформирования фонда по различным учреждениям края.⁴⁴⁴

М.Г. Черняев продолжил, как он говаривал, «расчистку нивы от сорных трав». Были закрыты: школа шелководства, химическая лаборатория, ботанический питомник, опытные хлопковые плантации, ферма, служба технического надзора за ирригацией. На докладе о хлопковых плантациях генерал написал странную резолюцию, о которой с укором упоминают многие историки: «Пора покончить с этой офенбаховщиной». Он упразднил Аральскую флотилию и намеревался закрыть даже гимназии. Не успел.⁴⁴⁵

Привыкнув к лагерному образу жизни, генерал М.Г. Черняев не любил роскошь. Его раздражало многое, многое казалось излишней и дорогостоящей роскошью: даже цветная капуста, в первый же день поданная на роскошном обеде в честь его приезда, даже сам благоустроенный европейский вид города, в котором многое изменилось за прошедшие 16 лет. Однако это не помешало ему поселиться в «многокомнатном генерал-губернаторском дворце» и не посчитать его «дорогим, обременительным для казны излишеством», он, напротив, «с восторгом описывал его жене, перечисляя достоинства и удобства» и часто «устраивал в kaufманском дворце бесконечное застолье» и празднества.⁴⁴⁶ Круг лиц, приближенных к К.П. фон Кауфману, был либо удален из края (талантливый горный инженер Д. Иванов, участник студенческих волнений, принятый на службу К.П. фон Кауфманом), либо отстранен от работы (Винкильс, Тейх, Геруа и др.), либо подвергался нападка (пожилой инженер Д.К. Зацепин, строитель многих сооружений города). Как отмечали современники, в обществе Ташкента в это время «не считалось предосудительным изменять прежней дружбе, чести, совести, приходилось задумываться о не существовавшем прежде вопросе: «в чей дом можно безнаказанно сходить и откровенно поговорить о текущих делах». В тоже время М.Г. Черняев вернул и приблизил к себе часть высланных прежде из края проходимцев и нечистоплотных лиц.

⁴⁴⁴ Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев. Биографический очерк. СПб. 1906. С. 45.

⁴⁴⁵ Остроумов Н.П. 2-й Туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант М.Г. Черняев (1882 — 1884 гг.). Ташкент. 1930 (рукопись). С. 41; ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 151. Л. 41.

⁴⁴⁶ Глущенко Е. Герои империи... С. 440.

Ближайшие соратники К.П. фон Кауфмана, генералы, с которыми он не один раз решал труднейшие военные, административные или хозяйственные задачи, пытались помочь М.Г. Черняеву, подсказать правильное решение проблем, прямо высказывали свое несогласие с его действиями и предупреждали, как например генерал В.Н. Троицкий, что «виновник таких сокрушительных распоряжений будет потом раскаиваться и обвинять самого себя». Часть офицерского состава, недовольная действиями нового начальника края, демонстративно покинула край. Так, генералы А.К. Абрамов, В.Н. Троицкий уехали в Петербург, правитель канцелярии Щербинский и управляющий Контрольной палатой В.П. Череванский — в Москву.⁴⁴⁷ Результат практической деятельности М.Г. Черяева на посту Туркестанского генерал-губернатора определялся ниже чем нулевой, положение на южной границе с Афганистаном — крайне обостренным, а отношение его к правительству как пренебрежительно-холодное. Продолжаться так долго не могло. Телеграммой от 9.01.1884 г. М.Г. Черняев был вызван в Петербург.⁴⁴⁸ По какой причине он выехал в столицу с несколькими приближенными дорогой через Каспийское море — неизвестно. Через штурмующее море, с большим риском для жизни, он с трудом добрался до Астрахани и 21 февраля прибыл в Петербург. На аудиенции в Зимнем дворце Александр III скажет ему: «Вы поссорились со всеми. Вам нельзя там оставаться». В Ташкент была отправлена телеграмма: «...бывший генерал-губернатор Черняев отзывается 21.02.1884 года как член Военного совета».⁴⁴⁹ В Туркестанском крае остался домик, в котором он жил после взятия Ташкента, улица и село рядом со столицей, названные его именем, и сложившийся в народе сказ:

Михаил Гаврилович,

Батюшка ты наш!

Скоро ли разумное

Что-либо создашь?

Полное отсутствие

Такта и Ума.

Натацил с собою ты

Всякого дерма.

Беспристрастья нет в тебе.

Ты, питав вражду,

К своему преемнику

И его труду

Отнесся с предвзятою

Дикою враждой.

Хоть ума палатою

Был он пред тобой

Мудрого правителя

Оценить всегда

По его помощника

Можно без труда.

Посмотрел бы Кауфман

Да на твой товар,

С ним в гробу случился бы

Сызнова удар.

Если для отличий

Дурней, наглецов

⁴⁴⁷ Остроумов Н.П. 2-й Туркестанский генерал-губернатор... Л. 28 — 34, 41, 53, 57, 61.

⁴⁴⁸ ЦГА РУз, Ф. И-1. Оп. 33. Д. 6. Л. 3.

⁴⁴⁹ ЦГА РУз, Ф. И-1. Оп. 33. Д. 5. Л. 1.

*Притащил с собою ты
Маменьких сынков.
Понавесь регалий им,
Поскорей разраз
И отправь курьером
В Питер на показ.
Если же Правления
Им вручить бразды
Паче ожидания
Да решишься ты,
То тогда хоть смилуйся,
Нас оповести,
Чтоб отсюда заживо
Ноги унести.*

*Что ж твои советники,
Что твой разговор?
Вероятно видят твой
Ясный кругозор?
Надоумил кто тебе
Этот пост принять?
Впрочем, плохо ли закусывать,
Плохо ль выпивать,
Где-нибудь на хуторе,
Иль в степной глуши?
Уходи-ка до дому,
Сартов не смеши.⁴⁵⁰*

В Петербурге он будет зачислен членом Военного совета и получит ежегодную прибавку к жалованию до совершеннолетия сына, но в 1886 г., после скандальных публикаций в прессе, будет отправлен в отставку и лишен 50 % жалования. Умер М.Г. Черняев 4.08.1898 г. в своем имении, где и похоронен — в селе Тубышки Могилевской губернии согласно завещания без воинских почестей. Все свои подношения, полученные от сербского народа, болгарского князя, городов Москвы и Самары, передал церкви. Генерал М.Г. Черняев считал себя жертвой военно-канцелярского режима, петербургской дипломатии, был солидарен с московским кружком славянофилов, разделял их ненависть к бюрократии и иноземцам и недостатки центрального управления приписывал немцам. Все начинания его в Ташкенте, как администратора, были прекращены: восстановлены разоренные им Публичная библиотека и другие учреждения, забыты эксцентричные поступки и несуразные распоряжения, шумные застолья и фантастическая непрактичность. С «увольнением его от должности Туркестанского генерал-губернатора имя его было почти забыто, тогда как имя Кауфмана стало почти легендой», — запишет Н.П. Остроумов. Но людская память хранит имя завоевателя Ташкента, оценив его отвагу, бескорыстие и высокое чувство воинского долга. «Авантюрист» и «фантазер», «капризный и преувеличенно самолюбивый», по характеристике Д.А. Милютина, генерал М.Г. Черняев был воином и человеком ратного долга. Немало порочивший личность и дело К.П. фон Кауфмана, он тем не менее сознательно или в силу обстоятельств сделал важные

⁴⁵⁰ Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. М. 1965. С. 97; Остроумов Н.П. 2-й Туркестанский генерал-губернатор... С. 74.

шаги на пути к созданию величественного памятника, прославляющего его предшественника, «глядя на который, как не случайно отметит и Н.П. Остроумов, нельзя было не вспомнить и завоевателя Ташкенте, впервые поднявшего русский флаг на стенах этого города, сделавшегося «столицей» Русского Туркестана».⁴⁵¹

В 1883 г., решив увековечить память соратников, павших при штурме Ташкентской крепости, он поручил художнику М.О. Микешину составить проект такого памятника. Подготовленный проект был утвержден 12.06.1883 г. Александром III и сопровождается высочайшим повелением: памятник по этому проекту «поставить в центре русской части города, перед зданием гимназии», где в то время располагалась весьма неустроенная площадь. Так возникла и начала свой сложный, тридцатилетний путь к реальному воплощению идея постановки памятника русским воинам — покорителям Туркестана, с которой позднее слилась и стала приоритетной мысль о создании памятника К.П. фон Кауфману. Расположенная на перекрестке двух древних торговых дорог, сложившихся по Великому шелковому торговому пути, и издревле представлявшая собой культовое место, Центральная площадь русской части города была в то время пустырем, заросшим бурьяном, с буграми и ямами, из которых добывали глину для изготовления сырцовых кирпичей и которые «служили ночным приютом для бездомных и пропойц». В угловой части этого пустыря, напротив мужской гимназии, была могила К.П. фон Кауфмана в обрамлении крестообразно расположенных карагачей (вязов), кустов роз и жасминов. М.Г. Черняев горячо взялся за осуществление своей идеи. Он заключил договор с М.О. Микешиним на сооружение памятника стоимостью 45 тыс. рублей, исхлопотал 200 пудов меди из столичного Петербургского артиллерийского склада для отливки фигур памятника, организовал специальный строительный комитет под руководством протоиерея о. А. Малова, приказал очистить и привести площадь в порядок, заровнять ямы, срыть бугры. Рисунок памятника был отпечатан на обложке журнала, а также отдельным оттиском в 1000 экземпляров на подписном листе для пожертвования. По проекту инженера Н.Ф. Ульянова площадь была разбита на аллеи, засажена деревьями. М.Г. Черняев принял личное участие в «празднике древонасаждения», посадил первое дерево — липу — напротив мужской гимназии и уехал, не довел дело до конца, которое постепенно затихало.⁴⁵² В течение 15 лет на деньги, собранные среди горожан, пустырь благоустроивался и оби-

⁴⁵¹ Остроумов Н.П. 2-й Туркестанский генерал-губернатор... Л. 97, 151.

⁴⁵² ТС. № 546. С. 146об.

хаживался, пока на его месте не возник сквер. Первоначально предложили назвать его Михайловским, но в народе он получил название Константиновский, что и было закреплено за ним окончательно. Прежде чем уехать из края, М.Г. Черняев, буквально в последние дни пребывания в Ташкенте, уже после получения телеграммы о вызове в Петербург, принял 19.01.1884 г. еще одно важное решение, которое делает ему высокую честь, независимо от причин, побудивших к этому. На имя военных губернаторов областей было отправлено письмо, приглашавшее их принять на себя инициативу по сбору пожертвований для украшения могилы К.П. фон Кауфмана. (Документ весьма любопытный, учитывая личную неприязнь М.Г. Черняева к генералу при его жизни, неприятие всех его начинаний и прямое противодействие им.) Письма были разосланы по трем форматам: военным губернаторам, ближайшим сподвижникам и для сведения и распространения: «Высокое положение, которым пользовался предшественник мой покойный генерал-адъютант К.П. фон Кауфман, то уважение, которым он пользовался в среде своих подчиненных, и то многочисленное добро, которое покойный сделал многим, побуждает меня пригласить всех служивших под его начальством принять участие в украшении его могилы. Сооружение с этой целью надгробного памятника, часовни или решетки вокруг могилы (смотря по средствам) может быть достигнуто лишь при помощи пожертвований, а поэтому я обращаюсь к Вашим Превосходительствам с просьбой принять на себя инициативу сбора пожертвований для этой цели во вверенной Вам области и в подчиненных Вам войсках. Собранные по подписке деньги благоволите отсылать к старшему при мне чиновнику особых поручений статскому советнику Бродовскому, которому я поручил заведывание всеми собираемыми на этот предмет суммами».⁴⁵³

После этого циркуляра по всей территории Туркестана, а позднее (с 1887 г.) и по всей стране проходил сбор средств на постановку памятника (украшение могилы, строительство часовни) К.П. фон Кауфмана. Первоначально сбор средств шел параллельно: на памятник погибшим воинам и на памятник К.П. фон Кауфману. Так, например, в Зеравшанском округе было к 30.07.1884 г. собрано: на памятник К.П. фон Кауфману 212 рублей, на памятник погибшим воинам 69 рублей; в Катта-Курганском отделе соответственно 163 рубля 10 копеек и 72 рубля 77 копеек.⁴⁵⁴

⁴⁵³ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2657. Л. 41 — 42, 46 — 47; Оп. 33. Д. 718. Л. 46 — 49.

⁴⁵⁴ ЦГА РУз. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 1376. Л. 18.

Председатель комиссии по украшению могилы К.П. фон Кауфмана генерал-майор С.П. Николаев делает 27.05.1885 г. доклад генералу от инфантерии Николаю Оттоновичу фон Розенбаху (1836 — 1901 гг.), назначенному на пост Туркестанского генерал-губернатора 21.02.1884 г., предлагая ввиду «неудобства дальнейшего нахождения могилы К.П. фон Кауфмана в местности, обращенной в общественный сквер, <...> войти в сношение с местным преосвященником» по вопросу о переносе его праха в один из пределов строящегося военного Спасо-Преображенского собора и открыть подписку для памятника генералу на месте первоначального захоронения. Последовала долгая, запутанная, не всегда корректная переписка между Ташкентом и Петербургом: многочисленные ходатайства перед императором и военным министром, согласования с родственниками покойного того или иного решения возникающих вопросов. Родственники поддерживали решение комиссии о переносе праха покойного в собор. Юлия Мавриковна, озабоченная тем, что Константиновский сквер превращен в «общественное место народного гуляния», даже была согласна на совершение переноса в недостроенный собор. В своем ответном письме вдове генерал Н.О. фон Розенбах отмечал, что сквер, «действительно, служит в настоящее время местом прогулок для городских жителей», а в «праздничные дни там бывает и музыка». Он вынужден был заметить, что это «является неудобным для сооружения на месте захоронения склепа или часовни» и «подлежит замене часовни каким-либо другим памятником», и посчитал «необходимым добавить», что «могила К.П. фон Кауфмана окружена общим почитанием горожан, кругом имеет тросную ограду, содержится в чистоте и порядке». Между тем в очередном докладе генерал-майора С.П. Николаева звучит откровенное недоумение и растерянность, «что же делать: проектировать памятник К.П. фон Кауфману или памятник солдатам завоевателям Туркестана, включая и имя К.П. фон Кауфмана?» На неоднократные запросы военному министру с просьбой разрешить вдове К.П. фон Кауфмана опубликовать «подписку на сбор пожертвований на памятник» первому генерал-губернатору края 4.04.1887 г. в Ташкент пришел ответ о том, что «император изволил находить достаточным сооружение одного памятника — именно памятника надгробного», так как «память о сем генерале будет, кроме того, увековечена общим памятником войскам, завоевавшим Туркестанский край».⁴⁵⁵

⁴⁵⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2657. Л. 22 — 22об.

Переписка с Туркестанским епископом для получения разрешения на перенос праха в собор по правилам православной веры, хоть и была обширной, но в целом не представляла трудностей. Спасо-Преображенский собор (разрушен в 1935 г.) был освящен епископом Туркестанским о. Неофитом 11.06.1888 г. Получив сообщение об этом, а также о том, что генералом Н.И. Гродековым уже разработан церемониал переноса праха первого генерал-губернатора, Михаил Петрович фон Кауфман, брат покойного, в личной телеграмме генерал-губернатору Н.О. фон Розенбаху просит отложить перенос праха до 4.05.1889 г., приурочив его к дате смерти К.П. фон Кауфмана. Прах генерала К.П. фон Кауфмана (через 5 лет после объявления подписки об украшении могилы и 7 лет после похорон) был торжественно перенесен 4.05.1889 г. в Спасо-Преображенский собор и захоронен в правом пределе южной стены собора. Трехпрестольное здание собора было построено рядом с дворцом великого князя Н.К. Романова в византийском стиле из серо-желтого жженого кирпича, не было ни оштукатурено, ни покрашено (побелено) — так называемый туркестанский стиль. На стенах — надписи из текста Священного писания. Иконостасы всех трех алтарей украшали иконы, исполненные художником академиком М.О. Микешиним. Несколько образов собора принадлежали кисти супруги Н.О. фон Розенбаха Ольге Ивановне (Жербиной). В своем внутреннем убранстве собор поражал резьбой по ганчу, выполненной местными мастерами. Над могилой К.П. фон Кауфмана была устроена железная решетка, внутри которой находились две мраморные плиты. Одна — на могиле с надписью рельефными буквами «Константин Петрович фон Кауфман родился 19 февраля 1818 г., скончался 3 мая 1882 г. Мир праху твоему, славный деятель». На стене — большой образ Св. Царя Константина работы художника М.О. Микешина в знак почтения к почившему и лампада. Под образом на черной мраморной плите вырезано «Генерал-адъютант, генерал-лейтенант Константин Петрович фон Кауфман I. Кавалер Св. Георгия 2-й ст., Св. Владимира 1-й ст., Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Анны 1-й ст., Св. Станислава 1-й ст. и др. российских и иностранных орденов. Первый Туркестанский генерал-губернатор и Командующий войсками Туркестанского военного округа 1867—1882 гг. Покоритель Самарканда 1868 г., Хивинского ханства 1873 г. и Кокандского ханства 1875 г. Устроитель Туркестанского края». Для бывших сподвижников, рядовых туркестанцев, соратников важен был не масштаб власти К.П. фон Кауфмана, а его талант и умение использовать ее для блага края и народа, и по-

сему «Городская дума Ташкента единогласно постановила укрепить мемориальную доску с подписью «Устроитель Туркестанского края».⁴⁵⁶

У северных ворот этого храма уже покоился прах полковника Обуха, убитого при первом штурме Ташкента 2.10.1864 г. В левом приделе у северной стены позднее находилась могила первого настоятеля собора протоиерея о. Андрея Евграфовича Малова, у южной стены позднее был похоронен соратник первого генерал-губернатора, участник Туркестанских походов «работоспособный, умный, доброжелательный» Туркестанский генерал-губернатор Николай Александрович Иванов (1842 г. — 18.05.1904 г.).⁴⁵⁷

Михаил Петрович фон Кауфман, приехавший в Ташкент ко дню перенесения праха, 5 мая посетил гимназии — создания своего брата. Он был «приветлив, обходителен, разговорчив и оставил приятное впечатление как о добродушном, деликатном и внушающем к себе почтение человеке». На следующий день 6 мая он, чтобы «не смущать Н.О. фон Розенбаха своим присутствием, не принимал участие в установленном параде». В воскресенье 7 мая М.П. фон Кауфман выехал из Ташкента.⁴⁵⁸

По завершении церемонии переноса праха К.П. фон Кауфмана в собор, М.И. Бродовский дает отчет в своем рапорте от 11.08.1889 г.: «По открытой подписке на украшение могилы покойного К.П. фон Кауфмана поступило с процентами 4915 рублей 42 копейки». Из них израсходовано на «устройство склепа в церкви, надгробия и решетки приблизительно 1900 рублей, таким образом, предвещается остаток на украшение места первоначального погребения праха в Константиновском сквере свыше 3000 рублей». Он предлагает использовать оставшуюся сумму денег для постановки там бюста генерал-губернатора. Но разрешение на постановку бюста из Петербурга не поступило. Не было дано и разрешение вдове генерала опубликовать «подписку на сбор пожертвований на памятник». А скромный М.П. фон Кауфман «не решился тревожить», как он отмечал в своем письме в Ташкент, императора по этому вопросу (тем не менее в изданиях советского периода отмечалось, что на постановке памятника настаивали родственники покойного). Император Александр III «соизволил опубликование подписки на содержание лишь надгробного памятника, т. е. на том месте,

⁴⁵⁶ Чижев Б.И. Генерал-адъютант... С. 19.

⁴⁵⁷ ТВ. 1882. № 15.

⁴⁵⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Л. 71.

где будет покоиться прах покойного генерал-адъютанта».⁴⁵⁹ И тогда уже следующий генерал-губернатор Туркестанского края барон Александр Борисович Вревский (1834 — 1910 гг.) утверждает 7.05.1891 г. составленный инженером капитаном А.А. Бурмейстером проект железной ограды первоначального места захоронения, приказывает М.И. Бродовскому заказать ее исполнение в Петербурге и обеспечить доставку в Ташкент. Обойдя целый десяток мастерских, М.И. Бродовский с трудом нашел исполнителя, заключил с ним соглашение на изготовление «30 аршин железной решетки и 4-х чугунных фонарных столбов в три фонаря каждый с мраморными в форме георгиевских крестов подфарниками и бронзовой доски с надписью «Место первоначального погребения праха генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I-го». Заказ был исполнен скоро и прибыл в Ташкент в ноябре 1891 г., но работы по установке ограды под «наблюдением В.С. Гейцельмана», гражданского инженера, «добровольно взявшего на себя руководство производимыми работами», были завершены только к октябрю 1893 г. По окончании работ были сделаны «два снимка: один отправлен семейству, второй — в канцелярию Туркестанского генерал-губернатора, как образец для ежегодного возобновления цветника внутри решетки с инициалами К.П. фон Кауфмана». М.И. Бродовский в очередном рапорте о расходовании средств отмечал, что выполнение циркуляра М.Г. Черныяева «замедлилось вследствие длившейся неопределенности относительно вида возможного украшения первоначальной могилы К.П. фон Кауфмана и вопроса о гражданском памятнике на этом месте». «Гражданский памятник» на месте первоначального захоронения К.П. фон Кауфмана или, как его часто называют историки, «первый памятник К.П. фон Кауфману» был оформлен и освящен 18.09.1901 г. (простоял до 1921 г.). А.И. Добросмыслов в своей книге «Ташкент в прошлом и настоящем» (Ташкент. 1912 г.) опишет его: «Место обнесено железной решеткой на высоком цоколе с тройными фонарями по углам. В середине загородки имеется четырехугольное возвышение из оружейных снарядов, на которое поставлены дулами вниз три перекрещивающихся вверху орудия, на которых лежит крупный оружейный снаряд, увенчанный крестом, а в промежутках между орудиями водружены два георгиевских знамени и прикреплены щиты с подобающими надписями». Благочинный протоиерей Константин Богородицкий в своей речи на открытии памятника отметил: «Константин Петрович был человек ума великого, государственного ума, энергии не-

⁴⁵⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2657. Л. 90 — 91.

сокрушимой, доброты несравненной, истинно христианской, все свои великие умственные и нравственные силы он посвятил на пользу дорогого ему Туркестана, и наш край настоящим своим развитием и благоустройством прежде всего обязан К.П. фон Кауфману». Современник события, описывая его в печати, отмечает: «Под тихое пение зауспокойных молитв <...> мне представился светлый облик этого человека, в лучшем смысле этого слова! <...> К.П. Кауфман принес и положил первый, самый тяжелый краеугольный камень того здания, в котором мы все теперь работаем и живем. <...> Муж светлого ума и твердой воли, глубокий патриот, муж ратного дела и царского совета, неутомимый работник, положивший душу среди забот и тяжелых трудов на благо процветания края. <...> Он окончил свой земной путь <...> не закопав своих талантов, <...> положив в основание их честность, прямоту, великое сердце и глубокую преданность отечеству и царю».⁴⁶⁰

Очередной (шестой) генерал-губернатор Туркестанского края Н.И. Гродеков (1843 — 1913 гг.) в связи с приближающейся датой 25-летней годовщины со дня смерти К.П. фон Кауфмана возобновляет ходатайство перед правительством на открытие подписки для пожертвований на сооружение памятника К.П. фон Кауфману. Царское разрешение «на открытие подписки для сооружения в Ташкенте устройству Туркестанского края первому Туркестанскому генерал-губернатору и Командующему войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютанту К.П. фон Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию», последовало 9.01.1907 г., завершив этап длительного обсуждения и обширной переписки по вопросу о целесообразности и характере постановки памятника, положив начало новому, не менее сложному периоду воплощения идеи в реальность.⁴⁶¹ Петербург, наконец, соизволил ответить согласием и на многочисленные просьбы жителей края. По распоряжению генерала Н.И. Гродекова 21.02.1907 г. вновь организован особый комитет под его руководством для сбора пожертвований и выработки рекомендаций по сооружению памятника. Комитет определил приблизительную стоимость памятника — 60 тыс. рублей, и его «основные черты»: К.П. фон Кауфман должен быть во весь рост, пешком, в той форме, которую обычно носят в походе, у подножья статуи предполагалось поставить бюсты или медальоны генералов Абрамова, Колпаковского, Скобелева и Черняева и по сторонам сделать

⁴⁶⁰ ТС. № 440. С. 91 — 92.

⁴⁶¹ Новое время. 1907. № 1296; ТВ. 1907. № 123.

соответствующие надписи. Кроме того, комитет предлагал создать «Кауфманский уголок» в Ташкентском музее и опубликовать «Кауфманский сборник». В. Мустафин (1867 — 1933 гг.), управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернатора, разослал в июле 1907 г. бывшим сподвижникам К.П. фон Кауфмана и ученым страны персональные письма, в которых отмечал, что в «нынешнем году исполнилось 25 лет со дня смерти первого устроителя Туркестанского края», ставшего «благодаря этому выдающемуся государственному человеку», его честному служению и плодотворной деятельности на благо и развитие края «лучшим украшением нашего отечества», и, «дорожа памятью покойного», генерал от инфантерии Н.И. Гродеков «наряду со сбором пожертвований на памятник почившему и вместе с образованием особого уголка Кауфманских реликвий в Ташкентском публичном музее, признал необходимым предпринять и издание особого литературного сборника в память К.П. Кауфмана», полагая при этом, что «этот сборник вместе с тем будет служить и памятником объединения писательской деятельности всех ныне здравствующих туркестанцев как служащих, так и служивших».⁴⁶²

Спустя несколько лет после смерти К.П. фон Кауфмана стали появляться в печати теплые воспоминания о генерал-губернаторе — особенно многочисленные в связи с 15-летним юбилеем со дня его кончины. Однако и некоторые недоброжелатели, «стремясь проиллюстрировать разгул страстей, взяточничества, казнокрадства и злоупотреблений в административно-военной среде» Туркестанского края, выискивали мрачные истории прошедшего времени. По просьбе Комитета Императорская академия художеств объявила конкурс на составление проекта памятника К.П. фон Кауфману. Обсуждение на страницах периодической печати сюжета памятника, по мнению некоторых современников, «осуществляемому с усердием и не по разуму», вызвало острую дискуссию, доходящую до оскорбительных выпадов и беспочвенных обвинений и в адрес покойного генерал-губернатора, и в адрес генерала Н.И. Гродекова, которого обвиняли в том, что он «вздумал заслонить и умалить заслуги завоевателя Черняева и талантливых сотрудников по благоустройству благодатной среднеазиатской окраины», «не сознавая за собой никаких таких заслуг, которые оставили бы добрую память о нем, придумал <...> поусердствовать в деле возвеличивания своего крупного предшественника и воссиять в потомстве отраженным солнцем покой-

⁴⁶² ТС. № 434. С. 134 — 140.

ного «устроителя Туркестанского края» в качестве устроителя его памятника». Раздавались упреки в том, что забыты имена других генералов (Головачева, Гейнса), известных путешественников, ученых (Федченко, Северцев, Медендорф, Романовский, Мушкетов), отмечали и то, что «покойный К.П. фон Кауфман не только не пожелал бы, но и не допустил бы <...> осуществления такого проекта памятника себе, так как никогда не создавал своей славы на умалении заслуг своих сотрудников, <...> обаяние его росло и ширилось помимо его воли».

Некоторых авторов возмущала «бестактность» помещения бюста М.Г. Черныяева у подножья К.П. фон Кауфмана, так как «его место не в подножье», а «на самом пьедестале, рядом с фигурой его приемника и продолжателя». А причину этому они видели в том, что «родись эти генералы с немецкими фамилиями, они не попали бы в подножье Кауфману». «Генерал Гродеков не мог бы положить генерала немецкого происхождения в подножье генералу немцу». «У русских талантов вероятно нет такой дисциплины, как у инородческих, в особенности немецкого происхождения, нет служебной корректности и тактики, какими обставляют себя эти последние. Но русские не только служат. Они любят русскую славу».⁴⁶³ В ответ на все нападки и незаслуженные обвинения полковник В.А. Мустафин публикует в «Туркестанских ведомостях» опровержение, разъясняя, что «мысль о постановке памятника не является новой» и при генерале Н.И. Гродекове только «приобрела более реальную форму». Он деликатно не акцентирует внимание читателей на том, что за эти годы в Туркестане сменилось шесть генерал-губернаторов, а в России — два монарха, и, подчеркивая, что «выработка проекта памятника принадлежит не Гродекову, а особому комитету», а предложения об украшении медальонами генералов подножья памятника вызваны ничем иным, как «мыслью увековечить в их лице славные туркестанские войска», добавляет, что «рисунок не дает точных представлений о будущем памятнике, идет доработка».⁴⁶⁴

На оскорбительные публикации откликнулись многие честные люди, и не только «старые туркестанцы». Они отмечали, что «в лице этого человека были соединены доблесть воина и мудрость администратора», «на долю его выпало покорение знаменитого в истории Самарканда, буйной Хивы, окруженной

⁴⁶³ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 1908. № 484; Русская земля. 1908. № 608. 610; ТС. № 465. С. 8, 141 — 143; Туркестанский курьер. 1907. № 194.

⁴⁶⁴ ТС. № 465. С. 148.

«царством смерти», богатой Ферганы». Но, «увидев все ужасы на поле брани, ему пришлось делать не менее черную работу устройства вновь приобретенных обширных земель». Они указывали на то, что памятник К.П. фон Кауфману «будет памятником всем тем, кто пал на поле брани или умер в работе за дело народного блага, так как в лице его воплощены все лучшие качества человека и борца», и, обращаясь к каждому жителю края, горячо призывали «помнить о том, что не будь отважной горстки людей с Кауфманом во главе, он не имел бы возможности жить здесь и пользоваться плодами их трудов». Г.П. Федоров, входивший в число членов жюри по отбору проекта проектируемого памятника, «имевший честь лично состоять при Кауфмане 11 лет», также посчитал своим нравственным долгом протестовать против «крайне оскорбительного выражения по адресу К.П. фон Кауфмана», «ведь еще и теперь есть много людей, близко знавших рыцарски благородный характер К.П. фон Кауфмана, его кристальную чистоту и честность», «я знал его хорошо, потому с негодованием протестую против нанесения его памяти обиды, я глубоко убежден, к моему протесту присоединятся все, знавшие Константина Петровича».⁴⁶⁵

Срок на представление проекта памятника, сооружаемого в Ташкенте по конкурсу, объявленному Императорской Академией художеств, истек 1.02.1908 г. Из представленных 17 моделей лучшими были признаны проекты под названием «Георгиевский крест», «Отбой», «Монумент». Премированные модели были выставлены 13.09.1909 г. для обозрения широкой публики на юбилейной двадцатипятилетней «Туркестанской промышленной, сельскохозяйственной, научной и художественной выставке» — последнем детище И.И. Краузе, который был организатором всех выставок о Туркестанском крае в Москве, Петербурге и Ташкенте с 1872 по 1909 гг. «Гвоздем» выставки был военный отдел, где большое место уделялось тому, чтобы «дать <...> наглядную картину бывшего, <...> отраженную на полотнах художника Каразина или на копиях с них местного художника Юдина». Модели памятника К.П. фон Кауфману «заслуживали большого внимания» и вызвали «широкую полемику», в результате чего «проекты эти не приняты местной комиссией по постановке этого памятника». Они «были переданы в музей», «хранятся в музее».

В «Туркестанских ведомостях» № 238 за 1909 г. было помещено сообщение о создании новой модели памятника генерал-адъютанту К.П. фон Кауфману по

⁴⁶⁵ ТВ. 1907. № 23; ТС. № 435. С. 58 — 59; № 460. С. 91 — 92; Гражданин. 1908. № 19.

«проекту художника Шлейфера».⁴⁶⁶ Однако К.Г. Сокол в замечательном издании «Монументальные памятники Российской империи. Каталог» (М. 2006 г.), отмечая, что «условие конкурса» поместить барельефы генералов Черняева, Колпаковского, Скобелева и Абрамова на постаменте памятника «вызвало всеобщее недоумение», поскольку, как он подчеркивает, «Черняев и Скобелев были известнее и популярнее Кауфмана», далее указывает, что победитель конкурса (указана дата — 9.01.1907 г. — ?) Б.М. Микешин «соединил свой первоначальный проект с памятником русскому солдату, задуманным его отцом» (М.О. Микешиным), и, таким образом, именно он и является автором памятника. Однако, опираясь на данные публикаций современников событий и свидетельства в периодической печати тех лет, позволительно с этим утверждением абсолютно не согласиться. Другие же исследователи наших дней, в частности ташкентский краевед Б. Голендер, также четко отмечают, что «Памятник К.П. фон Кауфману в Константиновском сквере установлен 4 мая 1913 г. по проекту старого туркестанца Н.Г. Шлейфера».⁴⁶⁷

В присутствии высших властей, войск, учащихся в центре Константиновского сквера 17.09.1910 г. было проведено освящение места и проведена закладка памятника. Перед собравшимися произнес речь начальник края генерал-губернатор Н.В. Самсонов (1859 — 1914 гг.); о. Константин Богородицкий отслужил молебен. Среди присутствующих были «старые туркестанцы» и военный губернатор Сырдарьинской области генерал-майор С.А. Геппнер.⁴⁶⁸ По подписке на постановку памятника К.П. фон Кауфману было собрано более 80 тыс. рублей. Новый проект памятника «Всем павшим воинам на поле брани или умершим в работе за дело народного блага и К.П. фон Кауфману» был разработан старым туркестанцем Н.Г. фон Шлейфером (1864 — 1940 гг.), который служил дипломатом в Германии и был при этом профессиональным скульптором, автором первого памятника русскому писателю за границей — А.П. Чехову в Германии, в курортном городе Баденвейлере.⁴⁶⁹ «Новый проект, составленный местным художником», был одобрен, «по нему и сооружен открытый весной 1913 г. памятник в центре Ташкента в Константиновском сквере». На его сооружение были использованы также и деньги —

⁴⁶⁶ ТС. № 464. С. 11; ТС. № 504. С. 443, 443об; № 516. С. 3 — 106; Русский инвалид. 1909. № 231.

⁴⁶⁷ ТВ. 1909. № 238; Голендер Б. Окно в прошлое. Туркестан на старинных почтовых открытках (1898 — 1917 гг.). Ташкент. 2002. С. 71.

⁴⁶⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 100. Л. 83.

⁴⁶⁹ ТС. № 516. С. 91.

16 тыс. рублей, собранные на памятник покорителям и устроителям Туркестана.⁴⁷⁰ Н.Г. Шлейфер «одел генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана в форму туркестанских солдат, как это было запечатлено на полотнах

В.В. Верещагина». Кожаные штаны, защищающие от укусов ядовитых змей и скорпионов, рубаха и отличительный головной убор служащих ТВО того времени — кепи с белым полотняным чехлом и назатыльником, оберегающим шею от палящих солнечных лучей и во время песчаных бурь.

«Строителем памятника Н.Г. Шлейфером были пожертвованы в Туркестанский музей 3 бронзовые бюста: императора Александра II, императора Александра III и государя императора». Открытие 4.05.1913 г. памятника, который, по определению современных историков, представлял собой «редкий случай удачного памятника с многофигурной композицией», было приурочено к 31-й годовщине смерти К.П. фон Кауфмана и совпало с 40-летием тяжелых испытаний похода туркестанских войск в Хиву (переход через самое гиблое место пустыни Кызыл-Кум). Постамент величественного памятника украшали фигура двуглавого орла и бронзовые доски, надпись на главной из которых гласила: «Константину Петровичу фон Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию». На таблицах полное перечисление войсковых частей. Постамент представлял собой часть крепостной стены среднеазиатского города. На вершине ее — фигура К.П. фон Кауфмана во весь рост, в походной военной форме с незачехленной в ножны саблей в левой руке, опущенной вниз. За его спиной — фигуры: знаменщик-пехотинец с расчехленным знаменем и казак-трубач, отвернувшись назад в поле, трубит отбой. На открытие памятника прибыл «командированный по высочайшему повелению генерал-адъютант барон Мейендорф, а также государственный контролер П.А. Харитонов, член Государственного Совета обер-гофмейстер

⁴⁷⁰ ТС. № 546. С. 144.

М.П. фон Кауфман с сыном свиты его величества генерал-майором А.М. фон Кауфманом и главный начальник края генерал от инфантерии А.В. Самсонов». Торжественное открытие памятника состоялось в 9 часов утра с соблюдением всех положений специально разработанного церемониала. Согласно предписанию все войска Ташкентского гарнизона отдавали честь открытому памятнику. Памятник задуман как посвященный всем покорителям Средней Азии, но возвеличивал он прежде всего К.П. фон Кауфмана, недаром в народе называли его «Кауфманский» и сквер получил новое название — Кауфманский.⁴⁷¹ Печально, но снова не обошлось без (хотя и немногочисленных) злопыхательств в прессе, с явно проступающим подтекстом, как подытожил их А.А. Семенов о том, что «русское знамя над среднеазиатскими твердынями водружено не им и не при нем». На горизонте уже начали сгущаться грозовые тучи грядущего 1914 г.⁴⁷²

В соответствии с декретом СНК от 14.04.1918 г. «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг», памятник был немедленно снят. Позднее, сменяя друг друга, на его месте водружались символы: «Серп и Молот», «Октябрь» (1927 г.), бюст Ленина (1930 г.); памятники: Сталину (1948 г.), К. Марксу (1968 г., скульптор Д. Рябичев), А.Тимуру (1994 г., скульптор И. Джабаров). Постамент памятника простоял до 1935 г. и был взорван в ночь на 28 сентября. В 1937 г. в Москве вышла книга под редакцией М. Горького и М. Кольцова под названием «День мира», текст которой составляли новости одного сентябрьского дня года. Сообщение из Ташкента гласило: «Это прошлое должно быть уничтожено. В ночь на 28 сентября намечен взрыв фундамента, на котором до революции стоял памятник генералу Кауфману». Взрыв постамента памятника не уничтожил «прошлое», самая главная основа которого была заложена К.П. фон Кауфманом прочно и безвозвратно — связь традиционных начал мусульманского образа жизни с европейским стилем отношений в государственной, экономической, политической, культурной и общественной жизни Центральной Азии. «Только крайне напряженная работа столь большого государственного человека, каким был К.П. фон Кауфман в течение 15 лет, могла прочно приобщить к России огромный край со сплоченным мусульманским населением, в фанатичной среде которых незадолго до прихода русских погибло немало выходцев из «неверного Парангистана», пытавшихся проникнуть в этот косный мир», — отмечал

⁴⁷¹ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 151; ТС. № 456. С. 140, 146.

⁴⁷² ТС. № 456. С. 145.

А.А. Семенов. «Хитрая лиса», «непобедимый тигр», «ярым-падишах» называли К.П. фон Кауфмана местные жители, видевшие в нем сильного властителя, которому подчинялись и бухарский эмир, и кокандский и хивинский ханы, и правители полунезависимых бекств, племен, народов. Его силу осознавали и англичане, с проiscaми которых ему приходилось сталкиваться постоянно. Обеспечив мирными договорами спокойствие, «усмирив» междоусобные войны, добившись ликвидации рабства и торговли людьми, сохраняя местное самоуправление и укрепляя политику гражданского равенства, К.П. фон Кауфман установил новый порядок в регионе на условиях, разработанных им, заложил прочные основы развития науки, образования, промышленности, торговли, экономики края и поднял благосостояние всех слоев местного населения. Он проводил достаточно гибкую политику в различных сферах жизни народов края, авторитет русской власти в первые десятилетия завоевания Центральной Азии был очень высок. Многие проекты К.П. фон Кауфмана были осуществлены только десятилетия спустя (создание краевого центрального архива со «специально приспособленным для сего зданием», к которому предполагалось «присоединить и Ташкентскую публичную библиотеку, как учреждение, являющееся важным подспорьем при серьезных научных трудах», школы «переводчиков местных языков» или местного восточного института, обводнение Голодной степи и т. д.). Широту замыслов генерал-губернатора, «далеко опережавшего современные ему условия бюрократических начал управления», отмечали многие его современники.⁴⁷³ «Были, разумеется, ошибки, увлечения и известные слабости, как и у всех людей, но они не могут затмить светлый образ генерала К.П. фон Кауфмана и его идейное служение интересам культуры, просвещения, развития экономики края, «мудрым вчинателем» которых был этот «рыцарь» в мире и на войне», — как обмолвился о К.П. фон Кауфмане генерал Богданович на юбилейном хивинском обеде в Петербурге 29 мая 1898 г.⁴⁷⁴

Еще при жизни К.П. фон Кауфмана по его личным указаниям был составлен управляющим канцелярии П.И. Хомутовым «Проект Всеподданнейшего отчета по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернатора за время с 7 ноября 1867 г. по 25 марта 1881 г.» (СПб. 1905 г. 400 страниц машинописного текста). Этот обширный труд был напечатан с высочай-

⁴⁷³ ТС. № 516. С. 126 — 127.

⁴⁷⁴ Семенов А.А. Покоритель и устроитель Туркестанского края... С. 84.

шего разрешения военно-учебным комитетом Главного штаба и служит главным официальным документом для «суждения о служебной деятельности К.П. фон Кауфмана». Он содержит богатые и прекрасно разработанные сведения за весь период его службы: о народонаселении края, его административном устройстве и колонизации, об экономическом и финансовом положении, о податном устройстве, земледелии, народном образовании и по другим вопросам, за исключением дипломатических отношений. В 1906 г. были изданы 3 тома труда «История завоевания Средней Азии» М.А. Терентьева, который ознакомился с документами по этому вопросу еще в 70-х годах XIX в. и, по оценке некоторых историков, «несколько критически отнесся к действиям царских чиновников и военных деятелей в Средней Азии». В июне 1907 г. управляющий канцелярией В.А. Мустафин разослал персональные письма-обращения к ученым и бывшим соратникам, сослуживцам К.П. фон Кауфмана с извещением о принятом решении: «дорожа памятью покойного доброго гения Туркестана» предпринять «издание особого литературного сборника, <...> обнимающего самую обширную программу, касающуюся как деятельности самого Кауфмана, так и истории, географии, археологии, беллетристики и т. д. Туркестанского края», в которых также выражал надежду, что адресат не останется равнодушным и просьба — «не признаете ли Вы возможным прислать для сборника какую-либо Вашу статью, касающуюся Туркестана или сопредельных с ним стран, размером не более двух печатных листов» — будет выполнена. В заключение он отмечал: «...причем, возможно, что составленный из статей оригинальных и до сего времени нигде не печатавшихся, этот сборник быть может остановит на себя чувственное внимание общества и лишней раз напомнит ему, легко забывающему прошлое, о почившем устройтеле Туркестанского края К.П. фон Кауфмане». Адресаты не оставались равнодушными. Подготовка сборника продолжалась и при последующих генерал-губернаторах (П.И. Мищенко, А.В. Самсонов). Из большого количества статей, присланных отозвавшимися на этот призыв лицами, был составлен так называемый «Кауфманский сборник. Изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устройтеля Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го» (М. Типолитография Тов-ва И.Н. Кушнерев и К. 1910 г.) — живое свидетельство старых туркестанцев о своем командующем и соратнике. В 1901 г. военный министр Н.А. Куропаткин (служивший в юности под командованием К.П. фон Кауфмана, участник Кокандского похода, бывший губернатор Закас-

пийской области) предложил Туркестанскому генерал-губернатору Н.А. Иванову приступить к организации работы по составлению сборника документов по истории завоевания края. Составление сборника было поручено военному инженеру полковнику Адриану Георгиевичу Серебренникову (1863 — 1919 гг.), занимавшему пост начальника Семиреченской инженерной дистанции. За 4 года (1902 — 1905 гг.) были обследованы архивы Петербурга, Москвы, Ташкента, Верного, Оренбурга, Тифлиса и Омска, фонды МИД, Морского министерства, канцелярии ТВО, Омского военного округа, Семиреческого казачьего войска. Документы, архивные материалы, включавшие рапорты и записки по различным вопросам, переписку русского правительства с администрацией края и управителями сопредельных ханств, официальные и секретные инструкции для торговых, дипломатических и военных миссий, донесения, планы наступлений, анализы положения Англии в регионе и другие материалы, составившие позднее так называемый «Фонд Серебренникова» — одну из жемчужин исторического архива Республики Узбекистан, были собраны прикомандированными к А.Г. Серебренникову офицерами, в том числе полковником В.К. Геннерихом — непосредственным исполнителем, кропотливая работа которого отмечалась особо: «все, что уже возведено под его надзором и по его системе, все хорошо, в работе введен стройный и систематический порядок».⁴⁷⁵ Всего подготовлено было 74 тома. В 1908 — 1915 гг. штабом ТВО в Ташкенте издано 14 томов документов за 1839 — 1852 гг. вместо намеченных 33 выпусков. Издание прекратилось по причине отсутствия средств. Фонд А.Г. Серебренникова в Центральном архиве Узбекистана до сих пор привлекает пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей. Эти архивные материалы, многочисленные публикации, биографические, юбилейные издания, воспоминания современников воссоздают чистый и честный облик первого генерал-губернатора Туркестанского края, «мудрого вчинателя» нового стиля жизни, «русского по душе человека» инженер-генерала К.П. фон Кауфмана. Революция стерла с лица земли памятники и места захоронения его праха: уничтожено памятное сооружение на месте первоначального захоронения К.П. фон Кауфмана, снят величественный памятник ему и всем войскам, покорившим Туркестан, на месте взорванного Спасо-Преображенского собора до середины 60-х годов XX в. была клумба с цветами, затем сооружены мощные фонтаны, освежающие каскадом водяных струй раскаленное

⁴⁷⁵ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 20. Л. 143.

солнцем пространство центральной площади Ташкента. Куда перенесены останки генерала и других лиц, покоившихся в тишине собора, неизвестно. В печати появилось сообщение одного из строителей ташкентских фонтанов о том, что в ходе работ на значительной глубине ковш экскаватора обнажил гроб, как оказалось, военного, с большим количеством военных наград на лацкане неплохо сохранившегося мундира. Приехавшие сотрудники органов спешно закрыли гроб и отвезли его в неизвестном для автора направлении. Автор высказывает предположение о том, что, возможно, это было захоронение К.П. фон Кауфмана. В архивных материалах личного фонда Е.К. Бетгера сохранилась его запись о том, что осенью 1919 г. он был свидетелем того, как группа хмурых венгерских военнопленных сумрачно толпилась в каком-то суматошном смятении вокруг гроба на площади перед собором. На вопрос, что здесь происходит, последовал ответ, что они заняты раскопом могилы К.П. фон Кауфмана, прах которого теперь отвезут на военное кладбище. Историк Узбекистана Б.Н. Завадовский считает, что останки генерала перезахоронены в одном из безымянных склепов кладбища на бывшей улице Боткина.

В сентябре-ноябре 2009 г. были вырублены вековые дубы и чинары знаменитого и любимого жителями Ташкента Константиновского (Кауфманского, Революции, Амира Тимура) сквера. «Это прошлое должно быть уничтожено». У пеньков спиленных деревьев старожилы города 21 ноября 2009 г. в 5 часов вечера в знак протеста зажгли поминальные свечи. Краевед В. Проскурин, исследуя плодотворную деятельность К.П. фон Кауфмана в Центральной Азии, с горечью констатирует: «Словом память о К.П. Кауфмане сведена на нет», усилия «бюрократического чиновничества принесли свои плоды». Но прошлое нельзя просто взорвать, вырубить, выкопать, уничтожить, спилить, умолчать. Оно с нами, оно в нас, в нашей памяти, в памяти народа. В читальных залах архивов и библиотек края приходилось встречать маститых ученых, известных историков — представителей различных национальностей, оценка которыми личности и деятельности К.П. фон Кауфмана была чрезвычайно высока и основывалась не только на архивных и опубликованных материалах, но и на преданиях, сохраняющихся в уважаемых кланах, в семьях местных жителей. Народная память о первом Туркестанском генерал-губернаторе К.П. фон Кауфмане, о его честном служении интересам России, плодотворной деятельности на благо развития края и благосостояния его народа сохраняется и продолжает жить. Памяти генерал-

инженера К.П. фон Кауфмана посвящены многие издания последних лет. И, думается, совсем не случайно на взлете XXI века в самом центре Ташкента был открыт феешенбельный отель Palace von Kaufman.

К.П. фон Кауфман, как записал Н.П. Остроумов, верил в суть истории и не боялся смерти. «Он отмечал, что она дает истории радость видеть, как исчезают лживые тени, она произносит беспристрастный приговор над легкомысленными и страстными мнениями современников и, отмечая мелочное, сиюминутное, про-являет главное, все расставляет по своим местам».⁴⁷⁶

⁴⁷⁶ Остроумов Н. Личные воспоминания... С. 2.

«ЧЕЛОВЕК БЛАГОРОДНЫЙ, ПРЯМОЙ»

Колуван — «маленький город вроде большой крепости» на берегу Финского залива — так впервые описывает этот военный и торговый порт арабский историк Аль-Идриси в своем сочинении «Книга Роджера», написанном в 1154 г. на Сицилии. В Суздальской летописи и в других древнерусских письменных источниках название этого города — Колывань (Колыван имя богатыря в русских былинах) — прослеживается с 1223 г., встречаясь в официальных документах Российской империи до начала XVIII в., а в устной традиции и ныне. Но уже с 1219 г., когда территория была завоевана орденом меченосцев и датчанами, порт при Ревельской бухте стал носить название Ревель. Старший ревельский бургомистр Бернгард Цурбех (ум. в 1661 г.) за отличную службу и личные достоинства получил в 1643 г. шведское дворянство с фамилией Розенбах и стал основателем дворянского рода Розенбахов. Существует твердое мнение о том, что фамилию эту он выбрал в память о своей далекой немецкой родине. И ныне на востоке Германии на земле Саксонии, почти у границ с Чехией и Польшей, расположен небольшой немецкий городок (коммуна) Rosenbach с населением менее 2 тыс. человек. Это название носят также отдельные районы многих городов и сельской местности по всей территории Германии. В 1710 г. Ревель переходит к России и дворянский род Розенбахов в 1746 г. внесен в матрикул российского дворянства Эстонии. В семье потомственного дворянина, отставного гвардейского полковника Отто Эвальда фон Розенбаха (1796 — 1856 гг.) и Шарлоты Эмины фон Гернет (1810 — 1865 гг.) в имени Ней-Изенгоф Везенбергского уезда Эстляндской губернии 12.06.1836 г. родился сын Николай. После окончания Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в С.-Петербурге (позднее Николаевское кавалерийское училище), он начал с 17.06.1853 г. службу в чине прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка. В период Крымской войны (1853 — 1856 гг.) находился в составе войск, охранявших побережье Балтийского моря в районе Выборгского уезда С.-Петербургской губернии. С 15.04.1856 г. был переведен в лейбгвардии 1-й стрел-

ковый батальон. По случаю коронации (26.08.1856 г.) императора Александра II был направлен 11.07.1856 г. в Москву в составе отряда собранных там войск гвардейских и гренадерских корпусов. «За отлично-усердную и ревностную службу», ответственное отношение к порученным обязанностям был награжден продвижением по службе, чинами (30.08.1855 г. — подпоручик, 8.09.1856 г. — поручик, 10.04.1859 г. — штабс-капитан) и орденами Св. Станислава (26.08.1856 г.) и Св. Анны (30.08.1858 г.) третьих степеней.

В чине капитана (с 23.04.1861 г.) Н.О. фон Розенбах в составе войск Виленского военного округа с 1 мая по 23 декабря 1863 г. был командирован для умирения польского мятежа. В боях с отрядами Яблоновского и Манцевича при местечке Попеляны Ковенской губернии 10 июня 1864 г. ранен «круглою ружейной пулей в поясницу около позвоночного столба на вылет».⁴⁷⁷ По этой причине Н.О. фон Розенбах «отчислен от фронта», около года находился на лечении в С.-Петербурге и за границей, награжден «за усердие по службе» 18.10.1863 г. орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, пожалован 30.12.1863 г. во флигель-адъютанты и зачислен 10.11.1864 г. в свиту его императорского величества. С 4.04.1865 г. произведен в полковники и с 1.01.1866 г. причислен ко 2-му разряду раненых с производством пенсии. Службу продолжил с 30.08.1867 г. командиром 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка, затем с 17.09.1870 г. переведен командиром лейб-гвардии Павловским полком. В чине генерал-майора (с 30.08.1872 г.) он зачислен в свиту его императорского величества и назначен 19.08.1877 г. командиром 2-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии. В эти годы Н.О. фон Розенбах неоднократно выполнял особые поручения по рекрутским наборам в Вятской, Владимирской и Восточно-Сибирской губерниях, исполнял особые секретные поручения, находился при особе императора во время пребывания его в Москве, Вильно и Риге. Был также председателем, членом различных комиссий: «для осмотра молодых солдат, предназначенных в войска гвардейской пехоты» (1871 г., 1872 г.); «для определения размера приварочных окладов» (1872 г.); «для составления устава ротного и батальонного учения» (1873 г.); «по улучшению внутреннего быта унтер-офицеров в войсках»; «по разработке программы военного образования вольноопределяющихся 1 и 2 разрядов»; для «осмотра в частях гвардейского неприкосновенного интендантского и оружейного запасов и осмотра помещений под склады» (апрель 1877 г.); был членом главного кодификационного комитета и т. д.

⁴⁷⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 319. Л. 118 — 132.

За годы службы награжден орденами: Св. Владимира 3-й степени с мечами над орденом (27.07.1869 г.), Св. Анны с императорской коронной 2-й степени (16.04.1867 г.), 1-й степени (19.12.1875 г.), Св. Станислава 1-й степени (16.08.1874 г.), прусским Красного Орла со звездой 2-й степени (7.05.1873 г.), австрийским Франца-Иосифа большого креста (7.02.1874 г.), шведским командорским знаком ордена Св. Олафа 2-й степени (10.11.1875 г.), бриллиантовым перстнем с «вензелевым изображением имени его императорского величества» (30.08.1872 г.). Супруге генерала «по случаю восприятия купели» новорожденных его дочерей Александры (17.09.1872 г.) и Лидии (11.08.1874 г.) были пожалованы подарки по «положению». Подъем национально-освободительного движения на Балканах определил начало новой русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. Жестокость, с которой подавлялись восстания в Боснии, Герцеговине и Болгарии, вызвала в Европе и особенно в России сочувствие к положению христиан Османской империи. Первоначально царское правительство пыталось решить возникшие конфликты дипломатическим путем, но все предложения о коллективной защите славян и другие проекты были отклонены либо Англией и Австро-Венгрией, либо не приняты турецкой стороной. Россия объявила 12.04.1877 г. войну Турции. Под руководством генерал-майора Н.О. фон Розенбаха 16.08.1877 г. 2-я бригада 2-й гвардейской дивизии выступила в Европейскую Турцию из С.-Петербурга и вступила 31.08.1877 г. на территорию Румынии у станции Унгены. После переправы через Дунай 2 октября у города Зимницы бригада влилась в состав Плевненского отряда князя Карла Румынского. В ходе атаки укрепленных позиций в сражении при Горном Дубняке, командуя левой колонной в составе передового отряда генерал-адъютанта И.В. Гурко при штурме главного редута, генерал-майор Н.О. фон Розенбах был ранен 12.10.1877 г. «пулею в верхнюю часть живота на вылет и контужен в правое плечо, вблизи лопаточной кости». В лазарете раненого героя 27 октября посетил император Александр II. Леонид Михайлович Чичагов (1856 — 1937 г.), в то время — подпоручик, позднее — митрополит Ленинградский и Гдовский Серафим, священномученик, вспоминал об этом посещении: «Генерал Розенбах лежал по правую руку от входа в палатку на низкой складной походной кровати, и, когда вошел государь, то он дремал. Тихо приблизившись к нему, его величество опустился на колени и, нагнувшись, обхватил его постель руками. Генерал в это время открыл глаза. «Я тебе говорил, — произнес ласково император, — я тебя просил поберечь себя».⁴⁷⁸

⁴⁷⁸ Чичагов Л.М. Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии 1877 г. СПб. 1995.

В связи с ранением Н.О. фон Розенбах был отстранен от командования бригадой, зачислен в свиту его императорского величества и выбыл из состава действующей армии. «За отличие и храбрость, проявленные в боевых действиях», награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (26.08.1878 г.), золотой саблей с надписью «за храбрость» (11.04.1878 г.), румынской золотой медалью «за храбрость» (6.01.1878 г.), Румынским железным крестом (25.04.1879 г.). Александр II за «мужество и боевые отличия» подарил генерал-майору Н.О. фон Розенбаху «золотое оружие», которое хранится ныне в фондах российского Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Высочайшим приказом от 7.08.1878 г. Н.О. фон Розенбах был назначен начальником штаба Гвардейского корпуса с оставлением его в свите его императорского величества, затем в числе немногих — в чине генерал-майора, 19.02.1880 г. — генерал-адъютантом к его императорскому величеству. С 11.01.1881 г. он направлен начальником штаба войск гвардии С.-Петербургского ВО, зачислен в списки Генерального штаба, 20 августа «за отличие по службе» произведен в генерал-лейтенанты с «оставлением в занимаемой должности». С 8.10.1881 г. на него были возложены обязанности инспекторского надзора над военными госпиталями в С.-Петербургском военном округе на правах окружного инспектора госпиталей «по существующему в этой должности положению». Ответственное отношение к службе, четкое, точное исполнение заданий вызывало полное доверие ему со стороны высшего руководства и лично императора, что и определяло частое выполнение им дополнительных многочисленных и разнообразных поручений: присутствовал на маневрах Германской армии в Силезии и Саксонии (17 июля — 15 сентября 1882 г.); участвовал в работе комиссий графа Коцебу по «устройству центрального и высшего местного и строевого управления в России» (с 7.09.1881 г.); «для окончательного обсуждения проекта изменения в действующем военном судоустройстве и судопроизводстве» и др. Неоднократно он находился в командировках, в том числе: на Кавказе (15 — 25.12.1882 г.), в Москве по случаю коронации Александра III (30 апреля — 4 июля 1883 г.), где был назначен главным начальником над всеми войсками, собранными в городе и его окрестностях и др. Как отмечали современники, Н.О. фон Розенбах пользовался особым расположением великого князя Владимира Александровича (22.04.1847 г. — 17.02.1909 г.) — третьего сына Александра II, мецената, покровителя художников, с 1876 г. — президента Императорской Академии Художеств, попечителя

Румянцевского музея, сенатора, члена Государственного совета, Главнокомандующего войсками гвардии и С.-Петербургского ВО, «обладавшего неоспоримым авторитетом» в высших кругах общества и настолько большим влиянием в царской семье, особенно на цесаревича Николая, что, «дабы не смущать» будущего императора, «предпочитал самоустраняться». За эти годы службы Николай Оттонович был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени (15.05.1883 г.), сербским орденом Такова 1-й степени (8.10.1881 г.), прусскими орденом Короны 1-й степени и Большим крестом Саксонского ордена Альбрехта (24.01.1883 г.). Приказом от 21.02.1884 г. генерал-лейтенант Н.О. фон Розенбах был назначен Туркестанским генерал-губернатором и Командующим войск ТВО «с оставлением в звании генерал-адъютанта по гвардейской пехоте и с зачислением в Генеральный штаб». Приказ по войскам и управлениям г. Ташкента о прибытии вновь назначенного генерал-губернатора был отдан 5.04.1884 г. Он прибыл в пределы края и вступил в управление Туркестанским генерал-губернаторством 23.05.1884 г.⁴⁷⁹ Г.П. Федоров отмечал, что генерал-лейтенант Н.О. фон Розенбах поразил его своим характером еще во время переезда в Ташкент. В Оренбурге он, учитывая скорость почтовой езды, составил сам маршрут, все рассчитал до часа и минуты и приезжал в города в те дни, часы и даже минуты, которые значились в маршруте. Такая беспримерная аккуратность генерала, подчеркивал Г.П. Федоров, «хотя немного и немецкая, тем не менее всем показалась очень симпатичною». И позднее многие сослуживцы генерал-губернатора отмечали его аккуратность, доходящую до педантичности, вежливость и доброжелательность в отношениях с людьми. Н.О. фон Розенбах никогда не опаздывал выездом к войскам или на парады, никому никогда не приходилось терять время на выжидания в приемной, он всех и всегда внимательно выслушивал и успокаивал, обещая посодействовать в решении дел просителя. Описывая внешность генерал-губернатора, Г.П. Федоров указывал на то, что «это был тип николаевского генерала: высокий, прямой, сухой, с щетинистыми седыми бакенбардами, с отрывистым резким голосом». После «очаровавшего всех» К.П. фон Кауфмана и «ласкового» М.Г. Черняева он производил «удручающее впечатление». Но отмечал при этом, что при ближайшем знакомстве оказывалось, что это человек очень добрый, который, сознавая свою доброту, «считал нужным маскировать ее наружной суровостью и жесткостью,

⁴⁷⁹ ЦГА Руз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 5. Л. 24; Д. 10. Л. 1; Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.

однако это ему редко удавалось». Н.П. Остроумов также подчеркивал, что Н.О. фон Розенбах «отличался точностью и аккуратностью в распоряжениях и вообще по службе». Описывая официальную встречу генерала, состоявшуюся 2.06.1884 г., отмечал: «вид у генерала бравый, он высокого роста, стройный и красивый блондин с небольшими бакенбардами, взгляд и манера говорить приветливые, но выправка гвардейская, впечатление на публику произвел хорошее», «манера говорить глядя в глаза без хитрости и утонченности великосветских людей, как привык в военной службе», что производило благоприятное впечатление на собеседника.⁴⁸⁰ Статс-секретарь, член Государственного совета А.А. Полковцев характеризовал генерала Н.О. фон Розенбаха как «человека благородного, прямого», который «провел много нововведений, оказавших несомненную пользу, а главное, умел избежать военных осложнений, кои могли бы неоднократно перейти в войну». Между тем Н.О. фон Розенбах приехал в Туркестан, мало зная о предназначенном для его управления крае. Г.П. Федоров подчеркивал, что генерал «о Туркестане знал меньше, чем о Зулуденде».⁴⁸¹ И, видимо, не случайно «в сфере передовой интеллигенции Туркестанского края», как поведал историк Б.В. Лунин, сложилось следующее четверостишие:

*Когда Радею провожали,
Мы жизни новой ожидали,
Но смыслу здравому на страх
В Ташкент приехал Розенбах.*

В газетах появилось лишенное всякого основания сообщение о том, что генерал начнет свою службу с сокращения штатов. Безусловно, знания Николая Оттоновича о крае не шли ни в какое сравнение с осведомленностью и знанием о нем К.П. фон Кауфмана. Но, проинформированный о состоянии дел в Туркестанском генерал-губернаторстве и об отношениях его с соседними государствами, генерал-лейтенант Н.О. фон Розенбах определил для себя важнейшие задачи управления краем: сохранение мира на этой окраине империи и ее дальнейшее экономическое развитие, решение которых он начинает еще до приезда в Ташкент. Так, 8 мая он шлет генералу Н.И. Гродекову — военному губернатору Сырдарьинской области, шифрованную телеграмму с указанием возможного срока своего приезда в Ташкент и с просьбой известить эмира Бухары о его приезде, отмечая при этом, «если генерал

⁴⁸⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Л. 1об, 4об.

⁴⁸¹ Федоров Г.М. Моя служба в Туркестане // Исторический вестник. 1913. № СXXXIV. С. 442.

Гродеков признает нужным» дать понять эмиру, что «в виду долголетних дружественных отношений России и Бухары и доказанной преданности эмира императорскому правительству, я рассчитываю встретить в Ташкенте посольство, высланное эмиром, поздравить меня с благополучным прибытием в край, вверенный мне государем императором». В ответной телеграмме генерал Н.И. Гродеков извещал о том, что во главе посольства, отправленного в Ташкент, стоит Рахматулла-бей, под влиянием которого установились «нежелательные отношения к нам Бухары», о чем он считал «необходимым предупредить». Приехав на место, Н.О. фон Розенбах 14.06.1884 г. шлет очень дипломатичное письмо в Бухару с выражением глубокой признательности за чувство дружбы, которое было высказано бием муллою Рахматуллою, и уверенности в искренность дружеских заявлений посла. «Я совершенно уверен в искренности их и никогда не допущу даже мысли, чтобы Ваше Высокопревосходительство, пользуясь благорасположением Его Императорского Величества и сознавая все выгоды добрых отношений с Россией, могли когда-либо нарушить эту дружбу».⁴⁸² Генерал сумел наладить отношения с Бухарой. Эмир, выражая свое дружелюбие и расположенность к царской власти и ее ставленнику в Туркестане, 20.01.1885 г. пожаловал Н.О. фон Розенбаху орден Восходящей звезды 1-й степени с бриллиантовыми украшениями «с бархатною лентою со знаком» — высочайший знак правительства благородной Бухары. Жители Самарканда при посещении им города подарили генерал-губернатору роскошное расписное блюдо с надписью «Будь ты победитель и пусть твоя власть распространится над христианами». Совершая объезд по Зеравшану и Ферганской долине, генерал был поражен тем, что местные женщины и взрослые девочки не прятались от него, а группками стояли на улицах и на крышах домов с полукрытыми лицами.⁴⁸³ Эмир то ли в давних традициях Востока, то ли отработывая, ставшую позднее обыденной, систему подкупа руководящих чинов местной власти, то ли, действительно, повинувшись благородным порывам души, но и в дальнейшем оказывал «своему другу» различные знаки внимания, дарил подарки, что моментально становилось предметом пересудов и сплетен в обществе. Тем не менее дипломатические усилия генерал-губернатора были высоко оценены, и в некрологе, помещенном в «Туркестанских ведомостях» в связи с кончиной Николая Оттоновича, отмечалось: «В дипломати-

⁴⁸² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 605. Л. 8 — 12, 16 — 17.

⁴⁸³ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 319. Л. 130; Оп. 34. Д. 606. Л. 1; Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Л. 6; ТВ. 1884. № 37.

ческих сношениях с соседними ханствами во время управления краем генерал-адъютантом Розенбахом были достигнуты самые блестящие результаты, в особенности в переговорах с Бухарой при проведении по ее территории железной дороги и устройства военного пункта в Керки».⁴⁸⁴ Но именно это умение Н.О. фон Розенбаха выстроить отношения с соседями, его корректность и дипломатичность, обусловившая хорошие «отношения к нам Бухары», вкупе с некоторыми другими деталями жизни края в годы его управления подвергались необоснованной критике и обрастали слухами. В печати появлялись разного рода клеветнические заявления. Газета «Новое время» (С.-Петербург. 22 марта 1885 г.), подводя «итоги деятельности Туркестанского генерал-губернатора», приводит «любопытные сведения», изложенные ташкентским корреспондентом газеты «Гражданин»: «Прибыв в край, генерал-губернатор обставил себя с пышностью принца крови, так при нем состоит специальная конвойная сотня казаков, сотне этой пожалован знак с вензелем и гербом начальника края», «устроена ложа для генерал-губернатора в городском театре», «на ремонт или переделку дачи израсходовал 10000 рублей». «В Голодной степи вырыт артезианский колодец, поставлен ветряной двигатель <...> а воды нет», «городское самоуправление изменилось: сперва в Ташкентской думе заседал голова по выбору гласных, теперь на его место поставили начальника города, т. е. полицмейстера, так что теперь одно и то же лицо исполняет две должности: полицейскую — начальник города и общественную — городской голова». Отвечая на статью, Николай Оттонович указывал: «...конвойная сотня учреждена была покойным К.П. фон Кауфманом, была и при генерале М.Г. Черняеве, тем более что состав ее уменьшился, <...> ложа в бывшем здании торговой биржи, где расположен театр, построена с целью «1. не стеснять публику, 2. поддержать престиж власти», <...> «бурить артезианский колодец начал М.Г. Черняев». «Начальник Ташкента, голова думы назначался при Кауфмане, при Черняеве — избирался, раздоры гласных усилились, амбиции огромны, я решил восстановить прежний порядок, и результаты не замедлили сказаться, бюджет улучшился. <...> Не желая вступать в полемику с автором статьи, усматриваю в пасквиле подрыв власти генерал-губернатора». Извинения позднее за эту «критику» принесли князь Мещерский — редактор газеты «Гражданин», князь Вяземский — управляющий Ташкентской контрольной палатой и другие лица.⁴⁸⁵ Н.П. Остроумов замечает: «Я думаю, что генерал Розенбах был не

⁴⁸⁴ ТВ. 1901. 10 (23) мая.

⁴⁸⁵ ЦГА РУз Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1. Л. 36, 40 — 43, 71 — 74.

хуже генералов, управлявших Туркестаном до него. Конечно, с Кауфманом я его не сравниваю. <...> А в отношении пунктуальности, исполнительности, внешнего приличия и радушия у себя в семье с ним не всякий может сравниться. Это был хороший, обрусевший немец, не помешавший своей русской супруге быть по-русски приветливой и не чуждаться вообще Ташкентского общества, хотя она была несколько чопорна. За одну хорошую семейную жизнь генерала Розенбаха следует похвалить и за управление краем», в управлении краем «Н.О. фон Розенбах, следуя благоразумно указаниям докладчиков, не делал больших промахов, а стремился к улучшениям в краевой жизни».⁴⁸⁶

На генерал-адъютанта Н.О. фон Розенбаха всецело легли заботы по весьма сложному, непосредственному руководству предварительными разработками при составлении нового «Положения об управлении Туркестанского края», а затем по разработке специальной комиссией под председательством графа Игнатьева окончательного варианта проекта этого «Положения...», вступившего в силу закона с января 1886 г. «Таким образом введение в действие нового «Положения...» и сопряженные с этим работы легли всецело на Николая Оттоновича, всегда ревностно отдававшего служебным своим обязанностям», — отмечали современники. Императором Александром III «за труды в разработке проекта об устройстве управления в Туркестанском крае» 14.03.1886 г. Н.О. фон Розенбаху была объявлена «высочайшая благодарность». Однако, как подчеркивал Г.П. Федоров, в состав комиссии по разработке «Положения...» вошли помимо представителей от министерств и ведомств центра и все члены ревизионной комиссии Гирса, работавшей при генерале М.Г. Черняеве. Незнакомство же ее членов с реальными условиями края того времени слишком «бросалось в глаза». В результате при «первом же применении на практике» «Положение...» «оказалось никуда не годным», выявились его многочисленные недостатки, несоответствия и началось издание разъяснительных циркуляров, предписаний. Генерал-губернатор и Совет при нем были завалены работой по рассмотрению многочисленных писем, жалоб, заявлений. Основным недостатком нового «Положения...», по мнению генерал-губернатора, заключался в чрезмерной централизации, ставившей местную администрацию под больший, чем раньше, контроль центральной власти, что только мешало оперативному управлению краем. Из-под контроля Туркестанского генерал-губернатора выводились судебное, финансовое, контрольное, учебное и почтово-телеграфное

⁴⁸⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Л. 67 — 68.

ведомства. А руководителям учреждений, образованных позднее 1886 г., разрешалось вступать в непосредственное взаимодействие с министерствами и получать директивы от них, минуя генерал-губернатора. Это не могло не сказаться отрицательно на престиже власти генерал-губернатора. Незнание на верхних эшелонах власти многообразных местных особенностей приводило к искажению сведений, поступающих правительству. Н.О. фон Розенбах признавался позднее в том, что все шесть лет управления краем ему приходилось вести непрерывную борьбу с С.-Петербургом и сложившейся политико-правовой ситуацией в крае. Ему часто приходилось отмечать также несогласованность своих действий с Советом при Туркестанском генерал-губернаторе, который в соответствии с «Положением... 1886 года» обладал правом совещательного голоса, однако за исключением вопросов земельно-податного устройства и земских повинностей, по которым решения принимались простым большинством голосов. Это право Совета вынуждало генерал-губернатора часто обращаться в вышестоящие инстанции, отстаивая свою точку зрения по вопросам, решения по которым принимались людьми, не ответственными за результаты своих постановлений или отстаивающими свои узкие, ведомственные интересы. По его инициативе и в результате его активных действий в Туркестане начали функционировать областные суды. Много усилий было приложено Н.О. фон Розенбахом по строительству железной дороги на территории Туркестана. При нем была закончена постройка Самаркандского участка Закаспийской железной дороги, открытие которого было проведено 29.04.1888 г. Этим было положено начало сооружения Средне-Азиатской железной дороги. Об этом К.П. фон Кауфман мог только мечтать. Возвратившись после открытия железной дороги, Николай Оттонович отметил, что дорога имеет еще много недостатков, но это не может быть поставлено в вину строителям, и дал высокую оценку их руководителю — генералу М.Н. Аненкову. Николаю Оттоновичу, приложившему достаточно много усилий в переговорах с эмиром Бухары, «за особые труды» «при сооружении железной дороги» 15.05.1888 г. была объявлена очередная благодарность императора. А в ташкентском обществе поползли новые сплетни о том, что эмир Бухары сделал крупные подарки генерал-адъютанту и другим высшим чиновникам края.⁴⁸⁷

⁴⁸⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Л. 36; Ф. И-1. Оп. 33. Д. 319. Л. 131. По инициативе руководителя строительства Самаркандского участка железной дороги инженера Ульянова на большой высоте на скале в ущелье Тамерлана вблизи Самарканда была установлена медная доска с позолоченным гербом России, на которой была выбита фраза: «Император Николай II, 1885, Повелел «Железной дороге быть». 1888, Исполнено». Ныне от медной доски остались лишь следы.

За годы своего управления краем Н.О. фон Розенбах сумел упорядочить финансовые дела, пришедшие в «значительное расстройство» во времена генерала М.Г. Черняева. «За особенную заботливость к установлению правильного надзора» за своевременной уплатою населением сборов в казну ему неоднократно объявлялась монаршая благодарность. Большую активность Н.О. фон Розенбах проявлял и в вопросах школьного образования. Он посещал гимназии, поощряя лучших учеников, продолжая дело школьного образования по заветам К.П. фон Кауфмана. Проявлял он себя его последователем и в деле «игнорирования ислама». По его инициативе в середине 80-х годов XIX в. в Туркестане началось активное создание школ нового типа, которые должны были сочетать принципы русской начальной школы и элементы традиционного мактаба. В них практиковалось совместное обучение детей как коренного, так и русского населения. Дети из семей коренных национальностей имели возможность изучать арабско-персидский алфавит и вероучение ислама. По прибытии в Ташкент Н.О. фон Розенбах создал так называемую «секретную комиссию», на заседаниях которой обсуждался вопрос открытия таких школ. Этот вопрос был поднят впервые К.П. фон Кауфманом, его поддержал купец Саид Азимов, который ранее был связан по своим торговым делам с Россией и хорошо понимал значение русского языка в развитии экономики края. Первая школа такого типа была открыта 19.12.1884 г. в доме сына купца Саида Азимова Саида Гани, который сам изучал русский язык с помощью домашних учителей. Преподавателем русского языка был назначен один из знатоков местных обычаев Владимир Петрович Наливкин (1852 — 1918 гг.), участник среднеазиатских походов, известный этнограф, исследователь края, автор первых русско-узбекских словарей, глава Туркестанского Комитета Временного правительства (1917 г.). Семья этнографа долгое время прожила в одном из кишлаков Ферганской области. В 1885 г. начали работать три приходских школы нового типа в Сырдарьинской области, а в 1886 г. после «высочайшего соизволения» на создание такой формы образования для местного населения появилось еще 14 школ. К.П. фон Кауфман в свое время избрал тактику «игнорирования» традиционной мусульманской школы (медресе), считая, что она исчезнет, не выдержав конкуренции с более «прогрессивной» русской школой. М.Г. Черняев начал наступление на религиозные школы. Н.О. фон Розенбах считал необходимым проявлять большую осторожность в отношении религиозных школ и идею русско-туземных школ считал альтернативой медресе, которые при нем были поставлены, хотя и номинально, под контроль администрации

и которые, как он верил, будут постепенно сливаться с новыми школами. В.П. Наливкин, как инспектор мусульманских школ, пытался было реформировать медресе, но все его планы не были осуществлены. В 1886 г. генерал-губернатор еще раз подтвердил начальникам областей края, что открытием школ нового типа ставится задача способствовать развитию местного населения в материальном и нравственном отношениях, наметить ближайший и самый верный путь объединения бытовых и экономических интересов всех народностей края. Такие школы существовали до 1917 г. Однако русско-туземная школа не стала главным источником распространения европейской культуры среди местного населения. Много внимания он уделял и вопросу противодействия проходившему процессу исламизации кочевников. В июле 1884 г. им была даже создана специальная комиссия под председательством генерал-майора Н.И. Гродекова, которая выдвинула много полезных идей и предложений, но в практической работе они не получили никакой реализации. По инициативе Н.О. фон Розенбаха было организовано изучение узбекского (сартовского) языка чинами русской администрации и начали работать многие лечебницы и амбулатории для местного населения.

Под пристальным вниманием Николая Оттоновича находился и вопрос развития сельского хозяйства края. Он с горечью говорил о том, что московские купцы и немецкие коммерсанты сбивают цены на хлопок. Впервые семена позднеспелого тонковолокнистого хлопчатника были завезены еще в 1870 г., но он не прижился, основанная при первом генерал-губернаторе хлопковая плантация была закрыта М.Г. Черняевым. Приложив много усилий к воссозданию новой специальной хлопковой плантации, он организовывал новые закупки семян зарубежных сортов хлопчатника, повсеместно содействовал дальнейшему развитию хлопководства в крае, создавал все условия для ученых и энтузиастов, работающих с зарубежными сортами хлопчатника. Много внимания он уделял и развитию шелководства: восстановил разрушенную при генерале М.Г. Черняеве шелковичную школу, создал гренную станцию, «весьма полезную по своему значению для шелководства», восстановил деятельность химической лаборатории. Императорское Московское общество сельского хозяйства и Комитет шелководства, отмечая то «внимание и усилие», которые он прикладывает «к делу дальнейшего развития сельского хозяйства в крае», избрали его своим Почетным членом.⁴⁸⁸ В 1888 г. начальник края поднял вопрос по случаю 25-летнего юбилея вхождения Центральной Азии в состав

⁴⁸⁸ ЦГА Руз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2469. Л. 226.

России о проведении Туркестанской сельскохозяйственной, промышленной и научной выставки, архитектором которой первоначально был назначен А.Л. Бенуа. Выставка была проведена два года спустя, в 1890 г., когда Н.О. фон Розенбах уже покинул Туркестан. План ее размещения был окончательно разработан И.И. Краузе, главный вход на выставку со стороны Константиновского сквера украшали ворота, выполненные в русском стиле по проекту А.Л. Бенуа, украшением выставки явилась фигура русского солдата скульптора М.О. Микешина, исполненная в гипсе по проекту А.И. Вилькинса мастером Пенкиным.

Новый импульс был предан Н.О. фон Розенбахом развитию промышленности края. Он начал разработку нефтяных месторождений в Ферганской области, при нем началась добыча каменного угля, продолжалась разработка и добыча соли, серы, золота, медной руды и др. полезных ископаемых, он организовал в Намангане строительство канала, который сначала носил его имя — «Русумбах», как называло его местное население, после революции — им. Молотова. Эта водная артерия, строительство которой окончательно завершено в 1980 г., носит ныне название Северо-Ферганский канал. В Намангане сохранилось здание — бывшая резиденция генерала, в котором расположен краеведческий музей. Именем Н.О. фон Розенбаха была названа одна из улиц города и ее проезды (позднее — ул. Железнодорожная).

Н.О. фон Розенбах был заботливым покровителем ученых экспедиций на Тянь-Шань и Памир. Три крупные экспедиции и обширные исследования с апреля 1887 г. провел на Алтае и в Западном Китае «гениальный естествоиспытатель» Григорий Ефимович Грум-Гржимайло (1860 — 1936 гг.). Его зоогеологические «Описания путешествия в Западный Китай» были изданы в 1907 г. Беспокоясь о безопасности исследователя, Н.О. фон Розенбах ставил условие: не выезжать путешественнику за пределы Туркестана и Восточной Бухары. Но экспедиции Г.Е. Грум-Гржимайло проникали и в Западный Китай.

Н.О. фон Розенбах практически спас от окончательной гибели уникальный фонд закрытой Туркестанской публичной библиотеки. Ее деятельность была восстановлена, собран частично уже разрозненный по различным организациям фонд. Статус библиотеки и музея при ней был узаконен в «Положении об управлении Туркестанского края» 1886 г.⁴⁸⁹ Однако, принимая живое участие во всех проявлениях культурной, экономической и общественной жизни края и «оказы-

⁴⁸⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 359. Л. 3об.

вая всем вопросам его внутреннего развития» большое внимание, Н.О. фон Розенбах был «экономным» и «в ущерб казне не поступал». Экономические мотивы сыграли значительную роль в том, что при нем на 20 лет было прекращено составление «Туркестанского сборника» В.И. Межова — уникального источника по истории Туркестана и сопредельных стран Востока. Безусловно, определяющую роль в этом решении сыграла «Записка членов комиссии по вопросу восстановления Ташкентской публичной библиотеки и составления «Туркестанского сборника». Генерал-губернатору был представлен составленный 21.04.1884 г. рапорт инспектора ташкентских училищ Н.П. Остроумова и первого директора Туркестанской библиотеки, помощника редактора газеты «Туркестанские ведомости» Н.В. Дмитриевского (1841 — 1900 гг.). В рапорте содержался анализ уже выполненных В.И. Межовым 250 сборников и указывалось на ряд важнейших пробелов в подборке статей из газет, журналов и книг, касающихся Туркестана и сопредельных стран, особенно из зарубежных изданий. Отмечалась чрезвычайно завышенная стоимость проекта. Инициаторы рапорта предлагали ограничить составление сборника газетными публикациями, а книги и журналы, купленные в столице, отправлять непосредственно в Ташкент. Н.О. фон Розенбах, основываясь на этих выводах, расторг составленный К.П. фон Кауфманом контракт с В.И. Межовым, мотивируя свой жест недостатком средств, «уменьшением общих кредитов края», присовокупив к этому указание на недостаточную полноту «Туркестанского сборника». Рапорт ташкентских инспекторов был как бы забыт, а имя Н.О. фон Розенбаха осталось в истории Ташкентской публичной библиотеки отмеченным и как восстановителя, спасителя ее фонда, и как человека, в угоду экономии нанесшего «невосполнимый урон» «Туркестанскому сборнику». Вообще сплетен и слухов вокруг имени генерал-губернатора было предостаточно, «общество это любит». В Ташкенте поговаривали и о натянутых отношениях генерала и архиерея. Однако 15.07.1888 г. было торжественно отпраздновано 900-летие крещения Руси.⁴⁹⁰

Н.О. фон Розенбах много занимался вопросами завершения строительства начатого еще в 1871 г. военного Спасо-Преображенского собора, решением всех нюансов по перенесению в его пределы праха К.П. фон Кауфмана. И поскольку в украшении собора помимо М.О. Микешина принимала участие и супруга Н.О. фон Розенбаха, Ольга Ивановна, а в приобретении работ академика для

⁴⁹⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Л. 54.

храма возникали финансовые трудности, в ташкентском обществе стали плодиться по этому поводу новые слухи. Кистью его супруги были выписаны в куполе Собора изображения святых евангелистов и две боковые иконы. Ольга Ивановна (1839 — 1898 гг.), дочь городского головы С.-Петербурга, коммерции советника и дворянина И.Ф. Жербина и М.И. Гладышевой, «пожилая уже особа, но живая и обходительная», по характеристике Н.П. Остроумова, приехала в Ташкент с тремя дочерьми вскоре после приезда супруга. Г.П. Федоров подчеркивал, что Ташкент был в определенном плане избалован, так как Юлия Маврикиевна — супруга К.П. фон Кауфмана — прожила в городе только первые четыре года, затем уехала в С.-Петербург, один жил в Туркестане и М.Г. Черняев. Отсутствие «женского элемента в «Белом доме» упрощало отношение служащих к начальнику края и «избавляло их жен от необходимости ездить с визитами», «тратиться на костюмы». Н.О. фон Розенбах и его супруга, видимо, «намеривались поддерживать в Ташкенте высокий тон». Ольга Ивановна сама первая рассылала приглашения на встречи, вечера, и это провинциальному обществу было непривычным, считалось неприемлемым. Насколько между тем семейная обстановка генеральской четы, «оживлявшая обыденную ташкентскую жизнь вечерами, концертами и различными выставками», имела «немалую цену для ташкентского общества» говорит хотя бы тот факт, что когда десятилетие спустя Ташкента достигла весть о кончине Ольги Ивановны, 8.07.1898 г. в городе была отслужена панихида, а в отправленной Николаю Оттоновичу телеграмме «представители города, администрация, женские учебные заведения и благотворительные учреждения» выражали ему «свою глубокую скорбь по поводу всех поразившей безвременной, невозвратной потери. Ташкент не забывает полезных трудов супруги Вашей и благодарная память сохранится здесь надолго». Ответная телеграмма генерал-адъютанта гласила: «Глубоко тронут выражением сочувствия в своем тяжком горе, приношу Вам всем, почтившим память моей незабвенной жены, сердечную признательность».⁴⁹¹

Н.П. Остроумов в своих воспоминаниях отмечал, что генерал «обращал внимание на внешние знаки почтения», однако был принят хорошо местным населением и пользовался уважением. Местные жители фамилию Розенбах переводили как (бах-сад) «руководитель сада». И хотя, как считали многие,

⁴⁹¹ ЦГА Руз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Л. 6; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 159. Л. 14; ТВ. 1898. № 53.

«уверенность его в своем расположении к нему сартов была преувеличена», он пользовался уважением местного населения и «в общем, заслуживал их внимания к себе». «Генерал Розенбах не выделялся талантом и умственным развитием, он был корректный военный начальник, позволявший подчиненным откровенно говорить с собой и умевший выслушивать докладчика и соглашаться с ним. Он был самоуверен и считал свои распоряжения по краю желательными к населению и выгодными России. Как аккуратный и заботливый немец, он сумел избежать промахов в управлении и действительно крупных и вредных для края распоряжений не делал, и процветание при нем сельскохозяйственных культур поддерживал», — писал Н.П. Остроумов.⁴⁹² За «усердие», «ревностную службу», особую «заботливость» в управлении краем и достигнутые успехи в его развитии Н.О. фон Розенбах был награжден орденами: Белого Орла (13.04.1886 г.) и Св. Александра Невского (30.08.1889 г.).⁴⁹³ Однако отсутствие взаимопонимания и бесконечные трения между Туркестанским генерал-губернатором и руководителями ряда министерств, прежде всего военным министром П.С. Ванновским, вынудило Н.О. фон Розенбаха подать в отставку, которая не сразу была принята императором. В одном из журналов за рубежом появилась карикатура (авторство молва приписывала М.О. Микешину) явно на Н.О. фон Розенбаха, и после ее опубликования генерал-губернатор был вызван в Петербург для отчета о положении дел в крае. И так как это состоялось вскоре после опубликования карикатуры в зарубежной прессе, в обществе многие посчитали ее причиной вызова генерал-губернатора и затем его отставки. Он выехал в столицу 29.09.1888 г. «в подавленном состоянии», без «свойственного ему апломба», замечал Н.П. Остроумов. Вернулся 29.03.1889 г., ему была устроена пышная встреча, а император Александр III объявил 9.06.1889 г. ему «высочайшую благодарность».⁴⁹⁴ Но вскоре «с высочайшего разрешения» генерал-адъютант Н.О. фон Розенбах был «уволен в четырехмесячный отпуск» (с 22.06.1889 г.), затем «ранее окончания срока отпуска по высочайшему повелению последовавшему 17 октября 1889 года» «оставлен в Петербурге впредь до особого распоряжения», а еще ранее назначен членом Военного совета (28.09.1889 г.) с оставлением в звании генерал-

⁴⁹² ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Л. 69 — 70.

⁴⁹³ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 90. Л. 123.

⁴⁹⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Л. 67.

адъютанта и с зачислением по Генеральному штабу, где состоял в распорядительной комиссии по перевооружению армии.⁴⁹⁵

С 21.11.1891 г. генерал-адъютант Н.О. фон Розенбах призван в Государственный Совет. Он был уполномочен сопровождать Вильгельма II в его поездке по России, присутствовал в Департаменте государственной экономики (1891 — 1894 гг.), в департаменте законов (1895 — 1896 гг.), одновременно в 1892 — 1895 гг. состоял членом Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах. По высочайшему утверждению 6.12.1895 г. ему присвоено звание генерала от инфантерии. На высоком посту члена Государственного Совета генерал от инфантерии Н.О. фон Розенбах скончался от «паралича сердца» 5 мая 1901 г. Похоронен на кладбище Воскресенского Новодевичего монастыря.

Н.О. фон Розенбах оставил интересные «Записки», опубликованные в 1916 г. в журнале «Русская старина» (январь-май). Воспоминания охватывают период за 1854 — 1895 годы: служба в армии, участие в подавлении Польского восстания 1863 г., командировка в Восточную Сибирь, проверка положения политических ссыльных (1867 г.), вербовка добровольцев в Сербию (1876 г.), русско-турецкая война (1877 — 1878 г.), экономика и хозяйство Туркестанского края, строительство Закаспийской железной дороги, русская администрация и местное население, отношения с Бухарой, Хивой и Афганистаном и др. вопросы. В 1885 г. был опубликован в С.-Петербурге его труд «О законодательном устройстве областей Русского Туркестана».

Получив известие о смерти Н.О. фон Розенбаха, Туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант Н.А. Иванов немедленно сделал распоряжение о возложении на гроб серебряного венка от Туркестанского края и войск ТВО и отправил на имя дочери покойного, Лидии Николаевны, телеграмму: «Не откажите принять выражение самых глубоких чувств соболезнования и скорби от меня и всех бывших подчиненных Николая Оттоновича. Завтра войска и весь Ташкент будут молиться за упокой души усопшего». Во вторник 8 мая в Спасо-Преображенском Соборе состоялась панихида, на которой присутствовали во главе с главным начальником края все начальствующие и должностные лица. К этому дню эмир Бухары прислал генерал-губернатору Н.А.Иванову телеграмму: «Телеграмму Вашего Высокопревосходительства получил, из которой узнал о

⁴⁹⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 319. Л. 132.

кончине моего старшего друга генерал-адъютанта Розенбаха. Глубоко меня опечалило и сильно сожалею. Сеидь-Абдуль-Ахадь Эмир Бухарский». ⁴⁹⁶

«Стремления» Николая Оттоновича «к улучшению местной жизни», устранению урона, причиненного экономике края, созданию транспортной структуры, совершенствованию сельского хозяйства и всей культурно-хозяйственной жизни принесли «разносторонние реальные результаты», и имя генерал-адъютанта Н.О. фон Розенбаха с «благодарностью сохраняется в истории Туркестанского края», отмечают современные историки. Потомки Розенбахов ныне проживают в России и за рубежом.

⁴⁹⁶ ТВ. 1901. № 37, 10 (23) мая.

ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ Ф.В. ФОН МАРТСОН

Туркестанский генерал-губернатор, временный командующий войсками Туркестанского военного округа, войсковой наказной атаман Семиреческого казачьего войска, генерал от инфантерии Федор Владимирович фон Мартсон родился 16.09.1853 г. в Витебской губернии, в семье потомственных дворян Петербургской губернии. Выпускник Нижегородской военной имени графа Аракчеева гимназии, он начал службу с августа 1870 г. в 1-м военном Павловском училище юнкеров, которое окончил 10.08.1873 г. За успехи в учебе 10.05.1873 награжден Прусской медалью. В

чине прапорщика по армейской пехоте направлен в лейб-гвардии Волынский полк, назначен 20.11.1876 г. исполнять должность заведующего полковым оружием. Принимал активное участие в русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг. Под начальством князя Карла Румынского с 1 по 12 октября 1877 г. находился в составе западного отряда, назначенного в качестве «отряда войск обложения Плевны», с 12.12.1877 г. по 20.01.1878 г. в составе западного отряда участвовал в боевых событиях под начальством генерал-адъютанта И.В. Гурко. За переход через Балканы награжден 10.04.1878 г. орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом; за бои в составе «отряда войск обложения Плевны», за «занятие позиций на Волынской горе около города Плевны» награжден 21.04.1874 г. орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость». За «дела 3 и 5 января 1878 года» под городом Филипполем в составе западного отряда награжден 30.04.1878 г. орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, также за переход через Дунай и отвагу в сражениях награжден Румынским крестом и благодарностью от руководства. С 13.05.1878 г. Ф.В. фон Мартсон был назначен исполнять должность полкового квартирмейстера и с 16.08.1880 г. командирован для дальнейшей учебы в Николаевскую академию Генерального штаба, в которую был зачислен приказом от

13.10.1880 г. После окончания академии Ф.В. фон Мартсон причислен 1.04.1883 г. к Генеральному штабу и назначен в Виленский военный округ, с 12.04.1883 г. ему присвоено звание штабс-капитана. (При выписке из академии было выдано «на первоначальное обзаведение лошадей со всей принадлежностью 300 рублей».) Приказом по войскам Виленского ВО от 2.07.1883 г. Ф.В. фон Мартсон был назначен временно исполнять должность старшего адъютанта штаба 29-й пехотной дивизии, расположенного в г. Риге. Затем с 22.11.1883 г. по 24.10.1884 г. служил офицером для поручений при штабе Виленского ВО. С 24.10.1884 г. по 6.02.1887 г. заведовал передвижениями войск Виленского ВО по Петербургско-Варшавским (от Динабурга до Прусской границы, Либаво-Роменской, Риго-Туккумской, Риго-Динабургской с ветвями на Болдера и Мюль-Грабень и Митавской) железным и водным путям. За «отличие по службе» произведен 20.03.1885 г. в подполковники, и 17.10.1885 г. на него возложено заведывание передвижением по «открытым для движения» участкам Полесских железных дорог. С февраля 1887 г. Ф.В. фон Мартсон переведен заведующим передвижением войск по железным дорогам Нижегородско-Брестского района. За «добросовестную» и «усердную службу» награжден орденами Св. Станислава 2-й ст. (20.03.1885 г.), Св. Анны 2-й ст. (30.08.1888 г.). С 9.04.1888 г. произведен в полковники и командирован в 3-й гренадерский Перновский полк, затем с 12.10.1890 г. назначен на один год «для командования батальоном». По окончании срока командировки за успехи по службе и усердие награжден 30.08.1892 г. орденом Св. Владимира 4-й ст. С 23.02.1893 г. назначен начальником военных сообщений Киевского ВО. Отличные характеристики его деловых качеств и личностных нравственных достоинств, среди которых прежде всего отмечали скромность, высокое чувство долга и ответственности, определяли дальнейшее карьерное продвижение и повышение в чинах: 6.05.1897 г. ему присвоено звание генерал-майора. С 16.08.1899 г. Ф.В. фон Мартсон определен на должность окружного генерал-квартирмейстера Варшавского ВО, которую исполнял до 30.10.1904 г., совмещая ее с временным исполнением должности начальника штаба округа. За годы службы в Варшавском ВО «за усердие и заслуги в деле» награжден орденами: 1.01.1901 г. Св. Владимира 3-й ст., 6.12.1903 г. Св. Станислава 1-й ст., а также Большим офицерским крестом Румынского ордена Звезды (16.04.1899 г.), персидским орденом Льва и Солнца 1-й ст. (1901 г.). В 1904 г. ему присвоен очередной чин генерал-лейтенанта.

В 1904 г. Россия была втянута в войну с японцами. Генерал-лейтенант Ф.В. фон Мартсон, как и брат, генерал-майор Леонтий Владимирович фон Мартсон (12.09.1855 г. — 15.08.1904 г., убит в бою под Ляояном), принимал самое деятельное участие в русско-японской войне. С 30.10.1904 г. по 26.02.1906 г. — начальник полевого штаба 3-й Маньчжурской армии; затем с 26.02.1906 г. по 30.06.1907 г. был командующим 42-й пехотной дивизией и с 30.06.1907 г. по 11.04.1909 г. — командующим 15-го армейского корпуса. За отличия в боевых действиях, храбрость, проявленное мужество и особую заботу о нижних чинах награжден орденами: Св. Анны 1-й ст. с мечами и бантом (16.04.1905 г.), Св. Владимира 2-й ст. (6.12.1909 г.). По завершении военных действий на восточной границе империи генерал-лейтенант Ф.В. фон Мартсон вновь был отправлен на западную и назначен 6.06.1908 г. начальником войсковой охраны и временным генерал-губернатором г. Варшавы и Варшавской губернии. С 11.04.1909 г. назначен также помощником командующего, с 23.10.1911 г. — командующим Виленского ВО. По долгу службы и по поручению руководства неоднократно находился в служебных командировках. За отличную службу и блестящее состояние частей войск, представленных императору в г. Риге при праздновании 3 — 5 июля 1910 г. 200-летия присоединения Лифляндской губернии к Российской империи, вступления армии Петра I в Ригу и освящения открытого в дни юбилея на Александровском бульваре (ныне бульвар Бривибас) памятника императору работы берлинского скульптора Рихарда Шмидт-Касселя, Ф.В. фон Мартсону 5.07.1910 г. объявлена высочайшая благодарность и 6.12.1910 г. присвоено звание генерала от инфантерии. (Памятник Петру I простоял 4 года. В начале Первой мировой войны был демонтирован, разобран на части, эвакуирован и бесследно пропал.) За отличия по службе и успехи в управлении Ф.В. фон Мартсон 17.01.1913 г. избран в состав членов Военного Совета (до 4.10.1914 г.) и награжден: орденом Белого Орла (20.01.1913 г.); бронзовой медалью (21.12.1913 г.) и нагрудным знаком в память 300-летия царствования Дома Романовых (29.03.1913 г.).

Вскоре после того, как 28.06.1914 г. 18-летним сербским студентом Гаврилой Принципом — членом националистической организации «Млада Босна» были убиты эрцгерцог Австро-Венгрии Франс Фердинанд и его супруга София (Сараевское убийство), что послужило поводом для начала Первой мировой войны, 62-летний генерал от инфантерии Ф.В. фон Мартсон был направлен в Ташкент и 4.10.1914 г. назначен Туркестанским генерал-губернатором, временно коман-

дующим войсками Туркестанского ВО и войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска. Он прибыл и вступил в управление краем 27.10.1914 г. «В делах управления краем, — как пишет Н.П. Остроумов, — было много интриг»: в крае ухудшилось «социально-экономическое положение; снизился уровень жизни населения; на военные нужды срочно реквизировали скот, повозки, юрты, кошмы; шла активная заготовка сырья, топлива, продовольствия для промышленности и армии; при значительном повышении цен на продукты, зерно и рис были установлены твердые заниженные цены на хлопок; процветала спекуляция». На долю Ф.В. фон Мартсона выпала большая и трудная работа по мобилизации ресурсов края на нужды войны; по организации размещения военнопленных германской и австро-венгерской армий, прибывавших в край уже с сентября 1914 г. (к марту 1916 г. в крае было сосредоточено до 200 тыс. военнопленных). Многочисленным также был поток беженцев и депортированных с западных районов империи (до 70 тыс. человек). По своей численности они превышали в некоторых городах края местное население, что привело к продовольственному и жилищному кризису, росту эпидемических заболеваний. Их необходимо было размещать, трудоустраивать, обеспечивать продовольствием и медицинской помощью. По указанию генерала по пути следования беженцев были созданы специальные медицинские пункты и пункты помощи, разработан план расселения беженцев в городах Туркестанского края и осуществлялся контроль за его выполнением. Была также выработана и утверждена «Инструкция о порядке пользования трудом военнопленных на принудительных казенных и общественных работах» (1915 г.). Тяготы военного времени, увеличение поземельного налога (с 1914 по 1916 гг. — более чем в 2 раза), дополнительный военный налог на хлопок значительно ухудшали благосостояние населения края, вызывали глухое недовольство и волнения в среде коренных народов.

С первых дней прибытия в Ташкент генерал-губернатор вынужден был также включиться в продолжающееся обсуждение и разработку нового, уже третьего «Положения об управлении Туркестанским краем». Как новый человек в Туркестане, Ф.В. фон Мартсон нуждался в определенном времени для ознакомления с положением дел в нем, мобилизация же в действующую армию значительно сократила число административных работников, часть хорошо знающих край и опытных администраторов отбыли на Западный фронт. Между тем, еще в мае 1911 г. на серьезных преобразованиях в управлении краем настаивал на Особом

совещании по этому вопросу Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов, который считал, что только сильная и единая власть генерал-губернатора, подчиненного непосредственно императору, позволит наладить управление краем, и подчеркивал необходимость предоставить ему такие же права, какими обладал кавказский наместник. Ф.В. фон Мартсон придерживался того же мнения и считал, что Туркестан является краем со своими особенностями, спецификой, сложившимися традициями и укладом быта, которые непременно следовало учитывать при организации управления в регионе. Но работа по составлению нового «Положения...» все более и более затормаживалась. Генерал-губернатор призывал Азиатскую часть Генерального штаба принять во внимание трудности «современных условий» и «примириться с вынужденным замедлением работ». Позднее ему пришлось прямо констатировать, что «закончить разработку проекта ранее мирного времени просто невозможно»: нет необходимых материалов, нет должных работников, времени и просто недопустимо в данной ситуации отвлекать местную администрацию от решения текущих сложных дел по устройству военнопленных, беженцев, снабжению населения продовольствием, что становилось все более сложной проблемой, и сохранению спокойствия в крае. По настоянию Ф.В. фон Мартсона военнопленных с середины 1916 г. стали вывозить с территории Туркестана в центральные районы России. Большое внимание генерал-губернатор уделял вопросам подготовки кадровых военных для нужд фронта. При нем была открыта 1.11.1915 г. Ташкентская школа прапорщиков на 200 человек курсантов для подготовки прапорщиков пехоты в военное время. К середине 1916 г. ситуация в стране обострилась до предела: неудачи на фронте, тяжелое экономическое положение, недовольство политикой царского правительства. К тому же мусульманская фракция Государственной думы все острее выдвигала требование восстановить запрещенное ранее во время реакции (1907 г.) право представительства в думе от населения Туркестана. Это требование также находило отклик среди местного населения и вызывало волнения и акции протеста. Ф.В. фон Мартсон же считал, что коренное население пассивно и проявляет мало стремления «к усвоению русской государственности», что гласные из местного населения «инертны, их не беспокоят дела общества», они используют решения правительства «в своих интересах, являются мало полезными членами думы». Как отмечал Н.П. Остроумов, местное население в ходе первых дней войны «безошибочно учитывало наблюдавшееся им ослабление России».

Генерал-губернатор «грозно предупреждал» о «необходимости сохранить спокойствие и тем доказать прежнюю преданность русскому царю». Но спокойствия в крае не было, везде проходили волнения местного населения, взбудораженного антиправительственной и националистической пропагандой, недовольного заселением русских переселенцев и созданием русских поселков, освоение которых проходило и в годы войны. Жители Ташкента были первоначально спокойны, но затем, «возбужденные рамазаном (июнь-июль)», и они «11 июля поддались национальной агитации», которая уже будоражила население степных и горных районов края. Поводом для массовых выступлений среди местного населения послужило распоряжение царских властей от 15.06.1916 г. о наборе и отправке из числа мужчин «инородческого населения» в возрасте «от 19 до 43 лет включительно» в тыл русской армии для работ «по устройству оборонительных сооружений» и «совершения необходимых для государственной обороны работ». Волнения вспыхивали повсеместно и раньше, особенно сильно в Семиречье (в русских поселках вырезано было до 10 тыс. русских поселенцев), главным образом в Пржевальском уезде, в г. Пржевальске, а также в г. Ходженте и в других, преимущественно в степных и горных районах края. В Петербурге сложившееся положение в Туркестане было поставлено в вину генерал-губернатору Ф.В. фон Мартсону. С 14.06.1916 г. он «с высочайшего соизволения командирован в Петербург по делам службы, 22.06.1916 г. вернулся к занятиям в Военном Совете» и приступил к непосредственным обязанностям. Скончался 3 (по другим сведениям 10) октября 1916 г. Исключен из списков умершим 1.11.1916 г. За годы службы в Туркестане был награжден орденами: Св. Александра Невского (1.01.1915 г.), Бухарским орденом «Искандер Салие» (6.07.1915 г.). Был холост. (ЦГА РУз. Ф. И-1. ОП. 33. Д. 310. Л.125; Ф. И-7. Оп. 1. Д. 921. Л. 44).

ТАШКЕНТСКИЙ ЭРИСТОФАН

И представил себе я рай похожим на библиотеку.

Хорхе Луис Борхес

В отделе редких и старинных изданий Национальной библиотеки Узбекистана в Ташкенте над стеллажами со справочными фолиантами было размещено чуть потемневшее от времени полотно с тщательно выписанным мастерской кистью ленинградского художника Мильмана (по изустным сведениям) портретом пожилого человека в очках — «ташкентского Эристофана», выдающегося библиографа Центральной Азии, признанного книговеда, заслуженного библиотекаря УзССР, ученого-ориенталиста, переводчика, прирожденного педагога, отдавшего «две трети своей жизни воспитанию и обучению молодежи», Евгения Карловича Бетгера, основателя и долгие годы руководителя этого отдела библиотеки. Его имя прочно вписано в историю библиотечного строительства в крае, в историю Национальной библиотеки Республики Узбекистан, в которой «с полным знанием дела им был заложен прочный фундамент той библиотечной структуры, которая в своих главных чертах сохраняется в ней и поныне».⁴⁹⁷

Для поколения молодых ученых и библиотекарей края его имя — идеал профессионализма, широчайшей эрудиции и прекрасных человеческих качеств. Оно стало легендой, обросло мифами, в которых четко проступают искренняя людская любовь, уважение и почитание его таланта-библиофила, преклонение перед его беспредельной преданностью своему делу, стремлением помочь раскрыть богатство книжного фонда перед читателем и..., по возможности, глубоко спрятать от окружающих свои жестокие удары судьбы. Потомок выходцев из Пруссии, Евгений Карлович прожил сложную, трудную и достойную жизнь на земле, ставшей его родиной и его любовью. На вопрос в анкете «Какие местности СССР хорошо знаете?» он напишет: «Туркестан вообще, Ташкент в особенности».⁴⁹⁸

⁴⁹⁷ Авшарова М.П., Виридарский М.С. Евгений Карлович Бетгер. Ташкент. 1960. С. 24.

⁴⁹⁸ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2129. Л. 105 — 106.

Его отец, Карл Богданович Бетгер, родился в России 28.08.1847 г., воспитывался в Митавской гимназии, затем окончил в С.-Петербурге Императорскую медико-хирургическую академию со званием провизора. Приняв в 1870 г. российское подданство, проработал, начиная с этого года, в Ташкенте на разных фармацевтических должностях около 54 лет. Из них: до 1895 г. — военным фармацевтом, затем, сменив И.И. Краузе, на протяжении четверти века состоял управляющим Ташкентской городской аптекой (1899 — 1924 гг.). Среди жителей города прослыл порядочным человеком, отличным семьянином и активным общественником: был выборщиком в Государственную думу 1907 г. Умер в 1931 г. персональным пенсионером УзССР, оставив по себе добрую память у населения края, а Туркестанской публичной библиотеке — свою коллекцию книг по фармацевтике. Супруга Карла Богдановича, Анна Васильевна, была женщиной образованной, начитанной, утонченно воспринимающей окружающий мир. Она передала своим сыновьям романтический настрой души, любовь к музыке, русской литературе, приобщила к православию. Они получили прекрасное воспитание и образование, в том числе и музыкальное. Старший сын, Александр, пошел по стопам отца, окончил в Киеве медицинский институт и стал врачом. Женившись вторично, уехал в Оренбург, работал в управлении Ташкентской железной дороги на станции Чийли. Когда в 1914 г. началась война с Германией, о которой он знал не понаслышке: не один раз на каникулах плавал по Рейну и любовался красотой прибрежных просторов, любил и боготворил ее великих поэтов, впечатлительный Александр не выдержал накала противоречивых чувств и душевного смятения, не устоял под напором вспыхнувшей антинемецкой кампании и покончил с собой. У него остался сын, которого воспитывала Анна Васильевна. Младший сын, Николай, окончил в 1915 г. Киевский университет, работал преподавателем в Ташкентском учительском институте. Любимец слушателей и коллег, веселый, добрый, мягкий, отчаянно-заядлый турист, немало исходивший троп и горных дорог по Туркестанской земле, заразившись тифом, он умер 30.05.1922 г.⁴⁹⁹

Среднему сыну, Евгению, видимо, начертано было прожить за себя и за своих братьев. «Так поразительно целеустремленна и многотрудна была его жизнь, так

⁴⁹⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 90. Л. 13 — 14; Ташкентский городской архив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 232. Л. 1 — 2; Бетгер Н.К. Посещение Макшеватской пещеры в 1916 году // Известия ТОРГО. № 13. Вып. 1. С. 125 — 136.

много успел он в ней сделать», так прочно заложен им фундамент дела, которому отдал всю жизнь. Родился Евгений Карлович 30.06(12.07).1887 г. в Ташкенте, «первоначальное образование получил домашнее». С 1896 г. — ученик подготовительного класса Ташкентской мужской гимназии, с 1905 г. — студент Московского университета. Но революционные события года вызвали временное закрытие университета и возвращение недавно принятого студента в Ташкент. В августе 1906 г. Евгений вместе с отцом совершает турне по Германии, Франции, Швейцарии и в октябре становится слушателем исторического отделения философского факультета старинного Гейдельбергского университета. Летом 1909 г. к нему приезжают братья, и они вместе путешествуют по Рейну. В том же 1909 г. начинается студенческая жизнь младшего брата, Николая. Евгений Карлович, чтобы быть вместе с ним, переводится в Киевский университет, становится — студентом историко-филологического факультета университета, а Николай студентом естественного отделения физико-математического факультета. В Киеве жила их тетьа Ольга Богдановна, которая опекала и поддерживала племянников. Университет Евгений Карлович окончил 28.05.1914 г. с дипломом первой степени за № 21066 / 3055.⁵⁰⁰

Время не сохранило достаточных сведений о годах учебы. Известно, что в Киеве Евгений Карлович вступил в брак с дочерью уманского мещанина Ниной Дмитриевной Тимошенко (2.10.1894 г.). Брак, заключенный 30.06.1914 г., чрезвычайно быстро распался. Молодая певица и музыкант не хотела ехать в далекую туркестанскую провинцию (а может на их семейных отношениях также отразилась атмосфера политического кризиса в отношениях между Германией и Россией, которой дышала Европа). Но до конца жизни годы учебы оставили свой след в крепкой дружбе с сокурсниками-киевлянами, «клыками будущего», как они называли себя (Н.Ф. Яницкий, М. Зуммер, Нильсон, О.Ю. Шмидт, через него позднее с супругами Демущими. Д.П. Демущий — заслуженный деятель искусств Узбекистана (1944 г.) и Украины (1954 г.), кинооператор, среди его картин — «Насреддин в Бухаре», «Похождения Насреддина», «Т.Г. Шевченко», «Арсенал» и др.). Удивительно преданной была дружба и с сокурсниками по гимназии (Л.В. Ошанин, М. Биркин, Гюнтер, А.В. Панков, Д.С. Граменицкий, В.Г. Каллаур и др.). Кандидат права Василий Григорьевич Каллаур отметит в своей записи о Е.К. Бетгер от 5.06.1956 г.: «Евгений Карлович был скромный, трудолюбивый

⁵⁰⁰ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1868. Л. 1.

юноша. Эта особенность осталась в нем до последних дней жизни. <...> Глубоко начитанный, обладая редкой памятью и огромной эрудицией, <...> серьезный историк-краевед, он был душой среди оставшейся горсточки его товарищей по гимназии. Прекрасный рассказчик, жизнерадостный, остроумный, он был всегда желанным гостем наших встреч». Сестра Д.С. Граменицкого, доцента исторического факультета САГУ, Мария Сергеевна вспоминала: «Евгений Карлович отличался необычайной жизнерадостностью, способностью на всякие неожиданные и веселые выдумки. Тонкий ценитель музыки, он сам музицировал, не пропускал ни одного концерта, ни одной лекции, сочинял музыку, писал стихи, организовывал шарады, домашние концерты, ставил спектакли. Во время студенческих каникул летом в горах, он был неизменным участником прогулок друзей на перевалы, водопады, истоки рек, глубокие озера и горные ущелья. Из студенческой жизни пронесли они в самостоятельную лучшие ценности молодости: чистоту чувств, искренность и непосредственность нравов, стремление и смелость стоять на защите исповедуемой правды».⁵⁰¹

С 1.08.1914 г. Евгений Карлович, «желая занять должность преподавателя в Туркестанском учебном округе» (как он писал в своем прошении от 2.06.1914 г.), зачислен преподавателем русского языка в параллельных классах мужской гимназии, а после ее закрытия в 1918 г. — в школе им. Мушкетова.⁵⁰² В 1915 г. в Ташкент возвращается Николай, он становится преподавателем физики и естественной истории в Ташкентском учительском институте и вскоре вступает в брак с Варварой Петровной Остроумовой — дочерью священнослужителя Троицкой церкви. Скоропостижная смерть Николая в 1922 г. обрывает их счастливый союз. Время спустя, тяжело пережив смерть мужа, Варвара Петровна вместе со своей матерью Нонной Николаевной станет жить в семье Евгения Карловича и его жены Евгении Петровны Остроумовой — своей родной сестры. Хрупкие плечи Варвары Петровны примут еще много невзгод, страданий и потерь. Она останется единственным близким Евгению Карловичу человеком в последние годы его жизни, его «ангелом хранителем» и... выбросит после его смерти на мусорную свалку все его документы, рукописи, книги, фотографии. Но это протестовал уже ее не выдержавший разум. Коллеги Евгения Карловича в буквальном смысле слова спасли материалы и книги своего старшего товарища

⁵⁰¹ ЦГА РУз. Ф. 412. Оп. 1. Д. 2. Л. 121.

⁵⁰² ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1868. Л. 1 — 8.

и учителя, выбрав их из свалки и сосредоточив в отделе старинных и редких изданий библиотеки. В 1963 г. большая часть не разобранных материалов была передана в ЦГА РУз, где к 1973 г. была закончена их научно-техническая обработка, составлена опись на 566 единиц хранения. Вторая часть архива — 70 единиц, отражающая в основном личные документы Евгения Карловича, продолжает храниться в том же отделе библиотеки.

Если с 1914 г. началась, по сути, никогда не прекращавшаяся педагогическая деятельность Евгения Карловича, то начало библиотечной карьеры молодого специалиста определило его вступление в 1915 г. в число членов старейшего в Туркестане (с 1889 г.) научного общества — Туркестанского отдела Русского географического общества (ТОРГО). До конца дней оставаясь его членом и бескорыстно выполняя различные обязанности: библиотекаря (1915 — 1919 гг.), казначея, члена правления, Е.К. Бетгер формируется как краевед и библиотеквед. Библиотека ТОРГО была одной из лучших научных библиотек Ташкента, включала до 10 тысяч томов и была в то время единственной, где проводилась библиографическая работа. Правление ТОРГО делегировало Евгения Карловича в 1917 г. в состав Наблюдательного комитета Туркестанской публичной библиотеки — коллегиальный орган по руководству ее деятельностью, состоящий из представителей общественных организаций. С Туркестанской публичной библиотекой Е.К. Бетгер познакомился еще раньше, во время студенческих каникул, выполняя по поручению ее директора А.Ф. Орла техническую работу. Знакомство с таким крупным книгохранилищем не могло не содействовать формированию интереса к библиотечной работе, хотя и не учило ее навыкам.⁵⁰³

В общественной жизни Туркестана в 1917 г. царил атмосфера революционного хаоса. Наблюдательный комитет библиотеки доживал последние дни. На его последнем заседании 18.05.1918 г. было принято решение о коренной реорганизации библиотеки, для чего была создана специальная комиссия, в состав которой вошел и Е.К. Бетгер. Ему, как лицу, обладавшему «столь редким в республике» сочетанием «педагогического стажа, организаторских способностей и специального опыта в библиотечном деле», было предложено войти в штат библиотеки. Своим согласием на это предложение Евгений Карлович на всю оставшуюся жизнь — на протяжении почти четырех десятилетий — связал свою

⁵⁰³ ЦГА РУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 36; Д. 40. Л. 3, 70, 159; Крайнович А. Материалы для биографии ученого и библиотекведа Е.К. Бетгера. Ташкент. 1967. Рукопись. С. 8.

судьбу с Туркестанской публичной библиотекой. Осенью 1919 г. в библиотеке начнет работать и юная Евгения Петровна Остроумова (по матери Ошанина) — будущая супруга Евгения Карловича.⁵⁰⁴

Состояние библиотеки в те годы, по определению В.В. Бартольда, много работавшего с ее рукописным фондом и связанного с ней до конца своей жизни, было «плачевным». Для наведения порядка, по решению комиссии, она была временно закрыта и отделена от музея, при котором она находилась ранее. С весны 1918 г. в Ташкенте был открыт народный университет, и библиотека была передана в его ведение. Для решения вопросов научно-библиографического характера с ноября 1918 г. в ней была учреждена Коллегия библиотеки (Совет библиотеки, 1921 — 1929 гг., затем — Ученый совет). Евгений Карлович неизменно находился в составе Совета и долгое время (9.11.1929 г. — 1.04.1947 г.) был его Ученым секретарем.⁵⁰⁵ В соответствии с Постановлением СНК Туркеспублики от 14.04.1919 г. при Наркомпросе также был создан Библиотечный отдел, наделенный большими полномочиями. Евгений Карлович был включен в состав служащих отдела и выполнял в нем функции инструктора по библиотечному делу, а с 12.05.1919 г. назначен его руководителем, совмещая эту должность с работой в библиотеке. Помимо общего руководства развитием библиотечного дела в крае в задачу отдела входило создание и учет массовых, детских библиотек, читален для различных национальных и социальных групп населения, инструктирование периферийных библиотек по вопросам классификации и каталогизации печатных изданий.⁵⁰⁶ Кроме того, Библиотечный отдел в августе-сентябре 1919 г. по инициативе Евгения Карловича организовал впервые в Ташкенте библиотечные курсы, подготовившие 40 работников библиотек. Он сам разрабатывал программу, читал лекции по истории книги, библиографии, вел один из сложных курсов о предметном каталоге. С 24.10.1924 г. по апрель 1925 г. при библиотеке СНК была создана под председательством Е.К. Бетгера «Центральная библиографическая комиссия», ее цель — объединение всей библиотечной работы в крае, централизация библиотечного дела, введение десятичной системы классификации.⁵⁰⁷

Комиссия проработала недолго, но успела выпустить несколько библиографических указателей. После национального размежевания Центральной Азии в Таш-

⁵⁰⁴ ЦГА РУз. Ф. 412. Оп. 1. Д. 612а. Л. 21; Ф. 34. Оп. 1. Д. 580. Л. 15.

⁵⁰⁵ Массон М.Е. Памяти Евгения Карловича Бетгера // Труды САГУ. Вып. СХІ. 1957. С. 4.

⁵⁰⁶ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 261. Л. 156 — 157; Ф. 412. Оп. 1. Д. 5. Л. 238 — 239; Д. 6. Л. 122, 142.

⁵⁰⁷ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1000. Л. 7 — 8.

кенте в 1926 г. было образовано «Центральное Среднеазиатское объединение научных и академических библиотек города Ташкента» также под руководством Е.К. Бетгера. Объединение приглашало из центра опытных библиографов, организовало шесть библиотечных семинаров, делегировало своих представителей на Всесоюзные совещания в центральные города страны, неоднократно участником которых был и Е.К. Бетгер. На 1-й и 2-й Конференциях научных библиотек в Ленинграде Е.К. Бетгер был членом президиума и в своих выступлениях особое внимание уделял каталогизации восточных библиотек. Ташкентским библиотечным объединением Е.К. Бетгер был делегирован в 1924 г. на 1-й Всероссийский библиографический съезд в Москве, входил в состав его Президиума и был председателем от провинции. На 2-м Всероссийском библиографическом съезде (Москва, 1929 г.) Евгений Карлович выступил со специальным докладом «Роль библиотек в организации работ по краевой библиографии», который привлек внимание общественности широкой постановкой вопроса о научном и государственном значении краеведческой библиографии. Е.К. Бетгер был также делегатом 1-го Библиотечного Съезда РСФСР (1924 г.) и Всероссийского библиотечного совещания (1948 г.). Самое деятельное участие Е.К. Бетгер принимал во всех республиканских конференциях и собраниях библиотечных работников.⁵⁰⁸ С предельным энтузиазмом улавливал он все новое не только в союзной, но и в мировой практике библиотечной работы и стремился внедрить в свой деятельности. Вольно или невольно, но Евгений Карлович оказывал сильное влияние на развитие всего библиотечного дела в Туркестане. При этом его трудоемкая административная и общественная работа была сопряжена с работой и деятельным участием в жизни Туркестанской публичной библиотеки, директором которой он по представлению Ученого совета, как «бывший помощник директора библиотеки, библиофил и знаток библиотечного дела», был назначен 10.06.1922 г.⁵⁰⁹

Он тщательно разрабатывает план реорганизации структуры библиотеки, ходатайствует о строительстве здания книгохранилища и занят вопросами разработки его проекта, устанавливает широкие деловые связи с ведущими библиотеками европейских государств и Америки. Коллектив библиотеки в эти годы стал членом Международной библиотечной ассоциации. Но Туркестан, как и вся страна, пережи-

⁵⁰⁸ Труды II Всероссийской конференции научных библиотек. Стенографический отчет. Л. 1929; Бетгер Е.К. Отчет Туркестанской государственной библиотеки за 1924 год. Ташкент. 1925. С. 39; Труды II Всероссийского библиографического съезда. М. 1929.

⁵⁰⁹ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 710. Л. 47; Туркестанская правда. 1922. № 46/202. 14 сентября.

вал в то время большие трудности: разрушительными волнами прокатились первая мировая и гражданская войны, осиповский мятеж, национализация, коллективизация, экономическая разруха царила во всем. Библиотека задыхалась от хронического отсутствия средств, что «не позволяло ей иметь не только отопление, но и освещение», малочисленности обслуживающего персонала и политических интриг. Перегруженность текущей работой — вот тот лозунг, под которым проходила деятельность библиотеки по всем отделам. Е.К. Бетгер в совершенстве владел узбекским языком, был зачислен даже одно время ассистентом кафедры узбекского языка САГУ, но, как ответственный работник центрального книгохранилища края, как краевед-туркестановед, стремящийся к углубленному изучению природы, быта, языков, истории народов края, он без отрыва от своих напряженных служебных и общественных обязанностей с 1920 по 1924 гг. прошел полный курс востоковедческих наук и получил диплом об окончании восточного факультета САГУ (диплом от 21.12.1924 г. № 1191). Специализацию проходил под руководством ученого с мировым именем — арабиста, исламоведа, профессора А.Э. Шмидта. Его дипломная работа «Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-ль-Касыма и Н-Хаукаля», содержащая интересные исторические и географические данные о Мавероунахре X в., получила высокую оценку известного среднеазиатского востоковеда А.А. Семенова и была опубликована в 1957 г. в сборнике «Труды САГУ» (Вып. CXI. 1957 г. С. 13 — 39). В 1934 г. он поступит также в вечерний институт марксизма-ленинизма, который окончил в 1936 г. Вместе с Е.К. Бетгером училась на восточном отделении университета и Евгения Петровна Остроумова. Учеба еще больше сблизила его с будущей супругой — «маленькой Женей», как ее называли в семье. Большой любитель путешествий, Евгений Карлович много исходил и изъездил по Центральной Азии, и почти всегда его постоянной спутницей была Евгения Петровна, «человек умный, чрезвычайно живой, общительный и остроумный». Иногда их поездки с археологическими и этнографическими целями заканчивались казусными ситуациями. Так, в 1924 г. их, студентов 4-го курса, во время фотографирования памятников древности в окрестностях пограничного города Ош задержали «бдительные» пограничники. Потребовалось вмешательство профессоров А.Э. Шмидта и А.А. Семенова, чтобы все подозрения в «шпионских действиях» любознательных путешественников были сняты.⁵¹⁰ Научные поездки совершались

⁵¹⁰ ЦГА РУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 52. Л. 24 — 39; Ф 837. Оп. 32. Д. 4117. Л. 68; Статья Е.К.Бетгера в соавторстве с Н.Д. Леоновым «О некоторых ферганских памятниках старины» // Бюллетень САГУ. 1925. № 11. С. 215 — 218.

также в районы Маргелана, Андижана, Коканда, Бухары, впечатления о них были опубликованы в печати. Поженились Евгений Карлович и Евгения Петровна в 1926 г. Все двадцать два года их совместной жизни позволяют сказать: «Они были счастливы в браке». Но жизнь, наполненная чувством взаимной любви и уважения, стремлением к знаниям и полной отдачей любимому делу, была к ним жестокой. Евгения Петровна преподавала арабский язык на восточном факультете САГУ, занималась переводами. «Мы помним ее, — напишет ее бывший студент, директор Института восточных рукописей АН Узбекистана профессор А.П. Каюмов, — как очень милую, обаятельную женщину, всегда внимательную к студентам, влюбленную в свой предмет. Чета Бетгеров в представлении нашего поколения научных работников являет собой символ преданности и увлеченности своим трудом, честных и неутомимых тружеников науки».⁵¹¹ Из-за тяжелого недуга Евгения Петровна была вынуждена отказаться от работы. Туберкулез медленно подтачивал силы. Она пыталась сопротивляться обстоятельствам, даже поступила на английское отделение заочного института иностранных языков, но дошла только до третьего курса, сильно переживала по поводу своего состояния и стремилась его тяжесть скрыть от окружающих, прежде всего от Евгения Карловича.

Атмосфера в городе между тем становилась все более и более напряженной, в стране нарастала очередная волна репрессий, все плотнее сгущались тучи над корпусом ученых-востоковедов Ташкента, едва ли не самым сильным в Союзе, но «не владеющим единственно правильным методом» марксистско-ленинского исторического анализа. Арестован учитель и наставник Е.К. Бетгера — и не только по университету — А.Э. Шмидт. Многочисленные документы, хранящиеся в архивах Республики Узбекистан, свидетельствуют о безграничной преданности Евгения Карловича своему делу, плодотворности его труда и бескорыстной любви к книге. Но приказом Наркомпроса УзССР от 16.04.1929 г. он «освобождается» от должности директора с оставлением в должности заместителя директора (с 1918 по 1929 гг. в библиотеке сменилось 3 директора, с 1929 по 1940 гг. — 12 директоров). Во главе библиотеки был «поставлен» Н.С. Чернов, человек порядочный, поспешивший своим первым же приказом отметить, что для Е.К. Бетгера «ставка директора будет сохранена» (Приказ № 32, 1929 г.). Однако уже 10.10.1929 г. он был вынужден отменить старое штатное расписание. Согласно же принятому заново

⁵¹¹ Каюмов А.П. Е.К. Бетгер и восточные рукописи // Евгений Карлович Бетгер (по материалам конференции к 110-летию со дня рождения). Ташкент. 2001. С. 10 — 12.

штатному расписанию Евгений Карлович числится уже главным библиографом, позднее главным библиотекарем, заведующим хранения, заведующим библиографическим кабинетом и даже... помощником заведующего этим кабинетом. Сегодня можно только предположить, что очередная антинемецкая кампания в Союзе, которую вызвал набиравший в Германии силу фашизм, и судебный процесс, проходивший в Ташкенте в 1931 г. над выдающимися учеными востоковедами А.А. Семеновым, А.Э. Шмидтом, М.Е. Андреевым, Д.С. Граменицким и др., с которыми Евгения Карловича связывала многолетняя дружба, тесные деловые отношения и научные интересы, не прошли для него бесследно. Позднее он еще 24 раза будет назначаться временно исполняющим обязанности директора библиотеки и 8 раз — обязанности его заместителя. Но в те годы он был отстранен от административной работы и ограничен в научной. Его работы не публиковались, почти исключена общественная деятельность. Однако работал он много, в основном занимаясь своей любимой библиографией, организацией курсов по каталогизации и вопросами изменения структуры библиотеки. Именно тогда он заканчивает разрабатывать свой план внутренней реорганизации библиотеки. Новая структура библиотеки была установлена 15.07.1929 г. и окончательно сформирована к 1935 г.⁵¹² Покидая библиотеку в августе 1930 г., Н.С. Чернов «посчитал своим долгом отметить» в числе других научных сотрудников библиотеки «полезную служебную деятельность по проведению реформы библиотеки Е.К. Бетгера» (приказ № 50, 1930 г.). Возможно, не только чувство благодарности руководило им при издании этого приказа, но и стремление защитить, обезопасить опального труженика. В годы репрессий и последовавшие за ними тяжкие военные годы Евгений Карлович свой творческий потенциал и неумную энергию реализует внутри библиотеки. Явному отстранению он противопоставляет открытую самоизоляцию и фактически руководит перестройкой структуры библиотеки, главным в которой положен принцип уважения к человеку. Он внедряет новые методики хранения фондов, классификации и описания литературы, составления указателей и каталогов, пересматривает весь двухмиллионный фонд книгохранилища, выделяет в самостоятельные фонды краеведческую литературу, литературу на узбекском языке, а из наиболее редких, ценных и старинных публикаций годами формирует отдел редких и старинных изданий, которым и руководит последнее десятилетие своей жизни. В личном фонде профессора Г.Н. Чаброва в ЦГА РУз хранится его

⁵¹² Бетгер Е.К. Три четверти века культурной работы. Ташкент. 1945. Рукопись. С. 93 — 94.

работа «Е.К. Бетгер о принципах построения и методах работы отделов старинной и редкой книги». Он проводит всю работу с большой любовью, с особым эстетическим чувством и аккуратностью, содействуя превращению библиотеки в региональный центр информации, духовной мысли, духовного общения, в дом, куда людям хотелось приходить. Отдавая должное его деятельности, очередной директор библиотеки А. Кадыров в своем письме в Комиссию содействия ученым при СНК УзССР от 3.11.1932 г. отмечал: «ученый секретарь библиотеки т. Бетгер по своей научной квалификации, стажу и ценности достоин быть отнесен к разряду ценных для республики научных работников». В эти годы библиотека становится в республике основным местом концентрации рукописных текстов на арабском, персидском, турецком языках. Официально она была объявлена «Центральным рукописохранилищем» 25.04.1933 г. Но специалистов для работы с текстами не хватало, восточный факультет САГУ закрыт, преподаватели, ученые-востоковеды высланы после суда из города, часть из них уехали навсегда, некоторые, отбыв ссылку, вернулись в Ташкент. И тогда опальные востоковеды А.А. Семенов и А.Э. Шмидт, отбыв срок высылки, приступили в 1934 г. к работе в отделе восточных рукописей библиотеки, там же работали и востоковед А. Молчанов, и «один из последних представителей старых туркестанских автодидактово-книжников», который был, как отмечал Е.К. Бетгер, своего рода «ходячей энциклопедией всего того, что касалось среднеазиатских рукописей, литографий и миниатюр» Ибадулла Абидов. Этот квалифицированный коллектив проводил большую работу по описанию восточных рукописей и составлению их каталога. Евгений Карлович принимал в ней самое деятельное участие. С целью подготовки кадров для работы с восточными рукописями в библиотеке в 1938 г. был открыт «Институт практикантов» на 8 человек. Е.К. Бетгер 17.05.1938 г. назначается на должность преподавателя арабского языка, а затем с ноября 1940 г. — заведующего учебной частью этого «Института» (аспирантуры, как его называли позднее). По инициативе библиотеки 21.03.1940 г. проходит совещание ташкентских востоковедов с участием представителей Института востоковедения АН СССР. Вместе с ведущими ориенталистами тех лет Е.К. Бетгер подписывает «Докладную записку о необходимости открытия в Ташкенте востоковедного вуза».⁵¹³

Деятельность Е.К. Бетгера была многогранной и не ограничивалась только

⁵¹³ ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 22. Д. 4. Л. 172 — 175; Ф. 412. Оп. 1. Д. 86. Л. 6; Ф. 2740. Оп. 2. Д. 210. Л. 11 — 24.

работой с восточными рукописями. Параллельно на курсах повышения квалификации библиотечной работы он ведет несколько предметов, в 1941 г. его вновь назначают (до 1944 г.) заместителем директора по научной части. Видимо тогда профессор М.Е. Массон напишет свой «Отзыв об общественно-научной деятельности библиографа Е.К. Бетгера как краеведа-исследователя», сохранившийся черновик которого не датирован. Ученый отметил, что «имя этого библиографа известно не только в СССР, но и за границей», так как Е.К. Бетгер «с постоянной готовностью шел навстречу всей своей огромной эрудицией различным начинаниям в области разработки тех или иных научных вопросов, иногда большой практической важности», и очень часто «является незримым помощником в научных исследованиях в самых различных областях знаний», <...> «используя свой накопленный опыт работы над книгой как литературным источником, он, быстро ориентируясь в задачах, поставленных исследователями, не затмевая последних, помогал критически охватить собранные данные и, что особенно важно, подсказывал новые точки зрения», <...> большое число специалистов обязано ему результатами своего успеха в изучении поставленной проблемы, а <...> в изданиях, вышедших как в Союзе, так и за рубежом на многих европейских языках заключены бесчисленные ссылки на его труды «упоминание его фамилии». Профессор ходатайствует о присвоении Евгению Карловичу без защиты диссертации ученой степени кандидата педагогических наук.⁵¹⁴ Однако кандидатскую диссертацию Е.К. Бетгер защитил на историческом факультете САГУ 1.06.1943 г. на тему «Дневник А.И. Бутакова как материал для его биографии и для истории изучения Аральского бассейна» (Правда Востока. 1943 г. № 114. 29 мая). Успешная защита диссертации не принесла материального достатка. Большой семье Бетгер жилось нелегко, в ней всегда жили родственники: сестра жены и жена умершего младшего брата Варвара Петровна, теща Нонна Николаевна, племянники по линии жены, другие родственники, эпизодически друзья. В военные, страшно тяжелые годы семья стойко переносила все трудности. Именно в эти годы, когда лампочки и карандаши стоили очень дорого, когда бюджет библиотеки был ничтожно мал, Е.К. Бетгер приобрел для библиотеки две редчайшие и дорогие книги «Остромирово Евангелие» и «Немецкую библию». По изустным сведениям бывшего сотрудника научного отдела библиотеки Светланы Николаевны Маториной, крупнейший коллекционер из Таллина, бежавший от фаши-

⁵¹⁴ ЦГА РУз. Ф. 2773. Оп. 1. Д. 390. Л. 1 — 2; Ташкентский городской архив. Ф. 38. Оп. 3. Д. 232. Л. 1.

стов, добрался вместе с дочерью до Ташкента, бывал в библиотеке, познакомился с Е.К. Бетгером, жил некоторое время во дворе библиотеки. Возможно, эти редчайшие книги были приобретены у него. В эти годы представители научной, технической и творческой интеллигенции, эвакуированные из западных и центральных районов страны, невольно способствовали превращению Ташкента в один из крупнейших научных центров. Они быстро устанавливали тесные контакты с библиотекой и лично с Евгением Карловичем, человеком энциклопедических знаний, высокой культуры, который «отличался феноменальной библиографической памятью», был страстным любителем художественной литературы, интересным собеседником и легко сходилась с людьми. В тетрадке с заглавием «Писатели — Публичной библиотеке, январь 1942 года» на шершавой, с легким коричневатым оттенком бумаге военного времени оставили теплые слова своей благодарности К. Чуковский, А. Толстой, Н. Тихонов, Б. Лавренев, Я. Колос, академик В.П. Филатов и другие. На первой страничке рукой К. Чуковского написано: «В Москве, в Ленинграде, в Харькове, в Киеве, в Лондоне, в Дублине, в Осло, в Стокгольме много видел я на своем веку замечательных библиотечных работников. К их славной плеяде по праву принадлежит Е.К. Бетгер, великий книголюб и книгоцел, отдавший свою неутомимую жизнь на служение книге. Мы писатели, <...> никогда не забудем радушия, с которым Евгений Карлович и все его сотрудники встречают каждого из нас, большого и малого в стенах своей чудесной библиотеки, в которую вложено им столько любви и труда». Композитор Н. Богословский, который неоднократно «приезжал в Ташкент с фронтов», особенно «будучи отпущен командованием Карельского фронта для работы над фильмами «Александр Пархоменко» и «Два бойца», прожил в Ташкенте полгода и часто виделся с Евгением Карловичем», посвятил ему, «большому знатоку и ценителю музыки, поклоннику театра и оперного искусства», ко дню его рождения шуточную кантату и торжественно ее исполнил.

Но в то же время... В субботу 27.05.1944 г. состоялось торжественное чествование Е.К. Бетгера в связи с 25-летием его непрерывной работы в Публичной библиотеке, которое устроили научная общественность города и коллектив библиотеки. Выступая на вечере, директор библиотеки отметил, что «благодаря деятельности Е.К. Бетгера — основного работника, крупнейшего специалиста и организатора работы коллектива, старая, консервативная система библиотечного дела <...> подверглась реформированию в соответствии с требованиями библио-

течной науки Европы и Америки» и «благодаря этому библиотека стала в ряду передовых научных библиотек СССР». Директор ходатайствует о «присвоении Е.К. Бетгеру звания» Заслуженный деятель науки УзССР и установлении ему персональной пенсии. Ходатайство просто осталось без ответа. Через год 25 — 27 июня 1945 г. торжественно отмечался 75-летний юбилей Государственной публичной библиотеки УзССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР «за многолетнюю плодотворную деятельность в области библиотечного дела в связи с 75-летием чествования Государственной публичной библиотеки Узбекской ССР» были награждены многие ее сотрудники. Е.К. Бетгера в списке награжденных не было. Сохранилась фотография тех лет: Евгений Карлович — единственный без награды из всех, запечатленных на фото, сидит в центре, в окружении своих награжденных учеников и последователей. Политические руководители республики и страны видели только родовые корни Е.К. Бетгера, а рядовые сотрудники библиотеки различных национальностей отмечали и ценили его подлинный гуманизм, бесконечную преданность науке, знаниям, верность своему делу. Е.К. Бетгер стойко переносит все эти тягостные ситуации. К юбилею им была закончена рукопись «Три четверти века культурной работы» (Т. 1945 г. С. 145. Машинопись) — исторический труд о Публичной библиотеке и развитии библиотечного дела в республике. На юбилейных торжествах он выступил с докладом «Старинные и редкие издания в ГПБ» (подготовил и частушки «на злобу дня»). Его поддерживала теплота человеческих отношений, он всегда чувствовал понимание и уважение со стороны своих коллег, друзей, учеников. Позднее ему будет присвоено звание «Заслуженный библиотекарь УзССР» (3.03.1953 г.), он будет награжден бронзовой медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (2.08.1946 г.), а тогда положение «потомка выходцев из Пруссии» четко и зримо отражало особенности политики в стране. Не случайно кто-то из исследователей сделает прямо на архивных материалах Евгения Карловича запись: «Общественные и научные явления в России и в Европе — фон, на котором развертывается содержательная жизнь и деятельность ученого». Давний друг семьи Бетгер В.М. Демущкая запишет в своих воспоминаниях: «Я была на юбилейной сессии библиотеки. Порадовалась и огорчилась за Евгения Карловича».

А он как всегда много и плодотворно работает: в библиотеке, по совместительству в САГУ, в Институте восточных рукописей АН УзССР (1947 — 1949 гг.). Тяжело больна Евгения Петровна, нет дефицитных лекарств. Евгений

Карлович прилагает все усилия, чтобы поддержать, спасти жену. Он обращается за помощью к О.Ю. Шмидту, пишет письмо к академику В.П. Филатову, переходит на основную работу в Институт восточных рукописей (что давало лимитный паек и позволяло лучше кормить Евгению Петровну), оставаясь в библиотеке по совместительству. Но болезнь прогрессировала. Скончалась Евгения Петровна 18.05.1948 г. «Ее болезнь и смерть Евгений Карлович перенес очень тяжело». «Похоронили мою Женечку на нашем «родовом» месте, где, по-видимому, скоро и я упокоюсь рядом с ней. Каждую неделю по субботам или воскресеньям хожу на ее могилу. Это стало какой-то потребностью», — пишет он в Киев 10.11.1948 г. своим друзьям Демущким. Всю свою любовь он отдает «Люленьке», так ласково называли в семье их единственную дочь Юлию. В 1946 г. она окончила школу и поступила на географический факультет САГУ (письмо Д.П. Демущкому от 18.10.1946 г.). 30.10.1948 г. она вышла замуж за студента геологического факультета Михаила Авакова, «человека очень порядочного, доброго и дельного, бывшего фронтовика, геолога по нефти» (письмо Н.Ф. Яницкому, директору Российской книжной палаты, 21.11.1948 г.). Оба они много занимались, были очень дружны с Евгением Карловичем. «Но уже с марта 1949 года моя Юленька», как пишет Евгений Карлович в очередном письме Н.Ф. Яницкому, стала прихварывать в связи с «положением». Беременность вскоре прервалась, и все закончилось пребыванием в клинике. Вторая беременность — повторение сценария первой. Юля 18.09.1951 г. «отлично защитила» дипломную работу на тему «Сарыкамышская впадина и история ее изучения», стала готовиться к госэкзаменам, которые должны были состояться 8 октября. Но состояние здоровья резко ухудшилось. Тревожные дни в клинике сменялись относительным благополучием, возвращением домой и новыми походами в больницу. Ее не стало 21.01.1952 г. «Юля пала жертвой общего санитарного невежества, в том числе и моего, похороны ее вылились в своего рода демонстрацию общего сочувствия к моей семье и ко мне. Теперь жизнь моя вовсе стала неперспективной», — напишет Евгений Карлович Демущким.

Смерть дочери окончательно подорвала его здоровье и — главное — лишила внутреннего стержня, смысла жизни. «Осталась только работа. Я одинок, живу где-то на отлете, где ничего нет интересного, кроме книг» (письмо Н.Ф. Яницкому 19.02.1952 г.). «Остались только книги», с ними он не расстанется почти круглые сутки, благо, что квартира находится во дворе библиотеки, а от хранилища имеется

своей ключ. Друзья и коллеги окружают Е.К. Бетгера заботой и вниманием. Профессор М.Е. Массон зачисляет его «Почетным членом кафедры археологии САГУ», и Евгений Карлович как-то по-особому всегда был рад приглашению на встречу со студентами. Московские и киевские друзья приглашают его приехать на лето. Он благодарит за внимание и сначала решает, как отмечает в письме Н.Ф. Яницкому 27.05.1952 г., что ему нужно съездить «на недельку в Ленинград, в архив Географического общества и частично заглянуть в Военно-морской архив по поводу Бутакова, так как нужно расследовать один важный вопрос из его биографии». Но затем меняет план. Едет в Москву, затем в Ленинград и Киев. Правда, в Киев попадает вынужденно. Из Ленинграда невозможно было достать железнодорожные билеты на Ташкент. И тогда он решает ехать в Киев и уже оттуда в Ташкент. Не окажись этой летней билетной неурядицы, возможно, Евгений Карлович не сделал бы того открытия, что окончательно восстановило историческую и научную справедливость в отношении первоисследователя Аральского моря А.И. Бутакова.

В Москве он встретился со «старыми друзьями», состоялось свидание с «дорогим другом» Отто Юльевичем Шмидтом. Но главное: он сделал открытие в Ленинской библиотеке — «разыскал 29 томов продолжения «Туркестанского сборника», 591 том которого составляют гордость нашей библиотеки. Об этом продолжении никому до сего времени не было известно. По приезде сюда (Ташкент), я долго занимался этим вопросом, имеющим для нашего узбекистанского краеведения первостепенное значение. Только недавно я сделал об этом доклад и теперь мне предстоит написать об этом статью. Я, собственно говоря, никак не думал, что обеспокою своим пребыванием моих дорогих киевлян столь долгое время. Но вышло так, что я сделал в Киеве вторую научную находку: именно в Публичной библиотеке отыскал рукопись 1-й части «Дневника» Бутакова за 1848 год. Это обстоятельство столь оказалось для меня важным, что пришлось взяться спешно за перекопировку, хотя бы основной части «Дневника», т. е. ежедневных записей на шхуне «Константин». Это, собственно, всего 15 страниц писчих листов, но написаны они столь неразборчивым почерком, что на это пришлось потратить 10 дней. Но зато я имею теперь дневник всего двухлетнего плавания Бутакова», — пишет он своему другу Н.Ф. Яницкому 12.10.1952 г. в Москву.

И другое письмо в Киев друзьям Демуцким: «после поездки последовала бутаковиада, т.е. сначала перепечатка (лично мной), так как никакая машинистка не могла бы разобрать мои записи, уточненные в содружестве с «почтенным

М.М. Новицким», сделанной в Киеве копии с бутаковского дневника (1848 г.), перепечатка с моей старой расшифровки дневника (ташкентского) 1849 года, их объединение. Для меня это дело имеет важное значение, ибо Бутаков и его бумаги возбуждают сейчас особый интерес в ряде учреждений, и за нашим «дневником» уже охотятся на предмет опубликования. Понятно, что мне, который с 1942 г. занимался им, первый его прочел и разыскал в Киеве его первую часть, очень хочется сохранить свой приоритет. Боюсь, однако, что это дело будет очень сложным». С большим трудом, но «Дневники» А.И. Бутакова с расшифровкой и комментариями Е.К. Бетгера будут изданы АН УзССР в 1954 г. А.А. Семенов напишет 11.03.1943 г. еще по поводу возможного издания первой части работы Е.К. Бетгера над дневником А.И. Бутакова: «Настоящий труд, если он выйдет в свет, несомненно составит большой вклад в историю исследования Средней Азии <...> и представляет немалый подвиг, потому, что «Дневник» написан столь беглым и малоразборчивым почерком, заключает немало строк по-французски, по-шведски и английски и только исключительное трудолюбие Е.К. преодолело всю кропотливейшую работу по дешифровке и подготовке к изданию этого драгоценнейшего памятника русской географическо-исторической науки, неразрывно связанного с исследованием Средней Азии <...>. Е.К. со свойственной ему научной добросовестностью не только определил, кто такой был каждый из упомянутых А.И. Бутаковым в его «Дневнике» людей (стр. 163 — 172 «Примечаний»), но на основе приводимых источников дал чрезвычайно интересную и весьма яркую характеристику тогдашнего состояния чиновного Петербурга, его отношения к управлению Оренбургским краем и, в частности, к экспедиции по исследованию Аральского моря».

В эти годы Е.К. Бетгер публикует также свои научные статьи в изданиях Узбекской, Таджикской, Туркменской Академий наук, в «Трудах» САГУ, в журналах «Звезда Востока», «Эпиграфика Востока». Много работает по составлению указателя к 29 томам продолжения «Туркестанского сборника», найденным им в библиотеке Москвы. А также он делал перевод с французского на русский язык труда Е.К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару, совершенное в 1820 году по степям, простирающимся к востоку от Аральского моря и за древний Яксарт» (Париж, 1826 г.), который «занимал все его свободное время». В августе 1953 г. он во второй раз поедет в Москву для работы в библиотеке и по возвращении в Ташкент напишет 13 сентября Демуцким: «После моего приезда

сюда я немедленно погрузился в рабство по приведению в порядок моих августовских научных результатов занятий в Москве. Я привез 900 записей, которые надлежит перевести в картотеки, по возможности определить откуда они взяты, так как в Московских сборниках записи не датированы, сличить с прошлогодними (800), систематизировать их, сдублировать, превратить в указатель, перепечатать, снабдить указателями и переплести. Лишь только после этого я могу подвести итог двухлетних московских исследований». К лету 1955 г. будет закончена и работа по переводу книги Е.К. Мейендорфа; он напишет Н. Яницкому: «перевод совсем закончил, но одна часть — «Естественная история Бухары» — нуждается в просмотре специалиста. Хотелось бы издать этот труд <...> Надо сказать, что я с трудом нахожу время для переписки, ибо усиленно работаю над завершением своего перевода и подготовкой его к изданию. Наш Узгосиздат, кажется, не прочь его издать». Работа была, действительно, включена в план издания на 1957 г., но... издана в Москве только в 1975 г. под редакцией Н.А. Халфина.⁵¹⁵

А он уже работал над переводом другого издания с немецкого языка. Однако не успел, не завершил. Жизненные потрясения подорвали здоровье Евгения Карловича: гипертония, потеря зрения, особенно на правый глаз. Но он никогда не жаловался, грустно шутил по поводу своих недугов и много работал. В письме от 12.02.1956 г. он написал Демущим: «Исполнилось уже 4 года как мы потеряли Юленьку, и я стал одиноким и без всякой надежды стариком. Мне в июле исполнится 69 лет. Много ли осталось совершить на этом свете?». Работа спасала его от ударов судьбы и защищала от давления политической системы, наступила «хрущевская оттепель» с ее недомолвками и напряженным ожиданием перемен. Коллективу библиотеки 2.04.1956 г. было зачитано так называемое «Закрытое письмо» о культуре личности. Бледный, стоя в проеме двери, выслушал его текст Евгений Карлович. Молча поднялся к себе в кабинет, свет в окне которого горел в тот вечер до 10 часов. Что делал он в это время? О чем думал? Какие чувства надрывали его сердце? Кого и что вспоминал? Близких и дорогих ему людей, преданных и не очень друзей, горячечную лихорадку труда, не отпускавшую его всю жизнь, романтические идеалы юности, жестокие превратности судьбы? Ведь напишет же он в одном из своих последних писем друзьям: «Жизнь — это жестокая штука». А, может, он думал о том, что культ личности неистребим. Ведь только несколько дней назад 10.03.1956 г. Постановлением СМ УзССР № 133 хо-

⁵¹⁵ ЦГА РУз. Ф. 412. Оп. 1. Д. 28. Л. 25.

датайство коллектива библиотеки об установлении ему персональной пенсии республиканского значения вновь было отклонено. Незаслуженные обиды, сознательное игнорирование, пренебрежительное умолчание причиняли боль, которую Евгений Карлович никогда не показывал. Лишь однажды сказал другу: «Я постоянно ощущал, что меня как бы все время затирали и отодвигали в сторону». На следующий день утром 3.04.1956 г. «сердце, рожденное быть крылатым», перестало биться. Весть о внезапной кончине Евгения Карловича потрясла людей. Телеграммы соболезнования шли со всех концов страны и республики. В организацию прощальной церемонии ташкентцы вложили всю свою любовь и уважение к этому «прекрасной души» человеку. Нескончаемой вереницей двигался людской поток на прощальной церемонии. Симфонический оркестр филармонии в полном составе играл в последний раз для своего «постоянного слушателя, подлинного знатока и ценителя классической музыки». Проникновенные голоса солистов консерватории, сменявших друг друга, на приглушенных тонах озвучивали классическую мелодию «Ave Maria». И вокруг — море цветов, весь читальный зал библиотеки, где проходило прощание, — в цветах, в любимых Евгением Карловичем фиалках. Как будто поклониться ему и проводить в последний путь собрались все сады и степные просторы предгорий в округе. Но было и еще что-то в атмосфере прощания, в этой бесконечной людской веренице — невысказанное, затаенное чувство обвинения, противостояния официальной позиции, глубокой горечи и осознания вины перед покойным. Он был известен по всей Центральной Азии, в Союзе и за рубежом, любим и уважаем коллегами, учениками, последователями, но как бы безлик, незначим для властей. Не замечать этого окружающие его люди не могли и как умели, как могли выражали в эти минуты свою любовь, свою скорбь и свой молчаливый протест.

Ветвь Бетгерова на Евгении Карловиче оборвалась, но у его отца, Карла Богдановича, было пятеро сестер, проживавших в России, были родственники и по линии его матери, Анны Васильевны. До последнего дня Евгений Карлович был на посту. Он и сейчас продолжает «оставаться» сотрудником библиотеки, в ее архивах нет приказа об его отчислении. Забыли или не поднялась рука? Его труды, указатели являются настольными справочниками, ценность которых возрастает с годами. «Наш Евгений Карлович», привычно говорят сотрудники библиотеки, ссылаясь на его авторитет непревзойденного библиографа, книговеда, краеведа, патриарха библиотечного дела в республике, признанного ученого-ори-

енталиста, великого труженика, подлинного гуманиста, высшей сущностью которого была любовь к знаниям, музыке, служение людям, книге, жизнь интересами библиотеки.

Служил Евгений Карлович 42 года, из них 38 лет работал в Ташкентской публичной библиотеке. Как Эратосфен Кирейский (III в. до н.э.), который свыше сорока лет был главой первой в мире Александрийской библиотеки, он в буквальном смысле слова жил в библиотеке. Только не в сырых и темных подвальных помещениях, а в небольшой квартире в маленьком домике во дворе библиотеки. У него были свои ключи от хранилища, и нередко ночами зажигались окна кабинета, и светящийся лучик скользил по книжным полкам хранилища в поисках той или иной книги, рукописи, литографии, необходимой ему для работы. Евгений Карлович считал библиотеки могучим фактором просвещения и подчеркивал их важность, как культурного, научного, информационного центра, вокруг которого должны сплотиться те, кто стремился к знаниям. Достоинство библиотеки он видел в полноте и ценности ее фондов, а также в степени их использования. Образ библиотекаря в его представлении — это образ «ученого, консультанта, руководителя и помощника читателя в использовании им книжных богатств, стремящегося воплотить в жизнь философию культуры книги». Требуя качественного отбора литературы, он осуждал «захламленность» фондов. В 20-х годах XX в., когда не существовало системы библиотек в крае, не была определена техника и методика библиотечного дела, Евгений Карлович тщательно просматривал брошенные частные библиотеки, библиотеки закрывшихся обществ, учреждений, выделял редкие книги, книги краеведческого характера и отправлял дубликаты в области и районы, комплектуя фонды местных библиотек. Он создает Центральный библиотечный коллектор, разрабатывает проект положения об «обязательном экземпляре», предоставляемом в ТГБ, проект положения о самой Туркестанской государственной библиотеке (18.10.1921 г.), готовит пакет документов об учреждении в Ташкенте Туркестанской книжной палаты (16.10.1922 г.), налаживает связь с зарубежными фирмами, получая не только вновь выходящие издания, но и издания прежних лет. Так, лейпцигская фирма Otto Harrassowitz прислала библиотеке журналы с 1914 по 1924 гг., нью-йоркская Публичная библиотека высылала вновь выходящие издания по Туркестану. Из-за границы были получены очень важные издания: «Библиотека арабских географов», «Энциклопедия ислама», главнейшие каталоги восточных рукописей,

персидских и турецких рукописей Берлинской Королевской библиотеки и др. По отзывам ученых, эти приобретения положили начало тому справочному аппарату отдела восточных рукописей, без которого «была бы немислима проделанная им в 30 годы грандиозная научная работа».⁵¹⁶

Публичную библиотеку Ташкента Е.К. Бетгер рассматривал как научное государственное национальное книгохранилище и считал необходимым собирать в ней в первую очередь литературу по Туркестану и сопредельным странам Востока. В отдельный фонд им была выделена литература на узбекском языке, из наиболее ценных изданий краеведческого характера по его инициативе позднее был создан Краеведческий фонд отечественных и зарубежных книг по Средней Азии и сопредельным странам Востока. Годами он создавал фонд (позднее сектор) редких и старинных изданий — детище и «лебединая песня» великого книголюба. На основании книг этого фонда, а также фонда фундаментальной библиотеки Ташкентского университета он составил указатель «Хронологический обзор книг XVI — XVIII вв.». После национального размежевания Средней Азии в 1924 г. были попытки разделить фонд по национальным республикам и ведомствам. Е.К. Бетгер добился особого постановления Средазликвидкома (4.04.1925 г.) о неделимости фонда библиотеки как научного книгохранилища всей Средней Азии.⁵¹⁷ Он имел и собственную, тщательно подобранную библиотеку, часть книг была подарена ему их авторами. Книги своей библиотеки, помеченные персональным экслибрисом, изготовленным для него археологом А.В. Шишкиным, он завещал Публичной библиотеке. Они растворились в ее фондах. При его содействии многие ученые приносили в дар библиотеке свои труды. «Энергия, редкая оперативность, широта творческого размаха, превосходные организаторские способности, отсутствие догматизма и талант ученого, свойственные натуре Евгения Карловича, позволили ему комплектовать библиотеку будущего», — писали современники.

В один ряд с формированием фондов библиотеки Е.К. Бетгер ставил работу над каталогами. Принято было решение о создании каталога карточного типа из двух отделов: систематического и алфавитного по десятичной системе. Еще в 1918 г. вместе с Л.К. Давыдовым и А.А. Метленковым Е.К. Бетгер подготовил и

⁵¹⁶ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 580. Л. 31 — 48; Ф. 34. Оп. 1. Д. 710. Л. 65 — 71; Д. 712. Л. 1, 4 — 5, 8 — 9; Д. 713. Л. 4 — 6, 8 — 9, 95, 96.

⁵¹⁷ ЦГА РУз. Ф. 412. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

издал в Ташкенте «Десятичную библиографическую классификацию». Журнал «Красный библиотекарь» обрушился на него с критикой, обвиняя в трактовании «иностранной схемы классификации без надлежащего знакомства со специальной иностранной литературой и с источниками». В одном журнал был прав: в Туркестане не было ни одного экземпляра знаменитого труда американского библиографа Мелвиллома Дьюи, разработавшего свою десятичную систему классификации книг для американских библиотек (ДКД) еще в 70-е годы XIX в., которая и легла в основу принятой ныне во всем мире универсальной десятичной системы классификации информации (УДК). Е.К. Бетгер и его коллеги проделали огромную, кропотливую работу, восстанавливая деления таблицы М. Дьюи по отдельным индексам, найденным в каталогах, указателях, журналах и книгах. Между тем дополненная и исправленная Е.К. Бетгером «Десятичная библиографическая классификация» была вторично издана в Ташкенте в 1922 г. Не только в Центральной Азии, но и в Союзе это издание пользовалось большим спросом, отовсюду поступали запросы. Так, архив Октябрьской революции (Москва) просил «прислать три экземпляра Вашей книги о десятичной библиографической классификации (2 издание), так как они необходимы для текущей работы АОР. Иных, более полных пособий в СССР по данному вопросу еще не вышло». Директор Международного библиотечного института в Брюсселе Поль Отле, один из разработчиков УДК, отметив согласованность таблиц Е.К. Бетгера с системой Дьюи, в своем письме выразил «радость найти во всех странах людей, стремящихся к одному идеалу прогресса и разрабатывающих системы, позволяющие работать действительно на благо всего человечества».⁵¹⁸ Будучи в переписке с П. Отле, Евгений Карлович отправляет ему 17.03.1923 г. письмо с сообщением о создании Предварительного Комитета Туркестана по сотрудничеству с Международным институтом библиографии. Ближайшей задачей Комитета предполагалось совместно с преподавателями САГУ и Институтом восточных языков провести классификацию народов, языков и краев Центральной Азии. Есть сведения о том, что профессор Н.Д. Леонов составил и передал Е.К. Бетгеру в связи с этим определитель восточных языков. Большое значение Евгений Карлович придавал составлению сводного каталога иностранной периодической печати и много работал над его созданием. Поклонник музыки и театра, он организовал при библиотеке кружок любителей музыки, собрал фонд музыкального отдела,

⁵¹⁸ Красный библиотекарь. 1923. № 2 — 3. С. 20; ЦГА Руз. Ф. 412. Оп. 1. Д. 23. Л. 76; Д. 38. Л. 6.

разработал принципиально новую схему классификации нотных изданий и сам заклассифицировал весь его 70-тысячный фонд. Опыт применения комплексного каталога (признаки: именной, жанровый, тематический, принцип эпохи) в музыкальном отделе был единственным в Союзе. Время и практика подтвердили правильность его организации. Много лет он вынашивал идею перекрестного каталога (организационное алфавитное начало в сочетании с принципом энциклопедического словаря, географическим, именным и предметным принципами). Такой каталог будет создан им в отделе редких и старинных изданий. Жизнь также оправдывает его целесообразность. Многогранный талант Евгения Карловича проявился во всех направлениях библиотечной работы, но «самым любимым его делом была библиография», которую он считал «одним из важнейших условий научной работы», и справочно-консультативная деятельность, благодаря которой «его имя было широко известно не только в Средней Азии».⁵¹⁹

Его первые библиографические работы относятся еще к 1915 — 1917 гг., когда он как библиотекарь, готовил годовые выпуски «Перечня статей по Туркестановедению», публикуя их в «Известиях» ТОРГО. В Туркестанской публичной библиотеке он обратил первое внимание на «Туркестанские ведомости» — правительственный орган, с первого номера предоставлявший место для краеведческого материала. Евгений Карлович составил исчерпывающий «Указатель к газете «Туркестанские ведомости за 1870 — 1892 гг.», включающий 2759 названий. По материалам газеты публикует также «Перечень статей и заметок, относящихся до областей, ныне входящих в Таджикистан» (387 записей); «Роспись статьям и заметкам по истории и археологии Средней Азии» (772 записи); «Указатель статей и заметок по географии, сейсмологии и гидрологии Туркестана» (4808 названий); «Указатель к официальной части «Туркестанских ведомостей» (1870 — 1886 гг., части I и II)»; считая сведения о назначении, перемещении, наградах и порицаниях чиновных лиц важными для историка, составил «Указатель авторов, личных и географических имен, встречающихся в библиографии Азии В.И. Межова». Им также составлены предметные указатели к журналам, протоколам заседаний Закаспийского кружка любителей археологии, к сборникам статистического комитета и т. д.⁵²⁰

⁵¹⁹ Илюшина О.Н. Жизнь, отданная книге // Библиотекарь. 1988. № 4. С. 38.

⁵²⁰ ЦГА РУз. Ф. 2487. Оп. 3. Д. 41. Л. 19 — 24, 64.

Большую работу он провел и по отношению к «Туркестанскому сборнику», 591 том которого охватывает более 10711 вырезок на русском и иностранных языках. К первым 416, так называемым «межовским» томам, их создателем В.И. Межовым были составлены подробные указатели в трех томах. К последующим (417 — 591) томам Е.К. Бетгер составил: «Указатель литературы, посвященный странам, сопредельным с бывшим Туркестанским краем» (2368 названий) и «Киргизия на страницах «Туркестанского сборника» (339 названий). В состав самого сборника он добавил три тома трудов М.А. Терентьева «Описание Хивинского похода». Он также составил два тематических сборника статей из книг, газет и журналов «Туркестанская старина»: «Ташкент конца 60-х — 70-х годов XIX в.» и «Самарканд в описаниях путешественников». Обнаруженные Евгением Карловичем в Публичной библиотеке в Москве в 1952 г. 29 томов вырезок из газет и журналов о Туркестане, связанные с «Туркестанским сборником», не имели ссылок на источники, отсутствовали и оглавления. Эрудиция, феноменальная память и кропотливый труд ученого позволили ему из 1812 заметок установить авторство и источники к 1094 статьям. Ко всем томам были составлены предметно-тематический указатель и алфавитный список авторов и личных имен «Указатель к сборникам «Туркестан», хранящимся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (Москва)». Им составлено много других указателей, списков трудов, посвященных событиям и персоналиям (В.В. Бартольд, Н.А. Северцев, В.Л. Вяткин, А.П. Федченко, Д.Л. Иванов и др.), периодическим и продолжающимся изданиям. Его коллега, сам выдающийся библиограф Н.А. Буров, подчеркивал удивительно своевременное появление каждой его библиографической работы. Е.К. Бетгер писал своим друзьям Демущким: «Отыскал много интересных вещей и порой сам себе завидую, что судьба мне дала возможность заниматься любимым и в высшей степени интересным делом». Библиограф «непревзойденного калибра», он редактирует библиографические указатели, издаваемые в других республиках Центральной Азии, и, как научный консультант по вопросам краеведческой библиографии, являлся непререкаемым авторитетом. За помощью к нему обращались многие маститые исследователи и библиографы. Его труды внесли крупный вклад в российскую и центральноазиатскую библиографию. «Для Бетгера — библиографа, — отмечал А.В. Панков, — характерна тщательность в подборе материала, широта краеведческих интересов, исследовательский склад ума,

трудолюбие». Размеры проделанной огромной научной работы невольно вызывают вопрос: «Когда Евгений Карлович сумел все это сделать?»⁵²¹

Значимым вкладом в науку Е.К. Бетгера были и его исследования в области истории. Он был членом Научного совета Архивного отдела МВД УзССР, являлся исследователем истории Туркестанской публичной библиотеки, систематически публиковал или готовил к публикации «Отчеты» о ее работе. Несомненны заслуги Е.К. Бетгера и в туркестановедении в связи с его многолетними исследованиями «Дневников» А.И. Бутакова. После смерти адмирала его архив перешел в собственность его вдовы Ольги Николаевны Бутаковой. Дальнейшая судьба архива почти не прослеживается. Часть «Дневников», попавшая в Туркестанскую публичную библиотеку, была передана ей в 1907 г. В.П. Колосовским (член Туркестанского кружка любителей археологии). В ходе работы над дневниками и другими документами и материалами (наброски писем начальнику главного морского штаба, военному министру, начальнику Оренбургского отдельного корпуса В.А. Обручеву, наброски писем на английских и шведских языках строителям судов для Аральской флотилии, черновики частных писем и записок знакомым, преимущественно по-французски, большое письмо-отчет А.Гумбольту от 5.05.1852 г., также по-французски, многочисленные записи для памяти и т. д.) его поразило, что результаты двухлетней экспедиции были доложены, и описание ее было опубликовано второстепенным участником исследований Аральского моря — и то только одного первого года — штабс-капитаном Генерального штаба А.И. Макшеевым. А.И. Бутаков был в опале, он нарушил запрет царя Николая I «писать и рисовать», наложенный на опального поэта и художника, отправленного по рекрутской повинности рядовым в Отдельный Оренбургский корпус (Орск) «под строжайшее наблюдение начальства» Т.Г. Шевченко, и взял его с собой. Поэт много сделал «для снятия видов при описании Аральского моря», но царь не простил «ослушания» ни ему, ни А.И. Бутакову. Воспользовавшись опалой начальника экспедиции и своим положением при Генеральном штабе, открывавшим ему доступ к материалам экспедиции, А.И. Макшеев поспешил выступить с ее описанием от своего имени (Макшеев А.И. Описание Аральского моря // Записки Русского географического общества. Кн. 5. СПб. 1851 г. С. 30 — 61). Т.Г. Шевченко был отправлен в Новопетровское укрепление на Каспии, с 1939 г. — Форт Шевченко. Евгений Карлович прочел, полностью расшифровал

⁵²¹ Панков А.В. Е.К. Бетгер // Известия АН УзССР. 1956. № 9. С. 92.

рукопись второго из дневников, написанного в 1849 — 1852 гг., разыскал в Государственной публичной библиотеке Украины первую часть дневников (1848 г.), подверг также тщательной ее расшифровке и восстановил приоритет А.И. Бутакова как первоисследователя Аральского моря. Он проследил судьбы всех участников экспедиции, в частности великого украинского поэта Т.Г. Шевченко, исследования о котором были использованы при подготовке к изданию XIII тома «Полного избрания сочинений» поэта. «Дневные записи плавания А.И. Бутакова на шхуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848 — 1949 гг.» были изданы АН УзССР (Ташкент. 1954 г.). Е.К. Бетгер написал более 150 научных работ. М.П. Авшарова и М.С. Виридарский отмечают, что в его архиве осталось более 50 неопубликованных научных работ.

Свой след в науке Е.К. Бетгер оставил и как востоковед, занимаясь переводами с арабского языка древних восточных рукописей и писем, анализом их содержания и их описанием. Он участвовал в составлении многотомного издания «Собрание восточных рукописей Академии Наук Узбекской ССР» (Т. 1. Ташкент. 1952 г.), описал более 300 арабоязычных произведений местных авторов, многие из которых, как установил Евгений Карлович, были не знакомы Европе, и публиковал информацию об этой работе. «Я продолжаю сидеть и корпеть над арабскими рукописями, конечно, не столь блистательно как И.Ю. Крачковский, но все-таки...», — писал он Н.Ф. Яницкому (21.11.1948 г.). Тема Востока была и в его переводах с европейских языков. В связи с потребностями Южно-Туркменстанской археологической экспедиции о древней Парфии он перевел главы с латинского языка из книги XVIII в. Христофора Целлари «География древнего мира» и с немецкого языка из сочинения XVIII в. Конрада Маннерта «География древних греков и римлян». С немецкого языка им переведен реферат доклада Ганса Гейнриха Шэдер на 7-м конгрессе немецких ориенталистов в Бонне 4 сентября 1934 г. «Исторический и мифический Омар Хайям». О нем же был сделан им перевод с английского издания «Литературная история Персии от Фердоуси до Саади» (Лондон. 1920 г.). Закончен в 1953 г. перевод с латыни «История монголов и татар Абдулгахы Бахадурхана» (Казань. 1825 г.) и др. Не только переводческую, но и большую дополнительную изыскательскую работу проделал Евгений Карлович, «чтобы скрупулезно и точно разобраться в географической и политической обстановке Средней Азии, в сложностях административной и иной терминологии Бухарского ханства», при переводе с французского языка книги

прибалтийского барона Е.К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару», к которой он составил многочисленные примечания, без «коих это первое настоящее научное описание Бухары в наши дни было бы во многих случаях не понято». Такую же работу он проделал, начав в 1955 г. перевод сочинения Т.Ф. Базинера «Естественно-историческое путешествие через Киргизские степи в Хиву», изданного на немецком языке в 1847 г. в Петербурге. Незаконченный труд перевода хранится в архиве отдела редких и старинных изданий Национальной библиотеки Узбекистана. При переводе и описании книг Е.К. Бетгер свободно применял свои знания в области многих европейских и восточных языков: немецкого, французского, английского, шведского, итальянского, болгарского, польского, арабского, персидского, узбекского, латинского и греческого.⁵²²

О широте научных интересов Евгения Карловича свидетельствуют также и его многочисленные газетные и журнальные статьи, заметки, информации историко-краеведческого плана, рецензии на краеведческие и библиографические издания. Он пишет о путешественниках — исследователях Центральной Азии: Марко Поло, Рубрук, Клавихо, Вамбери, Ефремов, Федченко, Мушкетов и др.; о редчайших книгах эпохи Тимура, Петра I, Екатерины II; о самой старой узбекской печатной книге «Календарь Ш.Ибрагимова» (1872 г.); о первой узбекской литографии «Хамса» (1880 г.); о первом концерте узбекской музыки в Европе Лейбсека; об изданиях «Острожской Библии» первопечатника И. Федорова; об истории создания уникального краеведческого собрания «Туркестанский сборник» и т. д. Стремясь как можно шире раскрыть богатство книжных фондов, он писал очерки о наиболее редких изданиях XVII — XVIII вв., а также о книгах с интересной судьбой. Своими открытиями Евгений Карлович охотно делился не только на страницах местной печати, но и во время проводившихся им по отделу редких и старинных изданий библиотеки экскурсий, когда он демонстрировал старинные издания Альдов и Эльзевиров, «Острожскую библию», «Арифметику» Магницкого, коллекцию сатирических журналов 1905 г. и др. Сенсацию вызвали публикации о «Восточной библии» Эрбено, изданной в Париже в 1697 г., в которой помещены впервые в Европе сведения о А. Навои, а также публикации об «Обращении Ульриха фон Гуттена к германскому императору, князьям и народу с жалобой на насилие католического духовенства». Только в 1924 г. удалось установить окончательно подлинность автографа великого гума-

⁵²² Турапов М.М. Жизнь, отданная книгам // Корреспондент. 1977. № 8. С. 46.

ниста на экземпляре этой книги. Е.К. Бетгер сфотографировал надпись и отправил фото в университетскую библиотеку в Гейдельберг. Директор этой библиотеки профессор Dr. Sillib с готовностью откликнулся на его просьбу «произвести изыскания, навести нужные библиографические и палеографические справки». В письме от 15.01.1924 г. Dr. Sillib сообщает о том, что это четвертое издание «Жалобы», вышедшее не позднее 29.08.1523 г., видимо, авторское посвящение, сделанное Гуттенем на экземпляре, поднесенное Иоанном II пфальцграфу Зиммерн-Шпонгеймскому (1500 — 1557 гг.), владельцу небольшого княжества на Рейне.⁵²³ Или также, например, подробнейшее описание первой в библиотеке инкунабулы «Девятая немецкая Библия. Напечатана Антонием Кобургером в достохвальном императорском имперском городе Нюрберге в 1483 г. после Р.Х. в понедельник на второй неделе великого Поста» — первой Библии, напечатанной в Нюрнберге, и «самой красивой Библии XV века», которая была приобретена для библиотеки в 1941 г. В книге — 1166 страниц большого формата, превосходные ксилографии — 109 превосходно раскрашенных гравюр на дереве и 51 сделанных от руки в красках, как это было обычно в XV в., прекрасной работы начальные буквы. Гравюры, возможно, «были заимствованы из знаменитой Кельнской Библии 1480 года» и «послужили прототипом для апокалиптических рисунков А. Дюрера», к тому же «гравюры этой Библии в высшей степени интересны для истории искусства и, замечательно, что все действующие в них лица, хотя и являются древними евреями, одеты в немецкие костюмы XV столетия, причем воины одеты в латы и снабжены средневековыми щитами и алебардами». Фолиант заключен в современный изданию старинный книжный переплет с тиснениями и является замечательным памятником книжного искусства XV столетия, выполненного через 43 года после начала книгопечатания».⁵²⁴

И многие, многие другие публикации, в том числе и статьи о библиотеках и о профессии библиотекаря, престиж которого Евгений Карлович ставил очень высоко. Каждая из опубликованных и несколько десятков неопубликованных работ Евгения Карловича есть итог научного поиска, научного открытия. Но одной из первых публикацией Е.К. Бетгера в газете «Известия» (21.11.1919 г.) была статья «Берегите книгу!». Для него книга — это «сокровищница жизненного мира». Он любил повторять: «Каждая книга, особенно первого периода,

⁵²³ ЦГА РУз. Ф. 412. Оп. 1. Д. 6. Л. 95; Бюллетень САГУ. 1927. № 16. С. 31 — 34.

⁵²⁴ ЦГА РУз. Ф. 412. Оп. 1. Д. 23. Л. 95 — 96.

таит в себе тайну». Некоторые работы опубликованы после смерти Е.К. Бетгера. Так, в 2003 г. была издана работа «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова, напечатанного в 1772 году в С.-Петербурге» (словарь заключал в себе 317 биографий русских писателей в алфавитном порядке и являлся первым изданием подобного рода в России). На форзацах, на полях и в тексте издания находятся многочисленные замечания, пометки, исправления и дополнения известного библиографа Евфимия Алексеевича Болховитинова (1767 — 1837 гг.). Работа над заметками библиографа выполнена Е.К. Бетгером, как и все его труды, с исключительной скрупулезностью. О Е.К. Бетгере, как ученом и человеке, талантливом педагоге-просветителе, пропагандисте библиографических знаний, роль которого в подготовке национальных кадров библиотечных работников края признана бесспорной, ярко свидетельствует его личный архив (география деловых и личных связей выходила далеко за пределы республики и страны ЦГА РУз, № 2412). Архив содержит многочисленные и разнообразные тематические подборки статей из газет, журналов, сборников; материалы, собранные для научной работы; коллекции рукописей и книг на восточных и европейских языках; научные труды и переводы; личную и деловую переписку с академическими учреждениями страны и за рубежом. Архив уникален и отражает высокий профессиональный и нравственный потенциал его создателя.⁵²⁵ Научная общественность Республики Узбекистан, сотрудники Национальной библиотеки бережно хранят благодарную и светлую память о Евгении Карловиче. В своих воспоминаниях в самые разные годы о Е.К. Бетгере писали: М.Е. Массон, Б.С. Боднарский (1957), Г.Н. Чабров («Е.К. Бетгер как краевед», 1967 г.), Г.А. Пугаченкова («Таким я его помню», 1997 г.), Б.А. Литвинский («Библиографические идеи Евгения Карловича и современность», 1997 г.) и многие другие. Б.В. Лунин отмечал: «Личность Евгения Карловича служит идеалом ученого, поражавшего окружающих всеобщей эрудицией в туркестановедческой литературе, глубоким знанием редчайших книг по Средней Азии и истории библиотечного дела, безукоризненным владением методикой и техникой библиотечной работы. Огромное библиографическое наследие Е.К.Бетгера — печатное и рукописное — долго и прочно будет служить науке».

⁵²⁵ Агафонов П.А. Личный фонд Е.К. Бетгера в Центральном государственном архиве Узбекской ССР // Библиотекосведение Узбекистана. Сб. статей. Ташкент. 1989. С. 30.

Хронологические обзоры, указатели литературы, библиографические списки Евгения Карловича и его учеников являются фундаментом проекта «Память Узбекистана», над которым ныне ведется работа в Национальной библиотеке республики и цель которого — сохранить на основе компьютерной технологии особо ценные, уникальные документы, книги, литографии по истории Туркестанского края и жизни его народов. Национальной библиотекой Узбекистана проводились конференции, посвященные юбилейным датам Е.К. Бетгера. Выпущено два сборника статей, к 100- и 110-летию со дня рождения Е.К. Бетгера (1987 и 1999 гг.) В 2002 г. состоялись первые «Бетгеровские чтения», и было принято решение проводить их систематически. Новые поколения ученых и библиотекарей продолжают его дело, реализуют проекты, которые он с прозорливостью провидца выдвигал в свое время, и в наш информационный век черпают информацию из источника, имя которому Евгений Карлович Бетгер. «Есть люди, излучающие тепло, — писала в своих воспоминаниях В. Демуцкая. — Евгений Карлович был одним из них».

ТАШКЕНТСКИЙ АПТЕКАРЬ

Древний замок под названием Цидарь в местечке Цытовяну Россиенского уезда Ковенской губернии Великого княжества Литовского, состоявшего с 1385 г. в личной унии с Королевством Польским, упоминается еще в немецких хрониках XIII в. Воины Тевтонского ордена и прусского кюрфюрста не один раз захватывали этот ключ к Литве и Жмуди (Жемайтия — этнографический регион на северо-западе Литвы). С войсками шел торговый, ремесленный, служивый люд и оседал на близ лежащих землях. После раздела Польского государства по трактату от 24.09.1795 г. Ковенская губерния отошла к России. Здесь, в местечке в небогатой немецкой семье кузнеца Ивана (Йоганна) Краузе и его жены Эммы Франк, как свидетельствует Кельмчевская евангелическая церковная книга, 19.01.1845 г. родился сын Карл Иероним Дитрих (Теодор) Краузе. Пройдет чуть более четверти века, и на другом конце Российской империи, в далеком, только что завоеванном Туркестане, его имя станет широко известным, символом бескорыстной доброты, пытливого ума, находчивости и трудолюбия. Исследователя и инициативного предпринимателя, энергичного труженика и общественного деятеля, талантливого и неподдельно добродушного человека жители края называли просто и тепло «наш Иероним Иванович», величали «большим», «настоящим человеком» и, «переделывая слова старинной немецкой песни «Ach, du lieber Augustin!», напевали модный мотив «Ах, ду либер Иероним!». Памятные статьи об этом «органически общественном человеке» величали его «преданнейшим сыном и слугой Туркестанского края, принадлежащего его обществу», в котором для него «не было места ни различию социальных положений, ни различию национальностей».

Материальные затруднения семьи рано толкнули юношу в жестокий мир лишений и несправедливости. Не окончив полного курса Ковенской гимназии, 17-летний молодой человек приехал в Москву и устроился в сентябре 1862 г. учеником аптекаря в Ново-Мясницкую вольную аптеку Франца Кельчевского на Моховой, одновременно посещал школу Московского фармацевтического общества. Он успешно прошел трехлетнюю ученическую практику и сдал в МГУ в 1865 г. экзамен на звание «помощник аптекаря». Затем, продолжая посещать лек-

ции в университете, работал лаборантом в Старо-Мясницкой аптеке Карла Келлера и в 1869 г. сдал экзамен в МГУ на степень провизора. Уже в эти трудные для него годы определился его научный интерес, которому он остался верен на всю жизнь: «аптекарский ученик» с большой любовью и тщательностью собирает, описывает и под редакцией профессоров ботаники МГУ издает отдельными выпусками, по 50 видов в каждом, «Гербарий флоры подмосковных окрестностей». За что 15.11.1865 г. ему вручена небывалая по тем временам награда: от лица всех аптекарей города «Ботанический атлас» Шмидта и Берга и Большая серебряная медаль от Московского общества любителей садоводства. В 1869 г. за труды по медоносным растениям он был награжден двумя Большими серебряными медалями и избран действительным членом двух научных обществ, в том числе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ, с которым оставался связан до последних дней. Научная карьера молодого ученого определялась достаточно четко. Но... «московский озорник» Михаил Хлудов, купец, обладавший поразительным мужеством, крестьянской сметкой, большим умом и расчетливым авантюризмом, кардинально изменил судьбу Иеронима Краузе. А может это сама судьба свела его с ним? Щедро распределяя именные стипендии, М. Хлудов привлек выпускников МГУ к изучению производительных сил Туркестанского края. Так, по его поручению в начале 1870 г. Иероним Краузе прибыл в Туркестан для исследования нефтяных источников «Майли-сая» вблизи Намангана. Худояр-хан, владыка Кокандского ханства, на территории которого находились тогда эти источники, подписал в 1868 г. договор с Россией, по которому обязывался «не чинить препятствия» россиянам в «своих владениях». Но ретивая ханская служба была серьезно озабочена: молодой химик часами бродит по степи, заходит в сады местных жителей, не очень любезно встречавших европейцев, собирает травы и что-то пишет и пишет в блокнот. «Его гербарий быстро пополнялся многими редкими экземплярами местного растительного мира, до Краузе мало изученного, и собранные им ценные экземпляры позднее явились солидным вкладом и крупным даром С.-Петербургскому ботаническому саду».⁵²⁶

Странного чужеземца на всякий случай арестовали и увезли в горный кишлак, где он пробыл под неусыпным надзором стражи почти год. Все с тем же любопытством и дотошностью наблюдает он жизнь горного селения, учит слова,

⁵²⁶ ТС. № 512. С. 5.

фразы и выражения языка его жителей, пополняет свой гербарий и начинает делать акварельные зарисовки местных «оригинальных типов». На одном из набросков бдительная стража усмотрела сходство со своим повелителем. В мире ислама это расценивалось как посягательство на особу хана и каралось смертью. Как удалось осужденному на казнь убедить судей в том, что на его рисунке простой арбакеш, и отправить через молодого джигита, заинтересовавшегося его рисунками, в Ташкент генерал-губернатору К.П. фон Кауфману письмо с просьбой о помощи — остается загадкой. Но помощь была оказана незамедлительно. Туркестанский генерал-губернатор сразу оценил «даровитого и идеально честного работника», его поразительную трудоспособность, бескорыстие и добродушный нрав. Он поручил И.И. Краузе подготовить коллекцию туркестанской флоры для предстоящей в 1872 г. Политехнической выставки в Москве, посвященной 200-летию со дня рождения Петра I. На базе экспонатов выставки в том же году были основаны Политехнический и Исторический музеи. И.И. Краузе не только подготовил превосходный материал к туркестанскому разделу выставки, признанному наряду с кавказским лучшим из разделов, но и составил его каталог, за что в августе 1872 г. был удостоен Большой золотой и серебряной медалями ИРГО.

Весной следующего года состоялась знаменитая, вошедшая в анналы военной истории, экспедиция для покорения затерянной в песках и гордой своей недоступностью для русских Хивы. В состав экспедиции была включена группа ученых. В их число «для исследования в ботаническом отношении территории ханства» был приглашен Иероним Иванович Краузе. Свои задачи он выполнял как всегда предельно добросовестно, не обращая внимания на чрезвычайные трудности походной жизни. Часто во время боя, увидев незнакомое для него растение, он откладывал оружие, склонялся над этим экземпляром флоры и начинал внимательно его изучать. Это вызывало восторг у его соратников, искренне восхищавшихся бесстрашием исследователя, и недоумение, суеверный страх в рядах неприятеля, усматривающего в этом акт магического действия, и часто бой попросту затихал сам собой. После возвращения из Хивинского похода ему было поручено организовать в Ташкенте городскую общественную аптеку, которой он управлял 6 лет, передав ее позднее К.Б. Бетгеру. Сверх своих обязанностей он по поручению генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана исполнял обязанности лаборанта при Туркестанской школе шелководства.

Как прусский подданный И.И. Краузе не имел права занимать государственные посты. После долгих бюрократических проволочек в марте 1878 г. ему было, наконец, разрешено «вступить в подданство России». Полагаясь только на себя, на свои силы и терпение, Иероним Иванович открыл 25.01.1880 г. первую в Ташкенте, да и во всем Туркестане, частную «вольную» Соборную аптеку, при которой позднее была и амбулатория для приема больных (с 8.08.1909 г. до 31.01.1911 г. она принадлежала его сыну Борису Иеронимовичу Краузе, затем была продана). С 1.11.1905 г. он открыл Махрамскую аптеку, при которой с 3.09.1906 г. также была открыта амбулатория, первая частная лечебница, в которой работали 8 врачей. Махрамская аптека после 1917 г. стала Центральной аптекой города. В Ташкенте в те годы насчитывалось около пяти тысяч европейцев, а доставка лекарств из центральных районов страны, с учетом рисков грабежа и захвата караванов в безбрежных песчаных просторах, длилась около полугода и стоила очень дорого. «Очутившись в роли аптекаря-собственника, И.И. Краузе не прекратил своей научной деятельности и не порвал связи с научным миром, наоборот, его научная работа стала еще интенсивней».⁵²⁷

Уделяя много внимания выяснению различных научно-практических вопросов и продолжая изучать растительность края, И.И. Краузе стал инициатором создания «Туркестанского отдела Российского общества садоводов», затем — «Туркестанского сельскохозяйственного общества», вице-президентом которого был в 1886 г. избран единогласно. Он всемерно содействовал реализации задач в распространении среди местного населения опыта русских земледельцев и внедрению новых для региона отраслей сельского хозяйства: пчеловодство, расширение огородничества, разведение раков, акклиматизация в садах новых сортов плодовых и декоративных пород деревьев. Его метод борьбы с саранчой был даже отмечен во Франции. Был организатором промышленных и сельскохозяйственных выставок как в Ташкенте, так и туркестанских отделений в центральных городах России с 1872 по 1909 гг., за экспонаты на которых имел награды: 2 Почетных отзыва, 2 Больших и 5 Малых золотых, 11 Больших и 12 Малых серебряных, 10 Бронзовых медалей, 6 Похвальных грамот. «На выставках, устраиваемых обществом, неизменно являлся председателем выставочных комитетов».⁵²⁸

⁵²⁷ ТС. № 511. С. 70.

⁵²⁸ ТС. № 511. С. 71.

Его инициативой и трудом созданы крупнейшие парки Ташкента: городской, офицерского собрания, сады при дворце опального великого князя К.Н. Романова, на даче Туркестанского генерал-губернатора и «опытный сад» для «разведки местных» дикорастущих растений, которые могли бы «войти в садоводство или составили бы интерес для ботанических садов». Такой сад акклиматизации растений был заложен на левом берегу Анхора (бывший парк Гагарина). Около 300 видов дикорастущих растений с гор и других мест было высажено в этом парке, большая часть из них принялась. По результатам своих исследований им было опубликовано около 20 статей. В 1892 г. официально засвидетельствовано «важное экономическое значение» проводимых им исследований «как для Туркестана, так и для всей России» (указал на значительное содержание поташа в золе хлопчатника, на возможность выделки тонкого волокна из стеблей хлопчатника, до его опытов употреблявшихся только как топливо, на противохорадочные свойства отвара цветков хлопчатника, на практическую значимость каперсового кустарника, в изобилии растущего в крае, разработал огненный способ сушки фруктов и промышленную технологию добычания масел, практически доказал выгоды соединения хлопководства и шелководства «через посадку на межах хлопковых полей тутовых деревьев» и указал две лучшие породы тутовых деревьев для выкормки шелколичных червей и т. д.). Он также изучал и обобщал опыт местной медицины Туркестана, общался с местными табибами, собирал и использовал их опыт в своей фармацевтической практике, выпускал лекарства на маслах 16 известных диких растений (некоторые из биографов прямо называют его медиком), тщательно изучал минеральные источники края. Научные заслуги И.И. Краузе были высоко оценены современниками, по инициативе русских и иностранных ученых его именем были названы более десятка обнаруженных им новых видов туркестанских растений. Его квартира при Махрамской аптеке напоминала музей в миниатюре. Не случайно он был одним из инициаторов и организатор открытого летом 1876 г. первого в Ташкенте музея, в который передал собственные коллекции, и некоторое время был даже заведующим и руководителем научной работы открытого музея. «Для него служение обществу было все, <...> и перед этой идеей отступали вопросы симпатии и антипатии, личные счеты, материальные потери, — писали биографы, — <...> На всякий благой призыв «наш Иероним Иванович» приходил первым, а уходил последним». Вот почему его популярность среди жителей Ташкента была огромна.⁵²⁹

⁵²⁹ ТС. № 512. С. 8.

И.И. Краузе содействовал также развитию промышленного производства в крае: открыл в 1872 г. первый маслобойный завод европейского типа по производству до 30 тыс. пудов в год на сумму 150 тыс. рублей растительных масел: хлопкового, орехового, кунжутного, макового, льняного и даже дынного. Производил высококачественную вату и превосходную бумагу, а жмых вывозил в Германию на корм скоту; был одним из инициаторов постройки в 1885 г. под Чимкентом завода по производству сантонина (лекарственного противоглистного вещества, получаемого из особого сорта полыни, произрастающего только на территории региона, предлежащего вокруг города; фармзавод продолжает работать и ныне); составлял рецепты для красильного мастерства; в числе первых наладил добычу каменного угля (после его смерти дело продолжили сыновья, Борис и Сергей, инженеры, владельцы шахт, и супруга, Екатерина Михайловна, дочь оренбургского казака Халина, «госпожа горнодобытчица», как ее называли в обществе). Копи в Копине-Сайском каменноугольном бассейне Ходженского уезда Самаркандской области, эксплуатируемые И.И. Краузе до 1905 г. давали ежегодно до 200 тысяч пудов угля, но позднее их производительность упала. Сын, Борис Краузе, с 3.03.1904 г. «водворенный на жительство в Ташкенте» «под особый контроль полиции» за участие в студенческих волнениях будучи студентом МГУ, уже 17.03.1904 г. едет на копи в Ходженский уезд (с 19.08.1908 г. «дознание по делу, к которому он привлекался прекращено»). Екатерина Михайловна получила заявочные свидетельства от 23.05.1912 г. на право разработки каменного угля на заявочные столбы (7 заявок), поставленные еще 19.04.1905 г. на разработку каменного угля и в Каратаусских горах Каракульской волости Туркестанского участка Чимкентского уезда Сырдарьинской области. В этом ходатайстве ей помогал сын Сергей.⁵³⁰

Не меньшим уважением, чем среди городских жителей, И.И. Краузе пользовался и в глухих горных районах, и на степных просторах у местного населения, языком которого он владел прекрасно, часто выступал ходатаем за них перед властью. «Кому нужен был совет, участие и материальная помощь, тот смело шел к нему, зная, что никогда не встретит отказа, что он бескорыстно будет хлопотать и сделает решительно все возможное, тихо, бесшумно и как бы конфузясь перед посторонними своей чрезмерной доброты. Он <...> ненавидел и не переносил

⁵³⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 13. Д. 134. Л. 115; Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5572. Л. 22 — 35; Ф. И-462. Оп. 1. Д. 26. Л. 9; ТС. № 516. Л. 38 — 39.

ссор и дразг, <...> с отвращением отворачивался от них и всеми силами старался не дать им разрастаться».⁵³¹

И.И. Краузе был Почетным попечителем городской больницы, двух благотворительных обществ Ташкента, президентом евангелическо-лютеранского Церковного совета, гласным Ташкентской городской думы, директором Ташкентского тюремного комитета, помогал Ташкентскому детскому приюту, был основателем первого детского сада, активным участником музыкального общества, членом правления Ташкентского отделения Общества востоковедения, Туркестанского кружка любителей археологии (работал на раскопах в Той-тепа в конце 90-х годов XIX в.), действительным членом С.-Петербургского и почетным членом Московского фармацевтических обществ и т. д. В значительной мере на его деньги была построена в Ташкенте евангелическо-лютеранская кирха. Особое умение и «репутацию незаменимого организатора» он проявлял в устройстве различных концертов, гуляний в городском саду, бал-базаров с благотворительной целью. Мечтал открыть туркестанский национальный театр, с его именем связано также открытие кинематографа в Ташкенте.

В 1909 г. в последний раз Иероним Иванович был назначен председателем юбилейной Туркестанской выставки. Завершить подготовку к ее открытию он не успел, но все 130 павильонов выставки работали по тщательно продуманному и разработанному им плану, а лесной павильон был посвящен уже его памяти. Незадолго до открытия выставки, 8.08.1909 г., после непродолжительной болезни Иероним Иванович Краузе скончался. В печати, подробно освещавшей похороны «старого туркестанца», прожившего на этой земле безвыездно 40 лет, отмечалось: «Давно уже в Ташкенте не было таких грандиозных проводов. Только врачей Эрна (был в составе экспедиции Г.Н. Потанина. — *Н.К.*) и Фогеля (в честь него названо одно из поселений немцев в крае Фогелевка. — *Н.К.*) провожали так. <...> Улицы Ташкента были запружены, <...> везде по пути следования печальной колесницы собиралось много народу, за гробом усопшего шли русские, немцы, поляки, евреи, татары, великий князь Николай Константинович с супругой, генерал-губернатор Туркестана и много других чиновников местной колониальной администрации пришли проститься с ташкентским аптекарем Иеронимом Краузе».⁵³²

⁵³¹ ТС. № 512. С. 9.

⁵³² ТВ. 1909. № 173; № 175; Туркестанский курьер. 1909. № 178; ТС. № 510. С. 111 — 113; № 511. С. 69 — 73, 175 — 176; ТС. № 512. С. 1 — 15.

В 1905 г. общественность края торжественно отметила 35-летие пребывания И.И. Краузе в крае. В публикациях по этому поводу он был отмечен «одним из достойнейших туркестанцев». За свою научную, трудовую и общественную деятельность был награжден орденами: Св. Владимира 4-й ст. — весьма редкая награда для штатского человека; Св. Станислава 3-й ст. и 2-й ст.; Св. Анны 3-й ст. и 2-й ст.; золотой бухарской Восходящей звезды, многими медалями, золотой и серебряной медалями ОЛЕАЭ, медалями ИРГО, Знаком Общества Красного креста, Почетными грамотами, благодарностями и подарками. Ему, негосударственному служащему, был присужден чин статского советника. По просьбе редакции «Вестника юбилейной Туркестанской выставки» ближайший сотрудник его аптеки В. Робинович написал очерк «Жизнь и деятельность И.И. Краузе», опубликованный в 1 — 9 номерах «Вестника» за 1909 г. (позднее опубликован отдельным изданием). Похоронен И.И. Краузе в Ташкенте на кладбище бывшей улицы Боткина.

«А ВЕДЬ ТАКОЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Так говорил выдающийся ученый России конца XIX — начала XX вв. востоковед В.Н. Розен об одном из своих учеников и последователей его научной школы Александре Эдуардовиче Шмидте. Его имя ученого-востоковеда, полиглота, исламоведа, библиотечного работника, педагога, первого академика Узбекистана, члена-корреспондента АН СССР, общественного деятеля вошло во многие справочные и монографические издания, стоит у истоков создания высшей школы в Центральной Азии, связано с научной и культурной жизнью С.-Петербурга и Ташкента и упоминалось не единожды как имя «ангела-хранителя» «Корана Османа» — одной из величайших святынь мусульман. Родился Александр Эдуардович Шмидт в Астрахани, в семье потомственного дворянина, военного врача 12.03.1871 г. Колорит Востока, его искусство тонкой дипломатии, сокровенные тайны житейской мудрости и очень непростую этику отношений он впитывал уже с детства. Окончил в 1894 г. с золотой медалью 1-ю Тифлискую классическую гимназию с дипломом 1-й степени, затем университет в С.-Петербурге «по арабо-персидско-турецкому разряду» и был оставлен «на два года для подготовки к профессорскому званию по кафедре арабской словесности» в университете. Но в противовес большинству студентов А.Э. Шмидт не специализировался на каком-либо одном из восточных языков. Позднее он свободно владел 14 восточными и европейскими языками. В отделе редких изданий Национальной библиотеки Республики Узбекистан хранится несколько трудов А.Э. Шмидта с его автографами. И среди них — «Зачетное сочинение студента VI семестра факультета восточных языков арабо-персидско-турецкого разряда А.Э. Шмидта. Часть 1. Четверостишья Хафиза. Русский перевод и персидский текст: сравнение по нескольким изданиям и рукописям».

Свободное владение многими языками, в том числе знание основных языков мусульманского Востока (арабского, персидского, турецкого — «османского» и узбекского и семитических (древнего и новейшего), определили его глубокий интерес к исламоведению. Последний сформировался не без влияния ака-

демика Н.В. Розена, который считал «религиозную письменность мусульман <...> самой важной как с точки зрения арабиста, так и с более широкой точки зрения всемирного историка» и исследование ее полагал «настоящей и благороднейшей задачей арабиста — историка».

После сдачи экзамена на степень магистра в 1896 г. он был отправлен на двухгодичную стажировку за границу. Научную практику проходил у известного исламоведа, члена-корреспондента Венгерской и Российской академий наук Игнаца Гольдциера (1850 — 1921 гг.), голландского профессора арабиста М.Я. де Гуге (1836 — 1909 гг.), профессора Венского университета И. Карабачек (1845 — 1918 гг.), слушал лекции в университетах Вены и Лейдена. И. Гольдциер считал А.Э. Шмидта «лучшим учеником» из числа «приезжавших к нему из Европы или Америки». В 1911 г. под редакцией А.Э. Шмидта и с его предисловием выйдет сделанный И.Ю. Крачковским перевод труда И. Гольдциера «Ислам». После возвращения в Россию в 1898 г. в возрасте 27 лет А.Э. Шмидт зачислен приват-доцентом, затем доцентом кафедры арабского языка и словесности С.-Петербургского университета. И.Ю. Крачковский, известный советский востоковед, переводчик на русский язык Корана, так описывает свои впечатления о первой услышанной им лекции А.Э. Шмидта: «Вошел совсем молодой человек, лет тридцати. Он поразил нас своей одухотворенной красотой и, особенно, незабываемыми лучистыми глазами. Он начал, поминутно краснея, лекцию о введении в грамматику арабского языка. Все было ясно и понятно. Легко постигались теперь тайны арабского шрифта».

Одновременно с преподаванием в университете А.Э. Шмидт работал инспектором воспитанников Александровского (бывшего Царскосельского) лицея; состоял секретарем редакции газеты «С.-Петербургские ведомости»; был помощником редактора (В.В. Бартольд) журнала «Мир ислама», в котором опубликовал ряд статей из серии «Очерки истории ислама» и по истории мусульманской догматики; читал (с 1918 г.) лекции по мусульманскому праву и исламоведению на этнолого-лингвистическом факультете в Московском Лазаревском институте восточных языков (с 1921 г. — Московский институт востоковедения); с 1920 г. был членом Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН Петрограда; и более десяти лет (с сентября 1909 г. по январь 1920 г.) проработал в Российской публичной библиотеке (с 1919 г. — в должности помощника директора). Именно здесь ему пришлось соприкоснуться с величайшей святыней мусульман, так называемым «Османовским спис-

ком Корана». Книги, как и люди, имеют свои судьбы. В конце октября 1917 г. мусульмане Петрограда обратились с заявлением об изъятии этой мусульманской святыни из Российской публичной библиотеки, где она хранилась с 1874 г., «для водворения ее в условия более соответствующие святости этой мусульманской реликвии». А.Э. Шмидт, как ученый, изучивший этот раритет, как заведующий восточным отделом библиотеки, стремясь оградить древний памятник мусульманской письменности от гибели в условиях мятежного времени и «не допустить самовольной выемки «Корана Османа», вел переговоры с Тукумбетовым — председателем мусульманских организаций города. Он не возражал против передачи реликвии мусульманским организациям, но четко отмечал, что ближайшее право на хранение этой святыни имеет Самарканд. Правительственное решение о выдаче «Корана Османа» мусульманам последовало 9.12.1917 г.⁵³³

Но уже 7 декабря в сумерках к библиотеке подъехала карета в сопровождении конницы мусульманской воинской части. Группа молодых вооруженных мусульман, возглавляемая польским татаринном Александром Тальковским и муллой Исаховым, потребовала немедленной выдачи книги. Бряцая оружием, возбужденные люди не шли ни на какие переговоры и намеревались применить силу. По тревоге службы охраны библиотеки была поставлена в ружье рота Семеновского полка. А.Э. Шмидт, как обычно, подолгу задерживавшийся в библиотеке, уговаривал обе стороны от применения оружия. Трудно предположить, как бы развернулись события, окажись в библиотеке в то время вместо А.Э. Шмидта другой человек. Он, уговаривая обе стороны, принял единственно правильное решение: «Коран Османа» был выдан вместе с витриной мусульманам, о насильственном изъятии его составлен акт за подписью всех присутствующих. Священная реликвия была отправлена в Уфу. От возможной в случае перестрелки порчи и гибели были спасены не только Коран, но и другие более ценные рукописи.⁵³⁴ А.Э. Шмидту пришлось и в дальнейшем оставить свой след в истории «Корана Османа».

Все годы своей трудовой деятельности в С.-Петербурге А.Э. Шмидт проводил тщательные научные исследования. Более 17 лет он собирал материал для монографии об египетском ученом-богослове и суфии XVI в., изучив все семь десятков томов, часто многотомных сочинений ученого и множество ру-

⁵³³ Декреты Октябрьской революции. Вып. 1. М. 1933. С. 256 — 257.

⁵³⁴ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 710. Л. 14.

копией того времени. Докторская диссертация, которую он защитил в 1914 г., «Абд-ал-Ваххаб-аш-Шарани и его «Книга рассыпанных жемчужин» (О сливках наиболее известных наук)» (СПб. 1914 г. С. 297), по оценке ведущих востоковедов, была «первой в Европе монографией», «выдающимся трудом по общему исламоведению» и представляла собой «одно из крупнейших явлений русского исламоведения за XX век» (оригинал также хранится в отделе редких изданий Национальной библиотеки Узбекистана). А.Э. Шмидт, автор этой диссертации, по авторитетному мнению многих ученых, был признан основоположником русского исламоведения. Своему научному интересу А.Э. Шмидт оставался предан всю свою жизнь. С конца 1917 г. А.Э. Шмидт, как востоковед, привлекается к участию в работе учрежденного еще Временным правительством Организационного комитета по созданию в Ташкенте Туркестанского университета, дебаты о необходимости открытия которого велись не одно десятилетие. В Ташкенте стараниями Общества ревнителей высшего образования 21.04.1918 г. был открыт Народный университет, 12.05.1918 г. в старгородской части Ташкента состоялось открытие «мусульманской секции» университета. Этот день в соответствии с указом Президента Узбекистана от 28.01.2000 г. ныне объявлен датой основания Национального университета республики. Однако работа по организации Туркестанского университета в те годы еще только начала разворачиваться. С 31.08.1919 г. вместо Организационного комитета общим собранием московской и петроградской групп ученых, занятых подготовкой университета и официально провозгласивших себя Ученым советом, было избрано правление создаваемого вуза. Его возглавил академик-почвовед Н.А. Димо, избранный ректором. Заместителем ректора создаваемого университета был избран А.Э. Шмидт, главными задачами которого являлись: подбор преподавательского коллектива, комплектование библиотеки, подготовка необходимого учебно-методического материала и оборудования для лабораторий. Приказом по Российской публичной библиотеке с 15.01.1920 г. А.Э. Шмидт увольняется «в отпуск ввиду командирования его в Ташкент для организации Туркестанского госуниверситета на месте в качестве заместителя ректора последнего». Подготовка к отъезду началась с ноября 1919 г. В конце января 1920 г. Главным санитарным управлением был предоставлен отдельный легендарный военно-санитарный поезд № 159, который и отошел с сортировочных путей Казанского вокзала

Москвы на рассвете 19.02.1920 г., с необходимым оборудованием, частью библиотеки и первой группой педагогов для университета с их семьями под общим руководством А.Э. Шмидта. Все тяготы 52-дневного пути до Ташкента по только что восстановленной для движения железной дороге в условиях неспокойной фронтовой обстановки, транспортной разрухи легли на его плечи. Он был вынужден даже отправить внеочередную телеграмму главкому Туркфронта Г.Я. Сокольникову: «Делегация ТГУ прибыла в Актюбинск. Дальнейшее движение затруднено. Просим приказа внеочередной отправки санитарного поезда № 159, с которым следует делегация». Вместе с А.Э. Шмидтом выехали его жена, Вера Юльевна (43 года), и два сына: Эдуард (15 лет) и Александр (13 лет).⁵³⁵

В составе первой группы преподавателей, прибывших в Ташкент, были также Рихард Рихардович Циммерман (1891 — 1951 гг.) и Сергей Эмильевич Циммерман (1882 — 1957 гг.). Поезд № 159 торжественно встречали в Ташкенте 10.04.1920 г. Всего было отправлено пять университетских составов, последний прибыл в конце октября 1920 г. А.Э. Шмидт, уже к тому времени признанный ученый с мировым именем, будучи гораздо старше приехавших с ним коллег, был всецело захвачен строительством высшего учебного заведения в крае и «полон молодого энтузиазма». Превосходно владея языками Востока, этикой религиозно-правовых и бытовых отношений, он сразу завоевал уважение и прочную репутацию среди коренного населения и активно участвовал в общественной жизни города. «Действительно достойной восхищения, поразительно энергичной и разнообразной была высокоплодотворная и кипучая деятельность А.Э. Шмидта в Ташкенте», — отметит историограф Б.В. Лунин.⁵³⁶

Как член ректората университета, А.Э. Шмидт заведовал студенческими делами всех факультетов, был деканом социально-экономического и историко-филологического факультетов, назначался заместителем декана по гуманитарным наукам (с 1922 г.), участвовал в создании военной кафедры, разрабатывал проект создания при университете Института этнологии, был членом различных комиссий и обществ, а также читал лекции по арабскому языку и словесности, мусульманскому праву и исламоведению, выступал с публичными лекциями. Параллельно с апреля 1920 г. он был избран профессором Туркестанского Вос-

⁵³⁵ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1328. Л. 79.

⁵³⁶ Лунин Б.В. По велению сердца и разума // Общественные науки в Узбекистане. 1970. № 8.

точного института (открыт 8.11.1918 г.), а с 17.12.1920 г. уже последовало его избрание ректором Восточного института.⁵³⁷

Восточный институт, как высшее специальное учебное заведение, ставил своей целью подготовку кадров ученых-востоковедов, широкое привлечение в стены института представителей и молодежи коренных национальностей, осведомленных с методами европейской науки, могущих в будущем явиться проводниками европейской культуры и науки в широкие массы коренных жителей Туркестана. А.Э. Шмидт читает спецкурсы по исламоведению, мусульманскому праву, мусульманской экзогетике и догматике, истории арабской литературы и арабскому языку.⁵³⁸ Заполняя 2.12.1926 г. «персональную карточку преподавателя общественных дисциплин вузов и комвузов», А.Э. Шмидт на вопрос «В какой области работы мыслите наиболее целесообразным свое использование?» ответил: «В области изучения истории духовной и материальной культуры мусульманского Востока». После слияния в сентябре 1924 г. Восточного института со Среднеазиатским университетом, А.Э. Шмидт был утвержден деканом вновь образованного восточного факультета САГУ, а с марта 1927 г. еще и проректором университета по учебной работе.

А.Э. Шмидт был не только «основоположником отечественного исламоведения», но и одним из основоположников научного востоковедения в крае. С 1920 г. он был избран членом Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН. Историки единодушно утверждают, что история создания подлинно научного востоковедения в Центральной Азии неразрывно связана с именем А.Э. Шмидта, он стоял «у истоков организации научной востоковедческой школы» края, «если в Туркестане создался очаг серьезного востоковедения, основанный впервые на строго научных методах, то этим Ташкент в значительной мере обязан А.Э. Шмидту», — отмечали ведущие востоковеды страны в «Записке о научных трудах» профессора А.Э. Шмидта. С его приездом стало возможным усилить преподавание востоковедных дисциплин, поставить разработку программ и работу кафедр на высоком научно-методическом уровне. Он обеспечил приток высококвалифицированных преподавательских сил из центра, заполнивших пустовавшие до того времени кафедры Восточного института. Им переиздаются арабская хрестоматия и словарь, он публикует работы и статьи для иллюстрации

⁵³⁷ ЦГА РУз. Ф. 368. Оп. 1. Д. 277. Л. 69.

⁵³⁸ Туркестанский Восточный институт за первые четыре года своего существования (1918 — 1922 гг.) // Наука и просвещение. 1923. № 2.

биографии Мухаммеда, по истории сунитско-шиитских отношений, знакомит читателей с трудами мусульманских богословов, принципами и нормами правления отдельных восточных правителей и т. д. По совместительству А.Э. Шмидт в эти годы преподает еще и на Туркестанских военных курсах востоковедения, заведует археологическим и нумизматическим отделом Главного Среднеазиатского музея, выполняет обязанности помощника редактора журнала «Наука и просвещение», с марта 1927 г. возглавляет редакционно-издательскую комиссию университета, входит в состав научной комиссии по изучению быта коренного населения Туркестана при Совнаркомом ТАССР (1920 — 1922 гг.). Как и другие востоковеды, он проводит работу, «имевшую важное государственное значение» — реформирование письменности узбекского, таджикского и других народов Центральной Азии (с 1920 г.); руководит Обществом историко-филологических и социально-экономических наук при университете (1920 — 1922 гг.); участвует в работе «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами» (с 1925 г.); состоит членом правлений ТОРГО и Туркомстариса (Туркестанский Комитет по делам музеев и охраны памятников старины, организован 27.11.1920 г.).⁵³⁹

А.Э. Шмидт был также участником нескольких научных экспедиций: вместе с В.В. Бартольдом, Е.К. Бетгером и В.Л. Вяткиным (археолог, нашел и раскопал в 1908 — 1909 г. обсерваторию Улугбека под Самаркандом) совершает поездку в Бухару для осмотра, описания и принятия мер по изучению и охране архивных документов и рукописей (сентябрь 1920 г.); для охраны памятников архитектуры, фотосъемки и архитектурных обмеров мавзолея Ахмада Яссави (Туркестан, 1922 г.); в долину р. Чу, озеро Иссык-Куль — «по пути арабских географов IX века» (1925 г.); в Туркмению (1926 г.). В Ташкенте А.Э. Шмидт вновь оказался сопричастен к событиям вокруг «Корана Османа». Именно с его подачи Туркомстарис в феврале 1922 г. возбуждает ходатайство о возвращении святыни в собственность Туркеспублики.⁵⁴⁰ ТурЦИК уполномочивает ученого «специалиста профессора Шмидта» совместно с Касым Ходжаевым выехать в Уфу для доставки священной книги в Туркестан.⁵⁴¹ Телеграмма от 15.07.1923 г. в Москву, где в это время ученый находился в командировке, также гласила о том, что «проф. Шмидт обязан принять

⁵³⁹ ЦГА РУз. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 67.

⁵⁴⁰ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 710. Л. 5 — 68.

⁵⁴¹ ЦГА РУз. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1145а. Л. 52.

участие в приемке и перевозе «Корана Османа». Однако позднее «по политическим соображениям, не желая обострять отношения с мусульманским духовенством», так как это «вызывает большое неудовольствие среди уфимского духовенства», ему, как немусульманину, было рекомендовано не принимать участия в составе делегации.⁵⁴²

В октябре 1923 г. «Коран Османа» в отдельном вагоне с вооруженной охраной был привезен в Ташкент и отправлен по рекомендации А.Э. Шмидта временно на хранение в Старо-городской музей Туркомстариса в Самарканд, хранителем святыни был назначен Захридин Аглям Касымов — председатель Мусульманского Духовного управления.⁵⁴³ Затраты по доставке Корана в Ташкент составили около 150 тыс. рублей. В Музее Истории Узбекистана сохранилась фотография: А.Э. Шмидт с раскрытым фолиантом мусульманской реликвии в руках в центре группы делегатов-мусульман от Туркеспублики. «Коран Османа» с 1941 года хранился в Ташкенте в Музее Истории Узбекистана, в 1989 г. раритет передан Духовному управлению мусульман Узбекистана. На месте 69 ныне недостающих в нем вырванных, утерянных, проданных (о чем в свое время предупреждал А.Э. Шмидт, требуя оградить этот памятник мусульманской письменности «от гибели в руках лиц, могущих его превратить в предмет спекуляции и продажи по частям») пергаментных листов — бумажные, их имитирующие. ЮНЕСКО 28.08.2000 г. выдало Духовному управлению мусульман Узбекистана сертификат, подтверждающий, что хранящийся в Ташкенте и почитаемый в мусульманском мире «Коран Османа» <...> единственный из сохранившихся до наших дней Коран, переписанный в ту далекую эпоху».

А.Э. Шмидт будучи заместителем председателя Государственного Ученого Совета и членом Коллегии научного совета Наркомпроса Туркеспублики (с 1920 г.) координировал всю научную работу в вузах края, разрабатывал ее организационно-структурную и методическую основы, формировал базу подготовки научных кадров региона.⁵⁴⁴

Продолжал он и свои научные изыскания, публиковал работы по исламоведению. Своими переводами и изучениями арабских рукописей помогал другим исследователям (по вопросам изучения истории орошения, добыче полезных ископаемых в Средней Азии и др.). По рекомендации В.В. Бартольда он изыскивал

⁵⁴² ЦГА РУз. Ф. 394. Оп. 1. Д. 33. Л. 1 — 5.

⁵⁴³ ЦГА РУз. Ф. 394. Оп. 1. Д. 37. Л. 80б.

⁵⁴⁴ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 710. Л. 25.

реальные пути и проводил работу через посольства и политические представительства СССР в Мешхеде и Кабуле по «осуществлению снятия копий» с редчайших рукописей, находящихся в библиотеках Парижа и Кабула. Он был участником проходившей в Москве в 1928 г. Второй Всесоюзной конференции по изучению производительных сил страны, ратовал «за уделение большего внимания и средств постановке научно-исследовательских работ в Средней Азии» и улучшение снабжения САГУ «новейшей отечественной и иностранной научной литературой». Фактически организатор и участник большой научной работы в регионе, А.Э. Шмидт со свойственной ему скромностью всегда старался оставаться, по возможности, незамеченным, в тени. Но окружавшие его люди, коллеги, студенты объективно давали очень высокие оценки его научной и педагогической деятельности, отмечали высоконравственные личностные характеристики. Его живые, фактологически насыщенные лекции привлекали внимание слушателей, и очень скоро вокруг А.Э. Шмидта сплотился коллектив востоковедов и кружок студентов, увлеченных исламоведением, изучением арабского языка и истории Востока. Глубокие, основательные научные познания, исключительная преданность работе, высокий профессионализм педагога снискали ему любовь и уважение друзей, коллег, учеников. Об особом их отношении к нему говорит тот факт, что к 25-летию прочтения им первой лекции (15/28 января 1898 г.) группой востоковедов были подготовлены посвященные ему «Сборник ТВИ в честь проф. А.Э. Шмидта» (Ташкент. 1923 г. 2000 экземпляров) и специальный выпуск студенческого журнала «Восток» (К юбилею (А.Э. Шмидта) // Восток. Журнал студенчества Туркестанского восточного института. 1923 г. 23 января. № 1 (5)). «Преподаватели и студенты Туркестанского Восточного института горячо приветствуют Вас, своего старшего сочлена и высокоавторитетного учителя, — отмечали коллеги и ученики в предисловии к сборнику, — и просят благосклонно принять их совместный труд, как посильную дань глубокого к Вам почтения и признательности за всегдашнее теплое и отзывчивое к ним отношение». При этом в списки «для распространения среди заинтересованных лиц и учреждений» после опубликования сборника были внесены имена известных востоковедов, крупнейшие вузы страны, библиотеки Москвы и Ленинграда, МИД и консульства в некоторых восточных государствах. (Позднее сборник и студенческий журнал будут запрещены, изъяты из фондов библиотек, запрет снят только в последнее десятилетие XX в.) На юбилейном торжестве А.Э. Шмидта,

состоявшемся 28.01.1923 г., было произнесено много теплых слов в его адрес, в том числе и от сотрудников Ташкентской публичной библиотеки, делегаты от которой чествовали его не только «как педагога и как европейски известного ученого и писателя», но и «как библиотекаря, как бескорыстного, самоотверженного работника на поприще книжного дела и как высоко гуманного и глубоко отзывчивого человека».⁵⁴⁵

По представлению В.В. Бартольда, С.Ф. Ольденбурга, И.Ю. Крачковского, считавших, что «научные заслуги А.Э. Шмидта в области исламоведения и научно-организационная работа в Туркестане дают право предложить его к избранию в члены-корреспонденты Академии наук», в декабре 1925 г. он был избран академиком, в 1926 г. — членом-корреспондентом АН СССР по разряду восточной словесности отделения исторических и филологических наук. А.Э. Шмидт стал первым академиком Узбекистана, первым представителем от республик края в составе Академии наук СССР. В «Записке об ученых трудах А.Э. Шмидта», рекомендуящие его востоковеды отмечают: «Исламоведение, как особая научная область, не получила в России самостоятельного развития, <...> никакой школы русских исламоведов не существует, и число лиц, занимающихся этой областью, крайне ограничено. Едва ли не единственным ученым, работы которого посвящены почти исключительно исламоведению, является профессор Средне-Азиатского государственного университета в Ташкенте А.Э. Шмидт».⁵⁴⁶

Не в этом ли еще одна из причин странного феномена А.Э. Шмидта? Он признан в научном мире, известен в стране и за рубежом, его имя вошло во многие научные, справочные и библиографические издания, вышедшие на русском и иностранных языках, но... в то же время он как бы отстраненно удален. Он где-то там, за стеной привычного ранее умолчания. «Умалчивать, — писал мудрый В. Даль, — о чем-то не сказать, чего-то не говорить, не разглашать, скрывать, не досказывать, пропускать в рассказе». И добавлял: «О чем умолчено, то между строк читается». Репрессии 1930-х годов, в том числе над учеными-востоковедами в Ташкенте, несозвучие научных интересов ученого с официальным политическим курсом, а возможно, и с поверхностью прикрытыми, но наличествующими националистическими взглядами местных руководителей, коллизии международных отношений предвоенной эпохи и общее положение в

⁵⁴⁵ ЦГА РУз. Ф 412. Оп. 1. Д. 23. Л. 16об.

⁵⁴⁶ Известия АН СССР. Сер. 6. М. 1925.

стране не прошли бесследно для А.Э. Шмидта и памяти о нем, не пощадили и его семью. Официально в советской историографии отмечалось, что в конце 20-х годов «энергичная, до предела заполненная многопольными трудами деятельность А.Э. Шмидта» стала давать сбои, проявились «крайняя утомленность», «сердечное заболевание» и т. д. Сегодня просто невозможно представить атмосферу той эпохи и ту ужасную трагедию, которая была разыграна на восточном факультете университета, хотя известны ее действующие лица и их роли в ней. В городе набирало силу общество историков-марксистов, объявившее борьбу «за марксистско-ленинскую методологию истории», за разоблачение «идеологических установок историков-немарксистов» и выступавшее «против Бартольдской концепции» востоковедения (пройдут десятилетия, и на излете XX в. труды В.В. Бартольда на «черном рынке» в Ташкенте будут стоять целое состояние). Сторонники этого общества воспринимали востоковедение только как прикладную науку. А.Э. Шмидт поступал опрометчиво: подписал в 1925 г. адрес (его подписали и другие известные ученые-востоковеды Ташкента), отправленный академику В.В. Бартольду по случаю 25-летия защиты им докторской диссертации;⁵⁴⁷ был инициатором создания группы профессорско-преподавательского состава восточного факультета САГУ по подготовке к изданию сборника статей в честь В.В. Бартольда «В.В. Бартольду — туркестанские друзья, ученые и почитатели» (Ташкент. 1927). Сборник, выпущенный под редакцией А.Э. Шмидта и с его статьей о попытке сближения суннитов и шиитов при Надир-шахе (XVIII в.), о которой И.Ю. Крачковский отмечал, что она сохранит «достойное место в истории нашей науки», приобрел широкую известность среди историков и востоковедов страны. К тому же еще в «Бюллетени САГУ» (1929 г. № 11) он поместил статью, посвященную деятельности В.В. Бартольда. Он также являлся активным членом созданного центральноазиатскими учеными «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», которым в 1925 г. был опубликован сборник статей с картой «Таджикистан» (Ташкент. 1925 г.), где были помещены «крамольные» статьи В.В. Бартольда «Таджики», «Исторический очерк» и А.А. Семенова «Материальные памятники арийской культуры».⁵⁴⁸ И самое главное, предложил не включать в учебные программы востфака курсы политической экономии и Конституции СССР, а «эти предметы,

⁵⁴⁷ ЦГА РУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 43.

⁵⁴⁸ Бюллетень САГУ. 1926. № 14. С. 281.

— как подчеркивалось на собрании комфракции Учебного совета востфака САГУ в ноябре 1927 г., — являются основными на восточном факультете». Созданная специальная студенческая комиссия разработала свой учебный план факультета, а собрание членов цикловых комиссий одобрило его. Партийное собрание восточного факультета 19.02.1928 г. утвердило вердикт: «Конкретно Шмидт против засорения восточного факультета политическими предметами и против засорения факультета коммунистами». В докладе фракции историков-марксистов рассматривался вопрос о «расхождении студенческого учебного плана и плана А.Э. Шмидта», поскольку «студенчество специально древности изучать не хочет, <...> лишь познакомиться должны частично». Отмечалось и то, что «под руководством Шмидта наиболее реакционная часть профессорско-преподавательского состава объединилась <...> и в отношении учебных планов, методов преподавания, подбора личного состава проводит наступательную реакционную политику».⁵⁴⁹

А.Э. Шмидт «наступательным» не был. В анкете, заполненной 25.02.1922 г., на вопрос «По какой причине беспартийный?» он написал: «Всегда стоял вдали от политической жизни».⁵⁵⁰

Но это «отстояние» не уберегло его от политических интриг и конъюнктурного беспредела. В сентябре 1928 г. он освобожден от должности проректора, но продолжал еще вести лекционные курсы на факультете, в августе 1929 г. ему даже «в знак признательности за большой вклад в дело становления вуза» была назначена персональная «академическая» пенсия. Но борцы «за марксистско-ленинскую методологию истории» давили липкой и все более жесткой хваткой. На заседании фракции общества историков-марксистов от 30.11.1930 г. было принято решение «об организации докладов историков-немарксистов по вопросам истории Средней Азии» в целях «вскрытия и разоблачения идеологических установок» этих историков. Решено: «В первую очередь поставить доклады: гр. Шмидта на тему: «Бартольд как историк», поручить (товарищам...) подготовиться для выступления против Бартольдовской концепции, опираясь на позднейшие работы ученого <...> назначенных оппонентов заслушать на заседании фракции не позднее 1.12».⁵⁵¹ Шло фронтальное наступление на науку. Восточный факуль-

⁵⁴⁹ ЦГА РУз. Ф. 368. Оп. 13. Д. 3. Л. 43.

⁵⁵⁰ ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1328. Л. 79.

⁵⁵¹ ЦГА РУз. Ф. 368. Оп. 1. Д. 327. Л. 31.

тет университета был ликвидирован в 1930 г. С 9.03.1931 г. А.Э. Шмидт «по его просьбе» отчислен из университета за «прекращением преподавания арабского языка и исключением из учебных планов востоковедных дисциплин». Один из лучших корпусов, признанный флагман классического русского востоковедения, сложившийся в Ташкенте в 20-е годы при содействии А.Э. Шмидта и представлявший собой цвет не только центральноазиатской, российской, но и мировой ориенталистики, был разгромлен под натиском политизации и абсурда. Опальных востоковедов приглашали к себе организаторы Таджикистанского института, но «допустить их до работы в Таджикистане, где они, несомненно, будут играть основную, руководящую роль, понятно, ни под каким видом нельзя», заявляли обеспокоенные организаторы разгрома науки в Ташкенте.⁵⁵²

С мая 1931 г. последовали: арест А.Э. Шмидта в числе других 11 опальных востоковедов и преподавателей университета, обвинение его по статье 58 УК РСФСР (контрреволюционная деятельность), затем в октябре освобождение из-под ареста и в январе 1932 г. «вольная ссылка» сроком на 3 года в Алма-Ату с поражением в правах и лишением академической пенсии.⁵⁵³

После возвращения из ссылки в Ташкент А.Э. Шмидт с сентября 1934 г. приступил к работе в Ташкентской публичной библиотеке, объявленной в 1933 г. «Центральным рукописохранилищем». В библиотеку стал поступать большой поток рукописей, литографий из библиотек и учреждений других городов республики. С целью организации их изучения библиотека «приютила у себя» в то время и других крупнейших опальных востоковедов края. В коллективе восточного отдела библиотеки А.Э. Шмидт явился инициатором работы по описанию восточных рукописей и созданию каталога для последующей его публикации. Он даже 19.01.1938 г. назначается временно заведующим отдела рукописохранилища библиотеки.⁵⁵⁴ Именно «его инициативе в значительной мере обязана своим началом планомерная подготовка каталогов большого собрания рукописей Ташкентской библиотеки, — отмечал Ю. Крачковский. — В этом отношении Узбекистан далеко опередил другие республики». Немало сил было вложено ученым в начальный этап этой работы — разработал план, методику и характер описаний рукописей и описал большое их количество. Свою реализацию работа

⁵⁵² ЦГА РУз. Ф. 368. Оп. 13. Д. 5. Л. 2.

⁵⁵³ Германов В. Истино говорю, что один из вас //Звезда Востока. 1995. № 3 — 4.

⁵⁵⁴ ЦГА РУз. Ф. 412. Оп. 1. Д. 48.

над каталогом получила много позднее изданием в 1952 г. томов «Собрание сочинений восточных рукописей АН УзССР (Т. 1 — 10. Ташкент. 1952 — 1975 гг.). Выход «этого капитального издания» был возможен, как отмечалось в предисловии к 1-му тому, «при участии ряда ученых», в числе которых указаны имена: А.К. Арендс, Е.К. Бетгер, А.Э. Шмидт, Э.А. Шмидт.

А.Э. Шмидт в годы работы в библиотеке продолжает и свои научные исследования: публикует статьи, является членом редколлегии «Трудов Государственной публичной библиотеки»; готовит к изданию работу «Коран XIV века с персидским и старотурецким переводами» (не издана); в октябре 1937 г. принимает участие в работе 2-й сессии арабистов в Ленинграде; участвует в подготовке и выступает с докладом на юбилейной конференции, посвященной Ибн Сино; составляет «Описание рукописей Авицены в собрании ГПБ»; по поручению Института востоковедения АН СССР работает над критически комментированным переводом «Книги о налоге» Абу Юсуфа судьи в эпоху Харуна ар-Рашида — важного источника характеристики социально-экономической истории халифата VII — IX веков.

Но... 3.07.1938 г. последовал приказ о его снятии «с 27 июня с.г. с занимаемой должности ввиду не выхода на работу». К этому времени А.Э. Шмидт вновь арестован, теперь уже по обвинению в «пособничестве Германии, шпионаже и связи с иностранцами». Проведены неоднократные «беспристрастные» допросы под прикрытием видимости соблюдения законности того времени, когда признания обвиняемого считались достаточным доказательством его вины, а органы добились самооговора и подписи под чудовищными обвинениями всеми способами (в архивах срезхранения среди документов обвинения сохранено «признание» от 16.06.1938 г. «Работая первое время деканом восточного факультета САГУ, а потом зам. директора (так в тексте. — *Н.К.*) САГУ, я совместно с проф. Семеновым, Малицким и Андреевым возглавил реакционную группу профессуры. Мы создали на Востфаке контрреволюционную вредительскую группу из числа профессорско-преподавательского состава, ставившую перед собой задачи: срыв работы в области подготовки кадров советских специалистов, противодействие советизации преподавательского состава и введению общественно-политических дисциплин и марксистско-ленинской методологии». Измученного, тяжело больного его отпустили 1.08.1939 г. Через несколько дней, 9.08.1939 г., А.Э. Шмидт скончался. Некоторые работы ученого остались неопубликованными, что объяснимо с учетом сложившегося в конце 20-х годов — начале 30-х годов поло-

жения с востоковедением в стране и в Центральной Азии. В 1958 г. Институтом востоковедения АН СССР была издана «рукопись переводов свидетельств арабских средневековых авторов, относящихся к истории Средней Азии и Ирана до арабских завоеваний, хранящаяся в «числе рукописей покойного члена-корреспондента АН А.Э. Шмидта в секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР в Ленинграде». Отмечалось при этом, что переводы свидетельств арабских авторов, «выполненные одним из наших лучших арабистов», «послужат надежным пособием для всякого интересующегося историей Средней Азии и Ирана в доарабский период», и сама рукопись ученого подготовлена «в совершенно готовом для печати виде» (Шмидт А.Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки Института востоковедения. Т. 16. 1958 г.).

Старший сын ученого, Эдуард Александрович Шмидт, пошел по стопам отца, стал востоковедом, окончив в 1924 г. восточный факультет САГУ. После предварительного прочтения на публичном заседании Учебного совета востфака САГУ 21.11.1927 г. «пробной лекции» «на предмет соискания им звания ассистента по кафедре тюркологии» на тему «Первый узбекский исторический роман «Уткан кунляр» Абдулы Кадыри», он был зачислен научным сотрудником на востфак.⁵⁵⁵ Преподавал турецкий, затем и немецкий языки в университете, после смерти отца с 11.11.1940 г. был зачислен на должность научного работника в отдел восточных рукописей Ташкентской публичной библиотеки, «по совместительству <...> на 2 рабочих часа в день», где продолжил описание восточных манускриптов, начатое его отцом. Приказом № 187 от 3.12.1940 г. Э.А.Шмидт с 23 октября зачислен «преподавателем Института практикантов при отделении восточных рукописей по курсу «Введение в тюркологию» из расчета 20 рублей в час со включением отпускных».⁵⁵⁶ Но уже приказом от 3.01.1942 г. Э.А.Шмидт «освобождается от занимаемой должности ввиду выезда из Ташкента» — так официально определялась депортация сыновей А.Э. Шмидта вместе с их семьями в район р. Зеравшан в Самаркандскую область. Э.А.Шмидт из ссылки не вернулся. Его жена, бывшая сокурсница по Восточному институту, Зоя Валерьяновна Радзинская, после возвращения вместе с сыном в Ташкент руководила восточным сектором Фундаментальной библиотеки Ташкентского университета, после вы-

⁵⁵⁵ ЦГА РУз. Ф. 368. Оп. 1. Д. 277. Л. 75; Оп. 13. Д. 3. Л. 4.

⁵⁵⁶ ЦГА РУз. Ф. 412. Оп. 1. Д. 48. Л. 43, 60, 78.

хода на пенсию уехала в Алматы в семью сына, в которой подрастали две внучки. Сведений о судьбе второго сына А.Э. Шмидта и его семьи нет.

В предисловии к 1 тому «Собрания восточных рукописей АН УзССР» среди авторов их описания две фамилии, стоящие рядом, А.Э. Шмидт и Э.А. Шмидт, обведены траурной рамкой.⁵⁵⁷ Отец и сын, чьи сердца и судьбы были отданы Востоку, пресеченный и нераскрывшийся таланты, две жизни, искореженные жестоким временем. Стена умолчания, основанием которой явилась преданность ученого своим научным интересам, а национальность разыгрывалась как строительный материал, возводилась прочно. В списке профессоров, работающих в Узбекистане в 1935 г., еще стоит имя магистра арабской словесности, профессора А.Э. Шмидта: стаж работы — 40 лет, научный стаж — 40 лет, общее количество печатных опубликованных работ — 44, «в данный момент не имеющего общественных нагрузок». Но в сведениях о выдающихся ученых республики за последние годы данные о первом в республике академике АН СССР А.Э. Шмидте уже отсутствуют, хотя в это время он продолжал свои активные исследования (в том числе рукописи III тома Всемирной истории ибн-Мискавейха).⁵⁵⁸ На стенах вестибюля в здании Института востоковедения АН РУз была помещена небольшая фотогалерея ученых-ориенталистов, память о которых чтит новое молодое поколение востоковедов. Фотографии А.Э. Шмидта среди них нет. А.Э. Шмидт был не только крупным ученым, известным специалистом в области арабистики и исламоведения, широко образованным историком и филологом, прекрасным педагогом, но и знатоком, тонким ценителем искусства, литературы, подлинно интеллигентным и очень добрым человеком, щедро дарящим окружающим теплоту и свет своей души. До революции ему был присвоен чин статского советника и присуждены награды орденами: Св. Станислава и Св. Анны 2-х степеней. Но высшей оценкой личности А.Э. Шмидта явилась та, которая была дана ему простыми людьми, знавшими его при жизни. Эпитафия на скромной плите его могилы кладбища на бывшей улице Боткина гласит: «Везде ты всеми был любим и как о лучшем человеке мы память о тебе храним». Сохранить бы, не растерять ее в бурном потоке Времени, Событий, Перемен.

⁵⁵⁷ Собрание сочинений восточных рукописей АН УзССР. Т. 1. Ташкент. 1952. С. 8.

⁵⁵⁸ ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 22. Д. 38. Л. 8; Д. 53.

«ЭТО СЛИШКОМ ДЕРЗКО»

С -Петербургским окружным военным судом 11.08.1887 г. по обвинению в «состоянии тайного общества с целью низвержения государственного строя» был осужден воспитанник 4-го Московского кадетского корпуса и Николаевского инженерного училища подпоручик Бессарабского полка Михаил Федорович Мауэр, дворянин из Московской губернии, 1.11.1866 г. рождения. Он был приговорен к 6 годам ссылки, разжалован в рядовые и отправлен в Туркестан.⁵⁵⁹ Служил в Фергане, со 2.12.1887 г. зачислен в 18-й Туркестанский линейный батальон, в мае-октябре 1892 г. был командирован в состав Памирского отряда и принимал участие в военном походе под командованием полковника М.Е. Ионова (1846 — 1924 гг.) для «укрепления южных границ империи на Памире», куда активно стали проникать китайские и афганские посты, и «для ликвидации последних». За отличную службу и отвагу 14.02.1893 г. М.Ф. Мауэру был возвращен утраченный чин подпоручика. С 1896 г. он зачислен в запас по армейской пехоте Ферганской области и направлен в Н.-Маргелан. На государственной службе состоял с 1903 г., был назначен 21.02.1904 г. первоначально городским Кокандским, затем с 1906 г. Наманганско-Чустским архитектором. В отставку вышел 31.10.1907 г. и с 12.07.1908 г. с семьей — жена, Серафима Васильевна (Благовещенская), сын, Федор

(25.09.1897 г. рождения) и дочь, Елена (29.10.1904 г. рождения) — проживал в Коканде. Серафима Васильевна Благовещенская приехала в Туркестан в 1890 г. Она была одной из первых русских женщин-медиков, работающих среди местного населения. Работала в Коканде и Самар-

⁵⁵⁹ ЦГА РУз Ф. И — 19. Оп. 1. Д. 15396. Л. 31 — 37.

канде фельдшером-акушером в больницах для русских и местных жителей, пользовалась большим уважением у населения.

В Коканде по предложению М.Ф. Мауэра на запад от бывшего дворца последних кокандских ханов была проложена новая городская магистраль, застроенная капитальными зданиями европейского стиля, сохранившимися и доныне. Историки нашего времени четко фиксируют: М.Ф. Мауэр «застраивал Коканд». Знаний не хватало, и в 40-летнем возрасте любознательный, талантливый инженер становится студентом Рижского политехнического института. После окончания вуза и возвращения в Туркестан в 1916 г. семья переезжает в Самарканд, где М.Ф. Мауэр начинает работать по восстановлению многих архитектурных памятников мусульманского зодчества. Обширные знания в области архитектуры, математики и инженерной практики позволили ему разработать уникальную систему поворотного круга и с его помощью выпрямить не только наклоняющийся, но и разворачивающийся при наклоне вокруг своей оси северо-восточный минарет медресе (в средние века — общеобразовательная школа и высшее учебное заведение — университет, являющийся центром центрально-азиатского просвещения, где кроме богословия изучали математику, астрономию, философию), построенного Мирзо Улугбеком в 1417 — 1420 гг. на площади Эль-Регистан в Самарканде. Высота его составляла 33 метра. В 1918 г. была создана специальная комиссия для восстановления минарета медресе Улугбека. Известный археолог академик Е.М. Массон, что писал «члены комиссии отчетливо сознавали, что знаменитое медресе Улугбека является памятником большого научного и художественного значения и что главный его фасад без одного углового минарета окажется недопустимо обезображенным». И без того в 1870 г. рухнул один из четырех минаретов, годами позднее — второй. Реконструкция минарета — беспрецедентный случай в инженерной практике, описание которого вошло во многие издания, в частности, отмечено в публикации «Сто великих чудес света» (М. 1999 г.). Француз, российский археолог, исследователь истории Туркестана и по совместительству агент французской разведки И.А. Кастанье (1875 — 1958 гг.), проводивший регистрацию памятников старины в Самарканде, считал невозможным восстановление минарета.

«Первый инженер России» академик В.Г. Шухов (1853 — 1939 гг.) — автор радиобашни на Шаболовке в Москве, разработал систему наиболее «выгодного способа» реставрации: он «нашел, что легче опустить минарет, чем поднимать

его», и считал, что следует «как можно меньше перемещать массу минарета». Военный инженер Б.Н. Кастальский (1863 — 1943 гг.) — участник строительных объектов в Самаркандской области и инициатор создания комиссии для восстановления минарета, членами которой также были археолог В.Л. Вяткин и М.Ф. Мауэр, предложил разобрать и вновь собрать минарет. Но М.Ф. Мауэр считал, что такая «реставрация» фактически «уничтожит памятник старины», на месте которого возникнет «уродливый новодел», который уже «не будет минаретом Улугбека», и, напротив, предложил сохранить, выпрямить, удержать его в вертикальном положении. Споры между двумя инженерами и сторонниками их мнений продолжались довольно долго. На многочисленные возражения скептиков М.Ф. Мауэр как-то запальчиво заметил: «Когда минарет будут выпрямлять, я готов стоять у его основания. А он и не переломится и не упадет». В том же 1918 г. он разработал временное укрепление минарета в наклонном состоянии. Минарет был опоясан на половине его высоты деревянным корсетом, в виде оттяжек были использованы 24 толстых стальных троса весом до 36 тонн, притянутых к врытым в землю деревянным якорям. В зимнее время они издавали заунывные, гудящие звуки, за что сооружение у местных жителей получило название «чертова гитара». На высоте 10 метров был установлен флексиметр для измерения деформации, и в течение 5 месяцев велись наблюдения за состоянием минарета. Тросы менялись несколько раз, но конструкция простояла 14 лет и остановила падение башни, наклон которой, тем не менее, составлял почти 2 метра (1,8 м), а проекция центра тяжести минарета на горизонтальной поверхности сместилась от оси фундамента на 1055 мм. В Самарканде под председательством извешского археолога В.Л. Вяткина в 1922 г. было создано Самаркандское отделение Туркомстариса, при нем М.Ф. Мауэр возглавлял архитектурную секцию. Он провел большую и кропотливую, значительную по объему работу по изучению архитектуры древних памятников края, обращался за консультацией к старожилам. Чтобы узнать дополнительные сведения о минарете и самому лучше улавливать смысл исторических текстов, он самостоятельно освоил персидский язык и прочел массу литературы, посвященной архитектуре края времен Тимуридов, привлек к работам по реставрации памятников площади Эль-Регистан известных местных мастеров-каменщиков. Для того чтобы увязать между собой все измерения, провел измерения и вычислил истинный меридиан, проходивший через минарет. В местной газете было опубликовано сообщение о

том, что специалистами Самкомстариса на Регистане «разбит меридиан» (горожане приходили на площадь, чтобы потрогать эту географическую полосу — высеченный на мраморных плитах маленький крестик и два крохотных отрезка прямых линий). Помимо этой работы весьма интересна заметка в отчете М.Ф. Мауэра за 1925 г. о том, что он проводил магнитные наблюдения над могилой Тамерлана, и они подтверждают наличие в ней большого парамагнитного тела и других металлических предметов. В 1927 г. М.Ф. Мауэр неоднократно ездил в Москву, где его проект реставрации минарета получил технические доработки инженера В.Г. Шухова. На основании этого и был построен специальный поворотный круг для выпрямления минарета. Но когда он был доставлен на место в Самарканд, М.Ф. Мауэр обнаружил несколько неточностей, которые «при практическом выполнении проекта» могли «привести к пагубным последствиям». Он доказал, что прогиб арматуры даже на несколько миллиметров может оказаться роковым для выпрямляемого минарета. В Москве вынуждены были согласиться с его расчетами. В этом же году надземная часть фундамента минарета была «заключена в железобетонную обойму». После доработки поворотного круга в 1932 г. была блестяще проведена по проекту М.Ф. Мауэра и под его руководством операция по восстановлению минарета в строго вертикальном положении. Минарет был отрезан от своего основания, приподнят при помощи домкратов и временно закреплен с помощью разработанной системы на специальной металлической раме, под центр тяжести минарета подведена поворотная конструкция, фундамент укреплен железобетонной кладкой, затем отрезанную часть минарета чуть «качнули», повернули в противоположную от наклона сторону и выпрямили, «огромный ствол минарета был целиком отделен от своего основания и закреплен на раме с шатунами. Вся поврежденная его нижняя часть от уровня фундамента на высоту нескольких метров была удалена. Ее заменили капитальной железобетонной кладкой. <...> В течение нескольких часов ствол минарета медленно «качнули» в обратном направлении и выпрямили», — писал Е.М. Массон, принимавший участие в этом процессе и единственный из исполнителей работы, кто оставил ее описание. Минарет «поворачивался легко и был установлен вертикально». Поворот осуществлялся при помощи системы тросов, охватывавших его корпус. Несколько часов спустя тросы были убраны, затем был убран и деревянный «корсет». В письме В.Г. Шукову от 11.03.1932 г. Ф.М. Мауэр, описывая технические подробности выполненной работы и неко-

торые мелкие проблемы в ходе ее, отмечал: «исходя из обстоятельств и по местным условиям работы производились медленно и с большими перерывами, <...> выпрямление было начато 7 января после обеденного перерыва при довольно буйном ветре <...> и закончено 11 января в половине дня; в этом промежутке был один выходной день, <...> во время работ не обвалилось ни одного кирпичного осколка и, насколько можно было проследить, не появилось ни одной новой трещины, <...> погрешность в определении центра тяжести минарета была невелика». Благодаря смелости идеи, точности до миллиметра расчетов М.Ф. Мауэра с помощью простого, несложного по материалам способа был спасен исторический памятник средневекового зодчества края. Никогда и нигде в прошлом и в последующие годы мир не знал подобного приема сохранения памятников. Австрийский инженер И. Шредер писал по поводу проектов выпрямления минарета: «Это слишком дерзко, противоречит законам тяготения. Минарет обрушится, как только его начнут поднимать».⁵⁶⁰

Но минарет простоял более 80 лет, ныне верхняя его часть отклоняется в другую сторону, кто и как будет спасать шедевр старинного зодчества — пока не ясно. А тогда председатель Туркомстариса — известный историк Д.И. Нечкин в письме от июля 1932 г. посчитал «своим долгом» просить Наркомпрос Республики Узбекистан о «сравнении инженера Мауэр — заведующего строительной секцией, выполнившего вполне самостоятельно все работы по такой опасной операции, как выпрямление и реставрация падающего северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека, в отношении оклада с научно-техническим руководителем», а археолог В.Л. Вяткин в ноябре того же года настаивал «на необходимости» «сохранить для работы в качестве руководителя работ по минаретам М.Ф. Мауэр». По проекту М.Ф. Мауэра была проведена также реставрация купола мавзолея Гур-Эмира, где покоится прах Амира Тимура и его потомков, но это было уже много позднее, в 1947 г., уже после смерти Михаила Федоровича, скончавшегося в 1936 г. «Глядя на обновленные шпили минаретов, — пишет наш современник, — будем помнить и о тех, кто в полуголодные годы сделал все, чтобы потомки не потеряли эту красоту».

⁵⁶⁰ Сто великих чудес света. М. 1999. С. 299; Массон М.Е. Падающий минарет. Т. 1968 г.; Спустя десятилетия, в 1965 г. был поднят «с помощью домкратов» и выпрямлен юго-восточный минарет медресе по проекту Эмануила Матвеевича Генделя (1903 — 1994 гг.) — крупнейшего специалиста по «передвижке архитектуры».

«БЕССПОРНЫЙ И ГЛУБОКИЙ СПЕЦИАЛИСТ»

В семье «дерзкого» архитектора Михаила Федоровича Мауэра и его жены, Се-
рафимы Васильевны, в Коканде 25.09.1897 г. родился сын Федор — буду-
щий крупнейший ученый в области семеноводства, селекции, генетики и
систематики хлопчатника, доктор биологических наук, профессор.⁵⁶¹ После окон-
чания в 1914 г. Кокандского коммерческого училища он начал учебу в Харьков-
ском Ново-Алексеевском институте сельского хозяйства и лесоводства. На
каникулы приезжал домой, много работал в библиотеке, охотно помогал ее со-
трудникам. Руководство библиотеки через газету «Ферганская жизнь» (1915 г.
30 декабря) выражало благодарность Ф.М. Мауэру, «взявшему на себя труд на-
ряду с другими бесплатно пересоставить каталог библиотеки».⁵⁶² В июле 1917 г.
молодой специалист был зачислен инструктором ЦСУ на Всероссийской сель-
скохозяйственной переписи. После окончания работы в январе 1918 г. вернулся
к родителям, организовал сельскохозяйственную артель-коммуну, но вскоре был
призван в ряды Красной Армии. Затем в 1921 г. направлен для продолжения
учебы на второй курс агрономического факультета Туркестанского университета.
Среди студентов выделялся своей эрудицией и огромной работоспособностью,
поэтому и был привлечен к практической работе со студентами младших курсов.
Фактически Федор Михайлович Мауэр начал педагогическую деятельность на
биологическом факультете университета уже с 1922 г. как лаборант-ассистент, с
1924 г. — научный сотрудник при кабинете хлопководства САГУ, с сентября 1925
г. — преподаватель кафедры хлопководства. После перерыва в работе, с 1950 г.
— преподаватель, с 1953 г. — доцент кафедры дарвинизма и генетики биологи-
почвенного факультета САГУ, с 1960 г. — профессор. Одновременно с 1923 г. он
начинает работать на Туркестанской селекционной станции, где с первых дней
трудовой деятельности проводил научно-исследовательскую работу по хлопчат-
нику под руководством крупнейшего советского хлопководца профессора Г.С. Зай-
цева. На станции работал первоначально в должности научного сотрудника,

⁵⁶¹ ЦГА РУз. Ф. 2492. Оп. 1. Д. 1, 2.

⁵⁶² ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1675. Л. 140.

затем, с сентября 1925 г. — заведующего Контрольным отделом, с 1928 г. — заместителя директора по научной части, временно с 1929 г. по 27.11.1930 г. исполнял обязанность директора, с 1930 г. по 12.03.1931 г. был заведующим Бюро ботаники Ташкентской селекционной станции. Для ознакомления с научно-исследовательскими, опытно-селекционными работами по хлопчатнику был командирован с 11.09.1929 г. на шесть месяцев в США, Германию, Францию. Ученый свободно владел французским, немецким, английским языками, а также языком местного населения. После возвращения из-за границы продолжил свою научную работу по хлопчатнику: разработал научно обоснованную методику хлопкового семеноводства и снабжения хлопководства чистосортным семенным материалом; развернул селекционную работу; проводил исследования по физиологии, цитологическому, анатомическому строению растений; вывел новые сорта хлопчатника.

В 1925 — 1929 гг. в Центральной Азии была проведена вторая земельно-водная реформа, цель которой — полная национализация земли и воды. Осуществление ее проходило чрезвычайно сложно и тяжело, на территории края усилились репрессии, в рамках которых возникло так называемое «хлопковое дело» 30-х годов. По сфабрикованному делу Ф.М. Мауэр был первоначально 27.11.1930 г. освобожден от должности директора, затем «по делу о вредительстве в хлопковой промышленности» 12.03.1931 г. арестован и выслан на 5 лет в Закавказье «для работ по специальности» (реабилитирован в ноябре 1958 г.). Будучи сотрудником Закавказского хлопкового комитета, он работал и жил в Тифлисе, Баку, Кировабаде, исполняя с 1931 по 1950 гг. должности заведующего отделом селекции египетского хлопчатника и занимаясь научной работой в Закавказском и Азербайджанском научно-исследовательских институтах хлопководства. Одновременно с 1932 по 1942 гг. Ф.М. Мауэр преподавал на кафедре генетики и селекции хлопчатника в Азербайджанском сельскохозяйственном институте в Кировабаде. Ученый совет АзНИХИ 17.09.1935 г. вынес решение «о присвоении ему звания кандидата биологических наук без защиты диссертации», а 7.09.1937 г. принял решение «утвердить в ученом звании действительного члена научно-исследовательского учреждения АзНИХИ» по специальности генетика и селекция сельскохозяйственных растений «с защитой докторской диссертации к 1 декабря 1938 г.».⁵⁶³ В эти годы он вывел перспективные урожайные сорта длинноволок-

⁵⁶³ ЦГА РУз. Ф. 2492. Оп. 1. Д. 7. Л. 2; Д. 8. Л. 1.

нистого хлопчатника. В 1938 г. в Азербайджане посеы выведенного им сорта хлопчатника 486-2, использовавшегося в производственных целях, занимали более 5000 га. С 1950 г. после возвращения в Ташкент Ф.М. Мауэр руководит лабораторией видообразования и систематики хлопчатника и других культур в Институте генетики и физиологии растений АН УзССР. Одновременно с 1950 г. зачислен преподавателем кафедры дарвинизма и генетики биолого-почвенного факультета САГУ. В 1951 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, в 1953 г. ему присвоено ученое звание доцента по кафедре дарвинизма и генетики. После защиты в 1955 г. докторской диссертации ему присвоена ученая степень доктора биологических наук и с 1956 г. — ученое звание профессора. Ф.М. Мауэр читал лекции по селекции и семеноводству полевых культур, генетике (общий курс), генетике растений (частный курс), биологии развития растений, истории биоге-нетики, систематике и происхождению хлопчатника, происхождению и система-тике культурных растений. В сфере научных интересов ученого — вопросы биологии развития закономерностей формообразования, онтои филогенеза хлоп-чатника, эколого-ботанические исследования хлопчатника. Наряду с широким кругом научных исследований он проводил практическую работу по селекции сортов хлопчатника. Им выведены новые высокоурожайные, высококачествен-ные и вилтоустойчивые сорта хлопчатника 486-2 (в Азербайджане), Ан-309, Ан-304, Ан-315, Ан-318 и др. Результаты исследований ученого частично опубликованы (41 работа). Главный его научный труд — «Происхождение и си-стематика хлопчатника» (подготовлен в 1934 г. в качестве докторской диссертаци-и) — 35 печатных листов с картами и рисунками. Работа опубликована в 1954 г., составив первый том фундаментального монографического 10-томного исследо-вания АН УзССР «Хлопчатник», и переведена на многие языки мира. Ученый являлся также автором многочисленных работ и статей по хлопководству СССР, Китая (Сицзянь), Гватемалы, Колумбии, Турции, США. Доктор биологических наук Н.А. Райкова писала о его трудах: «Мауэр, как бесспорный и глубокий спе-циалист, признан не только в Союзе, но и за рубежом. <...> Монография его «Про-исхождение и систематика хлопчатника» (Т. 1954 г.). <...> Ни один из генетиков и селекционеров мира, работающих с этим растением, не может обойтись без этого труда и его выводов. Известно, что американские хлопководы испрашивали разрешения на перевод ее на английский язык».⁵⁶⁴

⁵⁶⁴ ЦГА РУз. Ф. 2492. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

Его исследования по изучению корневой системы, технологических качеств волокна, определению площади листовой поверхности хлопчатника имели большое научно-методическое значение. Ф.М. Мауэр явился автором многих оригинальных приборов и аппаратов для лабораторных и полевых анализов при работе с хлопковыми растениями, среди них — «доска Мауэра» — аппарат для измерения длины волокна хлопчатника, и «филиометр Мауэра» — для быстрого определения площади листовой поверхности на живых растениях в полевых условиях, вошедшие в повседневную практику труда хлопководов. Ф.М. Мауэр, крупнейший знаток хлопководства, ученый с мировым именем, обладал широким кругозором, большой эрудицией и очень высокой работоспособностью. По отзывам коллег и друзей, это был «чуткий, отзывчивый, организованный человек, в научной работе любил точность, аккуратность, никогда не делал поспешных выводов. Сделал много оригинальных научных открытий. Много уделял внимания работе с молодыми учеными, педагогической деятельности. Имел много последователей и учеников».⁵⁶⁵

Он был участником четырех Всесоюзных сельскохозяйственных выставок, Всесоюзного ботанического съезда (1957 г.), награжден медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946 г.), Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1955 г.). С 1951 г. — член Всесоюзного Ботанического общества и постоянный консультант отдела хлопчатника Всесоюзного института растений, в котором высоко ценили его знания хлопковых растений. Академики Н.И. Вавилов и П.М. Жуковский неоднократно вызывали его для консультаций и приглашали работать заведующим отделом хлопчатника. Но Ф.М. Мауэр вежливо отклонял все заманчивые предложения, оставаясь верен своему любимому краю. Научную ценность представляют материалы личного архива ученого, переданные в 1965 г. его женой на хранение в ЦГА РУз: дневники, многочисленные полевые тетради, рабочие записи, рукописи неопубликованных работ, библиографические тематические карточки по хлопчатнику на русском (15 коробочек) и иностранных языках (5 коробочек) и другие материалы (Ф. 2492 — личный). Скончался Ф.М. Мауэр 23 июня 1963 г., похоронен на кладбище бывшей улицы Боткина. Необозримые хлопковые поля — одно из главных достопримечательностей юга центрально-азиатского края, и в том, что они стали плодородней, урожайней, большая заслуга Федора Михайловича Мауэра.

⁵⁶⁵ Хлопководство. 1963. № 8. С. 53.

УЧЕНЫЙ-СЕЛЕКЦИОНЕР

Мандат за подписью заведующего Советским садовым районом от 13.01.1920 г. гласит о том, что «Шредеру Р.Р. передается сад <...> национализированный, <...> прежде принадлежащий Шредеру, площадью 14 ½ га». Удостоверение от 24.09.1921 г. подтверждает то, что «Шредер Р.Р. действительно состоит профессором сельскохозяйственной станции Туркестанского государственного университета». Справка исполкома Аччинского сельсовета, выданная в 1933 г., свидетельствует о том, что исполком выдал «справку гражданину Шредеру Р.Р. в том, что он проживает на его территории с 1903 года и работает на Узбекской станции садоводства имени Шредера в качестве заместителя директора по научной части».⁵⁶⁶ Тексты официальных документов несколько напоминают детскую скороговорку «Карл у Клары...». Но все они имеют отношение к выдающемуся ученому в области биологии, семеноводства плодовых культур, агротехники орошаемого и сухого земледелия, академику ВАСХНИЛ и АН УзССР, «посвятившему всю свою деятельность развитию сельского хозяйства», «основоположнику научных сельскохозяйственных основ» центрально-азиатского края Рихарду Рихардовичу Шредеру. Р.Р. Шредер родился 15.10.1867 г. в Москве. В годы советской власти на вопросы в анкетах о социальном положении отвечал: «интеллигент, сын датского подданного, служащий».⁵⁶⁷ На своем веку он пережил в связи с различными ситуациями внутривосточной и международной жизни страны не одну антиинициативную кампанию, и такая формулировка несколько защищала его от многих возможных неприятностей. Его отец Рихард Иванович Шредер (1822 — 1903 гг.) — «патриарх русского садоводства», приехал в Россию в 1840 г. с юга Дании (бывшей земли Шлезвиг, где с древних времен проживали германские племена) и был профессором Петровской земледельческой и лесной академии (ныне Московская сельскохозяйственная академия). Рихард Рихардович в 1887 г. после окончания

⁵⁶⁶ ЦГА РУз. Ф. 2284. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 3, 18.

⁵⁶⁷ ЦГА РУз. Ф. 368. Оп. 1. Д. 340. Д. 25 — 27.

4-й Московской гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета МГУ, которое окончил в 1891 г. с дипломом первой степени. Также успешно в 1894 г. окончил Петровскую земледельческую и лесную академию и был причислен к департаменту земледелия. С 1895 г., будучи ассистентом кафедры частного земледелия академии, он написал ряд статей для «Энциклопедии русского сельского хозяйства» и других изданий. Весной 1900 г. сдал магистерский экзамен, получил звание приват-доцента агрономии и для подготовки к научной деятельности был командирован за границу на три года. Работал в Германии, в Лейпциге, по вопросам физиологии растений у профессора Пфедфера и в Швейцарии по физиологической химии растений у профессора Шульце в Цюрихе (1900 — 1902 гг.). Заинтересовавшись проблемами исследования возможностей разведения культурных растений в Туркестанском крае, в самом отсталом и малоизученном в агрономическом плане районе, в 1902 г. он приехал в Ташкент и по направлению Министерства земледелия возглавил с 1903 г. Туркестанскую сельскохозяйственную опытную станцию, организованную в 1898 г., но практически бездействующую. По некоторым сведениям, одним из создателей ее был легендарный Савва Морозов. Заинтересованный в развитии туркестанского хлопководства, как сырьевой базы для текстильной промышленности России, он привез в 1895 г. несколько мешков семян американского хлопчатника и основал недалеко от Ташкента опытную станцию, которая располагалась в районе, прилегающем к древнему Чимкентскому тракту в 16 километрах от Ташкента, в селении Аччи. Хлопок превратился в главную отрасль сельского хозяйства края, он стоил в 3 раза дороже пшеницы. В 1881 г. русские фабрики использовали для своих нужд только 4 % среднеазиатского хлопка, в 90-е годы — 10 %, в начале XX в. уже больше половины потребностей российской текстильной промышленности покрывалось за счет местного хлопка. Стремясь усвоить местные вековые методы возделывания и селекции различных культур, Р.Р. Шредер быстро овладел узбекским языком. Собственно, как опытное учреждение, станция стала работать только с момента приезда Р.Р. Шредера, и основная масса научных работ в ней была проведена им лично либо под его непосредственным руководством. Р.Р. Шредер на долгие годы стал руководителем всей научной работы станции. Небольшой штат научных работников и ее незначительный бюджет компенсировались энергией, настойчивостью, широкой эрудицией и большой трудоспособностью Р.Р. Шредера. Обстоятельства вынуждали его заниматься всеми областями сельского хозяйства. Он изучал во-

просы применения минеральных удобрений, установления сроков и густоты посевов, норм и способов полива хлопчатника, проводил работу по сортоизучению и селекции хлопчатника. Совместно с Г.С. Зайцевым начал селекционную работу по хлопководству, участвовал в создании единой государственной системы селекции и семеноводства хлопчатника в Узбекистане. Им выведен новый скороспелый сорт хлопчатника «Шредер (№ 1306)», на основе которого созданы многие современные сорта этой культуры, что позволило решить проблемы продвижения культуры хлопчатника в более северные районы Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Закавказья. В своей научной и селекционной работе много занимался исследованием других растений: пшеницы, люцерны, картофеля, сорговых, бобовых, масличных, лекарственных, овощных. Он собрал и испытал в посевах более тысячи образцов местных сортов пшеницы, выделил самые урожайные и ввел в земледелие новый высокоурожайный и длинноколосовой сорт озимой поливной пшеницы № 584. Большое внимание уделял развитию шелководства и виноградарства. Многие его работы получили дипломы лауреатов, победителей Всесоюзных сельскохозяйственных выставок. Занимался он и разработкой вопросов богарного земледелия в Центральной Азии, опубликовав статью «О сухом земледелии». Как председатель Туркестанского общества сельского хозяйства (1904 — 1918 гг.) был командирован в США на VII Международный конгресс сухого земледелия (Колорадо, 1911 г.), что дало ему возможность познакомиться с состоянием хлопководства и плодоводства Америки.⁵⁶⁸ В феврале 1912 г. в местной печати появилось сообщение о том, что «председатель Туркестанского общества сельского хозяйства Р.Р. Шредер в заседании отделения плодоводства прочел большой доклад «Калифорнийское плодоводство», вызвавший много вопросов у слушателей». Отмечалось также, что «обследованием плодоводственного дела в Калифорнии» Р.Р. Шредер обязан, главным образом, нашим «соотечественным эмигрантам, <...> ассимилировавшимся в крае». Садоводству Р.Р. Шредер уделял большое внимание. На станции испытывалось более 200 сортов яблонь, груш и других плодовых пород, в том числе и винограда, один из сортов которого — сверхранний столовый сорт — назван его именем «Ранний Шредера». Он научно обосновал принципы продуктивного садоводства и перспективы его развития в республиках Центральной Азии. Им изучались динамика цветения и плодоношения плодовых культур, проводилась работа по подбору сортов опылителей, исследованию иммунитета пло-

⁵⁶⁸ ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 3032. Л. 8 — 9, 27 — 29, 30 — 32.

довых деревьев к различным болезням и вредителям, выяснялась стойкость сортов к морозам и другим неблагоприятным климатическим факторам. Занимался ученым и изучением климата в крае, проработкой вопросов районирования сельского хозяйства, плодовых культур. Бессменным руководителем «национализированного» сада, «сельскохозяйственной станции», на базе деятельности которой после революции развернулась работа многих научно-исследовательских учреждений Центральной Азии, Р.Р. Шредер проработал до конца своих дней 42 года.

Высокообразованный человек, свободно владевший английским, немецким, французским, итальянским и узбекским языками, Р.Р. Шредер принимал активное участие в общественной жизни края, поддерживал связь со многими научно-исследовательскими учреждениями страны и за рубежом, был одним из участников создания Народного университета в Ташкенте (1918 г.), где читал курс частного земледелия, и был проректором, руководителем по научной работе (апрель-июнь 1918 г.), затем организатором и первым деканом, профессором сельскохозяйственного факультета Туркестанского университета (1920 — 1928 гг.) (позднее не без инициативы Р.Р. Шредера факультет выделился в самостоятельный сельскохозяйственный вуз — Ташкентский аграрный университет, 1991 г., где он возглавлял кафедру земледелия, читал курс частного земледелия, курсы хлопководства, садоводства, одновременно создал научно-агрономическое общество при САГУ (1925 г.).⁵⁶⁹ В 1929 — 1930 гг. работал также в Среднеазиатском политехническом институте хлопководства и ирригации. Большое внимание воспитанию и подготовке квалифицированных кадров Р.Р. Шредер уделял и в работе на опытной станции, где проходили практику студенты и аспиранты многих сельскохозяйственных вузов страны. Для популяризации знаний в области сельского хозяйства Р.Р. Шредер впервые в Туркестанском крае создал журнал «Дехкон» на узбекском языке, был его редактором и автором многих статей. В течение ряда лет был также ответственным редактором популярных журналов «Туркестанское сельское хозяйство» и «Туркестанский земледелец». Активное участие принимал в деятельности созданного в 1931 г. Среднеазиатского (затем Узбекского) Совета НИТО. В 1935 г. Р.Р. Шредер избран действительным членом Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, в 1936 г. утвержден в ученой степени доктора сельскохозяйственных наук и избран действительным членом Комитета Наук при СНК УзССР. В 1943 г. с созданием АН

⁵⁶⁹ Бюллетень САГУ. 1925. № 11. С. 178.

УзССР Р.Р. Шредер избран ее действительным членом, состоял членом ученых советов многих научных учреждений Узбекистана. В 1939 г. в торжественной обстановке общественностью края был отмечен 35-летний юбилей научной, педагогической и общественной деятельности Р.Р. Шредера. Он был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УзССР, а Узбекской опытной станции плодово-ягодного и субтропического хозяйства присвоено имя Р.Р. Шредера.⁵⁷⁰

Многогранные научные интересы Р.Р. Шредера нашли отражение в его более чем 250 опубликованных работах, из них 50 работ — по хлопководству, в том числе первый оригинальный труд по культуре хлопчатника в СССР «Культура хлопчатника в Средней Азии» (1925 г.), и около 70 работ — по плодоводству. В 1956 г. были изданы «Избранные произведения» ученого. Основные труды Р.Р. Шредера посвящены вопросам биологии, селекции, агротехники хлопчатника, зерновых, плодово-ягодных, овощных сельскохозяйственных культур. Зимой 1941 г. сотрудниками Ботанического института Узбекского филиала АН СССР было выпущено много-томное издание «Флора Узбекистана» — огромный каталог растений, растущих на территории Узбекистана. Р.Р. Шредер был главным редактором этой «удивительной энциклопедии», которую по праву расценивают как «плод титанического труда ученого, увлеченного и влюбленного в свое дело человека».

В 1935 г. Р.Р. Шредер был избран членом Центрального Исполнительного Комитета Советов УзССР и 24.07.1938 г. — депутатом Верховного Совета УзССР, членом Президиума Верховного Совета республики, избирался также депутатом районных советов. Неоднократно выступал ходатаем за лиц, подлежащих высылке из Ташкента, нуждающихся в защите. За свою трудовую чрезвычайно плодотворную деятельность был награжден орденами: Трудового Красного Знамени УзССР (1927 г.); Трудового Красного Знамени СССР (1939 г.); в 1927 г. ему присвоено звание Героя Труда УзССР; за участие на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке присуждена Большая золотая медаль (1940 г.). Посмертно решением президента Узбекистана награжден орденом «Буюк хизматлар учун» («За выдающиеся заслуги»).

Скончался Рихард Рихардович Шредер в кабинете на рабочем месте 27.04.1944 г. На следующий день, 28 апреля, в соответствии с Постановлением СНК УзССР «для проведения похорон академика Шредер Р.Р.» была создана

⁵⁷⁰ ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 32. Д. 1445. Л. 70 — 95.

«правительственная комиссия» и принято решение: расходы по похоронам академика <...> принять за счет государства» (после его смерти на рабочем месте в металлической коробочке обнаружили 1,7 рублей, бумажник был пуст). Решением правительства семье была установлена пенсия. Архивные материалы учебного сданы на хранение в ЦГА Р (Ф. 2284 — личный).⁵⁷¹

Решением СНК СССР в 1947 г. опытная станция была преобразована в Научно-исследовательский плодово-ягодный институт АН УзССР имени Р.Р. Шредера, затем с 1967 г. — НПО садоводства, виноградарства и виноделия им. Р.Р. Шредера, с 1997 г. — Плодово-ягодный Институт им. академика Р.Р. Шредера. С 24.08.2013 г. институту присвоено имя академика Махмуда Мирзаева.

Вывеску сменить, наверно, не так трудно, да и М.М. Мирзаев весьма заслуженный человек, но как оценить это по отношению к тому, кто сделал первый шаг, дал толчок, заложил научные и практические основы современного развития сельского хозяйства края, — вопрос совести каждого. Кормилица-земля центральноазиатских просторов благодатно и верно продолжает хранить память о своем выдающемся труженике, именем которого названы выведенные им сорта хлопчатника, винограда, цитрусовых, зерновых, цветов, засеянных и высаженных не на одной сотне тысяч гектаров края. И один из биографов Р.Р. Шредера имел полное основание отметить: «Наверное, каждая виноградинка, созревшая на плантациях в Кибрае, Сукоке, Самарканде, до сих пор несет частицу его души».

⁵⁷¹ ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 32. Д. 4184. Л. 409; Д. 4184 Л. 217 — 223.

СЫН ЛОЗЫ

Исследователи творчества замечательного мастера, художника, сценографа Георгия Робертовича Брима часто обсуждали вопрос: как «мальчишка от земли», с семи лет распахивающий убегающие за горизонт казахстанские степи, смог войти в мир живописи, театра, музыки, занять почетное место в искусстве Узбекистана и других районов центрально-азиатского края? Что лежит в основе его таланта: дар судьбы, природы, высших сил или труд и самоорганизация? А Георгий Робертович, улыбаясь, говорил в таких случаях: «Я сын лозы».

«Пророк Мухаммед ушел в мир иной в 63 года. На Востоке среди мусульман существует поверье: когда мужчине исполнится 63 года, он может готовить себя к другой жизни, отпустить бороду, носить чалму, совершать все суточные намазы, ибо на этом свете все уже позади.<...> Я в свои 63 года должен был снова начинать все сначала, так как приехал в Германию (1993 г.) с двумя сумками и одним чемоданом, бросив все, что было нажито. <...> Последним пристанищем моим в Союзе был город Ташкент, куда я также приехал с одним чемоданом и самодельным этюдником, оставив на время двухлетнюю дочку, Наташеньку, и жену в городе Мары». Так начал свои записи воспоминаний заслуженный художник Узбекистана, сценограф, заведующий кафедрой декоративного искусства и сценографии Ташкентского театральнохудожественного института, лауреат многих государственных премий, кавалер ордена Дружбы («Дуслик») Георгий Робертович Брим. Воспоминания не завершил... Не успел.

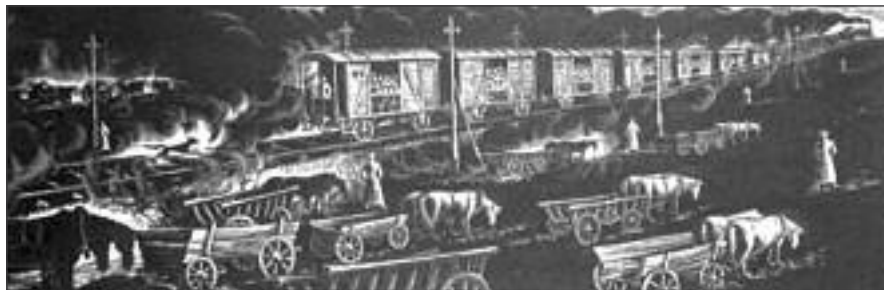
Тезисный стиль оборванного текста четко вырисовывает сюжеты из далекого детства. Он и писал, как жил, — рисуя, постоянно рисуя красочными мазками, с полной отдачей души, времени, нервов. Описывал яркие, разрозненные осколки детской памяти, а создавалось полотно судьбы народа. Виноградная лоза — символ жертвы и воскресения в христианстве — питала семьи родителей Брима, была кормилицей не одного поколения его предков в далекой Германии, где ровные ряды посадок покрывали солнечные склоны сказочно красивого Баден-Вюртемберга. Но в этом земном раю были слишком малы наделы и непосильно высоки налоги. Вот и потянулась из Швайкхайма в 1816 г. в поисках лучшей жизни вереница обездоленных и доверчивых людей, ведомых обещаниями рус-

ской императрицы и страстной проповедью баронессы Амалии фон Крюденер. Они искренне уверовали в то, что, обновленная церковь должна подобно Ноеву ковчегу, приставшему к горе Арарат, обосноваться на Кавказе. К тому же они надеялись, как обещало царское правительство, получить там достаточные земельные наделы.

Претерпевая большие лишения и трудности, переселенцы долго плыли вниз по Дунаю, миновали Вену, Измаил, задержались вблизи Одессы и весной 1817 г. прибыли под Тифлис. Здесь на выделенных землях они основали восемь колоний, позднее стали арендовать пустоши и создавать на них дочерние колонии. Так в 100 километрах от Тифлиса на заброшенной бывшей княжеской земле, выкупленной к 1902 г., была основана колония Розенталь. С 1910 г. она называлась Алексеевка, с 30-х годов XX в. — Кировка. Здесь и обосновался род Бримов, продолжая дело своих предков в далеком краю. Прадеды, деды и родители Георгия Робертовича были крестьянами, обрабатывали землю, растили скот и, главное, возделывали виноградники. От них у Брима — художника — эта неразрывная связь с природой, это острое ощущение земной красоты, чуткое восприятие ее гармонии, это крестьянское многотерпение и запредельное трудолюбие, эта рачительная смекалка. «Во всем, что встречалось ему на пути: сломанная ветка, засохшее дерево, лохматая коряга, замшелый пенек, ошестинившаяся шишка, — он видел особый смысл. В театре ничего нельзя было трогать. В руках мастера все эти вещи оживали, становились образами. Все включалось его буйной фантазией в дело», — отмечал его друг и коллега по работе, заслуженный деятель искусства Узбекистана, режиссер Бахадыр Юлдашев. Дедушка художника, Иоганн-Георг Брим, и бабушка, Кристина Нейман, умерли рано. Их сын, Роберт Брим (31.08.1911 г., с. Кировка — 13.12.1945 г., г. Копейск, Челябинская обл.), остался сиротой, воспитывался у родственников и рано (в 18 лет) женился. Его избранницей стала Ида Фридриховна Шиллинг (14.03.1914 г., с. Кировка — 16.03.2009 г., Реген, Германия) — одна из шестерых детей виноградаря Фридриха Шиллинга и его жены Каролины Бетле. Ида Брим — луноликая красавица с лучистыми глазами и умным сердцем — тонко резонировала все прекрасное в окружающей ее природе и свою любовь к ней, свой гуманитарный дар щедро передала детям: старшему, Францу (род. в 1933 г.), и особенно младшему — Георгию (род. в 1935 г.). «Мама, — запишет Г.Р. Брим в 1996 г., — человек очень чувствительный, натура очень хрупкая, в ней всегда что-то от поэзии, песни. <...> Я благода-

рен судьбе и Богу, что это моя мать, что она вложила в меня любовь к живописи, музыке. <...> Думаю, многому можно человека научить, но чувства, тонкие чувства идут от Бога, идут от матери. Российские немцы с момента переселения из Германии пережили много трудностей. Вся жизнь основной массы из них была связана с землей. Наверно, среди этих людей было много одаренных. Но выбились единицы. Немцы-переселенцы жили колониями, трудились, устраивали свои семьи, кормились, растили детей. Безусловно, многие талантливые люди не раскрылись до конца. <...> Я думаю, моя мать — одна из таких жертв. Окончив всего пять классов немецкой сельской школы, она всегда тянулась к книгам, музыке, рисовала. <...> И сейчас, когда ей 82 года, она может видеть прекрасное, тянется к музыке и старается жить красивой, наполненной жизнью». Ида Фридриховна умерла в возрасте 95 лет, пережив своего младшего сына на 10 лет.

В последние годы жизни Георгий Робертович напишет два портрета матери, вложив в них всю свою любовь к ней, свое преклонение перед ее скрытым знанием жизни. На хрупкие плечи Иды Фридриховны выпало много испытаний. Молодая семья создавалась в 1933 г., в годы «массовой коллективизации» на Кавказе, в канун завершения первого пятилетнего плана построения социализма, в период не всегда открытых противостояний и беспощадной борьбы за новую власть. В 1939 г. арестовали отца — Фридриха Шиллинга — как «бывшего кулака, немецкого шпиона и врага народа». Он умер спустя 8 месяцев в ссылке на Беломоро-Балтийском комбинате. В октябре 1941 г. с территории Кавказа в спешном порядке были депортированы все немецкие семьи. По данным НКВД, из республик Закавказья депортировано 48375 российских немцев, из них 29609 сельских жителей. Семья Роберта Брима после долгих мучительных перевозок с одного места на другое только в декабре была определена в Предгорненский район Восточно-Казахстанской области и размещена в «заброшенной хибаре», в которой «не было ни окон ни дверей». Вслед за этим, в январе 1942 г. Роберт Иоганович Брим был мобилизован в трудовую армию. Он умер 13.12.1946 г. на Урале под завалами пород в шахтах Копейска Челябинской области. Ида Фридриховна выбивалась из сил, сохраняя жизнь детей в нечеловеческих условиях государственного режима и сурового климата нового края. Но в декабре 1942 г. «мобилизовали» и ее. «Маму забирают в трудовую армию. Вокзал, ночь, пурга, ураган, снег. НКВДэшники оторвали меня от мамы и засунули ее в вагон», — фиксируют строки «Воспоминаний».

Ида Фридриховна строила дороги, была подсобной работницей в Сызрани и Куйбышеве, а позже, «в связи с потребностью более рационального распределения рабочей силы», была перевезена в г. Красноводск в Туркмению, где работала на пилораме. Дети — семилетний Георг и девятилетний Франц — оставались в Казахстане в семье тети Иды — жены брата матери Роберта Шиллинга. Кроме своих детей с ней жили дети еще из трех семей, всего 9 человек. «Комната, в которой мы, 9 детей, жили с тетей Идой, небольшая. Ночь, все спим на полу, ступить некуда, у двери большие дежурные калоши». Голод был страшный, в сутки выдавали только по 300 граммов хлеба на человека. Дети постоянно были заняты поисками еды, попрошайничали, но подавали мало. «Ранняя весна, местами еще лежит снег. Без обуви, в каких-то обмотках ползаем по прошлогоднему свекольному полю, выковыриваем оставшуюся в земле свеклу, чтобы хоть как-то утолить голод». Дети работали в колхозе, сами зарабатывали себе на жизнь: пасли коров, помогали убирать урожай, пахали на волах землю, Георг — погонщиком, Франц — заплужником. Может не случайно на первом контрольном детском рисунке Георгий нарисует трактор, а Франц соберет за свою жизнь немало миниатюрных макетов тракторов и других сельскохозяйственных машин. В местной газете в те годы была опубликована о братьях небольшая заметка «Самые маленькие и самые добросовестные». Вырезку из газеты с заметкой отправили отцу в Копейск. Дошла ли она до адресата? С мамой братья встретились только через 4 года. Осенью 1946 г. семье комиссованного по болезни из трудармии Роберта Шиллинга, хлопотавшего о воссоединении с семьей, разрешили переезд со всеми детьми в Красноводск, в край с более теплым климатом. Добирались до места с большими трудностями, без билетов и почти без денег: на товарных платформах, на крышах вагонов, в тамбурах. Последние километры от города к баракам, в которых жили трудармейцы, прошли пешком. Встреча с матерью через годы ли-

шений и недетских страданий была тяжелой. «Мы за эти годы настолько очерствели, что слова «отец», «мать» куда-то провалились, и чувства были весьма непонятные. Когда произошла встреча с мамой, назвать ее этим словом я не смог, и, если она куда-то шла и нужно было ее окликнуть «мама», сделать это для меня было очень тяжело, что-то недетское в меня, маленького вселилось. Я не мог разомкнуть губы и должен был снова привыкнуть к слову «мама», — запишет Г.Р. Брим.

В Красноводске Георгий в возрасте 11 лет впервые пошел в первый класс. Франц, имея уже 4,5 года колхозно-трудового стажа, в 14 лет пошел работать на стройку. Это позже он окончит вечернюю школу, сельскохозяйственный техникум и станет мастером-педагогом, директором Дома юных техников, а тогда необходимо было кормить семью: болела мама, учился младший братишка, к которому он относился «по-взрослому» и которому заменил отца. Учился Георгий легко и только на отлично, оформлял классную и школьную стенгазеты, занимался спортом, был любимцем учителей и лучшим учеником в студии изобразительного искусства городского Дома пионеров. Его ранние рисунки, карандашные портретные композиции неоднократно экспонировались в Ашхабаде. Но в выпускном классе семилетки он был исключен из школы, не сдержался, ударил обидчика, презрительно бросившего: «ты — фашист», и наотрез отказался извиняться: «Я не хулиган и не фашист». Он тоже пошел работать на стройку, к брату, и тоже окончил седьмой класс в вечерней школе в 1953 г. По совету своего первого учителя рисования — руководителя изостудии в Красноводске, Георгий в том же году поступил в Ашхабадское художественное училище. И каждую осень, когда школьники и студенты выезжали на сбор хлопка, у Георгия возникали проблемы. С 16 лет он, как немец, был поставлен на спецучет и без разрешения комендатуры не мог покидать пределы города, а невыезд на хлопок грозил отчислением из училища. Директор ворчал: «Знал бы, что ты немец, не принял бы тебя». Только то, что юноша был лучшим в училище, оберегало его. Он мечтал стать мастером живописи, но увлекся театром и стал театральным художником. Там, в училище Георгий встретил свою судьбу — Женечку. «Этой девушке все было сказано: кто я и что вокруг меня очень много сложностей, но она оказалась выше этого ужасного времени». Пожились молодые в 1959 г., в год окончания училища. Красный диплом давал право Георгию продолжать обучение в одном из вузов центральных районов Союза, но они были направлены

и поехали в Мары. Георгий Робертович отработал в Мары художником-декоратором, затем художником-постановщиком в областном драматическом театре им. Кермине (июль 1959 г. — сентябрь 1961 г.). Затем в 1961 г. поступил учиться в Ташкентский театрально-художественный институт имени Н.Островского, был старостой группы, выполнял различные общественные поручения, прилежно учился и работал в театре. Жена, Евгения Николаевна, и маленькая дочь, Наташа, тоже переехали в Ташкент. Евгения Николаевна работала в школе, преподавала черчение и рисование, проводила практические занятия студентов вузов, создала лучший в Ташкенте школьный кабинет рисования, вела изостудию. Все годы она — верная соратница, помощник и опора Георгию, вела домашнее хозяйство, воспитывала детей: дочь Наташу и сына Евгения. В 1967 г. Георгий Робертович окончил вуз — ему вручили первый и единственный на то время красный диплом за все годы существования института. За почти 40-летний период напряженной трудовой деятельности Георгий Робертович Брим работал на больших и малых сценах Ташкента, Самарканда, Коканда, Ашхабада и Мары, ставил спектакли в Москве и Пловдиве, Алматы и Ландсхуте, Париже. Оформлял по 4 спектакля в год и почти никогда не отдыхал. Его талант, все, чего он достиг, и все, что он отдал людям, не был просто подарком природы, результатом прекрасного образования. Он сам своим трудом сделал себя, свою судьбу, подменяя саму жизнь профессией.

С 22.08.1967 г. по 22.03.1986 г. работал главным художником театра им. Хамзы в Ташкенте, затем в той же должности до 1.08.1997 г. — в театре им А. Хидоятова. В эти годы сложился талантливый творческий союз с режиссером-постановщиком Бохадыром Юлдашевым, не прерывавшийся более тридцати лет и не один раз приносивший обоим мастерам блистательный успех и признание. У Г.Р. Брима была прочная репутация Мастера — «Усто». Он не захватывал лидерство, не был борцом и ничего не делал специально для себя, не умел и никогда не хотел пользоваться своим именем, своим положением. Молчаливый и, казалось не очень общительный, он был просто честнее других, талантливее других, светлее и чище. Он просто работал, и каждый раз так, словно решал впервые новую задачу, превращал в романтику обыденную реальность, открывал для себя и для людей что-то важное, вечное и очень сокровенное. «Абсолютно ответственный, чистый и творческий человек, он может спасти положение, если спектакль не удастся», — писали о нем в газетных репортажах о театральных постановках,

— художник «большого гражданского и художественного мужества и мудрости», «художник от Бога». «У Брима удивительная способность мыслить предметно и пространственно», «сценографический язык Брима всегда оригинален, ярок, гармоничен, полон образов и метафор, рождающихся из самой сути драматургического произведения и замысла режиссера». Он с одинаковым мастерством и изяществом оформлял трагедии античности, комедии и современную документальную драму. Он не просто изображал театральное пространство, а был творцом его, создателем среды и особой атмосферы спектакля. Исходя из принципа содержания и жанра, используя символически-аллегорический прием изображения, он брал за основу детали национального «архитектурного декора в разных ракурсах и размерах, расширяя границы сцены, являя зрителю улицы, площади, дворцы, где происходило действие пьесы», и своей композицией изобразительного оформления часто определял и ходы режиссера, и действия артистов. Он ищет свой метод оформления сцены, расширяет функции театральной декорации, концентрируя в ней идейный замысел драматурга. Ведущий режиссер театра им. Хамзы Т. Азизов отмечал: «Брим совершил переворот в узбекской сценографии, <...> с его приходом в театр сценография стала образным воплощением замысла спектакля, сконцентрировав в себе <...> идейный замысел драматурга». «Он первым ввел схему «драматург-режиссер-художник», ставшую «основополагающей в современном узбекском театре», — отметит Н. Ташбулатова. Работу в театрах художник совмещал с преподавательской деятельностью в Ташкентском театрально-художественном институте (Национальный институт художества и дизайна им. К. Бехзада): преподаватель (1967 г.), доцент (1982 г.) кафедры театрально-декорационной живописи, профессор (1992 г.), заведующий (1993 г.) кафедрой театральной и кинодекорационной живописи. Работу со студентами он считал важнейшей сферой своей деятельности, передавая им все богатство своего мастерства и красоту души. В 70-е — 90-е годы прошлого столетия Георгий Робертович — член союза художников СССР (с 1971 г.), был руководителем творческой лаборатории художников Узбекистана, основоположником «плеяды театральных художников новой волны» края, общепризнанным лидером нового поколения театральных художников Узбекистана, созидających «качественно новое театральное пространство». Как руководитель творческой лаборатории художников Узбекистана, как профессор театрально-художественного института, он буквально «взрастил» за все эти годы более ста художников, а когда выезжал

в Германию в 1997 г., подарил одному из них (Ш. Абдумаликову, которому, как отмечают современники, «очень повезло с наставником») свою мастерскую. Он воспитал последователей, которые ныне успешно претворяют в жизнь все нововведения своего учителя. Г.Р. Брим кистью мог выразить все, что чувствовал, о чем думал: полет тополиного пуха, щебетание птенца в гнезде, звон верблюжьего колокольчика в пустыне, скрежет средневековой дыбы. Он не боялся нарушить основной закон архитектуры как «застывшей музыки», гармонично объединял все средства сценографии и смело расширял театральное пространство за пределы сцены, добиваясь наиболее яркого его художественно-изобразительного решения. Следуя творческому девизу одного из первых театральных художников в России Пьетро Гонзаго «Декорация — музыка для глаз», Г.Р. Брим утвердил театральное пространство как создателя «сценографического оркестра», в котором все: свет, декорации, фактура вещей, цветовая гамма, костюмы, детали обстановки подчинены созданию изобразительного решения спектакля, достижению эмоционального единства актеров и зрителей, точному выражению драматургии, стремлению выявить сегодняшний смысл идеи спектакля и вовлечь зрителя в размышление над происходящим на сцене. «Он задавал такую высокую планку художественного исполнения, до которой стремились дотянуться все, — говорил Б. Юлдашев и добавлял, — мы — бунтари. Разбойники. Протестанты. Мы с Бримом нашими спектаклями мешали и не давали жить спокойно, мы заставляли людей задумываться. Им проще было нас не принимать. Мы всегда плыли против течения, мы хорошие пловцы». «Неистощимая фантазия художника всегда была основана на глубоком знании сцены, ее законов, на тщательном изучении исторического материала, проникновенном слиянии с эпохой, на точно найденных исторических деталях», — отмечали в печати. Она всегда была направлена на объединение зрительного зала и сцены в единое целое, наполненное страстями, действиями игровое пространство. Она стремилась выйти за пределы, расширить границы театра даже тогда, когда создавать это игровое пространство приходилось на улицах и площадях городов. Он был одержим поисками подлинно национального узбекского театра, путей возрождения присущих ему форм «площадного театра» масхарабозов. Прекрасно знал узбекскую литературу и культуру. «Немец по национальности, — писал Бохадыр Юлдашев, — но относится к лучшим суфистам мусульман». Одним из впечатляющих представлений, о котором взахлеб писала пресса, было «совершенно неповторимое праздничное

представление», театрализованное шоу, оформленное Г.Р. Бримом на площади Регистан в Самарканде в вечер празднования 600-летия М. Улугбека (1994 г.).

Изобразительной основой эскизов Г.Р.Брима был рисунок. Он работал различными графическими материалами, писал тушью, гуашью, маслом, акварелью; владел различными приемами и разнообразной техникой художественного мастерства. Творческой манере художника присуща высокая гражданственность, публицистический пафос и скрупулезное внимание к человеческой личности. Талантливой кисти Г.Р. Брима принадлежат многочисленные пейзажные зарисовки, портреты, натюрморты, композиции на философские и нравственно-этические темы. В его полотнах, где много романтики или, наоборот, жестких, четко указующих мазков, великолепна сила экспрессии, высокого искусства, символика земного и духовного, особенно в работах последних лет, в полотнах о трагической судьбе российских немцев, в портретах. Работы художника хранятся в Бахрушенском музее в Москве, в Государственном музее искусств Республики Узбекистан, в архивах театров, в частных коллекциях, в коллекциях его учеников. В его творчестве могучая основа классического репертуара органично сливалась с современной и национальной тематикой: «охотно работал для таджикского, узбекского, русского театра». Среди оформленных им более 70 постановок — спектакли: «Разбойники», «Мария Стюарт» Ф. Шиллера, «Царь Эдип» Софокла, «Снежная королева» Е. Шварца, «Веселая война» И. Штрауса, «Перед заходом солнца» Г. Гаутмана, «Авицена», «Абу Райхон Беруни» Уйгуна, «Бай и батрак» Хаким Заде Ниязи, «Бунт невесток» С. Ахмада, «Бухара», К. Яшена и другие. В Государственном театре оперы и балета им. А. Навои ему принадлежит оформление опер «Риголетто», «Отелло» Д. Верди, «Кармен» Бизе, «Паяцы» Леонкавалло, «Фауст» Ш. Гуно, «Буран» М. Ашрафи и др. В 1984 г. он был оформителем первой полной постановки в СССР, в Ташкенте, оперы С. Прокофьева «Огненный ангел», либретто которой композитор написал, проживая в 1919 — 1927 гг. в затерянном среди гор местечке Эталле в окрестностях Мюнхена, по сюжету одноименного романа В. Брюсова (в Перми в том же году опера шла в значительно сокращенном варианте). В печати была дана высокая оценка первого сценического оформления Г.Р. Бримом оперы, действие которой разворачивается в Германии в XVI в. Г.Р. Брим являлся оформителем различных декад, ответственных концертов, праздничных мероприятий в Ташкенте, Самарканде, Туркестане, Париже («Навруз», 1995 г.; «Мустакиллик», 1995 г.; «А. Тимур», 1996 г.; «Вели-

кий шелковый путь»; Международный музыкальный фестиваль «Шарк тароналари», 1997 г. и др.). Работал, проявляя «невероятное буйство фантазии», работал много, на износ.

После переезда вместе с семьей в Германию в августе 1997 г., устроив свой быт в г. Ландсхуте и освоившись немного с новой непривычной обстановкой, Г.Р. Брим обратился однажды к одному из чиновников старинного города с просьбой: «Я — художник, если бы Вы смогли найти возможность, я бесплатно мог бы учить детей рисовать». В ответ прозвучало вежливо-равнодушное: «У нас есть художники. Вы можете рисовать дома, свободных помещений у нас нет, а аренда стоит дорого». Георгий Робертович считал, что только труд, труд с любовью рождает вдохновение, обеспечивает успех, развивает талант. Он был предан труду художника, боготворил дело, которому служил с полной отдачей сил, резерв которых, увы, оказался небеспределен. Его не стало 19.05.1999 г. Многолетний добросовестный труд художника получил достойную оценку еще при его жизни. Почти ни один из отзывов в средствах массовой информации на постановку спектаклей с его художественным оформлением не обходился без добрых слов в адрес сценографа. Искусствовед А. Сосновская в работе «Пути развития театрально-декоративного искусства Узбекистана» дала анализ творчества Г.Р. Брима: ему присвоено почетное звание Заслуженный деятель искусств УзССР (1977 г.), его имя занесено в «Книгу трудовой славы УзССР» (17.03.1978 г.), он являлся лауреатом государственной (1977 г.) и республиканской (1989 г.) премий, награжден орденом «Дустлик» («Дружбы») Республики Узбекистан (1995 г.). В память о нем Центр изящных искусств Узбекистана «Чодир хаел» совместно с другими общественными организациями республики 22.06.2003 г. организовал выставку работ молодых и не очень художников «Георгий Брим и его школа», в рамках которой был проведен семинар «Творчество Георга Брима и поэтика его сценографической школы». Мероприятия ярко отразили то, что ученики художника — каждый в отдельности и все вместе — продолжают нести эстафету «Бримовского дара» — быть не просто иллюстратором драматургии, но ее толкователем, носителем внутреннего содержания и актуального звучания спектакля, нести людям свет и превращать сцену в подмостки Вселенной.

В Германии память о нем хранят его жена и дочь, Наталья (30.08.1959 г.), — талантливая художница, которая «один к одному», по определению друзей-ху-

дожников, унаследовала талант, почерк рисунка и манеру работы отца. Сын, Евгений (1964 г.), первоначально отклонился от «гуманитарного» направления семьи, окончил Ташкентский институт связи. Но «бримовский дар» оказался чрезвычайно важен и для него. Еще в институте молодой инженер создал экспериментальную студию как отдел театра Марка Вайля. Спустя несколько месяцев после переезда в Германию он получил приглашение на работу в США, где ныне работает в Лас-Вегасе («Цирк дю Селей»), пишет сценарии, ставит спектакли, в которых задействованы и его две дочери — наследницы таланта своего деда. Пройдет время, и режиссеры новых поколений заново прочтут макеты и эскизы Г.Р. Брима, как они читают пьесы или партитуру, прочувствуют захватывающую магию его рисунков, живописных полотен, художественных композиций.

Георгий Робертович Брим был достойным сыном своего народа, сыном его «привитой лозы», и планку престижа российских немцев в многонациональном обществе Узбекистана держал высоко. Край хранит память о своем выдающемся земляке, его имя вошло в специальные монографические и справочные издания. Традиции «Бримовской школы», «Бримовский стиль» продолжают и сегодня определять в дни всенародных праздников наряд улиц любимого им Ташкента. «Усто», «Мастер» оставил мощный след в истории культуры Центральной Азии, особенно Узбекистана, значит, жизненный путь его при всех трудностях, лишениях, разочарованиях и неудачах нельзя назвать несчастливым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Немецкая этническая группа, численно возрастающая в процессе колонизации края и реализации переселенческой политики царского правительства, пополняясь в советский период истории страны, не представляла собой единую социально-конфессиональную общность. Первоначально большую часть ее составляли немцы российско-подданные, военные и гражданские чины, жители городов и поселков края в основном из прибалтийских (остзейские немцы) и центральных районов империи. Общий культурный фон и строй жизни их в той или иной степени был русским. Часть из них приняла православие, но в основном это были лютеране, очень незначительное число — католики и реформисты, позднее — баптисты и адвентисты по вероисповеданию. Немцы — жители сельских районов, преимущественно меннониты, — переселенцы с Поволжья и Кавказа. Их миграции при сохранении религиозного догматизма привели к определенной замкнутости, изолированности поселенцев-единоверцев от внешнего мира. Они в большей степени сохраняли национальное своеобразие, культуру, немецкий язык, традиции. Среди немцев — как городских, так и сельских жителей — была незначительная прослойка выходцев из Германии, Австрии, Швеции, Дании, сохранявших до революции подданство своих государств. Связь между немцами — городскими и сельскими жителями края — до революции осуществлялась в основном на религиозной основе, не исключались и деловые, производственные контакты.

Сложная полиэтническая палитра Туркестанского края во все времена его истории вызывала определенные трудности национальной политики правительственных структур. Но и в полувековой период вхождения края в состав Российской империи, и позднее, в советские годы, она вытекала из общепринятых норм и установок властных режимов государства. Трудолюбие, привнесение своих навыков, доброжелательность, искренняя забота о дальнейшем развитии хозяйственной и общественной жизни населения края обеспечили немцам вживание в условиях чуждой этносоциальной среды местного исламского и христианского мира, их равноправное положение наряду с другими этносами, активное участие в создании развитой инфраструктуры региона. Социальные потрясения

1917 г., Первая мировая и Гражданская войны, первые крупные реформы советского правительства (земельно-водная, 1920; национально-государственное размежевание, 1924) негативно отразились на положении немцев и их хозяйственной деятельности: были разорены многие сельскохозяйственные и промышленные предприятия, распущены «кулацкие» организации, изъяты «земельные излишки», ликвидированы некоторые самовольческие поселения, группы немецкого этноса оказались в разных государственно-административных образованиях. Немцы края в советский период прошли все негативные процессы и явления, широкомасштабные репрессии, насилие, мобилизации и режим спецпоселения, которые испытали и другие народы на разных исторических этапах советского общества. Большое влияние на их положение оказывала обстановка на международной арене.

Множеством красочных оттенков отражена в судьбах людей более чем полуторавековая история немецкого народа на древней благодатной земле. Она — в мечтах людей и в их целях, достижение которых ставилось главной задачей жизни; в их делах, знаменующих усилия ума, души, терпеливых и крепких рук; в добром имени, которое они оставляли о себе в памяти последующих поколений; в их стойкости при неисчислимых тяготах, утратах и разочарованиях; в их неистребимом желании нести людям добро. Судьба человека, вся его жизнь — это не только осколочек истории своего народа, но и показатель оценки всего национального сообщества со стороны соседствующих с ним других народов, национальных групп. Доброе имя, высокая оценка немцев, как представителей данного этноса, среди населения края была бы невозможной без оснований. И планка престижа немецкого национального меньшинства, уважительного отношения к нему населения титульных наций и других народов, проживающих на территории края, была и продолжает оставаться на высоте.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИМЕНА В ВЕХАХ ИСТОРИИ

АБАЗА, Константин Константинович (18.05.1841, Докторовка Екатеринославская губ. — 5.05.1905, Измаил) — русский военный историк, педагог, автор учебников для солдат и популярных исторических.

АБРАМОВ, Александр Константинович (28.08.1836, Новгородская губ. — 25.10.1886, Симферополь) — генерал-лейтенант, участник Туркестанских походов, начальник Зеравшанского округа (1868 — 1877), военный губернатор Ферганской обл. (1877 — 1883). Его именем назван крупный ледник на Южно-Алайском хребте Памиро-Алая, откуда берет начало р. Коксу, и высокогорная метеостанция (разрушена во время боев с боевиками из Ферганской долины в конце XX в.).

АДЕЛУНГ, Алексей Сергеевич (24.12.1906, С.-Петербург — 24.10.1963, Ташкент) — один из первых геологов-съемщиков Узбекистана и Центральной Азии, автор и член редакционных коллегий практически всех геологических карт Узбекистана и сопредельных районов мелких и средних масштабов, кандидат геолого-минералогических наук (1950), руководитель сектора стратиграфии, тектоники и магнетизма Среднеазиатского научно-исследовательского института геологии и минерального сырья, где проработал более 30 лет, преподаватель САГУ. Отец, Аделунг Сергей Сергеевич (1882 — н.д.), инженер дорожник, в 1920 г. был направлен в Алматы, в Ташкенте — с 1922 г., работал по специальности в Управлении военно-воздушных сил ТуркВО. Мать — Ольга Алексеевна (Мешкова, 1887 — н.д.). Окончил среднюю школу (1925), геологическое отделение физико-математического факультета САГУ (1931) по специальности инженер геологической разведки. С 1930 г. — прораб, затем начальник Чаткальской геологической партии Узбекского геологического управления. Занимался геологическими съемками западного Тянь-Шаня и др. районов, закладывая основы современного представления о геологическом строении неизученных, труднодоступных и пустынных территорий Центральной Азии. В 1935 — 1937 гг. проводил общее геологическое исследование Ангренской долины, составил подробную карту Чаткало-Кураминского горного узла, занимался изучением его тектонической структуры, предложил историческую карту ряда тектонических

районов и содействовал исследованию полезных ископаемых (К альпийской тектонике левобережного бассейна Среднего Чаткала и Ангренского плато // Материалы по геологии Средней Азии. 1935. № 3). С 1940 г. — ведущий специалист по региональной геологии и тектонике Центральной Азии, систематически занимался геологическим картографированием горных районов, особенно Чаткало-Кураминских гор, Зирабулак-Зиаэтинской горной группы, Ферганской долины. Много сделал для понимания тектонической структуры Чаткальских гор, все выделенные им структурные элементы подтверждены позднейшими более детальными исследованиями. По материалам исследования в 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию (Основные черты геологического строения Зирабулак-Зиаэтинской горной группы). 1955 — 1957 гг. — начальник геолого-реви-зионной партии Геологической экспедиции № 5 во Вьетнаме, собрал и обобщил материалы по региональной геологии страны, исследованию ее минеральных богатств, составил карту Вьетнама, готовил национальные кадры геологов. С 1957 г. — старший геолог Кураминской научно-тематической геологоразведочной партии с исполнением обязанностей старшего геолога геологосъемочной поисковой экспедиции Чаткало-Кураминского горнорудного района. Большую роль сыграл в выявлении минеральных богатств Узбекистана. Он много внимания уделял научной работе, преподавал в САГУ, принимал участие в составлении сводных геологических карт различных районов Центральной Азии и Союза, являлся членом их редколлегий. Участвовал в работе большого коллектива ученых, изучающих закономерности размещения полезных ископаемых на территории Центральной Азии, занимался разработкой проблемы ее геологического районирования и создания геологической основы для металлогенетических карт. Один из разработчиков тектонической основы металлогенетических карт по Чаткало-Кураминскому району, изучению которого он уделял особое внимание. «Можно удивляться проницательности и геологическому таланту Алексея Сергеевича, сумевшего в результате этих мелкомасштабных исследований в столь суровых условиях, при очень ограниченном сезоне полевых работ исключительно верно выявить главные черты геологии района и составить карты весьма высокой точности». Начал работу по созданию тектонической карты Центральной Азии как основы для металлогении и прогнозирования (не закончил, составил общую легенду к тектонической карте Восточной и Центральной части региона). Его опубликованные и рукописные материалы содержат ценные сведения по геологии,

геоморфологии, гляциологии и др. смежным наукам. Был человеком «исключительной скромности и деликатности, охотно помогал всем, обращавшимся к нему за советом и помощью», общительным и разносторонне одаренным: серьезно занимался разведением рыб, сочинял стихи, сказки для детей, неплохо рисовал, занимался фотографией. «Для стиля его работы характерна исключительная требовательность к себе, самокритичность, осторожность и необыкновенно тщательная аргументация выводов». Автор 24 научных работ, в т.ч.: Предварительные данные о геологических изысканиях в Верхне-Ангренском районе // За недра в Средней Азии. 1934. № 4; К альпийской тектонике левобережного бассейна Среднего Чаткала и Ангренского плато // Материалы по геологии Средней Азии. 1935. № 3; Тектоника юго-западных отрогов Тянь-Шаня. М. 1939; Геологическая карта Средней Азии. М. 1940; Краткая характеристика геологического развития Чаткало-Кураминских гор // Основные черты магнетизма и металлогения Чаткало-Кураминских гор. Ташкент. 1958; Тектоническая карта восточной и центральной части Средней Азии // Методика составления металлогенических карт. Ташкент. 1964 и др. Его именем названа вершина в северо-восточной части Узбекистана в пределах Пскемского хребта — пик Аделунга, что закреплено решением Географического общества СССР по представлению Узбекского географического общества (основание: предложение Министерства геологии УзССР и Института геологии и географии им. Х.М. Абдуллаева АН УзССР, 1967). Также его ученик Владимир Ковалев дал имя учителя Аделунга одной из открытых им недавно двух речных долин древних рек, погребенных около 2 млн. лет назад в Кызылкумах к востоку от Аральского моря. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями, Почетной грамотой Верховного Совета УзССР. Похоронен на кладбище бывшей улицы Боткина (Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 302; Узбекский геологический журнал. 1964. № 2. С. 94 — 95; Петров П.В. Вершина Аделунга // Правда Востока. 1967. 5 января; Каплинская Т. Все остается людям // Правда востока. 1967. Февраль; Громов Л.В., Данильянц С.А. Названное именем геолога. М. 1982, с.17 — 112; mountain.ru).

АДЕЛУНГ, Николай Николаевич (1889, Москва — 1963) — член РСДРП, революционер, участник сражений на баррикадах 1905 года, революции 1917 года и гражданской войны, принимал участие в охране похорон Баумана. В годы Первой мировой войны «трудился в Зоологическом музее» Императорской АН, затем с 1917 г. в г. Аккерман (Белгород-Днестровский) — председатель Совета народ-

ных депутатов, в Одессе — зав. биржей труда. В начале 20-х годов — советский эмиссар при Бухарской и Хорезмской республиках (консультант Совета Назиров (министров), член коллегии Наркомтруда Туркесреспублики). Вынужден вернуться в Москву (заболел тропической лихорадкой). В 30-х годах работал в Госплане СССР, один из организаторов Общества пролетарского туризма, вышел из рядов партии большевиков, занимался проблемами туризма и альпинизма, на этой почве разошелся с Н.В. Крыленко — альпинистом номер один, прокурором РСФСР. Много внимания уделял развитию детского и семейного туризма. На основе опыта этой работы написал книгу «Туризм: работа низовой туристической секции» (М. 1950). 1935 — 1937 гг. — консультант по географии на Мосфильме. Сыграл роль патагонца Талькова в фильме «Дети капитана Гранта» (1936). С 1937 г. — зам. директора Кавказского государственного заповедника. В 1939 г. на Боровском кургане на слете в честь 10-летия советского туризма награжден номерным значком «Турист СССР». Жена — Отилия Владимировна. Сын, Юрий (Георгий) АДЕЛУНГ (5.04.1945, Москва — 6.01.1993, Москва), — геолог, альпинист, автор и исполнитель собственных песен, занимался промышленным альпинизмом, трагически погиб при проведении работ на высотном здании Москвы. Ныне изданы «Дневники, записки участника торгово-промышленной миссии РСФСР в Хорезмскую народную Советскую республику (1922). Предисловие и примечания: В.А. Потресов. (Московский журнал «История государства Российского». 2009. № 9. С. 36 — 49; mountain.ru).

АДЕРКАС, Александр Константинович фон — надворный советник, управляющий таможней в селе Айвадж (Бухарские владения, 1907, 1913) (СЛ. С. 89).

АЛИМКУЛ (1833 — 1865) — правитель Кокандского ханства (1863 — 1865), главком крепости Ташкента. Во время контратаки штурмующего город отряда генерала М.Г.Черняева был смертельно ранен в бою (9.05.1865). Похоронен в Ташкенте на кладбище рядом с мавзолеем комплексом Шейхантаур.

АНДЕРСОН, Эдуард Карлович — действительный статский советник, член Ташкентской судебной палаты (1907) (СЛ. С. 14).

АННЕНКОВ, Михаил Николаевич (23.04.1835 — 9.12.1899, Самарканд) — генерал-лейтенант, военный инженер, основоположник железнодорожных войск России, управляющий делами Комитета по передвижению войск железной дорогой и водой, стажировался в прусской армии, с 1875 г. — начальник военных сообщений Закаспийской обл., строитель Закаспийской железной дороги (1880

— 1891), с 1892 г. — член комитета помощи голодающим; 21.11.1913 г. в сквере перед вокзалом в г. Самарканде ему был открыт памятник-постамент в виде скалы, на котором установлены бюст генерала и туркестанский орел (изготовлен жившим в Париже скульптором В.П. Пашенко). Из уважения к памяти генерала недостающую сумму денег для постановки памятника внес эмир Бухары. Памятник уничтожен после 1918 г. (ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 161. Л. 14; Сокол К. Монументальные памятники Российской империи. М. 2006. С. 376; Назарьян Р. Самаркандская старина. СПб. 2010. С. 121 — 127).

АПЕЛЬ, Александр Карлович (19.08.1849) — прав., надворный советник. Окончил Киевский Императорский университет Св. Владимира в звании лекаря (1875). Службу начал 27.09.1881 г. в 136-м Таганрогском полку младшим врачом, неоднократно участвовал в комиссиях по набору новобранцев и в бригадах по борьбе с тифом. С 22.08.1891 г. — старший врач Ходжентского лазарета. Орден Св. Станислава 3-й ст. (30.08.1885). Жена — Надежда Трофимовна (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38060. Л. 29а; АК. С. 18).

АРЕНДС, Альфред Карлович (4.10.1893, С.-Петербург — 20.06.1982, Ташкент) — востоковед, иранист, переводчик, преподаватель, доктор филологических наук (1963), заслуженный деятель науки Узбекской ССР (1970). Знание языков: «арабский — плохо, хорошо — немецкий, французский, английский, персидский, таджикский». Из семьи ремесленника-гравировщика, работавшего по найму, Карла Яковлевича Арендс (умер в 1911 г.) и Анны Антоновны Ганиш (домохозяйка, умерла в 1942 г. во время блокады Ленинграда). Трудовую жизнь начал после смерти отца. Окончив реальное отделение немецкого Екатерининского училища, поступил в 1911 г. учеником в леспромконтору Граана в С.-Петербурге. С осени 1912 г. отбывал воинскую повинность в 37-й артиллерийской бригаде в Семенищенских казармах в новгородской губ. После увольнения в запас поступил делопроизводителем в Акционерное общество для производства обувных машин (1913). С 1.08.1914 г. призван младшим офицером на действительную службу в 74-ю артиллерийскую бригаду Юго-Западного фронта. Летом 1917 г. в Галиции получил контузию в голову и левое плечо, что привело к параличу левой руки. Лечился в течение двух лет, зарабатывал частными уроками по общеобразовательным предметам. В июне 1920 г. направлен в Одессу для грязелечения, работал в губстатбюро. Осенью 1921 г. признан годным к воинской службе и назначен командиром взвода Одесских командных курсов тяжелой артиллерии РККА. Демобилизован в феврале

1923 г. и осенью поступил в Ленинградский Восточный институт на персидское отделение. После окончания института в 1926 г. направлен в аспирантуру, которую окончил в 1930 г. Занимался под руководством профессоров А.А. Ромаскевича и Ю.Н. Марра научным исследованием персидской научно-технической терминологии. Подготовленная им ценная работа по лексике персидского языка, изданная под редакцией академика С.Ф. Ольденбурга (Персидско-русский словарь физических терминов. Л. 1928), — ценное пособие для студентов и преподавателей. С мая 1925 г. по сентябрь 1926 г. работал также штатным преподавателем в Военно-технической школе ВВС РККА, штатным преподавателем специального класса афганских военнотрудателей, командированных в СССР для обучения летному делу. С 1928 г. — преподаватель Ленинградского Восточного института в должности ассистента, с 1932 г. — доцент, вел курсы экономической географии и народного хозяйства Ирана, персидского языка, заведовал персидским отделением, руководил научной работой аспирантов в ЛГУ и в Институте языка и мышления. В эти годы, «питая большую склонность к филологии», переключился исключительно на работу в соответствующей области. С 1936 г. — ст. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР в Ленинграде, занимался исследовательской работой в области иранской историографии и источниковедения, являлся переводчиком многих литературных, социально-исторических памятников персидского народа на русский язык. Лексикография становится одним из важнейших объектов его научных исследований (Арендс А. Синтаксис современного литературного персидского языка. М.-Л. 1941). На этой должности проработал до ликвидации института (1938). В 1938 г. присуждена ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации. В 1942 г. выселен из Ленинграда. В 1942 — 1943 гг. — учитель истории в школе-десятилетке в Краснотурьинске Свердловской обл., трудармеец — 1943 — 1946 гг. в Н.-Тагиле Свердловской обл., 1946 — 1947 гг. — в тресте Тагилстрой Министерства строительства предприятий тяжелой промышленности. С октября 1947 г. зачислен ст. научным сотрудником Института по изучению восточных рукописей АН УзССР, одновременно заведовал кафедрой иранской филологии на восточном факультете в САГУ. С 1952 г. возглавил сектор исследования и публикации рукописных памятников Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР. В 1963 г. защитил докторскую диссертацию. Внес большой вклад в изучение и публикацию научного наследия Ибн Сино и Абу Райхана Беруни. Издания трудов этих ученых (в частности, «Канон врачебной науки» Ибн Сино. Кн. 1 — 5. 1954 —

1964) выходили в свет под его филологической редакцией. Он раскрыл многие ранее неизвестные страницы биографии и творчества Беруни, а также истории Хорезма XI в. (Окружение Беруни при дворе первых Газневидов // Сб. Беруни. К 1000-летию со дня рождения. Ташкент. 1973. С. 16 — 38; История Хорезма Абу Райхана Беруни // Сб. Беруни и гуманитарные науки. Ташкент. 1972. С. 80 — 88). Был ответственным редактором ряда важных публикаций по социально-экономической истории народов Центральной Азии. Являлся автором свыше 40 научных работ. В 1974 г. вышел на пенсию, продолжал работу по публикации переводов письменных источников по истории Центральной Азии и сопредельных государств. Похоронен на кладбище Домбрабад. Жена — Зинаида Васильевна (Ракашева) (Ахмедов Б.А. А.К. Арендс // Народы Азии и Африки. 1964. № 1. С. 230 — 238; О деятелях общественных наук Узбекистана. Ташкент. 1977. С. 67 — 73; Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь. М. 1975. С. 40; Наука и научные работники Ленинграда. Л. 1934. С. 14; Общественные науки Узбекистана. 1973. № 11. С. 88 — 90; Ташкентский горархив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 124; НР. Т. 1. С. 70; tashkentpamyat.ru).

БАБА-бей (1833 — 1898) — правитель Шахризьбса, майор русской армии, участник Кокандского похода (1875 — 1876), имел награды (ТВ. 1898. № 54).

БАЗИНЕР, Федор (Теодор Фридрих Юлиус) Иванович (3.01.1817, Дерпт — 2.10.1862, Вена) — натуралист, путешественник, доктор философии (Кенигсбергский университет, 1848). Окончил Дерптский университет (1840), причислен к С.-Петербургскому ботаническому саду, участник экспедиции Перовского (1839) и миссии полковника Г.И. Данилевского (1842 — 1843) в Хиву. Первым изучил и описал осеннюю флору Киргизской степи и Хивы, за что и награжден в 1848 г. половиной Демидовской премией Петербургской АН, собрал сведения о территории и истории Хивинского ханства, богатые коллекции, составил карты населенных районов Хивы, результаты исследований географии растительности, климата, рельефа края опубликовал в издании АН (Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisiensteppe nach China — Путешествие через Киргизские степи в Хиву 1842 — 1843 гг. СПб. 1848). С 1849 г. — директор лесного питомника в Киеве. Его именем названа река на полуострове Таймыр. Сын, БАЗИНЕР Оскар Федорович (1857 — 1909), руководил кафедрой классической филологии в Новороссийском университете (ТВ. 1873. № 31, 46; НР Т. 1. С. 95 — 96).

БАЛЛИОН, Эрнест Эрнестович (1816 — 1901) — ученый-энтомолог, профессор Петербургского земледельческого института, затем Петербургского лесного института. После выхода на пенсию в 1880-х годах переехал в г. Новороссийск, создал публичную библиотеку города, автор труда «Опыт исследования о русских названиях (простонародных и книжных) млекопитающих животных, водящихся в пределах Российской империи» (СПб, 1858) и др., помогал при открытии Туркестанского музея в г. Ташкенте (1876).

БАРГ — доверенный Библейского общества (1885) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2469. Л. 284).

БАРЕНТ, Эдуард Францевич — выпускник учительской семинарии в Ташкенте, более 16 лет — учитель в Ауле-Ата, в с. Орловка Аулеатинского уезда.

БАРТОЛЬД, Василий Владимирович (15.11.1869, С.-Петербург — 19.08.1930, Ленинград) — корифей мирового востоковедения, основоположник современной школы российского востоковедения, арабист, исламовед, филолог, доктор истории Востока, академик С.-Петербургской АН (1913), один из плеяды тех ученых, которые «в истории определенной науки бывают раз в 100 лет» (А.Ю. Якубовский). При необычайной широте спектра научных интересов ученого отличительной особенностью всей его деятельности с самого начала и до конца дней жизни была Центральная Азия. В 1889 г. удостоен серебряной медали за сочинение «О христианстве в Средней Азии». В 1900 г. после защиты двухтомного фундаментального монографического исследования «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» присуждена ученая степень доктора истории Востока. «И ныне этот труд Бартольда рассматривается как классическое произведение, по праву вошедшее в золотой фонд русского и мирового востоковедения» — Б.В. Лунин. Первую, из ставших позднее систематическими, поездку в Центральную Азию совершил в 1893 г., установил тесные контакты с местными учеными (Я.Я. Лютш, А.К. Каль, Н.П. Остроумов). Инициатор создания в Ташкенте и до 1917 г. неизменный руководитель Туркестанского кружка любителей археологии и старины. Основываясь на сведениях в трудах арабских, персидских и центральноазиатских авторов, на повествовательных и документальных источниках, археологических и нумизматических данных, он заложил фундамент направления исторической науки, посвященный изучению многовекового прошлого Центральной Азии, создал ее научную основу, особенно для изучения средневекового периода. Он постоянно подчеркивал, что «кроме некоторых мест

Закавказья в пределах России нет страны с более древней культурой, чем Туркестан». Также был признанным исламоведом, автором многих работ и статей справочного характера по исламу на страницах «Энциклопедии ислама» (Лейпциг), редактором журналов «Мир ислама» (1912 — 1921) и «Мусульманский мир» (1917). Полемизируя со многими учеными провидчески утверждал, что «на мусульманском Востоке требования религии всегда подчинялись требованиям земной жизни, а не наоборот», «ислам сохранил свою жизнеспособность и умение соответствовать меняющимся условиям жизни», <...> и поэтому «с мусульманским движением приходится считаться <...> в мировой борьбе за политическое преобладание и торговые рынки». Особое место принадлежит ему среди первых исследователей истории христианства в Центральной Азии. Впервые обработал и сделал достоянием науки целый ряд мусульманских источников не только по истории христианства на Востоке, но и обобщил сведения арабских авторов о древних славянах. Известен и как историограф истории Востока. Старался быть вне политики, не выходить за рамки науки, избежать участия в реформаторских преобразованиях и «принести пользу <...> только работами по специальности». Однако решительно отказался от всех неоднократных приглашений зарубежных научных организаций переехать для работы за рубеж. В 1918 — 1920 гг. участвовал в организации университета в Ташкенте, читал лекции в университетах страны и за рубежом, возглавлял Тюркологический кабинет АН СССР, работал в комиссии по переводу алфавитов многих народов с арабской основы на латинскую. Его работы неоднократно издавались и были переведены на французский, немецкий, английский, японский, арабский, турецкий, персидский, грузинский, узбекский, татарский языки. В Ташкенте на здании института востоковедения АН Республики Узбекистан в числе 33 имен выдающихся ученых и мыслителей Востока было выписано и его имя. Поэт Абдулкасим Лахути сложил такие стихотворные строки в связи с кончиной ученого: «Уснул в земле знаток проникновенный Востока, / Носитель верный бесценной мудрости Востока. / Скончался он, но имени его / Жить вечно рядом с нетленным именем Востока». Великий историк и подлинный гуманист, стойкий противник всякого рода расовых предрассудков В.В. Бартольд еще в 1915 г., в разгар Первой мировой войны писал: «Все-таки в жизни много хорошего, которое останется всегда, тогда как самоистребление пройдет же когда-нибудь. Человеческая культура еще далеко не сказала своего последнего слова, а скажет ли его белая, желтая или черная раса, —

это в сущности все равно» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 13 Д. 471; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 52. Л. 169; Ф. И-69. Оп. 1. Д. 81а; Ф. И-71. Оп. 1. Д. 12; Ф. 394. Оп. 1. Д. 339; Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 27; Бюллетень САГУ. 1926. № 14. С. 176; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 344, 352; НР. Т. 1. С. 123 — 124).

БАСТИАН, Адольф (Филипп-Вильгельм Адольф) (26.06.1826, Бремен — 2.02.1905, Порт-оф-Спейн) — выдающийся немецкий этнограф, путешественник (более 25 лет провел в путешествиях), философ, автор фундаментальных изданий «Человек в истории» (в трех томах), «Народы Восточной Азии» (в шести томах), первый директор Берлинского этнографического музея, передал в него подаренные ему в Ташкенте древние сосуды (кувшинчики). Среднюю Азию посетил в 1889 — 1891 гг., собрал большой этнографический материал, интересуясь в основном духовной культурой ее народов.

БАУМ, Оттон Оттонович (27.09.1842, Казань — 16.02.1892, Верный) — садовод, метеоролог, сейсмолог, писатель. Отец, Оттон Матвеевич Баум, — зав. Пензенским училищем садоводства. Окончил Пензенскую гимназию и физико-математический факультет Дерптского университета. С 1873 г. — в Туркестане, 1876 — 1883 гг. — чиновник Кульджинской канцелярии, инициатор научных экспедиций в Приилийский край. С марта 1884 г. — главный садовник, затем заведующий Верненского Казенного сада, расширил оранжереи, цветники, садовые дорожки. Также повсеместно закладывал фруктовые сады, тутовые рощи, виноградники, табачные плантации и огороды, закупал животных для создания зоопарка, возглавил школу садоводства, полеводства, шелководства. Параллельно с 8.09.1886 г. стал начальником метеослужбы Семиречья и с 1889 г. после поступления сейсмографа — первым сейсмологом области. Активный участник общественной жизни края, талантливый публицист. Дочь, Елена (в замужестве Савельева), — учительница школы в Большой станице, репрессирована в 1928 г. (Алма-Ата. Энциклопедия. А-А. 1983. С. 143 — 144; Э. Абдукадыров. Любить Родину не саксаул целовать; express-k-kz).

БАУМ, Эдуард Оттонович (3.08.1850, Екатеринослав — 26.05.1921, Алма-Ата) — статский советник, ученый, лесовод, действительный член общества естествоиспытателей при Казанском университете (1871). Выпускник Пензенской гимназии (1869), учился в Петровской сельскохозяйственной академии, Петербургском земледельческом институте, защитил диссертацию кандидата сельскохозяйственных наук. С октября 1875 г. — в г. Верном — областной лесничий,

1895 — 1917 гг. — старший лесной ревизор Семиреченской области. После революции — заведующий Семиреченского лесного подотдела. Отдал более 50 лет вдохновенного труда по озеленению городов и сел Семиречья, особенно столицы края — г. Верный, созданию питомников, садов и рощ края. Вместе с братом завез и интродуцировал 44 лиственных, 17 хвойных пород деревьев, 52 вида кустарников, 74 сорта яблонь и 49 сортов груш. Основал школу садоводства (1909), директором которой был его брат. По его инициативе был отдан приказ о том, что каждый житель должен посадить не менее 20 декоративных или плодовых деревьев. Много сил и энергии отдавал также общественной деятельности и литературному труду, был ярким публицистом. В г. Алматы сохраняется роща имени Эдуарда Баума, в 1979 г. дом, где он жил, хотя и значительно реконструированный, объявлен памятником истории и культуры (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 3272, 9754; Ф. И-7. Оп. 1. Д. 981. Л. 21; Д. 988. Л. 10; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1675. Л. 163, 168; Мой город Алма-Ата. А-А. 1971. С. 13 — 14; СЛ. С. 57; Проскурин В. В долине Заилийских гор немецкие сады и парки // Культурное наследие немцев в Центральной Азии. Сб. статей под ред. составителя О. Клименко. Алматы. 2012. С. 24 — 40).

БАУМАН — полковник, начальник Ашхабадской военно-инженерной дистанции (1915), был заподозрен в сочувствии военнопленным (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1069. Л. 18).

БАУМАН, Рудольф Андреевич — аптекарь городской аптеки Ташкента (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 90. Л. 12; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 211; Д. 1575. Л. 80).

БАУМГАРТ, Сергей Николаевич (4.08.1850 — 4.12.1901, Ташкент) — прав., кандидат правоведения, редактор газеты «Туркестанские ведомости» (1896 — 1901). Выпускник юридического факультета С.-Петербургского университета, в 1874 г. защитил диссертацию на звание кандидата правоведения и направлен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, с 1886 г. — в должности товарища Сырдарьинского областного прокурора, с 1895 г. — чиновник Главного управления Туркестанского края, с 12.01.1888 г. назначен мировым судьей Ташкента. В 1895 г. — чиновник Главного управления Туркестанского края. С 14.08.1896 г. — и.д. редактора, с 21.03.1900 г. — редактор газеты «Туркестанские ведомости», с 5.11.1901 г. — мл. чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе. За «усердное отношение к делу и труды» имел благодарности, орден Бухарской Золотой звезды 2-й ст. (21.01.1900). Жена — Варвара

Эдуардовна. Дети: Владимир (1894), восприемником которого при святом крещении были генерал-лейтенант барон А.Б. Вревский и вдова генерала Штанге (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 203. Л. 295 — 302).

БАУЭР, Георгий Георгиевич (1874) — лют., из Петербурга, служащий Наманганского отделения Московского учетного банка (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1315).

БАУЭР, Г.П. (н.д. — 1937) — архитектор, в 1924 г. один из авторов проекта совместно с Г.М. Сваричевским «Плана регулирования части нового города (перепланировки бывшей ярмарочной территории) в Ташкенте», по которому не просто разрабатывалась схема улиц, но определялись новые типы зданий. Автор и строитель здания Коммунистического университета (ныне здание ТАДИ), Высшей сельхозшколы (1927, ныне здание Министерства юстиции.) До его ареста в 1937 г. в его семье жила вдова пастора Юргенсена.

БАУЭР, Людвиг Николаевич (1865) — купец 1-й гильдии в г. Коканде, управляющий Кокандского отделения Русского для внешних сношений банка (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 175).

БАУЭР, Мария Эдуардовна — учительница подготовительных классов женского училища в г. Маргелане (1890, 1894) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1828. Л. 3).

БАУЭР, Николай Васильевич — прав., действительный статский советник (с 30.08.1879), окончил 17.06.1854 г. Аудиторское училище Военного министерства, с 27.03.1854 г. — аудитор Грузинского линейного батальона Кавказской армии, в 1873 — военный судья Кавказского военного округа, «служил усердно и ревностно, не однажды командирован с докладом дел по полемому Аудиторату к Главнокомандующему Кавказской армией». С 1882 г. — нач. гражданского отделения штаба войск Закаспийской обл., с 26.09.1886 г. — неперменный член от Министерства финансов в Совете при управлении Туркестанского края. Ордена: Св. Станислава 2-й ст., 1-й ст.; Св. Анны 2-й ст.; Св. Владимира 4-й ст., 3-й ст.; крест «За службу на Кавказе». Жена — Констанция Ивановна (Гонзаль) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 88. Л. 8 — 13; Оп. 11. Д. 334; Оп. 28. Д. 90. Л. 72, 83; Оп. 33. Д. 203. Л. 282 — 295).

БЕК, Максимилиан Гаральдович (22.09.1850) — лют., генерал-лейтенант (с 8.03.1913). Из семьи горного инженера из Риги, выпускника 1848 г. Петербургского горного института Гаральда Петровича Бек и Софии Елизаветы Стуббе. Воспитанник Кадетского корпуса, окончил Военно-юридическую академию,

участник русско-турецкой войны (1878). Служил в Туркестане, секретарь военного суда, военный прокурор, почетный мировой судья Ташкентского окружного суда (1907) (СЛ. С. 14; rusgeneral.ru).

БЕК, Максимилиан Максимилианович (27.04.1883, Ташкент) — лют., окончил Ташкентское реальное училище (16.09.1905), зачислен в 1 роту 1-го Туркестанского стрелкового батальона, с 1.03.1909 г. — служащий Управления земледелия и государственных имуществ, с 27.08.1909 г. — чиновник Главного управления Туркестанского края, с 1.09.1912 г. переведен в Военно-судебное ведомство, помощник секретаря Туркестанского военного суда (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 4. Д. 1091. Л. 58; Оп. 33. Д. 203. Л. 323 — 327).

БЕКОВИЧ-ЧЕРКАССКИЙ, Александр (Давлет-Кизден-Мирза) Александрович (н.д. — 1717) — потомок кабардинских князей, руководитель военной экспедиции в Хиву (1714 — 1717).

БЕЛЬХЕРТ, Николай Константинович (18.12.1864 — до 1917) — коллежский ассессор, сын купца. Выпускник 1889 г. Военно-Медицинской академии, соученик Е.Б. Боткина, мл. ординатор военного госпиталя в Самарканде, врач Закаспийской обл., г. Чарджуй (1896, 1913) (АК. С. 16; ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 62).

БЕМ, Георг (1856, Франкфурт-на-Майне) — геолог, выпускник философского факультета Берлинского университета, профессор Фрейбургского университета, совершал путешествия в Азию, Африку, Австралию, посещал Бухару (ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 114. Л. 36).

БЕНГЕЛЬ, Иоган Альбрехт (1687 — 1752) — немецкий лютеранский библист и теолог, основоположник религиозного учения т.н. штундистов.

БЕНДЕР, Рудольф Карлович — служащий Управления по сооружению Семиреченской железной дороги (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 126).

БЕНДИНГЕР, Генрих Адамович (1.11.1876, Войт-Шиглов, предместье Лодзи — 1957, Джизак) — лют., из семьи потомственных учителей. После окончания гимназии был отправлен для прохождения воинской службы в Ташкент, окончил школу ротных фельдшеров и остался работать в военном госпитале № 159 (с 1914 — в отделении для беженцев), в совершенстве овладел узбекским и киргизским языками. Добросовестно работал в своей маленькой амбулатории, открытой им первой для местного населения в старой части Ташкента (здание разрушено в 1941 г.), приобрел славу бессеребrenника. В годы гражданской войны «стал эсером» и пошел лечить рабочих железнодорожных мастерских.

Они спасут его, когда в 1937 г. по обвинению в пособничестве фашизму он был арестован. Рабочие депо и мастерских напишут «петицию тройке» и отстоят «своего доктора». Он был освобожден. В 1941 г. семья выслана в Зааминский район, в горный поселок Етти-Кучи. С 1945 г. переведен в г. Джизак, работал школьным врачом. Жена — Екатерина Яковлевна (Затлер, ум. 1977). Супруги похоронены в Джизаке. Дети: Николай (1904 — 1998), Владимир (1907 — 1968), Артур (1924) (Bendinger Margarete. Mein Vaner erinnert sich an die Deutschen in Taschkent // Volk auf dem Weg. 2007. № 1. S. 26 — 27; ЦГА РУз. И-7. Оп. 1. Д. 8761; Д. 8764; Д. 8765; Д. 8766; Д. 8767; Д. 8768).

БЕНДИНГЕР, Николай Генрихович (7.12.1904, Ташкент — 3.10.1998, Ташкент) — люг., учился в Ташкентской мужской гимназии, после ее закрытия в 1917 г. — в коммерческом училище. Военскую службу проходил в г. Ката-Кургане и Кушке. В октябре 1941 г. направлен в составе трудовой колонны на строительство железной дороги Ангрен — Ташкент, переведен осенью 1942 г. в Тульскую обл. на станцию Узловая для работы в шахте № 3, в декабре 1944 г. осужден на год лишения свободы и переведен на строительство шоссежных дорог Москва — Куйбышев в Пензенскую обл., обморозил кисти рук, лишился крайних фаланг пальцев. Амнистирован 28.09.1945 г. и сослан в Джизак по месту жительства жены, сосланной в Джизак вместе с дочерью в мае 1942 г., работал экономистом, старшим бухгалтером, пользовался большим уважением среди местных жителей. В 1971 г. семья переехала в Ташкент. Жена — Елена Григорьевна (Картавцева, 9.11.1913, Оренбург — 3.10.1985, Ташкент). Дочь, Маргарита Николаевна Бендингер (18.06.1938, Ташкент — н.д.), — врач, кандидат мед. наук, доцент кафедры внутренних болезней 2-го Ташкентского мединститута (Bendinger Margarete. Mein Vaner erinnert sich an die Deutschen in Taschkent // Volk auf dem Weg. 2007. № 1. S.26 — 27).

БЕНДИНГЕР, Рудольф Иосифович (н.д. — 1942) — архитектор, выпускник архитектурного факультета Берлинского университета. Племянник Г.А. Бендингера. Несколько лет работал в Иране, Афганистане. С 1920 г. в Ташкенте — один из ведущих архитекторов города, по его разработкам застраивался в 30-х годах XX в. Шейхантаурский район, улица Навои, строились здания центрального телеграфа, полиграфического комбината и других сооружений. В 1941 г. вместе с супругой выслан под Бухару, умер в ссылке.

БЕНУА, Алексей Леонтьевич (21.06.1838, С.-Петербург — 25.05.1902, Красноводск) — катол., архитектор, художник, автор проектов и строитель «многих

красивейших зданий» в Туркестанском крае. Внук Леонтия (Луи-Жюль-Сезар-Огюст) Николаевича Бенуа (1770 — 1822) — основоположника русской ветви талантливых архитекторов, художников, музейных работников, писателей, купцов, придворного метрдотеля императора Павла I и вдовствующей императрицы Марии Федоровны. По приезду из Франции (1794) он женился на фрейлине Екатерине (Анна-Катерина) Андреевне Гропп из многочисленной немецкой семьи лейб-медика. Племянник Николая Леонтьевича Бенуа (1813 — 1898) — профессора архитектуры, главного архитектора Петергофа, строителя Фрейлинского дома в нем, где сейчас находится «Музей семьи Бенуа». Отец, Леонтий Леонтьевич Бенуа (1801 — 1885), — чиновник Общества Царскосельский железной дороги, старший брат Николая Леонтьевича. После окончания Школы при лютеранском приходе Святых Апостолов Петра и Павла, затем Императорской Академии художеств в С.-Петербурге (12.09.1865) в звании «свободного художника с правом производить строения и вступления на службу, какую пожелает» обратился с просьбой к императору «об определении его на службу в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора». Просьба была удовлетворена, ректор Императорской Академии художеств А.Р. Ремизов рекомендовал его с «отличной стороны, как хорошего художника, знающего дело архитектора и честного человека». С 20.06.1874 г. приказом по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства (№ 177) определен на службу в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, таковым же приказом от 8.02.1875 г. (№ 23) был назначен членом Сырдарьинского строительного комитета, «где сосредоточена деятельность по руководству застройкой Ташкента», с зачислением в этой должности с 1.11.1874 г. С 8.05.1875 г. по 1877 г. командирован в распоряжение военного губернатора Семиреченской обл.: занимался совместно с военным инженером С. Янковским и архитектором П. Гурле аранжировкой Казенного сада и участвовал в строительстве мужской гимназии в г. Верном (Алматы); строил дома в Ауле-Ата (Тараз); проводил районную планировку селения Казанско-Богородское на р. Узун Агач, проектировал и строил в нем церковь, сельское училище, дома переселенцев, проектировал часовню на братской могиле павшим воинам в Узунагачском сражении 1860 г.; занимался строительством мостов; впервые осуществлял противоселевые мероприятия, возводил дамбы, строил укрепления на берегах горных рек. Приказом от 1.04.1877 г. (№133) зачислен мл. архитектором Сырдарьинского областного прав-

ления в составе создававшихся под управлением военных инженеров строительных отделов. Совместно с инженером Белохой занимался (1877) переустройством интерьера «Белого дома» места пребывания и резиденции Туркестанских генерал-губернаторов. Им создан парадный Георгиевский зал, позднее (1883 — 1884) он обогатил фасад этого одноэтажного здания «прихотливым резным деревянным декором» в русском стиле. Однако некоторая амбициозность и житейские ситуации порою определяли, как свидетельствует из рапорта военного губернатора Сыр-Дарьинской обл. от 15.08.1878 г., «неаккуратное исполнение возложенных на него поручений». Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман покровительствовал А.Л. Бенуа и предложил: «если он будет уволен, то м.б. принять по вольному найму чертежником». 7.10.1878 г. был назначен чертежником в строительный комитет при Туркестанском генерал-губернаторе, затем 31.10.1878 г. «временно направлен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора» и 28.04.1879 г. уволен «согласно прошению» «по собственному желанию» из «списка служащих лиц». Работал по частному найму. В конце 1882 г. вновь зачислен на государственную службу в строительный отдел Зеравшанского округа в должности Самаркандского городского архитектора. 7.01.1885 г. начальник Зеравшанского округа ходатайствует о представлении его к производству в первый классный чин, но документы не были оформлены. После 1887 г. принят в строительный комитет при Туркестанском генерал-губернаторе. Последние годы служил архитектором Туркестанского таможенного округа в Красноводске, в котором им было построено прекрасное в мавританском стиле здание вокзала. Им были спроектированы и построены жилые дома в Ташкенте и других городах, здания почтово-телеграфных станций и православных церквей во многих сельских районах края, церковному зодчеству придавал большое значение (церковь Рождества Богородицы в с. Вревское, храмы в с. Тоболино, Обручевка, Ванновка, Балыкчи, Высокое, Белые Воды и др.), «проектировал много, — как отмечает Э. Жданов, — от дворцов, которые украшают край и ныне, до сторожевых караулок и пометочных столбов на мостах шоссежных дорог». В Ташкенте принимал участие в строительстве мужской и женской гимназий (1878 — 1883), был автором проекта дворца опального великого князя Константина Николаевича Романова (1889 — 1891, ныне — Дом приема МИД Республики Узбекистан). В 1881 г., победив в конкурсе, подготовил первый проект с использованием элементов прибалтийской готики, еван-

гелическо-лютеранской кирхи, над архитектурным планом которой работал до 1896 г. Строительство завершено в 1899 г., но здание кирхи по его замыслу осталось недостроенным: в пояснительной записке (сентябрь 1891) он пишет о том, что в архитектурном плане заложен дополнительный запас прочности, чтобы позднее «вместо звонницы на нем построить приличную колокольню», но из-за нехватки средств этот вопрос с годами был снят сам собой. В 1881 — 1887 гг. участвовал в перестройке жилого дома полковника Тартарковского в учительскую семинарию, в 1898 г. Е.П. Дубровин пристроил при ней по проекту А.Л. Бенуа домовую пятиглавую церковь им. Св. Александра Невского (снесена в 2009). Он — автор проектов городской думы (1898) и коммерческого банка. Строения А.Л.Бенуа характеризуют возвышенная романтичность, «претензии на классическую помпезность, воздушная легкость пространственных решений, очарование конструктивных форм, застывших на грани эклектики и использования различных стилей». Его проекты отличались не только особой изящностью и утонченностью. Он имел обыкновение оформлять их в красках, они представляли собой всегда своеобразное, оригинальное художественное произведение, он был единственным в Туркестане архитектором-художником. Исследователь городского строительства Туркестана В.А. Нильсен отмечал: «Обычно небольшие по формату проекты А.Л. Бенуа были красиво прорисованы и покрашены акварелью в чистых, ярких тонах в общей зелено-коричневой гамме и наглядно свидетельствовали о том, что их делал большой художник». Особым объектом творчества художника была сельскохозяйственная, научная, художественная и кустарно-промышленная выставка в 1890 г. в Ташкенте в честь 25-летия присоединения Ташкента к России. Для нее им были спроектированы и построены несколько павильонов и ворота в городской сад, выполненные в традиционном русском стиле. Он был приглашен 9.11.1893 г. срочной телеграммой инженера Х. Гельмана для составления проекта и сметы на постройку дворца бухарских эмиров в Новой Бухаре (Каган) и оформления некоторых частей его декора, 25 ноября прибыл в Бухару и 16 декабря представил эмиру эскиз проекта дворца. По его проекту загородный дворец эмира Сейид Абд ал-Ахада Бахадур-хана (правил 1885 — 1910) построен с 14.08.1895 г. до начала 1898 г. в мавританском с элементами барокко, ампира, псевдорусского модерна архитектурном стиле, с редким по красоте и стилю декором, исполненным также по эскизам А.Л. Бенуа. Ныне дворец бухарских эмиров в Кагане, расположенном на расстоянии 12 км

от Бухары, в бывшем поселке железнодорожников Закаспийской железной дороги и дипломатических сотрудников Политического агентства России в Бухаре, является наиболее примечательной его постройкой. Но служебные обязанности тяготили его, он «не задерживался подолгу на одном месте», отдавая предпочтение работе «по частному найму». Состоял в браке. В метрических книгах Введенской церкви лейб-гвардии Семеновского полка С.-Петербурга «значится запись» о том, что «состоящий в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора не имеющий чина Алексей Леонтьевич Бенуа вероисповедания римско-католического от роду 37 лет 6.11.1874 г. повенчан первым браком с дочерью отставного коллежского регистратора Наталией Николаевной Эйлобке вероисповедания православного, от роду 24 года». При обряде бракосочетания поручителем находились: по жениху — студент С.-Петербургского университета Петр Иванович Храбро-Василий и коллежский советник лекарь Петр Александрович Загорский; по невесте — С.-Петербургский купец Александр Александрович Бенуа и коллежский советник Юлий Юльевич Эйхтор. В послужном списке А.Л. Бенуа от 23 декабря 1882 г. фамилия жены записана: «Эйноке Н.Н., детей нет». Первоначально в документах есть отметки о том, что «жена находится при нем» (1882), позднее сведений нет. 17.06.1887 г. в Ташкент из Петербурга была послана телеграмма с просьбой сообщить «... где находится архитектор Алексей Леонтьевич Бенуа», так как «семья с ноября без известий». Стиль жизни «свободного художника», особенности его непростого характера «позволяют предполагать», что, несмотря на «разностороннюю одаренность, природный талант, трудолюбие, высокий профессионализм, красоту фантазии, широту знаний и душевную доброту», он был «скорее одинок, чем обладал большим количеством друзей», — отметит В.А. Нильсен. Газета «Русский Туркестан» № 114 за 1902 г. опубликовала крохотную заметку: «25 сего мая скончался один из старых туркестанских деятелей, архитектор Туркестанского таможенного округа А.Л. Бенуа. Туркестанцы знакомы с личностью покойного Алексея Леонтьевича по тем постройкам, которые возведены по его проектам и отличаются художественностью и оригинальностью замысла» (некролог об умершем купце, помещенный в том же номере, занимал почти четверть газетного листа) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 8 — 10, 12 — 16; Оп. 20. Д. 9084; Оп. 28. Д. 35. Л. 507; Оп. 31. Д. 47. Л. 20; Оп. 33. Д. 203. Л. 52, 367-369; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 76. Л. 1 — 17; Ф. И-5. Оп. 1. Д. 1150. Л. 19; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 517; Д. 34944. Л. 1 — 8, 12об; Д. 38122.

Л. 1 — 3; Ф. И-18. Оп. 1. Д. 11080. Л. 3; ТВ. 1879. № 19; Елгин Ю.А. Православное церковное зодчество юга Казахстана (XIX — нач. XX века) // К истории христианства в Средней Азии. Т. 1998. С. 65 — 87; Нильсен В.А. У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX — нач. XX вв.). Ташкент. 1988; Жданов Э.Г. Туркестанский Бенуа // Наше Наследие. 2011. № 98; Голендер Б.А. Мои господа ташкентцы. Т. 2007).

БЕРГ (БЕРХ), Борис (Берндгард-Александр) Маврикиевич фон (16.06.1827, Николаев — 5.12.1900, С.-Петербург) — лют., генерал-майор, чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе. Из дворян Эстляндской губернии, сын Маврикия Борисовича Берга (Берха) (1776 — 1860), адмирала Черноморского флота, и Марии Ниман (н.д. — 1856), брат жены Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, Юлии Маврикиевны. Обучался в частных учебных заведениях. Службу начал 1.04.1842 г. гардемарином Балтийского, затем — мичман Черноморского флота. В 1842 — 1845 гг. был участником морских кампаний на парусном корвете «Ифигения», кораблях «12 Апостолов» и «Силистрия» Черноморского флота. Прикомандирован с 1.03.1850 г. к образцовому кавалерийскому полку «для узнания правил фронтовой службы». С 16.04.1851 г. переведен с переименованием чина в корнеты в образцовый Одесский уланский егерского Высочества герцога Нассауского полк, с 19.08.1854 г. — в Малороссийский Кирасирский принца Альберта Прусского полк «с оставлением в тайне должности». Участник сражений против соединенных войск Турции, Англии, Франции и Сардинии в Крыму в 1855 — 1856 гг. С 3.11.1856 г. уволен в годичный отпуск с переводом в Ингерманландский Великого герцога Саксен-Веймарского полк. Определен с 24.05.1869 г. сотником, с 7.04.1870 г. есаулом, с 2.02.1871 г. войсковым старшиной в Семиреченское казачье войско. С 9.07.1870 г. «назначен состоять бессменным ординарцем при Командующем войсками Туркестанского военного округа». В 1876 — 1882 гг. числился на службе по военно-народному управлению при Туркестанском генерал-губернаторе. Обязанности адъютанта выполнял до конца жизни К.П. фон Кауфмана, сопровождал его во всех поездках, военных походах, помогал в проведении мероприятий, принимал участие в работе различных комиссий, посольств, в частности, был в составе посольства в Бухару в ноябре-декабре 1880 г., выполнял задания по военно-народному управлению и был со своим командиром в последние дни его жизни. С 1.06.1882 г. отстранен от занимаемой должности, отправлен в 4-месячный отпуск. Затем, по приглашению генерала Г.А. Колпаковского возвратился в Туркестан, был

«прижалован по Степному генерал-губернаторству» и с 17.03.1883 г. — на службе «по Дому Генерал-губернаторства с исправлением довольствия Павлодарского уездного начальника». В 1885 г. ему присвоен чин генерал-майора, 24.04.1885 г. уволен в отставку. Участник Хивинского похода (1873), военных экспедиций в Кокандское ханство (1875 — 1876) и Джамского похода (1878). Во время Хивинского похода ранен в стопу левой ноги, был принят в 1874 г. под покровительство Александровского комитета раненых, военный министр «разрешил ему носить трость». Имел благодарности и награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (14.05.1857), 2-й ст. (5.01.1874); Св. Анны 3-й ст. (30.08.1875), 2-й ст. (13.01.1880); Св. Владимира 4-й ст. с бантом (5.01.1874); бронзовая медаль на Андреевской ленте «В память войны 1853 — 1856», серебряная медаль «За Хивинский поход» (1873). За отличную службу, мужество и храбрость «Государь император <...> соизволил пожелать золотую саблю с надписью «за храбрость». Был женат дважды. Жены: Ксения Григорьевна (Соколова) и с 18.02.1896 г. — Мария Карловна (1845) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 61. Л. 1-8; Оп. 33. Д. 203. Л. 374 — 382, 412 — 416об; Д. 718. Л. 28; ТВ. 1878. № 25, № 138).

БЕРГ, Владимир Николаевич — мировой судья 1-го участка Ташкентского уезда (1907) (СЛ. С. 15).

БЕРГ, Густав (Фридрих Карл Оскар Вильгельм) Васильевич фон (28.10.1835) — лют., майор (4.10.1872), из дворян Лифляндской губ., обучался в частных учебных заведениях, службу начал 2.04.1851 г. юнкером в уланском графа Никитина полку, с 7.08.1853 г. — хорунжий Сибирского казачьего войска, с 9.04.1862 г. — комиссар Акмолинского военного полугоспиталя, с 21.05.1886 г. — чиновник для особых поручений Округного интендантского управления Западно-Сибирского ВО. С 3.10.1867 г. направлен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, 21.08.1868 г. — делопроизводитель Семиреченского областного правления, 18.12.1871 г. назначен городничим г. Верный. Награжден бронзовой медалью «В память войны 1853 — 1856». Жена — Вера Никифоровна (Черепанова). Дети: Николай (2.12.1956), Евгения (4.12.1861), учительница Верненской женской гимназии, Виктор (1.02.1865), Лидия (14.12.1867) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 4593; Д. 6452; Д. 7734; Д. 7943; Д. 10050; Оп. 33. Д. 292. Л. 413 — 419; Д. 337. Л. 269, 292, 419; Д. 718, Л. 28).

БЕРГ, Карл Иванович — врач-уролог в Ташкенте, его сын, Евгений, «избалованный парень», участник Первой мировой войны, с 1919 г. — адъютант во-

енкома Турцика Константина Осипова, участник контрреволюционного Осиповского мятежа в Ташкенте (1919), бежал в Бухару, выдан эмиром Турцику, расстрелян (К. Осипов с золотом бежал в Афганистан) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1828; Липко В. Твоя победа. Ташкент. 1977. С. 396).

БЕРГ, Федор (Фридрих Вильгельм Ремберт) Федорович фон (15.05.1794, Лифляндская губ. — 1874, С.-Петербург) — граф, генерал-фельдмаршал, государственный деятель, дипломат, географ, военачальник, руководитель военных экспедиций в Болгарию, Румынию и Центральную Азию (1823, 1825) с целью топографической съемки, обеспечения безопасности караванной торговли с Востоком и сбора сведений о Закаспийском крае. Отчеты экспедиции утеряны, сохранился доклад «Топографический журнал пространства Кыргызской степи между Каспием и Аральским морями экспед. с 1825 на 1826 год» — первое известное топографическое описание Устюрта. В записках «Исторического журнала Ф.Ф. Берга» указаны этнографические данные о зимних и летних кочевьях казахов, их родоплеменном составе, «святых местах», дорогах, высказано «мнение о способе соединения Амударьи с Каспийским морем». Ценные экономические, географические, топографические сведения экспедиций позволили составить военно-топографическое описание пространства от Каспия до Арала и от Астрахани до Гурьева. Они были использованы для составления А. Левшиным в 1831 г. «Карты земель, принадлежащих киргиз-кайсакам, и Туркестана». Впервые было произведено астрономическое исследование, барометрическое определение высоты Аральского моря, установлено превышение его уровня над Каспием. В 1826 г. служил в посольстве в Константинополе, вернулся на военную службу. Руководил составлением 3-верстной военно-топографической карты России, являлся учредителем ИРГО, с 1870 г. — его Почетный член. С 1863 г. — наместник и командующий войсками в Царстве Польском, руководил подавлением восстания 1863 — 1864 гг., провел крестьянскую реформу и содействовал промышленному развитию края. Имя Ф.Ф. Берга выгравировано на юбилейной медали «В память 50-летия Корпуса военных топографов», имел многие награды. Жена — Леопольдина (графиня Чиконья, 1790 — 1874) (НР. Т. 1. С. 163 — 164).

БЕРГЕР, Виктор Альбертович (29.03.1859) — лют., генерал-лейтенант (с 24.03.1917), числился по военному ведомству, военный следователь Омского военного округа (на 1.09.1893), почетный мировой судья Верненского окружного суда, один из инициаторов разведки нефти в регионе (1907, 1913) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 80. Л. 9; СЛ. С. 66).

БЕРГМАН, Иоанн-Альфред Давидович (31.05.1877) — лют., титулярный советник (с 20.06.1910). Из крестьян Курляндской губ., выпускник Псковского землемерного училища. 1899 г. — 11.09.1900 г. — служба в Ковенском крепостном пехотном полку. С 3.01.1901 г. — землемер Ферганского областного правления. За длительную и усердную службу награжден чинами и орденами: Св. Станислава 3-й ст. (6.12.1905); Св. Анны 3-й ст. (6.12.1909) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 292. Л. 420 — 423).

БЕРЕНДТС, Генрих Генрихович (22.06.1892, С.-Петербург — позднее 1937) — лют., пастор Ташкентской евангелическо-лютеранской общины, из семьи коммерсанта, с 1923 г. — в браке с Хедвиг Артуровной, дочерью пастора и генерального суперинтенданта, в 1931 г. выслан из Ленинграда, с 1932 г. — в Ташкенте, арестован вместе с женой (1937).

БЕРЕНС, Роберт Карлович — статский советник, судья 3-го участка Верненского уезда с. Михайловка (1907) (СЛ. С. 77).

БЕРТЕЛЬС, Евгений Эдуардович (13/25.12.1890, С.-Петербург — 7.12.1957, Москва) — ученый-востоковед, иранист, тюрколог, профессор ЛГУ (1928), член-корреспондент АН СССР (1939), Иранской АН (1944, Тегеран), Сирийской АН (1955, Дамаск), Узбекской и Таджикской АН (1951), заслуженный деятель науки УзССР (1944) и ТадССР (1946), член Союза писателей в секции переводчиков (1940). Крупнейший специалист по истории персидской, таджикской, узбекской, туркменской, новой турецкой литературе, исследователь суфизма и суфийской литературы, историк культуры Ближнего и Среднего Востока, языковед, ученый-полиглот, владевший до 30 языками народов Запада и Востока, основоположник советской школы иранской текстологии. Автор более 300 печатных работ. По отзыву В.В. Бартольда: «Е.Э. Бертельс хорошо известен как специалистам, так и читающей публике как один из востоковедов, произведения которых читаются не только с пользой, но и с редким удовольствием. Познания специалиста соединяются с умением художника понимать и передавать красоты литературы, в особенности поэзии». Из семьи врача, рано потерял отца, после окончания гимназии с золотой медалью прошел курс арабо-персидско-турецко-татарского разряда восточного факультета Петербургского университета (1918 — 1920), в 1922 г. сдал магистерские экзамены в Институте языка и литературы. С 1920 г. — научный сотрудник Азиатского музея (с 1930 — Института востоковедения АН СССР), работал над фондом персидских и центральноазиатских рукописей, с

1933 г. — зав. Иранским сектором института. В 1929 г. в первый раз приехал в Центральную Азию в научную командировку, затем посещал ее неоднократно, читал публичные лекции, руководил работой аспирантов, помогал в работе местных научных учреждений. С 1933 по 1936 г. заведовал историко-литературно-лингвистическим сектором Таджикской базы АН СССР, участвовал в составлении учебника по истории туркменской литературы. В 1935 г. ему присуждена степень доктора филологических наук, 28.01.1939 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. С 1936 г. принимал участие в работах Азербайджанского филиала АН СССР, провел большую научную и организационную работу по подготовке издания по истории азербайджанской литературы, юбилея великого азербайджанского поэта Низами и родоначальника узбекской литературы Навои. Его работы привлекли внимание западноевропейских ориенталистов, и он был приглашен к участию в работе над международным изданием в Лейдене. Для советских энциклопедических изданий им написано около сотни статей по языку и литературе. С 1921 г. вел педагогическую работу в Ленинградском восточном институте, впервые после длительного перерыва возобновил заглохшую в России работу по афганскому языку (пушту), опубликовал ряд статей по фонетике языка, подготовил обзор афганской прессы за XIX — XX вв., составил учебник. Ряд его пособий по персидскому языку переиздавались в Иране и были приняты в качестве учебных в Лондонской школе восточных языков. С января 1924 г. начал преподавать персидскую литературу в Ленинградском университете. В годы Второй мировой войны эвакуирован из Ленинграда (8.02.1942) в Ярославль, с 5 мая — в Казань, где принимал участие в работе научно-исследовательских учреждений, и со 2.11.1942 г. — в Ташкент, куда был переведен Институт востоковедения АН СССР, возглавил Иранский кабинет. По совместительству работал в Институте истории, языка и литературы Узбекского филиала АН СССР. С февраля 1943 г. зачислен профессором историко-филологического факультета САГУ. После организации в 1943 г. АН УзССР перешел в Институт языка и литературы в качестве заведующего сектором классической узбекской литературы. В 1944 г. назначен директором научно-исследовательского историко-филологического института при САГУ. В характеристике на члена корреспондента АН СССР, профессора САГУ Е.Э. Бертельса отмечено: «Крупнейший знаток восточных литератур <...> оказал большую помощь высшей школе, подготовил курс истории литературы народов Средней Азии для средней школы

Узбекистана, написал учебник по истории узбекской литературы, <...> составил грамматики персидского языка и афганского пушту, переводил с санскрита, арабского, составил методики перевода с санскрита и пехлеви, <...>. оказал огромную помощь узбекским научным работникам по защите ими диссертаций, <...> принимал живейшее участие в создании научного востоковедческого центра на базе вновь организованного востфака САГУ, <...> вел лекторскую работу в воинских частях, госпиталях <...> Под его руководством и при ближайшем его участии были созданы пятилетние планы факультета по трем специальностям (по странам Турции, Ирана и Аравии), проделана большая работа по обеспечению студентов, особенно из местных национальностей, необходимыми пособиями (грамматика и хрестоматия по персидскому языку). С декабря 1945 г. — профессор МГУ. Руководство САГУ в 1947 г., отмечая, что «молодые ученые, работающие по важнейшим проблемам узбекского языка, литературы и фольклора <...> лишены постоянного научного руководства крупных ученых, в чем остро нуждаются», просит «возбудить ходатайство перед Министерством высшего образования о закреплении проф. Е.Э. Бертельса в Узбекистане хотя бы на 6 месяцев в году». 23.05.1947 г. получено разрешение на работу его в Узбекистане по совместительству на 1946/47 уч. год. В мае 1848 г. ему — первому из советских востоковедов — присуждена Государственная (Сталинская) премия СССР за участие в подготовке к изданию поэмы Низами «Искандернамэ», награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями (ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 22. Д. 53; Оп. 32. Д. 4117. Л.18, 28; Ташкентский горархив, Ф. 38. Оп. 3. Д. 230. Л. 4, 8 — 13, 19 — 25об., 38 — 39, 47 — 48; Д. 280. Л. 42 — 43; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 351, 353; Правда Востока. 1957. № 242. (11 октября); НР. Т.1. С. 183 — 184).

БЕРТРАМ — владельцы мукомольной мельницы в с. Константиновка Ташкентского уезда

БЕРХЕРТ, Н.К. — врач в Закаспийской области (конец XIX в.)

БЕРШТЕЙН, Филипп Константинович (4.10.1880) — из мещан, воспитанник Пишпекского городского училища, служащий почтово-телеграфного ведомства в г. Намангане (1.05.1898), переведен 6.03.1901 г. на службу в Ферганское областное правление. С 2.02.1903 г. отбывал воинскую повинность (ЦГА РУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 7573. Л. 42 — 43).

БЕТГЕР, Александр Карлович (н.д. — 1914) — прав., врач IX участка Управления Ташкентской железной дороги на станции Чийли (1907) (СЛ. С. 23).

БЕТГЕР, Евгений Карлович (30.06.1887, Ташкент — 3.04.1956, Ташкент) — прав., известный центральноазиатский библиограф, востоковед, преподаватель, переводчик, крупнейший библиотечный деятель Центральной Азии, кандидат исторических наук (1943) (Бетгер Е.К. Пути и страны Абд-ль-Касыма Ибн Хаукаля // Труды САГУ. Вып.111. Ташкент. 1957; Из истории книжного дела в Средней Азии. Ташкент. 1951; Перечень помещенных в «Туркестанских ведомостях» статей и заметок, относящихся до областей, ныне входящих в Туркестан (1926); Указатель статей и заметок по географии, метеорологии, сейсмографии и гидрологии Туркестана, помещенных в газете «Туркестанские ведомости» (1927); Роспись статьям и заметкам по археологии и истории Средней Азии, помещенных в газете «Туркестанские ведомости» за время ее существования (1927); Указатель литературы, посвященный странам, сопредельным с бывшим Туркестанским краем (2268 названий); Киргизия на страницах «Туркестанского сборника». Совместно в Н.Н. Бенидиктовой, 339 названий, 1946); Авшарова М.П., Виридарский М.С. Евгений Карлович Бетгер (1887 — 1956). Ташкент. 1960; Бабаджанова А.Х. Становление научного библиотековедения в советском Туркестане // Общественные науки в Узбекистане. № 3. 1987. С. 53 — 55; Бабаджанова А.Х. Евгений Карлович Бетгер — историк, библиограф, библиотековед (1917 — 1956). Автореферат дис. к.и.н. Ташкент. 1990; Бабаджанова А.Х. Старейшая газета Средней Азии и указатели к ней // Бетгеровские чтения-2005. Ташкент. 2006. С. 153 — 156; Библиотековедение Узбекистана: Сб. статей, посвященных 100-летию со дня рождения Е.К. Бетгера. Под ред. Р.А. Алимова. Ташкент. 1989; Евгений Карлович Бетгер. По материалам конференции к 110-летию со дня рождения. Под ред. З. Исомиддинова, И. Маминовой, И. Пугач. Ташкент. 2001; Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России // Ab.imperio. № 3. 2007. С. 28 — 31; Известия АН УзССР. № 9. 1956. С. 191 — 193; Крайнович А. Материалы для биографии ученого и библиотековеда Е.К. Бетгера. Ташкент. 1967 (рукопись); Лунин Б.В. Биографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Ташкент. 1976; Мамина И.З. Жизнь, отданная книге // Бетгеровские чтения-2007. Ташкент. 2008. С. 14 — 24; Памяти Евгения Карловича Бетгера // Труды САГУ им. В.И. Ленина. Археология Средней Азии. Т. IV. Отв. ред. проф. М.Е. Массон. Ташкент. 1957; Тешабаева У.А. Вклад видного ученого, педагога, библиографа Евгения Карловича Бетгера в развитие и изучение библиографии Средней Азии // Национальная библиотека Узбекистана им. А. Навои. Ташкент. 2011;

Турапов М.М. Жизнь, отданная книгам // Корреспондент. 1977. № 8. С. 46; ЦГА РУз. Ф. 2412 (личный, часть личного архива хранится в отделе редких книг Национальной публичной библиотеки Республики Узбекистан им. А. Навои); Ф. 2773 (личный М.Е. Массона). Оп. 1. Д. 390; Ф. 2681 (личный Г.Н. Чаброва). Оп. 1. Д. 329, 332, 447; Ф.837. Оп. 22. Д. 53. Л. 78; Ташкентский горархив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 232).

БЕТГЕР, Карл Богданович (28.08.1847 — 1930) — лют., статский советник, провизор, из прусских подданных (род. в России, принят в российское подданство в 1870), выпускник Митавской гимназии, Императорской медико-хирургической академии, участник Хивинского (1873) и Кокандского (1876) походов, делопроизводитель из фармацевтов Окружного военно-медицинского управления ТВО (с 1872), разработчик проектов по управлению и организации медицинской службы в крае, «немало содействовал правительственным предприятиям по охране народного здоровья» местного населения. Более 30 лет заведующий Ташкентской городской аптекой, член правления общества вспомоществования нуждающимся учащимся в русских учебных заведениях Ташкента, казначей Общества врачей и естествоиспытателей Туркестанского края (1913), входил (как и С.М. Гейцельман, А. Майер, Г. Реслер, Р. Шуберт) в состав Ташкентского отдела партии «Мирное обновление», член Комиссии по выборам в Государственную думу (1906). Персональный пенсионер УзССР. Ордена: Св. Станислава 3-й ст. (30.08.1873), 2-й ст. (30.08.1879); Св. Анны 3-й ст. (7.01.1876), 2-й ст. (30.08.1882); Св. Владимира 4-й ст. (30.08.1886); бронзовая медаль «За покорение Ханства Кокандского» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 334. Л. 106; Оп. 28. Д. 90. Л. 12 — 14, 105; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 514; Ф. И-69. Оп. 1. Д. 52. Л. 34; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 105; Д. 1329. Л. 92, 211; Д. 1575. Л. 80; Ф. 718. Оп. 1. Д. 26. Л. 61, 62об., 259; Бюллетень САГУ. 1927. № 16. С. 31 — 34; СЛ. С. 20).

БЕТГЕР, Николай Карлович (н.д. — 30.05.1922) — прав., преподаватель биологии Туркестанской учительской семинарии (учительского института), турист, краевед, автор опубликованных статей о Туркестанском крае.

БИККЕРТ, Карл Францевич — ревизор службы движения 4-го участка станции Туркестан (1907, 1913) (СЛ. С. 23).

БИЛЛЕР, Валериан Эдуардович фон — коллежский советник, начальник Андижанского железнодорожного почтово-телеграфного отделения (1907) (СЛ. С. 41).

БИНДЕР, Рудольф — завхоз евангел.-лютеранской общины Ташкента в 20-е — 30-е годы XX в.

БИРКИН — Кокандский уездный врач. Врач при Кокандском городском двухклассном училище без содержания (на 1896) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп 1. Д. 1872. Л. 3).

БИРКЕНТАЛЬ, Петр Христианович (16.02.1864) — статский советник, учитель физики и математики в Ташкентской мужской гимназии (на 1910) (Bendinger Margarete. Mein Vater erinnert der Deutschen in Taschkent // Volk auf dem Weg, 2007. № 1. С. 26; ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 64; АК. С. 90).

БЛАК, Василий Карлович — коллежский секретарь, учитель школы на станции Софийской Семиреченской обл. (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 153).

БЛАК, Иван Карлович — чиновник Управления земледелия и госимуществ Туркестанского края (1903 — 1914) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 927. Л. 3 — 10).

БЛАНКЕННАГЕЛЬ, Егор Иванович (1750 — незадолго до 22.06.1813) — майор, врач, «из цесарских дворян», в 1793 г. командирован по приглашению хивинского хана в Хиву для излечения ослепшего дяди. За пять проведенных в ханстве месяцев собрал ценные сведения о состоянии управления, производительных силах, торговле страны, вернулся вместе с 13 выкупленными в награду за труд русскими пленниками (Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793 — 1794 гг. Пер. по рукописи с нем. Ф. Германа, изд. 2-е, с примечаниями В.В. Григорьева // Вестник РГО. 1858. Т. XII. Кн. 3. С. 83 — 116).

БЛАРАМБЕРГ, Иван (Иоганн) Федорович (8.04.1800, Франкфурт-на-Майне — 8.12.1878, близ Севастополя) — лют., генерал-лейтенант (17.04.1862), военный топограф, геодезист, один из крупнейших знатоков картографии своего времени, директор Военно-топографического депо (1856 — 1867), управляющий Военно-топографической частью ГУ Генерального штаба (1866). В России — с 1823 г., выпускник Института Корпуса инженеров путей сообщения (1826). Участник русско-турецкой войны 1828 — 1829 гг., кавказских и туркестанских походов, экспедиций Г.С. Карелина по исследованию восточного побережья Каспийского моря (1836), дипломатической миссии в Персию (1838). С 1840 г. откомандирован в Отдельный Оренбургский корпус, май-июль 1841 г. — командир конвоя миссий в Бухару (К. Бутенева) и в Хиву (П. Никифорова). С апреля 1843 г. под его руководством систематически проводилась топографическая съемка Киргизской степи, Устюрта, Южного Урала. Руководил строительством военных

укреплений, в частности форта Раим (1847, позднее Аральское укрепление). В 1855 г. переведен в Петербург, руководил составлением «Генеральной карты Российской империи», его фамилия выбита на медали «В память 50-летия Корпуса военных топографов». Уволен в заграничный отпуск для лечения (1876). Имел многочисленные российские и иностранные награды, автор многих трудов энциклопедического характера, в том числе трехтомного издания «Воспоминания», опубликованного (1872 — 1875) в Берлине (издано в сокращении на русском языке в 1978 г. в Москве). А. Вамбери, посетивший 27 лет спустя места, впервые исследованные и описанные Бларамбергом, высоко оценил «серьезный» труд «этого честного и порядочного человека». Некролог, помещенный в газете «Голос» содержит такие строки: «Характерную особенность жизни и деятельности И.Ф. Бларамберга составляет то, что он — европеец по рождению, образованию, убеждениям и привычкам большую и лучшую часть жизни провел в Азии, где пришлось ему действовать среди населений, не имеющих ничего общего с европейской цивилизацией, и при этом он остался верен честным принципам, не покидавшим его до последнего дня жизни <...> Занимая видные и ответственные посты в такие времена, когда нечего греха таить не считалось предосудительным нажиться на службе, Бларамберг не приобрел ничего и оставил своим детям кроме честного имени только шестилетнюю аренду в 2 тыс. рублей, всемиловитейше пожалованную за более чем полувековую примерную службу». Жена — Елена Павловна (Мавромихали, 24.08.1816 — 3.02.1876). Дети: Павел (26.09.1841, Оренбург — 28.03.1907, Ницца) — композитор, Владимир (1843 — 1895), Елена (24.02.1846, Оренбург — 4.12.1923, Белград) — прозаик, переводчик, педагог, публиковалась под псевдонимом Е. Ардов («Голос». 1878. № 344; НР. Т. 1. С. 211 — 212).

БЛАТ, Василий Федорович — прав., полицейский пристав г. Намангана (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 292. Л. 504).

БЛУМБЕРГ, Евгений Николаевич — инженер, зав. гидрометрической частью в Туркестанском крае, начальник оросительных изысканий в Бухаре (1914) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 930. Л. 6; Д. 8098; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 64об).

БЛЭХ, Эмилий Фердинандович — мировой судья г. Ташкента (конец XIX в.).

БЛЮМЕНТАЛЬ, Гюго Юлиевич (1.03.1854, Лифляндская губ.) — лют., надворный советник, выпускник Дерптского университета с дипломом доктора ме-

дицины (25.05.1884). Работал в Гродненском, Вильнюсском военных госпиталях. По собственному желанию направлен на службу в 8-й Туркестанский линейный батальон (1887), зав. Ката-Курганским местным лазаретом, Ура-Тюбинским лазаретом (1891 — 1894). С 19.07.1894 г. — ординатор Самаркандского военного госпиталя. Большое мужество и усердие проявил по прекращению эпидемии холеры в Самарканде в 1892 г., за что получил благодарность — награду орденом Св. Станислава 3-й ст. (30.08.1893). Награжден серебряной медалью «В память царствования императора Александра III» с лентой ордена Св. Александра Невского (17.03.1896). 12.04.1898 г. уволен от службы с мундиром (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 3455; Д. 38133. Л. 7 — 15).

БОНСДОРФ, Аксель (Эдвард) Робертович фон барон (27.11.1839, Фридрихсгам Выборгская губ. — 22.02.1923, Хельсинки) — генерал-лейтенант, военный топограф, геодезист, астроном, член-корреспондент Российской АН (13.12.1897). Выпускник Фридрихсгамского кадетского корпуса, Михайловской артиллерийской академии (1862), Николаевской академии (1872). С 1873 г. проводил астрономические работы в Туркестанском военном округе, участник военно-научных экспедиций в Кульджу (1873), на Алай и Памир (1876), в ходе которых были достигнуты и обследованы котловины озер Кара-Куль и Ранэ-Куль. Участник военных действий Кокандского похода, начальник военно-топографического отдела в Оренбурге (1877), редактор карт при военно-топографическом отделе Генерального штаба, проводил топографические съемки в Бессарабии, Финляндии, начальник триангуляции западного пограничного пространства (1904). Автор многочисленных работ по теоретической геодезии (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 395. Л. 4; НР. Т.1. С. 225).

БОТ (БОУТ), Альфонс-Михаил Гугович (16.07.1865) — лют., полковник, инженер строительного отделения Ферганского областного правления. Из потомственных дворян Томской губ. В службу вступил 16.08.1882 г. юнкером рядового звания в Сибирский кадетский корпус Павловского военного училища. 14.08.1884 г. зачислен во 2-й Туркестанский стрелковый батальон, 24.06.1885 г. — в Инженерный корпус Туркестанского саперного полубатальона, с 9.11.1891 г. — зав. гальванической командой. В 1895 г. окончил два класса Николаевской инженерной академии по первому разряду, с 22.06.1895 г. — обучающий в саперной школе, зав. зданием, отоплением и освещением Ташкентского военного собрания, с 1.08.1897 г. — зав. телеграфной командой, и.д. делопроизводителя суда

офицеров. С 1.01.1898 г. — переведен мл. инженером строительного отделения Ферганской обл., с 23.08.1903 г. — и.д. областного инженера. 26.12.1905 г. — 13.08.1906 г. командирован председателем комиссии для подробного исследования путей от Андижана через перевал Кучарт до урочища Тогуз-Тараз по р. Нарыну до Намангана через перевал Кетмене-Тюбе. Был членом суда Н.-Маргелана (1905), Бухары (1907), Скобелево (1907), Андижана (1908), Коканда (1908). Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (31.03.1891), 2-й ст. (27.05.1907); Св. Анны 3-й ст. (1.01.1901); серебряной медалью «В память царствования императора Александра III» (1.03.1897). Жена — дочь областного инженера Сырдарьинского областного правления Вера Викторовна (Есакова). Дети: Евгения (7.09.1898), Виктор (15.01.1900), Николай (19.10.1903) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 293. Л. 101 — 108; Ф. И-19. Оп. 2. Д. 203. Л. 8).

БОТ, Эмилия Отговна — учитель немецкого языка в Ташкентской мужской гимназии.

БОУВЕР (БАУЕР, БАУВЕР), Иван Васильевич (1743 — 22.08.1822) — генерал-лейтенант (с 28.12.1797), командующий 3-м Смоленским уланским полком (1783 — 1784). С 3.12.1796 г. по 3.03.1798 г. — шеф Екатеринбургского мушкетерского 37-го пехотного полка, картограф, составил первую карту Киргизии (1794), направил Екатерине II записку «О положении дел в Среднем джудзе и о мерах улучшения торговли и развития оседлости» (9.04.1795).

БРАНДОРФ, Николай Васильевич — член комитета Ферганского музея (конец XIX в.).

БРАНДТ, Губерт Константинович — служащий Бухарского отделения Московского учетного банка (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. Д. 1314. Л. 249).

БРАУН, Карл Эдуардович (1871) — доверенный отделений А.О. «Гергард и Гей» в Коканде (1915) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1650. Л. 188 — 189).

БРАУН, Эмиль — инженер на хлопкоочистительном заводе в Фергане (нач. XX в.).

БРЕХЛЕР, Юлиан — купец, представитель фирмы «Дюршмидт» в г. Верный.

БРИМ, Георгий Робертович (18.09.1935, с. Кировка Акстафинского района АзССР — 19.05.1999, Landshut, Германия) — театральный художник, профессор, заведующий кафедрой театральной и кинодекорационной живописи Ташкентского института искусств им. Уйгура, заслуженный деятель искусств Узбекистана

(1997), оформитель, сценограф более 200 спектаклей в театрах Ташкента, Коканда, Ашхабада, Мары, Хасково, Толбухино (Болгария), Дрездена, Берлина. Его талантливым кисти принадлежат также многочисленные пейзажные зарисовки, портреты, натюрморты, композиции на философские и нравственно-этические темы. Работы хранятся в Бахрушинском музее в Москве, в Государственном музее искусств Республики Узбекистан, в частных коллекциях. Его имя занесено в «Книгу трудовой славы Узбекской ССР» (17.03.1978). Лауреат государственных и республиканских премий, награжден орденом «Дустлик» Республики Узбекистан (1995). В августе 1997 г. переехал с семьей в Германию. В память о нем Центр изящных искусств Узбекистана «Чодир хаел» совместно с другими общественными организациями республики 22.06.2003 г. организовал выставку «Георгий Брим и его школа» и провел семинар «Творчество Георга Брима и поэтика его сценографической школы». Жена — Евгения Николаевна (Бранкевич, 1933, Мерв (Мары)) — педагог, художник. Дети: Наталия (30.08.1959, Мары) — художник, Евгений (15.08.1967, Ташкент) — режиссер театра, живет в США, в Лас-Вегасе, 4 — 6 апреля 2011 г. был на гастролях в г. Волгограде.

БРОДОВСКИЙ, Михаил Иванович (н.д. — 3.01.1916) — агроном, выпускник Горигорецкого земледельческого института, с 1867 г. — ст. чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, 1.04.1870 г. — 1.05.1874 г. — ст. чиновник особых поручений по учебной части, председатель комиссии по выра ботке проектов по учебному делу; 12.12.1874 г. командирован в Америку для изучения хлопководства, с 1878 г. — председатель комиссии по изучению обычного права киргиз, 2.05.1899 г. — 14.10.1901г. — управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернатора, «много сделавший для памяти К.П. фон Кауфмана». Публичная библиотека Ташкента обязана ему спасением журнального фонда в период закрытия ее по приказу генерала М.Г. Черняева (внес его в список, как содержащие статьи научного характера). Награжден эмиром Бухары орденами Белого Орла и Бухарской звезды с бриллиантами. Скончался, заразившись сыпным тифом (ТВ. 1872. № 12).

БРУН, Федор Антонович — барон, статс-секретарь, президент Церковного Совета Ташкентской евангелическо-лютеранской общины (нач. XX в.).

БРУН, Эдуард Генрихович (24.01.1849, г. Николаев Херсонской губ. — после 1905) — лют., статский советник, архитектор Ферганской обл. и Нового Маргелана (Скобелево, Фергана), служил в Туркестане более 26 лет, создавал архитектурный

облик Нового Маргелана, проводил различные строительные работы по устройству края. Из дворянской семьи, 30.11.1878 г. окончил строительное училище со званием гражданского инженера. Направлен в строительное отделение Ферганского областного правления, назначен 1.05.1879 г. на должность областного архитектора. «Вся огромная строительная работа во вновь создавшемся крае прошла при горячем участии Бруна», — отмечено в записях его документов при оформлении ему пенсии. Совершал обширные строительные работы, требующие огромного труда, энергии и воли в достижении результатов в трудных условиях при недостатке строительных материалов, чиновничьих неурядиц и социальной нестабильности в недавно присоединенной Ферганской долине. Особенно много трудился при устройстве русской части городов в Ферганской обл. вообще, в особенности в Новом Маргелане. Много сил вложил в строительство Н.-Маргеланской церкви («производителем работ» которой назначен 20.07.1896). Сохранилось в городе также здание женской гимназии (1890, школа № 2, Дом культуры). 27.12.1880 г. утвержден в звании Директора Ферганского областного попечительного о тюрьмах комитета. Представление об увольнении «с мундиром» от службы по болезни последовало 12.09.1905 г., предполагал «местожительство после отставки в Одессе». За энергию, огромный труд и усердие награжден подарками, орденами: Св. Станислава 3-й ст. (21.01.1881), 2-й ст. (30.08.1886); Св. Анны 3-й ст. (15.05.1883), 2-й ст. (30.08.1889); Св. Владимира 4-й ст. (30.08.1892); бухарским Золотой звезды 1-й ст. (1.10.1903); серебряной медалью «В память царствования императора Александра III» (17.03.1896). Военный губернатор области генерал В.И. Покатило дал высокую оценку его труда и высказал «искреннее сожаление» по поводу его отставки» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 861. Л. 1 — 2; Оп. 2. Д. 821. Л. 14; Оп. 11. Д. 334. Л. 104, 127, 151об; Оп. 20. Д. 9335; Оп. 28. Д. 90. Л. 38, 96 — 151; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 8286. Л. 4, 5, 8 — 54; Оп. 3. Д. 26. Л. 1; Ф. И-276. Оп. 1. Д. 504; ТВ. 1879. №. 17).

БРУНО, Эрнст Вильгельмович — доверенный товарищества «Искандер» (Коканд, нач. XX в.).

БРУТ, Александр Александрович — делопроизводитель военного губернатора Сырдарьинской обл. (1889, 1905) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 34934. Л. 1 — 4; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 8286. Л. 65).

БРЮММЕР (БРИМЕР), Леонид Владимирович (12.09.1898, Херсон, Украина — 1.11.1971, Тараз, Казахстан) — художник. Отец — обрусевший немец, военный — Владимир фон Брюммер, мать — француженка Мари Гутье.

Выпускник Киевского художественного училища (1910 — 1915), в 1916 — 1917 гг. учился в Петроградской, затем в Украинской Академии художеств, «много работал и всегда рисовал»: в Ялте, Орле, Нальчике. Преподавал в Киевском художественном училище, с 1909 г. участвовал в художественных выставках. В 1941 г. был депортирован в Павлодарскую обл., совхоз Жел-Кудык, организовал изостудию для сельских детей. 1955 — 1971 гг. жил в г. Джамбуле (Тараз), работал художником-оформителем городского парка. Жена умерла в 1940 г., детей нет, жил одиноко, очень скромно, картины не продавал, некоторые дарил. Стал вновь принимать участие в художественных выставках с 1956 г. В конце жизни, будучи в местном доме для престарелых, завещал Областному историко-краеведческому музею более 1200 картин и крупную коллекцию книг дореволюционных изданий по искусству. В 2002 состоялось торжественное открытие Художественного музея Леонида Владимировича Брюммера. Его имя внесено в «Антологию искусств Казахстана», о его творчестве знают в Германии, картины экспонировались в Париже, Алматы и др. городах. «Я познакомился с человеком очень тонким, очень интеллигентным, очень ранимым. Леон Брюммер — творец, который прожил трудную жизнь. Мне показалось, что он никогда не был по-настоящему молодым. Уж больно чиста его палитра, очень реалистичны прорисовки. Он не шокирует, он умиротворяет и просит подумать о вечном и собственной сущности», — написал Ф. Маторин, ознакомившись с его картинами. Его живописные работы хранятся в Херсонском областном художественном музее, Национальном музее истории Украины в Киеве, в Республиканском (Алматы), краеведческом (Тараз) музеях Казахстана (Неделя. 2003. 26 сентября; НР. Т. 1. С. 272 — 273).

БУНИН, Иван Алексеевич (1870 — 1953) — русский писатель, поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 г.

БУРМЕЙСТЕР, Александр Александрович фон (10.09.1850, Ярославль — позднее 1914) — прав., полковник, военный инженер, архитектор. Из дворян С.-Петербургской губ. Воспитывался в Новгородском графа Аракчеева кадетском корпусе. В службу вступил юнкером 15.08.1867 г. во 2-е Константиновское военное училище в С.-Петербурге, 21.08.1869 г. был зачислен в Николаевское инженерное училище. В 12.06.1870 г. в звании подпоручика зачислен в Туркестанскую саперную роту. Принимал участие в Кульджинском (1871), Хивинском (1873) и Джамском (1878) походах. С 1.01.1878 назначен обучающим в старшем классе

батальонной учебной команды, временно и.д. мл. инженера строительного отделения Сырдарьинского областного правления, принимал участие в работах по восстановлению почтового сообщения между городами Ташкент и Туркестан (1878 — 1879). По просьбе военного губернатора Ферганской обл. генерала А.К. Абрамова назначен 14.03.1879 г. городским архитектором г. Коканда, архитектором Кокандского и Исфаринского уездов Ферганской обл., в 1880 г. также исполнял обязанности директора Ферганского попечительского о тюрьмах комитета, 1.04.1882 г. за упразднением должности Кокандского архитектора остался за штатом. С 8.02.1883 г. зачислен на должность мл. инженера Сырдарьинского областного правления. Окончил Николаевское инженерное училище по 1-му разряду с правом «производить работы по гражданскому строительству и дорожным работам» (1.08.1886). С 11.09.1890 г. утвержден в должности областного архитектора Сырдарьинского областного правления. Строитель многих укреплений и крепостей на территории края: в Ташкенте «был производителем работ по исправлению верхов и по устройству двух каменных ворот в Ташкентской цитадели апрель-декабрь 1872», архитектором перестройки в восточном стиле приобретенного А.А. Половцевым дома купца Иванова, в котором ныне располагается музей Прикладного искусства Узбекистана, составил проект железной ограды первоначального захоронения генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. После Хивинского похода был откомандирован в распоряжение начальника Амударьинского отдела, оставлен 18.02.1874 г. в Петро-Александровске для строительства крепости; строил укрепления в Оше и Гульчи (1872 — 1878). Он проектировал и строил также храмы различных конфессий. В Ташкенте — архитектор православного храма Святого великого князя Александра Невского на кладбище бывшей улицы Боткина (1903 — 1904); строитель храма Св. Сергия Радонежского (1893 — 1897, снесен в 1930); «за безвозмездный труд по постройке нового здания Иосифо-Георгиевской церкви (1877) объявлена архиерейская благодарность первоосвященного епископа Никона» (снесено в 1995); строитель здания синагоги (1891). В связи с предполагаемым переводом епархии из Верного в Ташкент, спроектировал в 1904 г. большое здание кафедрального собора, перевод не был осуществлен, проект собора не реализован. На 1.01.1909 г. состоял в распоряжении начальника Главного инженерного управления ТВО. За воинское «мужество и храбрость», «за труды и лишения» при совершении строительных сооружений пожалован «денежными окладами», чинами и орденами: Св. Станислава 3-й ст., с мечами и бантом (9.01.1874), 2-й ст.

(16.01.1884); Св. Анны 3-й ст. (1.04.1882), 2-й ст. (8.02.1891); Св. Владимира 4-й ст. за 25 лет службы в Туркестане (6.11.1896); медаль «За Хивинский поход», серебряная медаль «В память царствования императора Александра III» (1897) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 717. Л. 3 — 10, 23, 23об; Оп. 2. Д. 351; Д. 1137; Оп. 5. Д. 465; Оп. 7. Д. 329; Оп. 33. Д. 20. Л. 3, 11; Д. 293. Л. 289 — 308; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38140; Д. 38146; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 351; Д. 370; Д. 1137; Д. 1161; Оп. 2. Д. 28. Л. 1; Ф. И-276. Оп. 1. Д. 506. Л. 1-9; Добросмыслов И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент. 1912. С. 192; Голендер Б. Окно в прошлое. Ташкент. 2002. С. 44, 61, 67).

БУРМЕЙСТЕР, Варвара Анатольевна фон — учительница. Окончила 8 классов в Тифлисском учебном заведении, 27.11.1913 г. направлена учительницей в Ашхабадскую женскую гимназию, жена полковника А.А. Гопфенгаузена (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1904. Л. 3; Д. 3965. Л. 8).

БУРМЕЙСТЕР, Николай Александрович фон (4.12.1865) — прав., капитан, из дворян Херсонской губ. В службу вступил из кадетского Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса в 3-е Александровское училище юнкеров (28.08.1885), переведен в 1887 г. в 1-й Закаспийский стрелковый батальон, находился в полевой поездке на границу с Афганистаном (апрель-май 1895), направлен в 1897 г. в отдельный корпус Закаспийской бригады пограничной службы, Каракалинский пристав Красноводского уезда (24.09.1903, 1907). Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (6.12.1906); бухарским Восходящей серебряной звезды 1-й ст. (17.06.1896); медалью «В память царствования императора Александра III» (1.06.1906). Жена — Ольга Петровна (Меллер). Дети: Александр (15.03.1895), Сергей (28.11.1899), Лидия (26.05.1902), Владимир (н.д.) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 293. Л. 309 — 315; СЛ. С. 86).

БУРМЕЙСТЕР, Лидия Николаевна фон (26.05.1902) — прав., после окончания Оренбургского института с 11.09.1917 г. — и.д. классной надзирательницы в Ашхабадской женской гимназии (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1965. Л. 2).

БУРЭ, Леон (Лев) Леонардович (21.06.1887, Самарканд — 30.12.1943, Самарканд) — катол., художник, пейзажист, сатирик-карикатурист, педагог, заслуженный деятель искусств УзССР (1939). Сын присяжного поверенного, окончил городскую гимназию. В годы учебы в Москве, совпавшие с революцией 1905 г., косвенно участвуя в студенческом движении, три года находился под надзором полиции. Посещал классы И.Я. Билибина, В.Н. Мешкова, а также мастерскую Ф. Рубо в С.-Петербургской Академии художеств (1907 —

1912), выставлял свои работы на выставках «Общества московских художников» («Этюды Самарканда», «У мечети Шахи-Зинда» и др.). Возвратившись в Самарканд, создает многочисленные полотна, изображающие архитектурные памятники древнего города, занимается социально-сатирической графикой, в 1911 г. представил 100 карикатур на выставке в Самарканде с критикой на притеснения евреев, пустозвонство офицеров, казнокрадство властей и т. д., за что подвергся трехкратному обыску и аресту. В 1915 г. на первую художественную выставку в Ташкенте представил рисунки и 12 картин. В 1918 г. принял участие в организации художественного училища в Самарканде — единственного в то время на территории края, и до конца дней занимался педагогической деятельностью. После революции основным призванием его стала газетно-журнальная графика («Правда Востока», «Зеравшан», «Кзыл Узбекистон», «Хакикати Узбекистон» и др. газеты, основной оформитель журналов «Машраб», «Ширинкор», «Молла Мушфики», «Бигиз»). Познакомил таджикского и узбекского читателя с новыми для него изобразительными формами сатиры. Глубокое знание местной жизни способствовало конкретности карикатур художника. Он вошел в историю искусства Узбекистана не только как график, но и как живописец. Его светлые, нежных тонов полотна свидетельствуют об оригинальном таланте и высоком мастерстве художника. Как живописец, работал над архитектурными пейзажами, опираясь на традиции В.В. Верещагина, над бытовыми, жанровыми и историческими полотнами, в которых нет «внешней красоты», «нарочитой яркости», они содержательны, поражают богатством композиционных решений, «скромны по колориту». С 1926 г. — член Ассоциации художников революционной России (АХРР), в 1927 г. принял участие во Всесоюзной народной выставке произведений искусств в Москве. В 1936 г. состоялась его персональная выставка в Самарканде, посвященная 30-летию деятельности. «Он видел на своем веку немало страшного, немало и смешного. Его карикатуры полны сарказма и гнева <...> он обличитель зла, публицист <...> Но самое яркое в Бурэ — его живопись, свежая, чистая, навеянная ему сиянием голубого неба, желтого бухарского песка и фиолетовой тени». Он не дожил до 60 лет, «длинный худой, в галошах, в старой, видевшей виды шляпе с опущенными полями он угасал медленно, <...> умер от истощения <...> А ведь он был из тех патриотов родного города, который не мыслил себя вне его, на отшибе», — напишет его биограф Л.И. Ремпель. Картины

Л. Буре хранятся в Государственном музее искусств Узбекистана, в доме-музее С.П. Бородина в Ташкенте, Республиканском музее истории, культуры и искусства в Самарканде, Каракалпакском ГМИ им. И.В. Савицкого в Нукусе, в частных коллекциях (ЦГА РУз. Ф. № 2285 — личный; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 414 — 416; Ремпель В.И. Мои современники. Ташкент. 1992. С. 106; Круковская С. Леон Бурэ — художник, гражданин // Звезда Востока. 1967. № 10. С. 231 — 240; Абдулаева А., Ниязова Н. Самаркандская старина. Кн. 2. СПб. 2010. С. 53).

БУТАКОВ, Алексей Иванович (1816 — 1869) — военно-морской деятель, контр-адмирал, один из первых исследователей Аральского моря, низовья и средней Сырдарьи, дельты Амударьи (1848 — 1863), командующий Аральской военной флотилией (1857 — 1859).

БУТЛЕР, Евстафий Федорович фон — лесничий. Окончил Лесной институт (1861), работал в Костромской и Пензенской губ., затем — лесной ревизор Сырдарьинской обл. (с 18.04.1874) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 34935. Л. 2).

БУТЛЕР, Николай Григорьевич фон (19.09.1837) — прав., барон, майор, из дворян Курляндской губ., в службу вступил 8.01.1856 г., в Туркестане — с 1859 г., участник Хивинского (1873), Кокандского (1876) походов, администратор, с 19.06.1877 г. чиновник по земельному устройству Ферганской области, ст. помощник начальника Кокандского уезда (с 28.09.1882), член Благотворительного общества попечения о раненых и больных воинах. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (11.03.1863), 2-й ст. с мечами (1874); Св. Анны 3-й ст. (24.03.1870); Св. Владимира 4-й ст. (1874); медалями: бронзовой «В память войны 1853 — 1856», бронзовой «За покорение Кокандского ханства 1875 — 1876» и др. (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 293. Л. 268 — 271; Д. 705; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 893; Оп. 2. Д. 203. Л. 8; Ф. И-284. Оп. 1. Д. 59; ТС. № 341. С. 43).

БУХЕРТ — инженер Ташкентского трамвая (нач. XX в.).

БУХГЕЙМ, Н. — садовод, автор опубликованного труда «Фрукты Ташкентского района на столичных рынках».

БУХГОЛЬЦ, Иван Дмитриевич (1671 — 1741) — генерал-майор, основатель Омска и Сибирской пограничной линии, управитель и строитель крепостей на ней, путешественник, в 1714 г. — начальник экспедиции в Яркенд в поисках «пешошного золота» (НР. Т. 1. С. 293).

БУШМАН, Алексей Яковлевич (14.02.1884) — инструктор по садоводству и огородничеству в Ферганской обл. (конец XIX — нач. XX вв.) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1098. Л. 10).

БУШТЕДТ, Иван Андреевич (1848) — коллежский регистратор, из дворян Черниговской губ., окончил лицей князя Безбородко, с 15.07.1880 г. — делопроизводитель Сырдарьинского областного правления. Дети: Елизавета, Владимир (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1289. Л. 6; Д. 1958. Л. 3; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38143. Л. 8).

БЭР, Карл (Эрнест) Максимович фон (17.02.1792 — 28.11.1876, Дерпт) — естествоиспытатель, выдающийся ученый, основоположник эмбриологии и сравнительной анатомии, один из учредителей Русского географического общества и председатель Русского этнологического общества, академик Петербургской АН (с 1832), руководитель экспедиций на Каспийское море по изучению его восточного побережья и эмбинского рыболовства (1853 — 1854), награжден Константиновской медалью «за каспийские исследования и отчеты по каспийскому рыболовству» (1861) (НР. Т. 1. С. 300 — 301).

ВАЛИХАНОВ, Чокан (Шокан) (Мухаммед-Ханафия) Чингисович (1835 — 1865) — сибирский киргиз, казахский ученый, историк, этнограф, фольклорист, путешественник, просветитель, российский офицер, разведчик, в 1858 — 1859 гг. первым проник в Кашгарию.

ВАЛЛ, Корнелиус — владелец крупитчатой мельницы в с. Романовка, он и его отец перестроили ее сами по системе Турбина по рисункам, взятым из книги. (ТВ. 1879. № 43; ТС. № 422. С. 34 — 38).

ВАЛЬТЕР, Иоганн (20.06.1860 — 4.05.1937) — известный немецкий геолог и палеонтолог, профессор, путешественник, проводил исследования во многих странах мира, в том числе в России (Урал, Туркмения), с 1924 г. — президент Немецкой Академии Исследователей Природы, автор труда «История земли и жизни» (ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 114. Л. 16; Ф. И-1. Оп. 15. Д. 143, 145, 417; Оп. 28. Д. 10. Л. 342).

ВАМБЕРИ, Армилий (Герман Бамбергер) (19.03.1832 — 15.09.1913) — венгерский востоковед, путешественник, этнолог, полиглот. Совершил путешествия в 1861 г. в страны Центральной Азии, в 1863 г. в Хиву и Бухару.

ВАГТЕРШТРАНД, Константин Рейнгардович — нач. отдела линейных агентств службы подвижного состава железной дороги (Ташкент).

ВЕБЕР, Валериан Николаевич (26.09.1871, Петербург — 20.01.1940, Ленинград) — геолог, палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук (1937), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1939). С 1900 г. и до смерти работал в Геологическом комитете (Всесоюзный научно-исследовательский геологоразведочный институт). Основные работы посвящены изучению геологического строения и полезных ископаемых Центральной Азии. Открыл месторождения нефти, каменного угля, свинца, мышьяка и др., автор работы «Полезные ископаемые Туркестана» (1913). В 1925 г. совместно с группой ученых составил геологическую карту горного Туркестана. Известен и как сейсмолог, изучал Андижанское, Ахалкалакское и Шемахинское землетрясения.

ВЕБЕР, Карл Филипович — владелец столярной мастерской в с. Константиновка Ташкентского уезда.

ВЕБЕР, Людвиг Адамович — служащий Туркестанской почтово-телеграфной конторы (1915) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 21).

ВЕДЕЛЬ, Яков — самобытный скульптор Кыргызстана, из села Бергталь, первоначально работал столяром, в 35 лет поступил во Фрунзенское художественное училище, за 20-летний период творческой деятельности создал более 200 оригинальных образов деревянной скульптуры на темы киргизского народного эпоса, в 1988 г. переехал в Германию. Сын — Анатолий — скрипач (botschaft-kirgisien.de).

ВЕЙБЕРГ, Александр Петрович — коллежский асессор, податной инспектор Ферганской обл.

ВЕЙГУМ, Оскар Христианович (1939 — 2001) — инженер, заместитель председателя Узагросельстроя УзССР.

ВЕЙНБЕНДЕР, Яков Андреевич — служащий Самаркандского полицейского городского управления (1896) (АК. С. 4).

ВЕЙНБЕРГ, Аркадий Арвидович (н.д. — 27.07.1878) — лют., статский советник, чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе по дипломатической части (с 1873), переводчик, «превосходный знаток персидского языка», первый председатель Церковного Совета евангелическо-лютеранской общины в Ташкенте (1877), «снискал в течение своей пятилетней службы всеобщую любовь и уважение в Ташкенте и в среднеазиатских ханствах», «честный и разумный деятель», 25.01.1877 г. им составлена «Записка об отношениях туркмен к Хиве и к русской власти в Аму-Дарьинском отделе» (Соболев Л.Н. Мнение

иностранный прессы о Хивинском походе 1873 года. Ташкент. 1879. С. 61 — 65). Скончался после болезни продолжительностью пять дней. Имел награды. Жена — Екатерина Евгеньевна (ЦГА РУз. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 74. Л. 77; Ф. И-1. Оп. 1. Д. 741; Д. 2464. Л. 3; Оп. 19. Д. 142. Л. 91; Д. 367. Л. 22; Д. 474. Л. 50; Оп. 20. Д. 6028; Д. 6043; Д. 6224. Л. 29; Д. 8043. Л. 13 — 13об; Д. 8404; Д. 9408; Д. 9505; Д. 9559; Оп. 29. Д. 263. Л. 3; Д. 366. Л. 9; Ф. И-18. Оп. 1. Д. 2557; Ф. И-715. Оп. 1. Д. 63. Л. 136; ТВ. 1878. № 24, 26).

ВЕЙНБЕРГ, Виктор Петрович — инженер, нач. участка пути Управления железных дорог.

ВЕЙС, Рейнгольд-Павел Рейнгольдович — титулярный советник, мировой судья Ашхабадского уезда, укрепления Кызыл-Арват (1907) (СЛ. С. 79).

ВЕЛЬМАН, Георгий Германович (23.04.1886) — прав., из дворян, окончил курс в Туркестанской учительской семинарии, назначен заведующим Николаевским приходским училищем (1906), Янги-Курганским (1907), Кокандским (1909) русско-туземными училищами, определен на службу по административно-полицейскому управлению (1910), переведен в Министерство просвещения (16.04.1917). Ордена: Св. Станислава 3-й ст. (6.12.1910); Св. Анны 3-й ст. (30.06.1915); медаль «В память 300-летия царствования дома Романовых» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 779; Оп. 33. Д. 295. Л. 171 — 175).

ВЕНДЛАНД, Константин Николаевич (Митрополит Иоанн) (14.01.1909, С.-Петербург — 25.03.1989, Ярославль) — прав., епископ Русской Церкви, ученый-геолог, кандидат геологических наук (1942), церковный историк. Из дворянской семьи, выпускник геологического факультета Ленинградского горного института (1930), работал на Ключевском хромитовом руднике, научный сотрудник Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института. С 1933 г. зачислен ассистентом кафедры петрографии Среднеазиатского индустриального института, также читал лекции в САГУ, одновременно работал в Узбекском геологическом управлении, занимался геологическими съемками Алмалыкского рудного региона, в 40-е годы проводил поиски месторождений редких металлов (вольфрам, молибден) для военной промышленности (награжден медалью «За трудовые успехи в годы Великой Отечественной войны»). В 1942 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата геологических наук. Создал в Узбекистане школу геологов-петрографов, автор значимых научных обобщений, его идеи в дальнейшие десятилетия нашли развитие в уче-

нии о геологических формациях и стратиграфической геофизике. С 1920 г. участвовал в деятельности православной общины Ленинграда, в 1934 г. тайно пострижен в монашество, с 1945 г. стал открыто служить в храме внештатным священнослужителем, секретарь архиепископа Ташкентского Гурия, бывшего священнослужителя ленинградской общины, в 1956 г. окончил Ленинградскую духовную академию, затем занимался церковно-дипломатической деятельностью (владел немецким, английским, французским языками), с 1963 г. — архиепископ Нью-Йоркский и Алеутский, с 1967 г. — митрополит Ярославский и Ростовский. Автор трудов по церковной истории, в 1984 г. участвовал в работе Международного XXVIII геологического конгресса. Награжден орденами Св. Сергия Радонежского 2-й и 1-й степеней (1984) (wikipedia.org).

ВЕРЕВКИН, Николай Александрович (1820 — 1878) — генерал-лейтенант, участник Крымской войны, Туркестанских походов. С 1861 г. — в Оренбурге, 1865 г. — наказной атаман Уральского казачьего войска.

ВЕРЕЩАГИН, Василий Васильевич (26.10.1842, Череповцы — 31.03.1904, близ Порт-Артура) — известный художник-баталист. Молодой художник был приглашен К.П. фон Кауфманом и с 27.08.1867 г. в качестве прапорщика при генерал-губернаторе прибыл в Туркестан, в 1868 г. — участник обороны Самаркандской цитадели, награжден высшей боевой наградой — «Георгиевским крестом» (крест, носимый 15 лет, снял с собственной груди К.П. фон Кауфман и надел на художника), автор знаменитой «Туркестанской коллекции» картин и полотен, раскрывающих подлинное лицо войны, в 1869 г. вновь приехал в Туркестан, посетил г. Верный, написал роман «Набег», посвященный этнографии края. Погиб в русско-японскую войну в результате взрыва на броненосце «Петропавловск». Имел награды (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 124; Оп. 20. Д. 4436; Д. 5709; Д. 6099; Д. 6125; Д. 6146; Д. 7824; Д. 8142; Д. 9412; Оп. 32. Д. 1. Л. 66; Оп. 33. Д. 361. Л. 25).

ВЕТБЕРГ, Александр Петрович — коллежский асессор, податной инспектор Ферганской обл. (1907), член комитета Ферганского музея (создан в 1896) (СЛ. С. 36).

ВИБЕ, Корнелиус (Корней Корнеевич) (15.05.1955 — 22.06.2015, Ташкент) — лют., пресвитер, с 8.09.1992 г. — епископ Евангелическо-Лютеранской церкви Узбекистана. Он руководил работами по восстановлению кирхи после передачи ее общине в 1993 г. «для использования по назначению». Ему в значительной степени обязана лютеранская община Ташкента своим возрождением, его «вклад

в возрождение лютеранской общины трудно переоценить, поскольку все, что он делал, приходилось начинать с нуля». В течение двух десятилетий он успешно проводил епископское служение (mutashkent.uz).

ВИБЕ, Ольга Давыдовна — прав., сестра-настоятельница Туркестанской общины сестер милосердия Туркестанского окружного управления Российского общества Красного Креста (1913).

ВИГАНДТ, Отто Петрович — надворный советник, помощник начальника почтово-телеграфной конторы г. Коканда (1907) (С. 40).

ВИЗЕЛЬ, Георгий Александрович (29.08.1912, Омск — 1997) — театральный художник, педагог, член Союза художников СССР, заслуженный деятель искусств УзССР (1964). Из старинного немецко-австрийского рода. Правнук Бернарда Лоренца (2.07.1800 — 1890), врача при департаменте Госимуществ Полтавской губ., в начале XIX в. переселившегося в Россию из Богемии. Выпускник Московского художественного училища (1934, ученик В. Фаворского). С 1935 г. — художник театров Ташкента (им. Мукими, Свердлова, ТЮЗ, им. Хамзы). Главный художник-сценарист Ташкентского театра оперы и балета им. А. Навои. С 1962 г. — преподаватель Ташкентского театрально-художественного института им. А.Н. Островского. В своем творчестве, оставаясь художником европейской школы, опираясь на традиции русской школы живописи и узбекской национальной культуры, сумел ярко воплотить мотивы узбекского фольклора. Творчески соединяя живописное оформление с конструктивным построением декораций, он создавал образы и эмоциональную атмосферу, соответствующие духу конкретного спектакля. В Ташкенте проходили персональные выставки его работ, он активно участвовал в общественной жизни края. В 1973 г. Театральным обществом УзССР и Союзом художников Узбекистана был опубликован «Каталог персональной выставки художника Г.А. Визель», составленный им ранее, со вступительной статьей Л. Ундиновой. В Москве Галерея «Веллум» впервые ознакомила московского зрителя с «очень талантливым и крайне редким художником», организовав 2 — 17 декабря 2008 г. выставку — около 30 живописных и графических работ Г.А. Визеля «Театр и куклы». Награжден орденом «Знак Почета». Похоронен в Самарканде. Сын — Александр Георгиевич ВИЗЕЛЬ (16.11.1942, Ташкент) — художник, мастер линогравюры и книжной графики, живописец, педагог, член Союза художников СССР, заслуженный деятель искусств УзССР (1975). Выпускник факультета станковой живописи Ташкентского

театрально-художественного института (1965 — 1970), позднее — преподаватель в институте, вел курсы истории книги, рисунка и композиции. Как художник, документально точен в изображении конкретной эпохи, национальных и этнических особенностей, иллюстрировал произведения Айбека, Достоевского, «Персидские сказки», «Узбекские народные сказки» и др. издания. В 1981 г. с семьей выехал в Тюмень. Участник многочисленных выставок, в т.ч. всесоюзных и международных (Швейцария, Италия, Бельгия, Германия, 1997). С 1992 г. — преподаватель, 1997 — 1999 гг. — доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Академии культуры, искусства и социальных технологий (Тюмень). 2002 — 2007 гг. он, а также его жена, Галина Михайловна, народный художник РФ, — преподаватели государственного образовательного учреждения «Центр искусства для одаренных детей Севера» (Ханты-Мансийский автономный округ, Юрга), продолжают творческую и педагогическую деятельность. Их дети — Инга и Глеб, также художники, дизайнеры. В Москве 5 — 24 февраля 2011 г. в Галерее искусств Зураба Церетели состоялась выставка керамики, живописи и графики Галины и Александра Визель «Экология духа», с 1 по 15 февраля 2016 г. в залах Союза художников России состоялась художественная выставка «Династия Визель». Работы А.Г. Визель хранятся в Государственной Третьяковской галереи, Тюменском краеведческом музее, Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике, Музее геологии нефти и газа в г. Ханты-Мансийск, Когалымском музее изобразительных искусств (tashkentpamyat.ru).

ВИКТЕШМАЙЕР, Андрей Михайлович — надворный советник, мировой судья Самаркандского уезда 2-го участка (1907) (СЛ. С. 49).

ВИЛЕМСЕН-ЛИНДЕНБЛАТ, Анатолий Карлович (23.08.1874) — лют., коллежский секретарь, окончил Ташкентскую мужскую гимназию (1893), кондуктор Ташкентской инженерной дистанции, землемер Ферганской (1902), Ташкентской (1911) поземельно-податных комиссий. Имел награды. Жена — Ксения Андреевна (Плеханова). Дети: Георгий (24.04.1913) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 141; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38401. Л. 18 — 19; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 210).

ВИЛЕМСЕН-ЛИНДЕНБЛАТ, Карл Вильгельмович (14.04.1845) — лют., военный инженер, из мещан Лифляндской губ., службу начал с 9.01.1869 в 6-м пехотном резервном батальоне, в 1875 г. переведен в Оренбургскую инженерную дистанцию, с 6.05.1876 г. — в распоряжении начальника инженеров Туркестанского военного округа, с 1.01.1880 г. — чертежник строительного отдела Фер-

ганского областного правления, с 9.09.1880 г. назначен лесным кондуктором при чиновнике особых поручений по лесной части при Туркестанском генерал-губернаторе, за выслугу лет произведен в коллежские секретари со старшинством (1906). Имел награды. Жена — Мария Михайловна (Рыбакова). Дети: Анатолий (23.08.1874), Лидия (7.02.1876) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 294. Л. 1 — 10; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38401. Л. 1; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 90. Л. 3; Д. 223. Л. 1).

ВИЛЬДЕ, Артур Карлович — капитан, военный начальник г. Джизак (1896) (АК. С. 17).

ВИЛЬДЕ, Эдуард Альбертович — владелец самой большой аптеки в г. Коканде, негласный сотрудник газеты «Утро Ферганы», фотограф-любитель, определен современниками как «ферганский летописец», первым начал издавать открытки с видами Коканда, лично почетный гражданин г. Скобелево (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1650. Л. 188 — 190).

ВИЛЬКИНС, Александр Ильич (15.08.1845, Москва — 26.08.1892, Москва) — прав., статский советник, ученый, с 1872 г. — чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе по сельскохозяйственной части. Из дворянской семьи Тверской губ., получил прекрасное домашнее воспитание, затем окончил естественно-историческое отделение физико-математического факультета МГУ со степенью кандидата (1868). С 1869 г. начал преподавать всеобщую географию и географию России в Лодзинском высшем реальном училище и, находясь в ведении Министерства Государственных имуществ, в 1870 — 1872 гг. работал под руководством профессора Рудольфа Лейкарта в его зоологической лаборатории Лейпцигского университета. По личному приглашению К.П. фон Кауфмана приехал в Туркестан, организовал Туркестанскую школу шелководства (1872), исследовал специфику шелководства в Бухаре, Ходженте, Самарканде, Кульдже (работа «Дикий шелкопряд Кульджинского района»), открыл Ташкентскую опытную хлопковую плантацию и гренажную станцию (1875), в составе посольства генерала А.Н. Куропаткина занимался определением границ Ферганской области со стороны Кашгара (1876). В качестве помощника генерала В.Ю. Медынского участвовал в экспедиции по определению границ с Китаем, исследовал недоступные районы Тянь-Шаня от Музартских ледников до Памира (1882 — 1883), с 1.01.1887 г. по 21.08.1892 г. — чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе по сельскохозяйственной части, культивировал американские сорта хлопчатника (работа «Основы культуры американского хлопчатника в Туркестанском

крае»), восстановил гренажную станцию, исследовал лесные массивы, работал по укреплению сыпучих песков. По характеристике современников, оставил о себе добрую память как «усердный и добросовестный работник и человек науки», имел до 40 научных работ по различным отраслям естествознания, не считая статей в «Туркестанских ведомостях». Автор записки, составленной по указанию Ферганского областного правления земледелия: «Общие указания касательно исследования почв Ферганской области» (10.1878). Был творческим человеком, в частности, изготовил в натуральную величину из гипса модель памятника русскому солдату по проекту художника М.О. Микешина, позднее модель была покрашена под бронзу масляной краской, установлена на кирпичный постамент перед входом в городской сад. Награжден многими подарками, орденами: Св. Станислава 3-й ст. (25.12.1875), 2-й ст. (30.08.1886); Св. Анны 3-й ст. (2.01.1883), 2-й ст. (24.03.1890). Жена — Наталья Александровна (Баранова), брак зарегистрирован 12.02.1886 г. (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 741. Л. 1 — 3; Оп. 6. Д. 212; Оп. 11. Д. 334. Л. 69; Оп. 15. Д. 162. Л. 1 — 1об, 5; Д. 185. Л. 2 — 3, 14 — 42; Д. 315. Л. 3; Д. 359. Л. 1 — 8; Д. 412. Л. 247 — 341; Д. 415; Д. 417; Д. 467; Д. 595. Л. 1 — 8; Оп. 20. Д. 600; Д. 5548; Д. 7534; Д. 8147; Оп. 28. Д. 35. Л. 386; Д. 90. Л. 160 — 171об; Д. 140. Л. 78. 273; Д. 175. Л. 159 — 163; Оп. 33. Д. 10. Л. 13; Д. 295. Л. 247 — 341, 406; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 376; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 150. Л. 12 — 14; ТС. № 461. С. 82 — 112; ТВ. 1878. №№10; 11; 1879. № 43; 1889. № 13; 1892 №№ 35; 36; 39; 40).

ВИЛЬСЛЕБЕН, Теодор — военнопленный австрийской армии, врач, добровольно взявший на себя обязанности главного врача инфекционного отделения эвакогоспиталя № 160 (1915), заразившись, умер 10.10.1916 г., похоронен с воинскими почестями («залп роты при офицере»), Городская дума Ташкента «почтила его память».

ВИЛЬФЗОН, Н. — купец, доверенный фирмы «Дюршмидт» в г. Верном, директор Ферганского областного и Ново-Маргеланского городского торгового комитета.

ВИССЕНДОРФ, Евгений Терентьевич — мировой судья Семиреченской обл. (1907) (СЛ. С. 66).

ВИТКЕВИЧ, Иван (Ян) Викторович (24.06.1808, Коржи под Вильно — 9.05.1839, С.-Петербург) — востоковед, путешественник, адъютант Оренбургского генерал-губернатора. За участие в польской антиправительственной организации «Черные братья» приговорен в 1823 г. судом к сдаче в солдаты «без

выслуги лет», выслан в Орскую крепость, занимался изучением восточных языков, в 1829 г. был переводчиком у Александра Гумбольдта во время его путешествия по России, в 1831 г. переведен в Оренбург, в 1832 г. в качестве переводчика сопровождал путешествующего по краю немецкого ботаника Лессинга, проделав с ним путь от Орска до Гурьева, в 1835 — 1836 гг. с торговым караваном совершил поездку в Бухару, собранный им материал отражен известным лексикографом И.В. Далем в «Записке, составленной по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича, относительно его пути в Бухару и обратно». Первый посланник с дипломатической миссией в Кабул через Тифлис и Иран (1837). Прототип героя повести Юлиана Семенова «Дипломатический агент» и др. произведений. Умер при загадочных обстоятельствах в Москве (Дубовицкий В. Не скрывая имени и звания. К 200-летию И.В.Виткевича. fergananews.com).

ВИТТЕ, Эрнст Эрнестович — член комитета Ферганского музея (создан в 1896).

ВИХЕРТ, Вильгельм Александрович — надворный советник, более 10 лет проработал врачом в Семиреченской обл., 10.01.1910 г. переведен в Ташкент, сразу же отправлен в Чимкент для борьбы с эпидемией оспы. После прекращения эпидемии работал в Ванновском, Сайрамском уездах, Казалинский городской врач, уездный врач Сырдарьинской обл. (1912). В Первую мировую войну срочно командирован в г. Туркестан для «заведывания санитарной частью продовольственных пунктов и открытых при них лазаретов для военнопленных австрийской и германской армий в Сырдарьинской обл.» (22.05.1915). В последующие годы работал старшим врачом Туркестанского войскового лазарета (1915). Имел награды. Был женат, имел троих детей (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 35070. Л. 1 — 5, 11 — 13; Д. 25075. Л. 1 — 22, 36 — 72, 108; Д. 37512).

ВОЛЬТЕР, Густав Германович — коммерсант в Ауле-Атинском уезде, владелец пивоваренного завода, мельницы и др. предприятий.

ВОРОНЦОВ, Михаил Семенович (30.05.1782, С.-Петербург — 18.11.1856, Одесса), граф — государственный деятель, светлейший князь, генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе (1844 — 1854), почетный член Петербургской АН (1826).

ВРЕВСКИЙ, Александр Борисович (31.05.1834, Псковская губ. — 9.01.1910, Франция) — барон, генерал от инфантерии, выпускник Николаевской академии

Генерального штаба, направлен на службу в Генеральный штаб. Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа (28.10.1889 — 1898).

ВУЛЬФЕРТ, Антонина Александровна фон — супруга генерал-лейтенанта М.Г. Черняева.

ВУЛЬФЕРТ, Густав (Михаил-Константин) Александрович фон (18.09.1840 — ноябрь 1894) — лют., генерал-майор, герой осады и штурма Ташкента. Из дворян княжества Финляндского, выпускник Пажеского корпуса (16.06.1860), назначен прапорщиком в Царскосельский стрелковый батальон, с 17.04.1861 г. — адъютант командующего Отдельным Оренбургским корпусом, участник походов за Сырдарьинскую пограничную линию, боев под г. Туркестан (1863, 1864), осады и штурма Ташкента (1865), в ходе которого был ранен. В 1867 г. назначен состоять по особым поручениям при командующем Кавказской армией, участник русско-турецкой войны (1877 — 1878). Начальник Закатальского округа, 26.05.1882 г. причислен к главному артиллерийскому управлению для особых поручений, недолго — комендант Гельсингфорса (Хельсинки), в апреле 1884 г. зачислен в запас. «Ревностный деятель по славянскому единению», автор многих статей по славянским и военным вопросам. Награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст. (1868); Св. Анны 3-й ст. (1864), 2-й ст. (1878); Св. Владимира 3-й ст. (29.05.1879); Св. Георгия 4-й ст. (25.12.1865); персидским Льва и Солнца 3-й ст. (1874) (ЦГА РУз. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 73. Л. 41; Российский архив. Вып. 1. М. 1994. С. 280 — 281).

ВУНЦЕТЕЛЬ, Николай-Август Эдуардович (1877 — 15.03.1930, Ташкент) — титулярный советник, востоковед, краевед, историк Востока, лингвист (владел свободно 10 языками народов Европы и Азии), археолог. До революции — податной инспектор Сырдарьинской обл. С основанием в 1920 г. Туркестанского университета — преподаватель кафедры истории Востока, археологии и языкознания. Положил начало редкому, мирового значения собранию предметов археологии Центральной Азии, превращенному позднее в показательный кабинет восточного факультета университета, ему принадлежит также заслуга создания научной факультетской библиотеки, был председателем историко-социологической цикловой комиссии восточного факультета САГУ. Также известен как знаток финансов и организатор первого банка Туркеспублики, заместителем директора которого работал до 1924 г. В числе опального преподавательского корпуса вос-

точного факультета университета в конце 20-х годов XX в. находился под следствием (ЦГА РУз. Ф. 368. Оп. 5. Д. 3. Л. 3 — 4; Оп. 13. Д. 3. Л. 3; Германов В. Истинно говорю, что один из Вас... // Звезда Востока. 1998. № 11; Бюллетень САГУ. 1924. № 6. С. 173 — 174; СЛ. С. 16).

ВУХРЕР, Эвальд Готлибович (1909, Ханлар (после 1938 — Еленендорф АзССР) — лют., ученый, биолог, педагог. Отец — Готлиб Иоганнесович (1873 — 14.03.1938), бессменный член церковного совета в Еленендорфе, за выступление против закрытия церкви в 1936 г. расстрелян по решению тройки 13 — 14.03.1938 г., мать — Мария Иосифовна (1877). Окончил аспирантуру в Ленинграде. Депортирован в 1941 г. в Акмолинскую обл., с. Богачевка, 31.05.1942 г. арестован решением Шортандинского РО НКВД, 31.06.1942 г. дело за недоказанностью состава преступления прекращено УНКВД Акмолинской обл., в трудармии — ротный писарь. В 70-х годах — профессор Ташкентского сельскохозяйственного института (с 1991 — Ташкентский Государственный аграрный университет), Института земледелия АН УзССР (отдел Микробиологии). Исследовал биохимические процессы в почве и растениях. Публикации: «Влияние витамина РР и бактерий, растворяющих фосфаты, на биохимические процессы в почвах и растениях» (Ташкент. 1974); «Влияние бактерий, растворяющих фосфаты и витамины РР на активность ферментов в сероземно-луговой почве»// Рациональное использование земель Киргизии (в соавтор., Фрунзе. 1970); «Биологическая диагностика богарных сероземных почв Узбекистана»//Биологическая диагностика почв (в соавтор. М.1976) и др. (memo.ru).

ГАЙГЕР — титулярный советник (с 12.11.1875), младший ординатор Перовского военного полугоспиталя, назначен 24.04.1879 г. Казалинским уездным врачом (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 949. Л. 1 — 2; Д. 1958. Л. 3).

ГАЙСТОР (ГЕЙСТОР), М. — первая женщина врач в Туркестане, заслужила золотую медаль с надписью «За усердие» во время холерной эпидемии в Фергане в 1882 г.

ГАМБУРГЕР, Михаил Оттонович (20.10.1891) — служащий канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 4. Д. 1111).

ГАМБУРГЕР, Отто (Эмануил Фридрих) Иванович (4.06.1861) — лют., коллежский регистратор, востоковед, чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе. Отец — Иоан Август Гамбургер. Окончил реальное училище Св. Екатерины в Петербурге (1871 — 1877), определен 5.07.1901 г. кан-

целярским служащим Сырдарьинского областного правления, затем помощником начальника Сырдарьинского областного правления. Несмотря на скромную должность пользовался большим уважением и авторитетом среди сотрудников правления и населения. За деятельность по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения жителям Андижана (1902) удостоен Знака Красного Креста. Попечитель Туркестанской общины сестер милосердия Красного Креста (организована в Ташкенте 30.05.1901), выполнял с 10.09.1907 г. «служебные обязанности казначея-делопроизводителя общины», явился организатором и активным участником Ташкентского общества востоковедения (1905), член Церковного совета евангелическо-лютеранской общины Ташкента, казначей Церковного совета (1907), управляющий принадлежавшего лютеранской общине участка земли на Саларе. Имел многие благодарности. Жена — Любовь Вениаминовна (Пуату). Дети: Павел (18.05.1884), Федор (9.11.1885), Георгий (1.12.1888), Михаил (20.10.1891), Сергей (4.04.1893) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 769; Ф. И-17. Оп. 1, Д. 449; Д. 524; Д. 35167. Л. 5; Д. 35247. Л. 2 — 8; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 4 — 8; Д. 1329. Л. 317).

ГАМБУРГЕР, Павел Оттонович (18.05.1884) — прав., титулярный советник, окончил 7.11.1913 г. сельскохозяйственное отделение Киевского политехнического института с дипломом ученого-агронома, с 11.06.1914 г. — ст. специалист по сельскохозяйственной части Сырдарьинского областного правления, с возложением обязанностей помощника Сырдарьинского областного агронома, к чину титулярного советника представлен 25.06.1916 г. (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 899. Л. 620; Д. 1197. Л. 1 — 2).

ГАМБУРГЕР, Федор Оттонович (9.11.1885) — прав., участвовал в работах по обустройству Спасо-Преображенского собора в Ташкенте, младший инженер технического отдела по сооружению Семиреченской железной дороги (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328, Л. 125об).

ГАМБУРГЕР, Шарлота — преподаватель немецкого языка в коммерческом училище г. Коканда.

ГАН, Арнольд Павлович (1.01.1928, с. Себеж Калининская обл. — 2000, Ташкент) — художник-монументалист, живописец, рисовальщик, педагог, заслуженный деятель искусств Узбекистана, член Академии художеств Узбекистана, член Союза художников СССР. Окончил в 1948 г. с отличием Республиканское художественное училище им. П.П. Бенькова, поступил в МИПиДИ на отделение ке-

рамики, затем в 1950 г. в Ленинградское высшее художественно-прикладное училище им. В.И. Мухиной, ученик А.А. Дейнеки, В.А. Фаворского, В.И. Мухиной. 1955 — 1962 гг. — преподаватель Республиканского художественного училища им. П.П. Бенькова в Ташкенте. Вместе с младшим братом Виктором участвовал во многих всесоюзных конкурсах, делал эскизы для панно, росписи, мозаики, фрески. Среди его работ самыми яркими являются фреска по сырой штукатурке, выполненная вместе с братом по старинной, используемой при создании шедевров мирового искусства технологии, в фойе музыкально-драматического театра им. Агахи в г. Ургенче, а также росписи в фойе драматического театра в г. Джизаке, Дворца искусств им. А. Навои, станции метро «Проспект космонавтов» и др. Рисунок считал самостоятельным произведением искусства, много рисовал, увлекался станковой живописью. В своих работах воспевал подлинную красоту Востока, традиции его народа, его обычаи и юмор (рельеф на тему походов Ходжи Насреддина в чайхане «Самарканд Дарбаза»). Дети: Дмитрий (1966), Зоя (1970) (Еремян Р. Ташкент и его художники// *San`at (Искусство)*. № 1, № 2. 2010; Панно на улице Навои и династия художников Ганов. mytashkent.uz).

ГАН, Константин Сергеевич (1893, С.-Петербург — 28.12.1937, Ташкент) — юрист, филолог, свободно владел 8 языками. Из дворянской аристократической семьи, потомок барона Иоанна Августа (Густава) фон Роттенштерна-Гана (1729 — 1799) — родоначальника с середины XVIII в. российской ветви древнего рода франкских графов, а также Елены Блаватской-Ган. Отец, Сергей Дмитриевич Ган (1860 — 1914), — барон, действительный статский советник, директор Госбанка, товарищ министра торговли и промышленности. Выпускник Александровского лицея, окончил юридический факультет Петербургского университета, служил в чине прапорщика в лейб-гвардии Гренадерском полку, в войсках белого Восточного фронта, участник Сибирского Ледяного похода, начальник отдела штаба армии адмирала Колчака. В советское время — в иностранном отделе военной разведки. В 1920 г. принимал участие в формировании правительственных учреждений Дальневосточной республики в Верхнеудинске. Осенью 1920 г. — командир 1-й отдельной бригады войск обороны и охраны железной дороги на участке Верхнеудинск — Маньчжурия. В мае 1922 г., после освобождения Читы, по приказу В.К. Блюхера назначен представителем при американском военном наблюдателе в Чите. Создает в городе курсы по изучению иностранных языков. В 1925 г. в целях внедрения в белоэмигрантские круги выходит из советского

гражданства и выезжает в Харбин, где в течение 9 лет ведет разведывательную деятельность, работает драгоманом на КВЖД, неоднократно предотвращая подрывные акции белоэмигрантских центров. В 1934 г. в связи с создавшейся ситуацией он и его жена, Татьяна Николаевна (Мулюкина, 1907 — 1986 (?)), — дочь русского и советского (до 1925) консула в Харбине, выехали в Москву. Работает в Военно-транспортной академии. Пытаясь избежать нависшей угрозы ареста (как бывший драгоман КВЖД), семья уезжает в Воронеж, затем в Ташкент, где он был избран деканом факультета иностранных языков ТашПИ (1934). Одновременно работал в Наркомземе, являлся соучастником разработки вертикально-шпиндельной хлопкоуборочной машины группой американских инженеров-энтузиастов, приехавших с юга Америки на помощь молодой советской республике в развитии хлопководства. В сентябре 1937 г. арестован, обвинен в шпионаже, расстрелян 28.12.1937 г. Жена, Татьяна Николаевна, отправлена в лагерь на десятилетний срок, который позднее был продлен. Дети (сын 5-ти лет и дочь 2-х лет) отданы в детдом. Сын, Никита Константинович (1932 — 26.07.1998), вырос в детдоме, мечтал об авиации, окончил летное училище механиков самолетов и вертолетов, работал в сельскохозяйственной авиации Узбекистана, механик Сергелинского авиаотряда. После реабилитации отца окончил заочно романо-германский факультет САГУ (1968). Дочь, Елена Константиновна (5.04.1935), удочерена доктором Дома малюток Ташкента Марианной Павловной Малюшко, окончила МГУ (1958), доцент, преподаватель (Аливанцева Е.В. Елена Ган и Елена Блаватская. Неизвестный парный портрет. narod.ru).

ГАН, Павел Викторович (27.02.1894, Белоруссия — 1967, Ташкент) — художник-живописец, пейзажист, известный педагог, глава семьи художников Узбекистана, один из основоположников школы живописи в республике, член Союза художников СССР. Выпускник Академии художественно-промышленного искусства им. барона А.Ш. Штиглица в Петербурге (1912 — 1914), школы живописи, ваяния и зодчества в Москве (до 1918). Его учителями были мастера русской школы живописи: Л. Пастернак, К. Коровин, А. Васнецов. Преподавал рисование в средней школе г. Кашира Московской обл. После расстрела в 1934 г. брата Викентия — главного инженера Каширской ГЭС, переехал в 1935 г. с семьей в Ташкент. С 1936 по 1957 гг. — преподаватель Республиканского художественного училища им. П.П. Бенькова. Около 40 его работ закуплено Нукуским государственным художественным музеем им. В. Савицкого, его работы

хранятся также в музее Искусств Узбекистана. Жена — Надежда Тимофеевна (Хохлова). Дети: Арнольд (1.01.1928 — 2000), Мария (1940) — архитектор, художник, Светлана (1944) — доцент, кандидат физико-математических наук, Виктор (9.01.1947) — художник-монументалист, рисовальщик, пейзажист, дизайнер, поэт, прозаик, член Академии художеств Узбекистана, выпускник кафедры художественной керамики и стекла ЛВХПУ им. В.И. Мухиной, с 1980 г. — преподаватель спец. дисциплин РХУ им. П.П. Бенькова в Ташкенте (art-blog.uz).

ГАН, Петр Алексеевич (4.04.1916, Алупка, Крым — 14.10.1993, Бишкек) — доктор биологических наук, профессор, «главный лесовод республики», основоположник науки о лесе в Кыргызстане, заслуженный деятель науки Кыргызстана (1990), внучатый племянник Е.П. Блаватской, также потомок барона Иоганна Августа (Густава) фон Гана, прошел сложный и трудный жизненный путь и вплоть до последних лет был вынужден «хранить тайну своей фамилии, своего происхождения». Выпускник лесотехнического факультета Сибирского лесотехнического института (Красноярск, 1935 — 1941), направлен на работу в Восточно-Казахстанскую обл., технорук Бешкарагайского леспромхоза, 23.02.1944 г. мобилизован в действующую армию, в составе 15-го Гвардейского кавалерийского ордена Богдана Хмельницкого полка дошел до Берлина. После демобилизации в ноябре 1945 г. уехал в Киргизию, где жила его мама. С декабря 1945 г. — технорук Узгенского лесного комбината, с февраля 1946 г. — директор Узгенского леспромхоза. С 1947 г. — директор Киргизской лесной опытной станции в г. Фрунзе (Бишкек), которая в 1966 г. была передана из Министерства сельского хозяйства в систему АН республики и преобразована в Отдел леса и ореховодства Института биологии АН Киргизии. С 1947 по 1989 гг. руководил научным коллективом, возглавлял все научные исследования в области разведения и охраны лесов в республике, с января 1991 — 1993 гг. — главный научный сотрудник отдела. В 1952 — 1954 гг. обучался на высших лесных курсах в Москве, защитил кандидатскую, в 1966 г. — докторскую диссертации, в 1967 г. присвоено ученое звание профессора. Широко известен как инициатор, исследователь и пропагандист горного лесоразведения. Состоял членом Межведомственного научно-технического совета по комплексным проблемам охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов при Совмине КирССР; специализированного Совета по защите диссертаций лесоведного профиля в Среднеазиатском регионе (Алматы); научного Совета АН

СССР. Был неоднократно участником ВДНХ, за разработку и внедрение в производство методов восстановления лесных массивов ландшафта Тянь-Шаня, арчевых лесов награжден серебряными медалями, нагрудным знаком «Передовик охраны природы». Автор 76 научных работ, 8 монографий, 11 рекомендаций по лесохозяйственному производству. Монография «Экологические основы интродукции и лесоразведения в полосе еловых лесов Тянь-Шаня» стала настольной книгой для специалистов-лесоводов. Его методы разведения лесов, используемые в течение 50 лет, широко известны в мировой практике. После распада Союза на помощь лесоводам республики пришла Швейцарская организация по развитию и сотрудничеству «Интеркооперейшен», по ее инициативе была разработана Кыргызско-Швейцарская программа поддержки лесного хозяйства. И, как отмечает Н.М. Калинина, «есть надежда, что бесценное наследство, оставленное Кыргызстану П.А. Ганом, — лес и наука о том, как его выращивать и беречь, будет сохранено и приумножено». Человек высокообразованный, «высокоодаренный», обладающий «широкой эрудицией», «богатым научным опытом», «удивительно деликатный», П.А. Ган пользовался большим уважением и любовью среди коллектива, писал стихи, прекрасно декламировал. В 1991 г. подарил потерянную, а затем с трудом спасенную им картину «Две Елены» — фамильную драгоценность «рода Ганов», на которой изображены юная Е. Блаватская и ее мать — русская писательница, в отдел «Литературное Приднепровье» Исторического музея Днепропетровска. Ныне его имя присвоено Институту леса и ореховодства АН Республики Кыргызстан. Награжден орденом «Дружбы народов» (1980), медалями. Женат дважды. Первый брак — в 1941 г., жена — Александра Ивановна (ум. в 1973), двое детей. Второй брак — с Маргаритой Георгиевной Моисеевой — биолог, канд. наук (Самусенко В.Ф. Петр Алексеевич Ган. Серия «Классика Кыргызской науки». Бишкек. 1997; Калинина Н.М. Петр Алексеевич Ган, потомок старинного рода Ганов; Аливанцева Е.В. Елена Ган и Елена Блаватская. Незвестный парный портрет. krsu.edu.kg; narod. ru).

ГАН, Степан Михайлович (1878) — землемер Самаркандской податной комиссии (1902).

ГАНС, Николай Митрофанович (4.04.1876) — коллежский асессор, из мещан Московской губ., выпускник МГУ в звании лекаря (18.01.1901), до 1903 г. — земский врач в Тарусском земстве, 15.12.1903 г. — врач Кустанайского уезда, с 18.03.1905 г. служил в 8-м Оренбургском казачьем полку, с 7.01.1907 г. — медбрат

Ванновского участка Сырдарьинской обл., с июня 1907 г. — Казалинский городской врач, с 1910 г. — старший врач Казалинского лазарета, ему был поручен общий санитарный надзор над всеми квартирующимися в Казалинске ротами Туркестанского военного округа (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 35172. Л. 8; Д. 35176. Л. 5).

ГАР, Альфред Оскарович — служащий конторы А.О. «Гергард и Гей» в Коканде (1914).

ГАРТВАН, Изольда Константиновна (13.11.1907, Великий Устюг — 1998, Ташкент) — художник-оформитель, акварелист, выпускница Московского текстильного института, в 1941 г. выслана с дочерью из Москвы, работала как художник-текстильщик на Ташкентском текстильном комбинате. В Государственном музее Искусств Узбекистана, в музеях республики экспонируются ее «великолепные натюрморты, портреты, отличающиеся полноцветием, богатством колорита, тонким чувством эстетической культуры Востока», ее акварели экспонировались в Дрездене. Дочь Марина — художник, заслуженный деятель искусств Узбекистана, в конце XX в. с семьей выехала в Германию (artunion.ru)

ГАРТВИГ, Адольф Адольфович (1875) — лют., сын надворного советника, выпускник Ташкентского училища (1.06.1895), служащий Сырдарьинского областного правления (14.10.1895), перемещен в Казенную палату (24.03.1898), был посланником в Тегеране (1907) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 35136. Л. 1 — 9; ТС. № 421. С. 79).

ГАРТВИГ, Иван Адольфович — коллеж. ассессор, помощник кассира Ташкентской железной дороги.

ГАРТВИГ, Эдуард Адольфович — бухгалтер Ташкентского отдела Волжско-Камского коммерческого банка.

ГАРТМАН, Константин Юрьевич — служащий Туркестанской почтово-телеграфной конторы (ЦГА РУз. Ф. И-461. оп. 1. Д. 1329. Л. 21).

ГАРФ, Адель Эдуардовна — учитель рукоделия Скобелевской женской гимназии (1901) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 52; Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2139).

ГАСФОРД, Густав (Густав-Кристоф) Христианович фон (1.04.1794 — 5.05.1874, С.-Петербург) — генерал от инфантерии, крупный военный деятель. С 29.01.1851 г. — генерал-губернатор Западной Сибири, много сделал для освоения и развития края. Им были также снаряжены в 1858 — 1859 гг. первая торго-

вая экспедиция в Кашгар, в 1860 г. особая экспедиция полковника А.Э. Циммермана, взявшая с боем Пишпек и Токмак, подчинены русской власти иссык-кульские киргизы и образовано Семиреченское казачье войско (1867, преобразованное из Сибирского казачьего войска).

ГАУФ, Петр Федорович (1853) — прав., коллежский секретарь, из семьи военного, окончил Константиновский межевой институт в звании младшего землемерного помощника, работал по частному найму в Черниговской обл. С 14.12.1877 г. начал службу в Туркестане, межевщик Ферганской поземельно-податной комиссии (24.12.1879), был вызван для межевых работ к великому князю Н.К. Романову, межевщик Кураминской организационной комиссии Сырдарьинской обл. (1881), в феврале 1883 г. выехал в центр России. Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (30.08.1882). Жена — Марфа Венедиктовна. Дети: Ольга (1877) (ЦГА РУ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1143. Л. 7; Оп. 28. Д. 35. Л. 469; Оп. 33. Д. 296. Л. 79 — 83; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38201. Л. 1 — 8).

ГЕЙЕР, Иван Иванович (1860 — 16.12.1907, Ташкент) — прав., надворный советник, историк, этнограф, статистик и публицист. Как участник народнического движения был приговорен по известному «Процессу 21-го» («Лопатинский процесс». 26 мая — 6 июня 1887) к каторжным работам на 4 года, заменены высылкой в Туркестан под надзор полиции (1887), давал частные уроки. С 20.05.1890 г. принят на государственную службу, с 1895 г. — чиновник особых поручений при военном губернаторе Сырдарьинской обл., с 1897 г. — чиновник особых поручений по сельскохозяйственным и оброчным частям, 16.04.1898 г. был командирован для «собрания разного рода коллекций, характеризующих условия местного хозяйства, породы деревьев, животных, растительного мира (консультант — известный зоолог В.Ф. Ошанин)». С 1899 г. — советник при Сырдарьинском областном правлении. В 1901 г. осуществлял рекогносцировку железнодорожного пути от Гузара через Дербент на Ширабад. В 1901 — 1907 гг., будучи начальником Статистического комитета Сырдарьинской обл., совершал длительные поездки для изучения жизни русских переселенцев и исследования края. Много работал над собранным статистическим и краеведческим материалом, публиковал ценные статистические данные (редактор 13-томного издания «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент. 1891 — 1907), выпускал справочные издания о регионе, сборники материалов по статистике Сырдарьинской обл., в т.ч. описания развития хозяйства немецких поселений (Крестьянская колонизация в Сыр-Дарь-

инской области. Ташкент. 1892), опубликовал «Путеводитель по Туркестану» (Ташкент. 1901), публиковал статьи в газетах «Туркестанские ведомости», «Украина», в журнале «Северный вестник». С 7.03.1899 г. по 1907 г. занимал должность советника военного губернатора Сырдарьинской обл., был редактором газеты «Русский Туркестан», членом комиссии по устройству мусульманского духовного управления в Туркестанском крае. Собирает предания народов края, опубликованы в 1-м томе «Сборников...». Интересные новые данные, глубокие аналитические статьи по экономическим вопросам, исследованию края публиковал в центральных и местных изданиях. «Признавая за Гейером несомненные заслуги» и за его «немалый труд» был награжден орденом Бухарской Золотой звезды 3-й ст. (2.08.1898) — весьма высокая награда для ссыльного служащего, и в 1898 г. — малой серебряной медалью ИРГО «за участие в экспедиции Б.А. Федченко в Таласский Алатау в 1897». Читал, проявляя огромные просветительские способности, интересные лекции от «Общества народных чтений» (создано 25.03.1898), стремясь таким образом «отвлечь народ от праздничного разгула и дать ему возможность разумно и полезно проводить часы праздничного отдыха» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1230. Л. 1 — 18; Оп. 3. Д. 371. Л. 90; Оп. 31. Д. 6; Ф. И-7, Оп. 1. Д. 104. Л. 1 — 3; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 3035; Д. 35130; Д. 35162. Л. 1 — 18; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 242. Л. 21; Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 109; ТС. № 427. С. 184 — 190; № 468; № 506; № 512. С. 104; ТВ. 1893. № 64; 1909. № 188; № 189; СЛ. С. 10).

ГЕЙЕР, Ольга Георгиевна — открыла в 1903 г. в Ташкенте вторую платную библиотеку с фондом 3000 томов, в 1907 г. ее приобрел секретарь городской думы Леонид Исаевич Бродовский (Касымова А.Г. История библиотечного дела в Узбекистане. Т. 1998. С. 28).

ГЕЙЗЕЛЬМАН, Сергей Густавович — управляющий Самаркандского отделения государственного банка (1907, 1913).

ГЕЙНРИХСЕН, Николай (Фридрих) Фердинандович (14.09.1882) — учитель истории и географии Верненской муж. гимназии (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 67).

ГЕЙНС, Александр Константинович (21.08.1834 — 29.12.1892, Ницца) — прав., генерал-лейтенант, исследователь, писатель, первый управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернатора, градоначальник Одессы, Тургайский, Казанский губернатор. Из дворянской семьи генерал-майора Эстляндской губернии. Обучался в Дворянском полку (с 1863 — 2-е Константиновское военное училище). В

службу вступил 15.08.1853 г. прапорщиком в 15-ю артиллерийскую бригаду, в составе которой принял участие в Крымской войне, «состоял при генерал-майоре Э.И. Тотлебене при защите Севастополя». Будучи адъютантом начальника артиллерии К.Ф. Шейдемана 6.04.1855 г. был «контузен в голову с повреждением правого глаза и ожогом лица». 6.08.1857 г. поступил в Николаевскую академию, после окончания которой 21.12.1859 г. прикомандирован к Департаменту Генерального штаба. С 8.04.1860 г. прикомандирован к штабу 5-й пехотной дивизии, с 4.02.1863 г. — начальник штаба 2-й пехотной дивизии, с 27.12.1864 г. — в чине полковника. Участник подавления Польского восстания (1863 — 1864), боев под Коцком, Калише, Семятичахе и др. Занимался исследованием причин восстания, свои выводы доложил великому князю Константину Николаевичу и генералу М.Н. Муравьеву (Виленскому). С мая 1865 г. состоял при ГУ Генерального штаба «для особых поручений и ученых занятий». Направлен в Киргизскую степь как представитель военного министерства в составе Законодательной комиссии по «устройству степей, изучению быта кочевых народов и их нужд», а также исследованию вопроса о создании самостоятельного Туркестанского генерал-губернаторства. С 5.06.1865 г. по 14.07.1867 г. близко знакомился с жизнью казахов, коренных народов края, собрал богатейший материал. Присланные им из путешествий «Киргизские очерки» были опубликованы в 1866 г. в журнале «Военный сборник»; «Дневники» — в 1897. По материалам исследования разработал проект «Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями», по которому Туркестанский край управлялся почти 25 лет и который служил для его администрации местным законом. Произведен 28.04.1867 г. в генерал-майоры и, по личной просьбе Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта К.П. фон Кауфмана «взять на себя обязанности управителя канцелярии», 14.07.1867 г. назначен «правителем канцелярии Туркестанского генерал-губернатора» (одновременно с 31 января по 10 апреля 1868 — председатель комиссии по устройству управления городом Ташкентом), временно и.д. начальника военно-народного управления. Был основным помощником К.П. фон Кауфмана по организации управления краем. Считая, что участие мусульманского духовенства в организационном устройстве нового порядка управления краем обеспечит его успех, добился принятия улемами города специальной фетвы (решение по какому-либо вопросу), в которой новая система управления была признана «соответствующей требованиям и духу мусульманской веры». Он, как писали современники, «энергично проводил выработанные комис-

сией при его участии начала устройства нового края», высоко ценил эффективность обычного права мусульман в поддержании правопорядка и говорил о «необходимости развития самоуправления народа». Им решен вопрос об упразднении закатоного сбора с заменой его торговыми пошлинами, о проведении в край телеграфа. Продолжал свои исторические и этнографические исследования. С 10 мая по 22 июня 1868 г. участвовал в Бухарском походе, в штурмах Самаркандской цитадели, в сражениях на Зерабулакских высотах. Разработал «Положение об управлении Зеравшанским округом». С 7.08.1868 г. на него возложена должность председателя Статистического комитета, но по состоянию здоровья 20.04.1869 г. уехал в 11-месячный отпуск для лечения в Западной Европе с последующим отчислением от должности. Его ценная коллекция книг научного содержания на русском, французском и немецком языках в количестве 450 экземпляров была приобретена Туркестанской публичной библиотекой. В фонде отдела редких книг Национальной библиотеки Республики Узбекистан хранятся также два сборника статей, извлеченных А.К. Гейнсом из изданий Русского географического общества и журнала «Военный сборник» за 50-е — 60-е гг. XIX в. о Центральной Азии. Собранные восточные рукописи на арабском, персидском, турецком и татарском языках пожертвованы им Императорской Публичной библиотеке, собранные коллекции переданы музею Петербургской АН. По возвращении из отпуска 14.01.1870 г. причислен к Министерству путей сообщения, с 7.01 1871 г. — директор Департамента общих дел Министерства путей сообщения. С 19.02.1877 г. вновь вернулся в Центральную Азию — военный губернатор Тургайской области. По свидетельству «старых туркестанцев», А.К. Гейнс далеко не сходилась во взглядах на разные стороны управления краем с К.П. фон Кауфманом и был склонен к более крутым мерам. Однако на посту губернатора он выступал подлинно либеральным деятелем, который «предпочитал действовать словом». Составил «Мотивированную временную инструкцию для уездных начальников», охватывающую хозяйственно-бытовую, юридическую, административную и экономическую стороны жизни населения края и содержащую много оригинальных идей, основанных на внимательном изучении вопроса и соблюдении принципа «примирительного начала», исходящего из того, что «все требования власти должны быть строго соображены с мирозерцанием управляемых». Был 19.09.1879 г. — 7.05.1880 г. Одесским градоначальником. С 20.11.1880 г. — Казанский губернатор, 30.08.1881 г. ему присвоен чин генерал-лейтенанта. Проявил себя как либерал, предпочитающий «убеждать насе-

ление» в правильности тех или иных административных действий. При его участии в декабре 1881 г. выходит первая в Казани русская ежедневная газета «Волжско-Камское слово», в городе проведен телефон, открыта музыкальная школа, создано Общество любителей сценического искусства. По состоянию здоровья 9.05.1882 г. уволен от занимаемой должности, причислен к МВД, с марта 1885 г. зачислен в запас Генерального штаба. Автор многих статей и очерков о Центральной Азии, опубликованных в «Военном сборнике», «Известиях» Географического общества, в газете «Голос» и других изданиях, многих незавершенных статей, литературных набросков, писем и обширных дневниковых записей, не предназначенные им для печати, написанных «живым, образным языком под свежим впечатлением всего виденного и испытанного». Вдова А.К. Гейнса «собрала оставшиеся рукописи и взяла на себя труд их издания», в результате чего было опубликовано трехтомное «Собрание литературных трудов» А.К. Гейнса (Т. 1 — 3. СПб. 1897 — 1899), где были опубликованы его «Дневники», статьи «Киргиз-кайсаки», «Мемуары о польском восстании 1863 — 1864 годов» и др. Был действительным членом ИРГО и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Скончался 29.12.1892 г. в Ницце, похоронен в России, в г. Казани в усыпальнице, устроенной его женой под Успенским храмом Зилантового Свято-Успенского монастыря. Брат, Владимир (1839 — 1888, псевдоним Вильям Фрей), — активный участник общества «Земля и воля», с 1866 г. — коммунистических группировок на севере США. Жена — Ольга Сергеевна Александрова-Гейн (1845 — 1927), брак был заключен в 1890 г. Видная казанская благотворительница, руководительница попечительского совета Ксенинской гимназии, около 30 лет попечительница Александринского приюта, в 1914 г. ей присвоено звание «Почетная гражданка города Казани». Награжден орденами: Св. Владимира 3-й ст. (31.03.1868), 2-й ст. (16.04.1878); Св. Анны 3-й ст. с мечами (14.06.1855), 1-й ст. (30.08.1871), знаки ордена Св. Анны 1-й ст. с императорскою короной (30.08.1873); Св. Станислава 3-й ст. с мечами (26.10.1855), 2-й ст. с императорскою короной и мечами над орденом (6.04.1863), 1-й ст. (20.04.1869); черногорийский орден Князя Даниила I 1-й ст. (1880); серебряной медалью «За защиту Севастополя», бронзовой медалью «В память войны 1853 — 1856» на Андреевской ленте, бронзовой медалью «За усмирение польского мятежа». Пожалован майорат в Царстве Польском (1889); его именем названы: Н.А. Северцевым один из видов животных края, В.Ф. Ошаниным один из видов полужесткокрылых насекомых Зеравшанской долины. И.Е. Репиным с фотографии написан в 1896 г. «Порт-

рет генерала А.К. Гейнса», а также портреты его жены (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 49(б). Л. 498; Д. 2539. Л. 4; Оп. 20. Д. 1340 п/с; Д. 1344. Л. 1; Д. 1742; Д. 1808; Д. 1817; Д. 2003; Оп. 21. Д. 348. Л. 8; Оп. 33. Д. 335. Л. 326-357; Д. 399. Л. 1 — 5; Д. 400. Л. 1 — 2; Д. 402; Д. 2003; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 570; Ф. И-36. Оп. 1. Д. 519. Л. 6; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 158. Л. 20 — 21; Д. 192. Л. 1 — 7, 19, 179 — 216; ТВ. 1893. 8; 9; 16; ТС. 15; 20; 422; 427. С. 89 — 95; НР. Т. 1. С. 495 — 496; Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент. 1962. С. 54; Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент. 1958. С. 27; gov.tatarstan.ru).

ГЕЙНЦ, Александр Николаевич — письмоводитель и преподаватель телеграфирования Ташкентского железнодорожного училища им. наследника цесаревича Алексея Николаевича (на 1910) (АК. С. 92).

ГЕЙСЛЕР, Гарри Михайлович — член Ташкентского общественного городского управления (нач. XX в.) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1575. Л. 45).

ГЕЙЦЕЛЬМАН, Вильгельм Соломонович (4.10.1851 — 1922, Ташкент) — лют., действительный статский советник, гражданский инженер, выпускник Строительного училища МВД, Института гражданских инженеров в С.-Петербурге со званием гражданского инженера, с правом производить работы по строительной части (1878). С 15.10.1878 г. — чиновник особых поручений по строительной части при Туркестанском генерал-губернаторе, назначен мл. архитектором строительного отдела Сырдарьинского областного правления. С апреля 1884 г. по постановлению Ташкентской городской думы избран главным архитектором Ташкента. На протяжении 22 лет практически возглавлял все строительство в крае. Много сил и таланта отдал любимому г. Ташкенту, «новая часть которого получила своеобразное оформление европейского города» во многом благодаря его «самоотверженному труду». Автор проектов и строитель многих зданий в городе: Спасо-Преображенского собора, построен в византийском стиле (22.07.1871 — 14.07.1888, не сохранился), дворец великого князя Н.К. Романова (1889 — 1891), казенной палаты (1887, ныне Музей истории народов Востока), Госбанка, реального училища, скотобойни, Астрономической обсерватории, «Белого дома» — резиденции Туркестанского генерал-губернатора, гимназий, многих жилых зданий. Он консультировал строительство Евангелическо-лютеранской кирхи, наблюдал за работой по сооружению первого «гражданского памятника» К.П. фон Кауфману, осуществлял технический надзор со стороны

города за строительством и эксплуатацией электрического трамвая, движение которого было открыто в Ташкенте 30.12.1912 г. Строил не только в Ташкенте. Так, Самарканд до сих пор украшает здание, выстроенное по проекту В.С. Гейцельмана из жженого шлифованного кирпича с зубчатыми остроконечными башенками в готическом стиле, в котором в начале XX в. открылась Общественная библиотека. Строил дома для немцев в Коканде: виллы Крафт, Кнабе, Зигеля, Шмидта и др., много внимания уделял церковному зодчеству, проектировал и строил храмы, вносил поправки в проекты храмовых сооружений других архитекторов. Исследовал особенности строительства в специфических климатических и сейсмических условиях Центральной Азии. На основе изучения произошедших землетрясений (Андижан, 2(16) декабря 1902) им составлены в 1906 г. первые «Правила строительства зданий в сейсмических районах». Построенные им здания отличались особой добротностью и оригинальностью, а его «репутация» была «очень известной» («если он говорит, что нельзя <...> значит нельзя», — писал в своей резолюции военный генерал-губернатор Сырдарьинской обл. В.Н. Троцкий). Был членом городского общественного управления, благотворительного общества, Церковного совета евангелическо-лютеранской кирхи, учредителем и председателем Туркестанского отделения русского технического общества (1905), почетным мировым судьей Ташкентского окружного суда, пожизненным почетным членом Сырдарьинского попечительства о детских приютах. Участник многих комиссий и комитетов: по устройству русских селений в Маргеланском уезде, по выработке нормального типа сельской участковой лечебницы, по ревизии всего городского хозяйства Ташкентской городской управы, и др. Награжден орденами: Св.Станислава 3-й ст. (7.12.1879), 2-й ст. (30.08.1889); Св. Анны 2-й ст. (21.12.1889); Св. Владимира 4-й ст. (6.12.1898), 3-й ст. (16.01.1905); Бухарской Золотой звезды 1-й ст. (21.01.1900), медалью «В память царствования императора Александра III» (4.12.1897). Пользовался большим авторитетом и уважением среди окружавших его людей и жителей Ташкента. Женат 29.07.1884 г. на вдове Елизавете Эрнестовне (Розенберг), похоронен на кладбище по бывшей улице Боткина (ЦГА РУз, Ф. И-1. Оп. 3. Д. 502; Оп. 11. Д. 334. Л. 69; Оп. 28. Д. 90. Л. 152; Оп. 33. Д. 203. Л. 81; Д. 296. Л. 115 — 150; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 26299. Л. 270; Д. 35167; Д. 38133. Л. 1 — 5; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 214; Д. 1575. Л. 45 — 46; Ф. И-268. Оп. 1. Д. 42; Ф. И-718. Оп. 1. Д. 318; Ф. 2681. Оп. 1. Д. 69; СЛ. С. 2).

ГЕЙШТОФ, Владимир — коллежский секретарь, лесничий 3-го разряда Чустского района Ферганской обл. (5.11.1912). Чин присвоен в 1914 г. (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 899. Л. 268).

ГЕЛЬДНЕР, Вильгельмина Александровна — учительница географии, истории, естествознания в Ташкентской женской гимназии (1906) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2185. Л. 24).

ГЕЛЬМАН, Христофор Всеволодович (12.04.1852, Архангельская губ.) — коллежский советник, инженер путей сообщения, заведующий технической частью Бухарского эмирата. Выпускник Петербургского института инженеров путей сообщения со званием инженера и с правом производства строительных работ (11.06.1876). По приглашению начальника военно-топографического отдела Кавказского военного округа назначен 11.06.1876 г. инженером, руководителем экспедиций для исследования Узбоя старого русла Амударьи и ее дельты, для «исследования прорывов Амударьи» в пределы Хивинского ханства. С 1.10.1876 г. командирован в распоряжение Командующего Кавказской армией, руководил экспедицией, снаряженной начальником Закаспийского отдела (1878); 27.03.1879 г. — 27.04.1881 г. входил в состав экспедиции А.И. Глуховского для исследования дельты Амударьи, ее старого русла и всего Хивинского оазиса для решения вопроса о соединении Каспийского и Аральского морей. «В воздаянии особого подвига, мужества и самоотверженности, оказанных с явной опасностью собственной жизни, при исполнении особо важного поручения по исследованию Узбоя, при неблагоприятных климатических условиях, в местности, подверженной нападению неприязненных текинцев, награжден орденами Св. Владимира 4-й ст., Св. Анны 3-й ст. (15.10.1880)». В 1883 г. назначен секретарем строительного комитета при Туркестанском генерал-губернаторе, с 1887 г. — областной инженер Сырдарьинского областного правления, 27.03.1893 г. определен заведующим технической частью Бухарского эмирата, руководил строительством в Новой Бухаре (Каган) дворца бухарского эмира Сейид-Абдул-ал-Ахад-Багадур-хана. «Неисправимый романтик», один из учредителей Туркестанского отделения Российского географического общества (20.05.1896), был автором публикаций (Исследования прорывов реки Аму-Дарьи, образовавшихся во время ее разлива летом в 1878 году // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. 11. Вып. 1. 1880). Имел многие поощрения, ордена: Св. Станислава 3-й ст. (4.03.1878), 2-й ст. (30.08.1884),

Св. Анны 2-й ст. (30.08.1888), серебряную медаль ИРГО (1879) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 578; Оп. 33. Д. 293; Д. 296. Л. 84 — 91; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 35157 п/с; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 135; ТС. 1882. № 298).

ГЕЛЬМГОЛЬЦ, Ф. — дал подробную характеристику торговли России с Бухарским эмиратом в работе «Оренбургский меновый двор» (Известия Оренбургского отдела ИРГО. Вып. 3. Оренбург. 1894. С. 37 — 76).

ГЕЛЬМЕРСЕН, Григорий (Георг) Петрович фон (29.09.1803, Дукерсгоф, близ Дерпта — 3.02.1885, С.-Петербург) — генерал-лейтенант, горный инженер, выдающийся геолог, директор Горного института (1851 — 1872), академик АН С.-Петербурга (1850), основоположник русской школы геологической картографии. За 60 лет своей деятельности неоднократно совершал путешествия с целью изучения геологического строения и месторождения полезных ископаемых на Урал, Алтай и в горные районы Киргизии. За труды награжден орденом Св. Александра Невского.

ГЕЛЬФГОТ, Готлиб — бывший военнопленный в годы Первой мировой войны, член ВКПб, заместитель наркома здравоохранения Туркестанской АССР.

ГЕЛЬЦЕР, Генрих-Якоб Павлович (28.04.1892) — лют., губернский секретарь (25.11.1916), ученый агроном. Окончил Мариинское сельскохозяйственное училище со званием агронома. Назначен в 1912 г. инструктором по сельскохозяйственной части в Ферганскую обл. (по хлопководству) в с. Ультарми Кокандского уезда, 4.04.1914 г. был призван на действительную службу. После революции работал в научно-исследовательских учреждениях; в институте Водного хозяйства (разрабатывал вопросы планового водопользования); руководил отделом социального водопользования НИХИ АН Узбекистана; проводил обширные консультации по вопросам водопользования, являлся «для института» «ценным и необходимым работником». Им опубликовано с 1913 по 1932 гг. более 30 научных работ и статей по вопросам планового водопользования (Плановое водопользование. 1932; Руководство по плановому водопользованию. 1934 и др.), агрономическим и ирригационным вопросам. Награжден медалью «В память 300-летия царствования дома Романовых» (21.02.1913). Жена (повенчан 5.11.1914) — Елизавета Андреевна (Корнилович) — фельдшер Риштанского сельско-врачебного участка Кокандского уезда (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 899. Л. 670; Д. 1226. Л. 1 — 16; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 8, 57; Ф. 837. Оп. 22. Д. 4. Л. 109 — 110).

ГЕНДЕЛЬ, Георг Фридрих (1685 — 1759) — немецкий композитор эпохи барокко, автор оперы «Тамерлан», постановка которой впервые состоялась 31.10.1724 г. в Лондоне.

ГЕНЕЛЬ, Густав Эдуардович (н.д. — до 1937) — лют., владелец кондитерской в Ташкенте. Жена — Евгения Августовна (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1164. Л. 49; Ф. И-162. Оп. 1. Д. 2324; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 111; Д. 1830. Л. 227).

ГЕНЗЕЛЬМАН, Сергей Густавович (1872) — прав., управляющий Самаркандским отделением государственного банка (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 148).

ГЕНКГУЗЕН, Сергей Христианович — податной инспектор Скобелевской женской гимназии (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 48).

ГЕННЕРИХ, Василий Карлович (1817 — 9.07.1894, Кремечуг (?)) — генерал-лейтенант (17.04.1870), военный инженер. Начал службу в 1832 г. кондуктором Николаевского инженерного училища, учился вместе с Э.И. Тотлебеным и П.Н. Гарднером. С 1839 г. — на Кавказе в Тифлисской инженерной команде, с 1845 г. — командир Оренбургской инженерной команды, участвовал в возведении Ново-Петровского укрепления на п-ове Мангышлак, в 1851 г. — в Петербургской инженерной команде. Во время Крымской войны находился на театре военных действий, участвовал в обороне Севастополя, ведал фортификационными сооружениями на Северной стороне, руководил работами по восстановлению разрушенных укреплений, участвовал в боях (площадь в конце улицы Героев Севастополя на Корабельной стороне ныне носит его имя и переулок им. Геннериха). На месте, где была заложена его батарея № 124, установлен памятник, на лицевой стороне которого надпись: «Батарея Геннериха», на тыльной стороне обелиска: «1854 — 1855». По окончании войны руководил строительством укреплений в г. Николаеве. В 1857 — 1861 гг. — в распоряжении Оренбургского и Самарского губернатора, вел инженерные работы на Сырдарьинской линии, в 1864 — 1870 гг. — в чине генерал-майора (14.03.1862) начальник инженеров Финляндского ВО, в 1870 — 1889 гг. — в запасных войсках. Был активным участником комиссии по сбору материалов по истории завоевания Центральной Азии, составивших позднее ценный так называемый фонд Серебrenникова Госархива Республики Узбекистан. Награжден орденами Св. Георгия 4-й ст. (12.01.1856), золотой полусаблей с надписью «за храбрость» (1856); Св. Владимира 3-й ст. с мечами (ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 20. Л. 143; НР. Т. 1. 516).

ГЕННИГСЕН, Николай Федорович — начальник 1-го отдела инженеров путей сообщения (1907), служащий партии оросительных изысканий на р. Амударье, в Бухаре (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 67).

ГЕНРИХОВ, Даниил Андреевич — личный почетный гражданин, управляющий Кокандским отделением и вообще всеми отделениями А.О. «Гергард и Гей» в Центральной Азии (1915) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1665. Л. 188 — 189).

ГЕНС, Григорий (Георг Гергард) Федорович фон (1787, Дерпт — 10.05.1845, Оренбург) — генерал-лейтенант, георгиевский кавалер, «величайший знаток народов Востока», дипломат, востоковед. Из семьи прибалтийских беспоместных дворян. В 1803 — 1806 гг. учился на филологическом факультете Дерптского университета, в 1806 г. начал службу в петербургском Инженерном корпусе. В 1807 — 1844 гг. служил в Оренбурге. С 1820 г. — начальник инженеров Оренбургского отдельного корпуса, занимался разведкой месторождений полезных ископаемых, с 1814 г. — руководитель многих экспедиций в Казахстанскую степь, составил геолого-географическое описание пространства между Тоболом и Тургаем. Председатель Оренбургской (Азиатской) пограничной комиссии (16.01.1825 — 3.05.1844), а также заведующий архивом Оренбургской пограничной комиссии. Исследователь Центральной Азии в первой трети XIX в., проводил политику мирного урегулирования спорных вопросов, ввел в практику административной работы систематический учет численности казахского населения края. Первый директор (1824 — 1832) Оренбургского Неплюевского военного училища (позднее кадетский корпус). В 1839 — 1841 гг. председатель Церковного совета лютеранской общины Оренбурга. Оставил солидное рукописное наследство (дневники, записки, заметки по истории, этнографии, лингвистике и экономике казахского народа), хранящееся в государственном архиве Оренбургской обл. Предоставил свои материалы для ознакомления А. Гумбольдту во время посещения им Центральной Азии в 1829 г., его материалы использовали многие ученые страны (К.М. Бэр, Г.П. Гельмерсен, В.И. Даль, И.Ф. Блаرامберг и др.). В 2011 г. вышел в свет его очерк «Из краткого обозрения оренбургскими киргизами» (История Казахстана в документах и материалах. Вып. 1. Алматы. 2011. С. 75 — 87). С 1844 г. — в отставке. Награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст.; Св. Анны 2-й ст.; Св. Георгия 4-й ст.; Св. Владимира 3-й ст. Жена — Авдотья Матвеевна

(Редина). Дети: Дмитрий, Софья, Наталья (Ерофеева И. Величайший знаток народов Востока Григорий Федорович (Георг Гергард) Генс (1787 — 1845) // Культурное наследие немцев в Центральной Азии. Алматы. 2012. С. 112 — 119; НР. Т. 1. С. 517 — 518).

ГЕНТМАЛЬ, Цезарь Августович — купец 2-й гильдии в г. Ташкенте, доверенный фирмы «Дюршмидт» (1916) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1747; Д. 1830; ТС. № 512. С. 79 — 81; № 516. С. 2).

ГЕНТШКЕ, Лев Владимирович (6.11.1913, Москва — 22.03.1999, Ташкент) — ученый, историк, специалист по истории партии и профсоюзного движения Узбекистана, доктор исторических наук (1965), профессор (1966), заслуженный деятель науки УзССР (1973). Из семьи служащих, после окончания ФЗУ работал слесарем на московском заводе АМО. 1933 — 1935 гг. — работник НКВД УзССР, 1935 — 1938 гг. — служба в Армии, отозван на комсомольскую работу, секретарь Ташкентского городского, затем областного комитета ЛКСМ. Призван в армию (1941), затем уволен из ее рядов в связи с немецким происхождением. В 1941 — 1944 гг. — работник Меретьевского мехлесопункта Новосибирской обл. Выпускник исторического факультета (1946) и аспирантуры (1948) САГУ, с 1948 г. — преподаватель, с 1951 г. — декан исторического факультета САГУ, с 1961 г. — проректор по научной и учебной работе, 1967 — 1970 гг. — первый проректор ТашГУ, 1967 — 1991 гг. — заведующий кафедрой истории КПСС гуманитарных факультетов университета. Инициатор и организатор трех республиканских конференций по истории профсоюзного движения в Узбекистане, участник XIII Международного конгресса историков (Москва. 1970), автор более 50 монографий и научных статей, подготовил более 40 кандидатов и докторов наук. Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За трудовую доблесть», «30 лет победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда» (1978) и пятью Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УзССР (Ташкентский горархив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 399; Лунин Б.В. Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Ташкент. 1976. С. 168).

ГЕОРГИ, Иван (Иоганн Готлиб) Иванович (31.12.1729, Померания — 27.10.1802, С.-Петербург) — натуралист, этнограф, ботаник, путешественник, профессор минералогии, академик Петербургской АН (1783) и Академии художеств. Выпускник Уппсальского университета (Швеция), где учился у Карла Линнея. Участник академических экспедиций (1868 — 1874), в т.ч. 5-й «Орен-

бургской» экспедиции И.П. Фалька, автор четырехтомного труда «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды, и остальных достопамятностей», изданного на немецком (1776 — 1780), французском (1776) и русском (три части, 1776 — 1777) языках. Эта работа была первым сводным этнографическим описанием России. Екатерина II высоко оценила труд ученого и подарила ему золотую табакерку. Трижды имел награды от АН, награжден орденом Св. Анны 2-й ст. В честь его названо вывезенное из Мексики растение — георгина (НР. Т. 1. С. 518 — 519).

ГЕППЕНЕР, Сергей Андреевич (28.07.1863, Москва — 1937, Прага) — прав., генерал-майор (6.12.1913), востоковед, редактор газеты «Туркестанские ведомости», владел прекрасным литературным стилем, помощник, затем военный губернатор Сырдарьинской обл. Утвержден в потомственном дворянстве указом Сената 3.11.1911 г. После окончания 12.08.1883 г. 2-го Константиновского военного училища и в 1889 г. полного курса учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД командирован в Туркестан, затем для практического изучения персидского и турецкого языков — в Трапезунд (сев-вос. Турции). Чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе (5.05.1890), определен в Ферганскую обл. (1892), с 30.11.1893 г. — начальник поземельно-податного отдела областного правления. С 20.07.1896 г. — член комиссии по постройке Ново-Маргеланской церкви, 1898 г. — почетный мировой судья Ново-Маргеланского окружного суда. С 22.04.1900 г. переведен в Ташкент для исполнения обязанностей редактора «Туркестанских ведомостей» (с 6.06.1900). В характеристике военного губернатора Ферганской обл. А.П. Чайковского при этом отмечено: «Во имя служебного долга признаю себе обязанностью доложить, что капитан Геппенер, с которым я вынужденно расстаюсь с глубоким сожалением, — человек высокообразованный, отлично знающий край, вполне деловой, прекрасных нравственных качеств и вообще во всех отношениях выдающийся» (Н.-Маргелан, 18.09.1899). Помимо основных обязанностей, как человек деятельной натуры, он являлся членом Наблюдательного комитета Туркестанской публичной библиотеки и музея, с 1902 г. почетным мировым судьей Ташкентского округа и секретарем особой комиссии под председательством тайного советника К.А. Нестеровского для составления «Положения об управлении Туркестанского края». С 1904 г. — дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе, также в 1904 г. — член комиссии по постройке кафедр

рального собора в Ташкенте, 13.01.1905 г. — 10.08.1908 г. — и.д. управляющего канцелярией Туркестанского генерал-губернатора, член комиссии по переустройству действующего законодательства об управлении Закаспийской обл. Дважды по делам службы был командирован в Петербург и четыре раза во Францию (для приобретения и доставки 100 конных пульверизаторов Вермореля, а также выполнения других «не связанных с должностными обязанностями» задач). Назначен 10.08.1908 г. помощником губернатора, с 12.11.1913 г. военным губернатором Сырдарьинской обл. (уволен по болезни 30.10.1916). С 14.05.1908 г. был почетным мировым судьей Ташкентского окружного суда. В 1910 г. присутствовал как «старый туркестанец» при закладке памятника К.П. фон Кауфману. В 1915 г., наделенный широкими полномочиями и указанием от МИД о необходимости «во чтобы то ни стало действовать умиротворяющим образом», был посредником в ликвидации конфликта и заключении договора о соглашении мира между ханом Хивы и восставшим против него туркменским племенем йомудов. После революции остался в Ташкенте, затем в 20-х годах мигрировал в Чехословакию, член Успенского братства («Братство для погребения православных русских граждан в Чехословакии и для охраны их могил», похоронен на Ольшанском кладбище в Праге). Награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст. (6.12.1910), 1-й ст. (7.10.1915); Св. Анны 3-й ст. (17.03.1896), 2-й ст. (20.08.1905), 1-й ст. (6.12.1916); Св. Владимира 3-й ст. (6.12.1914), греческим орденом Спасителя 5-й ст. (22.09.1889); Бухарской Золотой звезды 2-й ст. (12.04.1902); 1-й ст. (8.09.1910) и многими медалями, имел неоднократные поощрения и благодарности. Жена — Анна Владимировна (Черноглазова). Дети: Владимир (2.03.1897, Москва) — выпускник 2-го военного Константиновского училища и курса восточных языков при МИД (Эрназаров Т.Э., Акбаров А.И. История печати Туркестана. Ташкент. 1976. С. 14; ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 578. Л. 110; Д. 768; Оп. 28. Д. 175. Л. 78 — 79, 95, 97; Оп. 31. Д. 1137; Д. 3519; Оп. 33. Д. 296 п/с; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 35153. Л. 1 — 50; Д. 35154. Л. 57-59; Д. 38183 п/с; Д. 38197 п/с; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1894. Л. 12; Д. 7074. Л. 1 — 8; Д. 7376; Ф. И-267. Оп. 1. Д. 61. Л. 9; Ф. И-394. Оп. 1. Д. 34. Л. 121; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1368. Л. 164 — 165; Д. 1748. Л. 12, 20 — 22, 50; Д. 1778. Л. 21 — 22; Д. 1899а. Л. 36об; Ф. И-717. Оп. 1. Д. 49; Д. 63. Л. 136; Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 800. Л. 17; СЛ. С. 2; grwar.ru).

ГЕРБЕР, А.М. — владелец магазина оптики (барометры, бинокли, термометры, очки) на Катта-Курганской улице в г. Самарканде.

ГЕРБЕР, Иоганн Густав (ок.1690, Брандербург — 5.10.1734, С.-Петербург) — с 1710 г. — на российской службе, военный деятель, географ, этнограф. После взятия Дербента (1722) пять лет был уполномоченным комиссаром в Грузии, заключил выгодный пограничный с Турцией договор, изучил и описал земли, составил карту Кавказа, изданную АН в 1736 г. В 1731 г. возглавил секретную российскую экспедицию в Хиву и Бухару для открытия с ними торговых отношений, окончившуюся неудачей, торговый караван был разграблен.

ГЕРБЕРТ, Фридрих Фридрихович — титулярный советник, заведующий лесничеством Ауле-Атинского уезда (1907, 1918).

ГЕРИНГ, Владимир Васильевич (1890 — 1937) — выпускник Ташкентской мужской гимназии, первый комиссар Ташкентского общевоинского командного училища (1918 — 1922), позднее — главный бухгалтер компании «Азнефть» в Баку.

ГЕРИНГ, Юрий Иванович (1922, Ташкент — 1944) — выпускник Кокандского летного училища 1941 г., участник Второй мировой войны, сбит под Варшавой.

ГЕРМАН, Анна Евгеньевна (14.02.1936, Ургенч — 26.08.1982, Варшава) — знаменитая эстрадная певица, родилась и училась в г. Ургенч Узбекской ССР, вместе с родственниками жила в Ташкенте, в с. Рометан Бухарской обл., на станции Чимион, в с. Орловка КирССР, в Джамбуле КазССР. 5.05.1946 г. выехала в Польшу (НР. Т. 1. С. 530).

ГЕРН, Карл Иванович фон (1816 — 1882) — прав., генерал-майор, военный инженер, топограф, участник военных походов, статистик, исследователь Центральной Азии. Из дворян Витебской губ., выпускник Главного инженерного училища, зачислен в Петербургскую инженерную команду и вскоре переведен в Оренбургскую инженерную команду. После окончания Военной академии (1840 — 1842) вернулся в г. Оренбург. С 7.01.1843 г. занимался составлением карт Оренбургского края, принимал участие в военных походах в Центральную Азию, возводил укрепления, в частности, укрепление Раим в Приаралье (1847), за что 21.01.1848 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й ст., летом 1848 г. руководил строительством форта в урочище Кара-Бутак, награжден орденом Св. Анны 2-й ст. в том же году. Был назначен для особых поручений к командующему Оренбургского корпуса (1851). После выхода в 1866 г. в отставку определен мировым посредником 4-го участка Оренбургского уезда. Принимал участие в составлении

«Военно-статистического обозрения Оренбургской губернии» (СПб. 1848), был дружен с Т.Г. Шевченко, который в зиму 1850 г. жил на его квартире и нарисовал его портрет (утерян), покровительствовал ему как ссыльному в оренбургские линейные батальоны и оставил воспоминания со сведениями о пребывании его в ссылке в Оренбургском крае (Русский архив. 1898. Т. III. С. 550 — 555). Участвовал в мероприятиях по реализации реформы 1861 г. За отличие по службе награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. с императорской короной. Жена — Софья Николаевна (Курочкина). Дети: Владимир (1845) — учился в С.-Петербургском техническом институте, зачислен делопроизводителем Оренбургского губернского правления, 10.04.1870 г. переведен на службу в Туркестанский край; Нина (1846), Александра (1948), Ольга (1852), Василий (1853), Николай (1855), Михаил (1857) (ЦГА РУз. Ф И-1. Оп. 33. Д. 335. Л. 263 — 264; НР. Т. 1. С. 534 — 535).

ГЕРН, Петр Адольфович фон — титулярный советник, в 1879 г. — чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской обл. по Кульджинским делам, член комиссии по введению городского самоуправления в г. Верном (1878), податной инспектор Ташкентского уезда (1907). Имел награды (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 580; Оп. 20. Д. 2476; Оп. 33. Д. 403; ТВ. 1878. № 7; 1879. № 20; СЛ. С. 17).

ГЕРНГОС, Николай Андреевич (1838) — прав., титулярный советник, горный инженер, воспитанник Александровского лицея, в службу вступил 14.07.1865 г. столоначальником в канцелярии Министерства государственных имуществ, с 27.08.1867 г. направлен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, в 1868 г. принимал участие в военной экспедиции в Бухару, с 16.08.1869 г. — чиновник особых поручений при начальнике Зеравшанского округа. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (2.06.1868), Св. Анны 3-й ст. с мечами (24.08.1869). 7.04.1870 г. «Всемилоостивейше пожалован в звании камер-юнкера двора Его Величества» (ЦГА РУз Ф. И-1. Оп. 20. Д. 1302. Д. 2316. 4750; Оп. 33. Д. 335. Л. 269 — 276; Д. 361. Л. 31об).

ГЕРТНЕР, Юлий — фельдшер, отличился во время оспопрививания в г. Ауле-Ата в период эпидемии оспы 1878, 1879 гг. (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1315. Л. 1 — 2).

ГЕРЦЕН, Александр Иванович (25.03.1812, Москва — 21.01.1870, Париж) — известный русский писатель, публицист, философ, революционер. Мать — Генриетта-Вильгельмина-Луиза Гааг.

ГЕРЦЕН, Теодор Теодорович (15.03.1935, с. Орловка Ленинопольского района (ныне с. Ак-Дебе Бакай-Атинского района) Таласской области, Кыргызстан — 2003, городок близ Кельна, Германия) — художник-монументалист, член Союза художников СССР (1971), действительный член Академии художеств СССР, народный художник Кыргызской Республики (1995), лауреат Государственной премии им. Токтогуна. Родители приехали в Кыргызстан в конце 20-х годов XX в.: мать с Поволжья, отец, Теодор Гергардович ГЕРЦЕН, с Украины. Имя отца — художника, народного просветителя — широко было известно в крае как организатора одного из лучших в СССР, содержащего до 400 экспонатов, колхозного музея широкого профиля (картинная галерея, музей воинской и трудовой славы, краеведческий музей), получившего в народе название «Дом, который построил Тео» или «Дом Герцегов» (отца и сына). Сын пошел по стопам отца — окончил Фрунзенское художественное училище (1961) по специальности «живопись», затем Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское), получив специальность художника-монументалиста (1966). За 40 лет работы в искусстве сделал удивительно много и как художник-монументалист, и как график, иллюстратор книги, и как автор многочисленных пастельных, масляных пейзажей, портретов, натюрмортов, циклов и серий гравюр. Знаменит своими иллюстрациями (200 гравюр) к кыргызскому эпосу «Манас», циклом гравюр к немецкому эпосу «Песнь о Нибелунгах», изданному в Германии, иллюстрациями к произведениям Т. Шевченко, Ч. Айтматова, А. Толстого и других писателей. По переезду в Германию вместе с писателем Алексеем Штраусом работал над «Книгой памяти» о трудармейцах республики (не издана, находится в Кыргызстане). Работы художника хранятся в Кыргызском национальном музее изобразительных искусств им. Г. Айтиева, в музеях стран СНГ, в частных коллекциях. После смерти первой жены, оригинальной художницы Диль-Фируз Игнатъевой, дочери известного художника, был женат на Марине Шнайдер, бережно хранящей память о муже — «легенде киргизского края», «носителе высокой красоты искусства». Ныне учениками и бывшими коллегами художника, раскрывшего своей пронзительной кистью душу кыргызского народа и сокровенную красоту любимого им края, периодически устраиваются выставки его работ (Герцен и современники. Сб. материалов о жизни и творчестве Герцена Т.Т. 2007; literatura.kg).

ГЕССЕН, Людвиг Людвигович — полковник, помощник начальника Ошского уезда, командирован на Алай «для прекращения беспорядков по конокрад-

ству и контрабанде киргизами». В отчете от 30.07.1897 г. дал подробное описание Алайской долины, кормов, скота, составил списки кочевых киргизов и маршрутов кочевий, проект об реорганизации административного управления Алайским краем, начальник Наманганского уезда (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 4306; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 5289. Л. 1 — 48; СЛ. С. 44).

ГЕТЦ, Карл (Генрих-Ипполит) Иванович — статский советник, начальник Ташкентской почтово-телеграфной конторы (1907) (СЛ. С. 20).

ГИЗЛЕР, Георгий Иванович (7.09.1859) — прав., статский советник, сын купца Казанской губ. Выпускник Казанского университета, в звании лекаря. Более 10 лет — врач Степного генерал-губернаторства, Ташкентский уездный врач (1904) и врач Кауфманского детского приюта, имел отличные характеристики. Был руководителем сельско-врачебной части Сырдарьинского областного правления, контролировал все врачебное делопроизводство уездных врачей, был помощником военного губернатора области. Как бесплатный врач детского приюта, следил за его санитарным состоянием и качеством питания детей, особенно искусственного вскармливания грудных детей, в 1913 г. заболел, был вынужден просить пособия на лечение, так как «заработок невелик, а частной практикой не занимаюсь», работал до 1917 г. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст., 2-й ст.; Св. Анны 3-й ст., 2-й ст.; Св. Владимира 4-й ст.; серебряной медалью «В память царствования императора Александра III». Жена — Екатерина Николаевна (Павловская). Дети: Георг (1879), Владимир (1889), Валентина (1880) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 35197 п/с; Д. 35183. Л. 6; Д. 35203. Л. 66 — 70, 93 — 118; ТВ. 1908. 10 августа).

ГИЛЬБЕРГ, Генрих — служащий АО «Ташкентский трамвай» (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 55).

ГИЛЬЦЕР, Генрих Петрович — инструктор по хлопководству Кокандского района (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328).

ГИППИУС, Александр Иванович (27.09.1855, С.-Петербург — после 1917) — прав., генерал-лейтенант, военный и административный деятель. Сын купца княжества Финляндского, воспитывался в Михайловском артиллерийском училище. На службе — с 1874 г., участник русско-турецкой войны (1877 — 1878), с 29.09.1877 г. — 1878 г. был прикомандирован к Очаковской береговой и Николаевской крепостной артиллериям, находился в составе войск 7-го армейского корпуса, охранявшего побережье Черного моря, служил близ Тифлиса. В

13.08.1879 г. — 2.03.1882 г. — в Михайловской артиллерийской академии, в 1883 г. командирован в учебное отделение Азиатского департамента МИД по изучению восточных языков. 24.05.1886 г. через миропомазание «присоединен к Православной Кафолической Восточной церкви с оставлением имени Александр». Изучал районы Эрзерума и вилайята Сивас, публиковал статистические данные и таблицы вилайятов, военно-исторический очерк об Азиатской Турции, был одним из редакторов «Исторического обозрения столетия военного министерства» (1902), много работал в Общем архиве Министерства императорского двора. Накануне русско-японской войны 1904 — 1905 гг. часто выступал с лекциями, выпустил брошюру «Наши задачи на Востоке», подготовил книгу «О причинах нашей войны с Японией» (1905). В чине майора с 15.07.1906 г. назначен старшим штаб-офицером для поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, 30.09.1906 г. переведен помощником Самаркандского военного губернатора, 26.01.1907 г. «перемещен для пользы службы на такую же должность» в Ферганскую область, 2.07.1908 г. — 3.03.1911 г. (с перерывами) — и.д. военного губернатора области. С 8.03.1911 г. указом императора Николая II назначен военным губернатором Ферганской обл. (по июнь 1916). Обладал кипучей энергией и трезвой рассудительностью, много сделал на благо края, был в гуще общественной жизни, выступил учредителем Общества воздухоплателей в Туркестане (1913). В апреле 1916 г. выехал в командировку в Москву по решению Генерального штаба для «пополнения собранного материала к военно-историческому очерку» и в июле 1916 г. назначен в резерв чинов Кавказского округа, вскоре уволен «по домашним обстоятельствам» (25.02.1917). А.А. Татищев отметит: он был «уволен за неправильное толкование Высочайшего указа» (о порядке призыва местного населения в тыловые части войск, вызвавшего волнения в их среде и своеобразные неординарные попытки генерала их пресечь). «За отлично ревностную службу» награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. (6.10.1891), 2-й ст. (27.06.1899); 1-й ст. (1913); Св. Анны 3-й ст. (16.07.1895), 2-й ст. (11.05.1903), 1-й ст. (8.10.1905); Св. Владимира 3-й ст. (6.12.1909); Бухарской Золотой звезды 1-й ст. (31.05.1907); серебряной медалью «В память царствования императора Александра III», бронзовой «В память русско-турецкой войны 1877-1878». Жена (обвенчаны 10.02.1889), Нина Николаевна (Зубова), была попечительницей Скобелевской женской гимназии (1911 — 24.04.1917, в связи с выездом). Дети: Ксения (29.12.1889), Марина (16.02.1891),

Екатерина (19.11.1896), Ольга (27.05.1900) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1360; Д. 1371; Оп. 3. Д. 768; Д. 915. Л. 10; Оп. 33. Д. 296п/с. Л. 230 — 242; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 87; Д. 1329. Л. 36, 52; Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2155. Л. 7; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 293. Л. 1 — 3; СЛ. С. 45; НР. Т. 1. С. 567).

ГИРШ, Теодор Эдуардович — управляющий рисоочистительного завода в Ташкенте (нач. XX в.) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1947).

ГИТНЕР, Август Августович — член Ташкентского городского общественного правления (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 214; Д. 1575. Л. 45).

ГЛИДЕМАН, Иван Генрихович (1861) — выпускник юридического факультета университета, присяжный поверенный Ташкентской судебной палаты, действительный член поощрения общества коневодства (1913). Участник «устраиваемых в Ташкенте митингов», ходатай «по политическим делам», 22.11.1905 г. был уполномоченным «на подачу от общества петиции генерал-губернатору с требованием не допустить смертной казни над осужденными в крепости Кушка полевым судом» (из характеристики: «дает иногда пристанище лицам, скомпрометированным в политическом отношении, но активной деятельности не проявляет») (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 21. 27. 92 — 93; Д. 1329. Л. 143; «Туркестанский курьер». 1915. № 281).

ГЛЮК, Евгений Германович — сын купца, вице-директор Кокандского отделения Русско-Азиатского банка (1915) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1315).

ГМЕЛИН-младший, Самуил Георг Готлиб (4.07.1744, Тюбинген — 27.07.1774, с. Ахметкент, Дагестан) — натуралист, путешественник, исследователь бассейна и побережья Каспийского моря, академик АН С.-Петербурга, автор издания «Путешествие по России для исследования трех царств естества». Ч. 1 — 3 (СПб, 1771 — 1785), дал яркую характеристику природы Прикаспия, Туркменистана, Северного Ирана (4-я часть не переводилась на русский язык), обратил большое внимание на сезонную изменчивость и миграцию животных, первым доказал, что уровень Каспийского моря лежит ниже уровня мирового океана, обосновал гипотезу о его образовании и о возникновении Аральского моря на месте единого водного бассейна, считается одним из основателей палеонтологии. Вступил в брак «в 1771 с падчерицей астраханского купца Рентеля Анне Шапизо». Его именем названо основанное в 1906 г. село Гмелинка и железнодорожная станция на ветке железной дороги от Астрахани до Саратова — центр (1935 — 7.09.1941) Гмелинского кантона (выделен в 1935 из Палласовского кантона),

7.09.1941 г. — 27.07.1950 г. Старополтавского района Волгоградской обл. В школьном музее поселка хранится портрет С. Гмелина, переданный потомками ученого из Германии. В 1861 г. академик Дорн посетил место кончины ученого и воздвиг памятник (НР. Т. 1. С. 585 — 586; akademik.ru).

ГОЙЕР, Василий Егорович — уроженец Южной Баварии, служащий торгового дома «Л. Кноп» в г. Намангане (1915) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1665. Л. 23).

ГОЛОВACHEв, Николай Никитич (1823 — 13 марта 1887) — генерал-лейтенант, участник Кавказских войн и Туркестанских походов, военный губернатор Сырдарьинского областного правления (1867 — 1877).

ГОЛЬ-ГРЕДИННИК, А. — в 1846 г. был командирован в Киргизскую степь для определения ряда астрономических пунктов от Орской крепости до р. Сырдарьи, в 1847 г. — начальник экспедиции к Аральскому морю, собрал образцы горных пород, растений. Геологические образцы были отправлены в музей Горного института, Г.П. Гельмерсен составил по ним описание на немецком языке и отправил барону А. Гумбольдту.

ГОЛЬБЕРГ, Федор Алексеевич — преподаватель математики, окончил Саратовский учительский институт, с 1.08.1915 г. работал в Ташкентской женской гимназии (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1800).

ГОЛЬСТ, Владимир Александрович — потомственный почетный гражданин С.-Петербурга, техник-чертежник изыскательной партии на р. Чу (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 64об).

ГОЛЬЦАУЗЕН, Отто Федорович — подполковник, военный начальник Самаркандского областного правления (1896) (АК. С. 17).

ГОЛЬЦАУЭР — поручик, востоковед, комиссар вакуфных прав на земли Ферганской обл.

ГОЛЬЦФОТ, Фридрих Карлович — машинист парохода «Цесаревич» Амударьинской флотилии (1896) (АК. С. 20).

ГОППЕР, Ян Юлиус Янович (9.03.1881) — лют., губернский секретарь с 10.03.1914 г., топограф при Туркестанском управлении госимуществ, производитель работ по оценке оброчных статей Туркестанского края. Из крестьян Лифляндской губ., выпускник Горицких земельно-податных классов (1901). Служил с 30.09.1902 г. в 11-м саперном батальоне, с 17.11.1903 г. — прапорщик запаса полевых инженерных войск Одесского ВО. С 20.12.1907 г. зачислен младшим, с

1.11.1908 г. — старшим топографом в Управление земледелия и госимуществ Туркестанского края. С 1.05.1912 г., «принимая во внимание его замеченные в течение ряда лет способности и энергию», на него было возложено «заведывание всеми производимыми в Туркестанском крае работами по приведению в известность и описанию казенных земель», осуществлял общее руководство межевыми партиями Самаркандской и Ферганской областей (1914). Награжден медалью «В честь 300-летия царствования дома Романовых» (25.02.1916). Жена (брак 9.09.1905) — Людмила Максимовна (Заруйченко, 14.10.1880) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 899. Л. 75 — 76; Д. 1217. Л. 117).

ГОПФЕНГАУЗЕН, Александр Иванович (4.08.1865, С.-Петербургская губ.) — лют., полковник, окончил военно-морское Павловское училище, в службу вступил подпоручиком 11.08.1886 г. в 7-й Закаспийский стрелковый батальон, член комиссии 1892 г. по разграничению Закаспийской и Уральской областей. 8.06.1895 г. переведен в 1-й Закаспийский железнодорожный батальон, 22.07.1895 г. командирован для строительства Красноводского участка Закаспийской военной железной дороги, с 29.12.1896 г. — в распоряжение начальника Красноводского уезда, в 1896 г. — и.д. начальника станции Красноводск, с 16.10.1897 г. — командир 4-й роты, сводного железнодорожного батальона, председатель батальонного суда. С 16.02.1901 г. — пристав г. Ашхабада, г. Каракол Красноводского уезда, с 1905 г. — укрепления Чикишляр (1913). С 16.03.1916 г. — взял фамилию Мургабов. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (26.02.1899); бухарской Серебряной звезды 1-й ст. (12.04.1902); серебряной медалью «В память царствования императора Александра III» (18.01.1897). Жена — Варвара Анатольевна (фон Бурмейстер) — учительница. Дети: Александр (27.04.1891) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 297. Л. 1 — 8; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329; СЛ. С. 84).

ГОРЧАКОВ, Алексей Михайлович (1798 — 1883) — светлейший князь, видный дипломат, государственный деятель, канцлер.

ГОФМАН, Генрих Христофорович — служащий Туркестанского почтово-телеграфного округа (1913), нач. почтово-телеграфной конторы в Скобелево (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 21).

ГОФМАН, Екатерина — зав. Ровненским приходским училищем (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2204. Л. 18).

ГОФМАН, Лидия Яковлевна учительница в Сырдарьинской обл. (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 167).

ГОФМАН, Павел Владимирович (14.01.1863) — лют., титулярный советник. Уроженец Олонецкой губ. С 16.06.1885 г. — и.д. топографа в отряде «по образованию переселенческих участков в Западной Сибири», участник строительства железной дороги от Оренбурга до Ташкента, землемер Туркестанского уезда Закаспийской обл. С 1.01.1890 г. — землемер поземельно-податной комиссии Ферганской обл., с 4.10.1903 г. — Маргеланского уезда, строитель водопровода в Коканде. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (6.12.1897); Св. Анны 3-й ст. (6.12.1902); медалью «В память царствования императора Александра III» (25.06.1895). Жена — Ольга (Воронцова) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 583; Оп. 33. Д. 297. Л. 53 — 55; Ф. И-19. Оп. 2. Д. 1245).

ГОФМЕЙСТЕР, В.Г. — инженер-технолог, приглашен в 1905 г. в край для изучения постановки хлопково-маслобойного дела в нем, в 1907 г. был командирован в США и Европу, где изучал более 1,5 лет новейшие технологии, вернувшись в Туркестан «внес в маслобойную промышленность существенные новшества» (Назарьян Р. Самаркандская старина. Кн. 1. СПб. 2010. С. 49).

ГОШТОФТ, Емельян Людвигович (9.10.1864) — прав., подполковник, служащий Сырдарьинского областного правления (1897). Из потомственных дворян Ковенской губ., воспитывался в 4-м Московском кадетском корпусе, окончил 3-е Александровское училище, с 7.08.1885 г. служил в Туркестанском линейном батальоне, с 28.01.1897 г. прикомандирован к Сырдарьинскому областному правлению, с 3.05.1903 г. заведовал 2-м отделением канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, и.о. делопроизводителя комиссии по сбору пожертвований на строительство военного кафедрального собора, участник комиссии (председатель А.К. Нестеровский) по выработке нового «Положения об управлении Туркестанского края (1903). Был «с подарками» в составе делегации для встречи хана Хивы и посольства 9.02.1904 г. к эмиру Бухарскому, с 15.10.1904 г. назначен комиссаром временной земельно-податной комиссии Ферганского областного правления, 1905 г. — Ново-Маргеланский уездный начальник, помощник губернатора Ферганской обл. (1906, 1907), почетный блюститель Скобелевского приходского и русско-туземного училищ (13.06.1909). Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (1.01.1901); Св. Анны 3-й ст. (6.12.1903); бухарской Золотой звезды 3-й ст. (27.10.1904). Жена — Елизавета Николаевна (Гуревич). Дети: Борис (3.04.1898 — н.д.), Екатерина (18.10.1892) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 949;

Оп. 3. Д. 709. Л. 2; Д. 710. Л. 6; Д. 719; Оп. 33. Д. 14. Л. 25; Д. 297. Л. 32 — 48; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 514. Д. 527; СЛ. С. 39).

ГОШТОФТ, Я.Г. — статский советник, старший врач Чимкентского местного лазарета, бесплатный врач при Чимкентском городском 3-классном училище, врач Черняевского высшего училища (1908 — 1917) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2205. Л. 8).

ГРАУБИНГ, Петр Яковлевич (25.06.1849) — лют. коллежский секретарь (1890), из податного сословия, уроженец Курляндской губ., обучался в Бауском уездном училище, не окончил полного курса наук, до 1887 г. работал в ведомстве Лесного департамента Прибалтийской губ., с 10.10.1887 г. — межевщик межевого отделения Самаркандского областного правления, землемер Катта-Курганской земельно-податной комиссии (1899), с 14.03.1891 г. — в поземельно-податной комиссии Сырдарьинской обл. (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 14. Л. 25; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 35105. Д. 38183. Л. 1 — 4; Ф. И-18. Оп. 1. Д. 320).

ГРЕБЕР — ученый-садовод, селекционер. Жена — Анна Генриховна (Нитше) — владелица цветочного магазина в Ташкенте. Работал вместе с сыном Паушем, который издал «Руководство по садоводству в Туркестанском крае» (1907), репрессированы в 20-е гг. (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 111; Д. 1650. Л. 45; Д. 1739. Л. 87 — 137, 331 — 334).

ГРЕБНЕР, Александр (Леопольд) Августович (15.01.1856) — лют., инженер, чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе по строительной части. Из Эстляндской губ., выпускник Николаевского инженерного училища, зачислен с 16.04.1878 г. в Туркестанскую саперную роту, заведовал командой телеграфистов и гесиографистов, строитель укреплений на Бухарской (1878) и Китайской границах (Бахты, 1881), в Чиназе (1882), участник реставрации Самаркандской цитадели (1878), автор публикации «Осады и штурмы Среднеазиатских крепостей» (СПб. 1897). Награды орденами: Св. Станислава 3-й ст. (16.06.1883), 2-й ст. (25.12.1892); Св. Анны 3-й ст. (25.12.1888), 2-й ст. (14.05.1896). Жена — Пелагея Григорьевна (Александрова) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 36816 п/с).

ГРЕБНЕР, Эрнст Вильгельм (24.02.1860, Ревель) — выпускник Ревельского уездного училища, состоял несколько лет на службе департамента земледелия по заведованию опытными полями сначала в Андижане, затем в Голодной степи, «потратил много сил и здоровья на организацию опытных полей, <...> особенно

в Голодной степи», в 1903 г. ходатайствовал об отправлении его в Минводы на лечение (болел малярией) (ЦГА РУз. Ф И-7. Оп. 1. Д. 1176. Л. 5 — 10, 29; Д. 1178, Л. 1 — 6).

ГРЕВЕНИЦ, Евгений (Павел-Николай) Александрович фон (10.06.1843 — 1887) — лют., барон, надворный советник, из дворян С.-Петербургской губ., окончил 14.05.1864 г. императорское училище правоведения, с 18.06.1866 г. направлен в Оренбургский (Туркестанский) стрелковый батальон, с 3.04.1868 г. — в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора, участник штурма Зерабулакских высот, 25.06.1868 г. — 3.03.1870 г. — ст. помощник начальника Кураминского уезда, с 15.05.1871 г. — мировой судья 1-го участка г. Верного. Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (1.07.1871), Знаком отличия Военного ордена 4-й ст. (17.04.1867). Жена — Ольга Александровна (Геннингс, 10.09.1850) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 355. Л. 274 — 279; НР. Т. 1. С. 623).

ГРЕЙЦ, Александр Матвеевич — надворный советник, инженер, начальник XIII участка службы путей сообщения (1907, 1914, Ташкент) (СЛ. С. 22).

ГРИГОРЬЕВ, Василий Васильевич (1816 — 1881) — ученый, востоковед, профессор С.-Петербургского университета, член-корреспондент С.-Петербургской АН, писатель. В ноябре 1834 г. встречался с А.С. Пушкиным, готовясь издавать журнал «Северный зритель». В 1854 — 1863 гг. — председатель Оренбургской Пограничной комиссии.

ГРИММ, Оскар Андреевич (29.12.1845, Нижний Новгород — 11.07.1921, д. Тищенки, с. Вольшово Псковской обл.) — зоолог, философ, общественный деятель, крупнейший специалист по фауне Каспийского моря и рыбного хозяйства России, искусственному рыборазведению и прудовому рыболовству, организатор в течение полувека всех государственных и общественных начинаний в России по рыбоводству и рыбной промышленности. Из семьи учителя, выпускник Александровского дворянского института в Нижнем Новгороде и С.-Петербургского университета, в котором работал с 1870 г. В 1874 — 1876 гг. возглавил Арало-Каспийскую экспедицию, организованную Петербургским обществом естествоиспытателей. В 1878 — 1885 гг. — доцент, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных Петербургского лесного института. Доктор зоологии (1874), доктор философии (Геттингенский университет, 1872). В 1890 г. разработал программу всероссийских курсов по рыбоводству и рыболовству. Член Государственной Думы 4-го созыва. После революции работал в Псковском земельном

управлении консультантом. Автор нескольких десятков трудов по рыбоводству, в том числе «Каспийское море и его фауна. Труды Арало-Каспийской экспедиции, тетрадь 1 — 2». СПб. 1876 — 1877 (wikipedia.org).

ГРИНБЕРГ, Николай Андреевич — из Нарвы, владелец первого завода по производству искусственных минеральных вод в г. Ташкенте (конец 60-х гг. XIX в.).

ГРИНУТ, Август Карлович (1879) — лют., инженер, с января 1902 г. работал в 1-й дистанции Батумского отделения Кавказского округа путей сообщения, с 25.10.1905 г. — техник строительной партии по орошению 45 тыс. десятин земли в Голодной степи. Жена — Елизавета Альфредовна. Дети: Иван (н.д.) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1182. Л. 31; СЛ. С. 12).

ГРИППЕНБЕРГ, Оскар-Фердинанд Каземирович (1.01.1838 — 25.12.1915) — генерал от инфантерии, из старинного рода княжества Финляндского, участник Крымской, русско-турецкой (1877 — 1878) войн и Туркестанских походов, комендант крепости Катта-Курган (1868). Командующий войск Виленского ВО (10.11.1902 — 11.09.1904), 2-й Манчжурской армией в русско-японскую войну (1904 — 1905). Был награжден всеми орденами России. Сын — Александр (1879 — 1935) — генерал (ТС. № 195. С. 41-42; НР. Т. 1. С. 635 — 636).

ГРОДЕКОВ, Николай Иванович (22.09.1843, Херсонская губ. — 1913) — генерал-лейтенант, военный писатель, участник Туркестанских походов, в 1879 г. совершил верхом в сопровождении двух джигитов разведывательный пробег через Северный Афганистан и Северо-Восточную Персию, 1883 — 1893 гг. — военный губернатор Сырдарьинской обл., 1898 — 1906 гг. — помощник, генерал-губернатор Приамурского края, 1906 — 1908 гг. — Туркестанский генерал-губернатор. Посвященный ему музей создан в Хабаровске .

ГРОСС, Вильгельм — садовод-селекционер Ташкентского округа (с 1875) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 806).

ГРОТЕНГЕЛЬМ, Александр Александрович (24.05.1831 — 1903, Висбаден, Германия) — лют., барон, генерал-майор (15.05.1883), из дворян Эстляндской губ., воспитанник Морского кадетского корпуса (1848), 1848 — 1850 гг. служил во флоте, участник Венгерского похода 1849 г. До 1852 г. — в отставке «по 2-му классу ранения». С 1852 г. — служба во Владимирском пехотном полку. Герой Крымской войны, отличился при защите Севастополя, 1869 — 1870 гг. — председатель полкового суда. С 6.02.1872 г. — командир 2-го Оренбургского (13-го Туркестанского) линейного батальона. По распоряжению К.П. фон Кауфмана

27.02.1877 г. — 16.03.1887 г. — начальник Аму-Дарьинского отдела Сырдарьинской обл. С 16.03.1887 г. — командир 1-й бригады 8-й пехотной дивизии, 1890 г. — после 31.01.1892 г. — комендант Очаковской крепости. Награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст. (12.11.1867), 1-й ст. (1.08.1883); Св. Анны 3-й ст. (13.11.1854), 2-й ст. с императорской короной (26.11.1873), 1-й ст. (30.08.1887); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (8.09.1854), 3-й ст. (1.01.1878), 2-й ст. (1890); серебряными медалями «За защиту Севастополя», «За Хивинский поход 1873», бронзовой «В память войны 1853 — 1856», золотой саблей с надписью «за храбрость» (28.05.1855). Жена — Каролина Карловна (Леман). Дети: Анна (15.06.1863), Алексей (14.08.1870) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2663 п/с; Д. 3502. Л. 506; Оп. 28. Д. 35. Л. 172, 386; Д. 175. Л. 5; Ф. И-5. Оп. 1. Д. 789; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 13180; Д. 35224. Л. 1 — 6, 23-33; ТВ. 1878. № 6; rusgeneral.ru).

ГРЮГЕР, Анна (5.01.1910, с. Великокняжеское, Кубань — 8.10.1987, Узбекистан) — преподаватель химии, поэт, прозаик. Окончила Немецкий педагогический техникум (Ленинград, 1927 — 1929), заочно — Педагогический институт (Симферополь, 1932 — 1937), работала преподавателем в школах Одесской обл., в Крыму, была депортирована в Западную Сибирь, с 1946 по 1964 гг. преподавала химию в школах Узбекистана. Автор стихов, рассказов, публиковалась в периодической печати, в коллективных поэтических сборниках (Во мне живет надежда. М. 1972; Сказ о моих друзьях. М. 1974; Огни в окнах. 1979 и др). Переводила на немецкий язык стихи С. Михайлова (Бельгер Г. Российские немецкие писатели. М. 1996. С. 47).

ГРЮНБЕРГ, Вольдемар Иоанн Иосиф (9.03.1875) — сын крестьянина Гарсенской волости Курляндской губ., окончил Динабургское и Двинское реальные училища, слушал лекции по рыболовству в Королевской Прусской сельскохозяйственной школе в Берлине под руководством профессора Геринга (1894, 1895, 1896), с 23.05.1901 г. назначен инструктором по рыболовству, смотрителем по рыболовству в Чиназе, затем исполнял обязанности инспектора рыбных промыслов Казалинского региона, 3.03.1904 г. откомандирован во вновь образованный участок для наблюдения за рыболовством в Аральском бассейне. Жена — Вера Дмитриевна (Плетухина). Дети: Христофор (11.08.1907) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1179. Л. 5 — 28; Д. 36916. Л. 12).

ГРЮНВАЛЬД, Иоганн Михайлович — служащий Кокандского отделения Московского учетного банка.

ГРЮНТАЛЬ, Николай Эрнестович — из Курляндии, служащий конторы «Гергард и Гей» в Коканде.

ГУМБОЛЬДТ, Александр (Фридрих Вильгельм Карл Генрих Александр) фон (14.09.1769, Берлин — 6.05.1859, Берлин) — немецкий ученый-энциклопедист, основоположник географии растительности, физик, метеоролог, ботаник, зоолог и путешественник, сформулировал концепцию земледования как форму тотального знания о географии пространства (география, геология, климат, природа, этнология, культура, экономика), младший брат ученого философа, языковеда Вильгельма фон ГУМБОЛЬДТА (1767 — 1835), в 1829 г. изучал Оренбургский край, ввел в научную литературу понятие «Центральная Азия» (НР. Т. 1. С. 649 — 652).

ГУСТАВСОН, Петр Мартынович — из крестьян Лифляндской губ., приказчик общества «Гергард и Гей» в Коканде.

ГУЮС, Иван Федорович (1835 — 1911, Владивосток) — прав., генерал-майор. Из дворян Эстляндской губ., выпускник Николаевского училища. В Туркестане с 1866 г. — в Оренбургском (4-м Туркестанском) стрелковом полку, участник Туркестанских походов, штурм Самаркандской цитадели, с 19.01.1870 г. — начальник Ходженского, Кураминского уездов, член ярмарочного комитета Ташкента, предан суду в 1877 г., сослан во Владивосток за хищения и превышение власти, позднее реабилитирован, возвращен чин полковника. Участник русско-японской войны 1904 — 1905 гг. Награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст. (2.08.1869); Св. Анны 3-й ст. (30.01.1864); Знаки отличия Воинского ордена 4-й ст. (17.04.1867), 3-й ст. (20.02.1968), 2-й ст. (17.06.1868) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 2244; Д. 3019; Д. 3058; Д. 10606; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38185. Л. 1 — 12; АК. С. 268; ТС. № 341. С. 43).

ДАЛЬ, Владимир Иванович (10.11.1801, пос. Лугань Славяносербского уезда Екатеринославской губ. — 22.09.1872, Москва) — ученый, писатель, автор «Толкового словаря живого великорусского языка», член-корреспондент Петербургской АН. Награжден золотой Константиновской медалью ИРГО, 1863 (НР. Т. 1. С. 660 — 662).

ДЕВЕЛЬ, Александр Владимирович (15.09.1848) — прав., полковник, из дворян С.-Петербургской губ., в 1873 г., 1886 г. — временно и.д. начальника г. Ташкента. С 5.10.1877 г. назначен в окружной штаб Туркестанского военного округа, нач. распорядительного отдела Сырдарьинского областного правления, участник

Кокандского похода, член состава походно-полевой канцелярии Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана (1878), с 1886 г. — и.д. председателя Сырдарьинского областного правления, 1892 г. — служащий административно-полицейского управления Туркестанского края, с 30.01.1889 г. по 1896 г. — председатель комитета по строительству Спасо-Преображенского собора в Ташкенте, осуществлял контроль за сбором пожертвований на строительство храма, распределением средств и ходом строительства. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст., 2-й ст.; Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, 2-й ст.; бронзовой медалью «За покорение ханства Кокандского» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 334. Л. 78; Оп. 28. Д. 140. Л. 78, 273; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 3447. Л. 8, 10, 18; Д. 26299. Л. 270об; Д. 35283. Л. 16; Д. 35299. Л. 3; Д. 38242. Л. 78 — 116; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3504; ТВ. 1878. № 25).

ДЕЙБНЕР, Александр Иванович (8.04.1844, Витебская губ.) — губернский секретарь, полковник, выпускник Николаевского инженерного училища. С мая 1869 г. направлен в Туркестанскую саперную роту, помощник начальника г. Ташкента, с 9.03.1873 г. — начальник города Ташкента, Чустский (1876), Исфаринский (1879), Н-Маргеланский, Наманганский (1881), Ошский (1887 — 1892) уездный начальник. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (21.05.1871), 2-й ст. (30.08.1887) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 414. Л. 1; Д. 570. Л. 1 — 4; Д. 669; Д. 1236. Л. 1 — 2; Оп. 11. Д. 334. Л. 78, 99; Оп. 20. Д. 4829; Д. 5570; Оп. 28. Д. 35. Л. 32; Д. 175. Л. 138; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 35282. Л. 1, 44; Д. 36378. Л. 1; Д. 38223. Л. 1 — 4; Ф. И-19. Оп. 2. Д. 80. Л. 6; Оп. 3. Д. 68. Л. 11; ТС. № 341. С. 43; ТВ. 1879. № 20).

ДЕРИНГ, Генрих Робертович — коллежский ассессор, горный инженер, заведующий каналом им. Николая I, Ташкентской сельскохозяйственной школы (1910).

ДЕССЕН, Людвиг Людвигович — подполковник, начальник Наманганского уезда (1907) (СЛ. С. 41).

ДЖУРА-бей (1841 — 1906) — правитель 1859 — 1870 гг. Китаба, генерал-майор, с 6.04.1876 г. — на русской службе, участник Кокандского похода, имел награды (ТВ. 1906. № 17).

ДИВАЛЬ, начальник Кураминского уезда (1878 — 1880).

ДИДЕРИХС, Андрей Романович (1884, С.-Петербург — 11.05.1942, Ташкент) — живописец, график, выпускник Академии художеств и художественной

школы А. Ашбе в Мюнхене (1905 — 1908), примкнул к «умеренным левым течениям в изобразительном искусстве». После революции участвовал в оформлении массовых празднеств в Петербурге, работал в театрах, зав. постановочной частью «Молодого театра» режиссера С.Э. Радлова, с 1930 г. возглавлял Ленинградский ТЮЗ, заместитель председателя экспертной комиссии Внешторга (позднее — трест «Антиквариат»). Дважды был арестован и вскоре освобожден (1926 и 1929), осенью 1941 г. эвакуирован в Ташкент. Жена — Валентина Михайловна Ходасевич (племянница поэта В.Ф. Ходасевича) — художница (НР. Т. 1. С. 712—713).

ДИКХОФ, Владимир — выпускник Александровского военного училища в Москве (1864), капитан стрелкового батальона, художник, участник Хивинского и Кокандского походов, составлял карандашные зарисовки различных эпизодов военных походов. «Альбом карандашных рисунков, сделанных с натуры участником Хивинского и Кокандского походов (1873 — 1878)» хранится в отделе редких изданий Национальной библиотеки Республики Узбекистан. Альбом, по оценке историков, — «драгоценный материал, карандашные рисунки, сделанные с натуры, дают возможность судить об утраченных памятниках и их деталях». Свои зарисовки печатал также на страницах иллюстрированных журналов (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 517. Л. 58, 81 — 82).

ДИНГЕЛЬШТЕДТ, Николай Август Александрович (1843 — 31.12.1898, С.-Петербург) — лют., действительный статский советник, служил в судебном ведомстве и министерстве земледелия, писатель. Окончил 2-е Константиновское военное училище (1862), служил в Казанском драгунском полку, в 1868 г. зачислен в штат Кавказского телеграфного отделения, с 27.09.1871 г. — судебный следователь при Эриванском, с 24.04.1874 г. — член Ставропольского, с 11.06.1877 г. — Елисаветпольского, с 17.03.1882 г. — Тифлисского окружных судов. С 13.12.1884 г. — помощник военного губернатора Сырдарьинской обл., 9.02.1885 — 20.10.1890 г. — председатель Сырдарьинского областного правления. Общественное мнение того времени определило его как лучшего из числа лиц, занимающих такую должность в регионе, по мнению современников, «танцует мазурку как никто, поет, сапоги шьет и ружье может сделать». Действительно брался за все, даже написал книгу по ирригации, за которую, однако, был жестоко раскритикован. Н.П. Остроумов также считал, что он лучший и «выдающийся вице-начальник областного управления». Был исследователем края, хорошо изучил

систему судопроизводства в Туркестане, автор статей о Центральной Азии, в частности заметок о мусульманском быте (Неведомый мир // Средне-Азиатский вестник. 1896. Л. 1 — 19). Опубликовал работу «Опыты изучения ирригации Туркестанского края». Т. 1, II (СПб. 1893 — 1895), статьи в «Отечественных записках», «Вестнике Европы», «Историческом вестнике» и др. Награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 3-й ст., 2-й ст.; Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом; Румынским железным крестом. Жена — Юлия Ивановна (Павлович). Дети: Валентина (1879) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11 Д. 334. Л. 75; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 35294п/с. Л. 3 — 10; Д. 35263. Л. 1; Д. 35291. Л. 3, 7; Д. 35299. Л. 3 — 4; Ф. И-717. Оп. 1. Д. 5; ТВ. 1893. № 7).

ДИТЕРИХС, Иосиф Константинович (1865, Майкоп — 1932) — штабс-капитан в отставке, корреспондент. Окончил пажеский корпус по 1-му разряду, направлен в лейб-гвардии 4-й Имперской фамилии батальон (9.08.1888), выпускник отделения восточных языков Азиатского департамента МИД (тюркский язык), последователь учения Л.Н. Толстого, один из его секретарей, подьесаул Кавказской армии, оставил службу. В 1897 г. за связь с духоборами и помощь им выслан за пределы Кавказского края, много лет жил в Туркестане. С 1910 г. — мл. шелковод, зав. Нухинским отделением Кавказской шелководческой станции, с конца 1915 г. рекомендован зав. «Самаркандской для грены станцией». Жена — Анна Матвеевна (Орнатская, второй брак) (ЦГА РУз. Ф.И-7. Оп. 1. Д. 1287. Л. 6).

ДИТМАР, Владимир Федорович (1846 — 1894) — коллежский асессор, кандидат права, в 1862 г. — выпускник С.-Петербургского университета. С 1867 г. — в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора, судья г. Ташкента и Кураминского уезда, с 1870 г. — начальник Ауле-Атинского уезда Сырдарьинского областного правления, участник дипломатической миссии в Бухару (1870), отличился в Хивинском походе, переведен в Северо-Западный край, с 1875 г. — церемониймейстер Двора в звании камер-юнкера. Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (23.09.1869) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 15; Д. 2345; Д. 2492; Д. 2587; Д. 3296; Д. 5922; Д. 6330; Оп. 33. Д. 361. Л. 3, 29об; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 3549; Д. 3552; Д. 38230. Л. 1 — 12; НР. Т. 1. С. 719).

ДОЛГОРУКОВА, Екатерина Михайловна (1847 — 1922) — светлейшая княгиня Юрьевская, морганатическая супруга императора Александра II. Дети: Борис (1876 — умер в младенчестве), Григорий (1872 — 1913), Ольга (1873 — 1922), Екатерина (1878 — 1959).

ДОППЕЛЬБЕРГ, Владимир Александрович — учитель в Самаркандской женской гимназии (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 48).

ДОРРЕР, Григорий Иосифович — граф, присяжный поверенный Ашхабадского окружного суда (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 9).

ДРЕЙЕР, Николай Константинович фон (25.11.1853) — прав., генерал-майор (с 1908), статский советник. Из дворян С.-Петербургской губ., окончил 2-е Константиновское училище, с 26.02.1876 г. служил в Ташкентском окружном штабе, в 1-й артиллерийской бригаде, в 1878 г. — офицер полевого штаба при движении войск из Ташкента в урочище Джам. 1879 — 1883 г. — ст. офицер для поручений при окружном штабе, правитель дел окружного артиллерийского управления Туркестанского ВО, начальник Самаркандского отдела Туркестанского окружного артиллерийского склада. С 2.09.1883 г. — чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, 28.08.1887 г. зачислен в запас, ст. помощник начальника Перовского уезда. Награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. (1.01.1878); Св. Анны 3-й ст. (1882); бухарским Восходящей звезды (7.10.1884). Был женат на Клавдии Владимировне (Лукинской) вторым браком, усыновил ее сына Владимира — позднее командир ТВО (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 298. Л. 111 — 122; rusgeneral.ru).

ДРИКИС, Август Яковлевич — топограф среднего разряда Семиреченской обл. (1907), Голодностепский лесничий (1919) (ЦГА РУз Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38219; СЛ. С. 66).

ДУХОВСКОЙ (ДУХОВСКИЙ), Сергей Михайлович (7.10.1838 — 1.03.1901) — генерал от инфантерии, Приамурский (1893 — 1898), Туркестанский (28.03.1898 — 1900) генерал-губернатор, наказной войсковой атаман Приамурского казачьего войска.

ДЮБУРГ, Павел Августович — титулярный советник, податной инспектор Самаркандской обл. (1907) (СЛ. С. 51).

ДЮНТЕР, Георгий Иванович (21.01.1842) — лют., коллежский ассессор, из дворян Курляндской губ. Выпускник Императорской медико-хирургической академии, признан провизором (1867), Императорского университета Св. Владимира (3.02.1875) в степени лекаря, служил на Кавказе. В 1896 г. — Джизакский уездный врач. Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (6.04.1881); бронзовой медалью «В память русско-турецкой войны 1877 — 1878» (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38347. Л. 8 — 30; АК. С. 9).

ДЮРШМИДТ, Генрих Вильгельм (н.д. — 31.08.1911, Берлин) — купец высшей гильдии, первый коммерции советник в Центральной Азии, с 1883 г. — предприниматель Ташкента, его фирма по скупке и очистке кишок имела до 2 млн. рублей товарооборота в год, продукция вывозилась в Германию, а также в центральные районы России, спонсор «Туркестанского общества сельского хозяйства» (ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 563; Ф. И-11. Оп. 4. Д. 459; Д. 469; Ф. И-103. Оп. 1. Д. 68. Л. 2 — 3; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1375. Л. 35 — 38; Д. 1739. Л. 78, 200 — 204, 259, 430 — 431; ТС. № 512. С. 80).

ЕРМОЛОВ, Алексей Петрович (1777 — 1861) — генерал от инфантерии, военачальник и государственный деятель, герой Кавказской войны.

ЕКАТЕРИНА II Алексеевна, Великая (урожденная София Августа Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская) (21.04.1729, Штеттин, Пруссия — 6.11.1796, Царское Село, Россия) — с 29 июня 1762 г. — Императрица Всероссийская.

ЗАЙДЕЛЬ, Михаил Артурович — комиссионер Туркестанского общества сельского хозяйства, торговец семенами люцерны в России и за границей (1907), директор Русско-Азиатского банка. Жена — Роза Михайловна (ЦГА РУз. Ф. И-103. Оп. 1. Д. 109; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 111).

ЗАЛЕМАН, Карл (Карл-Густав) Германович (28.12.1849, Ревель Эстляндская губ. — 13.12.1916, С.-Петербург) — филолог, иранист, академик С.-Петербургской АН (1895). С 1890 г. — директор Азиатского музея. Из семьи пастора, в 1895 г. — выпускник факультета восточных языков С.-Петербургского университета по двум разрядам: арабо-турецко-персидскому и санскрито-персидскому со степенью магистра. С 1897 г. совершил две поездки в Центральную Азию с целью приобретения восточных рукописей, записал таджикскую народную музыку в Самарканде, руководил деятельностью академических востоковедов, был тесно связан с учеными-востоковедами Туркестана.

ЗАЛЬМ, Луи — лют., глава акционерного общества «Луи Зальм» (основано в 1884), владелец военно-обмундировальной фабрики, на которой работало более 105 человек, из них 25 немцев края (ЦГА РУз. Ф. И-103. Оп. 1. Д. 109; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1830. Л. 94 — 100).

ЗАН, Артур (Теодор Федор) Янович (18.10.1888) — лют., коллежский регистратор, уроженец Лифляндской губ., окончил Горькое земледельческое училище. С 15.02.1911 г. — топограф Тобольского поземельно-устроительного

отряда, с 1.03.1914 г. — инструктор по хлопку Закаспийской обл., заведующий Мервской хлопковой семенной плантацией, 4.04.1915 г. призван на воинскую службу. Жена — Екатерина (Гаршнек, повенчаны 1.11.1913) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 330. Л. 3 — 5; Д. 899. Л. 627; Д. 1330. Л. 2 — 3, 81).

ЗАНДГАГЕН, Александр Владимирович — учитель математики в Ташкентской мужской гимназии (на 1910) (АК. С. 91).

ЗАРРИНГ, Карл Андреевич (н.д. — 1922) — лют., заведующий товарной конторой Ташкентской казенной железной дороги (1911 — 1914). Жена — Клара-Зельма Густавовна (1883).

ЗАТЛЕР, Якоб — плотник из Камышина, приглашен для отделочных столярных работ при строительстве евангелическо-лютеранской кирхи в Ташкенте (конец XIX в.).

ЗАУЭР, А. — преподаватель в г. Пишпек (конец XIX в.).

ЗАУЭР, Людвиг Людвигович (2.04.1850, Тобольская губ.) — лют., губернский секретарь, воспитанник Тобольской гимназии. С 5.05.1881 г. — чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской обл., начальник Лепсинского (1901), Копальского (1902) уездов, с 1904 г. — пристав Кольжатского участка, 28.02.1907 г. уволен в отставку «с мундиром и пенсией». Награжден медалями, имел благодарности. Жена — Александра Николаевна (Изоргина) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1977. Л. 1; Д. 1006; Оп. 2. Д. 881; Оп. 33. Д. 302. Л. 96 — 100; Д. 1006; Д. 1977. Л. 1; СЛ. С. 68).

ЗАУЭР, Федор — купец, житель Ташкента, сын купца (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 3549).

ЗЕЛАНД, Николай Львович (3.11.1833, Арнсбург, о-в Эзель (ныне Саарема), Эстония — 17.08.1902, Омск) — прав., врач, выпускник С.-Петербургской медико-хирургической академии в звании лекаря. 1859 — 1864 гг. — врач Оренбургского военного госпиталя. С 1864 г. — врач различных госпиталей в Польше, в Варшаве после защиты получил степень доктора. С 1875 г. — областной врач Приморской обл., в 1881 — 1888 гг. — областной врач Семиреченской обл., в августе — октябре 1886 г. ездил в Кашгар с целью проверки сообщений об эпидемии холеры. 1888 — 1896 гг. — помощник военно-медицинского инспектора ТВО, боролся с эпидемиями холеры в Туркестане. С 1892 г. — почетный член Омского медицинского общества. Был членом Западно-Сибирского отдела ИРГО, Туркестанского медицинского общества, Туркестанского кружка любителей ар-

хеологии. Автор публикаций и книг в области медицины, антропологии и физиологии, в т.ч. записок «Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Путевые записки // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества». Кн. IX (Омск. 1888), в которых дана одна из первых антропологических и физиологических характеристик уйгуров как отдельного этноса (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 140).

ЗЕЛЕМАН (ЗЕМАН), Отто Вильгельмович — подрядчик инженерной дистанции Ташкентской железной дороги, состоял на учете в охранном отделении по подозрению в революционной деятельности и в общении с нижними военными чинами, «будучи на военной службе, сидел за агитацию в войсках в Ташкентской тюрьме», получал нелегальную литературу из-за границы. В связи с этим в ноябре 1912 г. в его доме был произведен обыск «в порядке охраны, но ничего подозрительного не обнаружено». Жена — Берта (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 51 — 51об; Д. 1329. Л. 111, 214, 240).

ЗЕЛЬГЕЙМ, Генрих Антонович — лют., личный дворянин, инженер-механик, зав. партии изысканий и проектов мельчайшей ирригационной сети в Сырдарьинской части Голодной степи (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 249; Д. 1329. Л. 250).

ЗИВЕРТ, Юлий Федорович (н.д. — 2.04.1868) — лют., надворный советник, выпускник Императорской медико-хирургической академии в звании лекаря (1.06.1859), определен на службу в 1-ю конно-артиллерийскую бригаду, с 1.06.1864 г. прикомандирован к клиникам Петербургской медико-хирургической академии, доктор медицины (17.06.1867), мл. лекарь в Измайловском полку. С 9.10.1867 г. переведен в Туркестанское генерал-губернаторство, 14.01.1868 г. назначен Ходжентским уездным врачом. Переведен 25.02.1868 г. в Ташкент — ординатор городского лазарета. Умер, заразившись сыпным тифом. Награжден медалью за усмирение Польского мятежа 1863 — 1864 гг. Жена — Надежда Александровна (Воробьева) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 373. Л. 2; Оп. 33. Д. 335. Л. 399).

ЗИГЕЛЬ, Андрей Иванович — купец 1-й гильдии. Председатель биржевого комитета Коканда член Ферганского нефтегорнопромышленного АО «Чимион» (основано в 1900).

ЗИГЕРН-КОРН, Михаил Ксавьеревич фон (1.09.1835 — 21.01.1898, С.-Петербург) — генерал-лейтенант, военный инженер. В 1856 г. — выпускник Нико-

лаевского училища, в 1858 г. — Николаевской академии, в 1855 — 1859 г. — участник военных событий на Кавказе. С 1870 г. — заведующий военными зданиями Финляндского военного корпуса, с 1877 г. — заведующий инженерной частью Казанского военного округа. 26.10.1885 г. — 22.11.1893 г. — начальник инженеров Туркестанского военного округа, председатель Туркестанского отдела русского технического общества. Женат, 5 детей.

ЗОММЕР, Рихарт-Карл Карлович (1866, Мюнхен — 1939, Тифлис) — художник, пейзажист, жанрист-этнограф и портретист. Художественное образование получил в Германии (Мюнхен), в 1884 — 1893 гг. был вольнослушателем Петербургской художественной академии, премирован малыми, большой и поощрительной медалями. Окончил курс наук в 1893 г. в звании художника 3-й степени. В 1894 г. принял участие в выставке «С.-Петербургского общества художников», позднее ежегодно принимал участие в Осенних выставках и выставках «Общества русских акварелистов». Приехал в г. Тифлис в конце XIX в., преподавал рисование в гимназии, много ездил по Кавказу и Закавказью, побывал даже в той части Армении, которая позднее отошла к Турции. По заданию Археологического института в 1890 — 1900 гг. периодически выезжал в Центральную Азию, создал серию художественных полотен, зримо свидетельствующих как о красоте и величии древних памятников зодчества, так и в ряде случаев об их плачевном состоянии в то время. Им написаны в основном в Самарканде холсты, объединяемые общим названием «Туркестан». Работал очень быстро, оставил большое наследство. В начале XX в. еще несколько раз приезжал в Ташкент, где в 1915 г. состоялась выставка его работ. В 1927 г. большая часть архитектурно-пейзажных произведений передана в Государственный музей искусств УзССР, они положили начало коллекции «Русские художники в Средней Азии». Из 200 полотен этой коллекции, представляющей работы В.В. Верещагина, И. Казакова, Н. Каразина, К. Коровина, М.О. Микешина, С. Юдина и др. художников, работающих в крае и создававших свои произведения на среднеазиатские темы, Р.К. Зомеру принадлежат 30 картин: «Мавританские ворота», «Вход в мавзолей Шах-и-Зинда», «Мазар святого в Туркестанском крае», «Медресе Улугбека», «Мечеть в Ташкенте» и др. работы. Продолжал работать в Петрограде после 1914 г. Был женат, его жена умерла в конце 50-х годов в Тифлисе. Их сын — талантливый пианист, уехал в 1927 — 1928 гг. в Германию для дальнейшей учебы. По свидетельству знавшего их семью художника Д.Н. Цицишвили, в по-

следние годы жизни Р.К. Зомер сильно нуждался, жил продажей копий со своих старых картин, умер «всеми покинутый и забытый». Но картины продолжают творческую жизнь одаренного человека, в котором талант художника счастливо сочетался с пытливостью исследователя. Не случайно еще в 1904 г. критики, отмечая несомненное достоинство полотен, представленных на выставке С.-Петербургского общества художников, прекрасную передачу колорита юга, раскаленного воздуха, многообразие красок базаров, яркую пестроту костюмов жителей Бухары и Хивы и подчеркивая, как «успех художника», то, что ему «лучше удастся передать освещенную солнцем природу», «ее высокую красоту», «им довольно хорошо изучены жизнь и народы Средней Азии и Кавказа», однако как на недостаток указывали на одну «досадную черту», которая «не вызывает одобрения» — это то, что автор «к предмету изображения присматривается слишком уж пристально, гоняясь даже за незначительными мелочами». Но именно это качество с годами приобретает все больше не только художественную, но и научную ценность. Его четкие, добросовестно-профессиональные, несколько суховатые, порою жесткие по колориту картины и этюды всегда продуманно скомпонованы, наполнены нравственно-этическим звучанием. Его привлекала жизнь народа в многолюдных чайханах, на оживленных базарах, увлечение спортивными развлечениями. В пестрой игре красок, световых контрастов проступает стремление дать свой ответ на извечные человеческие поиски истины, показать вечное, непреходящее. Нередко писал большие, преимущественно жанровые картины: «Шашлычная», «Дервиши», «Кладбище в Ташкенте», «Караван-сарай», «Чайхана», «Байгу», «Скачки» и др. Был одним из учредителей Тифлиского общества изящных искусств (1912). В музеях искусств Грузии, Азербайджана, Северной Осетии, Узбекистана, в Омском и Тульском областных музеях, в Самаркандском музее истории и культуры народов Узбекистана, в частных коллекциях хранится большое число его жанрово-пейзажных произведений, и каждое из них имеет свою историю. Так, в 1959 г. полотно «Шашлычная» (поступило в Музей искусств 25.11.1937) было похищено (возвращено), в газете «Строитель Ташкента» (6.06.1971) сообщалось о передаче в дар музею семьей Алманиязовых из Алма-Аты, бывших жителей Ташкента, семейной реликвии — картины художника «с видом старого уголка узбекской столицы — «Шейхантаур». В Узбекистане на Республиканской художественной выставке «Самарканду 2500 лет» в 1972 г. были представлены работы Р.К. Зомера

«Базар в Самарканде», «Гур-Эмир», «Мавзалеи Шах-и-Зинда», «Улица около Гур-Эмира», «Мечеть Биби-ханум», «Медресе Шир-дор», «Медресе Тиллякори» и другие. Его работа «Мечеть Бибиханум» (1897) была представлена в Хельсинки на выставке искусств Узбекистана в Финляндии в 1978 г. В раскаленном мареве южного зноя, в текучем молчании песчаных просторов время застыло на полотнах художника, и им предписана долгая, востребованная жизнь (Искусство Советского Узбекистана. М. 1976; Каталог Азербайджанского государственного музея искусств им. Рустама Мустафаева. 1961; Каталог «Выставка искусств Узбекистана в Финляндии». Хельсинки. 1978; «Каталог государственного музея искусств Узбекской ССР. Русское и советское искусство». Составлен Е.М. Никифоровой. Предисловие С.М. Круковской. Л. 1968; ЦГИА СССР. Ф-789. Оп. 11. Д. 151, личное дело художника (1884 — 1893); Текущий архив Национального музея искусств Республики Узбекистан).

ИЕССЕН, Людвиг Людвигович (19.02.1860) — лют., полковник. Выпускник Павловского военного училища, определен в 1-ю резервную артиллерийскую бригаду (1881), в 1889 г. окончил полный курс учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД, командирован в Тегеран для изучения персидского и турецкого языков, с 1890 г. назначен в распоряжение Ферганского военного губернатора, 1891 г. — пристав Курганского участка Наманганского уезда, 1896 г. — помощник Ошского уездного начальника, 1907 г. — Наманганский уездный начальник (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 359; Оп. 33. Д. 303. Л. 85; СЛ. С. 4).

ИОГАНСОН, К.Ф. — врач детского приюта Ташкента (с 19.02.1879) (ТС. № 341. С. 44).

КАЙЗЕР, Герман Карлович (1842, Ревель) — лют., действительный статский советник, чиновник особых поручений Департамента таможенных сборов. Выпускник восточного факультета Петербургского университета со степенью кандидата (1867), в 1870 г. назначен членом Балтийской, в 1872 г. — Московской, 29.10.1882 г. — управляющим Таганрогской таможен. С декабря 1886 г. — чиновник особых поручений Министерства финансов по таможенным делам в Туркестанском крае, на него возложено составление проектов о реорганизации таможенной части в крае (Туркестанский таможенный округ был открыт в 1899). Председатель Церковного Совета евангелическо-лютеранской общины Ташкента. Имел награды. Жена — Ольга (Балтон). Дети: Макс (3.12.1871), Владимир

(4.07.1877), Алексей (13.12.1882), Николай (4.08.1885), Ольга (1874) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1434; Оп. 2. Д. 1390; Оп. 28. Д. 35; Оп. 33. Д. 307; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 3637).

КАЙЗЕР (КОЧЕРГА), Клара Александровна (1921) — в 40-х годах XX в. студентка истфака САГУ. Выслана под Бухару, после войны окончила английское отделение Ташкентского пединститута, учительница английского языка в школе № 18 Ташкента.

КАЛЛАУР, Василий Андреевич (6.02.1843 — позднее 1918) — прав., генерал-майор, востоковед, из старинного литовского дворянского рода Минской губ., в 1865 г. — выпускник 2-го Константиновского училища. 17.05.1876 г. направлен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, определен в должности помощника начальника, затем с мая 1880 г. — начальника Ауле-Атинского, 1898 — 1901 гг. — Перовского уездов. Один из первых начал «собирать сведения о местах нахождения развалин древних городов и оседлых местностей» в долине р. Сырдарья. Первооткрыватель древнетюркских рунических (орхонских) надписей Семиречья, открыл начальный этап изучения многих городищ (Саганак, Ашнас, Акыр-Таш, Биш-Там, Джаркент и др.). Активный член Туркестанского кружка любителей археологии, выступал с докладами, опубликовал 19 статей, 7 сообщений о результатах исследования древних памятников Ауле-Атинского и Перовского уездов, лично составлял планы, чертежи древних городищ, руководил составлением их карт. Принес в дар Туркестанской публичной библиотеке 74 экземпляра книг по истории Средней Азии и стран Востока. Вышел в отставку 12.06.1893 г., в 1916 г. была повышена пенсия. Присутствовал 28.04.1907 г. на торжественном собрании меннонитов в колонии Николайполь, посвященном 25-летию создания немецкой колонии в крае. Свои впечатления опубликовал в печати (Немецкая культура на р. Талас // Среднеазиатская жизнь. 1907. № 115; № 116). Автор многих публикаций в «Протоколах заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии»: Древние города Саганак (Сунак), Ашнак (Эшнас), Асанас и др; в Перовском уезде, разрушенные Чингисханом в 1219 // Протоколы... 1900. С. 6 — 16; Древние местности Ауле-Атинского уезда на старом караванном пути за Тараз в Восточный Туркестан // Протоколы... 1897. С. 1 — 9; Древности в низовьях р. Талас // Протоколы... 1899. С. 73 — 80 и др. (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1434. Л. 4, 4об; Оп. 2. Д. 1390; Оп. 33. Д. 171; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 35478. Л. 69 — 72; Д. 36134; Д. 38311. Л. 19; ТС. № 422. С. 34

— 38; Протоколы заседания Туркестанского кружка любителей археологии. 1899 — 1908 гг.; Касымова А.Г. История библиотечного дела в Узбекистане. Ташкент. 1981. С. 22; Бахтыбаев М.М. Историческая топография Перовского уезда в трудах В.А. Каллаур // Известия НАН РК. 2012. С. 195 — 204).

КАЛЛАУР, Василий Григорьевич — коллежский секретарь, выпускник юридического факультета Императорского Новороссийского университета, контролер Туркестанского Акцизного управления (1912), с 1914 г. — заведующий госимуществом Туркестанского управления земледелия и госимущества, 4.10.1915 г. призван на военную службу (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 932. Л. 11).

КАЛЬ, Александр Васильевич (Эмильевич) — линейный агент службы подвижного состава, начальник 5-го участка службы железнодорожного пути, начальник основного депо станции Казалинск (1907, 1913) (ЦГА РУ. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 504. Л. 12; СЛ. С. 22).

КАЛЬ, Евгений Федорович (6.09.1863, С.-Петербург — 17.09.1891, Керки (Атамурат), Туркмения) — прав., коллежский асессор, ориентолог, ученый, исследователь. Из семьи провизора, выпускник восточного факультета С.-Петербургского университета со степенью кандидата (20.07.1885), ученик выдающегося ориенталиста В.Р. Розена. 2.08.1885 г. — 21.02.1886 г. служил канониром на правах вольноопределяющегося 1-го разряда 1-й Его Величества батареи Гвардейской конноартиллерийской бригады. С 13.04.1886 г. определен на службу чиновником особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, член комиссии для перевода на языки местных народов утвержденного 12.06.1886 г. «Положения об управлении Туркестанским краем» — перевел его практически один. Был заведующим этнографическим и археологическим отделом Ташкентского музея, составил опись экспонатов музея, провел первое описание персидских, арабских, тюркских рукописей Туркестанской публичной библиотеки, проявив «глубокие знания в историографии вопроса» (Персидско-арабские тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки. Составил Е.Ф. Каль. Ташкент. Типография окружного штаба, 1889). При описании 87 старых рукописей (28 — на узбекском языке, 78 — на таджикском, 19 — на арабском), содержащих 125 произведений (история, география, политика, этика, поэтические сборники и сочинения суфиев), не ограничивался простым описанием старинных манускриптов (автор, формат, объем, качество бумаги, стиль каллиграфии), проявляя большую эрудицию, отсылал читателей к другим отече-

ственным и зарубежным изданиям описываемых раритетов, к публикациям ориенталистов о трудах ученых древнего Востока. Просмотрел коллекцию древностей Акрама Аскарова. С 20.11.1887 г. по 14.03.1888 г. временно заведовал делами Политического агентства в Бухаре. Летом 1887 г. совершил поездку по Ягнобу (приток р. Зеравшан), изучил фонетику языка гальчинского племени ягнобов, что позволило установить связь ягнобского языка с древним согдийским языком; составил подробный глоссарий, провел статистические и топографические исследования. Полевые записи отправил востоковеду К.Г. Залеману, который выразил ему признательность и благодарность за «просвещенное содействие». С 10.09.1888 г. назначен мл. чиновником особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе. Страстный нумизмат, передал 370 монет, приобретенных в Туркестане, в дар Русскому Археологическому обществу. Во время экспедиции в Термез в 1890 г. приобрел 50 монет греко-бактрийского, индо-скифского и арабо-иранского чекана. Эта коллекция пополнила собрание монет Эрмитажа в С.-Петербурге. Значительный вклад внесен им в археологическое изучение Туркестана, в 1889 — 1890 гг. обследовал 24 кургана в Ташкентском уезде, изучал памятники в окрестностях Ауле-Ата, около Термеза и в других районах края. Вся его жизнь и многогранная активная деятельность являлись подтверждением основной цели, поставленной им перед собой: «по мне вполне безразлично на какую должность поступить, лишь бы только быть назначенным в Туркестанский край, куда меня влечет желание более ознакомиться с краем и его обитателями, изучить историю края». В 1891 г. во время поездки по бекствам Бухарского ханства заболел амударьинской лихорадкой, скончался 16.09.1891 г. в Керках. «Погребение совершено с возможной в Керках торжественностью, почтили музыкой и пушечными выстрелами, ибо покойный служил прежде в артиллерии», с соблюдением церемониала отдачи воинских почестей. Во всех церквях Туркестана были отслужены панихиды. Его научные изыскания получили высокую оценку выдающихся востоковедов страны. И.Ю. Крачковский в очерках по истории отечественной арабистики писал: «Одним из первых представителей школы Розена в Средней Азии был Е.Ф. Каль <...> Административную работу в Ташкенте он умело сочетал с наукой, интересуясь и археологией и лингвистикой местного края». Востоковед В.В. Григорьев отмечал: «он был одним из лучших у нас востоковедов, но никак не мог собраться с досугом, чтобы написать диссертацию на степень магистра, которая бы устроила его собственные дела — все другими

занимался». За «старательность», «усердие» и «бескорыстную преданность к предмету своих исследований» был награжден многими подарками, орденами, в том числе Св. Владимира 4-й ст.; Св. Станислава 3-й ст. (30.08.1887); Св. Анны 3-й ст. (30.08.1890) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 334. Л. 69; Оп. 15. Д. 389; Оп. 28, Д. 7. Л. 36, 47, 68; Д. 90. Л. 78; Д. 140. Л. 74 — 75; Д. 357. Л. 36; Оп. 31. Д. 504; Оп. 33. Д. 307. Л. 93 — 102; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 43. Л. 236; Ф. 2740. Оп. 1. Д. 210. Л. 24; Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. Ташкент. 1974. С. 196; Лунин Б.В. Ориенталист-туркестановед Евгений Федорович Каль // Научные труды ТашГУ. Новая серия. Т. VII. Ташкент. 1966. С. 120 — 144; ТВ. 1890. № 24; НР. Т. 2. С. 19).

КАЛЯЗИН, Николай Николаевич (21.12.1953, Ташкент — 28.02.2008, Кельн, Германия) — художник, абстракционист, один из основоположников новой школы промышленного дизайна в Средней Азии, педагог, член Союза художников Узбекистана (1989). Мать — Деринг Эмма Александровна (16.09.1922, Красноармейск Саратовской обл. — 12.06.2006, Кельн) — из семьи музыкантов поволжских немцев, была депортирована в Казахстан, где погибли родители и брат, позднее, в конце 40-х годов XX в. переехала в Ташкент, работала на заводе. Отец — Николай Тимофеевич Калязин (15.05.1921, Бобровск, Ярославской обл. — 15.01.1995, Ташкент) — кадровый офицер, выпускник Ленинградского военного училища, участник Финской и Второй мировой войны, служил в крепости Кушка. Первый сын в семье, Александр, родился 8.01.1952 г. (ныне живет в Кельне). После облучения отца по месту службы семья вернулась в Ташкент, где 21.12.1953 г. родился второй сын — Николай. Босоное детство мальчиков прошло на пыльных, согретых солнечной и людской добротой улицах местечка Тезиковской дачи Ташкента. Не они ли формировали оригинальную выразительность, завораживающую композицию линий, резкие грани света и тени в графике, яркую сочность красок и тягу к неопластицизму, так четко проявившиеся на полотнах Николая Николаевича? Талант художника проявился уже в раннем детстве в девятилетнем возрасте он написал портрет матери, показав тонкое восприятие натуры и четкое выделение штрихов. В юные годы оформлял стенгазеты в школе № 37, в которой учился отлично, был участником выставок детских рисунков. Отлично окончил и Ташкентское художественное училище им. Бенькова. В 1973 г. был зачислен в Театрально-художественный институт им А.Н. Островского (Государственный институт искусств Узбекистана им. Мамона

Уйгуна) на отделение монументально-декоративного искусства. Отличник учебы, и здесь пользовался популярностью и авторитетом среди студентов и преподавателей. После окончания института служил в армии, возвратившись в 1980 г., открыл изостудию, обучал детей и подростков живописи, преподавал в родном институте — ст. преподаватель кафедры монументального искусства, оформлял печатные издания известных писателей: Е.А. Евтушенко, Хамза Хиким-Заде и др. С 1984 г. — свободный художник, работал в Архитектурно-декоративном центре (АДЦ), основал новую школу дизайнерского оформления монументальных сооружений, заводских корпусов, зданий и фонтанов города, писал полотна и графику, которые неоднократно выставлялись на всевозможных выставках не только в Узбекистане, но и за его пределами (десять персональных и групповых выставок), в 1990 г. его картины выставлялись в Москве на совместной выставке художников Франции, России и Узбекистана «АРТ-САЛОН». В поисках новых выразительных средств для передачи настроений социального протеста, оппозиционируя официальной живописи, он отказывается от изображения реальных предметов и явлений, демонстрирует подчеркнутый символизм художественных образов, насыщенную палитру необычных форм сюжета, свои новаторские средства художественного отображения концептуального, философского мировоззрения. В искусстве, как и в жизни, он всегда оставался самим собой, преданным своему самобытному таланту, своим нравственным позициям. Талант, бескомпромиссность и самобытность его человеческой природы ярко проявились в созданных полотнах и графике. Для его полотен характерны экспрессивность цветовой пластики, тончайшая нить четких линий, пятен, причудливых штрихов и почти неуловимых переходов цвета, света и тени, волшебных, как музыка, сочетаний красок, выражающих отношение художника, одухотворенного романтическим началом к жизни, формам и событиям окружающего мира. Они создают единство конкретного и отвлеченного, мечты и действительности, выражают порыв к свободе, в неизвестность, в тайное начало мира. С помощью новых оригинальных форм и техники рисунка он пытался в красках передать музыку сферы («Техносфера»), свое видение мира («Ойкумена»), происходящих («Урбанизация», «Не звони») и прошедших событий, явлений (диптих «Стационарная система»). Художник работал много, писал маслом, тушью, ровно тонко владел кистью, карандашом, аэрографом. Силу и нежность его таланта высоко ценили любители искусства. Полотна Н.Н. Калязина представлены на посто-

янных экспозициях в Музее искусств Узбекистана, хранятся в частных коллекциях жителей многих стран мира. Художественный талант сочетался в нем с поэтическим даром. Стихи, как и некоторые свои работы, он просто дарил друзьям и близким, не оставляя их для себя, сохранились лишь немногие. Среди них есть и такие проникновенные строки: «Как останусь в конце я один, заберусь я на десять вершин. А с вершины Земля как ладонь, и пылает в ладони огонь. Дайте камень мне, дайте петлю. Я на грешную землю плюю! Как в мгновение сгорает звезда, что сбылось — не вернешь никогда!.. Словно дрожь телеграмму прими: «Мы живем в этом мире одни. Разделяем и радость и боль. И прощаемся только с собой!» <...> «Ты не знаешь, что взять, что отдать, что сберечь, что на что разменять! В летний зной не хватает дождя. А слепому калеке — вождя! Луг, залитый когда-то водой, станет дикому стаду едой. Ты ко мне никогда не придешь. Ты в молчании правду найдешь!» В 1997 г. переехал с семьей в Германию (Кельн). Женат дважды. С 6.02.1984 г. — в гражданском браке с Гульнорой Хамдамовой (23.02.1953). Дети: Ярослава (13.03.1975) — от первого брака, скульптор, живет в Турции, Артур (11.11.1984, Ташкент), Амалия (27.06.1991, Ташкент), Тимо (10.11.2000, Кельн). Дети унаследовали талант отца и пытаются продолжить начатое им дело. Видимо, не случайно одна из последних его записей гласит: «Сколько не завершенной работы! Мои дети доведут до конца мои мысли!?! Жизнь — это течение, которое нами складывается <...> Я знал что это случится, но не думал, что так рано».

КАННАБИХ, Юрий Владимирович (23.09.1872, Петербург — 3.02.1939, Москва) — врач-психиатр, историк психиатрии, заслуженный деятель науки РСФСР (1937). Окончил в 1886 г. естественно-историческое отделение и в 1899 г. медицинский факультет МГУ. В 1914 г. защитил докторскую диссертацию. В 1920 — 1921 гг. принимал активное участие в организации Туркестанского университета в Ташкенте, был избран профессором кафедры психиатрии. В конце 1921 г. возвратился в Москву, работал в различных учебных и научно-исследовательских учреждениях. С 1936 г. — заведующий кафедрой психиатрии 3-го Московского медицинского института. Председатель Русского психоаналитического общества (1927 — 1930).

КАППЕЛЕР, Эдуард Карлович (1821) — люг., надворный советник, выпускник Московской медикохирургической академии (24.08.1845), Петрозаводский

уездный врач, 19.09.1849 г. перемещен врачом в г. Каргополь, с 18.06.1860 г. — окружной врач Чистопольского и Спасского округов Казанской губ. С 31.10.1865 г. — мл. ординатор Чимкентского военного лазарета, с 7.05.1866 г. — ординатор Токмакского лазарета, с 1868 г. — Казалинский уездный врач. Орден Св. Анны 3-й ст. (6.06.1870); медаль «В память войны 1853 — 1856». Жена — Каролина Карловна (Гофман) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 2464; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38379).

КАРАЗИН, Николай Николаевич (9.12.1842 — 19.12.1908) — художник-баталист, писатель, участник Туркестанских походов.

КАРАКОЗОВ, Дмитрий Владимирович (4.11.1840 — 3.09.1866) — русский революционер-террорист.

КАРЕЛИН, Григорий Силыч (1801 — 29.12.1872) — натуралист, исследователь Оренбургского края, Прикаспия, особенно его восточного побережья, верховьев реки Тобол, Семиреченского края. Собранные им материалы частью опубликованы: «Естественная история Оренбургского края», перечень растений, собранных в Туркестане и Иране, в пустынях восточной Джунгарии и на вершинах Ала-Тау.

КАРЛСТЕДТ, Мария Карловна — учительница в Ташкентской женской гимназии (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 43).

КАУЛЬБАРС, Александр Васильевич фон (14.05.1844, имение Меддерс Вензенбергского уезда, Эстляндская губ. — 25.01.1929, Париж) — лют., генерал от кавалерии, ученый, географ. Из известного баронского рода остзейского дворянства, происходящего от вестфальского уроженца Симона Каульбарса (вторая половина XVI в.), в 1751 г. получено шведское баронское достоинство. В 1868 г. — выпускник Николаевской академии, с 1869 г. — ст. адъютант штаба войск Семиреченской обл., с июня 1870 г. — чиновник для особых поручений при штабе войск ТВО, был в 1870 г. в составе посольства в Кульджу, в 1872 г. возглавил посольство в Кашгар; участник Кульджинского (1871), Хивинского (1873) походов. 1882 — 1883 гг. — военный министр и председатель Совета министров княжества Болгарского, в 1901 г. — командующий войск Одесского ВО, 1905 г. — Одесский генерал-губернатор, участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. В годы службы в Туркестане много внимания и сил уделял исследованию края: первым посетил главный исток р. Сырдарья и обследовал неизвестную часть страны за озером Иссык-Кулем (Материалы по географии

Тянь-Шаня. СПб. 1875); исследовал древнее русло р. Амударья (Древнейшее русло Аму-Дарья // Записки ИРГО по общей географии. Т. 17. № 4. СПб. 1887); сухое русло р. Сырдарья — р. Ян-Дарья. Награжден малой золотой медалью ИРГО (1872) и медалью им. графа Ф.П. Литке (1887). Один из инициаторов создания русской военной авиации, в 1907 — 1908 гг. основал в Одессе первый русский аэроклуб, сам неоднократно летал на аэростатах, дирижаблях, аэропланах, один из руководителей русской авиации на фронтах Первой мировой войны, «первый министр авиации», 1914 — 1915 гг. заведовал организацией авиационного дела в армиях Северо-Западного фронта. После революции мигрировал в Турцию, затем в Болгарию, Францию. Был почетным председателем Союза Русских летчиков. Имел многочисленные награды, золотое оружие с надписью «за храбрость». Похоронен в Париже на кладбище Сент-Женевьев де Буа (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1434. Л. 4; Оп. 2. Д. 1390; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38311. Л. 19; Ф. И-591. Оп. 1. Д. 1; Ф. И-715. Оп. 1. Д. 46. Л. 78-91; ТС. № 89; № 266; НР. Т. 2. С. 42 — 43).

КАУФЕЛЬД, Анна Александровна — преподавательница ручного труда в Ново-Бухарской женской гимназии (на 1917) (ЦГА РУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2547).

КАУФМАН, Александр Аркадьевич (12.03.1864, Берлин — 18.05.1919) — экономист, статистик, преподаватель политической экономии и статистики в вузах Москвы и С.-Петербурга. Из религиозной еврейской семьи — выходцев из Гродно, один из организаторов и лидеров партии кадетов, член Ученого комитета министерства земледелия и госимуществ для выяснения условий отвода земель под русские поселения и организации землеотводных работ в Томской губ. и в Туркестанском крае, автор работ по статистике, аграрным и переселенческим вопросам (В среднеазиатских степях. (Из летних впечатлений) // Мир божий. 1904. № 9. С. 33 — 61, № 10; ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 490. Л. 3; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 254; ТС. № 349. С. 185).

КАУФМАН, Елена Константиновна фон (12.05.1857 — 19..) — прав., дочь К.П. фон Кауфмана. Муж — Петр Алексеевич ХАРИТОНОВ (1852 — 1916). С 17.08.1887 г. Елене Константиновне передано «по наследству в единственную собственность» пожалованное императором Александром II ее отцу К.П. фон Кауфману в 1877 г. имение в Уфимском уезде Бишаул-Унгаровской волости, названное «Еленовка», в состав которого входило 14 деревень. «Господа Харитоновы были рачительными хозяевами. Имение процветало <...> основной доход приносили сельскохозяйственные предприятия и конный завод: 338 голов крупного рогатого

скота, 235 — мелкого скота, 230 — лошадей». В 1912 г. Елена Константиновна подает прошение о переименовании имени в «Константиновку» (возможно как в честь отца, так и в честь младшего сына, который «усердно помогал в благоустройстве деревень, входивших в состав имения»). Дети: Александра (1878), Елена (1879), Константин (1881 — 1942 гг. — выпускник юридического факультета С.-Петербургского университета, служил в Уфимском окружном суде, земский деятель, член III Государственной думы от Уфимской губ., участник Гражданской войны и Белого движения в Сибири, после 1919 г. — старший юрисконсульт в правительстве Колчака, с 1920 г. — в Харбине, член правления Пригородного банка в Харбине, служил в правлении КВЖД, возглавлял Уфимское землячество в Харбине).

КАУФМАН, Константин Петрович фон (19.02.1818, имение Майдана, Царство Польское — 4.05.1882, Ташкент) — прав., инженер-генерал (1874), генерал-адъютант (1864), военный и государственный деятель, 1863 — 1864 гг. — член военного Совета, с 1865 г. — генерал-губернатор Северо-Западного края, командующий войсками Виленского военного округа, 1867 — 1882 гг. — Туркестанский генерал-губернатор, Командующий войсками ТВО. Причислен к Семиреченскому казачьему войску (18.06.1872). Почетный член С.-Петербургской АН (1873), многих научных обществ России. В 1878 г. Ташкентская дума присвоила ему звание «Первый гражданин города Ташкент», в честь его была названа горная вершина на Памире, открытая А.П. Федченко в 1868 г., — пик Кауфмана (с 1928 — Ленина, с 2006 — Абу Али ибн Сино), селение близ Ташкента (Константиновка), несколько туркестанских растений. Награжден многочисленными российскими и иностранными орденами, медалями, почетными знаками. Жена — Юлия Маврикиевна (Берг). Дети: Елена (12.05.1857), Михаил (5.12.1858 — 24.02.1891).

КАУФМАН, Михаил Константинович фон (5.12.1858, С.-Петербург — 24.02.1891, С.-Петербург) — прав., сын К.П.фон Кауфмана, поручик, флигель-адъютант, участник Ахал-Текинского похода М.Д. Скобелева. После окончания Пажеского корпуса служил в конно-артиллерийской батарее, затем командирован в Закаспийский край, находился при штурме Геок-Тепе и занятии Ашхабада (1880 — 1881), отправлен М.Д. Скобелевым в С.-Петербург с донесением о победе. Генерал Н.А. Епанчин (1857 — 1941), военный писатель, в своих воспоминаниях «На службе трех императоров. Воспоминания» (М. 1996) отмечает, что посланник прибыл после убийства императора Александра II и был принят уже

Александром III, который после доклада заметил, что отец назначил бы гонца во флигель-адъютанты и он поступит также. Зачислен во флигель-адъютанты задним числом со 2.03.1881 г. Продолжил службу в лейб-гвардии Конно-артиллерийской бригаде, 24.02.1891 г. покончил жизнь самоубийством, которое «наделало много шума в столичном обществе» и привлекло внимание высших лиц империи. Император Александр III в своем письме наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу, сообщая о самоубийстве, указывал на то, что причиной была «грязная история» в «Аркадии», где его и мичмана графа Толстого побил армейский офицер за их грубость, а «они промолчали и помирились с ним и даже пригласили на следующий день завтракать». Однако история получила огласку, обросла слухами, различными толками. М.К. фон Кауфман «испугался» и, «увидев, что дело плохо, взял да и застрелился». Графа Толстого уволили со службы, «он дрался с офицером Дворжицким на дуэли, но никто не был ранен». Похоронен в С.-Петербурге в Воскресенском Новодевичьем монастыре Новодевичьего кладбища (Русский архив. Т. IX. М. 1999. С. 213 — 250).

КАУФМАН, Михаил Петрович фон (2.11.1821, село Теленешты Оргеевского уезда Бессарабской губ. — 7.01.1902, С.-Петербург, Александро-Невская лавра) — прав., генерал-адъютант, член Государственного совета, государственный деятель. Выпускник Николаевского инженерного училища (1839), Николаевской инженерной академии по 1-му разряду (1842), зачислен в Петербургскую инженерную команду. По собственному желанию перевелся в 1-й Кавказский саперный батальон, участвовал в ряде труднейших экспедициях и боях с горцами. В ходе Крымской войны при «штурме 17 сентября крепости Карс», командуя батальоном Рязанского пехотного полка, был «совершенно отрезан и окружен неприятелем», «ударил в штыки и пробился сквозь ряды турок, не оставив в их руках никакого трофея». За храбрость и отличие по службе награжден орденами, чинами, назначен командиром Навагинского пехотного полка и с ним прошел всю кампанию до 1860 г., когда был откомандирован в Петербург. В 1860 — 1866 гг. — начальник Николаевской инженерной академии, в 1866 г. назначен главным интендантом Военного министерства, с 1874 г. — член, председатель управления Российского общества Красного креста. Во время русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. обратил особое внимание на подготовку женского санитарного персонала, состав которого при нем достиг 3 тыс. сестер милосердия, с 1882 г. — член Государственного Совета. Почетный член С.-Петербургской АН и С.-Петербургского английского обще-

ства. В 1898 г. сложил с себя звание председателя управления РОКК. Похоронен в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры. В 1902 г. его имя присвоено Обществу сестер милосердия РОКК. Имел многочисленные награды. Жена — Елизавета Петровна (Принц). Дети: Петр (1857 — 1926), Алексей (1861 — 1934). С 1914 г. дети М.П. фон Кауфмана носят приставку к фамилии «Туркестанский», унаследованную от К.П. фон Кауфмана (НР. Т. 2. С. 48).

КАУФМАН, Петр Федорович фон (1784 — 1849) — генерал-майор, участник антинаполеоновских войн (1805 — 1815), кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. Дети: Александр (1816 — 1843), Константин (1818 — 1882), Николай (1820 — 1851), Михаил (1821 — 1902) (НР. Т. 2. С. 48).

КАУФМАН (БЕРХ), Юлия Маврикиевна фон (3.08.1820 — 25.08.1906, С.-Петербург) — прав., супруга К.П. фон Кауфмана, почетная попечительница Ташкентской женской гимназии (с 28.11.1879). Н.П. Остроумов, который был представлен супруге генерала 25.11.1879 г., так описывает ее: «Это была уже почтенная старушка, очень рассудительная и просто себя державшая. Она очень здраво и с убеждением говорила со мной о воспитании детей. Между прочим, она высказала, что отцы в деле воспитания детей имеют более влияние, потому, что матери находятся постоянно при детях, и дети, так сказать, приглядываются к матерям и мало их боятся. Madame Кауфман — истинная немка, ни на час без дела. В ожидании завтрака она сидела в столовой и разматывала шерсть. Свое занятие она продолжала и во время разговора со мной <...> Во время завтрака шел разговор, предметом которого были различные педагогические вопросы, причем Madame Кауфман высказывалась спокойно и скромно, но с пониманием дела и с убеждением» (ЦГА РУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3996. Л. 14; Остроумов Н.П. Личные воспоминания. Ташкент. 1898. С. 132).

КАУФМАН-ТУРКЕСТАНСКИЙ, Алексей Михайлович фон (15.11.1861, С.-Петербург — 25.07.1934, Париж) — прав., генерал от кавалерии (1917), сын М.П. фон Кауфмана. После окончания Пажеского корпуса (1881) служил в Кавалергардском полку, в 1898 — 1900 гг. был прикомандирован к русскому посольству в Константинополе, в 1902 г. — Оренбургский вице-губернатор, 1907 — 1911 гг. — командир Сибирского казачьего, Черниговского драгунского, Гродненского гусарского полков. Участник русско-японской и Первой мировой войн, 1914 — 1917 гг. — начальник Уральской казачьей дивизии. В русской армии — до эвакуации из Крыма. Имел многие награды, в т.ч. Св. Георгия 4-й ст. Эмигри-

ровал в Париж, активный член эмигрантских организаций, организовал Гвардейское объединение и был его бессменным председателем, с 1927 г. — председатель Союза Георгиевских кавалеров, член Общества ревнителей памяти Николая II, похоронен в Париже на кладбище Сен-Женевьев де Буа (НР. Т. 2. С. 45 — 46).

КАУФМАН-ТУРКЕСТАНСКИЙ, Петр Михайлович фон (7.06.1857, Тифлис — 6.03.1926, Париж) — прав., надворный советник, государственный деятель. Сын М.П. фон Кауфмана, детство провел на Кавказе, по месту службы отца, окончил с золотой медалью Александровский лицей (1877), службу начал в канцелярии Комитета министров, переведен в МВД, привлечен госсекретарем А.А. Половцевым (который характеризовал его: «весьма умный», «полон благородных стремлений») к разработке важных законодательных актов. С 1892 г. — управляющий делами канцелярии по учреждениям императрицы Марии Федоровны, с 1898 г. — гофмейстер Высочайшего Двора. Стал одним из организаторов и попечителем Общины сестер милосердия РОКК (1900). В годы русско-японской войны — главный уполномоченный Российского общества Красного креста. С 1906 г. — член Государственного Совета, 1906 — 1908 гг. — министр народного просвещения. Многие его проекты в сфере образования не реализованы, но за годы его работы открыто: 139 новых гимназий, 375 частных средних учебных заведений, 52 прогимназии преобразованы в гимназии, упорядочена роль родительских комитетов, выработаны «правила о студенческих организациях», направленные на развитие студенческого самоуправления и др. Де Витте отзывался о нем как «о человеке неглупом и весьма порядочном». После 1908 г. работал в Государственном Совете, в комиссиях по народному образованию. В Первую мировую войну состоял при главнокомандующем в качестве главноуполномоченного ОРКК. В декабре 1916 г. имел мужество сказать лично императору о растлевающе пагубном влиянии Распутина, за что был уволен из ставки. Большое внимание уделял благотворительности, был членом Комиссии по сооружению памятника А.С. Пушкину (нач. 1900-х гг.) в С.-Петербурге. После революции в 1920 г. эмигрировал в Париж. Автор ряда публикаций по общероссийской истории, при этом использовал и семейный архив. Имел многие награды. Похоронен на кладбище Пер-Лашез. Жена — Елизавета Петровна (Эльсен). Дети: Михаил (1888 — 1914) — корнет лейб-гвардии Гусарского полка, окончил Александровский лицей (1907), убит во время Первой мировой войны в бою под Кушеном в Восточной Пруссии (НР. Т. 2. С. 46 — 48).

КЕЙЗЕР, Александр Николаевич (н.д. — 1917, Ташкент) — житель Ташкента, потомок выходцев из Курляндии, учился в С.-Петербурге, выпускник «Петершуле», пошел в армию вместо своего старшего брата, который был женат и имел детей. После армии работал аптекарем в Н.-Новгороде, был утвержден в дворянстве, путешествовал, посетил много святых мест «и приехал атеистом». Жена — Вингельмина (Эзер, ум. в 1933, Ташкент). Дети: Платон (1934, Ташкент), Евгения (н.д. — 1930, Ташкент), Николай (1882 — 1949, Ташкент), Иван (1890 — 1972, Ташкент), Михаил (н.д. — 1915).

КЕЙЗЕР, Александр Федорович (17.01.1886, Тюмень, Тобольская губ. — 21.01.1959, Ташкент) — военный хирург высшей категории, полковник медицинской службы, основоположник пластической хирургии в Узбекистане, профессор (1949). Учился на медицинском факультете Томского Императорского университета, в МГУ, в Базеле (Швейцария, 1912), в 1914 г. получил диплом лекаря, много работал: в Госпитальных хирургических клиниках, в Томском отделении Московского Александрийского госпиталя Красного креста, в 1920 г. — зав. хирургическим отделением Пермского военного госпиталя в Томске. С 1921 г. — в Ташкенте, в медико-санитарной части Туркестанского фронта, служил в Чарджуйском госпитале, с сентября 1922 г. — зав. хирургическим отделением Ташкентского военного госпиталя, с ноября 1931 г. — зав. хирургическим отделением Института неотложной помощи, кандидат медицинских наук (1936), депутат Ташкентского городского Совета (1939), в мае 1940 г. — зав. хирургическим отделением в Акушерско-гинекологической больнице. В 1941 г. — служба в рядах РККА, зачет в общий стаж службы в Красной Армии — 19 лет, звание — полковник медицинской службы. С января 1954 г. работал в НИИ ортопедии и травматологии Ташкента. Пользовался уважением и признанием лучшего хирурга края. Автор более 30 научных работ, статей в журналах: «Новая хирургия», «Военно-медицинский журнал», «Очерки военной гигиены», «Советское здравоохранение в Узбекистане». Имел награды, в том числе орден Ленина (1951), Заслуженный врач УзССР (1941), Заслуженный деятель науки УзССР (1944). Жена — Лилия Семеновна (Попова, 1894 — 1969). Дети: Ростислав (1916 — 1969) (tashkentpamyat.ru).

КЕЙЗЕР, Иван Александрович (1890 — 1972, Ташкент) — будучи студентом естественно-исторического отделения физико-математического факультета С.-Петербургского университета заинтересовался темой «саксаул». Приехал в

Туркестан, работал помощником лесничего III разряда в Тартугайском лесничестве (Кызылординская обл.), где его застала революция, уволился, 6.06.1919 г. переехал в Ташкент, работал в директории по топливу, затем мл. научным сотрудником биологического факультета САГУ, окончил в 60 лет сельскохозяйственный институт. Жена — Мария Валерьяновна — библиотекарь. Дети: Станислава (31.12.1920) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38385. Л. 3).

КЕЙЗЕР, Николай Александрович (1892 — 1949, Ташкент) — гидробиолог, доктор биологических наук (1938), профессор (1939), ученый секретарь САГУ, заслуженный деятель науки Узбекистана. Выпускник естественно-исторического отделения физико-математического факультета С.-Петербургского университета (1916). В Ташкенте — с 1918 г. Один из организаторов Туркестанского университета, в 1929 г. — доцент кафедры зоологии беспозвоночных и гидробиологии биологического отделения физико-математического факультета САГУ, с 1932 г. — заведующий вновь организованной кафедры гидробиологии и ихтиологии САГУ, 1934 — 1936 г. — декан биофака САГУ, с 1937 г. — профессор кафедры гидробиологии (до 1945). Также в 1936 — 1938 гг. — зам. директора Научно-исследовательского института. Проводил энтомологические исследования в юго-восточных районах Кара-Кумов, южных Кызыл-Кумах и на Памире. В целях разведения рыб исследовал рисовые поля и водоемы Узбекистана, водоемы на Памире, что послужило основой развития прудового хозяйства. В 40-х годах проводил исследование Катта-Курганского водохранилища. Автор трудов по истории морфологии, гидрологии озера Иссык-Куль, ихтиологии, зоологии беспозвоночных (более 60 публикаций). Лауреат Государственной премии, награжден «за успешную подготовку квалифицированных кадров для народного хозяйства в связи с 25-летием со дня основания университета» орденом Трудового Красного Знамени (1946) (ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 22. Д. 4. Л. 46, 89; Д. 34. Л. 98; Оп. 32. Д. 3232. Л. 44, 51; Д. 4117. Л. 31, 35; Ташкентский горархив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 276. Л. 133; Д. 767; Д. 768; Бюллетень САГУ. 1925. Вып. 9. С. 63 — 67; Вып. 11. С. 207 — 209; 1934. Вып. 19. С. 216; 1945. Вып. 24. С. 113 — 115; Труды САГУ. Новая серия. Вып. 24. Кн. 9. Ташкент. 1950. С. 320; Узбекская ССР. Энциклопедия Ташкент. 1981. С. 320; Правда Востока. 1946. № 20).

КЕЙЗЕР, Станислава Ивановна (31.12.1920, станция Берказань КазССР) — из семьи служащих, окончила исторический факультет САГУ (1944), преподавала историю в техникуме защиты растений, с 1945 г. — краевед-библиограф в

отделе национальной библиографии Государственной публичной библиотеки Узбекистана им. Навои, где проработала до 1979 г. — более 40 лет. Много труда и внимания вложила в подготовку крупнейших библиографических указателей, таких как ежегодники «Узбекистан», библиографический указатель литературы «История Узбекистана» (Ташкент. 1968) и многих др. указателей. Соавтор статей по краеведческому библиографированию, опубликованных в центральных и местных периодических изданиях (14 статей), неоднократно выезжала в библиотеки республики для передачи своих знаний и опыта молодым кадрам. Увлеченность профессией библиографа-краеведа была смыслом всей ее жизни. «Ее незаурядные способности, неиссякаемая энергия, беспредельная преданность библиографии снискали ей заслуженный авторитет». Награды — медали: «Ветеран труда», «За трудовую доблесть», значок «За отличную работу». Муж — преподаватель Ташкентского суворовского училища (замужем с 1944). Дети: 1 ребенок.

КЕЙЗЕР, Федор-Вильгельм Александрович (1856, Алексотас, Литовское княжество) — лют., коллежский советник, окончил Московское коммерческое училище, преподавал коммерцию и немецкий язык в Тюмени, служил в Государственном банке и его отделениях, в 1888 — 1903 г. — контролер в Бухарском отделении банка. Жена — Анна Васильевна (Словцова). Дети: Вера (н.д.), Евгений (1884), Александр (1886 — 1959).

КЕЛЛЕР — комендант Самаркандской цитадели (ТВ. 1879. № 11).

КЕЛЛЕР, Александр Андреевич (17.05.1911, с. Б.Дмитриевка Актарского уезда Саратовской губ. — 19.01.1983, Алматы) — заслуженный тренер СССР (1963). Из семьи поволжских немцев, уроженцев немецкой колонии Бальтазар: мать — Екатерина Фридриховна (н.д. — 1917), отец — Генрих Кондратьевич (н.д. — 1921). До 1925 г. воспитывался в детдоме, 1925 — 1928 г. — служба в армии, 1929 — 1932 гг. обучался в торгово-промышленном колледже в г. Энгельсе, в 1936 г. окончил Институт физической культуры им. И.В. Сталина, играл за клубные команды Москвы, с 1938 г. — на тренерской работе, 27.01.1939 г. присуждена первая (высшая) тренерская категория. 1938 — 1940 гг. — играющий тренер горьковского «Торпедо», 1940 — 1941 гг. — сталинградского «Трактора». 1941 — 1945 гг. депортирован в Вятский исправительно-трудовой лагерь Кировской обл., работал на лесоповале, затем — тренер «Динамо» в г. Киров. 1959 — 1963 гг., 1971 г. — тренер Ташкентской футбольной команды «Пахтакор». Тре-

нировал команды: «Кайрат» (Алматы, 1964 — 1965, 1967 — 1968), «Терек» (Грозный, 1966 — 1967), «Алга» (Бишкек, 1969 — 1970). 1972 — 1982 гг. — директор футбольной школы Октябрьского района Алматы. Его имя включено в список «Зала славы истории футбола Узбекистана», присвоено турниру по мини-футболу поселка Лесной (бывшая «столица» Вят-Лага). Имел награды, в том числе медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» (1948). Жена — Антонина Пантелеймоновна (Клеванова) — спортсменка-легкоатлетка, брак заключен 24.06.1935. Дети: Виктория (н.д.), Евгения (н.д.), Наталья (1949) (Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981; НР. Т. 2. С. 57).

КЕЛЛЕР, Максимилиан (Александр Рейт Максимилиан) Романович (1843) — купец 2-й гильдии, с сентября 1877 г. — член Городской думы Ташкента, «энергичный и честный предприниматель», с начала 1870 г. безвозмездно выполнял функции депутата от торгового сословия при осмотре и оценке чаев, «приходивших» в Ташкент из России для отправки в соседние ханства. Принимал активное участие в развитии «торговли на правительственных началах», «неоднократно оказывал услуги администрации и общественности», много сделал для улучшения санитарного состояния города, особенно в 1872 г. (эпидемия холеры). Потомственный почетный гражданин Ташкента. За безукоризненное, честное отношение к общественным делам награжден золотой медалью с надписью «За усердие». До приезда пастора (1892) был кистором, исполнял обязанности священнослужителя, затем председатель Церковного Совета евангелическо-лютеранской общины г. Ташкента. «Относясь безукоризненно честно к общественным вопросам и посвящая разработке их все свои силы и познания, Келлер более других деятелей по общественному управлению приносил пользы интересам городского общества и городского хозяйства», — отмечал 12.05.1879 г. военный губернатор Сырдарьинской обл., представляя его к награждению орденом Св. Анны 3-й ст. Награжден «за оказанные им неслужебные отличия» золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте с надписью «за усердие» (14.03.1880); 30.11.1888 г. представлен к золотой медали на Анненской ленте. Жена — Эвелина (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 918. Л. 9 — 12, 18 — 19; Оп. 3. Д. 88. Л. 25. 54, 69; Оп. 28. Д. 69. Л. 113 — 115; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 514. Л. 10, 16; Д. 603. Л. 25; ТВ. 1878. № 7; № 20; 1879. № 5).

КЕЛЛЕР, Маргарита Эдуардовна — преподаватель немецкого языка в Самаркандской и Кокандской мужских гимназиях (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2544).

КЕЛЛЕР, Роман Максимилианович — преподаватель немецкого языка в Чарджуйской Николаевской мужской гимназии (1915 — 1918) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2545).

КЕРЕР, Рудольф Рихардович (10.07.1923, Тбилиси — 29.10.2013, Цюрих, Швейцария) — музыкант-исполнитель, народный артист СССР (1983). Из семьи настройщика фортепиано. Талант музыканта проявился рано, обучался в группе одаренных детей в Тбилисской консерватории. В октябре 1941 г. сослан с братом и матерью в Казахстан в с. Славянка, окончил заочно физико-математический факультет Чимкентского педагогического института (1952), переехал в поселок Пахта-Арал, преподавал математику в старших классах средней школы, возобновил игру на рояле. В 1954 г. поступил на 3-й курс Ташкентской консерватории, окончил с отличием (1957), преподаватель консерватории, выступал с гастроями. В 1961 г. завоевал 1-ю премию на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей, куда был допущен в порядке исключения из-за возраста (37 лет). С 1961 г. — солист Московской филармонии, преподаватель, с 1979 г. — профессор Московской консерватории. В начале 1990-х годов выехал в Германию, в Гамбург. В течение 8 лет преподавал в Венской консерватории, в 1998 г. переехал в Цюрих. Снялся в фильме «Аппассионата» в роли И.Н. Добровейна, в 1977 г. удостоен Премии Роберта Шумана (ГДР) (Ушел из жизни великий пианист // Панорама. 2014. № 2).

КЕССЛЕР, Карл (Фридрих) Федорович (19.11.1815, Дамрау Кенигсбергский округ — 3.05.1885, С.-Петербург) — ученый-зоолог, профессор Киевского, затем С.-Петербургского университетов, член-корреспондент Петербургской АН (1874), составил описание ихтиологической картины и фауны Волги, Каспийского и Аральского морей. Труд: «Рыбы, водящиеся в Арало-Каспийско-Понтийской ихтиологической области» (СПб. 1877). Большое внимание уделял охране рыбных богатств, в том числе в Туркестане, положил начало регулярных всероссийских съездов естествоиспытателей и врачей, основатель С.-Петербургского общества естествоиспытателей (ЦГА РУз. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 24. Л. 1; ТС. № 42. С. 123; НР. Т. 2. С. 77 — 78).

КИНЕЛЬ, Евгений Эмильевич — хирург Узбекистана, работал в Ташкенте (до 1937), его отец КИНЕЛЬ Эмиль — фельдшер, работал в 1914 г. в военном госпитале № 159 в отделении для военнопленных.

КИТНЕР, Иероним Севастьянович (1839, С.-Петербург — 1929, Гейдельберг, Германия) — тайный советник, петербургский архитектор, академик архитектуры

(1867), представитель «кирпичного стиля» в архитектуре. Выпускник и позднее профессор Строительного училища в С.-Петербурге, строитель многих зданий города, почетный член Императорской Академии художеств (1911), проектировал и строил крупные здания в Москве, Киеве, Пензе, принимал участие в застройке городов Туркестана (Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981; НР. Т. 2. С. 93 — 94).

КЛЕЙН, Георг — пекарь из с. Константиновка.

КЛЕМЕНЦ, Дмитрий Александрович (15.12.1848, с. Горяиновка Самарской губ. — 8.01.1914, Москва) — действительный статский советник, революционер-народник, прозаик, поэт, публицист, археолог, этнолог, путешественник. Отец — Иосиф Христофорович Книпер — выходец из Курляндии. Мать — мелкопоместная дворянка. Выпускник физико-математического факультета С.-Петербургского университета (1872), стоял у истоков героического «хождения в народ», скитался по России, проводил пропаганду, волонтер в Сербии и Черногории, предпринимал попытку освобождения Чернышевского, сотрудничал в легальных изданиях. В 1879 г. сослан в Сибирь (жил в Минусинске, Томске, Иркутске). Много путешествовал по Сибири и Монголии. С 1897 г. — снова в Петербурге, один из создателей этнографического отдела Русского музея Александра III. В 1898 г. совершил экспедицию в Турфан (Восточный Туркестан), где открыл неизвестную ранее древнюю культуру, собрал коллекцию уникальных памятников письменности, культуры, искусства, быта уйгур. По результатам исследования опубликовал труд на нем. языке «Турфан и его древности» (СПб. 1899). По его инициативе создана Международная ассоциация по изучению Центральной Азии, ее немецкие участники позднее совершили несколько экспедиций по следам открытий Д.А. Клеменца, но сам он из-за материальных затруднений в экспедиции больше не был. Награжден серебряной медалью ИРГО (1886). Жена — Елизавета Николаевна (Зверева, 1854 — 1914) (НР. Т. 2. С. 111 — 113).

КЛЕММ, Василий (Вильгельм) Оскарович фон (1861, С.-Петербург — 1938, Берлин) — переводчик, выпускник Лазаревского института восточных языков в Москве, с 15.07.1885 г. служил в Азиатском департаменте МИД, с 10.12.1889 г. — политический агент в Бухаре, 1893 г. — дипломатический чиновник для пограничных сношений при начальнике Закаспийской обл. генерал-лейтенанте А.Н. Куропаткине, с 14.02.1900 г. — первый российский генеральный консул в Бомбее, с 1905 г. — консул в Мешедде, с 1908 г. — чиновник особых поручений при Министерстве иностранных дел. После революции — дипломатический

представитель Колчака во Владивостоке, мигрировал в Китай, в начале 1930 г. — в Германию (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 716. Л. 1; Ф. И-2. Оп. 2. Д. 2. Л. 20; Ф. И-717. Оп. 1. Д. 18. Л. 48 — 50).

КЛОПМАН, Ульрих Эмильевич фон — барон, титулярный советник, журналист, служащий управления по сооружению Семиреченской железной дороги (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 126).

КЛЮГЕ, А. — учитель в г. Пишпеке (конец XIX в.).

КНОП, Л. — хозяин торгового дома в г. Намангане (1915).

КНОТ, Анна Георгиевна — учительница приходского училища в с. Солдатское Ташкентского уезда.

КОЛПАКОВСКИЙ, Герасим Алексеевич (1819, Харьковская губ. — 23.04.1896, С.-Петербург, Александро-Невская лавра) — генерал-лейтенант, один из крупнейших деятелей завоевания Центральной Азии, «человек большого природного ума, необычной энергии и неутомимый труженик», «простой и ровный в обращении». Участник завоевания Кавказа, Венгерской кампании (1848), в 1860 г. — участник Зачуйской экспедиции полковника А.Э. Циммермана, штурмов Пишпека и Токмака. 1862 г. — начальник войск Семипалатинской обл., с 1865 г. — военный губернатор Семиреченской обл. и наказной атаман Семиреченских казаков. В течение 25 лет управлял Семиреченским краем, из них 15 лет — в должности военного губернатора. Как отмечали современники, на его долю выпало быть «главным образом строителем и охранителем тыла». В Семиреченской обл. проходила так называемая «вольная колонизация», т. е. заселение пустопорожних земель без правил, утвержденных в законодательном порядке, по усмотрению местных властей. Это требовало особого напряжения руководителя в управлении вверенного ему края. С 1882 г. — губернатор Степного генерал-губернаторства. В 1889 г. зачислен в члены Военного Совета, покинул Центральную Азию и отбыл в Петербург. С 12.01.1911 г. зачислен Вечным шефом 1-го Семиреченского казачьего полка. Его именем был назван проспект в г. Верном (позднее — Ленина, ныне — Достык). Жена — Меланья Фоминична (девич. Эмилия Чемберг, 1831 — 28.12.1894) — покровительствовала науке, искусству, занималась попечением образования, «четверть века посвятила благоустройству Туркестанского края» (В.Н. Проскурин). Дети: Мария (1856 (?)), Александра (1860), Михаил (1864), Григорий (1867) (ТС. № 521. С. 30 — 102; Украина. 1896. № 25; Остроумов Н.П. Личные воспоминания... Ташкент. 1899. С. 62 — 63).

КОППЕР, Герхард (Гергард) Петрович — меннонит, окончил курсы Коппентальского училища Новоузенского уезда Самарской обл. (26.01.1893), с 1893 г. — учитель начального училища с. Романовского. Жена — Маргарита Францевна (Эпп). Дети: Елизавета-Маргарита (2.01.1894) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2547; Ф. И-713. Оп. 1. Д. 8. Л. 36 — 37).

КОХ, Владимир Матвеевич фон (28.02.1863 — после 1928, Москва) — полковник, военный педагог, выпускник Нижегородской графа Аракчеева военной гимназии (1879), в 1881 г. по окончании 3-го Александровского военного училища прикомандирован к лейб-гвардии Волынскому полку. После окончания Александровской военно-юридической академии с 21.06.1892 г. — капитан военно-судного ведомства. 1.06.1893 г. — 25.02.1895 г. — кандидат на военно-судную должность. С 25.02.1895 г. — помощник инспектора, с 11.08.1905 г. — инспектор классов Оренбургского кадетского корпуса, с 10.08.1908 г. — директор Ташкентского наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича кадетского корпуса — до весны 1918 г. Почетный мировой судья Ташкентского окружного суда. Любитель-виолончелист, после революции — преподаватель, член правления Туркестанской народной консерватории — первого музыкального учеб. заведения в Центральной Азии. Уехал в Москву (СЛ. С. 14).

КОХ, Вольдемар Эдуардович — директор Кокандского электрического общества (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1880. Л. 4).

КОХ, М.А. — владелец часовой мастерской в Самарканде.

КОХ, Э.В. — инженер, представитель «Шлиссельбургской мануфактуры», служащий Среднеазиатской железной дороги.

КРАББЕ, Леонид Карлович (16.04.1868, Москва — 1914) — прав., из дворян княжества Финляндского, полковник, окончил 2-й Московский кадетский корпус, 3-е военное Александровское училище. В службу вступил 26.08.1885 г., прослужил более 30 лет. В Туркестане — с 11.08.1886 г., поручик 3-го Туркестанского стрелкового батальона, капитан (6.05.1901). В 1910 — 1913 гг. — начальник хозяйственной части 1-го Туркестанского полка, полковник (6.05.1914), член правления Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне и их семьям, руководил сооружением первого общественного фонтана в Ташкенте, принимал участие в подготовке выставки 1909 г., участник русско-японской и Первой мировой войн, погиб в бою. Награжден орденами: Св. Анны 3-й ст. (1896), Св. Станислава 3-й ст. (7.09.1901) (ЦГА Рз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 43 — 44; 92 — 93; ТВ. 1879. № 51).

КРАББЕ, Николай Карлович (19.09.1814, Тифлис, Грузия — 15.01.1876, С.-Петербург) — прав., государственный деятель, контр-адмирал, восьмой военный министр Морского ведомства (1860 — 1874), исследователь Центральной Азии. В 1839 г. — участвовал в экспедиции графа Перовского в Хиву для изучения водных путей, в 1842 г. командирован в Персию для пресечения морских разбоев туркмен, за что награжден персидским правительством орденом Льва и Солнца 2-й ст. В 1846 — 1847 гг. в походе через пески Каракумской пустыни для изучения р. Сырдарья командовал колонной провел описание водного пути, изучил особенности течения реки и вышел в Арал: транспортировал и собирал баркасы на берегу реки (судно «Николай», на котором капитан Митурич вниз по р. Сырдарье вошел и совершил первый рейс по Аралу, в 1848 г. экспедицию продолжил капитан А.И. Бутаков). Много сделал для развития русского флота, создавал первые базы на Дальнем Востоке, боеспособные океанские эскадры, перевооружил флот. В его честь назван полуостров в Приморье. Имел многие российские и зарубежные награды, похоронен в Александро-Невской лавре (НР. Т. 2. С. 206 — 207).

КРАЗЕ, Иероним (Карл Иерони Дитрих) Иванович (19.01.1845, с. Цытовяну Ковенской губ. — 8.08.1909, Ташкент) — лют., статский советник, ботаник, аптекарь, медик. Открыл Соборную и Махрамскую аптеки в Ташкенте. Исследователь, изучал народную медицину, лекарственные свойства растений, горных источников. Предприниматель (маслобойный завод — 1872, аптеки, амбулатория для бедных), ходатайствовал о разрешении в Туркестане приготовления и торговли бузой. Участник Хивинского похода (1873). Президент Церковного совета лютеран Ташкента, общественный деятель, «даровитый работник» (по определению К.П. фон Кауфмана), вместе с сыновьями один из создателей угольной промышленности в крае (в местности Джанбулак Ходженского уезда). Действительный член Петербургского, Почетный член Московского фармацевтических обществ, гласный Ташкентской городской думы, попечитель детского приюта, городской больницы, основатель первого детского садика, член многих научных обществ. Автор статей о флоре Подмосковья и Туркестана (Заметки о медицинских и некоторых промышленных растениях в Средней Азии // ТВ. 1871. № 25). Имел многочисленные благодарности, ордена: Св. Станислава 3-й ст., 2-й ст.; Св. Анны 3-й ст., 2-й ст.; Св.Владимира 4-й ст.; бухарской золотой Восходящей звезды, около 50 медалей и Похвальные грамоты. Его именем названы более де-

сяти туркестанских растений. Жена — Екатерина Матвеевна (Халина) — долгие годы председатель Ташкентского отделения Туркестанского благотворительного общества. Дети: Борис (27.04.1879), Надежда (2.09.1881), Сергей (3.09.1884 — март 1938) — арестован, расстрелян, похоронен в Ленинграде, Нина (20.01.1886), Николай (3.06.1887 — 13.02.1950) — известный хирург, ортопед, педагог, профессор, автор многих новых методов и инструментариев в хирургии, похоронен в Саратове, Вера (Коротова, 20.04.1893) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 56. Л. 11 — 12; Оп. 2. Д. 4530; Оп. 13. Д. 134. Л. 115; Оп. 16. Д. 1996; Оп. 19. Д. 305; Оп. 20. Д. 453; Д. 3654; Д. 7472; Д. 9481; Оп. 27. Д. 554. Л. 5 — 7; Ф. И-7. Оп. 1. Д. 2446; Д. 2481; Д. 5244; Д. 5245; Д. 5572; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 35727. Л. 1; Ф. И-18. Оп. 1. Д. 13196; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 305; Д. 28418; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 286; Ф. И-462. Оп. 1. Д. 226; Ф. И-718. Оп. 1. Д. 1; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 2. Л. 26; ТВ. 1871. № 25; 1879. № 23; № 44; Украина. 1894. № 55; ТС. № 441. № 510. С. 65 — 75; № 512. С. 1 — 14; № 535. С. 155; Пшеничникова Г.Н. Профессор Николай Иеронимович Краузе // Известия медицинского университета. Саратов. 2007. № 11 (87); Сорокина М.Ю. Туркестанский пленник // Природа. 2005. № 8. С. 91 — 96; НР. Т. 2. С. 213; grwar.ru).

КРИГЕР, Фридрих Фридрихович — коллежский асессор, инженер путей сообщения, начальник 7-го участка Закаспийской железной дороги (1907) (СЛ. С. 79).

КРУЗЕ, Павел Арнольдович — надворный советник, начальник почтово-телеграфной конторы в г. Ургенч (1907), г. Чикишляр (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 28; СЛ. С. 31).

КРУЗЕНШТЕРН, Э.И. — разработчик нефти в Кокандском уезде.

КРУКОВСКАЯ (БУРЭ), Софья (София-Амалия-Тереза) Карловна (1861, Астрахань — 8.02.1943, Ташкент) — прав., педагог, библиотекарь, писатель. Отец — Карл Иванович Бурэ — из эстонских немцев, владелец шорно-извозного предприятия в Астрахани (сопровождал в 1857, 1859 российского чиновника в Иран), племянник известного швейцарского часовщика. Мать — Елизавета Ивановна Грюнбаум — образованная женщина, в молодости чтица у графини Шуваловой, домохозяйка, воспитала 4-х дочерей (Софья, Ольга — земский врач, Аделаида — фельдшер, Мария — телеграфистка). Софья Карловна окончила Астраханскую гимназию, Бестужевские курсы и географическое отделение Педагогического института по специальности учитель естествознания и географии в С.-Петербурге. По идейным соображениям, сменив лютеранское по рождению

вероучение на православное, как того требовали правила Министерства просвещения России, уехала в маленькую деревню Псковской обл., где работала учительницей младших классов. Вышла замуж за Круковского Михаила Антоновича (1865 — 1936) — сельского писаря, секретаря уездного правления, в последствии — детского писателя, географа, исследователя и этнографа, семья переехала в Петербург. Была редактором издаваемого вместе с мужем «литературно-иллюстративного журнала для детей школьного возраста» познавательного характера «Товарищ» (1899 — 1903, в 1903 издан в качестве иллюстративного приложения «Альбом «Россия в картинках», 8 выпусков), занималась переводами с английского, французского, немецкого языков произведений западноевропейских писателей, в том числе В. Гюго, А. Доде, М. Твена (перевод (1895) на русский язык его произведения «Принц и нищий» 5 раз переиздавался типографией И.Д. Сытина). 1904 — 1907 гг., когда наметился ее разрыв с мужем, жила с 4 детьми в имении «Черная Мыза» Новгородской губернии. 1907 — 1918 гг. — преподаватель географии в Тверском городском женском коммерческом училище, затем — библиотекарь в рабочей библиотеке Берговской фабрики. Вместе со старшим сыном переехала в начале 1920 г. в Новосибирск, где работала в библиотеке. Осенью переехала в Ташкент, 1920 — 1930 гг. — заведующая библиотекой им. Л.Н. Толстого (позднее М. Горького), все годы была председателем объединения библиотечных работников массовых библиотек Ташкента. За активную трудовую и общественную деятельность награждена званием «Герой труда» (1930). Соч.: Великая пустыня. Описание Сахары (1899, 1924); Астраханский край (1904); Китай: Очерки жизни и нравов Небесной империи (1890, 1904); Переводы: В. Гюго. Девяносто третий год; А. Доде. Прекрасная Нивернеза — рец. «Русская мысль». 1899. № 7. С. 259; М. Твен. Принц и нищий (1895); с норв. Ионас Ли. Осужденный на век (1896), пер. прозой Басни Лафонтена (1897), с нем. пьесы Карла Августа Виттфогеля: Красный солдат, Беглец. (М.-Пг. 1923) и др. Дети: Софья (1896 — 1984) — филолог, искусствовед; Всеволод (1897 — 1940) — служащий НКВД, арестован 23.08.1938 г., расстрелян 19.01.1940 г. за «участие в контрреволюционном военном заговоре в системе НКВД», реабилитирован 3.04.1959 г. (дети: Георгий (1921 — 1964) — полковник-артиллерист; Игорь (1923 — 1944) — погиб под Яузой; Феликс (1927 (?) — 1950) — участник войны с Японией, похоронен в Краснодаре; Вадим (1936, Оренбург) — преподавал литературу, пенсионер); Лев (1895 — 1943) — преподавал в Саратове, где и похоронен

(дети: Елена — живет в Ташкенте, преподавала химию в ТашГУ; Глеб (1935 — 1996) — геолог, кандидат наук, альпинист); Юрий (1900 — 1937) — известный в Узбекистане поэт, писатель, репрессирован)) (ЦГА РУз. Ф. 2681-личный Н.Г. Чаброва. Оп. 1. Д. 349; Лаврентьева Л.С. Иллюстрированные коллекции М.А. Круковского // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ в 2007. СПб. 2008; petergen.com).

КРУКОВСКАЯ, Софья Михайловна (27.02.1896, С.-Петербург — 1984, Ташкент) — филолог, искусствовед, писатель. Дочь Софьи Карловны (Бурэ). Окончила с отличием Тверское городское женское коммерческое училище (1915), Московские высшие женские курсы проф. В.И. Гирье на историко-филологическом факультете МГУ (1916 — 1917). После революции обучалась на краткосрочных курсах по внешкольному образованию при Московском городском народном институте им. А.Л. Шанявского, курсы давали специальное библиотечное образование. В 1918 — 1926 гг. работала в Уфимской губернии, в Уфе — инструктор библиотечного дела Уфимского гороно, зав. Аксаковской русской библиотекой Башкирии, экскурсовод. В 1926 г. переехала в Ташкент; библиотечный работник массовых библиотек: Узбекхлопка (1927 — 1928), Профинтерна (1928), Таштрама (1929). С 1930 г. — сотрудник Государственной публичной библиотеки им. А. Навои: библиотекарь выдачи, зав. отделом выдачи, зав. массовым отделом, библиограф, читала лекции по справочно-библиографической работе на библиотечных курсах. С 1938 г. по 1945 г. — зав. научной библиотекой Государственного музея искусств УзССР. 1945 — 1966 гг. — научный сотрудник, ученый секретарь, заведующая отделом западноевропейского, русского и советского искусства, заместитель директора по научной работе музея. В 1945 — 1948 гг. читала спецкурсы «Введение в изучение искусства» и «Искусство книги» на кафедре искусствознания САГУ. В 1953 г. экстерном окончила истфак САГУ. Автор 30 печатных работ, статей и буклетов о художниках Узбекистана, об искусстве народов Узбекистана, первых трех путеводителей по музею, методических материалов по эстетическому воспитанию, рассказов для детей, подготовила альбом «Государственный музей искусств Узбекистана» (1968), справочно-библиографическое издание «В мире сокровищ» (1864, 1982), сборники «Художники Узбекистана», «Русские художники в Средней Азии», автор публикаций в журнале «Звезда Востока» и др. изданиях. Сохранились неизданные рукописи по библиотечной работе, а также объемные мемуарные «Воспо-

минания», фрагменты из которых относятся к истории библиотек и культурной жизни города. С 1945 г. — член Союза художников Узбекистана. С 1966 г. — на пенсии, имела награды и благодарности (1929 — 1940). Дочь от второго брака (1929 — 1940) Елена (1932). Национальная библиотека Республики Узбекистан им. А. Навои провела 3.04.2001 г. заседание научного кружка, посвященное ее памяти (ЦГА РУз. Ф. 2665-личный (268 дел); Ф. 2681-личный Г.Н. Чаброва. Д. 530; Д. 532; Д. 564; Д. 643).

КРЮГЕР, Г. — коллежский асессор, был известен К.П. фон Кауфману в бытность его губернатором Северо-Западного края как участник перестройки здания музея в Вильно. Обратился 10.11.1874 г. при содействии А.И. Резанова (ректор по архитектуре Императорской Академии искусств) с письмом к К.П. фон Кауфману, выражая «желание работать в Туркестане», а также свой восторг «по поводу возможности предстоящей новой карьеры». Резолюция К.П. фон Кауфмана на письме: «Охотно принимаем Ваше предложение <...> определить Г. Крюгера на архитектурную должность». Был назначен архитектором Ферганской обл. (1874) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 7511. Л. 3; Ф. И-276. Оп. 1. Д. 495; Ф. И-715. Оп. 1. Д. 46. Л. 78 — 91; ТВ. 1878. № 6).

КРЮГЕР, Галина Фридриховна — служащая Туркестанского почтово-телеграфного округа (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 29).

КРЮГЕР, Павел Николаевич — служащий конторы «Георгард и Гей» в Коканде, доверенный Кокандского отделения Московского купеческого банка (ЦГА Рз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1880).

КРЮДЕНЕР, Варвара (Юлианна Барбара фон Фитингоф) фон (11.11.1764, Рига — 13.12.1824, Крым) — баронесса, внучка фельдмаршала Х.А. Миниха — писательница, автор сентиментальных романов, мистик-прорицательница, игравшая довольно активную роль в «высокой политике» при европейских дворах, в том числе с 1815 г. была лично знакома с императором Александром I, который на некоторое время был под ее влиянием. Предвещала битву неверия против веры, великие события и перевороты, призывала к созданию единой христианской семьи. Ее проповеди, несмотря на неопределенность, производили на многих слушателей сильное впечатление, и они, распродав свое имущество, шли с обжитых мест к подножью горы Арарат основывать царство Христово на земле. О ней упоминали в своих произведениях А.С. Пушкин и А.Н. Толстой. Муж — Бурхард-Алексис-Константин Крюденер (1746 — 1824) — российский дипломат

в Париже. Дети: Пауль-Людвиг (Павел Алексеевич) (31.01.1784, Митава — 10.02.1858, Берн) — российский дипломат; Юлиана — сподвижница матери (НР. Т. 2. С. 248 — 249).

КУБЕ, Леон Карлович фон (1845) — лют., надворный советник, окончил 26.05.1867 г. императорское правоведческое училище, в течение двух лет получал юридическое образование в университетах Франции и Германии. Назначен директором С.-Петербургского попечительства о тюрьмах, член особой комиссии для достижения цели о религиозно-нравственном образовании арестантов. В 1871 г. назначен инспектором типографий, литографий и тому подобных заведений С.-Петербурга. С 23.05.1876 г. прибыл в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, делопроизводитель военного отдела канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, с 22.09.1876 г. — Казалинский уездный судья, в 1881 г. — член Редакционной комиссии по составлению нового проекта «Положения об управлении в областях Туркестанского генералгубернаторства», в 1884 г. переведен на службу в МВД. Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (2.04.1879) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 9629; Оп. 33. Д. 304. Д. 80 — 112; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 561; Д. 3624; Д. 38301. Л. 1 — 19; ТВ. 1879. № 20).

КУМБЕРГ, Иван Юльевич — надворный советник, врач Амударьинского отдела (1898) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2742).

КУН, Александр (Максимилиан) Карлович фон (11.07.1878) — преподаватель немецкого языка С.-Петербургской гимназии и Реального училища Гуревича. С 1.11.1909 г. — в Ташкентском реальном училище, 1911 — 1913 гг. — в Чарджуйской Николаевской мужской прогимназии, с 1915 г. — в Самаркандской гимназии (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3744. Л. 1, 110; Д. 2545; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 65).

КУН, Александр Людвигович (1840, Ставрополь — 24.10.1888, Вильнюс) — католик, титулярный советник, востоковед, исследователь, писатель. Выпускник С.-Петербургского университета (1864), 1.05.1865 г. — пом. ответственного ревизора департамента Морских отчетов. С 11.06.1866 г. определен столоначальником канцелярии Оренбургского генерал-губернаторства. В 1968 г. направлен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, «хлопотливый деятель»: собрал коллекцию рукописей в Самарканде, вел поиски остатков библиотеки Тимура, обнаружил знаменитый «Коран Османа» в мечети Ходжа Ахрара, написанный на коже газели кувическим письмом. После экспедиции в горные районы в 1870 г. выдвинул положение о том, что ягнобцы — потомки согдийцев, на кото-

рое ссылался академик К.Г. Залеман в «Ягнобских этюдах»; в 1871 — 1872 гг. будучи «прикомандирован» к Зеравшанскому округу «для этнографических, географических и исторических ученых исследований» принимал участие в Искандеркульской экспедиции А.П. Федченко, составил в 70-х гг. «Туркестанский фотографический альбом», содержащий 1262 снимка на 447 картонах по разделам: этнографический, археологический, исторический и промысловый (всего было изготовлено 7 экземпляров, однако число признано не всеми исследователями), разобрал и исследовал архивы хивинских ханов (1873), автор идеи составления для русских жителей края транскрибированного кириллицей словаря местных языков, 1.01.1876 г. — 20.09.1882 г. был главным инспектором народных училищ края. С 1882 г. — помощник инспектора училищ в Вильно. Публиковал работы о Туркестане (Очерк Кокандского ханства. СПб. 1886; Поездка по Хивинскому ханству. 1873; Очерки Шахриязбского бекства. 1880). Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (1873); Св. Анны 2-й ст. (1872); Св. Владимира с мечами 4-й ст. (1874); медалью «За Хивинский поход» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 15. Д. 69; Оп. 16. Д. 2318; Оп. 20. Д. 872; Д. 1693; Д. 2519. Л. 1 — 20; Д. 3001п/с. Л. 1 — 5; Д. 3798; Д. 3879; Д. 3954; Д. 4058; Д. 5265; Д. 5272; Д. 6272; Д. 6567; Д. 8809; Оп. 24. Д. 22; Оп. 33. Д. 336. Л. 199 — 201; Д. 451. Л. 1 — 11; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 514. Л. 38; Д. 584; Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3744; Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 74. Л. 27; Д. 81. Л. 69; ТВ. 1883. № 40; 1879. № 51; 1883. № 40; 1888. 22 ноября (некролог); 1892. №.11; 1899. №№ 35; 36; 39; 40; Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент. 1962. С. 55; ТС. № 83. С. 172 — 177; № 357. С. 127; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 337, 344).

КУН, Владимир Николаевич — профессор исторического факультета ТашГУ, исследовал тему «Монгольское нашествие на Русь» (Ташкентский горархив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 875).

КУПФЕР, Виктор Вильгельмович — коллежский советник, чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, служащий Ташкентской казенной палаты (1907) (СЛ. С. 16).

КУРОПАТКИН, Алексей Николаевич (29.03.1848, Псковская губ. — 6.01.1925, с. Шешурино Тверской обл.) — генерал-адъютант, талантливый администратор, участник Туркестанских походов, 1890 — 1898 гг. — начальник Закаспийской обл., много сделал для развития этого края, обеспечил постройку железной дороги от Мерва до самой южной точки Туркестана, где заложил на

границе с Афганистаном сильную крепость Кушка. Участник русско-японской войны, главком войск на Дальнем Востоке, 1898 — 1904 гг. — военный министр, 1915 — 1916 гг. — командующий Гренадерского корпуса, июль 1916 — 2.05.1917 гг. — последний 13-й Туркестанский генерал-губернатор, военный писатель. Имел многие награды.

КУФЕЛЬД, Фердинанд Генрих Соломонович — меннонит, народный учитель, староста в с. Константиново Ташкентского уезда (1898), его сын — Виктор — активный участник гражданской войны в Средней Азии (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 167).

ЛАВИНГ, Альфред Георгиевич (1887) — лют., служащий Кокандского отделения Московского учетного банка (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 179).

ЛАМЗДОРФ, Георг Фридрихович — граф, нотариус Ташкента.

ЛАНГЕ, Андрей Андреевич — служащий Туркестанского почтово-телеграфного округа (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 21).

ЛАНГЕ, Октавий (Отто) Константинович (2.03.1883, с. Карабчиевцы Подольской (ныне Хмельницкой) губ. — 3.12.1975, Москва) — ученый, один из основателей гидрогеологической науки в России, геолог широкого профиля и энциклопедических знаний, гидрогеолог, доктор геолого-минералогических наук (1940), 1926 — 1975 г. — профессор МГУ, заслуженный деятель науки УзССР (1936). Организатор и руководитель кафедр гидрогеологии: в 1920 — 1923 гг. — Московской горной академии, 1926 — 1930 гг. — САГУ, 1930 — 1935 гг. — Московского гидрометеорологического института, 1930 — 1940 гг. — Среднеазиатского индустриального института, 1953 — 1964 гг. — МГУ. После окончания естественного отделения физико-математического факультета Новороссийского (Одесского) университета и того же отделения МГУ оставлен при университете в 1912 — 1914 гг. сверхштатным, затем в 1914 — 1919 гг. ассистентом кафедры геологии, получил степень магистра (1916). В 1919 — 1924 гг. — хранитель Геологического музея. С 1924 г. — доцент, с 1926 г. — профессор МГУ, с осени 1933 г. — профессор кафедры геологии геолого-почвенного факультета МГУ. 1941 — 1943 гг. — эвакуация в Ташкент, 1942 — 1943 гг. — декан горного факультета Среднеазиатского политехнического института. Заведующий кафедрами динамической геологии Среднеазиатского (1943) и Московского (1943 — 1953) университетов. 1947 — 1957 гг. — ст. научный сотрудник Лаборатории гидрогеологических проблем им. Ф.П. Саваренского АН СССР. В Центральной

Азии работал с 1924 г.: был направлен вместе с группой гидрогеологов для постоянной работы в САГУ, организовывал кафедру гидрогеологии, при ней научно-исследовательский кабинет, заведовал гидрогеологической частью Управления водного хозяйства Туркестана (Туркводхоз) в Ташкенте, был участником экспертизы строительства Тахта-Базарской плотины на р. Мургаб, преподавал до 1940 г. на геологическом отделении физмата ТашГУ и в Индустриальном институте, с 1935 г. — один их организаторов и действительный член Комитета наук при СНК УзССР, на основе которого создана в 1943 г. АН УзССР. Внес вклад в разработку теоретических вопросов геологии, инженерной геологии и истории геологии, руководил инженерно-геологической съемкой по трассе Турксиба, Туркестанского канала и в других районах Центральной Азии, исследовал проблемы селевых потоков, предложил новую схему их классификации. Занимался проблемами водоснабжения и ирригации, изучал подземные воды: в 1915 — 1916 гг. в Бессарабии, в 1924 — 1949 гг. в Центральной Азии. На основе регионального исследования края разработал учение о зональности грунтовых вод. Разработал также принципы гидрологического и инженерно-геологического картирования. Вопросы инженерной геологии рассматривал главным образом применительно к Центральной Азии, в связи с проектированием гидроэлектростанций, строительства ирригационных каналов, сети водоснабжения, железнодорожных путей. Автор свыше 200 научных и педагогических работ, учебников по гидрогеологии и общей геологии. Член ряда научных обществ и комитетов. Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями. Первый том трехтомного издания «Гидрогеологические и инженерно-геологические условия Узбекистана» (Ташкент. 1963) посвящен О.К. Ланге в связи с его 80-летием и 55-летием научной и педагогической деятельности. «Благодаря крупным сводным работам в этой области Узбекистан стал одним из центров горной гидрогеологии в Союзе» (ЦГА РУ. Ф. 837. Оп. 22. Д. 4. Л. 32; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 302; Социалистическая наука и техника. 1936. № 2. С. 113 — 114; НР. Т. 2. С. 273 — 274).

ЛАУБАХ (ЛЯУБАХ), Иван и его брат Адам — предприниматели, владельцы конфетных фабрик в Ташкенте, активные члены евангелическо-лютеранской общины города.

ЛАУТ, Розалинда Бернгардовна (1925, немецкая колония Страсбург Одесской обл. — 1994, Висбаден, Германия) — народная артистка Узбекистана, ведущая

солистка Узбекского государственного академического театра оперы и балета им. А. Навои, преподаватель пения Ташкентской консерватории, лауреат государственной премии СССР. Отец — Бергард Лаут — учитель математики в немецкой школе, потомок выходцев из Баден-Вюртенберга, один из четверых детей богатого крестьянина, владельца обширных виноградников и нескольких домов в колонии, на средства которого был заказан и установлен в октябре 1917 г. орган в кирхе колонии, раскулачен в 1929 г. и сослан на Север на побережье Белого моря. Мать — Катарина Лаут (урожд. Хильцендегер) — служащая, одна из восьмерых детей большой семьи Петра Хильцендегера, 25 лет прослужившего в царской армии, затем торговца сплавленного леса, владельца чугунолитейного завода, расстрелян большевиками. В 1930 г. родители вместе с родственниками вынуждены были покинуть колонию и переселиться в Одессу, в т.н. «Немецкий двор» (немецкий квартал в центре города вокруг евангелическо-лютеранской кирхи, включавший немецкий сельскохозяйственный техникум, немецкую среднюю школу № 39, детский сад, спортивный зал). Мечтам Розалинды, унаследовавшей от матери любовь к музыке и прекрасный голос (лирико-драматическое сопрано), о поступлении в Одесскую консерваторию не суждено было сбыться. В ночь на 6.08.1937 г. отец и еще пять родственников были арестованы за «многолетнюю подрывную деятельность и шпионаж в пользу Германии» и расстреляны (ныне реабилитированы). Мать и дочь были переселены на окраину города, затем после оккупации Одессы румынскими войсками высланы как фольксдойче в Вартегау (Польша), позднее переехали в Дрезден, к брату матери. С приходом советских войск Розалинда Бернгардовна была арестована, помещена в тюрьму, спустя полтора месяца, не добившись от нее признания в измене Родине, отправлена в лагерь для перемещенных лиц во Франкфурте на Одере. Стремясь спасти одаренную девушку, переводчик лагеря Павел Петрович Флик объявил ее своей родственницей и привел в свою семью, где было четверо детей. С тех пор она стала членом этой семьи. Осенью 1946 г. вместе со всеми российскими немцами лагеря вывезена в Красноводск (Туркмения), работала на строительстве нефтеперегонного завода в составе строительного треста № 8, который затем в 1949 г. был перебазирован в Фергану. В 1949 г. вышла замуж за Владимира Минасова. Тогда же поступила в Наманганское музыкальное училище, по окончании которого с отличием в 1953 г. преподавала в Ферганской музыкальной школе. В 1956 г. поступила в Ташкентскую консерваторию, которую окончила с отличием

в 1961 г. по трем специальностям: оперная и камерная певица, педагог сольного пения. Дипломной работой была заглавная роль в опере Пуччини «Флория Тоска». Была приглашена как солистка в Ташкентский ГАБТ оперы и балета им. А. Навои, где работала до выезда в Германию в 1991 г. и преподавала сольное пение в Ташкентской консерватории. Яркая индивидуальность, талант актрисы, личное обаяние привлекали к ней внимание и любовь зрителей. До последних дней активно участвовала в организации встреч любителей классической музыки с участием поздних переселенцев в Висбадене, поддерживала контакты с бывшими выпускниками-вокалистами (kultura.uz).

ЛЕВЕНГАГЕН, Курт Федорович фон (1844) — лют., генерал-майор, из дворян Эстляндской губ., поступил в морской кадетский корпус (20.08.1856) кадетом, служил на Балтийском флоте, с 10.02.1873 г. в чине капитана переведен в Аральскую флотилию. Командовал пароходами «Арал» (от Перовска до Чиназа по р. Сырдарья) и «Самарканд» (по Аральскому морю). После упразднения Аральской флотилии генералом М.Г. Черняевым переведен в 1883 г. и.д. чиновника особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе по водным сообщениям. Председатель Казалинского отделения Благотворительного общества (14.04.1887). Ст. помощник командующего С.-Петербургского порта (1901). Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (8.04.1873), 2-й ст. (30.08.1880); Св. Анны 3-й ст. (27.03.1877), бронзовой медалью «За усмирение польского мятежа». Жена — Наталья Андреевна (Гришина). Дочь — Валентина (28.11.1876) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2469; Оп. 28. Д. 35. Л. 284, 304; Оп. 33. Д. 309. Л. 110 — 115, 129 — 133; ТС. № 341. С. 43).

ЛЕВЕНШТЕРН, Эдуард Карлович (1837 — 1904) — лют., надворный советник, инженер-строитель. Из семьи военнослужащего. После окончания 25.06.1858 г. Строительного училища Главного управления путей сообщения и публичных зданий назначен помощником главного архитектора в Лифляндскую губернскую строительную контору, с 27.01.1862 г. — помощник архитектора Курской губ., с 2.09.1870 г. — архитектор Симбирского губернского правления, с 1.10.1871 г. — архитектор окружного инженерного управления ТВО, с 29.11.1872 г. — заведующий земскими строительными работами Зеравшанского округа, составил первоначальный план «русского» Самарканда: в «нем от крепости и широкой эспланады вокруг нее лучеобразно расходились улицы будущего города». Вернулся в Петербург, с 1876 г. — архитектор С.-Петербургского

ВО, с 1887 г. — Техничко-строительного комитета МВД. Автор проектов и строитель многих зданий. Награжден орденом Св. Анны 3-й ст. (15.12.1874). Жена — Мария Васильевна (Мареева). Дети: Екатерина (29.09.1870), Лидия (24.02.1873) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 4919; Д. 8125; Оп. 33. Д. 309. Л. 134 — 137; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 13619. Л. 276).

ЛЕЙКФЕЛЬД, Константин Эмильевич (4.02.1864) — врач, выпускник 2-й Харьковской гимназии, 12.11.1888 г. — Императорской военно-медицинской академии со степенью лекаря, служил в Виленском военном округе, в Харькове. С марта 1897 г. — врач Ташкентского военного госпиталя, с марта 1904 г. — ст. врач Аму-Дарьинского отдела. В декабре 1910 г. переведен старшим врачом Моздокского полка Терского казачьего войска. Награжден орденом Св. Анны 3-й ст. (1904); серебряной медалью «В память царствования императора Александра III». Жена — Елизавета-Моника Адольфовна (Еш) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1098; Д. 3579. Л. 17 — 24).

ЛЕЙМАН, Фридрих Вильгельмович — помощник Перовского уездного начальника (1869).

ЛЕМАН, Александр Адольфович (18.05.1814, Дерпт — 30.08.1842, Симбирск) — потомок выходцев из Лифляндии, географ, натуралист, путешественник, кандидат философии. В 1833 г. поступил на естественный факультет Дерптского университета, ученик известного ученого К.М. Бэра. Вместе с учителем совершил в 1837 г. на шхуне «Кротов» путешествие к восточному берегу Белого моря, на Новую Землю, был первым профессиональным геологом на этом архипелаге. В 1838 г., после окончания университета, приглашен для исследования Оренбургского края, участвовал в экспедиции А.В. Перовского в Хиву (1839), в 1840 г. исследовал восточное побережье Каспийского моря, в 1841 г. с дипломатической экспедицией К.Ф.Б. утенева выехал в Бухару, где пробыл более года. Он был первым европейцем, который также «хоть и схематично, сделал большое количество рисунков, в которых запечатлел ряд памятников архитектуры Самарканда и Бухары». По дороге при возвращении в Дерпт скончался в Симбирске от «нервной горячки», не успев обработать свои очень ценные материалы, завещал их АН, часть их в обработке Г.П. Гельмерсена издана в 1842 г. в С.-Петербурге (*Reise nach Buchara und Samarkand in 1841 — 1842*), ботанические коллекции оставил профессору А.А. Бунге (были опубликованы им в 1852 на немецком языке в С.-Петербурге), зоологические материалы обрабатывал К.М. Бэр,

в издании материалов принимали участие и другие его товарищи. Его именем названы: остров около западного побережья северного острова Новой Земли, мыс в Баренцевском побережье этого острова и мыс в заливе Миддендорфа на Таймыре (S-Petersburg Zeitung. 1842. № 103; НР. Т. 2. С. 301).

ЛЕММ, Борис (Бурхард Фридрих) Федорович (17.03.1802, Пельве, Лифляндия — 11.10.1872, С.-Петербург) — генерал-майор, топограф. После окончания Дерптского университета (1825) работал у В.Я. Струве в обсерватории С.-Петербургского университета, затем направлен в корпус военных топографов. В 1825 — 1826 гг. участвовал в экспедиции по нивелировке Аральского и Каспийского морей. Производил астрономические работы в других районах России, в 1838 — 1839 гг. был в составе русской миссии в Персию и Хорасанскую провинцию, по результатам путешествия оформил свои наблюдения и составил карту, ставшую основой для последующей картографии этих районов. В 1846 г. в чине капитана состоял в корпусе топографов, отправленного Генеральным штабом в Оренбург для определения астрономических пунктов в степи от Оренбурга до р. Сырдарья. Поездку совершил вместе с офицером Генерального штаба капитаном Шульцем, донесение которого, хотя и несколько ошибочное, определило впоследствии строительство в 1847 г. форта Раимского на Арале. Лемм свое путешествие начал 20.05.1846 г. от Орска по р. Орь. За 5 месяцев и 3 дня проделал огромную работу по астрономическим наблюдениям и определил 99 пунктов для составления карты Киргизской степи от Оренбурга к Аралу, берегам р. Сырдарья и Алатау. За определение астрономических пунктов на северо-восточном берегу Арала и в устье Сырдарья, за многие труды, в том числе и в Оренбургском крае, награжден золотой Константиновской медалью ИРГО (1850). Вышел в отставку в 1863 г. (НР. Т. 2. С. 304).

ЛЕОНЦИК, Франс — управляющий центральной конторой фирмы «Зингер», заподозрен в «сношениях с военнопленными и отрицательном отношении к русским» (1916) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1742).

ЛЕРХ, Иоган Фридрих Александр — управляющий акционерного общества «Гергард и Гей» в Коканде (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1880. Л. 4).

ЛЕРХ, Петр Иванович (1825 — 16.09.1884, Гамбург) — титулярный советник, ученый, востоковед-ирановед, археолог. Выпускник философского факультета С.-Петербургского университета по восточному разряду, поступил протоколистом в Петербургскую АН. Изучал курдский язык, историю и этногра-

фию курдов, составил грамматику курдского языка. Занимался исследованием вопросов истории Туркестана. Многие его археологические раскопы предвосхищали будущие начинания В.В. Бартольда и других востоковедов. Собирал восточные рукописи еще в первой половине XIX в., составил обстоятельную инструкцию по изучению Хивинского ханства в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях, изучал историю региона, знакомился с деятельностью отдельных личностей. В 1858 г. сопровождал посольство Н.П. Игнатова в Хивинское ханство и Бухарский эмират, собранные восточные рукописи и монеты передал в Петербургскую АН, Эрмитаж, Археологическое общество. Автор более 80 работ по вопросам археологии и языкознания народов Центральной Азии. Свои работы публиковал в основном на немецком языке, за рубежом. Издана работа «Археологическая поездка в Туркестан в 1867 году» (СПб. 1870). Часть работ по археологии Самарканда, Афрасиаба не переведена и остается вне поля зрения отечественной археологии. Высоко ценил людей, служащих в крае, «призванных судьбою на далекую окраину, совершающих свое <...> иногда и малое, но великое по последствиям дело». В 1877 — 1879 гг. — зав. библиотекой С.-Петербургского университета (Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 344, 352; Журнал министерства народного просвещения. 1884. № 236 (ноябрь). С. 57 — 66; Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Ташкент. 1974. С. 209 — 215; ИР. Т. 2. С. 310 — 311).

ЛЕРХЕ, Мориц Густавович (1834 — 1891) — генерал, участник туркестанских походов, «один из главных виновников взятия штурмом в 1864 г. сильной кокандской крепости Чимкент».

ЛЕССАР, Павел Михайлович (1851, Черногория — 21.04.1905, Пекин) — тайный советник, военный инженер, дипломат, путешественник, археолог. Выпускник института инженеров путей сообщения, участник русско-турецкой войны (1877 — 1878), занимался железнодорожными изысканиями в Болгарии, участвовал в строительстве порта в Потти, руководил постройкой моста через р. Прут. Опубликовал труд «Военные железнодорожные постройки русской армии в кампании 1877 — 1878 гг.» (СПб. 1879, с атласом). В 1879 г. направлен в Закаспийский край, 1879 — 1880 гг. проводил исследования старых русел р. Амударьи, осуществлял научные и геодезические изыскания от Михайловского залива до Кызыл-Арвата, от Ашгабада до Серакса, участвовал в строительстве

железных дорог под руководством генерала М.Н. Анненкова (от Красноводска до Кызыл-Арвата) и Закаспийской железной дороги. Как военный инженер неоднократно совершал разведывательные поездки в Афганистан и Персию, провел нивелировку местности от Ашгабада до Серахса, проехал Мерв, Афганистан, Хорасан, прошел через Кара-Кумы в Хиву. В середине 1880 г. был прикомандирован к русскому посольству для участия в англо-афгано-русской комиссии по определению пограничной линии Туркестана с Афганистаном. В 1882 г. на последнем заседании английского королевского географического общества был сделан доклад «О втором путешествии русского инженера Лессара в Туркмении от Ашхабада до Мерва в Герат». Сопровождал генерала А.В. Комарова при занятии Мерва (1884). В 1885 г. — в составе русского посольства для определения пограничной линии Туркмении и Афганистана. В 1890 — 1895 гг. — российский политический агент в Бухаре, по его данным составлен отчет Туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского о Бухарской армии (1894). Составил проекты улучшения судебной части Бухарского эмирата, справедливого распределения вод р. Зеравшан, содействовал направлению инженера Х. Гельмана в Бухару и вместе с ним решал вопросы по ирригации, исправлению дорог и перевалов в эмирате. С 1895 г. — ст. советник по азиатским делам посольства в Лондоне, 1901 — 1905 гг. — посланник в Китае. Автор публикаций по описанию центральноазиатских территорий (Заметки о Закаспийском крае и соседних странах. Поездки в Персию, Южную Туркмению, Мерв, Чарджоу и Хиву // Записки ЗКОНО. Кн. 13. Вып. 1. С. 161 — 212, с картами). Награжден серебряной (1882) и золотой (1883) медалями ИРГО, часть работ опубликована в секретном «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии», издаваемом Генеральным штабом. Имел награды (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 257; Д. 258; Д. 259; Ф. И-718. Оп. 1. Д. 10. Л. 1об; ТВ. 1891. № 32; 1908. № 221; ТС. № 331. С. 169 — 221; № 348. С. 1, 2, 137 — 138; № 364. С. 2, 19; № 377. С. 22; № 389. С. 170; № 398. С. 63; № 481. С. 160 — 161; № 510; № 511. С. 75; № 535. С. 155; НР. Т. 2. С. 319).

ЛЕССИНГ, Кристиан Фридрих (10.08.1809, Польшниш-Вартенберг, Силезия — 10.08.1862, Красноярск, Енисейская губ.) — немецкий ботаник, миколог, врач, доктор медицинских наук, путешественник. В 1832 г. из Берлина отправился в путешествие через Оренбург к югу Сибири, отрезок пути от Орска до Гурьева по киргизским степям его сопровождал Я.Я. Виткевич. Остался в Сибири до

конца жизни, золотопромышленник, пивовар, занимался исследованием края, много сделал для утверждения Томска как культурного центра региона (НР. Т. 2. С. 320).

ЛЕТЦ, Александр (Карл Теодор) Федорович — статский советник, провизор из г. Митава Курляндской губ., окончил медицинский факультет Дерптского университета, допущен со 2.11.1890 г. учителем немецкого языка, преподаватель мужской гимназии Ташкента по найму (на 1910). Женат, четверо детей (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2802; АК. С. 90).

ЛЕТЦ, Фридрих Федорович — надворный советник, из потомственных почетных граждан, окончил лютеранско-богословский факультет Юрьевского университета, учитель немецкого языка в Маргеланской мужской прогимназии (с 1901), с июля 1917 г. — в Кокандской прогимназии. За «отличие и особые труды» имел награды. Жена — Елена Карловна (Мюллер) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2803).

ЛЕШ, Леонид Вильгельмович (с 1916 — Павлович) (9.01.1862 — 28.08.1934) — прав., генерал от инфантерии, командир 2-го Туркестанского армейского корпуса, 15.01.1913 г. — 1914 г. (номинально — до 1916) — начальник Закаспийской обл. Из потомственных дворян Смоленской губ., почетный гражданин города Вейсенштейна (Эстляндская губ.). Образование получил домашнее, службу начал с 1881 г. юнкером в Николаевском кавалерийском училище, 1.09.1883 г. переведен в чине унтер-офицера в Михайловское артиллерийское училище, по окончании которого 14.08.1884 г. служил в 38-й и 39-й артиллерийских бригадах. С 8.10.1884 г. назначен делопроизводителем в 3-ю батарею 38-й бригады. 1889 — 1892 гг. обучался в Николаевской военной академии. С 13.05.1892 г. по окончании академии направлен к штабу Кавказского ВО. С 21.09.1892 г. направлен в Закаспийскую обл., в чине штабс-капитана утвержден командиром полубатареи, 26.10.1894 г. утвержден командиром роты, в 1898 г. — временный член временного военного суда в г. Мерве, 1898 г. — окружного суда, председатель полкового суда. Исследовал дороги в г. Серахс и Пуль Хатум. С 15.03.1900 г. переведен в Одесский ВО, произведен в подполковники с переходом в 14-й стрелковый генерал-фельдмаршала Гурко полк, с 7.06.1901 г. — командир 1-го батальона; с 8.12.1901 г. — 29.03.1902 г. — председатель полкового суда. 3.05.1904 г. назначен в распоряжение командующего Манчжурской армией. Участник русско-японской войны, командир 1-го, 4-го Восточно-Сибирских полков, 1-й бригады 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (24.05.1906). Командующий войсками в

Кронштадте (январь — июнь 1907). С 30.04.1907 г. — начальник 2-й Финляндской стрелковой бригады, 19.06.1908 г. — 2-й гвардейской пехотной дивизии, 15.01.1910 г. — генерал-лейтенант. С 30.07.1912 г. — командир 1-го Туркестанского армейского корпуса. С 15.01.1913 г. — губернатор Закаспийской обл. («настоящий хозяйственник», — Н.П. Остроумов) и командир 2-го Туркестанского армейского корпуса, июнь — июль 1914 г. — временно исполнял обязанности Туркестанского генерал-губернатора. Участник Первой мировой войны: телеграммой Генерального штаба 17.06.1914 г. вызван в действующую армию для командования 12-м армейским корпусом в составе 8-й армии генерала А.А. Брусилова. 3.04.1917 г. снят с командования армией, зачислен в резерв; участник Белого движения; 25.01.1920 г. эмигрировал в Югославию, жил на острове Шитая близ Дубровника, председатель Дубровинского отдела Союза русских военных инвалидов Югославии, умер 28.08.1934 г., похоронен на православном кладбище в Которе. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (2.03.1890), 2-й ст. с мечами (15.06.1901), 1-й ст. (6.12.1908); Св. Анны 3-й ст. (1.02.1898), 2-й ст. с мечами. (29.08.1904), 1-й ст. (6.12.1912); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (14.05.1905), 3-й ст. с мечами (1.05.1906); Св. Георгия 4-й ст. (13.02.1905), 3-й ст. (8.02.1915); бухарским Серебряной звезды 2-й ст. (20.05.1895); Белого Орла с мечами (13.06.1914); Георгиевское оружие (23.04.1915), Высочайшая благодарность (6.12.1915); серебряная медаль «В память царствования императора Александра III» (17.03.1896), темно-бронзовая «За труды по первой переписи населения» (27.10.1897); серебряные: «В память похода в Китай» (6.05.1901); «В память русско-японской войны 1904 — 1905», «В память 300-летия царствования Дома Романовых» (21.09.1913); знак Красного креста. Жена — дочь французского гражданина — Валентина (Пансар). Дети: Павел (7.05.1887), Николай (3.09.1888), Леонид (22.07.1890) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 1403; Д. 1473; Оп. 31. Д. 1135; Оп. 33. Д. 75. Л. 5; Д. 308. Л. 187; Д. 309. Л. 8 — 33, 140 — 145; Д. 352. Л. 131; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 444; Ф. И-5. Д. 652. Л. 187; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1048; Д. 1114 п/с; Ф. И-18. Оп. 2. Д. 660. Л. 37, 82; Ф. И-19. Оп. 2. Д. 147; НР. Т. 2. С. 321 — 322; gia1914.info).

ЛИВЕНСОН, Георгий Вильгельмович — присяжный Ново-Маргеланского окружного суда (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 28, 92 — 93).

ЛИГЕР, Фриц Петрович — служащий Ташкентского городского общественного управления (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 214; Д. 1575. Л. 45 — 46).

ЛИНДВАЛЬ, Ольга-Элеонора Карловна (28.12.1875) — лют., учительница немецкого языка в Асхабадской (с 1.09.1901), Маргеланской женских гимназиях. Окончила Пермскую Мариинскую женскую гимназию (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2809).

ЛИНДЕНБЛАТ (ВИЛЕМСЕН-ЛИНДЕНБЛАТ), Анатолий Карлович — коллежский секретарь. Выпускник Ташкентской гимназии (8.02.1893). С 19.11.1902 г. — землемер временной поземельно-податной комиссии Ферганской обл., с 10.05.1911 г. переведен землемером в Ташкентскую поземельно-податную комиссию. Орден Св. Станислава 3-й ст. (6.12.1907). Жена — Ксения Андреевна (Плеханова). Дети: Георгий (на 24.04.1913) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38401. Л. 18 — 19).

ЛИНДРОТ, Федор Александрович — титулярный советник, учитель математики Туркестанского двухклассного училища, с января 1881 г. — Самаркандского трехклассного училища (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2810).

ЛИТЕР, Ф.П. — член Ташкентского общественного городского правления.

ЛИЦЕНМАЙЕР, Владимир Августович — губернский секретарь, инструктор по хлопководству Петро-Александровского отдела, награжден «за выслугу лет» чином (1917) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38424; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 57).

ЛОБНЕР, Иосиф Константинович — бывший военнопленный, секретарь партийной ячейки в с. Николайполь, с 1923 г. возглавлял Николайпольский волостной исполком.

ЛОДИНГ, Вильгельм Богданович (Иванович) — аптекарь городской аптеки Ташкента (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 90. Л. 12; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1575. Л. 80; Д. 1329. Л. 211).

ЛОЙТНЕР, Вольдемар — коллежский асессор, председатель Церковного совета евангелическо-лютеранской общины Ташкента (нач. XX. в.).

ЛОНГЕ, Филипп Генрихович — подданный Швейцарии, директор рудников Среднеазиатского каменноугольного акционерного общества «Кизил-Кия» Ферганской обл. (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 55).

ЛОСФЕР, Альбин Адольфович — действительный статский советник, окружной военно-медицинский инспектор, управляющий медицинской частью ТВО (1907) (СЛ. С. 5).

ЛУНДИНГ, Андрей Михайлович — техник, зав. гидротехническими постами и каналом им. императора Николая I в Голодной степи (1907), сооружение

которого обеспечил великий князь Николай Константинович Романов. Постоянно производил промеры всех важнейших водных источников Ферганской долины и Семиреченской обл., в 1909 — 1913 гг. был заведующим гидротехнической частью Семиреченской обл. После революции — сотрудник областной газеты «Правда» (1920), зав. информационным подотделом Семиреченского/Джетысуйского обл-горкома (апрель 1921 — 1922), одновременно управляющий делами Облгоркома, зав. оргинструкторским отделом (апрель — июнь 1922), член, секретарь президиума Джетысуйского облгорревкома (н.д. — 1922) (ЦГА РУз Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38424. Л. 2; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 59об; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 500. Л. 1; ТС. № 422. С. 121; СЛ. С. 10; Туркестанский курьер. 1909. 23 мая).

ЛЮТШ, Яков (Александр-Рудольф) Яковлевич (19.05.1854, С.-Петербург — 1921 (?)) — реформат, действительный статский советник, востоковед, дипломат, педагог. По окончании восточного факультета С.-Петербургского университета со степенью кандидата направлен 16.07.1878 г. в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, младший помощник делопроизводителя его канцелярии. С 1.08.1879 г. — преподаватель киргизского языка в Ташкентской учительской семинарии, составил учебник «Киргизская хрестоматия» (Ташкент. 1883). 1883 — 1894 гг. — секретарь консульства в Кашгаре («в настоящее время я собираю кашгарские сказки и песни и надеюсь написать о таковых со слов кашгарцев», — из письма Н.П. Остроумову от 18.07.1887; «живем скушно, однообразно, тесно, больше всего скучает жена С.Н. потому, что она единственная русская барыня (да и вообще женщина) в Кашгаре, <...> именно в Кашгаре я научился занимать жизнь более или менее прилично», — из письма Н.П. Остроумову от 23.12.1893). С сентября 1895 г. — в Бухаре («после Кашгара Бухара мне кажется совсем сносной резиденцией, <...> я любил собирать древности и монеты, здесь кое-что можно найти, но цены невероятные», — из письма Н.П. Остроумову от 31.03.1896), дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе. В 1902 — 1911 гг. — российский политический агент в Бухаре; в 1900 г. сопровождал эмира Бухары Сейид-Абдулл-Ахада в его поездке в С.-Петербург; после кровавой резни в Бухаре 10.01.1910 г. между мусульманами — суннитами и шиитами, в борьбе за власть организовал политическую разведку при агентстве; изучал вопросы проведения реформ в эмирате. Собрал много восточных рукописей, делал переводы ряда сочинений среднеазиатских авторов. Азиатскому музею передал 28 рукописей (Зелемаен К.Г. Рукописи Я.Я. Лютша // Записки Император-

ской АН. Т. VIII. СПб. 1898. С. XVII — XVIII). Был почетным блюстителем Ново-Бухарского приходского училища. С декабря 1911 г. переведен в Китай. 1911 — 1921 гг. — генеральный консул в Сеуле («оттрубил я уже здесь верою и правдою полтора года, <...> климат хороший, жизнь тихая, работа необременительная, новый губернатор Флуг, я его не знаю, но слышал о нем только хорошие отзывы», Сеул, 15.03.1913; «<...> моя жизнь протекает в полном благополучии и здравии. Я здесь поправился, хочу в Петроград, где я родился и где все мои родные, <...> устраиваю чай и лотереи, а выручку в Петроград на благотворительство жертвую», Сеул, 27.02.1917). Был в Туркестане одним из учредителей ТОРГО, членом комиссий: о введении обязательного образования детей в Туркестанском крае, по устройству Ташкентского музея, пополнения Публичной библиотеки новыми сочинениями, установлению правильной транскрипции географической терминологии местностей края. Почетный мировой судья Самарканда. Отмечено было в его характеристике «хорошо знает край и любит его». Имел многие награды. Жена — Софья Николаевна, почетная блюстительница Н.-Бухарского женского приходского училища (с 4.09.1909) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 4. Д. 470; Оп. 33. Д. 308. Л. 251 — 253об; Д. 310; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 61об, 77 — 84; Ф. И-5. Оп. 1. Д. 190; Ф. И-47. Оп. 1. Д. 142; Д. 4049. Л. 1 — 2, 142; Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 48; ТС. № 341. С. 72 — 73; № 361. С. 130; ТВ. 1901. № 19; СЛ. С. 49, 86; НР. Т. 2. С. 368).

ЛЮШТ, Дмитрий Николаевич — лют., преподаватель Туркестанской учительской семинарии (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 62).

МАГАЗИНГ, Карл Оттонович — землемер Ката-Курганского уезда Самаркандской обл. (1896, 1907) (АК. С. 6).

МАЗИНГ, Маргарита Федоровна — преподаватель немецкого языка в Ташкентской женской гимназии и в Ташкентском реальном училище (на 1910) (АК. С. 91).

МАЙЕР 2-ой, Григорий (Вильгельм) Николаевич фон (1842 — 1920) — лют., коллежский ассессор, горный инженер, чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе. Выпускник Института корпуса горных инженеров (25.01.1863), с 25.06.1863 г. определен в Луганский завод, с 15.07.1864 г. — смотрителем литейного цеха завода. 26.05.1865 г. командирован в распоряжение директора Горного департамента на Урале, 29.09.1865 г. — в распоряжение Петровского завода, назначен смотрителем Софиевского рудника при заводе.

Командирован в «окрестности Луганского завода для сбора сведений о стоимости тамошних железных руд» (30.09.1866). Определен смотрителем завода и лаборатории на Луганском заводе (31.07.1867). 21.08.1867 г. командирован «в имение помещика Славяносербского уезда Булауел для разведывания железных руд и каменного угля». С 13.01.1869 г. — чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской обл., в октябре этого года принял участие в работе Комиссии по разработке «Положения об управлении горной частью в Туркестанском крае». С 1870 г. — чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе по горной части. 25.08.1872 г. командирован на Нижнетагильский завод Демилова, помощник начальника Алтайского ГО по горной части (1885). Участник экспедиции в Киргизскую степь (1889). Награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. (16.04.1867), 2-й ст. (4.10.1870). Жена — Мария Павловна (Добровольская) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 49(б). Л. 52; Д. 1339. Л. 2; Оп. 20. Д. 4708; Оп. 33. Д. 336. Л. 298 — 311; Д. 361. Л. 31об; Ф. И-41. Оп. 1. Д. 26; narod.ru).

МАЙЕР, Людвиг Людвигович — преподаватель физкультуры в мужской гимназии Ташкента.

МАЙЕР, Оскар Эдуардович — служащий конторы торгового дома «Братья Крафт» в Коканде (ЦГА РУз. Ф. И-91. Оп. 1. Д. 204. Л. 1).

МАКГАХАН, Артур (МАК-ГАХАН Януарий Алоизий) (12.07.1844, Лексингтон, США — 9.06.1878, Царьград (Истамбул)) — американский журналист, корреспондент газеты «Нью-Йорк Геральд», участник Хивинского похода, автор книги «Военные действия на Оксусе и падение Хивы» (М. 1875). Борец за независимость Болгарии, против зверств турецких башибузуков, его именем названа улица в г. Софии, площади в других городах страны.

МАЛОВ, Андрей Евграфович (1815, Самарская губ. — 3.04.1899, Ташкент) — прав., протоиерей, имеющий митру и орден Св. Анны 1-й ст., первый настоятель (1868 — 1888) Иосифо-Георгиевской церкви и (1888 — 1902) Спасо-Преображенского собора. Был похоронен у северной стены левого придела Ташкентского военного Спасо-Преображенского собора. Муж его единственной дочери, Елизаветы (1841 — 1927), Лев Ефимович Коржев, погиб при штурме Ташкента в июне 1865 г., похоронен в братской могиле у Каламанских ворот, на месте которой позднее была построена часовня (ныне остатки ее руин находятся на территории частного владения).

МАРГЕНРОТ, Эдуард Эрнестович — лют., служащий Ташкентского городского общественного правления (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1183).

МАРТИНСОН, Александр Иоганович (27.11.1868, Митава) — лют., выпускник Оренбургской военной прогимназии (12.08.1885), Казанского пехотного юнкерского училища (26.07.1887). В Туркестане — с 1885 г., служил в 16-м и 12-м Туркестанских линейных батальонах, делопроизводитель батальонного суда. С 5.10.1896 г. — землемер Самаркандской обл., с 1899 г. — Чилекский, Ургутский, в 1906 г. — Яны-Курганский участковый пристав. Почетный блюститель Пендженского русско-туземного училища (1908). С 18.08.1909 г. — ст. офицер особых поручений при военном губернаторе Самаркандской обл. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (1.01.1901), 2-й ст. (6.12.1908); Св. Анны 3-й ст. (6.12.1906); медалями: «В память русско-японской войны», «В память царствования императора Александра III». Жена — Екатерина Иосифовна (Шантарович). Дети: Борис (25.02.1898), Владимир (6.08.1903) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1438; Оп. 28. Д. 1994; Оп. 33. Д. 310. Л. 108 — 118об; Ф. И-18. Оп. 2. Д. 660. Л. 37; ТВ. 1879. № 7).

МАРТСОН, Федор Владимирович (16.09.1853, Витебская губ. — 3.10.1916, Петроград) — прав., генерал от инфантерии (6.1.1910). С 4.10.1914 г. по 22.07.1916 г. — Туркестанский генерал-губернатор, временно Командующий войсками Туркестанского ВО, войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска, с июля 1916 г. — член Военного Совета. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (10.04.1878), 2-й ст. (20.03.1885), 1-й ст. (6.12.1903); Св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость» (12.10.1877), 3-й ст. с мечами и бантом (30.04.1878), 2-й ст. (30.08.1888), 1-й ст. с мечами (13.07.1905); Св. Владимира 4-й ст. (30.08.1892), 3-й ст. (1.01.1901); Св. Александра Невского (1.01.1915); Белого Орла (20.01.1913); бухарским Восходящей звезды 2-й ст. (26.05.1893) и «Искандер Салие» (6.06.1915); большим офицерским крестом румынского ордена Звезды (16.04.1899); румынским железным крестом «За переход через Дунай»; медали: бронзовая «В память 300-летия царствования дома Романовых» (21.02.1913), серебряная «В память русско-турецкой войны 1877 — 1878», серебряная «В память царствования императора Александра III», светло-бронзовая «В память русско-японской войны» и Прусская медаль (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 310. Л. 125 — 137 п/с; Ф. И-7. Оп. 1. Д. 921. Л. 44; Остроумов Н.П. Личные воспоминания... С. 24 — 31; НР. Т. 2. С. 399 — 400).

МАТИСЕН, Андрей Андреевич (1869) — статский советник, выпускник горного института (1893), потомственный почетный гражданин Ташкента, 1913 г. — служащий гидротехнической части Туркестанского управления земледелия и госимуществ, член правления ТОРГО, 1917 г. — комиссар Туркестанского Комитета Временного правительства по ирригации в Самаркандской обл. (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 54).

МАУЭР, Владимир Фридрихович — канцелярский служащий Самаркандского областного правления, 1896 г. — член Самаркандского статистического комитета (АК. С. 4).

МАУЭР, Михаил Федорович (1.11.1866, Московская губ. — 1936) — прав., титулярный советник, воспитанник 4-го Московского кадетского корпуса и Николаевского инженерного училища, сослан в Туркестан за участие в военно-революционном движении, автор поворотного круга для подъема и поворота по оси «падающего минарета» медресе Улугбека в Самарканде. Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (6.12.1905), темно-бронзовой медалью (1883). Жена — Серафима Васильевна (Благовещенская) — одна из первых русских женщин — фельдшер-акушер (в Туркестане с 1890), работала в русско-туземных больницах в Коканде и Самарканде, пользовалась уважением местного населения (в том числе семьи председателя ЦИК Совнаркома УзССР Ю. Ахунбабаева). Дети: Федор (25.09.1897 — 23.06.1963), Елена (29.10.1904 — н.д.) (ЦГА РУз. Ф. И-17. оп. 1. Д. 21708; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9. Л. 161 — 165; Д. 8767. Л. 10 — 14, 25, 34; Д. 15396. Л. 31 — 37; Ф. 394. Оп. 1. Д. 27; Д. 28. Л. 10, 34 — 46, 149 — 200, 269, 282, 318, 364, 423 — 462; Ф. 2723. Оп. 1. Д. 1102. Л. 10; Ф. 2492. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 — 2; Д. 7; Д. 10; Ферганская жизнь. 1915. 30 декабря; СЛ. С. 39; НР. Т. 2. С. 406 — 407).

МАУЭР, Федор Михайлович (25.09.1897, Коканд — 23.06.1963, Ташкент) — ученый-биолог, специалист в области семеноводства, селекции, генетики и систематики хлопчатника, доктор биологических наук (докторская диссертация «Происхождение и систематика хлопчатника». 1955), профессор (1960). Автор 41-й научной публикации, а также изобретений («доска Мауэра», фолиометр Мауэра и др.). Награжден медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (16.09.1946), участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1955). Дети: дочь (1925), сыновья (1928, 1936) (ЦГА РУз, Ф-2492 личный (962 дела, 1907 — 1963); Ф. И-1. Оп. 20. Д. 1339; Ф. И-7. Оп. 1. Д. 979; Ташкентский горархив. Ф. 38.

Оп. 1. Д. 1020; Д. 1021; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 311 — 312; Хлопководство. 1963. № 8. С. 53; НР. Т. 2. С. 404 — 405; tashkentpamyat.ru).

МАХАЧЕК, Фриц (29.09.1876, Вишау (Вишков, Чехословакия) — 25.09.1957, Мюнхен) — немецкий ученый геоморфолог и физикогеограф. Образование получил в университете Вены и вузах Берлина, Цюриха. 1905 — 1915 гг. — приват-доцент Венского университета, профессор вузов Австрии, Чехословакии, Швейцарии, Аргентины. Полевые исследования проводил в Западной Европе, Латинской Америке и Центральной Азии (Тянь-Шань). Занимался изучением рельефа Земли и его связи с геотектоникой. Составил «Геотектонический словарь» на 6 языках (основной — немецкий). Труды по геоморфологии, палеографии, физической географии. С 1951 г. жил в Мюнхене.

МЕЖОВ, Владимир Измайлович (17.05.1831, Саратовская губ. — 1894) — выдающийся библиограф второй половины XIX в., его труды насчитывают более 100 томов и дают представление о библиографии истории России, ее науки и культуры, составитель 416 томов «Туркестанского сборника» материалов, «касающихся Туркестана и сопредельных стран Востока».

МЕЙЕНДОРФ, Егор (Георг Вальтер Конрад) Каземирович фон (10.06.1794, замок Клейн Рооп — 12.10.1863, Вюрцбург, Бавария) — барон, действительный статский советник. На российской службе с 1811 г., участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813 — 1814 гг., полковник (1817). В 1819 — 1821 гг. учился в Геттингенском университете. В 1820 г. состоял при российском посольстве в Бухару. В 1822 г. в журнале «Северный архив» опубликовано его «Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухару в 1820 году». Позднее, в 1826 г. издана в Париже монография «Путешествие из Оренбурга до Бухары в 1820 г., через степи, простирающиеся на восток от моря Аральского и древнего Яксарта» на французском языке (перевод труда на русский язык сделан Е.К. Бетгером в 1955, который дополнил его примечаниями и приложениями частей работы Э.А. Эверсмана и отрывками воспоминаний священника Будрина, сопровождавшего миссию. Перевод был издан под редакцией Н.Х. Халфина в Москве в 1975 «Путешествие из Оренбурга в Бухару»). С 1826 г. — на гражданской службе, вице-директор Департамента внешней торговли МИД, главный специалист по финансовым и экономическим связям со странами Востока. В 1828 — 1835 гг. — управляющий делами при императрице Марии Федоровне, возглавлял императорскую комиссию погашения долгов.

Член Русского географического общества. Жена — Софья (графиня Штакельберг). Дочь — Жоржина Егоровна (1836, Митава — 1897, с. Покровка Тамбовской губ.) была замужем за дипломатом В.Н. Чичериным (братом общественного и политического деятеля Б.Н. Чичерина), мать советского дипломата и государственного деятеля Г.В. Чичерина (НР. Т. 2. С. 443).

МЕЙЕР, Константин Игнатьевич (4.05.1881, Рязань — 20.03.1965, Москва) — ботаник, профессор (1917), 1929 — 1963 гг. — зав. кафедрой высших растений МГУ, 1940 — 1948 гг. — и.о. директора ботанического сада МГУ. Принимал участие в работе московской группы по организации университета в Ташкенте.

МЕЙЕР, Лев Лаврентьевич (1831 — 1913) — генерал от инфантерии, выпускник Николаевского инженерного училища (1858), военный деятель Оренбуржья, автор труда «Киргизская степь Оренбургского ведомства. Сост. Генерального штаба подполковник Л. Мейер» (СПб. 1865), содержавшего этнографические, демографические, природоведческие, хозяйственные сведения, описания духовной жизни народов и географии степи.

МЕЙЕР, Эрих Оскарович — служащий Бухарского отделения Русского для внешней торговли банка (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1315. Л. 249; Д. 1329. Л. 200).

МЕЙЕР, Эрнест (Александр Анатолий) Федорович фон — лют., зав. госимуществом в Самаркандском и Катта-Курганском уездах, управляющий Мургабским имением (1883, 1913). В 1911 г. за выслугу лет присвоен чин титулярного советника, в 1913 г. — коллежского асессора. Орден бухарской Золотой звезды 3-й ст. (6.01.1912) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 899. Л. 76; Д. 979. Л. 7; Д. 988. Л. 29; СЛ. С. 52).

МЕЙЕРГАРД, Нил Александрович — гласный Ташкентской городской думы, член общества любителей естествознания, был командирован в Бухару и Хиву в 1891 (ЦГА РУз. И-1. Оп. 1. Д. 496. Л. 52; Оп. 20. Д. 1339. Л. 2; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 34, 43).

МЕЙНГАРД, Николай Алексеевич — автор записки «О пребывании в Туркестанском крае, Бухаре и Хиве» (1891), член Общества любителей естествознания (ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 43. Л. 34, 44).

МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ, Александр Николаевич (23.08.1844 — 15.04.1928, Ницца) — прав., барон, генерал от инфантерии (1906). Учился в Николаевском училище гвардейских юнкеров, Николаевской академии Генераль-

ного штаба (1866 — 1868). В Туркестане — с 1870 г., назначен в распоряжение начальника Зеравшанского округа, отличился в Хивинском (награжден золотой саблей с надписью «за храбрость») и Кокандском походах, с 1876 г. — помощник начальника Ферганской обл., участник русско-турецкой войны (1877 — 1878). Один из руководителей подавления революционного выступления матросов и солдат в Севастополе, 5.11.1905 г. предъявил ультиматум руководителю восстания лейтенанту П.П. Шмидту, участвовал в разгроме флота восставших, в 1905 — 1906 гг. возглавил карательную экспедицию на Сибирской железной дороге, 1909 г. — член Государственного совета, примыкал к группе правых. С 25.10.1917 г. был отстранен от должности, с 1919 г. — в эмиграции. Имел многие награды (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 19. Д. 382; Оп. 20. Д. 4043; Д. 4195; Д. 6890; Оп. 21. Д. 642; Д. 871; Д. 954; Оп. 33. Д. 311. Л. 44 — 57; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 58. Л. 1 — 8; Д. 10436. Л. 1 — 2; НР. Т. 2. С. 462).

МЕРДЕР, Андрей Иванович (2.06.1872, Петербург) — лют., из дворян С.-Петербурга, выпускник Пажеского корпуса (1893), адъютант Командующего войсками Приамурского военного округа, 12.09.1896 г. — 24.07.1897 г. командирован в Шанхай в помощь военному агенту в Китае. С 23.05.1898 г. прикомандирован к штабу ТВО, с 15.10.1898 г. — адъютант командующего войск ТВО. 17.05.1900 г. назначен заведующим Туркестанским музеем и Туркестанской публичной библиотекой, 30.09.1900 г. командирован в С.-Петербург, 9.08.1901 г. числен в запас армии. С 18 июня по 22 июля 1912 г. находился в плавании на лихтере «Лена» по Енисею. Свои впечатления о поездке описал в издании «Поездка в Туруханский край» (СПб. 1913). Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (29.04.1898); китайским Двойного дракона 2-й ст. (17.06.1896); японским Восходящего солнца 5-й ст. (17.07.1896); бухарскими Золотой звезды 3-й ст. и Серебряной звезды 1-й ст. (22.09.1898), Кавалерийским крестом австрийского ордена Франца Иосифа (26.02.1898); медалью «В память царствования императора Александра III» (1.03.1896) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 311. Л. 107 — 111об; ТВ. 1900. № 56; № 85).

МЕРЦБАХЕР, Готфрид (9.12.1843, с. Байерсдорф, Средняя Франкония — 14.04.1926, Мюнхен) — географ, исследователь, путешественник, альпинист, доктор (1901), профессор (1907) Гляциологического института Мюнхенского университета. Дважды в 1902 — 1903 гг. и 1907 — 1908 гг. поднимался на отроги Восточного Тянь-Шаня, составил карты горного массива Хан-Тенгри, открыл

между северной и южной ветвями ледника Иньльчек в Кыргызстане моренное озеро на высоте 3500 м, стекающее дважды в год и названное его именем, собрал «1234 вида шкур птиц». Его именем названы: хребет в Центральном Тянь-Шане, одна из вершин и место, где находился его лагерь, также 14.04.1928 г. одна из улиц баварской столицы Мюнхена. Совершал экспедиции на Кавказ (1891 — 1892) и в Альпы. Результаты проведенных экспедиций ученый описывал подробнейшим образом в своих трудах, их использовали альпинисты, географы, картографы, биологи, орнитологи, транспортники, военные. За труды по исследованию Тянь-Шаня в 1911 г. присуждена ИРГО золотая медаль им. П.П. Сеченова. На пике волны антисемитизма, прокатившегося по Баварии в 1921 г., когда доступ евреям в Альпинистское общество был закрыт, он оставался одним из самых уважаемых его участников. В 2002 г. возник и начал развиваться международный проект «Маршрутами Мерцбахера». Многие материалы его исследований не опубликованы, его архивы разбросаны по разным странам, и до сих пор не составлена его полная биография, особенно «белым пятном остается его жизнь между 1910 и 1926 годами» (Позднев-Башта. Одиссея Готфрида Мерцбахера // Культурное наследие немцев в Центральной Азии. Сб. статей под ред. составителя О. Клименко. Алматы. 2012. С. 40 — 55; ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 203).

МИДЕНДОРФ, Александр (Александр Теодор) Федорович фон (6.08.1815, С.-Петербург — 16.01.1894, имение Хелленурм Лифляндской губ.) — лют., ученый, зоолог, биолог, географ, основоположник мерзлотоведения и зоогеографии, естествоиспытатель и путешественник, с 1852 г. — академик С.-Петербургской АН. Окончил медицинский факультет Дерптского университета со степенью доктора медицины (1837), работал в университетах Германии и Австрии, с 1839 г. — адъюнкт кафедры зоологии Киевского университета, 1840 г. — участник экспедиции К.М. Бэра на Кольский полуостров. В 1842 — 1845 гг. возглавлял Сибирскую экспедицию и экспедицию на Дальний Восток, первым исследовал полуостров Таймыр, Северо-Сибирскую низменность, Амуро-Зейскую равнину, низовье бассейна р. Амура, занимался изучением органической жизни и особенностей «оледенения почвы» Сибири. С 1855 г. — неперемный секретарь АН, с 3.04.1859 г. — президент Императорского Вольного Экономического общества. В 1860 г. уходит с поста из-за болезни, переезжает в Лифляндию, избран президентом сельскохозяйственного общества в Дерпте. Сопровождал членов императорской фамилии во время их путешествий. Исследовал в 1870 г. Барабинскую

степь, также в 1878 г. по личному приглашению К.П. фон Кауфмана природные условия и возможности развития сельского хозяйства в Ферганской долине, дал практические рекомендации по созданию единой ирригационной системы, водохранилищ, артезианских колодцев в крае. Ученый подчеркивал, что его работа могла быть выполнена только благодаря «просвещенного содействия» губернатора Ферганской обл. генерала А.К. Абрамова и указывал на важность работы профессора К. Шмидта по подробному анализу почвенных образцов, взятых из разных местностей области. Работа «Очерки Ферганской долины» с приложением химических исследований почв и вод К. Шмидта и обработкой метеорологических наблюдений и определений некоторых высот Э. Штеллинга была издана в 1878 г., переведена с немецкого В.И. Ковалевским (СПб. 1882) и является, как отмечают историки, «по сей день единственным в своем роде документом, состоящим из 500 страниц с гравюрами, рисунками и приложением». Он также занимался вопросами скотоводства и коневодства, в 1883 г. возглавил особую экспедицию по состоянию скотоводства в России. Почетный член Императорской АН С.-Петербурга, член Ветеринарного Комитета. Его именем названы: мыс на Новой Земле, мыс и залив на п-ве Таймыр, вид насекомых и рак-отшельник. Награжден многими орденами. Лондонское Королевское общество выпустило в его честь Золотую медаль, в 1888 г. награжден высшей наградой зоологов России золотой медалью К.М. Бэра, в 1861 г. золотой Константиновской медалью ИРГО, в 1868 г. Александр II подарил ему бриллиантовый перстень со своим вензелем (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1294; Оп. 15. Д. 251. Л. 1 — 2, 42, 201; Ф. И-276. Оп. 1. Д. 335. Л. 14; Ф-2412. Оп. 1. Д. 232; Д. 239. Л. 1 — 13; ТС. № 319. С. 263 — 275; № 320. С. 1 — 601; Нива. 1887. № 24. С. 603 — 604; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 310; НР. Т. 2. С. 499 — 500).

МИЛЛЕР, Александр Яковлевич (16.12.1869 — 16.03.1940, Леваллуа Перре под Парижем) — действительный статский советник, востоковед, дипломат, с 1893 г. — в системе МИД, студент миссии в Тегеране, 1894 — 1899 гг. — драгоман Российского политического агентства в Бухаре, 1899 г. — вице-консул в Сейстане (историческая обл. на границе Ирана и Афганистана), 1907 г. — консул в Ливерпуле, 1908 г. — консул в Астрабаде, 1910 г. — генеральный консул в Тавризе, 1912 г. — чиновник пограничных сношений в Ашхабаде, 1913 г. — генеральный консул в Монголии, с марта 1916 г. — в Бухаре, октябрь 1916 г. — апрель 1917 г. — политический агент в Бухаре. Возбудил вопрос перед Временным пра-

вительством о переименовании агентства в «резидентство», с 17.03.1917 г. — резидент. Инициатор проекта реформ в Бухарском эмирате, не нарушающих статуса его политической автономии. Проект неоднократно обсуждался с эмиром, чиновниками, был принят также младобухарцами, которым он настоятельно не советовал устраивать по этому поводу манифестации, поскольку предполагал реакционное выступление духовенства, не соглашавшегося на проведение реформ. Его советы не были услышаны, и провозглашение 9.04.1917 г. манифеста «О свободе» сопровождалось в Бухаре драматическими событиями. Автор работ по истории азиатских стран, эмигрировал во Францию, Париж. Имел награды (ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 339. Л. 99; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 885. Л. 63; Оп. 2. Д. 279; Д. 435; Д. 468, Л. 178 — 179об; Д. 498. Л. 11 — 11об).

МИЛЛЕР, Ганс Густавович — член Наманганского военно-промышленного комитета и Благотворительного комитета помощи военнопленным в Андижане (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1645. Л. 110, 160).

МИЛЛЕР, Готфрид — владелец слесарно-кузнечной мастерской в с. Константиновка.

МИЛЛЕР, Карл — поручик Пензенского гарнизонного пехотного полка, в августе 1738 г. возглавил первый русский торговый караван из Орска в Ташкент, вторую экспедицию в чине майора совершил в 1742 — 1743 гг. через Семиречье в Джунгарию, результаты миссий нашли отражение в путевом журнале (отчет о поездке не сохранился), составил первую русскую оригинальную рукописную карту путешествия от Аральского моря до озера Балхаш, бассейна рек Сарысу и Чу. По мнению востоковеда Я.В. Ханькова, — первое достоверное известие о регионе к востоку от Аральского моря.

МИЛЬБЕРГ, Карл — географ, участник Амударьинской экспедиции (1874), проводил метеорологические наблюдения, продолжил их и далее как заведующий «ежемесячными наблюдениями в Нукусе», в 1877 г. за совокупность проведенной работы и представленные сведения награжден серебряной медалью ИРГО.

МИНЦЛОВ, Евгений Рудольфович (14.06.1855) — лют., коллежский ассессор. Из дворян С.-Петербургской губернии. Выпускник Реформатского училища. С 16.04.1875 г. — на службе в 4-м Туркестанском линейном батальоне, 18.10.1879 г. уволен в запас. Со 2.02.1880 г. — сортировщик Самаркандской почтовой конторы, с 27.03.1886 г. — мл. помощник делопроизводителя канцелярии

Туркестанского генерал-губернатора, с 15.11.1895 г. переведен чиновником для усиления личного состава Главного управления Туркестанского края. 13.05.1907 г. уволен с мундиром. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (30.08.1885), 2-й ст.; Св. Анны 3-й ст.; Знаком отличия военного ордена 4-й ст. (15.10.1875); серебряными медалями: «В память царствования императора Александра III» (15.11.1895), «В память походов и экспедиций в Средней Азии в 1853 — 1895» (9.04.1897), бронзовой медалью на Георгиевско-Владимировской ленте «За покорение ханства кокандского 1875 — 1876» (21.11.1876). Жена — Матрена Лукьяновна (Симанина, брак заключен 6.10.1880) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 311. Л. 241 — 246).

МИХАЭЛИС — учитель в немецком поселке Крестово (1896).

МИХЕЛЬ, Генрих — служащий анонимного общества «Ташкентский трамвай».

МИХЕЛЬСОН, Фридрих Карлович (1854) — лют., коллежский секретарь, окончил Псковское землемерное училище, с 7.08.1877 г. — межевщик Ферганской обл., Кураминского уезда Сырдарьинской обл. (1882). Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (15.05.1883) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 312. Л. 114 — 118).

МОЗЕЛЬ, Адольф Иванович (н.д. — 30.01.1905, Варшава) — генерал-лейтенант, выпускник Павловского кадетского корпуса (1851), Николаевской военной академии (1855), пом. нач. штаба ТВО. В 1873 г. с топографом Рейнгарт разработал маршруты следования частей Туркестанского отряда в Хиву. 5.05.1878 г. — 25.07.1882 г. — нач. штаба ТВО. Географические, топографические и др. сведения о Центральной Азии и соседних владениях, представляемые им в Генеральный штаб, имели серьезное научное значение. Жена — Мария Ивановна — заведовала детским приютом (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 1101. Л. 2; Оп. 21. Д. 934; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 514. Л. 38; Д. 549. Л. 6; ТВ. 1875. № 1; № 51; 1879. № 4, № 38).

МОЗЕР, Генрих (младший) (18.05.1844, С.-Петербург) — путешественник, исследователь Центральной Азии, член Географического общества в Париже, Швейцарского общества натуралистов, труд «В странах Средней Азии. Путевые впечатления 1882 — 1883» (СПб. Русская старина. 1888. Т. 57. № 1. С. 137 — 167; № 3. С. 605 — 626; № 5. С. 383 — 404; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 240; НР. Т. 2. С. 533).

МООР, Александр Карлович — почетный гражданин Ташкента.

МОРГЕНРОТ (МАРГЕНРОТ), Эдуард Эрнестович (1853) — лют., коллежский регистратор. По окончании Горьгорецких землемерно-таксаторских классов

(15.09.1872) служил в Витебской, Пермской, Архангельской губ., с 1887 г. — Туркестане, межевщик Сырдарьинского областного правления, член Ташкентского городского общественного правления (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 488; Оп. 33. Д. 312. Л. 148 — 154; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1183; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1575. Л. 45 — 46).

МОРИЦ, Егор Вильгельмович — лют., служащий Самаркандского отделения Московского банка (1914), потомственный почетный гражданин (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 168).

МУЗАФФАР (Сейид-Музаффар-Эддин-Богадур)-хан (1824 — 30.10.1885) — эмир Бухарский (1860 — 1885), 8-й эмир из династии Мантыгов, награжден орденом Св. Анны 1-й ст. (1883).

МУРАВЬЕВ-Виленский, Михаил Николаевич (12.10.1796, Москва — 12.09.1866, С.-Петербург) — граф, генерал от инфантерии, начальник Северо-Западного края (1863 — 1865), министр государственных имуществ.

МУРАВЬЕВ-Карский, Николай Николаевич (14.04.1794, С.-Петербург — 22.10.1866, д. Скорняково Воронежской губ.) — граф, генерал от инфантерии, командующий Кавказского корпуса, наместник царя на Кавказе, совершал поездки в Хиву и Туркмению (Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 — 1820 гг. М. 1822).

МУШКЕТОВ, Иван Васильевич (9.01.1850, станица Алексеевская Войска Донского — 23.09.1902, С.-Петербург) — геолог, исследователь Центральной Азии, Урала, Кавказа, профессор Горного института в С.-Петербурге (с 1876).

МЮЛЛЕР, Бруно Иванович — лют., служащий Бухарского отделения Русского для внешней торговли банка (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1315. Л. 249).

МЮЛЛЕР, Фридрих Вильгельм Карл (21.01.1863, Нейдам — 18.04.1930, Берлин) — немецкий языковед, труды по иранским языкам, тюркологии (исследовал древние уйгурские тексты), член-корреспондент Российской АН (1928).

МЮЛЛЕР, Эмилий Иванович статский советник, преподаватель французского языка в Ташкентской мужской гимназии, член Испытательного Комитета при Управлении учебными заведениями (ТВ. 1879. № 6).

МЮНЦ, Марионэлла Владиславовна — художественный критик Узбекистана, автор изданий о художниках Узбекистана (Художники театра и кино. Со-автор А.Г. Сосновская. Ташкент. 1982).

НАСБЕРГ, Марк Адольфович — коллежский ассессор, инженер путей сообщения на 19-й Мургабской ветке (1907). Позднее его имя упоминается в Па-

мятной книге Елисаветпольской губ. — «одной из самых значительных в Закавказье» (1910) (СЛ. С. 79).

НЕГРИ, Александр Федорович (1784 — 24.06.1854, Одесса) — действительный статский советник, востоковед, дипломат, археолог, автор многих исторических трудов, владел турецким, персидским, французским языками. Из старинного греческого рода, в России — с 1806 г., служил в МИД с 1815 г., в 1818 г. находился при генерале Ермолове во время его поездки в Персию, в 1820 г. возглавил дипломатическую миссию в Бухару. В 1837 г. переехал в Одессу, президент Одесского общества Истории и Древности.

НЕЙГАУС, Петр Константинович (Карлович) — портовый механик Аму-Дарьинской флотилии (1896), датский подданный, житель Чарджо (АК. С. 20).

НЕЙГЕБАУЭР — выпускник юридического факультета Киевского императорского университета Св. Владимира (1868), городской судья Ташкента (с 1870).

НЕЙГЕБАУЭР, А. — заведующий аптекой Ташкентского лазарета (1867 — 1868), его аптека отпускала бесплатно лекарства для больных бедняков местного населения.

НЕЙМАРК, Николай Карлович (30.11.1851) — прав., из потомственных почетных граждан Томской губ., окончил Сибирский кадетский корпус, с 8.04.1969 г. в Туркестане (7-й Туркестанский стрелковый батальон), участник Хивинского и Кокандского походов, с 5.11.1875 г. — плац-адъютант при управлении коменданта крепости Махрам, с 19.07.1878 г. — переведен на должность мл. помощника начальника Наманганского уезда. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст., с мечами и бантом Св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость», серебряной медалью «За Хивинский поход», бронзовой — «За покорение ханства Кокандского» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 375. Л. 1 — 6, 12; Оп. 31. Д. 1103).

НЕЙХАУЗЕР, Отто Александрович — старший механик рисоочистительного завода в Ташкенте (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1899. Л. 1).

НЕМЕЦ, Иосиф Иванович (предположительно, псевдоним) (1884) — житель Австрии, окончил учительскую семинарию в Бреслау, работал учителем. В годы Первой мировой войны призван в армию, мобилизован на Карпатский фронт рядовым, был ранен в левое бедро (двухпаховая грыжа), попал в плен. Как военнопленный находился в Самаркандской обл., 15.09.1918 г. принят Самаркандской секцией бывших иностранных коммунистов-большевиков в ряды партии (партийный билет № 196608). Прошел теоретическую подготовку в не-

мецкой секции партшколы в Ташкенте, с марта по октябрь 1920 г. — лектор и заведующий немецкой секцией партшколы, с октября 1920 г. по февраль 1921 г. — преподаватель политической грамоты на военных пехотных курсах, с мая 1921 г. — заведующий Цемецким бюро в Совете при Туркнацменшинстве (Совнацмене). Свободно владел русским и немецким языками, хорошо знал Самаркандскую обл. Женат. Жена и 3 детей находились в Австрии (ЦГА РУз. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1328. Л. 9 — 32).

НЕССЛЕР, Альбин Адольфович (5.08.1847 — после 1914) — тайный советник, из дворян С.-Петербурга, 1900 — 1905 гг. — медицинский инспектор Манчжурской армии, 6.08.1906 г. — 14.12.1908 г. — окружной военно-медицинский инспектор ТВО, 1908 — 1913 гг. — Московского ВО, в отставке с августа 1913 г. Имел награды. Был женат дважды.

НЕСТЕРОВСКИЙ, Константин Александрович — выпускник юридического факультета МГУ (1868), с 28.04.1870 г. — судья в Ташкенте, 1883 — 1899 гг. — управляющий канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, председатель многих комиссий, награжден эмиром Бухары — орденом Бухарской Звезды с бриллиантами.

НИКОЛАЕВ, Семен Петрович (н.д. — 11.05.1888) — генерал-майор, 1880 г. — помощник окружного интенданта ТВО, 1886 г. — окружной интендант, участник Туркестанских походов, с 1882 г. — председатель Комитета по украшению могилы К.П. фон Кауфмана.

НИЛЕНДЕР, Эрнест Александрович (15.10.1867) — лют., врач. Уроженец Лифляндской губ. По окончании Юрьевского университета в степени лекаря (9.05.1896) утвержден в должности второго сверхштатного ассистента при медицинской клинике этого университета. С 11.10.1898 г. определен врачом на службу во 2-ю Оренбургскую казачью батарею (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38489. Л. 2).

НЮССЕР, Карл Иосифович (н.д. — 3.02.1879) — Нарвский гражданин, механик Аму-Дарьинской флотилии (ТВ. 1879. № 8).

ОЛЬДЕКОП, Эвальд Михайлович (1885 — 1952) — гидрогеолог, метеоролог, ученый, зав. обработкой, заведующий отделом метеорологических данных гидротехнической части Обсерватории Ташкента (1910 — 1918), «как показали дальнейшие события выбор его руководителем вряд ли мог быть более удачным», временно (1920 — осень 1921) исполнял обязанности председателя правления

Метеорологического института Туркестана (было установлено 104 метеостанции), автор многих научных трудов (К вопросу о прогнозе расхождения рек в Туркестане // Труды Метеорологического отдела. 1917. № 6; К вопросу о прогнозе расхождения рек в Туркестане. 1918 и др.) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 8383. Л. 151; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38424. Л. 2; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328; Д. 58).

ОЛЬДЕНБУРГ, Сергей Федорович (26.09.1863, с. Бянки Читинской обл. — 28.02.1934) — востоковед, профессор С.-Петербургского университета (1895 — 1900), академик (1900), основоположник русской индологической школы. Непрерывный секретарь АН, 1916 — 1930 гг. — директор Азиатского музея (с 1930 — Института востоковедения АН).

ОРТЕНБЕРГ, Петр Иванович — надворный советник, Скобелевский уездный врач, давал объявления о том, что «преем больных ежедневно с 5 до 8 вечера бесплатно по адресу Абрамовский проспект, дом Папаева, 30-2», был бесплатным врачом Скобелевского городского училища (1900, 1916) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 3833; Д. 3834; И-47. Оп. 1. Д. 3137. Л. 2; СЛ. С. 32).

ОСТЕН-ДРИЗЕН, Сергей Павлович фон дер (20.06.1878) — прав., барон, титулярный советник из дворян Курляндской губ., окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. С 19.03.1905 г. — мл. чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, член комиссий: 1905 г. по пересмотру действующих по Закаспийской обл. узаконений для соглашения их с выработанным проектом «Положения об управлении Туркестанского края»; 1906 г. для упорядочивания строительного отдела Сырдарьинского областного правления; 1907 г. для проверки сумм Туркестанского санитарного фонда и многих др. Со 2.06.1907 г. — в Могилевской губернии. Награжден бухарским орденом Золотой звезды 3-й ст. (29.01.1906) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 314. Л. 106 — 113; СЛ. С. 10, 36).

ОСТЕН-САКЕН, Федор Романович фон дер (01.03.1832, С.-Петербург — 10.07.191, (1.05.1916 (?)), Петроград) — барон, путешественник, ученый, военный и государственный деятель. После окончания юридического факультета С.-Петербургского университета поступил на службу в Азиатский департамент МИД. С отрядом полковника В.А. Полторацкого в 1867 г. для решения вопроса о границе с Восточным Туркестаном совершил поездку по Азии из Верного до южных отрогов Тянь-Шаня, дошел почти до Кашгара, где в это время управителем был Якуб-бек, недоброжелательно относившийся к России. Провел рекогносцировку к югу от

р. Нарын, озера Чатыр-Кул, собрал обширный гербарий, обработанный позднее академиком Ф.Н. Рупрехтом. (Отчеты в «Известиях ИРГО» за 1869). В 1870 г. напечатал обширные примечания к труду об озере Иссык-Куль и «находимых на его дне остатках древних построек». В «знак благодарности за неутомимую деятельность» награжден малой золотой медалью ИРГО (1871). В 1876 г. — вице-директор Азиатского департамента МИД, составил важную аналитическую записку для МИД, в которой охарактеризовал положение дел в Туркестане, Восточном Туркестане, перспективах российско-туркестанских и российско-китайских отношений. С 14.12.1889 г. — Почетный член Императорской Академии наук. Его именем названы: мыс в Таймырском заливе (Э.В. Толем в 1901), гора на Шпицбергене (А. Петерманом в 1870) (narod.ru).

ОСТРОУМОВ, Николай Петрович (15.11.1844, Тамбовская губ. — 17.11.1930, Ташкент) — востоковед, историк, этнограф, один из первых исследователей Туркестана. Выпускник Казанской духовной академии со степенью магистра, преподаватель истории и вероучения ислама. С 1877 г. — в Ташкенте в должности инспектора училищ, директор учительской семинарии, директор мужской гимназии, редактор «Туркестанской туземной газеты», издаваемой на двух языках (1883 — 1917), переводчик на узбекский язык произведений А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и по просьбе Британского библейского общества 4-х книг Евангелия, изданных в 1891 г. в Лейпциге. Резко отрицательно относился к исламу, сохранял свой религиозный консерватизм, но миссионером не был.

ОТТЕНДОРФ, Генрих (Герман) Германович — коллежский регистратор, ученый садовник, уроженец г. Акен на Эльбе, состоял в прусском подданстве, с 1884 г. — Ново-Маргеланский городской садовод, 1907 г. — заведующий лесничеством Ферганской обл., 1913 г. — Маргеланского уезда. Создатель зеленого наряда г. Скобелево (Фергана), за заслуги перед обществом награжден золотой медалью на Анненской ленте с надписью «За усердие» (10.12.1888). В Ферганском областном музее хранится рукопись его книги «Практические указания по садоводству в применении к Ферганской долине» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 69. Л. 40 — 43, 110; Д. 90. Л. 129; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 179, 280, 310 — 313, 481; СЛ. С. 37).

ОТТЕНСОН, Владимир Карлович — начальник почтово-телеграфной конторы (1913) Туркестанского почтово-телеграфного округа (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 13).

ОШАНИН, Василий Федорович (21.12.1844, Липецкая губ. — 25.01.1917, Петроград) — ученый, биологэнтолог, географ, путешественник, исследователь Центральной Азии, был участником многих экспедиций, летом 1878 г. руководил экспедицией на Памир, открыл хребет Петра I и крупнейший в Евразии ледник, названный им именем его друга ученого А.П. Федченко, наблюдал пик Коммунизма (с 1998 — пик Исмаила Сомони, 7495 м), преподаватель естественных наук в Туркестанской учительской семинарии, директор женской гимназии (1887 — 1906). В его доме в 1879 — 1880 гг. жил революционер Г.А. Лопатин во время своей ссылки в г. Ташкент.

ПААС, Иван Карлович — учитель Самаркандской мужской гимназии (1913).

ПАЛЕН, Константин Иванович (1833 — 1912) — граф статс-секретарь, сенатор, государственный деятель, ревизор Туркестанского края (Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб. 1910) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 4. Д. 1243; Оп. 6. Д. 387; Оп. 27. Д. 214; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 45; Д. 32056).

ПАЛЛАС, Петр Симон (22.09.1741, Берлин — 8.09.1811, Берлин) — немецкий и российский ученый, энциклопедист, естествоиспытатель («один из выдающихся естествоиспытателей всех стран и народов»), писатель, путешественник, в т.ч. в районы Поволжья и Оренбургской обл., «природный немец, родом пруссак <...> отдал всю жизнь России» (В.И. Вернадский). Второй после М. Ломоносова российский академик. Фундаментальный труд о фауне России (Путешествие по различным провинциям Российской империи. СПб. 1809). Его именем названо несколько видов растений и животных, поселение Паласовка (с 1967 — город), центр Палассовского района (22.06.1922 — 7.09.1941 — Палассовского кантона, входившего в состав Трудовой коммуны немцев Поволжья) Волгоградской области. В 2011 г. в связи с 270-летием со дня рождения ученого в городе установлен единственный в мире памятник П. Палласу (НР. Т. 3. С. 17 — 18).

ПАНДЕР, Александр Августович — нач. участка движения Ташкентской железной дороги.

ПАНДЕР, Христиан (Генрих) Иванович (12.07.1794, Рига — 10.09.1865, С.-Петербург) — ученый, эмбриолог, анатом, участник экспедиции А.Ф. Негри в Бухару в 1820 г., его работа «Естественно-историческая (натуралистическая) история Бухары. Описание страны, заключенной между Оренбургом и Бухарой» — приложение к французскому изданию в 1826 г. труда Мейендорфа. Автор работ по остеологии, геологии, палеонтологии (на немецком языке), один из пер-

вых («отец») палеонтологов России. С 1821 г. — академик С.-Петербургской АН. Лауреат Демидовской премии (1857) (НР. Т. 3. С. 20 — 21).

ПАПЕНГУТ, Петр Оскарович (19.11.1856 — после 1917) — прав., действительный статский советник, помощник губернатора Самаркандской обл. После окончания Смоленской гимназии и С.-Петербургского юнкерского пехотного училища (1875) до 2.09.1894 г. находился на воинской службе, был членом суда общества офицеров. За «человеколюбивый подвиг» в 1880 г. награжден серебряной медалью на Владимирской ленте с надписью «за спасение погибающих». В 1894 г. назначен земским начальником Царевского уезда Астраханской губ., с 14.05.1896 г. — помощник предводителя дворянства Астраханской губ., попечитель церковно-приходских школ Царевского уезда. В 1897 г. участвовал во Всесоюзной переписи населения (награжден медалью), 1898 г. — комиссар по крестьянским делам Андреевского уезда Келецкой губ., 1901 г. — Люблянского уезда Люблянской губ. С 13.02.1905 г. — чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, член ревизионных комиссий, комиссий по разработке нового проекта «Положения об управлении Закаспийской областью», по разработке мер для изучения служащими чиновниками языков местных народов, по устройству приюта для ветеранов Туркестанских войск и др. С 3.11.1907 г. назначен помощником губернатора Самаркандской обл., с 10.02.1913 г. — и.д. военного губернатора Самаркандской обл., с 14.03.1916 г. — помощник губернатора Ферганской обл., «за деятельное, энергичное и во всех отношениях успешное управление» имел материальные поощрения, награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (27.05.1883), 2-й ст. (14.05.1896), 1-й ст. (8.12.1913); Св. Анны 3-й ст. (30.08.1887), 2-й ст. (6.12.1904), 1-й ст. (5.02.1917); Св. Владимира 4-й ст. (2.09.1907), 3-й ст. (6.12.1911); бухарским Золотой звезды 2-й ст. (29.01.1906), 1-й ст. (5.11.1914); медалями: «В память царствования императора Александра III» (26.02.1896), «В память 300-летия царствования дома Романовых» (21.02.1913) и др., получал благодарности. Уволен «по прошению приказом Временного правительства» (21.03.1917). Был членом Самаркандского скакового общества (1913). Жена — Надежда Ивановна (Ушакова, брак заключен 7.12.1892). Дети: Павел (27.05.1894 — после 10.12.1933) — выпускник Ташкентского кадетского корпуса 1914 г., член Туркестанского союза борьбы с большевизмом (1918), участник Белого движения, в 1931 г. — эмиграция в Синцзянь; Екатерина (11.04.1893) — учительница ри-

сования в Самаркандской женской прогимназии (с 1.07 1914); Мария (11.03.1898) — классная дама в Самаркандской женской гимназии (1914); Татьяна (13.01.1899); Вера (13.01.1900); Елизавета (2.11.1901) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1076; Оп. 3. Д. 769; Д. 770; Д. 771; Д. 778; Оп. 4. Д. 898; Оп. 31. Д. 388; Д. 1036. Л. 29; Оп. 33. Д. 316. Л. 95 — 152 п/с; Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3159. Л. 2; Д. 3160; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 98, 248; СЛ. С. 3; НР. Т. 3. С. 22).

ПЕДЕР, Эрих Яковлевич — бухгалтер фирмы «Георгард и Гей» в Коканде.

ПЕЛЬЦ, Витовт — лют., коллежский регистратор, лесничий Джизакского лесничества (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 899. Л. 54).

ПЕРВУШИН, Иван Иванович (1842 — 1871) — московский купец и предприниматель в Ташкенте, основавший винокуренный завод и фабрики для производства игристых вин.

ПЕРОВСКИЙ, Василий Алексеевич (1794 — 1857) — граф. Генерал-адъютант, государственный деятель, Оренбургский генерал-губернатор (1833 — 1842, 1851 — 1857), его именем был назван г. Перовск (с 1925 — Кызыл-Орда).

ПЕТЕРС, Иоган Иоганович — техник, ирригатор, служащий партий оросительных изысканий на р. Амударья (1915) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 67об).

ПЕТЕРСЕН, Оскар Владимирович (1849 — 1919) — известный сифилидолог, дерматолог и общественный деятель. Выпускник медицинского института Дерптского университета, слушал лекции за рубежом, доктор наук (1874). Служил врачом, читал курсы лекций по кожным и венерическим заболеваниям. С 1886 г. — зав. кафедрой кожных и венерических болезней Института для усовершенствования врачей в С.-Петербурге, занимался исследованием распространения проказы в России (более 75 научных работ, а также десятки работ по сифилису), один из основателей Общества для борьбы с проказой в СПб губернии. В России контролировал все лепрозории. Посетил в апреле 1912 г. Бухару, Коканд, Ташкент с целью использования средств для лечения пендинки и малярии. В докладе Политического агента в Бухаре отмечено: «большая заслуга профессора — он не ограничивался опытами, но обратил главное внимание на подготовку здешних врачей, которые работали под его наблюдением. Его высокочество (эмир Бухары) лично благодарил профессора и просил принять от него 1000 рублей на закупку средств «606» которые стоят дорого» («606» — препарат для лечения пендинки), «безбоязненно посещал больных» (ЦГА РУ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 979; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 12 — 13; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 440. Л. 35).

ПЕТРОВСКИЙ, Николай Федорович (30.11.1837 — 19.11.1908, Ташкент) — востоковед, дипломат, археолог. Выпускник 2-го Московского кадетского корпуса, с 1861 г. — в отставке, узник Петропавловской крепости (1862 — 1863), затем служащий Госконтроля, с 1870 г. — чиновник особых поручений Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве, в 1882 г. перешел на дипломатическую службу, в 1895 г. назначен первым российским консулом (затем посол) в Кашгаре (до 1903). Один из первых исследователей древних цивилизаций на трассах Шелкового пути. Переписка со многими общественными деятелями, военными и учеными издана РАН в 2010 г.

ПЛЕТ, К.И. — благовестник Николайпольской общины евангельских христиан-баптистов.

ПОКМАЙЕР, Франц Леопольдович — служащий Бухарского отделения Московского учетного банка (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1315. Л. 249).

ПОПЕЛЬ, Илья Иванович — мировой судья г. Ауле-Ата (1907) (СЛ. С. 31).

ПОТАНИН, Георгий Николаевич (4.10.1835, Семипалатинский округ — 30.06.1920, Томск) — географ, этнограф, ботаник, публицист, исследователь Центральной Азии и Сибири.

ПОТАПОВ, Александр Львович (1818 — 1886) — генерал от кавалерии, начальник третьего отделения, шеф корпуса жандармов, с 1868 г. — генерал-губернатор Северо-Западного края (1868 — 1878).

ПОТЕМКИН, Григорий Александрович (1739 — 1791) — граф, светлейший князь. Генерал-фельдмаршал, государственный деятель, почетный член Российской АН.

ПРАНАЙТИС, Юстиниан Бонавентура (1861 — 12.02.1917) — ксендз католической общины Ташкента, «апостол Туркестана».

ПРЕЙС, Герберт (Фридрих) Фридрихович — титулярный советник, заведующий лесничеством в Ауле-Атинском уезде (1913 — 1918) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38517. Л. 29; СЛ. С. 29).

ПРЕСЛЕР, Ксения — классная надзирательница Асхабадской женской гимназии (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3965. Л. 9).

ПРЖЕВАЛЬСКИЙ, Николай Михайлович (12.04.1839, Смоленский уезд — 1.11.1888, Каракол (Пржевальск)) — генерал-майор, путешественник, за 11 лет совершил пять экспедиций по Центральной Азии, прошел 30 тыс. верст пути, собрал 70 тыс. гербариев, почетный член Российской АН. В 1892 г. ему поставлен

в Александровском саду С.-Петербурга памятник по экспозиции А.А. Бильдерлинга, скульптор И. Шредер.

ПФЕЙЛИТЦЕР-ФРАНК, Роберт Эмильевич фон — барон, полковник, судья военного окружного суда Ташкента, почетный мировой судья Самаркандского окружного суда (1907) (СЛ. С. 49).

ПФЕЙФЕР, Нора Ивановна — преподаватель немецкого языка в Ташкентской женской гимназии (1907, 1910) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 4031; АК. С. 91).

ПФЕННИНГ, Роберт А. (1824, Бреслау — 20.03.1898, Ташкент) — лют., на-дворный советник, учился музыке в Берлине, преподавал музыку в Лифляндии и Киеве, затем — преподаватель немецкого языка в Ташкентской мужской прогимназии (с 1879), член Испытательного Комитета при управлении учебными заведениями, председатель Церковного Совета евангелическо-лютеранской общины Ташкента, инициатор создания и руководитель певческого хора прихода (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 514. Л. 40; ТВ. 1879. №. 6; № 42).

ПФЛАУМЕР, Иоганес Рейнгартович — лют., выпускник Казанского университета, присяжный поверенный Ташкентского окружного суда (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 143 — 145).

РАДЛОВ, Василий (Вильгельм Фридрих) Васильевич (17.01.1837, Берлин — 12.05.1918, Петроград) — выдающийся востоковед-тюрколог, этнограф, археолог и педагог, один из пионеров сравнительно-исторического изучения тюркских языков и народов, совершал поездки на северное побережье озера Иссык-Куля вплоть до Кульджи в 1862 г. и 1869 г. С 28.03.1894 г. до конца жизни — директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, председатель его Попечительского совета и член Издательской комиссии Императорской АН. В 1898 г. организовал Турфанскую экспедицию, возглавляемую Д.А. Клеменцом, описал и опубликовал обнаруженные им древние уйгурские памятники, 1903 — 1918 гг. — инициатор создания и первый председатель Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, первым из европейцев записал и опубликовал киргизский эпос «Манас», уйгурский памятник XI в., автор монографии «Опыт словаря тюркских наречий» (Т. 1 — 4). За этнографические исследования о жителях Зеравшанской долины награжден серебряной медалью ИРГО (1869). Награжден многими российскими (в т.ч. орденом Св. Владимира 2-й ст.) и иностранными орденами (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 490. Л. 4; Ковальская М.С., Рунде Н.В. Фридрих Вильгельм Радлов // Культурное наследие немцев в Цент-

ральной Азии. Сб. статей под ред. составителя О. Клименко. Алмата. 2012. С. 57 — 63; НР. Т. 3. С. 193).

РАЙХ, В.Ф. — один из ведущих проектировщиков, разработчиков важнейших промышленных объектов Чирчик-Ангренского бассейна, Кизил-Кии, Сулюкты, Шураба, Чимиона, Кадырынской ГЭС, Ташкентского текстильного комбината (XX в.).

РАНДАУ, Яков Иванович — фельдшер Джизакского уезда (1896) (АК. С. 9).

РАУНЕР, Станислав Юлиевич — статский советник, выпускник лесного института, лесовод, мелиоратор, теоретик и практик горно-облесительных работ. Первый начальник организованного 2.06.1897 г. Управления земледелия и госимущества Туркестана (8.09.1897 — 8.10.1900). Управление под его руководством проводило работы по «облесению горных склонов с целью прекращения селевых потоков» и заложило основу к созданию 37 лесных дач по всему Туркестану (из них и ныне действуют на территории Узбекистана Аманкутанская, Зааминская и Акташская). По его проектам о производстве лесных культур на склоны гор были высажены саженцы дуба, арчи и грецкого ореха, а также клена, ясеня и др. лиственных пород деревьев. Заведующий казенными землями в Голодной степи, разработчик проекта поселка Духовского около железнодорожной станции Голодная степь (1899 — 1900), вице-инспектор корпуса лесничих. Действительный член ИРГО, член постоянной Водомерной комиссии Императорской АН (на 1917), товарищ председателя Гидрогеологического комитета при ГУ землеустройства и земледелия, член Совета общества «Русское зерно», занимающегося внедрением передового зарубежного аграрного опыта в период столыпинской реформы (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 2301. Л. 57; ТС. № 422. С. 90, 121; № 441. С. 130).

РЕГЕЛЬ, Альберт (Иоганн-Альберт) Эдуардович (30.11.1845, Цюрих — 6.07.1908, Одесса) — надворный советник, врач, ботаник, исследователь Центральной Азии, путешественник. Выпускник Дерптского университета (1875), с 6.08.1876 г. служил чиновником особых поручений Кульджинской канцелярии при Семиреченском военном губернаторе, назначен окружным врачом в г. Кульджу Семиреченской обл. (ныне в Китае), затем Ошским уездным врачом, занимался исследованием флоры края и сопредельных районов (Оренбург — Казалинск Сырдарьинской обл. — Ташкент — долина р. Чаткал и Талас-озеро, Иссык-Куль — Верный-Кульджа, Кульджинский (Илийский) край) (1876 — 1879). Первым описал

растительность Памира, в очень сложных и трудных условиях совершил путешествие на Памир: в Турфан (1879), по бекствам Бухарского эмирата Шугнан, Рошан, Дарваз, озеро Шива (1881 — 1883), обследовал долины рек Пяндж, Оби-Ниоу и Оби-Хингоу (Дарваз, 1881), наиболее плодотворной была поездка в октябре 1882 г. — январе 1883 г. на Западный Памир, куда он проник первым из европейцев, первым посетил озеро Шива (Шева), ханства Рушанское и Шугнанское. Был хорошо принят правителем Шугнана Юсуф-Али-ханом, который затем оплатил за свое гостеприимство и был казнен афганским эмиром Абдур-Рахманом, заподозрившим хана в переговорах с Россией о протекторате. Путь исследователя по Памиру составил сотни км, он собрал богатые ботанические коллекции, включающие много новых видов растений, прекрасно описал ландшафт. Экспедиции проводились в очень тяжелых организационных климатических условиях. Его письма приходили редко с оказией через бухарского правителя или шахризьабского бека. Часть своих путешествий описал в отчетах (Отчет врача о развитии садоводства в Ташкенте), в книгах (Путешествие в Турфан. 1881; Памирские экспедиции. 1883), писал очерки (Ботанические экскурсии от Ташкента до Кульджи. 1878; Луковичные растения Западного Тянь-Шаня. 1881) и др., увлекательные статьи в журналах и газетах. Совершал также экспедиции по южному Казахстану. После поездки в Мерв (1884), из которой его привезли совершенно больным (дал повод по «многим своим признакам подозревать его болезненное состояние»), 29.12.1885 г. был отправлен в Ташкентский военный госпиталь по «подозрению в расстройстве умственных способностей», затем в сопровождении фельдшера выехал в Петербург. В своих экспедициях собрал около 100 тысяч гербариев растений, многие из которых характерны только для местности края, различные коллекции насекомых, окаменелостей, чучел птиц и животных, ввел в науку неизвестные туркестанские растения, сделал ряд географических открытий, составил вместе с топографом П.Е. Косяковым новую карту хребтов Западного Памира, посетил токмакское несторианское кладбище, памятники архитектуры. Он не успел обработать свои материалы (28 ящиков): ботанические коллекции обработал по частям, изучил и систематизировал флору Туркестана, его отец — Эдуард Людвигович (Эдуард Август) РЕГЕЛЬ (1815 — 1892) — член-корреспондент Петербургской АН, директор Императорского Ботанического сада. Несколько тысяч гербарных образцов, собранных им в долинах рек Шах-Дара, Гунт, Пяндж хранятся в С.-Петербурге в Гербарии Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (БИН). «Их изучение до сих пор представляет воз-

возможность описания новых видов». Коллекции насекомых были переданы в Императорскую АН; коллекции горных пород — в Горный институт; эскиз карты — в Генеральный штаб, где им занялся О.Э. Штубендорф. Но «даже немногочисленные описания огромной территории южной части страны, которые успел сделать А.Э. Регель, имели большое научное значение». Современники писали о нем: «Нельзя не удивляться энергии и настойчивости, с которой при самых скромных средствах успел проникнуть далее, нежели возможно было предполагать». 12.05.1884 г. избран членом-сотрудником ИРГО. С 11.01.1900 г. имя ученого первой Памирской экспедиции (1881 — 1883) вписано в именной список успешных экспедиций и приравнено к награждению военной медалью «За походы в Средней Азии. 1853 — 1895 гг.», награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. Его именем названы несколько растений края (*Albertia Rgl*). Национальным банком Республики Казахстан в серии «Растительный мир Казахстана» в 2006 г. выпущена серебряная инвестиционная монета в 500 тенге (4 тысяч экземпляров) «Тюльпан Регеля» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2469. Л. 68-137; Оп. 15. Д. 255. Л. 10 — 64; Д. 312. Л. 57 — 60; Д. 2469. Л. 68, 134; Оп. 20. Д. 7894; Д. 9056; Оп. 33. Д. 233; Ф. И-5. Оп. 1. Д. 1126; Д. 1206; Ф. И-19. Оп. 3. Д. 84-а; ТС. № 348. С. 104, 160; № 361. С. 20 — 28, 48; № 367. С. 30; № 451. С. 54 — 60; Известия ИРГО. 1881. Вып. 4. С. 48; ТВ. 1878. №№ 6; 10 — 13; 1879. № 44; 1884. № 17; 1892. № 20; Иконников С.С. Вклад петербургских и ленинградских ботаников и географов в изучение природы Памира // Историко-биологические исследования. № 2 / Том 5. СПб. 2013. С. 31; Проскурин В. В долине Заилийских гор немецкие сады и парки // Культурное наследие немцев Центральной Азии. Сб. статей под ред. составителя О. Клименко. Алматы. 2012. С. 24 — 40; НР. Т. 3. С. 227 — 228; 229 — 230).

РЕЗЕНФЕЛЬД, А.И. — член Ташкентской город. думы (ЦГА РУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 514. Л. 16).

РЕЙМЕРС, Алексей Густавович (1842) — прав., генерал-майор, председатель Сырдарьинского областного правления. Из дворян Тобольской губ., окончил Сибирский кадетский корпус, зачислен 16.07.1859 г. подпоручиком в Западно-Сибирский батальон, принимал участие в сражениях на китайской границе, имел награды «за храбрость». С 4.11.1868 г. начал службу в Туркестане в Верненском уезде Семиреченской обл., начальник отдела Семиреченского областного правления, 27.07.1869 г. — член и делопроизводитель комитета по постройке церкви в г. Андижане, с 1871 г. — чиновник особых поручений при начальнике Зерав-

шанского округа, с 1872 г. — начальник Чимкентского, Туркестанского («благодаря ему возник старейший т.н. Церковный сад в городе Туркестане»), Перовского уездов, с 1879 г. — председатель Комитета Туркестанского уездного отделения попечения о тюрьмах, с 22.03.1883 г. — председатель Сырдарьинского областного правления, директор Сырдарьинского областного попечительного о тюрьмах комитета. 25.02.1884 г. — 1.04.1885 г. — военный губернатор Сырдарьинской обл., начальник Шураханского участка Амударьинского отдела, затем служил начальником Казалинского уезда. Уволен в отставку 31.08.1889 г. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (7.08.1864), 2-й ст. (24.03.1878); Св. Анны 3-й ст. (14.07.1865). Жена — Евдокия Панкратьевна (Боровкова). Сын — Александр (22.08.1881) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2501; Оп. 20. Д. 340; Д. 3045; Д. 9725; Оп. 28. Д. 69; Оп. 33. Д. 234. Л. 8 — 9; Д. 319. Л. 4056; Д. 181. Л. 4; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 586. Л. 5; Д. 1476; Д. 1477; Д. 1521; Д. 4397; Д. 36164. Л. 1; Д. 36210. Л. 1 — 8; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1675. Л. 160; Добросмыслов А. Города Сырдарьинской области. Ташкент. 1912. С. 132).

РЕЙНГАРД — владелец с 1879 г. в течение 10 лет единственной «вольной аптеки» в Бухаре (ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 39).

РЕЙНГАРД, Константин Оттонович — прав., главный санитарный врач Ташкента, специалист по кожно-венерологическим заболеваниям, один из активистов Общества естествоиспытателей и врачей Туркестанского края (1913), репрессирован в 1930 г. (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 1921; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 105; Д. 1329. Л. 203 — 205; ТВ. 1907. № 35).

РЕЙНТАЛЬ, Павел Яковлевич фон (10.01.1840 — 29.12.1882, Новогеоргиевск) — полковник, из дворян Лифляндской губ., выпускник Сибирского кадетского корпуса (1858), Михайловской артиллерийской академии (1863), с сентября 1860 г. прикомандирован к С.-Петербургскому арсеналу, 1867 — 1871 гг. — старший чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской обл., 19.10.1868 г. прибыл в Кашгар, был дважды принят его правителем Якуб-беком, вел переговоры с ним от имени России, впоследствии рассматривался в качестве возможного кандидата на должность первого российского консула в Кашгаре. В 1871 г. — член Комиссии по образованию Сырдарьинского областного правления, с октября 1871 г. — начальник 1-го участка Кульджинского района, 1874 — 1976 гг. — начальник Копальского уезда Семиреченской обл., с 1 июля по 4 августа 1875 г. — и.д. военного губернатора Семиреченской обл., 1876 —

1879 г. — командир Верненской крепостной артиллерии, переведен на такую же должность в Новогеоргиевскую крепость (Царство Польское). Автор работы: Р (ейнталь) П. (Я). Из путевых записок о Нарыне и Кашгаре // Военный сборник. 1870. № 7; № 8. С. 384 — 388. Имел награды. Жена — Ольга Александровна (Витчикова) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 3242; Бюллетень САГУ. 1928. № 17. С. 14; НР. Т. 3. С. 244).

РЕЙС, Виктор Александрович — прав., отставной генерал-майор, управляющий Самаркандским отделением Волжско-Камского коммерческого банка в Самарканде (1914) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 171).

РЕЙСНЕР, Григорий Семенович — лют., присяжный поверенный, «известный в Ташкенте ходатай исключительно по политическим делам, член партии «Народная свобода» (1905), охранное ведомство отмечало: «представляется личностью сомнительной в политической благонадежности», 17.11.1905 г. в зале Ташкентского общественного собрания «открыл заседание собрания конституционно-демократической партии», участник многих митингов, выступал в качестве оратора от имени партии «Народной свободы»; среди ташкентцев был известен под кличкой «Президент Ташкентской республики» (1913), член Туркестанского общества воздухоплателей, общества взаимопомощи служащих в Туркестанском крае, Туркестанского юридического кружка присяжных поверенных (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 23 — 25, 92 — 93; Д. 1329. Л. 143, 288).

РЕЙТ, Александр Александрович — купец 2-й гильдии Семиреченской обл. (1885), член Податного присутствия в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 69. Л. 118 — 119).

РЕЙФЕЛЬД, Петр Владимирович — капитан, помощник начальника Ново-Маргеланского уезда (1907) (СЛ. С. 39).

РЕЙФШНЕЙДЕР, Карл Христианович (1860) — управляющий Русско-Азиатского банка в Ашхабаде (до 1915). Жена — Альма Людвиговна. Дети: Эльза (1897) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1739. Л. 34).

РЕЙХЕЛЬ, Владимир Михайлович — зав. гидрометрическими постами строительной партии по орошению 45 тыс. десятин в Голодной степи, чиновник главного управления землеустройства и земледелия Закаспийской обл. (на 1907) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 926. Л. 3; СЛ. С. 10, 14).

РЕНАРД, Ольгерд (Ольгард) Августович (17.03.1849) — катол., надворный советник, военный врач 11-го Туркестанского линейного батальона. Из дворян

Виленской губ. Окончил Императорскую медикохирургическую академию, признан в степени лекаря (1876), служил в госпиталях Виленской губ. С 11.09.1892 г. зачислен в 11-й Туркестанский линейный батальон, принимал активное участие в борьбе с холерной эпидемией 1892 г. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (16.04.1878), 2-й ст. (15.03.1883); Св. Анны 3-й ст. (2.04.1879); медаль «В память русско-турецкой войны 1877 — 1878». Жена — Ванда (Романович). Дети: Станислав (23.03.1881), София (22.06.1883) (АК. С. 12).

РЕНГАРТЕН, Павел (Альберт Эдуард) Александрович (1858 — 1897, Ташкент) — прав., титулярный советник, горный инженер, выпускник Горного института (июнь 1879), направлен в распоряжение горного начальника Луганского округа, с 4.11.1880 г. — чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе по горной части, с 15.11.1883 г. — в распоряжении Главного горного управления, 1886 — 1892 гг. — в распоряжении Новороссийского общества для управления Криворожскими железными рудниками. Ордена: Св. Станислава 3-й ст., 2-й ст. (2.12.1881); Св. Анны 3-й ст. (15.05.1883). Жена (обвенчан 19.02.1880) — Надежда Александровна (Львова, ум. 1894). Дети: Вера (1884), Владимир Павлович РЕНГАРТЕН (12.07.1892, Ташкент — 10.07.1964, Ленинград) — геоморфолог, геолог, член-кор АН СССР (1946), в 1923 — 1933 гг. участвовал в работах Памирской экспедиции АН СССР, автор 250 работ (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1725; Оп. 22. Д. 839; Оп. 33. Д. 319. Л. 73 — 83; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 544; НР. Т. 3. С. 257 — 258).

РЕННЕНКАМПФ, Дидрих Густав фон — надворный советник, инженер строительного отдела Самаркандского областного правления (1896), 1904 г. — мировой судья Кызыл-Арватского округа Ашхабадского окружного суда, 1907 г. — мировой судья Самаркандского уезда 2-го участка. Член Самаркандского отделения Туркестанского благотворительного общества (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 706; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1675. Л. 160; АК. С. 49).

РЕРБЕРГ, Дмитрий — инженер Кокандско-Наманганской железной дороги (нач. XX в.).

РЕРБЕРГ, Павел (Петр) Федорович (6.10.1835, С.-Петербургская губ. — 29.05.1912, С.-Петербург) — инженер-генерал, военный инженер, государственный деятель, участник Крымской (1853 — 1855, непосредственный участник осады крепости Карс, один из фортов которой получил его имя) и русско-турецкой (1877 — 1878) войн. С 1859 г. — на Кавказе, 6.05.1881 —

22.03.1883 г. — начальник и командующий войсками Закаспийской обл. Назначен командиром Варшавского корпуса (1885), с 1886 г. — командующий войсками Одесского военного округа. Награжден орденами: Св. Станислава 1-й ст. (1871); Св. Анны 1-й ст. (1874); Белого Орла (1883); Св. Владимира 1-й ст.; (1899) Св. Александра Невского (1887); Св. Андрея Первозванного (1912). Жена — Наталия Николаевна (Герсеванова). Дети: Федор (9.10.1868, Тифлис — 14.09.1928, Александрия) (ИР. Т. 3. С. 269 — 270).

РЕЧЬ, Самуил (Юлиус Сигизмунд) Иоганович (22.03.1872, с. Фенер) — из Лифляндской губ., закончил Рижское морское училище, механик Наманганского Товарищества маслобойного и хлопкового производства, 16.08.1916 г. арестован по подозрению в прогерманской пропаганде: «16 августа 1916 года заключен за прогерманскую пропаганду» (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1896. Л. 7 — 7об.).

РИЗЕНВЕБЕР, Готфрид Готфридович — работник мыловаренного завода в Ташкенте (нач. XX в.) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1899. Л. 2).

РИЗЕНКАМПФ, Георгий Константинович (1886, Ереван — 1943, ст. Потьма Мордовской АССР, поселок Явас) — инженер, один из крупнейших гидротехников России. После вторичного вступления в брак его матери вдовы судьи Губенко с генерал-адъютантом в отставке Константином Александровичем Ризенкампом был усыновлен им в 1888 г. Выпускник Петербургского института путей сообщения (1909), специализировался по гидротехнике и водным путям, владея тремя европейскими языками, слушал лекции в Германии, знакомился с техническими сооружениями в Австрии, Швейцарии и Италии. Направлен в технический отдел Кавказского округа путей сообщения. В 1910 г. вернулся в С.-Петербург, вольнослушатель физико-математического факультета университета, одновременно работал в отделе земельного улучшения Министерства земледелия. В 1910 — 1912 гг. был составителем проектов по орошению Кавказа и Туркестана, участвовал в разработке схемы орошения Голодной степи (первая схема ее орошения была разработана им в 1911). В результате его работы в Голодной степи с 1912 г. была построена первая в России инженерная ирригационная сеть, впервые в мировой практике был осуществлен комплексный метод орошения и освоения орошаемых земель (магистральный канал открыт 5.10.1913). В 1914 г. — начальник технического отдела по составлению проектов орошения в бассейне р. Сырдарья, составитель схемы использования ее вод и автор проекта орошения 450 тысяч десятин в Голодной степи. Проект был принят техническим отделом, но не был осуществ-

лен в связи с началом Первой мировой войны. Однако многие положения его проекта внедрялись в жизнь степи, его основные идеи были использованы позднее в советское время при освоении целинных земель. В 1915 г. в Министерстве земледелия создал Управление гидротехнических работ, обслуживающее нужды Северного флота, одновременно работал преподавателем Петроградского политехнического института и Института инженеров путей и сообщений. В начале 1918 г. обратился к В.И. Ленину с докладной запиской о состоянии орошения земель в Туркестане, 17.05.1918 г. декретом Совнаркома учреждено Особое управление ирригационных работ в Туркестане под его руководством. Был арестован в Самаре, по пути в Туркестан, освобожден в 1919 г. по телеграмме Ленина. В 1920 г. участвовал в организации технического факультета Туркестанского университета в Ташкенте, который в 1922 г. был преобразован в инженерно-мелиоративный факультет, был избран профессором кафедры ирригации и до конца 1922 г. входил в состав университетского представительства ТашГУ в Москве. Продолжал научные изыскания в различных районах Центральной Азии, результаты которых легли в основу Чирчик-Бойсунского каскада, Уч-Курганской, Фархадской и Хишрауской ГЭС. Возглавлял специальную Туркестанскую службу в комиссии ГОЭРЛО. В 1921 г. предложил схематический проект Транс-Каспийского канала с забором воды из р. Амударья у слияния Вахша и Пянджа (известен как Каракумский канал) длиной более 1500 верст для орошения 300 тыс. десятин в Афганистане и 2200 тыс. десятин в Закаспийской обл., опубликован его труд «Транс-Каспийский канал (Проблемы орошения Закаспия)». Его идеи стали осуществляться в 60-х гг. XX в. при комплексном освоении и орошении целинных земель Голодной степи. Избран директором научно-мелиорационного института в Петрограде (ВНИИГ им. Б.Е. Веденеева), профессором по кафедре гидротехнических сооружений инженерно-мелиорационного факультета Московского межведомственного института (1921). В 1924 — 1929 гг. пересмотрел свой проект орошения Голодной степи и разработал новую схему использования водных ресурсов р. Сырдарья. В конце 20-х гг. арестован и вместе с женой сослан. В 1930 г. вернулся в Ленинград, находясь под надзором ОГПУ работал в Техническом бюро № 1 Беломорстроя, позже возглавил особое Центральное бюро для составления общей схемы реконструкции Волги, орошения Заволжья. В 1934 г. начата под его руководством большая работа по составлению проекта Волго-Донского канала (составление проекта завершено к 1938). В начале 1940 г. — главный консультант

проектов морского Мангычского пути, реконструкции Кура-Араксинской низменности на базе Мингичуарского гидроузла и др. Арестован в 1941 г. в Москве, умер в заключении в 1943 г. Жена — Амалия Петровна (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 8092. Л. 1 — 12; Д. 8096. Л. 1 — 34; Д. 8098; Д. 8105. Л.19; Д. 8170; Д. 8171; memo.ru).

РИМАН, Георг Фридрих Бернхард (1816 — 1966) — преподаватель математики в САГУ (Узбекская ССР. Энциклопедия. Т. 1981. С. 285).

РИСЛЕР, Валентина Георгиевна — медицинский работник 2-й женской амбулатории для коренного населения (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1575. Л. 80).

РИТТЕР, Вильгельм Августович — инструктор по хлопководству на опытном поле в Голодной степи (1910).

РИТТЕР, Карл (1779 — 1859) — немецкий ученый, натуралист, один из основоположников современной географии, с 1820 г. — профессор Берлинского университета, с 1835 г. — иностранный почетный член Петербургской АН. Автор фундаментального труда «Землеведение в отношении к природе и истории человечества» (начат в 1817, при жизни К. Ритера вышло 19 томов, посвященных Азии и Африке). Его именем назван горный хребет в Нянъшане (восточные отроги Тянь-Шаня).

РИХТЕР, Петр Константинович (2.04.1842, С.-Петербургская губ.) — прав., подполковник, мл. чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе. Из дворянской семьи С.-Петербургской губ. Воспитанник пажеского его императорского величества корпусе. 16.06.1861 г. произведен в прапорщики, причислен в 16-й драгунский Нижегородский его величества короля Виртембергского полк. С 25.01.1864 г. прикомандирован к Главному штабу Кавказской армии для письменных занятий, 5.08.1864 г. — в распоряжении командующего войсками Терской обл., с 5.08.1865 г. — адъютант командующего войсками Терской обл. 17.04.1867 г. переведен в 88-й пехотный Петровский полк, 12.09.1867 г. переведен в 11-й Туркестанский линейный батальон, 7.07.1869 г. произведен в штабс-капитаны со старшинством, 25.07.1870 г. переведен в 9-й Туркестанский линейный батальон, участник военных операций в Бухаре, в т.ч. в боях на Зерабулакских высотах. С 29.05.1872 г. переведен в 40-й пехотный его Императорского Высочества Великого князя Михаила Михайловича полк, 22.07.1874 г. переведен в Крымский дивизион, член эскадронного суда, с 1.08.1875 г. — командующий 2-м эскадронном, 24.01.1876 г. произведен в майоры. С 1.02.1877 г. утвер-

жден председателем дивизионного суда. С 2.04.1880 г. назначен командиром 1-го эскадрона, 4.07.1882 г. утвержден командиром стрелковой роты. С 6.08.1882 г. назначен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, с 30.12.1882 г. зачислен на должность мл. чиновника особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (10.03.1869), 2-й ст. с мечами (15.07.1870); Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (9.09.1869), 2-й ст. (2.05.1881) (ЦГА РУз. Ф.И-1. Оп. 33. Д. 318. Л. 93 — 103)

РОГАЛЬ, Эмилия Альфредовна — учительница Асхабадской женской гимназии (ЦГАРУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 71).

РОЗЕН, Виктор Романович (21.02.1849, Ревель — 10.01.1908, С.-Петербург) — барон, востоковед-арабист, академик АН С.-Петербурга (1890), с 1885 г. — руководитель восточного отделения Русского археологического общества. С 1893 г. — декан восточного факультета С.-Петербургского университета, создатель новой петербургской школы востоковедения (НР. Т. 3. С. 319 — 320).

РОЗЕН, Гуго Арвидович — барон, лют., секретарь Самаркандского отделения Государственного банка (1914) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 148).

РОЗЕНБАХ, Николай Оттонович фон (12.06.1836 — 5.05.1901, С.-Петербург) — лют., генерал-лейтенант, государственный и военный деятель, 1881 — 1884 гг. — начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 21.02.1884 — 28.10.1889 гг. — Туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками ТВО. За «усердие», «ревностную службу», особую «заботливость» в управлении краем и достигнутые успехи имел многочисленные российские и иностранные награды. 22.06.1889 г. отозван в Петербург, назначен членом Военного совета и вскоре призван в Государственный Совет. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (1856), 2-й ст. (1863), 1-й ст. (16.08.1874); Св. Анны 3-й ст. (1858), 2-й ст. (16.08.1867), 1-й ст. (19.12.1875); Св. Владимира 4-й ст. (1863), 3-й ст. (27.06.1869), 1-й ст. (15.05.1883); ЗО (1878); Св. Георгия 4-й ст. (1878); Белого Орла (13.04.1886); Св. Александра Невского (30.08.1889) и алмазные подвязки к этому ордену (1.01.1895). Жена — Ольга Ивановна (Жербина, 22.02.1839 — 18.06.1898), ее талантливой кисти принадлежали несколько образов, исполненных для Спасо-Преображенского Собора в Ташкенте, ее живописные полотна хранятся в Государственном Русском музее. Дети: Мария (23.06.1859 — 1901) — замужем за инженер-полковником К.П. Келчевским; Сергей (2.05.1861 — после 1914) — Новозыбковский уездный предводитель дворянства Новозыбковского уезда Черни-

говской губ., с 1912 г. — член IV Государственной думы от Черниговской губ., почетный мировой судья уезда и гласный (депутат) Новозыбковского уездного собрания; Александра-Аделаида (30.08.1872 — 1932) — замужем за бароном Рудольфом Готлибом фон Мендоном; Лидия-Анна (23.06.1874 — после 1917) — фрейлина (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1779; Д. 2469. Л. 226; Оп. 3. Д. 55; Оп. 28. Д. 90. Л. 123; Д. 103; Оп. 31. Д. 1. Л. 71 — 74; Оп. 33. Д. 5. Л. 18, 24; Д. 319п/с. Л. 118 — 132; Оп. 34. Д. 69; Д. 605. Л. 3 — 12; Д. 606. Л. 6 — 9; Д. 698. Л. 1 — 3; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 469; Д. 1503; Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3996. Л. 14; Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 81. Л. 69-71; Д. 108; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 159. Л. 14; ТС. №№ 300 — 415; 451. С. 54 — 60; ТВ. 1884. № № 9; 23; 39; 1889. №№ 18; 53; 1901. № 10 (23) мая; НР. Т. 3. С. 329 — 330).

РОЗЕНБЕРГ, Константин Эрнестович (8.11.1827) — коллежский советник, окончил Оренбургскую Неклюевское военное училище, счетный работник Самарской губернской почтовой конторы, с 6.03.1878 г. — служащий Сырдарьинского областного правления, с 1.01.1887 г. — письмоводитель Ташкентского уездного правления (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2135; Д. 2353. Л. 1 — 3; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 36193; Д. 38571. Л. 3).

РОЗЕНБЕРГ, Николай Карлович (8.11.1874) — прав., титулярный советник, сын почетного гражданина Лифляндской губ., уроженец Казанской губ., окончил Казанский ветеринарный институт. С августа 1899 г. — ветеринарный врач Кубанской обл., заведующий Кубанской бактериологической станцией. С 13.06.1902 г. — начальник ветеринарной службы участка Печерского уезда, с 9.03.1911 г. — ветеринарный врач ветеринарного управления ТВО, с 3.11.1916 г. назначен ветеринарным инспектором Сырдарьинской области. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст., 2-й ст.; Св. Анны 3-й ст., 2-й ст.; Бухарской Золотой звезды 2-й ст.; светло-бронзовые медали: «В память 300-летия царствования дома Романовых» и за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1816; Д. 2135; Оп. 33. Д. 235; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1469; Д. 1503; Д. 3894; Д. 5066; Д. 36159. Л. 1 — 10; Д. 38571. Л. 3).

РОЗЕНБЕРГ, Эмилия — учительница истории и географии Оренбургской женской прогимназии, Ташкентской женской гимназии (ТВ. 1879. № 5).

РОЗЕНФЕЛЬД, Александр Иванович — купец 2-й гильдии, предприниматель, с 30.08.1877 г. — в составе Ташкентской городской думы, член Ташкентского благотворительного общества (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1482; Ф. И-19.

Оп. 2. Д. 91. Л. 1 — 2; Ф. И-718. Оп. 1. Д. 1. Л. 389; ТВ. 1878. № 7; 1885. № 33).

РОЙТМАН (РОТМАН), Василий Кирилович (1839) — прав., титулярный советник, выпускник Казанского военного училища, службу начал 24.08.1863 г. топографом во 2-й полуроте топографов. С 5.03.1865 г. переведен в роту топографов межевщиков казенных земель Западной Сибири, 11.07.1877 г. переведен в Туркестан, межевщик по земельному устройству Ферганской обл., с 21.01.1881 г. — начальник Чустской земельно-податной комиссии, 10.02.1883 г. — межевщик Сырдарьинского областного правления, с 1.01.1887 г. — начальник съемочного отдела Ташкентской поземельно-податной комиссии Сырдарьинского областного правления, «заявивший себя» с «отличной стороны», служил 35 лет 8 месяцев. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (22.09.1878), 2-й ст. (30.08.1887); Св. Анны 3-й ст. (15.05.1883), 2-й ст. (30.08.1890), имел благодарности. Жена — Ирина Калинична (Палашина). Дети: Дмитрий (15.10.1872), Алексей (27.08.1874), Елена (23.05.1877), Надежда (17.05.1884) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1816; Оп. 20. Д. 10663; Оп. 33. Д. 235. Л. 3; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 3889; Д. 38566 п/с. Л. 28 — 30).

РОМАНОВ, Михаил Константинович (1832 — 1909) — Великий князь. Наместник Кавказа.

РОМАНОВ, Николай Константинович (2.02.1850 — 14.01.1918, Ташкент) — Великий князь, младший брат императора Александра II, внук императора Николая I. Находился в своеобразной ссылке в Ташкенте, сохранился его дворец, построенный в 1891 г. В.С. Гельценманом и А.Л. Бенуа.

РОМАНОВСКИЙ, Дмитрий Ильич (1825 — 1881) — генерал-лейтенант, участник Кавказской войны и Туркестанских походов, заведующий Азиатской частью главного штаба, редактор газеты «Русский инвалид», 1866 — 1867 гг. — генерал-губернатор Туркестанской области.

РОМОНД, Карл-Эмануил Карлович — коллежский ассессор, помощник начальника почтово-телеграфной конторы г. Самарканда (1907) (СЛ. С. 51).

РООП, Александр Иванович (19.10.1864, Гродековская губ. — после 1913) — барон. Гражданский инженер, архитектор Москвы. По окончании Петербургского института гражданских инженеров (1890) работал в управлении Московской-Нижегородской железной дороги. С 1896 г. — участковый архитектор Москвы. В 1902 — 1903 гг. — и.о. члена Строительного совета. С 1907 г. — сверхштатный техник Строительного отдела Московского губернского правле-

ния. Строитель в Хивинском ханстве летнего дворца Нуруллы-бая — Кубла-Тоза баг, зданий почты, больницы, гостиницы в Ургенче (1910 — 1913) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 688; Жукова Л.И. Немцы-меннониты в южном Хорезме // Этнический атлас. Ташкент. 2002. С. 173 — 175; Худайбергенев К. Династии хивинских ханов. Хива. Ургенч. 1996. С. 103; kugrad.com).

РОПП, Вильгельм (Рафаил-Габриэль-Вильгельм) Вильгельмович фон дер (Василий Васильевич) (2.07.1849, Рига — 20.01.1904, Петро-Александровск) — барон. Лют., военный деятель, инженер, генерал-майор, начальник Амударьинского отдела, сподвижник первого Туркестанского генерал-губернатора. Из потомственных дворян Курляндской губ., выпускник Николаевского инженерного училища, вступил в службу 12.06.1869 г. во 2-й саперный резервный батальон, 22 сентября откомандирован в Туркестанскую саперную роту, командирован в Семиреченскую обл. для инспектирования инженерной части (1870, 1872 — 1873). Участник Хивинского похода и боевых экспедиций на левый берег р. Амударьи в составе отряда генерала Головачева, в частности, 16.07.1873 г. — участник сражения с туркменами под Ильялами, где едва не погиб от занесенной над ним туркменской шашки, удар которой «предупредил саперный унтер-офицер Сергей Ефимов». Это сражение признано одной из самых горячих схваток в истории центральноазиатских походов, в ходе которого всадники неприятеля непрерывно подвозили пеших туркмен к месту боя. По отзывам современников, «проявлял редкую заботливость о своих подчиненных, и эти качества во всем блеске проявились во время Хивинского похода», «каждый раз по прибытии отряда к колодцу не только находил силы организовать с поразительной быстротой добычу воды, но возвращался назад, подбирая оставших людей, подкрепляя их силы». 17.08.1873 — 1.01.1876 гг. исполнял обязанности инженерного офицера, строил укрепления и помещения для войск, Петро-Александровскую и Нукусскую крепости. С 1.01.1876 г. определен отдельным производителем инженерных работ в Амударьинском отделе. С 10.11.1878 г. прикомандирован к Туркестанскому инженерному управлению. 27.03.1879 — 27.04.1881 гг. входил в состав экспедиции генерала А.И. Глуховского по исследованию дельты р. Амударьи, ее старого русла, всего Хивинского оазиса и решению вопроса о соединении Каспийского и Аральского морей, проводил наблюдение за горизонтом и расходом воды при впадении в Аральское море рукавов р. Амударьи, глазомерную съемку местности. Его исследования имели

важное значение для науки, военного дела и развития судоходства по Амударье. Проводил нивелировку Голодностепского канала, строительство которого продолжил в 1883 г. великий князь Николай Константинович Романов, руководил строительством дорог в крае. 28.08.1886 — 1.10.1887 гг. был председателем полубатальонного суда. В 1887 г. покинул пределы Туркестана, прослужив в нем 18 лет. Участвовал в полевых поездках офицеров саперных бригад в Виленской, Ковенской, Сувалкской губерниях, и.о. корпусного инженера 3-го армейского корпуса. В 1901 г. вернулся в край в чине генерал-майора, с 11.06.1901 г. определен генералом для особых поручений при командующем войска ТВО с зачислением по инженерным войскам, 23.03.1902 г. — 20.01.1904 г. — начальник Амударьинского отдела. Награжден чинами, орденами: Св. Станислава 3-й ст. (9.01.1874), 2-й ст. (20.08.1882); Св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость» (9.01.1874), 3-й ст. с мечами и бантом (9.03.1875), 2-й ст. (25.12.1885); Св. Владимира 4-й ст. (6.05.1890), 3-й ст. (14.05.1896); медалями: «За Хивинский поход», «За походы в Средней Азии в 1853-1895» (30.10.1897), «В память царствования императора Александра III» (1.12.1896), «За труды по первой всеобщей переписи населения» (11.09.1897). Жена — Елена Вильгельмовна (Модрах, 5.01.1876, брак заключен 22.03.1894). Дети: Николай Васильевич (Николай Фридрих Вильгельм, 18.07.1897 — 21.04.1928) — лейтенант Гвардейского саперного батальона; Лидия-Александра-Катарина (18.01.1895 — 16.09.1920) — была замужем за Федором Эдуардовичем Шильдер-Шульднером (7.02.1889 — 9.05.1970); Мария-Вильгельмина-Надина (1.05.1896) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 823. Л. 2 — 57; Д. 2609. Л. 226; Оп. 28. Д. 601; Оп. 33. Д. 319 п/с. Л. 189 — 224; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 823; Д. 33567 п/с. Л. 1 — 8; Д. 38567; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 150. Л. 9 — 12; ТВ. 1904. № 11 (25); НР. Т. 3. С. 336 — 337).

РОСС, Ванда Владимировна — классная дама 2-й женской Романовской гимназии в Ташкенте (1914) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3356).

РОСС, Николай Михайлович — подполковник, коллежский ассессор, первые 10 лет прослужил в Казани, с 26.09.1883 г. назначен в 10-й Туркестанский линейный батальон, и.д. Джизакского уездного начальника, 1907 г. — помощник Ходженского уездного начальника, Катта-Курганский уездный начальник, почетный блюститель Катта-Курганских приходского и русско-туземного училищ (1908), в 1917 г. после февральской революции назначен Катта-Курганским комиссаром, подал прошение об отставке (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 2.

Д. 924; Оп. 33. Д. 237п/с; Д. 372. Л. 2; Ф. И-18. Оп. 1. Д. 2265. Л. 1 — 9; Ф. И-19. Оп. 2. Д. 147. Л. 24; Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3355. Л. 4; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 8; СЛ. С. 53).

РОТТ, Анна Васильевна — смотрительница Ташкентского Мариинского училища (1910) (АК. С. 92).

РОТТ, Григорий Иванович — потомственный дворянин, выпускник Люблянского технико-железнодорожного училища, с 28.05.1899 г. — архитектор Андижанского, Ошского районов, составитель плана застройки новой части города Ош. Имел награды. Жена — М.А. Ваневич (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 823. Л. 2 — 6; Оп. 2. Д. 989; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 7139. Л. 15 — 26).

РОТТ, Петр — прав., титулярный советник, лесничий Чимбайского лесничества Сырдарьинской обл. (1908, 1913) (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 899. Л. 10об — 11).

РУССОВ, Валериан (Фридрих Иоганн Вильгельм) Федорович (18.04.1842, Ревель — 6.01.1879, Оренбург) — зоолог, орнитолог. Обучался в гимназии г. Ревеля, с 26.11.1862 г. по 1874 г. — хранитель зоологического кабинета Дерптского университета, с 1874 г. — ученый хранитель отдела млекопитающих и птиц в зоологическом музее Императорской АН в С.-Петербурге. С целью орнитологического исследования совершал поездки в окрестности Дерпта, в Рижскую, Митавскую и Ревельскую губ., а также в 1871 г. первый раз посетил Туркестан, сопровождая профессора по кафедре сельского хозяйства Дерптского университета Петцольда. Напечатал в издании Дерптского естественно-исторического общества ряд статей по орнитологии России и Туркестана, дал описание 3500 видов птиц и 1500 видов туркестанских рыб. В январе 1878 г. командирован второй раз для зоологических исследований в Туркестан с экспедицией А.Ф. Миддендорфа, до 15 мая вместе с сыном академика был в Чиназе, затем в Заамине, в конце июня — поездка в горы через Пенджакент, Маргусаар, Риват, 15 июля прибыл к озеру Искандер-куль, где пробыл месяц, вернулся в Чиназ, 30 сентября выехал из Самарканда, посетил Китаб, Дербент, Байсун и др. районы края. В декабре выехал в Петербург, скончался по дороге.

РУШ, Александр Александрович (18.11.1897, г. Энгельс (до 1932 — Покровск) Саратовской губ. — 1952, Челябинск) — хирург, кандидат медицинских наук, доцент, заслуженный врач РСФСР, участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил медицинский факультет Самаркандского университета, три года проработал в больнице, затем до 1941 г. возглавлял медицинскую кафедру

Самаркандского университета (позднее кафедру хирургии Самаркандского медицинского института). В 1941 г. депортирован в Челябинск, где сначала работал каменщиком в котловане при строительстве Челябинского металлургического завода, затем возглавил лазарет. С 1945 г. — ведущий хирург медсанчасти ЧМЗ, зав. хирургическим отделением и заместитель главного врача по лечебной работе. Одним из первых в Челябинске сделал операцию по удалению легкого, был специалистом по полостным операциям, имел опыт пластического хирурга. Тяжелые трудовые годы сказались позднее в болезнях, приведших к высокой ампутации ноги, инфаркту миокарда. Но даже в таком состоянии он продолжал консультировать и диагностировать пациентов. На здании хирургического отделения городской больницы № 6 Челябинска в 2007 г. открыта мемориальная доска его памяти (Мочавский И. Операционная за колючей проволокой // Уральские немцы. № 5. rusdeutshh74.ru; book-chel.ru).

САКС, Оскар — учитель (более 10 лет) в с. Орлово Ауле-Атинского уезда (нач. XX в.).

САНДМАН, Вильгельм Эдуардович — капитан, помощник начальника Лепсинского уезда Семиреченской обл. (1907) (СЛ. С. 77).

СЕВЕРЦЕВ, Николай Алексеевич (5.11.1827, с. Ясенки Воронежской губ. — 7.02.1885, с. Петровское Воронежской губ.) — ученый, зоолог, зоогеограф, путешественник, пионер экологии в России, создатель комплексно-географической характеристики природы Центральной Азии.

СЕЙИД, Амир Абул Ахад-хан (1885 — 1910) — эмир Бухары.

СЕЙИД, Амир Мир Алим-хан (1910 — 1920) — эмир Бухары.

СЕЙИД, Мухаммед Рахим Богадур-хан II (1856 — 1909) — хан Хивы.

СЕМЕНОВ, Александр Александрович (30.09.1873, Тамбовская губ. — 16.11.1958, Ташкент) — востоковед, доктор исторических наук, профессор, один из основателей ТашГУ, член-корреспондент АН УзССР (1943), академик Таджикской АН (1951), директор Института по изучению рукописей АН Узбекской ССР (1943 — 1948), Института истории, археологии, этнографии АН Таджикской ССР (1954). В период Первой мировой войны — вице-губернатор Самаркандской обл., советник при Российском резидентстве в Бухаре (с апреля 1917), в 1918 — 1919 гг. был в Петербурге и Москве для подготовки оборудования для Туркестанского университета, с 1921 г. — преподаватель восточного факультета ТашГУ, сослан в Казань (1932 — 1934), с 1935 г. — ст. научный сотрудник научно-иссле-

довательского Института искусствознания УзССР, преподаватель САГУ, сотрудник Государственной библиотеки УзССР им. Навои.

СЕМЕНОВ, Петр Петрович (Тянь-Шанский) (14.01.1827, с. Рязанка Липецкой обл. — 11.03.1914, С.-Петербург) — ученый, географ, ботаник, статистик, государственный и общественный деятель, исследователь Центральной Азии.

СЕРЕБРЕННИКОВ, Андриан Георгиевич (1863 — 1919) — военный инженер, подполковник, начальник Семиреченской инженерной дистанции в г. Верном (1901 — 1915), автор статей, военно-исторических и военно-топографических работ, руководитель исследований по сбору архивных материалов, реконструирующих историю завоевания Центральной Азии, составивших позднее, так называемый «Фонд Серебренникова» в Центральном государственном архиве Узбекской Республики, а также работы по составлению сборников этих материалов.

СЕРОВ, Василий Родионович (4.02.1824 — 1901) — генерал-лейтенант, участник Туркестанских походов. Первый комендант г. Ташкента.

СИКЕЛЬ, Генрих Августович — член комитета Ферганского музея (основан в 1896).

СИКСТЕЛЬ, Алексей Васильевич — подполковник, пом. инспектора классов.

СИКСТЕЛЬ, Татьяна Алексеевна (1910 — 1981) — ученый, геолог, палеоботаник, специалист по позднепалеозойским и мезозойским флорам Центральной Азии, доктор геолого-минералогических наук, профессор ТашГУ. Проводила геологические съемки и др. регионально-геологические исследования, в 1938 г. провела геологическую съемку левобережной части Ангренского каолино-угольного месторождения от Наугарзансая до Чучкабулака, редактор публикаций по палеоботанике и стратиграфии в Узбекистане, автор многих научных изданий. Ее имя отмечено на географической карте Узбекистана (Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 302, 304; Бюллетень САГУ. 1929. № 18. С. 157; Ташкентский горархив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1479).

СИНКЛЕР, Александр Егорович — военный инженер, зав. ирригацией Ферганской обл., строитель Ходженского моста на р. Кара-Дарье (15.03.1885) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 463; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2721; Ф. И-276. Оп. 1. Д. 843; Ф. И-718. Оп. 1. Д. 4).

СКОБЕЛЕВ, Михаил Дмитриевич (29.09.1843, С.-Петербург — 7.07.1882, Москва) — генерал-адъютант, военачальник, стратег, участник туркестанских

походов, 1875 — 1876 гг. — начальник Наманганского отдела, 1876 — 1877 гг. — военный губернатор Ферганской обл., герой русско-турецкой войны (1877 — 1878), с 1878 г. — командующий 4-го армейского корпуса, освободитель Болгарии, в историю вошел под определением «Белый генерал». «Таких людей может забыть разве только зависть», — писали о нем современники (Автор бюста М.Д. Скобелева в Петербурге А.Л. Обер; ТС. № 364. С. 33; № 439).

СОЛЖЕНИЦЫН, Александр Исаевич (11.12.1918, Кисловодск — 3.08.2008, Москва) — писатель, публицист, общественный и политический деятель, Лауреат Нобелевской премии (1970), жил и работал в СССР, Швейцарии, США и России. В 1954 г. находился на лечении в Ташкенте (ТашМИ), на основании впечатлений написан роман «Раковый корпус».

СТРУВЕ, Василий (Вильгельм) Васильевич (21.01.1889, С.-Петербург — 15.09.1965, Ленинград) — крупный ученый, востоковед, египтолог и ассириолог, один из основателей советской школы историков Древнего Востока, 1941 — 1950 гг. — директор института востоковедения АН СССР. Труды по истории культуры Египта, Двуречья, Ирана, Закавказья, Средней Азии. В годы Второй мировой войны — в эвакуации в Ташкенте, руководил эвакуированным в город Институтом востоковедения АН СССР, содействовал организации АН УзССР (ноябрь 1943), на кафедре всеобщей истории САГУ подготовил первый и второй том «Истории народов Узбекистана», большую роль сыграл в том, чтобы в Ташкентском университете вновь был открыт восточный факультет, на котором, как и Е.Э. Бертельс, читал лекции. На протяжении 19 лет — бессменный председатель Ученого Совета Южно-Таджикской археологической экспедиции (ЮТАКЭ), с 1940 г. — редактор ее «Записок», принимал участие в работе Института восточных рукописей УзССР (ЦГА РУз. Ф. 2773. Оп. 1. Д. 522; Д. 1212. Л. 9 — 69; Д. 1213. Л. 50 — 78; Труды ТашГУ. Новая серия. Вып. 172. Исторические науки. Кн. 37. Ташкент. 1960. С. 5 — 10; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 352; НР. Т. 3. С. 485 — 486).

СТРУВЕ, Густав Егорович (1834 — 1882) — генерал-майор, военный инженер, почетный гражданин г. Коломны и Московской губ., был в составе инженерной службы российской Южной армии. В 1866 г. перенял от брата Аманда руководство машиностроительным (Коломенским) заводом, организовал массовое производство паровозов (1869), пароходов (1878), строительство мостов для железной дороги. Организатор изысканий для постройки железной дороги от

Оренбурга до Кара-Тугая (экспедиционные работы возглавлял К. Шульц). Докладная записка по этому вопросу представлена К.П. фон Кауфману 26.04.1880 г. (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 138. Л. 3 — 43; ТС. № 364. С. 60 — 81; № 421. С. 41).

СТРУВЕ, Кирилл (Карл Вильгельм) Васильевич (14.11.1835, Дерпт — 26.06.1907, Висбаден) — действительный статский советник, гофмейстер, дипломат, исследователь. Сын основателя Пулковской обсерватории В.Я. СТРУВЕ (1793 — 1864), выпускник факультета математического Петербургского университета. В 1858 г. принял участие в военно-дипломатической миссии полковника Н.И. Игнатова в Хиву и Бухару, прошел вдоль северо-западного побережья Аральского моря до Кунграда, хотя из-за болезни не дошел до Бухары и Хивы, определил их географическое положение более точно, чем это было сделано раньше, с 1860 г. — чиновник Азиатского департамента, 1862 г. — член Комиссии по установлению новой границы с Китаем, в ходе работы которой проводил топографические и астрономические работы, определил положение ряда горных вершин Тарбагатайского хребта, положение более 40 географических пунктов. Возглавил экспедицию на озера Зайсан и Тарбагатай, в которой принял участие ученый Г.Н. Потанин, составил карту предгорий Памира. В 1865 г. направлен в распоряжение Оренбургского генерал-губернатора, провел географические и астрономические исследования северо-западного побережья Арала до Кунграда, выполнял барометрическое нивелирование в районе между Орском и Аральским морем, в 1866 г. был в составе посольства к эмиру Бухары. 1868 — 1873 гг. — дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе, в 1868 г. возглавил посольство к эмиру Бухары. Описание его первого и второго посольства в Бухару было опубликовано в Ташкенте в 1871 г. В 1873 г. во время военной экспедиции в Хиву город был определен им астрономически. В должности дипломатического чиновника принимал активное участие в организации топографической службы и сети метеорологических станций в крае, в астрономо-геодезических изысканиях в Туркестане, составил первую топографическую карту южного Туркестана, использованную позднее А.П. Федченко. За 15 лет дипломатической работы в России составил несколько карт, определил более 100 астрономических пунктов. Посол: с 1876 г. в Японии, с 1882 г. в Северо-Американских Штатах Америки и с 1892 г. в Нидерландах. Вышел в отставку в 1905 г. Имел многие награды, в т.ч. ордена: Св. Станислава 1-й ст. (1873); Св. Анны 1-й ст. с мечами (1874); Св.Владимира 4-й ст. с мечами (1868), 2-й ст.

(1878); персидский Льва и Солнца 3-й ст. (1863); японский Восходящего солнца 1-й ст. (1876); малую золотую медаль ИРГО (1868). Жена — Мария Николаевна (Анненкова, 1844 — 1889). Дети: Борис (н.д. — 1912); Мария (н.д.) — замужем за Г.И. Шевичем; Елена (н.д.) — замужем за Г. Штинграхтом (развод), затем за И.А. Орловым; Вера (4.02.1876 — 17.12.1949) — замужем за П.Н. Мещеревым (1869 — 1944), основательница Русского дома в Сен-Женевьев де Буа (ныне дом престарелых); Ольга (н.д.) — замужем за М. де Реймерс. Все дочери были фрейлинами. Воспитывал 4-х племянников после кончины братьев К.В. Струве — Эрнста и Людвиг (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1380; Оп. 16. Д. 1524. Л. 247; Оп. 20. Д. 463. Л. 1 — 11; Д. 726; Д. 1326; Д. 1726; Д. 2139; Д. 3403; Д. 3856; Д. 3858; Д. 4810; Оп. 21. Д. 15; Д. 306; Оп. 32. Д. 159; Оп. 33. Д. 361. Л. 8, 32об; ТВ. 1871. № 21, № 23; 1879. № 35; ТС. № 89. С. 266; № 388. С. 67; narod.ru).

ТАЗЕНГАУЗЕН, Алексей Алексеевич фон — барон. Статский советник, прокурор судебной палаты Ташкента (1907, 1913) (СЛ. С. 14).

ТАЗЕНГАУЗЕН, Владимир Алексеевич фон — барон. Надворный советник, мировой судья 3-го участка г. Коканда (1907, 1913) (СЛ. С. 14, 39).

ТЕВС, Отто — староста Ак-Мечетской немецкой колонии, владелец ремесленной мастерской.

ТЕЙХ, Евгений (Каземир-Вольдемар) Николаевич (1.06.1873, Ташкент) — лют., полковник, окончил Сибирский кадетский корпус и 3-е Александровское военное училище (1894), направлен в 1-й Туркестанский стрелковый батальон, в 1896 г. служил в Чарджуйском укреплении, с 1900 г. — заведующий учебной командой, командовал ротой, делопроизводитель батальонного суда, зав. офицерской библиотекой и батальонной швальней, с 1905 г. — ст. помощник делопроизводителя Туркестанского генерал-губернатора, с 19.06.1907 г. — советник Ферганского областного правления, с 6.05.1915 г. — полковник, в 1918 г. — советник при Ферганском областном комиссариате. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (16.01.1905); Св. Анны 3-й ст. (3.12.1906); Бухарским Восходящей звезды 2-й ст. (26.02.1898); серебряной медалью «В память царствования императора Александра III» (9.03.1897). Жена — Мария Ивановна (брак заключен 31.08.1905) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 765; Оп. 33. Д. 323. Л. 96 — 129; Д. 372; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 36410. Л. 218 — 220; Ф. И-19. Оп. 2. Д. 91; СЛ. С. 2; АК. С. 19).

ТЕЙХ, Николай Богданович (1839 — 10.10.1910, Ташкент) — лют., статский советник, магистр фармации, химик, заведующий Ташкентской химической ла-

бораторией. Сын купца, окончил Дерптский университет в звании провизора фармации, с 8.10.1866 г. — лаборант в Горном институте С.-Петербурга. Как член Российского химического общества им. Д.И. Менделеева один из первых услышал 6.03.1869 г. известие об открытии периодического закона. После сдачи экзамена на звание магистра в Медико-хирургической академии направлен 20.05.1869 г. в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора в должности химика по горной части, организовал и был заведующим в течение 30 лет первой химической лаборатории в Ташкенте (за исключением периода, когда лаборатория была 20.12.1882 г. закрыта генералом М.Г. Черняевым и он был отчислен от занимаемой должности). Однако и в эти годы проводил исследования химического состава горных пород, состава водных источников, анализировал качество продукции предприятий края, продукты. Тогда же впервые были проведены химические исследования в области органических и неорганических веществ, судебно-химические исследования, метеорологические наблюдения. Материалы отсылались через Физическую обсерваторию в С.-Петербург. 20.05.1884 г. зачислен в запас чиновником военно-медицинского ведомства. Открыл в 1884 г. завод шипучих вод, наладив производство особо качественной и вкусной минеральной воды, пользовавшейся большим спросом у населения. С 3.06.1876 г. по 11.01.1877 г. командирован в Дерпт и С.-Петербург для ознакомления по «судебно-химическим, метеорологическим и другим исследованиям». 1.01.1887 г. вновь определен исправлять должность заведующего химической лабораторией. С 1.01.1892 г. назначен химиком-фармацевтом при Ташкентском военном госпитале, химическая лаборатория переименована в химико-фармацевтическую и включена в штат военного госпиталя. Принимал активное участие в общественной жизни, был секретарем Церковного совета Ташкентской лютеранской общины, членом Среднеазиатского ученого общества, комиссии по выборам в Государственную думу (8.05.1906). В Институте курортологии им. Семашко в Ташкенте в 1954 г. в память о нем была проведена выставка «Первый химик Туркестана. Н.Б. Тейх». Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (15.12.1872), 2-й ст. (30.08.1879); Св. Анны 3-й ст. (15.12.1874), 2-й ст. (23.10.1881); Св. Владимира 4-й ст. Был женат дважды. Дети от первого брака с Франсуазой Адамовной (Лавренович), учительницей Ташкентской женской гимназии: Мария-Антуанета (14.06.1869); Евгений-Каземир-Вольдемар (1.06.1873); Николай (29.01.1877) — гл. бухгалтер, зам. управляющего, врио управляющего Бухарским отделением Госбанка СССР

(на 08.1927). Второй брак — с Ольгой Викторовной (де Гресс). Сын — Владимир (13.05.1881) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 334. Л. 106; Оп. 15. Д. 62. Л. 4; Д. 111. Л. 1 — 5; Оп. 20. Д. 2772; Оп. 28. Д. 7. Л. 63 — 69, 90 — 91; Д. 35. Л. 208; Д. 90. Л. 12, 106 — 135; Д. 175. Л. 5 — 6; Оп. 33. Д. 323 п/с. Л. 129 — 151; Д. 337. Л. 187 — 189, 269; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 36410; Ф. И-718. Оп. 1. Д. 26. Л. 139; Ф. 2487. Оп. 3. Д. 41. Л. 104; ТВ. 1879. №№ 4; 5; 6; 44; Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность Ташкент. 1962. С. 56 — 58; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 310; НР. Т. 3. С. 529).

ТЕРМЕН, Альфред-Михаил-Иосиф Карлович (12.11.1863) — реформат., востоковед, окончил Виленское пехотное юнкерское училище, 2-е Константиновское военное училище (27.08.1884), учебный корпус отдела восточных языков Азиатского департамента МИД, по окончании обучения 28.06.1897 г. откомандирован в распоряжение военного губернатора Самаркандской обл., пристав с. Чилек Самаркандской обл. С 28.04.1900 г. — служащий канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, офицер-воспитатель Ташкентской приготовительной школы 2-го Оренбургского кадетского корпуса, вел занятия по французскому и узбекскому языкам, в 1904 г. переведен в 33-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (15.06.1899); Св. Анны 3-й ст. (20.09.1902); турецким «Меджидие» 5-й ст. (13.09.1895); бухарским Серебряной звезды 1-й ст. (20.02.1903); медалью «В память царствования императора Александра III» (23.03.1896). Жена — Антонина Федоровна (Мазинг) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 323. Л. 152 — 157).

ТИДЕЛЬМАН, Александр (Вильгельм) Фридрихович — агент Московского страхового общества. Жена — Берта Освальдовна (1915) (ЦГА РУз. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1650. Л. 16).

ТИРБАХ, Станислав Иванович фон (8.05.1852 — погиб в 1904 — 1905) — лют., титулярный советник, обучался во 2-й С.-Петербургской военной гимназии, Рижском юнкерском училище, с 3.12.1872 г. — в Туркестане, участник Хивинского похода, в т.ч. на левый берег р. Амударья, в 1880 г. командирован «к канцелярии Зеравшанского округа», с 4.07.1895 г. — служащий Сырдарьинского областного правления, участник русско-японской войны (1904 — 1905). Имел награды. Жена — Антонина Петровна (Наумова, ум. в эмиграции в Китае, Шанхай, 1942) — в годы Первой мировой войны — сестра милосердия (Карпаты, Буковина, граница с Румынией), год работала в госпитале в Красной Армии,

пешком прошла от Иркутска до Читы, стремясь соединиться с детьми, была в плену, тайно вывезена в Манжурию Красным Крестом. Дети: Екатерина (3.03.1888) — эмигрировала в Константинополь, затем Гонконг; Петр (Петр Игнатович, 11.06(09).1889 — 20.03.1953) — прав., морской офицер, участвовал в русско-японской войне, флаг-офицер командующего Морскими силами Балтийского моря (1913), и.д. ст. флаг-офицера по оперативной части (1917), после Гражданской войны эмигрировал в Шанхай, на английской службе в таможенном морском ведомстве; Артем (Артемий Игнатович, 18.10.1890 г. август (по другим данным — 12 декабря) — 1935, с. Трехречье на р. Чол, Маньчжурия) — прав., генерал-майор, участник Первой мировой и Гражданской (ближайший сподвижник атамана Г.М. Семенова) войн, после 8.05.1920 г. — за границей в Китае, политический деятель эмиграции, возглавлял восстания русских казаков против японского насилия и произвола по отношению к мигрантам, был убит; Владимир (н.д.) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38650. Л. 3 — 9; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 62; Глебова Е. Память о городе эмигрантске; inieberega.ru).

ТРЕВЕР, Камилла Васильевна (25.01.1892, С.-Петербург — 11.11.1972, Ленинград) — историк, искусствовед, доктор исторических наук (1939), член-корреспондент АН СССР (1943), заслуженный деятель науки УзССР (1943). Окончила немецкую школу, Бестужевские курсы, в 1914 г. — историко-философский факультет С.-Петербургского университета. С 1913 г. работала в Археологической комиссии, с 1919 г. — ассистентка Российской Академии истории материальной культуры, одновременно хранительница Строгановского дворца в Эрмитаже. С 1926 г. — доцент кафедры иранистики ЛГУ. В 1941 — 1943 гг. работала в Институте языков, литературы и искусства в Ташкенте, в Узбекском филиале АН СССР, 1943 — 1945 гг. — в Институте истории АН Армянской ССР в Ереване. Автор более 100 научных работ по античной истории, литературе, истории культуры Центральной Азии, Ирана, Кавказа. Ей принадлежит теория о существовании в Бактрии после Александра Македонского самобытного искусства, включающего как местные, так и греческие элементы. Неоднократно была награждена, в том числе: орденом Ленина (1956), иранский орден «За научные достижения» (1935), орден «Знак Почета» (1945).

ТРЕНТОВИУС, Александр Федорович фон (2.10.1881, Туккум Курляндской губ.) — лют., полковник, востоковед, из потомственных дворян Курляндской губ., окончил Псковский кадетский корпус (1891), в 1904 г. — Николаевское кавале-

рийское училище, 1908 — 1911 гг. — курсы восточного языка историко-филологического факультета Казанского университета, свободно владел немецким, французским языками, был помощником начальника Казанского губернского жандармского управления по вопросам мусульман, сделал много переводов, затем — чиновник Сырдарьинского правления, «трудопособный, усидчивый, обладает отличной памятью, воспитан, развит, следит за политикой, научным движением и общественной жизнью». Жена — Ольга Григорьевна (Карташевская). Дети: сын (ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 873. Л. 64 — 65; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 80, 148, 164 — 165; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 36410. Л. 13 — 15).

УЗБЕРГ, Август Вельмар — лют., в 1910 г. окончил Шубино-Вахтинскую низшую сельскохозяйственную школу, с 1.06.1912 г. — инструктор по пчеловодству Семиреченской обл. (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 899. Л. 359; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 57).

УЙФАЛЬВИ, Шарль-Эжен де (1842 — 1904) — французский ориенталист кафедры географии, истории средней и восточной Азии в Школе живых восточных языков в Париже. Вместе с женой — Марией де Бурдон — совершил научную экспедицию в Россию, Сибирь и Центральную Азию (1876 — 1878).

УЛЬЯНОВ, Николай Федорович — архитектор, инженер-технолог, в Ташкенте — с 1869 г., автор проекта Иосифо-Георгиевской церкви и плана Константиновского парка в Ташкенте, канала на р. Сырдарья для орошения Голодной степи и др. сооружений. Его именем в конце XIX в. была названа улица Ташкента (ныне Султана Али Машхади).

ФАБИАН, Карл Семенович (5.09.1840) — генерал-майор (с 1891), военный инженер, на службе — с 1859 г., выпускник Николаевской инженерной академии по 1-му разряду (1865). В Туркестане — с 1871 г., участник военных походов. 4.04.1876 — 5.06.1878 гг. — делопроизводитель Главного инженерного управления ТВО. Начальник Ташкентской инженерной дистанции (5.06.1878 — 17.07.1883), инспектор работ Инженерного управления ТВО (17.07.1883 — 24.09.1886), пом. начальника инженеров этого управления (24.09.1886 — после 1.01.1893), в распоряжении Главного инженерного управления (1895 — 1.09.1896). Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (1869), 2-й ст. (1881); Св. Анны 3-й ст. (1878), 2-й ст. (1884); Св. Владимира 4-й ст. (1887), 3-й ст. (1888).

ФАЛЕР, Франц (Карл-Фридрих) Иосифович фон (25.04.1865 — 3.03.1937, Брюссель) — лют., генерал-майор (с 1912). Из дворянской семьи княжества Фин-

ляндии, выпускник Финляндского кадетского корпуса, службу начал с 1887 г. в лейб-гвардии Кирасирском полку, и.о. члена полкового суда. С 23.12.1899 г. — в МВД, направлен в Туркестан, штаб-офицер для особых поручений при начальнике Закаспийской обл., цензор газет: «Закаспийское обозрение», «Асхабад» (с 1900). С 1904 г. — помощник Асхабадского уездного начальника, с 1906 г. — Мангышлакский, с 1907 г. — Мервский уездный начальник. С 16.12.1910 г. по 1917 г. — Выборгский губернатор, участник Белого движения на сев.-зап. России, в эмиграции в Бельгии. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (16.09.1905); Бухарской Золотой звезды 2-й ст. (13.01.1913); бронзовая медаль «В память царствования императора Александра III». Жена — Наталия Николаевна (Куколь-Яснопольская). Дети: Ростислав (31.08.1904) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 325. Л. 1 — 7; СЛ. С. 84).

ФАНДРАЙ, Курт — учитель в колонии Николайполь.

ФЕГЕЗАК, Александр (Готгард) Павлович фон (27.08.1882, Лифляндия — 24.06.1916, Ташкент) — инженер. Выпускник (1901 — 1905) Технического института в Германии, в Ташкенте — совладелец строительной конторы. В октябре 1915 г. пытался бежать через Красноводск в Персию, был задержан в Астрабаде 25.04.1916 г. в качестве «заподозренного в измене», скончался в городской больнице Ташкента (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1902а).

ФЕГЛЕР, Григорий (Франц) Григорьевич (12.03.1858 — после 1914) — прав., действительный статский советник, врач, ташкентский городской врач, заведующий городской амбулаторией, Ауле-Атинский уездный врач. Уроженец Виленской губ. В 1884 г. окончил Императорскую военно-медицинскую академию в С.-Петербурге, направлен лекарем в 14-й Туркестанский линейный батальон. Вся его служба протекала в Туркестанском крае (14 лет — в военно-лечебных заведениях и частях войск на должности младшего врача; 4 года — старшего и областного врача; почти 10 лет — Ташкентского городского врача и около 3 месяцев — Ауле-Атинский уездный врач). В составе экспедиции для определения афгано-бухарской таможенной границы под начальством генерал-майора Ф. Баева был командирован в 1893 г. из Ферганы через бекство Дарваз вниз по рекам Пяндж и Амударья до российской крепости Керки в Бухарском эмирате. Во время сильного землетрясения в Андижане в 1902 г. будучи единственным врачом оказывал помощь гарнизону и населению города. С 1903 г. как ташкентский городской врач возглавлял работы по предотвращению и борьбе с эпиде-

миями холеры в Ташкенте (1904, 1908, 1910). В августе 1906 г. был командирован в Военно-медицинскую академию для усовершенствования в военной хирургии. Одновременно выполнял многочисленные и разнообразные обязанности: был санитарным, тюремным, судебным и полицейским врачом, исполнял обязанности областного врача Сырдарьинской обл., врач при особе Хивинского хана (1905), член Ташкентского городского общественного правления (1907), участник различных комиссий по проведению санитарных мероприятий, устройству санитарной службы Ташкента, по выяснению действительного влияния рисовых посевов на малярийные заболевания населения и др. Дважды избирался почетным мировым судьей Ново-Маргеланского окружного суда (с 1909). За самоотверженную и добросовестную службу пользовался большим уважением, имел многочисленные награды. 24.08.1911 г. состоялось «судоговорение по делу о расторжении брака». С 1913 г. — Ауле-Атинский уездный врач. Уволен со службы 27.10.1913 г. Награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст. (6.12.1906); Св. Анны 3-й ст. (6.12.1904), 2-й ст. (6.12.1911); бухарским Золотой Восходящей звезды (17.02.1895); медалью «В память царствования императора Александра III» (6.09.1896) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 4005; Д. 36497. Л. 84, 513 — 616; Д. 38683. Л. 1 — 6; СЛ. С. 20; НР. Т. 3. С. 632 — 633).

ФЕДЧЕНКО, Алексей Павлович (19.02.1844, Иркутск — 31.08.1873, д. Шамони у подножья горы Монблан (Западные Альпы), на границе Франции и Италии) — ученый, биолог, географ, естествоиспытатель, путешественник, исследователь Центральной Азии. Жена — Ольга Александровна ФЕДЧЕНКО (АРМФЕЛЬД) (30.10.1845, Москва — 24.04.1921, Петроград) — дочь профессора МГУ А.О. Армфельд, ботаник, неутомимая исследовательница, художница, путешественница, действительный член отдела ботаники Туркестанского отделения РГО, принимала участие в реставрации гробницы над могилой Тамерлана. Издательница трудов мужа. 18 декабря 1945 г. в Ташкенте состоялось собрание ученых, аспирантов АН УзССР и САГУ, студентов биофака университета, посвященное памяти О.А. Федченко по случаю 100-летия со дня ее рождения. Значение ученой-ботаника и художницы, выдающейся женщины конца XIX и нач. XX вв., «которая и впредь будет ярким примером беззаветного служения знанию и образцом подлинного научного энтузиазма» в истории изучения Центральной Азии, отметили в своих выступлениях: доктор географ. наук, проф. Л.Н. Корженевский, доктор биологических наук, член-кор АН УзССР Е.П. Коровин, к.и.н. Е.К. Бетгер.

Ее именем названо несколько растений края. Сын — Борис Алексеевич ФЕДЧЕНКО (27.12.1872, Лейпциг — 29.09.1947, Ленинград) — профессор, известный советский геолог, биолог, гляциолог.

ФЕРЕ, Владимир Георгиевич (7.05.1902, Камышин — 2.09.1971, Москва) — композитор, заслуженный деятель культуры СССР, народный артист Киргизской ССР (1944), заслуженный деятель искусств Башкирской, Бурятской, Чувашской, Чечено-Ингушской АССР, Таджикской ССР (1957), РСФСР (1963), один из основоположников киргизской профессиональной музыки. Выпускник МГУ и Московской консерватории (1929), 1929 — 1931 гг. — преподаватель государственного музыкального техникума, 1930 — 1934 гг. — редактор и музыкальный руководитель Всесоюзного радиокомитета и Музгиза, 1933 — 1934 гг. — консультант в Московской консерватории, 1934 — 1936 гг. — музыкальный руководитель детской секции при Союзе композиторов. В 1936 — 1944 гг. — художественный руководитель Киргизской филармонии в г. Фрунзе (Бишкек). В соавторстве с А.М. Малдыбаевым и В.Л. Власовым создал государственный гимн КирССР, автор национальных первых опер, балета, музыкальных драм, симфонии «Киргизстан» (1947). С 1945 г. — в Москве, преподаватель Московской консерватории, зав. кафедрой композиции, профессор. В фонд обороны страны в годы Второй мировой войны им были внесены личные средства, за что в апреле 1943 г. получена телеграмма с благодарностью от Верховного главнокомандующего И.В. Сталина. Личный фонд № 2616 хранится в Центральном государственном архиве Республики Кыргызстан (НР. Т. 3. С. 637).

ФИГНЕР, Берта Эдуардовна (1893) — выпускница Ташкентской женской гимназии (1912), с мая 1913 г. работала в Ташкентской мужской гимназии, затем — преподаватель нем. языка в открываемой новой женской Ташкентской гимназии (ЦГА РУз. Ф. 47. Д 3729).

ФИГНЕР, Эдуард Эдуардович (18.08.1866, Перново Лифляндской губ. — 1931 (?)) — лют., надворный советник, преподаватель немецкого языка в Среднеазиатском университете. Сын преподавателя латинского языка и истории в Дерптской гимназии. Выпускник естественного факультета Дерптского университета, учитель природоведения, учитель немецкого языка в Славянском реальном училище Харьковской губ. В 1910 г. приглашен на ту же должность в Ташкентскую мужскую гимназию (до 1913), с 1918 г. по 1924 г. — преподаватель Ташкентского Государственного университета и других учебных заведений Таш-

кента, с 1918 г. — член ТОРГО. Жена — Мария Павловна. Дети: Берта (1893) — учительница Романовской женской гимназии; Эрика (1904) (ЦГА РУз. Ф. И47. Оп. 1. Д. 3729. Л. 4; Д. 3730. Л. 1 — 2; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 64; Д. 1739. Л. 27; Ф. 69. Оп. 1. Д. 42. Л. 3; Ф. 368. Оп. 1. Д. 278. Л. 21; Д. 327. Л. 18, 76; Д. 277. Л. 76).

ФИТИНГОФ-ШЕЛЬ, Ф. фон — барон, статский советник, непреходящий член от Мин-ва финансов в Совете Туркестанского генерал-губернатора. Общим собранием членов Ташкентской лютеранской общины 8.03.1887 г. избран председателем Церковного Совета (до 1894) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д.1893; Д. 36738; Ф. И-717. Оп. 1. Д. 8а).

ФИХТНЕР, Сергей Христофорович — доктор медицинских наук, ординатор роддома в г. Самарканде (1936) (ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 32. Д. 3232. Л. 50об).

ФИШЕР, Константин Борисович (Карлович) (1840) — коллежский советник, из потомственных дворян С.-Петербурга, инженер. Выпускник Института путей сообщения (1858), работал на строительстве Ильминского шоссе, начальник 1-й дистанции путей сообщения, «за усердные труды при строительстве и исполнение работ, указанных лично императором, награжден именным перстнем с бриллиантами (9.10.1866) и орденом Св. Станислава 3-й степени». С 1875 г. — сотрудник Московского «комитета о просящих милостыни». С 15.08.1883 г. — младший архитектор строительного отделения Сырдарьинской обл., с 1885 г. — Самаркандский областной архитектор. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (9.10.1865), 2-й ст. (28.03.1871); Св. Анны 3-й ст. (31.03.1868), 2-й ст. (30.08.1885). Жена — Лидия Ивановна (Соколова). Дети: Николай (27.09.1869); Ольга (12.03.1868); Лидия (27.10.1870) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2464; Д. 2469; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 36519. Л. 4; Д. 38567; Д. 38673 п/с; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1899).

ФЛУГ, Василий Егорович (19.03.1860 — 9.12.1955, Сан-Франциско, США) — генерал от инфантерии, военный деятель, 1913 — 1914 гг. — помощник Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками ТВО. Из потомственных дворян С.-Петербурга. В 1877 г. после окончания 2-й С.-Петербургской гимназии и Михайловского артиллерийского училища (в 1880 имя В.Е. Флуга занесено на почетную мраморную доску училища) вступил на военную службу, направлен в 7-ю конно-артиллерийскую батарею, в 1890 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. С 26.11.1890 г. — начальник строевого отдела штаба Владивостокской крепости. С 1893 г. — командир эскадрона 11-го

Харьковского драгунского полка. С 6.10.1894 г. — старший адъютант Кавказской гренадерской дивизии, с 16.02.1895 г. — офицер при управлении 2-й Восточно-сибирской стрелковой бригады. Участник подавления боксерского восстания и военных походов в Китае в 1900 — 1901 гг. С 22.01.1902 г. — начальник штаба войск Квантунской обл. В чине генерал-майора (с 1903) принимал участие в русско-японской войне: с 14.01.1905 г. — генерал-квартирмейстер полевого штаба наместника на Дальнем востоке 2-й Маньчжурской армии, с 1905 г. по 1909 г. — военный губернатор Приморской обл. и наказной атаман Уссурийского казачьего войска. За годы его правления было вновь образовано на территории Приморского края 115 населенных пунктов, в Бухте Улисс началась с 1906 г. постройка отечественных миноносцев. По его личному ходатайству был восстановлен в звании и направлен в Академию Генерального штаба осужденный за революционную деятельность будущий герой Советского Союза генерал-лейтенант инженерных войск Д.М. Карбышев. С 12.01.1913 г. — помощник Туркестанского генерал-губернатора и Командующего войсками ТВО, и.д. Туркестанского генерал-губернатора. В годы Первой мировой войны с августа 1914 г. — командующий 10-й армией, с мая 1917 г. — в резерве чинов при штабе Петроградского ВО. После революции уехал на Дон, затем в феврале 1918 г. по поддельному паспорту — в Сибирь для организации антибольшевистского сопротивления, входил в состав «Делового кабинета» генерала Д.Л. Хорвата в Харбине, вернулся в распоряжение генерала А.И. Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, с 1922 г. служил в югославском военном министерстве, во время Второй мировой войны — в составе сформированного из русских эмигрантов для борьбы «против коммунистических партизан Тито» Русского корпуса, после 1945 г. — в Германии, с 1946 г. — в США. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (1893), 2-й ст. (1900), 1-й ст. с мечами (1905); Св. Анны 3-й ст. (1896), 1-й ст. с мечами (1905); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантами (1900), 3-й ст. с мечами (15.10.1904), 2-й ст. (6.12.1911); Белого орла с мечами (25.05.1915); Св. Георгия 4-й ст. (9.01.1916). Жена — Екатерина Валериановна (Шпицберг). Дети: Ксения (20.01.1898); Вера (13.07.1899); Елена (7.01.1901); Мария (21.10.1903); дочь жены — Ольга Пестич (1.03.1888) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 1402; Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3744. Л. 110; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 104; Д. 1329. Л. 38; НР. Т. 3. С. 660 — 662).

ФОГЕЛЬ, Густав Густавович (1851, Дерпт — 1894, Ташкент) — доктор медицины, старший ординатор Ташкентского госпиталя. Выпускник медицинского

факультета Дерптского университета, по окончании которого стажировался у известного петербургского хирурга К.К. Райтера, уехал в Ташкент. В январе 1891 г. отправлен на стажировку к ученому-микробиологу Р. Коху — профессору Берлинского университета. Его возвращение в Ташкент совпало с новой вспышкой холеры, угроза эпидемии которой для населения Туркестана существовала и раньше. В 1892 — 1894 гг. эпидемия вспыхнула по всему краю настолько широко, а методы и средства борьбы с ней были настолько не эффективны, что в 1892 г. в Ташкенте вспыхнул «холерный бунт». Из крупных городов Туркестана летучие отряды приезжали в села, проводили дезинфекцию, обрабатывали дома формалином. Как пишет Л. Ковалева, Г.Г. Фогель не один раз приезжал в села Южного Казахстана на помощь больным. Но «медик, спасший от смерти сотни людей, <...> не смог уберечь себя», до конца оставаясь со своими пациентами. Его отвезли в Ташкент только тогда, когда он был уже без сознания с высокой температурой. Когда жители одного из сел Чимкентского уезда решили присвоить селу имя врача — неизвестно. Но на старинных переселенческих картах края, хранящихся в Шымкентском областном музее, с 1911 г. значится село его имени Фогелевка. Жена — младшая дочь дипломата Н.Ф. Петровского, который писал: «Моя младшая дочь вышла замуж за доктора Фогеля, бывшего ассистента Карла Карловича Райтера, отличного хирурга, отправившегося в Ташкент ради поправления своего здоровья, <...> отличный малый, весьма усердно учившийся в Дерпте» (ТВ. 1894. 9 (21) июня, № 41; Южный Казахстан. 2011. 15 апреля (статья Л. Ковалевой).

ФОЛЬБАУМ (СОКОЛОВ-СОКОЛИНСКИЙ), Михаил Александрович (22.10.1866, С.-Петербург — 22.10.1916, Верный) — прав., генерал-лейтенант (1913), военный губернатор Семиреченской обл. Окончил Александровский кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище, Николаевскую академию Генштаба. Начал службу в 1892 г. в Кавказском военном округе, в 1904 — 1905 гг. принимал участие в прекращении беспорядков в Кишиневе, мятежей на броненосце «Князь Потемкин» (Одесса) и в Севастополе, который поднял лейтенант Шмидт. В чине генерал-майора с января 1908 г. по январь 1909 г. — градоначальник г. Баку. С января 1909 г. — военный губернатор Семиреченской обл., командующий войсками СемВО и наказной атаман Семиреченского казачьего войска (до сентября 1916). В начале Первой мировой войны выхлопотал назначение на фронт, в ноябре 1915 г. после отравления газами возвратился в г. Верный — во-

енный губернатор Семиреченской обл. Вынужден был подавлять мятеж местного населения против указа от 15.06.1916 г. о мобилизации мужского инородческого населения для тыловых работ. Был влюблен в край, мечтал оросить пустынную Приилийскую долину, сделать ее пригодной для хлебопашества и хлопководства, много приложил сил для восстановления г. Верного после землетрясения 1911 г., при нем завершилось строительство железной дороги от Верного до Ташкента и Барнаула, заботливо относился к переселенцам, одна из станиц была названа его именем — Фольбаумская. Был талантливым художником-рисовальщиком, его карикатуры публиковались в столичных журналах. «Жил скромно, но большая семья — шесть человек детей — была очень гостеприимна». В 1910 г. был зачислен Почетным стариком Семиреченского казачьего войска станиц Покутненская, Сарканская, Малая Алма-Атинская. В 1916 г. начал хлопоты об изменении своей немецкой фамилии на славянскую, на что было дано высочайшее соизволение. Первоначально был погребен в склепе казачьего собора станицы Большая Алма-Атинская, после февраля 1917 г. склеп был вскрыт, от поругания тело было спасено одним из казаков, который перезахоронил прах на кладбище Малой Алма-Атинской станицы. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (1894), 1-й ст. ст. (6.12.1913); Св. Анны 3-й ст. (1896), 2-й ст. (1905); Св. Владимира 4-й ст. (1906), 3-й ст. (6.12.1910); персидским Льва и Солнца 2-й ст. Был женат, пятеро детей (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 4. Д. 1017; Оп. 33. Д. 325. Л. 180; ria1914.info).

ФОЛЬКМАН, Эдуард — инженер на хлопкоочистительном заводе в Фергане (нач. XX в.).

ФРАЙБЕРГ, Анатолий (Александр-Адам) Людвигович (1839) — прав., коллежский секретарь, воспитывался в Семипалатинском уездном училище, в 1863 г. зачислен в Семипалатинское областное правление, затем в штат Барнаульского земского суда, 1864 г. — и.д. полицейского надзирателя г. Барнаула, 1869 г. переведен «для письменных занятий» в Семиреченское областное правление. С 12.09.1871 г. — в канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства, с 22.05.1873 г. — казначей Ташкентского ярмарочного комитета и смотритель ярмарочного имущества, с 29.02.1876 г. — служащий при управлении начальника г. Коканда, судебный следователь Кокандского уезда, Ферганский мировой судья. Орден Св. Станислава 3-й ст. (1.10.1873). Жена — Екатерина (Степанова). Дети: Юлия (19.07.1869); Аркадий (26.01.1871) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43. Л. 1 —

Зоб; Оп. 20. Д. 2523; Д. 3334; Д. 3526; Д. 4457; Д. 9025; Оп. 28. Д. 33. Л. 131; Оп. 29. Д. 261. Л. 9; Оп. 33. Д. 337. Л. 285; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38671. Л. 5; Д. 38672; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 90. Л. 2-3; Д. 223).

ФРАНКЕНБЕРГ — майор, командующий отрядом в экспедиции Бековича-Черкасского.

ФРАНКЕНШТЕЙН, фон — генерал-майор, начальник жандармского полицейского управления Среднеазиатской железной дороги, председатель Закаспийского благотворительного общества (1916) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1675. Л. 182; Д. 1742; Д. 1897).

ФРАНЦ, Дмитрий Дмитриевич — статский советник, начальник Туркестанского почтово-телеграфного округа.

ФРЕЗЕ, Евгений Робертович — надворный советник, начальник почтово-телеграфной конторы Ташкента (1908, 1914) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 141).

ФРЕЙ, Александр Александрович (28.02.1860) — прав., коллежский ассessor, из мещан С.-Петербургской губ., 28.10.1887 г. — выпускник Петербургского университета факультета восточных языков по арабо-песидско-турецко-татарскому разряду. Службу начал с 1887 г. во 2-й батарее гвардии конно-артиллерийской бригады, 28.10.1888 г. — уволен в запас. С 17.07.1889 г. — податной инспектор, с 1.04.1892 г. — комиссар поземельноподатной комиссии Андижанского участка. Участник первой Всесоюзной переписи населения (1897), со 2.06.1899 г. — делопроизводитель канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, с 12.05.1901 г. — комиссар Самаркандской поземельной комиссии, с 25.02.1904 г. — директор Ходженского тюремного отдела, 1904 г. — неперемный член от Министерства финансов в Совете Туркестанского генерал-губернатора. Назначен 20.12.1915 г. уполномоченным по устройству беженцев в Туркестанском крае. Его дочь добровольно пошла работать в инфекционное отделение эвакогоспиталя «на верную заразу». Награжден чинами и орденами. Жена — Екатерина Александровна (Иванова) (ЦГА РУз. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 1584 п/с; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1748. Л. 71; Ф. И-717. Оп. 1. Д. 49. Л. 55; ТВ. 1915. 22 декабря).

ФРЕЙНБЕРГ, Александр Людвигович — нотариус г. Коканда (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 295. Л. 247 — 250).

ФРИДЕ, Алексей Яковлевич (8.03.1838, Московская губ. — 9.07.1896, Ярославль) — прав., генерал-лейтенант (30.08.1894), военный и государственный дея-

тель, военный губернатор и командующий войсками Семиреченской обл., наказной атаман Семиреченского казачьего войска (29.05.1882 — 12.12.1888). Выпускник: 1857 г. — 1-го Московского кадетского корпуса, 1862 г. — Николаевской академии Генерального штаба. Участник подавления Польского восстания 1863 — 1864 гг., Туркестанских походов. С февраля 1868 г. состоял при штабе ТВО, старший адъютант, с 1869 г. — начальник штаба войск Сырдарьинской обл., 1970 г. — участник похода в Шахризябские бекства, 1973 г. — начальник штаба Туркестанского отряда во время Хивинского похода, отличился в бою с туркменами, 1875 — 1876 гг. — начальник штаба войск отряда К.П. фон Кауфмана в Кокандском походе, штурмовал крепость Махраб, назначен начальником штаба войск, действующих в бывшем Кокандском ханстве. В 1877 — 1878 гг. — помощник командующего, 1879 г. — командующий войсками Сырдарьинской обл., 1880 г. — начальник военно-походной канцелярии командующего войсками Туркестанского военного округа К.П. фон Кауфмана на период сосредоточения войск на китайской границе. С 11.07.1881 г. — комиссар Российского правительства в Кульдже по вопросу передачи ее Китаю, с подчинением ему войск Кульджинского района (протокол передачи и приема Кульджи подписан комиссаром Российского правительства генерал-майором Фриде и чрезвычайным комиссаром Китайского правительства Шэнь-Тайем). Затем — комиссар по проведению границы с Китаем согласно Петербургского договора 1881 г. по хребтам Тянь-Шаня до перевала Бедель. В результате пограничного конфликта Китая и СССР в 1969 г. на острове Даманский после распада Союза Киргизия уступила в 2001 г. Китаю около 90 тыс. га земли в ущелье Узенги-Кууш, недалеко от перевала Бедель. С 29.05.1882 г. по 2.04.1887 г. — военный губернатор и командующий войсками Семиреченской обл., наказной атаман Семиреченского казачьего войска. Занимался вопросами переселения в Россию беженцев мусульман с территории Китая, основал в 1882 г. город кульджинских беженцев Джаркент. В 1883 г. проводил вместе с И.В. Певцовым работы по разграничению Семиречья и Ферганской обл. с Кашгарией. Содействовал научному изучению края, его памятников истории и культуры, открытию в 1885 г. Областной библиотеки в г. Верном. Помогал востоковеду Н.Н. Пантусову в исследовании несторианских кладбищ, ботанику А.Н. Краснову в экспедиции на Восточный Тянь-Шань, горным инженерам И.В. Игнатову и И.В. Мушкетову в изучении гор Хан-Тенгри и последствий землетрясений в г. Верном, во время которого, несмотря на тяжелое ранение, возглавил спасатель-

ные работы, собрал и выслал в Кунсткамеру свидетельства катастрофы. Русский дипломат Н.Ф. Петровский писал о нем в своих письмах, будучи консулом в Кашгаре (1882 — 1903): «наш любезный, дорогой и уважаемый сосед <...> Алексей Яковлевич Фриде хорошо осведомлен о положении дел в Западном Катае, <...> ибо он возится с ним с самого царствования Кауфмана, знает их (дела) отлично и также отлично их ведет» и добавляет: «Г. Балкашин, на этот счет другого мнения, ему хотелось, кажется, чтобы губернаторы считали себя китайскими чиновниками, и так же, как он сам, поступались в пользу Китая самыми существенными нашими пограничными интересами». А.Я. Фриде интересами России и населения края «не поступался». Со 2.04.1887 г. по 9.07.1896 г. — губернатор Ярославской губ., способствовал экономическому развитию области, изучению ее культурных памятников, развитию народного образования. В 1895 г. открыл Ярославский кадетский корпус. Его именем названо уйгурское село выходцев из китайской Кульджи — Алексеевка, а также ледник в хребте Терский Алатау на Восточном Тянь-Шане, открытый А.Н. Красновым. Награжден орденами: Св. Станислава 1-й ст. (1882); Св. Анны 3-й ст. (1870), 2-й ст. (1875), 1-й ст. (1885); Св. Владимира 4-й ст. (1870), 3-й ст. (1876), 2-й ст. (1888); Св. Георгия 4-й ст. (1873); Белого Орла (14.05.1896). Жена — Мария Юрьевна (Копьева) — была Председателем Туркестанского благотворительного общества попечения о раненых и больных воинах (1875 — 1879) и руководила созданием в Ярославле Федоровской общины сестер милосердия. Дети: Татьяна (1865); Александр (20.10.1876 — после 4.05.1939); Константин (27.02.1878); Николай (27.06.1879); Борис (4.11.1880 — после 1951), Алексей (17.08.1882 — 1948); Мария (18.11.1889 — после 1941) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 928; Оп. 33. Д. 336. Л. 1, 5 — 6, 25; Д. 654. Л. 1 — 7; ТВ. 1879. №№ 24; 38; 51; ТС. № 341. С. 43; Петровский Н.Ф. Письмо Остен-Сакену Ф.Р. 3 октября 1886, г. Кашгар // Российский архив. Т. XII. М. 2003. С. 482; НР. Т. 3. С. 678 — 679).

ФРИДЕРИКС, Николай Евстафьевич (1821 — 13.03.1896) — барон. Генерал-лейтенант (1889), после того, как на основе Алатаевского и Сергиопольского округов 19.05.1867 г. была создана Семиреченская обл. с центром в г. Верном, — первый военный начальник Верненского уезда (крепость Верное) и градоначальник основывающегося города Верный, 20.11.1867 г. новая область была открыта и он передал управление ею Г.А. Колпаковскому. Будучи Сергопольским уездным начальником сопровождал экспедицию немецкого ученого Альфреда Брема к озеру Ала-Коль. Был автором экономико-географических и этнографических записок, опубликован-

ных на страницах газет и журналов. Ярко описал свои впечатления в отдельной книге «Туркестан и его реформы» (1869). Позднее (1887) был руководителем Омского Русского музыкального общества. Жена — Софья Антоновна. В области служили его братья: Владимир — начальник Верненского и Сергиопольского уездов, и Аркадий — с 1880 г. — председатель Семиреченского областного правления (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 362. Л. 2; vernoye-almaty.kz).

ФРИЦ, Алевтина Николаевна — учительница женской гимназии в Ашхабаде (на 2.12.1915) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3746; Д 3747).

ФТЕНБЕРГ, Иван Ефимович (1840) — прав., из Житомирской губ., в 1859 г. определен аптекарским учеником Петроградского госпиталя, в 1864 г. перемещен в Оренбургскую военно-медицинскую роту, в 1865 г. — в Чимкентский лазарет, затем — в Ташкентский лазарет, с 1870 г. — старший аптечный фельдшер Ходженского военного госпиталя (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38511. Л. 7 — 8).

ФТЕНБЕРГ, Петр Иванович (1.02.1871) — прав., окончил 12.11.1896 г. Императорскую военно-медицинскую академию со степенью лекаря, 1897 г. — старший врач Ходженского лазарета Аму-Дарьинского отдела, позднее — заведующий Ура-Тюбинским местным лазаретом. Награжден чинами и медалью «За труды по 1-й Всеобщей переписи населения» (25.06.1897). Жена — Екатерина Васильевна (Максимова) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38510. Л. 1 — 4).

ФУЛЬДЕ, Владимир Эдуардович — член Наманганского военно-промышленного комитета и Благотворительного комитета помощи военнопленным в Андижане (1915) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1675. Л. 110).

ФУНК, Семен (Самуил Самуилович) Семенович (6.08.1923, с. Матвеевка Бордулинского р-на Семипалатинской обл. — 30.01.1994, г. Ширин Сырдарьинской обл., Узбекистан) — инженер-строитель, начальник управления «Сырдарьягрэсстрой», организатор и руководитель строительства Сырдарьинской ГРЭС. Из многодетной крестьянской семьи, отец — Самуил Яковлевич Функ (1893 — 1943), мать — Лидия Генриховна (1900 — 1978). Вместе с отцом и братьями в 1942 г. был сослан на Урал, направлен в составе рабочих колонн в Челябинск на строительство особого объекта ядерного полигона под Сороковкой в районе г. Киштыма, получившего позднее название комбинат «Маяк». Работал арматурщиком, прорабом, руководил одновременно двумя плотницкими бригадами. Руководители строительства отмечали высокую квалификацию его труда, тщательное и аккуратное исполнение заданий, которые, как правило, излагались

устно, и все цифровые и технические указания требовалось запоминать и сохранять в памяти. Отличался педантичным соблюдением всех указаний и инструкций. В 1947 г. поступил на заочное отделение энергетического факультета Челябинского строительного института, но завершить образование не смог, так как в 1952 г. вместе с семьей как спецпереселенец отправлен в г. Чкаловск близ Ленинабада (Таджикская ССР). Работал в п/я № 325 на урановых рудниках, затем — на строительстве Кайраккумской ГЭС прорабом, начальником отдела производственных предприятий строительного управления «Кайраккумгэсстрой» треста «Средазгидроэнергострой». С 1957 г. добровольно участвовал в освоении целинных земель Голодной степи в составе строительного управления «Голодностепгэсстрой» (с 10.12.1956 — заместитель начальника, после окончания заочного обучения в вузе с 12.04.1963 — начальник). Руководил строительством Южного Голодностепского канала и многочисленных гидротехнических сооружений. В опаленной южным солнцем степи протянулись каналы, были проложены дороги, построены линии электропередач, возникли новые поселки, тысячи гектаров новых земель были засеяны хлопком и засажены садами. В 1966 — 1989 гг. работал начальником управления строительства «Сырдарьягрэсстрой» треста «Узбекгидроэнергострой», руководил строительством самой крупной в Узбекистане Сырдарьинской ГРЭС (мощность 3 млн. кВт). Это была единственная стройка в регионе, которую с 22.04.1970 г. начал с первого куба бетона (вместе с которым была заложена памятная мраморная плита с высеченными на ней словами: «Нашим потомкам от строителей XX века») и закончил все 10 блоков (последний 10 турбогенератор вводился в 1981) один руководитель. Кроме того, на стройке не было традиционного временного жилья. Одновременно со строительством ГРЭС возводился новый город энергетиков — Ширин. Рабочие, строители, инженерно-технический персонал, прибывавшие в город по мере его развития, вселялись сразу в современные квартиры, для их детей были построены детсады и школы. Позднее руководимое им управление построило много школ, больниц, административных зданий в других районах республики и в ее столице — Ташкенте. ГРЭС имеет стратегическое значение и обеспечивает энергией многие районы Центральной Азии. Для нее построены 3 канала для охлаждения турбин. По отзывам коллег, был талантливым человеком широкого размаха, с открытой душой и вниманием к людям, высококвалифицированным специалистом, который вопреки обстоятельствам сделал себя сам, воспитал себя

великолепным организатором. Почти 40 лет бескорыстно трудился и жил в условиях пустынь, выжженных солнцем степей, создавая нормальную жизнь людям и облагораживая землю. Неоднократно избирался депутатом областных и городских советов, был в 1976 — 1986 гг. депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. Пенсионер с 1989 г. Одна из улиц выстроенного им города Ширин, где он похоронен, была названа его именем. Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1965, 1971), медалями «За доблестный труд» (1962, 1970), званиями: «Заслуженный строитель УзССР» (1972), «Отличник энергетики и электрификации СССР» (1973), «Ветеран энергетики Узбекистана» (1977), Почетными грамотами. Жена — Юлия Васильевна (Шахматова) — медицинский работник. Дети — Александр (5.06.1951), Лариса (3.10.1958) — и внуки живут в Германии (Воспоминания ветеранов войны и тружеников тыла «Чирчикстроя» («Узбекгидроэнергостроя»). Ташкент. 1995. С. 81 — 83; Остритский Д.Г. Полвека на передовых рубежах. Ташкент. 1982. С. 90 — 101; НР. Т. 3. С. 691 — 692).

ФУРМАН, Андрей — сотрудник музея Средазкомстариса (1918) (ЦГА РУз. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27. Л. 38).

ХУДОЯР-хан (1839) — Кокандский хан (1845 — 1875).

ЦЕГЕ-фон-МАНТЕЙФЕЛЬ, Николай Максимович (17.10.1827, Харми, Эстляндия — 14.07.1889, дача Подбережье, близ Витебска) — генерал-лейтенант, выпускник Николаевского кавалерийского училища, службу начал в 1846 г., принимал участие: 1853 — 1856 гг. — в охране берегов Курляндии, в подавлении Польского восстания (1863); с 1865 г. — в туркестанских походах: начальник правого фланга Новококандской (Сырдарьинской линии), участник военных походов в Бухарские владения. После отъезда в 1867 г. генерала Д.И. Романовского из Ташкента временно исполнял обязанности военного губернатора Туркестанской области. С 1868 г. — помощник начальника 2-й гренадерской дивизии, участник русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг., с 1886 г. — командир 2-го Кавказского армейского корпуса, имел многочисленные награды, почетный гражданин г. Белостока, похоронен в Москве.

ЦЕННЕР, Христиан Христианович (1905, Украина — 18.04.1989, Ташкент) — врач, ведущий хирург НИИ гематологии и переливания крови УзССР, ученый. Из семьи крестьян, в детстве получил травму, негативные последствия которой были предотвращены в результате операции. Эти события определили всю будущую его жизнь. В 1925 г. поступил в Одесский медицинский институт, учился отлично, за-

рабатьвая на жизнь подработкой сторожем, почтальоном. Среди его учителей был знаменитый ученый-офтальмолог профессор В.П. Филатов. После окончания института работал хирургом на Донбассе, затем в госпитале в Ленинграде. Был депортирован в начале Второй мировой войны, работал сборщиком хлопка в Пахта-Арале на юге Казахстана. Работа хирурга была для него под запретом. После того, как он однажды спас жену районного партийного функционера, ему разрешили работать врачом-хирургом. В 1942 г. мобилизован в трудовую армию, но эшелон, в котором его везли в Сибирь, был задержан около г. Чимкента, его сняли с поезда и вернули назад. В сельских районах Южного Казахстана вспыхнула эпидемия неустановленной этиологии. Он начал работать над исследованием неизвестного тогда заболевания — токсический гемотропный гепатит. Первый дал описание диагностики заболевания, методов лечения и средств его профилактики. В процессе исследования провел опыт на себе, впрыснув кровь больного пациента. Результаты проведенных им многолетних исследований широко используются в практической медицине и в наши дни. Писатель доктор медицинских наук В.Г. Михайлов посвятил ему свои художественно-документальные произведения «Победа над загадочной болезнью» и «Исповедь хирурга». После снятия ограничений для российских немцев переехал в Ташкент, был знаменитым среди жителей края хирургом. Лечил своих пациентов не только посредством правильно и четко поставленного диагноза, необходимых медикаментов и искусством хирурга, но и своей любовью к больному человеку, бесконечным вниманием и сочувствием к нему. Им проведено более 15 тысяч хирургических операций, большое внимание при этом уделял исследованию и подбору новых средств наркоза. «Он любил людей и люди любили его». В последние годы его более чем 55-летней медицинской службы работал консультантом. Автор публикации «Из воспоминаний хирурга» (Х.Х. Ценер. Ташкент. 1989). Одна из его дочерей с семьей живет ныне в Москве, вторая дочь с внуком — в Германии. «На его могиле на кладбище Домбробад в Ташкенте и сегодня лежат свежие цветы» (Johanna Jenn Erinnerung des Chirurgen // Deutsh-Russische Zeitung. 2009. № 9).

ЦИММЕРМАН, Апполон Эрнестович (1825 — 1884) — генерал от инфантерии, в 1860 г. — командующий экспедицией за р. Чу в Заилийский край, в результате которой взяты кокандские крепости Токмак, Пишпек и присоединены иссык-кульские киргизы.

ЦИММЕРМАН, Иван Людвигович (9.01.1852) — лют., коллежский совет-

ник, врач. Выпускник С.-Петербургской медико-хирургической академии со званием лекаря, 2.05.1878 г. оставлен при клиническом военном госпитале. С 19.07.1880 г. служил врачом в Омском пехотном полку, затем в 1881 — 1882 гг. изучал в Императорской военно-медицинской академии военно-полевую хирургию, с 7.10.1882 г. прикомандирован в Петергофский военный госпиталь, с 13.03.1883 г. — в 148-м пехотном Каспийском полку, 25.10.1883 г. перемещен в Туркестанский саперный полубатальон. Работал в Маргелане (1884), 1885 г. — в Нукусе, с 22.05.1885 г. — в 6-м конном полку Оренбургского казачьего войска. С 1.05.1887 г. — в Андиганском местном лазарете, с 21.06.1889 г. — в Ходжентском местном лазарете. Имел поощрения. Жена — Елизавета Сергеевна (Ефимова) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 4022; Д. 3870. Л. 1 — 8).

ЦИММЕРМАН, Рихард (Ричард Ричардович) Рихардович (1891, Москва — 1951, Ташкент) — физик, геофизик-аэролог, профессор (5.01.1938). Бывший потомственный почетный гражданин. В 1914 г. окончил физико-математический факультет МГУ. 1914 — 1918 гг. — ассистент Московского Геофизического института МГУ. С 1916 г. — преподаватель физики в гимназии, одновременно авианавигатор в школе авиации. С 5.04.1920 г. — в Ташкенте в составе первых преподавателей, прибывших для организации Туркестанского университета, работал на кафедре геофизики, позднее — ее заведующий. В 20-е гг. XX в. возглавлял Ташкентскую астрофизическую обсерваторию, в 30-е гг. — заведующий Аэрологическим центром Среднеазиатской геофизической обсерватории, по совместительству — руководитель физико-математической кафедры Среднеазиатского института шелка. Защитил в 1916 г. кандидатскую и в 1933 г. докторскую диссертации. В качестве метеоролога принимал участие совместно с О.Ю. Шмидтом в составе первой советско-германской экспедиции 1928 г. на Памир. Автор более 40 научных работ по климатическому районированию, магнитному определению элементов земного магнетизма, исследованию ветровых энергетических ресурсов Центральной Азии (Проблемы изучения ветровых ресурсов Средней Азии под углом зрения их технического использования. Ташкент. 1933; Ветры Средней Азии и их энергетические ресурсы. Ташкент. 1934; Плотность воздуха в свободной атмосфере над Средней Азией по сезонам. (Атлас. 35 карт). М. 1936; Ветровая энергия Ферганской долины. 1934; Климат Средней Азии // Сб. Водное хозяйство Средней Азии. М. 1926; Исследование атмосферы с помощью шаров-пилотов в Ташкенте. М. 1923 и др.). Был женат, двое детей (ЦГА РУз. Ф. 368).

Оп. 1. Д. 341. Л. 47 — 49; Ф. 837. Оп. 22. Д. 4. Л. 178 — 178об; Д. 34. Л. 52 — 52об; Д. 53. Л. 123, 140 — 142, 148 — 149; Оп. 32. Д. 3232. Л. 15, 45, 51; Бюллетень САГУ. 1925. № 11. С. 231 — 233; 1926. № 14. С. 176; Корженевский Н. Советско-германская Памирская экспедиция // Бюллетень САГУ. 1929. № 18. С. 173 — 174; НР. Т. 3. С. 717).

ЦИММЕРМАН, Сергей Эмильевич (7.01.1882, Ревель — 1957, Ташкент) — врач, доктор биологических наук, профессор. В 1903 г. поступил в С.-Петербургскую военно-медицинскую академию, в 1905 г. переведен на медицинский факультет МГУ, в 1909 г. оставлен в университете для научной работы и преподавания на кафедре анатомии известного профессора Д.Н. Зернова, работал лаборантом, помощником прозектора. В 1913 г. командирован в Германию, где ознакомился с работой ряда анатомических кафедр, в т.ч. у проф. Гоуппа. В 1918 г. окончил курсы усовершенствования по специальности болезни уха, горла, носа. С 15.07.1919 г. по 20.02.1920 г. работал по созданию кафедры анатомии медицинского факультета Ярославского университета. В 1920 г. в числе других ученых и преподавателей столичных вузов переехал в Ташкент, занимался организацией медицинского факультета Туркестанского университета. Основал кафедру нормальной анатомии, возглавлял ее в 1922 — 1938 гг., с 1924 г. — профессор, работал также на кафедре судебной медицины. В 1934 — 1935 гг. — проректор по научной и учебной работе университета. С 1935 г. — заведующий кафедрой нормальной анатомии Среднеазиатского медицинского института, член городского совета, Среднеазиатского медицинского общества. В 1937 г. после защиты докторской диссертации ему присуждена степень доктора биологических наук. В 1938 — 1941 гг. — заведующий кафедрой нормальной анатомии Куйбышевского медицинского института, на базе которого в 1939 — 1942 гг. создана Куйбышевская военно-медицинская академия, сотрудником которой он оставался до 1941 г. В 1945 — 1956 гг. — заведующий кафедрой Ставропольского медицинского института. «Фактически при нем начались серьезные научные изыскания». Автор более 50 научных работ по описательной анатомии, антропологии, хирургии, судебной медицине, в т.ч. словаря анатомических терминов, руководства по судебно-медицинскому вскрытию, анатомической технике. Фундаментальными трудами являются монографии: «Центральная нервная система. Руководство для студентов медвузов» (Ташкент. 1936); «Антропологическая таблица Средней Азии» (М. 1929); «К вопросу о методике преподавания анатомии на медицинском факультете» (Ташкент. 1928); «К вопросу о васкуляризации нервных стволов» (1922);

«Случаи разрыва восходящей части аорты» (1931) и др. (ЦГА РУз. Ф. 368. Оп. 1. Д. 277. Л. 10; Ф. 837. Оп. 22. Д. 4. Л. 1; Д. 34. Л. 51; Д. 53. Л. 140 — 149; ЦГАМ Ташкента. Ф. 418. Оп. 320. Д. 1805а. Л. 11, 34, 40; Ташкентский горархив. Ф. 38. Оп. 3. Д. 230. Л. 47 — 50; Бюллетень САГУ. 1925. № 10. С. 131 — 157; 1926. № 14. С. 231 — 233; Биографические справки ученых. Ташкент. 1990. С. 129; НР. Т. 3. С. 717).

ЦИММЕРМАН, Эдуард Романович (1822) — писатель, путешественник (США, Венесуэла, Австралия, Гавайские острова (1857, 1869 — 1870)). Печатал также «Путевые очерки» о поездках его по Средней Азии, Египту, Тунису и Алжиру» (Русская мысль. 1897), автор публикации «В глубь Азии: Поездка в Самарканд» (М. 1893).

ЦИНГЕР — промышленник, владелец магазина в Ташкенте, «конкурент Саввы Морозова».

ЦИНДЕЛЬ, Э. — представитель Русско-Азиатского банка в Новом Ургенче, «Шлиссельбургской мануфактуры» в г. Коканде (1915) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1899-а. Л. 188).

ЦИЦЕР, Фридрих Адамович — служащий Андиганского отделения Московского учетного банка (ЦГА РУз Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1315. Л. 37).

ЧЕРНЯЕВ, Михаил Григорьевич (3.11.1828, с. Тубышки Могилевской губ. — 4.08.1898, с. Тубышки Могилевской губ.) — генерал-лейтенант. Из дворян Могилевской губ., покоритель Ташкента, 1865 — 1866 гг. — военный губернатор Туркестанской обл., 1882 — 1884 гг. — Туркестанский генерал-губернатор, 21.02.1884 г. назначен членом Военного Совета с зачислением по Генеральному штабу. Жена — Антонина Александровна (фон Вульфберг). Дети: Антонина, Александра, Вера, близнецы Надя и Татьяна, двойняшки Михаил и Елизавета (умерли в раннем детстве) (Среднеазиатская жизнь. 1906. № 255).

ШАБАНОВА, Наталья Николаевна (урожд. фон Кубе) (3.11.1909, С.-Петербург — 2002, С.-Петербург) — экономист, банковский деятель, педагог. Из дворянской семьи врача, окончила Ленинградский финансово-экономический институт, 55 лет проработала в системе Госбанка СССР и подготовки банковских кадров: с 1930 г. — в руководстве Госбанка СССР, с 1946 г. по 1984 г. — в Ташкентском институте народного хозяйства, где вместе с мужем, Юрием Евгеньевичем ШЕНГЕРОМ, готовила банковских специалистов. Автор более 40 печатных работ. Деятельность супругов получила высокую оценку. Музей исто-

рии Национального банка Республики Башкортостан открыл специальную экспозицию, посвященную этим ученым, работавшим во время войны (1941 — 1945) в Уфе. Их книги по финансам, денежному обращению и кредиту переиздаются в России. Автор издания «Воспоминания о себе, о времени, в котором жила» (СПб. 2009) (Ивонин В.А. // Диаспора немцев Узбекистана в диалоге культур. Ташкент. 2010. С. 25).

ШАМИЛЬ (1797 — 1871) — предводитель кавказских горцев, сын аварского узденя Денгау-Магоммеда, в 1834 г. провозгласил себя имамом, вел борьбу против русской власти, после 1859 г. вместе со всем своим гаремом жил в Калуге, затем в Киеве, получил разрешение совершить хадж в Мекку, где умер.

ШАРНГОРСТ, Константин Васильевич (27.02.1846 — 4.05.1908, С.-Петербург) — генерал-лейтенант (1896), инженер, выдающийся топограф и геодезист, профессор геодезии Николаевской академии Генерального штаба. Выпускник отделения геодезии Николаевской академии (1868). В 1869 г. по пути в Ташкент проводил первые магнитные наблюдения в Центральной Азии, награжден малой золотой медалью ИРГО («за сообщение 15 астрономических определений пунктов Средней Азии», 1872) и золотой Константиновской медалью («за астрономические труды по определению разности долгот по телеграфу», 1876). Первый астроном Ташкентской астрономической обсерватории (до конца 1873), 1881 г. — после 1.01.1886 г. — профессор Николаевской академии, 1897 г. — редактор карт военно-топографического отдела Генерального штаба. В 1898 г. корпусом военных топографов под руководством генерала К.В. Шарнгорста было начато уравнивание разрозненных «губернских триангуляций», покрывавших страну от западных границ до Урала, включая Кавказ. Завершена эта работа была только в 1928 г. «изданием силами военно-топографической службы «Каталога Шарнгорста». Автор публикаций (Астрономические наблюдения в Туркестанском крае. // Известия Русского географического общества. 1872. Т. VIII; Математическая география для средних учебных заведений. Учебное пособие. СПб. 1897) и др. изданий (ТС. № 83).

ШАФГАУЗЕН-ШЕНБЕРГ-ЭК-ШАУФУС, Дмитрий Николаевич (1830 — 23.02.1893) — прав., генерал-майор, из дворян, 1860 г. — выпускник 2-го Константиновского военного училища, корнет лейб-гвардии уланского полка, участник подавления Польского восстания (1863 — 1864). Направлен в Николаевскую военную академию, которую окончил отлично в 1865 г. и был причислен к Гене-

ральному штабу. В 1866 г. направлен в штаб Оренбургского военного округа, участвовал в боях за Ура-Тюбе, в боях на Самаркандских высотах. В конце 1866 г. направлен, как отличившийся офицер, с донесением в Петербург, удостоен особой аудиенции Александра II. С 1867 г. в чине подполковника причислен для особых поручений при командующем войсками ТВО, вскоре назначен начальником штаба Сырдарьинской обл. В 1874 г. переведен в Петербург, в Киев — командир 5-го гренадерского киевского полка, начальник штаба 5-го армейского корпуса, с октября 1876 г. — командир 47-го пехотного украинского полка (ТС. № 195. С. 38).

ШВАРЦ, Михаил Францевич (22.09.1879) — прав., воспитывался в Ташкентской гимназии, но курса не окончил, 8.03.1897 г. — 22.05.1899 г. — канцелярский служащий Ферганского областного правления, позднее служащий Маргеланского казначейства (1904) (ЦГА РУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 7573. Л. 10, 43; ТВ. 1879. № 4; № 43).

ШВАРЦ, Франц Ксаверий фон (декабрь 1847 — 1903) — катол., естествоиспытатель, кандидат математических наук. Выпускник Нюрнбергского университета в звании кандидата физико-математических наук, доцент Мюнхенского университета. В 1874 г. приглашен К.П. фон Кауфманом в Туркестан для заведывания астрономической обсерваторией, занять должность не позволяло иностранное подданство, в 1877 г. зачислен сверхштатным астрономом Ташкентской обсерватории. Принял российское подданство, 11.12.1878 г. назначен помощником заведующего обсерватории по метеорологической части. Проводил тригонометрические, астрономические и топографические работы, метеорологические наблюдения (данные отсылались в Петербург и Вашингтон). Составленные им чертежи и таблицы отличались особой точностью и художественностью. Проводил во время военных походов и путешествий в Кульдже, Гиссаре, Афганистане и на Алтае полевые исследования, охватив ими более 100 населенных пунктов в Центральной Азии (1879 — 1880). В 1881 г. обсерватория приобрела магнитный теодолит Бауэра, начал проводить систематические работы по абсолютным определениям земного магнетизма, создал основу магнитных наблюдений на обсерватории в Ташкенте. Награжден малой золотой медалью ИРГО «за астрономические работы в Туркестане и сопредельных местностях Средней Азии» (1881). Интересовался историей и культурой края, знакомился с жизнью его народов. Изучил всю литературу по этим вопросам на русском языке, а по возвращении в Германию — крупнейшее собрание книг о Туркестане в библио-

теке Мюнхена. С 1890 г. — вновь в Германии. Опубликовал свои впечатления о крае «Поездки по Туркестану» (Фрайбург. 1900. — на нем. языке). Орден Св. Станислава 3-й ст. (6.05.1877) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 7472. Л. 2; Оп. 33. Д. 329. Л. 59 — 64; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 8. Л. 41 — 44; Ф. И-36. Оп. 1. Д. 497. Л. 8; Д. 1343. Л. 26 — 28; Ф. И-713. Оп. 1. Д. 8. Л. 685; ТС. №.151. С. 34 — 35; № 348. С. 113 — 115; Бюллетень САГУ. 1925. № 10. С. 199 — 200; ТВ. 1878. № 6; 1879. №№ 3; 4; 5; 6; 8; 43; НР. Т. 3. С. 731).

ШВАРЦКОПЕР, Андрей Васильевич — служащий торгового дома «Братья Крафт» в Коканде (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-91. Оп. 1. Д. 204. Л. 19).

ШВЕНЦОН, Петр Александрович фон (13.01.1852) — прав., действительный статский советник, выпускник Императорского Александровского лицея (22.01.1874), начал службу при Главном военно-морском судном управлении в «судебных должностях», 21.05.1876 г. переведен на Кавказ, причислен к Главному управлению Наместника Кавказского, 12.01.1884 г. назначен правителем дел Тифлисского попечительства о детских приютах. С 30.04.1891 г. командирован в Мубарекское государево имение, 21.12.1897 г. переведен на службу в Главное управление государственного конезаводства. С 1898 г. — председатель комиссии по осмотру врачебно-наблюдательных пунктов на Кавказско-Среднеазиатской сухопутной границе. С 23.06.1902 г. — ст. чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, 21.09.1906 г. назначен на должность комиссара Самаркандской временной податной комиссии, с 1.04.1909 г. — комиссар поземельно-податной комиссии Сырдарьинской обл. Награжден: орденом Св. Станислава 2-й ст. (6.12.1912); бухарским Золотой звезды 1-й ст. (23.06.1902); серебряной медалью «В память царствования императора Александра III» (16.08.1895). Жена (второй брак) — Мария Николаевна. Дети: Елизавета (11.02.1878, от первого брака); Сергей (6.12.1886) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38709 п/с. Л. 10. 47; СЛ. С. 47).

ШЕНГЕР, Юрий Евгеньевич (24.05.1904 — 19.12.1974, Ташкент) — экономист, банковский деятель, доктор экономических наук, профессор (1961), заслуженный деятель науки УзССР. В 1923 г. — выпускник экономического факультета Ленинградского университета. 1924 — 1936 гг. — сотрудник Ленинградской конторы Госбанка СССР, с 1926 г. — преподаватель, вел курсы банковского дела, теории денег и кредита в Институте народного хозяйства им. Ф. Энгельса, затем с 1930 г. — в Ленинградском финансово-экономическом институте. В 1936 —

1938 г. — ст. консультант отдела финансов Госбанка СССР, руководитель группы консультантов при секретариате Правления Госбанка СССР, 1939 — 1940 гг. эксперт планово-экономического управления Госбанка СССР. В 1940 — 1945 гг. — начальник сектора кредитов сельского хозяйства Башкирской конторы Госбанка СССР. Преподаватель Алма-Атинского кредитно-экономического института, с 1946 г. — зав. кафедрой. С 1955 г. — проректор по научной работе Ташкентского института народного хозяйства (до 1974). Награжден орденом «Знак почета». Жена — Наталья Николаевна (фон Кубе) (Ташкентский горархив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1789; Ивонин В.А. Диаспора немцев Узбекистана в диалоге культур. Ташкент. 2010. С. 25).

ШЕНКЛЕР, Густав Рудольфович (1886) — лют., купец 1-й гильдии, служащий Кокандского отделения Русского для внешних сношений банка (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 175).

ШЕНЦИГ, Вильгельм Эмильевич фон — служащий Самаркандского отделения Московского коммерческого банка (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 168).

ШЕР-АЛИ-ХАН (1825 — 1879) — хан Афганистана (1868 — 1879).

ШЕФЕЛЬ, Даниил Андреевич — инженер, управляющий торгово-посреднической фирмой «Георгард и Гей» в Коканде.

ШЕФЕР, Александр Иванович — сотрудник Самаркандского отделения Русско-Азиатского банка (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1315. Л. 249).

ШЕФФЕР, Людвиг Карлович — техник по водной части управления переселения Сырдарьинской обл. (1907, 1913) (СЛ. С. 21).

ШИНДЕЛЬ, Адольф Адольфович — служащий Закаспийской комиссионной конторы (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1575. Л. 35).

ШИНДЕЛЬ, Клара Карловна — член общества поощрения конезаводства (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 92 — 93).

ШЛАГИНТВЕЙТ, Адольф (9.01.1829, Мюнхен — 28.08.1857, Кашгар) — немецкий геолог, путешественник, альпинист. Второй из пяти братьев в семье, вместе с братьями Германом (1826 — 1882) и Робертом (1833 — 1885) публикует научную работу по исследованию Альп (1848). В 1854 г. по рекомендации А. фон Гумбольдта братья приступают к изучению магнитного поля Земли, поступив на службу в английскую Ост-индийскую кампанию (которая использовалась также английской разведкой). За три года (1854 — 1857) ими была изучена территория Индии, Тибета, Каракорума, вплоть до Афганистана. Пройдя 300 миль по Вос-

точному Туркестану разными маршрутами, братья собрали богатейший этнографический материал. Роберт и Герман, соединившись в Египте, вернулись в Европу. Адольф решил проникнуть в Яркент и другие города Кашгара. В июне 1857 г. перешел Каракорум, Куэнь-Лунь и добрался до Яркента, был схвачен и обезглавлен как шпион Вали-ханом, правителем Кашгара (в то время любое европейское лицо на территории края подозревалось в шпионских действиях). Поиски братьями следов исследователя с помощью английской разведки ни к чему не привели. Тогда братья через Берлинское географическое общество обратились за содействием к российским ученым. Подробности убийства стали известны из сообщений Ч.Ч. Валиханова 12.04.1859 г.: он поплатился жизнью за отказ отдать Вали-хану документы, предназначенные кокандскому хану. В 1888 г. по инициативе Н.Ф. Петровского в Кашгаре на средства ИРГО был установлен памятник-обелиск с надписью «Путешественнику Адольфу Шлагинтвейту, павшему в Кашгаре жертвою высокой преданности географической науке 14 — 26 августа 1857». «Русский памятник на китайской территории», — писали газеты (Валиханов Ч.Ч. Сведения об обстоятельствах, способствующих смерти Адольфа Шлагинтвейта // Соб. соч. Т. 4. Алма-Ата. 1985. С. 40 — 43; ТВ. 1887. № 14; 1879. № 28; 1896. № 94; Ерофеева И.В. Он принадлежал к числу «просвещеннейших офицеров русской армии» // Культурное наследие немцев Центральной Азии. Сб. статей под ред. составителя О. Клименко. Алматы. 2012. С. 82 — 93).

ШЛЕГЕЛЬ, Борис Христофорович (1880 — н.д.) — инженер, управляющий госимуществом в Закаспийской обл., в 1908 — 1910 гг. — строитель разрушенной ранее (1900) весенними паводками Султан-Бендской плотины в низовьях р. Мургаб в Туркмении, 1910 — 1914 гг. — заведующий переселенческим отделом Семиреченской обл., 1920 г. — профессор мелиорации ТашГУ, 1924 — 1926 гг. — декан инженерно-мелиоративного факультета ТашГУ, разработал схему орошения бассейна р. Кашкадарья водами рек Амударья и Зеравшана, был руководителем Бюро научных обществ Туркестана, которое ставило целью своей деятельности объединение всех научных обществ, координацию их работы, издание учебно-методической литературы и перевод ее на языки местных народов края; 1922 — 1926 гг. — также руководитель Туркестанского (Среднеазиатского) отдела Всероссийской (с 1923 — Всесоюзной) Ассоциации инженеров, который играл значительную роль в развитии промышленного потенциала края. После отъезда в 1931 г. из Средней Азии — ст. инженер Водстройнаркомзема РСФСР.

Репрессирован (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 982. Л. 3; Ф. И-7. Оп. 1. Д. 927; Д. 931. Л. 1; Д. 982. Л. 3; Д. 927; Д. 931. Л. 1; Д. 8105. Л. 19; Московская правда. 2007. 30 сентября).

ШЛЕЙФЕР, Георгий Иванович фон (4.09.1827 — 23.05.1894) — генерал-лейтенант, военный инженер. После окончания 1-го кадетского корпуса (1847), офицерских классов Николаевской инженерной академии (1849) принимал участие в укреплении Одессы и Геническа, участник Крымской войны (1854 — 1856), находился в рядах защитников Севастополя, 5-го бастиона и Малахова кургана, был контужен. Служил в окружном инженерном управлении Оренбургского военного округа (на 1.02.1866). Участник взятия Ташкента и Хивинского похода (1873). С 22.06.1868 г. по 26.06.1874 г. — начальник инженеров ТВО, строитель здания офицерского собрания гарнизона (ОДО), Ташкентской крепости и ворот, «тяжелых по пропорции, но по-военному монументальных и выразительных» (на одной из крепостных стен стояла пушка и по традиции, заимствованной у С.-Петербурга, в 12 часов дня давала один единственный холостой выстрел, по которому жители города сверяли часы). Член Главного военно-тюремного комитета Туркестана (на 15.02.1875). 1876 — 1884 гг. —управляющий Большим кремлевским дворцом в Москве. В 1885 — 1894 г. состоял вице-президентом благотворительно-тюремного комитета. Награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст. (1862), Императорской короной к ордену Св. Станислава 2-й ст. (1866), 1-й ст. (1876); Св. Анны 2-й ст. (1870), Императорской короной к ордену Св. Анны 2-й ст. (1872), 1-й ст.; Св. Владимира 4-й ст. (1856), 3-й ст. (1873); многими иностранными орденами (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 5395).

ШЛЕЙФЕР, Николай Георгиевич (Юрьевич) фон (6.12.1864 — 30.08.1940, Рим, Тестаччо) — камергер Высочайшего Двора, статский советник, дипломат и профессиональный скульптор: автор в 1913 г. памятника «К.П. фон Кауфману и всем войскам, покорившим Среднюю Азию», в Ташкенте; в 1909 г. незаконченного памятника М.Г. Черняеву в Чимкенте (совместно с Г.М. Сваричевским); первого в мире памятника русскому писателю за границей А.П. Чехову на склоне горы Бургберг в долине р. Рейна в г. Баденвейлере, где скончался писатель (открыт 12/25.07.1908, не сохранился); в 1900 г. бюста в бронзе великого князя Константина Константиновича Романова; в 1909 г. памятника Александру III на станции Борки к югу от Харькова; в 1913 г. полкового памятника Суворову и Ско-

белеву в 16-й пехотной дивизии в Белостоке; в 1910 г. надгробия поэту Майкову на Новодевичьем кладбище в С.-Петербурге. С 1908 г. служил вице-консулом во Франкфурте-на-Майне, переведен с повышением в Италию на Сицилию (до 1914), последний консул в Катании, затем в Неаполе. В годы Первой мировой войны неосторожно высказался о своем положительном отношении к немецкой цивилизации, что в 1918 г. послужило причиной доноса и вызванного им скандала во время пребывания во Флоренции. После революции стал «невозвращенцем», продолжал хлопотать о русских беженцах в Италии, в 1924 г., после признания итальянским правительством советской власти, передал ключи и опись имущества представителю советского государства, переехал в Рим. Работы Н.Г. Шлейфера были переданы Императорской академией художеств в Нижегородский художественный музей в момент его открытия в конце XIX в., затем — розданы по учреждениям. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в экспозиции инженерного отдела помещена его работа — бюст героя русско-японской войны 1904 — 1905 гг., инженера, генерал-лейтенанта В.Н. Кондратенко. Жена — Елена Николаевна (Ратькова-Рожнова, 25.07.1867 — 8.10.1954). Дети: Юрий Николаевич Шлейфер (22.12.1905 — 28.06.1983) — музыкант, был близок к кружку Вячеслава Иванова, похоронен вместе с родителями на некаатолическом кладбище для иностранцев Тестачо в Риме (Ирина Амитон. Вишневый сад еще зацветет // Первое сентября. 2003. № 82; ТС. № 435. С. 58 — 59; № 465. С. 8, 141; № 504. С. 443 — 443об; № 516. С. 3, 91; № 546. С. 144, 146об; ТВ. 1909. № 238; Русский инвалид. 1909. № 231; Голендер Б. Окно в прошлое. Ташкент. 2002. С. 71; Ежегодник Министерства Иностранных Дел. СПб. 1916. С. 60; Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. М. 2008. С. 283, 299, 405).

ШЛЕЙФЕР, Алексей Иванович — ученый, руководитель сектора планирования агромероприятий и учета их эффективности. Выпускник сельскохозяйственного факультета САГУ (1925). Участковый, областной агроном, заведующий отделом экономики и применения Бухарской опытной сельскохозяйственной станции (бывш. Ширабудинской сельскохозяйственной опытной станции), проводил большую работу по районированию агротехнических мероприятий, повышению урожайности хлопчатника, люцерны, а также по изучению опыта работы дехкан (1925, 1935). Одновременно — доцент кафедры земледелия САИИМ, характеризовался «ценным и необходимым работником». Автор 19 пе-

чатных работ и многих статей (Затраты труда на отдельные полевые работы в дехканском хозяйстве Бухарского округа // Труды Ширабудиной сельскохозяйственной опытной станции. 1930; Нормы затрат рабочего времени при работе в поле с основными сельскохозяйственными машинами в условиях хлопкового хозяйства бывш. Бухарского округа // Труды... 1932; Результаты опытно-показательных участков за 1927 — 1930 г. // Труды... 1931; За высокий урожай — Агрономические мероприятия по повышению урожайности хлопчатника. 1932; Боритесь с головней люцерны. 1927; Почему нужно очищать посевное зерно. 1927; Дискование люцерны. 1929 и др.) (ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 22. Д. 4. Л. 111; Оп. 32. Д. 3232. Л. 9).

ШЛЕЙХЕР, Эмма Ивановна — микробиолог, кандидат наук, доцент ТашМИ, сотрудник Института эпидемиологии и микробиологии (1941) (ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 32. Д. 3232. Л. 9, 42).

ШЛЕФЕНДОРФ, Михаил Мартынович — капитан Амударьинского флота (нач. XX в.).

ШЛИТТЕР — подпоручик, востоковед, комиссар земельно-податной комиссии Сырдарьинского областного правления (нач. XX в.) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1939).

ШЛОСБЕРГ — братья, владельцы торгового дома в Андижане.

ШМИДКЕ, Вильгельм — депортирован с семьей с Волыни в 1915 г., житель с. Константиновка.

ШМИДТ, Александр Карлович (1879 — 1954, Ташкент) — ученый, экономист, кандидат экономических наук (1937), профессор (1946). После окончания в 1904 г. финансово-юридического факультета Киевского университета работал до 1917 г. адвокатом по политическим делам, 1924 — 1930 гг. работал в учреждениях Кишинева, Одессы, Харькова, в Госплане УССР. 1930 — 1941 гг. — преподаватель, зав. кафедрой Харьковского финансово-экономического института. С 1941 г. — зав. кафедрой «Финансы» и первый профессор Ташкентского института народного хозяйства. Жена — Юлия Ефремовна (1900 — 1958).

ШМИДТ, Александр Эдуардович (12.03.1871, Астрахань — 9.08.1939, Ташкент) — статский советник, выдающийся востоковед-арабист, исламовед, профессор, член-корреспондент АН СССР (1926), полиглот — «блестяще» владел 14 языками, один из основоположников отечественного исламоведения. Выпускник восточного факультета Петербургского университета, с 1898 г. — приват-доцент, доцент восточного фа-

культета С.-Петербургского университета, читал лекции по исламу, мусульманскому праву в Московском Лазаревском институте, одновременно, 1909 — 1920 гг. — сотрудник С.-Петербургской Публичной библиотеки. В 1914 г. защитил докторскую диссертацию о египетском суфии на тему «Абд-ал-Ваххаб аш-Шарани и его «Книга рассыпанных жемчужин». Активный организатор Туркестанского университета, 1920 — 1921 гг. — профессор, декан историко-филологического факультета, зам. ректора по учебной части университета, параллельно с 1920 г. — ректор Восточного института в Ташкенте. После слияния последнего с Туркестанским университетом (с 1923 — Среднеазиатским университетом) с сентября 1924 г. по 1926 г. — первый декан восточного факультета; 1926 г. — сентябрь 1928 г. — проректор по учебной работе; 1928 — 1930 гг. — преподаватель восточного факультета, в 1929 г. ему определена персональная пенсия, 1930 г. — март 1931 г. — преподаватель арабского языка; 1931 г. осужден по ст. 58, выслан в Алма-Ата; 1934 г. — август 1939 г. — научный сотрудник Государственной публичной библиотеки УзССР. С приездом ученого в крае «был создан очаг серьезного востоковедения, основанного на строго научных методах», много внимания уделял вопросам мусульманского права, истории ислама, был участником нескольких экспедиций с целью изучения архитектурных памятников Центральной Азии. Принимал активное участие в общественной жизни края, 1922 — 1923 гг. — зам. председателя Ученого совета при Наркомпросе ТАССР, член Комиссии по изучению быта коренного населения Туркестанской АССР (1920 — 1921), председатель Общества историко-филологических и социально-экономических наук при Туркестанском университете, член правления ТОРГО, Туркомстариса, Общества по изучению истории Таджикистана и иранских народностей за его пределами и др. В 1939 г. арестован вторично, вскоре скончался. До революции награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст.; Св. Анны 2-й ст. Жена — Вера Юльевна. Дети: Эдуард (1905 — не позднее 1952), Александр (1907) (ЦГА РУз. Ф. 25. Оп. 1. Д. 419. Л. 94; Д. 1145а; Ф. 86. Оп. 10. Д. 961; Ф. 94. Оп. 1. Д. 61. Л. 74; Ф. 267. Оп. 1. Д. 120. Л. 12; Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 74, 144; Д. 133. Л. 116, 141; Ф. 837. Оп. 22. Д. 34. Л. 161; Д. 38. Л. 8; Ф. 2412. Оп. 1. Д. 216. Л. 4; Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов. М. 1995; Бюллетень САГУ. 1924. № 6. С. 173 — 174; 1925. № 8. С. 127 — 139; № 11. С. 168, 173; 1928. № 17. С. 14; 1929; № 8. С. 202; № 18. С. 119 — 123; Биографические справки ученых. Ташкент. 1990. С. 131; Туркестанская правда. 1923. № 20; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 347, 352; НР. Т. 3. С. 755 — 756).

ШМИДТ, Алексей (Оттомар Аксель) Иоганович (29.09.1876, Курляндская губ.) — лют., коллежский асессор, выпускник Юрьевского ветеринарного института, 8.06.1898 г. командирован для проведения потивочумных мероприятий в Семиреченскую обл., ветеринарный врач Семиреченского военно-медицинского ведомства (Пишпекский уезд). 23.10.1903 г. — Ферганский областной ветеринарный врач, 1.12.1905 г. — ветеринарный врач Самаркандского военно-ветеринарного управления, Ката-Курганский ветеринарный уездный врач, имел много поощрений и благодарностей. Жена — Ксения Станиславовна (фон Румель). Дети: Елена (4.01.1905), Милица (18.06.1906) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 330. Л. 112 — 116; СЛ. С. 52).

ШМИДТ, Генрих Генрихович (1861 — 1917) — художник, в 1886 — 1894 гг. был вольнослушателем Императорской академии художеств, входил в число членов московской «Группы художников» и общества им. А.И. Куинджи. Получил известность благодаря многочисленным картинам с архитектурными видами городов Российской империи. Совершал творческие поездки в 1902 — 1904 гг., 1907 г. по Центральной России; 1907 — 1909 гг. по Северной России; в 1905 г., 1917 г. был в Туркестане (rus-gal.ru)

ШМИДТ, Иван (Иоган) Иванович — заведующий Константиновским приходским училищем (1905) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3860).

ШМИДТ, Михаил Александрович (1904 — 1948 (?)) — гидрогеолог, доцент Среднеазиатского индустриального института (с 1931 — Горноразведочного института), зам. по научной и учебной работе. Директор «Узподземвода», автор работ: «Подземные воды Узбекистана и перспективы их использования», «Гидрогеологические и инженерно-геологические условия Хазаринского водохранилища на р. Зеравшан», «Роль подземного стока в водном балансе южных рек УзССР и методы его учета», «Гидрогеологические типы орошаемых оазисов УзССР и методы учета выклинивающихся подземных вод», «Режим грунтовых вод Узбекистана//Материалы по гидрогеологии и инженерной геологии УзССР», «Геологический и гидрогеологический очерк западной части Зеравшанской котловины» (1936), «Гидрогеологический очерк Китабо-Шахриязьбского района» (1932), «О методике изучения режима подземных вод УзССР» (1940) и др. Работы в этой области продолжил О.К. Ланге (ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 22. Д. 4. Л. 225; Д. 23. Л. 24; Д. 34. Л. 114 — 114об, 161; Ф. 2773. Оп. 2. Д. 194. Л. 1).

ШМИДТ, Отто Юльевич (30.09.1891, Могилев — 7.09.1956, Москва) — ученый, математик, геолог, геофизик, астроном, исследователь Памира и Севера, профессор (1924), академик АН СССР (1935), член-корреспондент АН УССР (1934), Герой Советского Союза (1937). В 1928 г. был в составе группы альпинистов советско-германской экспедиции на Памир под руководством Н.П. Горбунова, в 1943 г. участвовал в организации АН Узбекистана (НР. Т. 3. С. 757 — 759).

ШМИДТ, Петр Юльевич (23.12.1872, Петербург — 1949, Ленинград) — выдающийся зоолог, ихтиолог, профессор, брат О.Ю. Шмидта. В 1895 г. — выпускник естественного отделения физико-математического факультета С.-Петербургского университета, оставлен в нем для подготовки к магистерскому экзамену. Почти одновременно с окончанием университета начал педагогическую деятельность в ряде высших учебных заведений, в том числе в ЛГУ (1905 — 1929 — читал курс ихтиологии). В 1892 г. командирован университетом в Туркестан для сбора зоологических коллекций, посетил озеро Иссык-Куль, опубликовал через год результаты своих наблюдений по рыбам и рыболовству этого озера, до 1900 г. научные интересы связаны с изучением фауны Семиречья. С 1914 г. также зоолог музея АН, с 1930 г. — до конца дней — ученый секретарь Тихоокеанского комитета АН СССР. Был арестован в 1938 г. по обвинению в шпионаже в пользу Германии и Японии, позднее освобожден. Автор более 400 публикаций (НР. Т. 3. С. 760 — 761).

ШМИДТ, Франц Францевич (1864) — лют., учитель Орловского начального училища, из семьи крестьян, образование получил в Мамышенском земском училище, в 1891 г. прошел испытание в Саратовской мужской гимназии, получил звание учителя сельского училища. Жена — Гелина Абрамовна (Эдзе). Дети: Абрам (21.01.1883); Якоб (13.01.1888); Гелена (13.06.1885); Анна (1.11.1886); Августа (28.01.1891) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 4042; Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3860. Л. 8; Д. 3861; ТС. № 422. С. 38).

ШМИДТ, Фридрих Фридрихович (8.05.1874, г. Лодзи) — лют., из семьи мещан Петроковской губ. С января 1896 г. призван на службу в 11-й Туркестанский линейный батальон рядовым, с 31.12.1896 г. — фельдшерский ученик, с 11.02.1898 г. — ротный фельдшер, с 28.01.1899 г. — мл. медицинский фельдшер (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38720. Л. 2).

ШМИДТ, Эдуард Александрович (1905 — не позднее 1952) — востоковед, сын А.Э. Шмидта, в 1925 г. — выпускник восточного факультета САГУ, 1927 —

1937 г. — преподаватель турецкого, затем немецкого языков в САГУ, 1938 — 1940 гг. — сотрудник отдела восточных рукописей Ташкентской публичной библиотеки, собирал образцы киргизского языка в долине р. Таньмас (Памир), подтвердив точку зрения о том, что язык янгобцев — древний согдийский язык. С женой Зинаидой Валерьяновной (Радзинской) и сыном выслан в 1942 г. в район р. Зеравшан, умер до 1952 г., сын после возвращения из ссылки уехал в г. Алматы. Зинаида Валерьяновна до пенсии работала в Ташкенте в библиотеке ТашГУ, затем уехала к сыну воспитывать двух подрастающих внушек (ЦГА РУз. Ф. 412. Оп. 1. Д. 48. Л. 43, 78; Биографические справки ученых. Ташкент. 1990. С. 131; Бюллетень САГУ. 1928. № 11. С. 173).

ШМИТ, Федор (Карл Эрнест) Иванович (15.05.1877, С.-Петербург — 3.12.1937, Ташкент) — ученый, историк искусства, искусствовед, специалист по истории византийского искусства, археолог, музеевед, академик Российской академии истории материальной культуры (1919), Всеукраинской АН (1921), действительный член Императорского германского археологического института, профессор Лейпцигского университета, первый директор Государственного института истории искусств в Ленинграде (1924), автор теории прогрессивного циклического развития искусства, один из основоположников византологии в науке СССР. Потомственный дворянин, статский советник. Отец — Иоган Карл Адольф Эрнестович ШМИТ (23.07.1832, Митава, Курляндия — 2.06.1899, С.-Петербург). Мать — Эмилия София (Мария Карловна Шуберт, 4.04 1851). Окончил в 1894 г. классическую немецкую гимназию Св. Екатерины, в 1900 г. — отделение классической филологии историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, оставлен до 1904 г. на кафедре истории и теории искусства профессора А.В. Прахова. 1901 — 1904 гг. был профессорским стипендиатом Русского археологического института в Константинополе, изучал византийское искусство, совершал научные экспедиции в Грецию, на Афон и др. места бывшей Византийской империи. В 1904 — 1908 гг. преподавал древние языки в С.-Петербургской гимназии. Сдал в 1908 г. магистерский экзамен, после защиты докторской диссертации в марте 1909 г. провел серию исследований по византийскому искусству, результаты которых были опубликованы. С 1912 г. зачислен профессором, заведующим кафедрой теории и истории искусств историко-филологического факультета Харьковского университета, с 1919 г. — декан факультета, заведовал Музеем изящных искусств при университете. В 1920 г. за

подпись под коллективным воззванием харьковской интеллигенции «Воззвание ученых Юга России к ученым Западной Европы» против красного террора, объявленного в Харькове чрезвычайным революционным трибуналом, осужден к трем годам лишения свободы условно. В том же году переехал в Киев, профессор Киевских архитектурного и музыкально-драматического институтов, с февраля 1922 г. — ректор Киевского археологического института, заведующий кафедрой искусствоведения. Организатор и руководитель Софийской комиссии для изучения выдающегося памятника древнерусской архитектуры. С декабря 1924 г. — первый директор Государственного института истории искусств в Ленинграде. Одновременно с 1.09.1924 г. — профессор МГУ, с 1925 г. — ЛГУ, преподавал также в Ленинградском историко-лингвистическом институте (до 1932), с 1932 г. читал лекции в Академии художеств. В 1926 г. и 1929 г. был командирован в Берлин для организации выставки факсимильных копий произведений древнерусской монументальной живописи. Человек «деятельной и в высшей степени одаренной натуры», он также читал лекции по древнерусскому искусству в Берлине, Кельне, Кенигсберге, Бонне. Много занимался проблемами детского рисунка, разработал целостную эстетическую концепцию, большое влияние на которую оказали взгляды Л.Н. Толстого, заложил основы отечественной музейной педагогики, активное участие принимал в сохранении памятников искусства и старины, участвовал в спасении Киево-Печерской лавры как «музейного комплекса», предложил свою модель массового художественного воспитания. В 1930 г. освобожден от должности, арестован 26.11.1933 г. по ст. 58-10 УК РСФСР (по делу Русской национальной партии («дело славистов»)), за участие в «руководстве контрреволюционной фашистской организацией, <...> руководил ячейками организации в ленинградских научных гуманитарных учреждениях», сослан сроком на 5 лет сначала в Акмолинск, где служил в краеведческом музее, преподавал историю и географию в средней школе и числился статистиком Стройконтроля, затем переведен с февраля 1935 г. в Ташкент. «Один из ярких представителей <...> интеллектуальной элиты, оказавшихся в Центральной Азии на крутых маршрутах 30 годов», работал научным консультантом по вопросам русского и европейского искусства в Государственном музее искусств Узбекистана. В Ташкенте он консультировал небольшой коллектив сотрудников музея, продолжал научные исследования, писал статьи, участвовал в организации и проведении художественных выставок. Стремясь глубже познакомиться со средневековой куль-

турой края, добился разрешения на поездку в Самарканд, где «сверху донизу облазил», досконально исследовал Регистан и купол Гур-Эмир, участвовал в раскопках Эски-Кермине. Ф.И. Шмит обосновывал свой вывод об абсолютной «нелепости как религиозного, так и национального объяснения неизобразительности среднеазиатского искусства». Рассматривая орнамент как почти бессодержательное, эмоционально-нейтральное украшение, он «узорность среднеазиатской живописи» расценивал не как «национальную форму», а как показатель определенного уровня экономического и общественного (следовательно, художественного) развития региона, что, естественно, не вписывалось в рамки официальных установок. В феврале 1937 г. уволен «по собственному желанию», служил почтальоном. «Безработного» академика пригласили прочесть несколько лекций молодые студенты-архитекторы. Он согласился с условием, что лекции будут стенографироваться. Профессор Г.Б. Пугаченкова в своих мемуарах отмечает «блистательную», хотя и «чересчур сложную» для тогдашних студентов лекцию профессора Ф.И. Шмита, запомнившуюся ей на многие годы. Несмотря на все предосторожности, по сфабрикованному доносу одного из студентов «в контрреволюционном» характере лекции он вновь арестован 20.08.1937 г. Обвинялся в том, что будучи ранее членом фашистской организации не изменил своего враждебного отношения к советской власти, клеветнически извращал труды классиков марксизма-ленинизма, противопоставляя социалистической науке в истории искусства буржуазную теорию, и в 1936 г. организовал в музее выставку самодельного искусства контрреволюционного содержания, выставив картины, отражающие нищенское искусство феодального и буржуазного периода колониального Узбекистана. Решением тройки при НКВД Узбекистана от 5.11.1937 г. приговорен без указания статьи Уголовного Кодекса к расстрелу. Приговор исполнен 10.11.1937 г. (по другим сведениям — 3.12.1937, в архивном фонде УФСК по С.-Петербургу данные о том, что он умер 10.12.1941 г., вероятно, сфальсифицированы). Сведений о месте захоронения нет. Верховным судом УзССР 11.07.1956 г. профессор Ф.И. Шмит «за недоказанностью преступления» реабилитирован по обоим делам полностью. Имя ученого было надолго закрытым, его работы большей частью опубликованы в 20-е гг. XX в., некоторые — сохранившиеся ныне в рукописи в архиве Музея искусств Узбекистана (23 папки рукописей) — стали достоянием спецхранов. В 1987 г. в Харькове состоялись научные чтения, посвященные 110-летию со дня рождения Ф.И. Шмита. Жена —

Павла Станиславовна (Шпеер). Дети: Павла (в замужестве Бурлакова, 5.09.1907 — 1978) много лет собирала архив отца, автор биографической книги «Жизнь Федора Ивановича Шмита», хранится в рукописи в архиве Петербургского отделения АН; Валерий (1910 — 1937) — арестован через два дня после ареста отца, расстрелян (Шмит П.Ф. Список печатных работ Ф.И. Шмита (1877 — 1941) // Византийский временник. 1976. Афанасьев В.А. Федор Иванович Шмит. Киев. 1987; Чухович Б. Средний Восток в футурологической теории Ф.И. Шмита // Художественная культура Узбекистана. Ташкент. 1993; Пугаченкова Г.Б. Перебирая жизни четки. Ташкент. 2000. С. 57; НР. Т. 3. С. 761 — 764).

ШНАЙДЕР, Петр и его сыновья: Иван (1900), Франц (1906), Яков (1907) — мастера колбасного дела в Ташкенте, впервые применили в крае новую технологию изготовления фарша и оболочек.

ШНЕЙВАС, Иван Иванович — статский советник, заместитель городского головы Ташкента (с 1907) (СЛ. С. 20).

ШНЕЙДЕР, Константин Яковлевич — сотрудник центральной конторы фирмы «Зингер» в Ташкенте.

ШНЕЙДЕР, Николай — врач 4-го Забайкальского стрелкового батальона, с 1905 г. — врач в Мервском городском училище (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3864).

ШОТТ, Андрей Григорьевич — организатор промышленного производства колбас в крае (1875 — 1909), сын — Пауль продолжил его дело (ЦГА РУз. Ф. И-7. оп. 1. Д. 5263).

ШОТТ, М.Г. — преподаватель коммерческого училища в Ташкенте (Матвеев М.А. К вопросу о выходцах из Германии в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. // Труды САГУ. 1970. № 392. С. 64 — 65).

ШПЕНГЛЕР, Марта Андреевна — патологоанатом, «большую часть жизни после возвращения из ссылки работала и преподавала в Ташкентском медицинском институте» (XX в.).

ШПЕРЕР, Иван Львович — коллежский советник, податной инспектор Ферганской обл. (1907, 1913) (СЛ. С. 36).

ШПИЦБЕРГ, Евграф Владимирович (9.12.1843 — позднее 1913) — генерал-лейтенант, из старинного Лифляндского дворянского рода, выпускник 2-го Константиновского училища, участник подавления Польского восстания (1863 — 1865), с 1865 г. — туркестанских походов, зав. отделением канцелярии Зерав-

шанского округа, с 1874 г. возглавил Самаркандский отдел Туркестанского генерал-губернаторства. В Кокандском походе (1875 — 1876) — начальник штаба Ферганского отряда, комендант Пенджикента. В 1877 — 1896 гг. — командир 1-го Оренбургского казачьего полка, с 1903 г. — командующий 7-м армейским корпусом. Почетный мировой судья Самарканда (1907, 1913), вышел в отставку в 1909 г., в 1906 г. обратился с открытым письмом к участникам Хивинского похода о составлении «Сборника рассказов о походах в Туркестанском крае» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 4821; Д. 7387; ТС. № 441. С. 184 — 185; ТВ. 1878. № 6; 1879. № 20; СЛ. С. 49).

ШПРАНГЕР, Иван (Роберт) Густавович — владелец чугунолитейного и хлопкоочистительного заводов в Ташкенте, Самарканде, был близок к инженерному управлению, подозревался в связях с военнопленными, репрессирован в 30 гг. XX в. (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 92 — 93; Д. 1739. Л. 74, 87 — 137; Д. 1823. Л. 85, 102).

ШПРИНГ, А. — механик торгового дома «Братья Крафт» в Андижане (ЦГА РУз. Ф. И-91. Оп. 1. Д. 204. Л. 10).

ШРЕДЕР, Рихард Рихардович (15.10.1867, Москва — 27.04.1944, Ташкент) — надворный советник, выдающийся ученый-селекционер в области биологии, селекции плодовых культур, агротехники орошаемого и сухого земледелия, развития сельского хозяйства Центральной Азии, профессор, доктор сельскохозяйственных наук, академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук СССР (1935) и АН УзССР (1943), Герой труда (1927). В 1891 г. окончил Московский университет, в 1894 г. — Петровскую земледельческую и лесную академию. В 1900 — 1902 гг. для подготовки к научной деятельности был командирован за границу в Германию, Швейцарию. Заинтересовавшись вопросами исследования возможностей разведения культурных растений в Центральной Азии, в 1902 г. приехал в Туркестан и в течение 42 лет (1902 — 1927 — заведующий; 1927 — 1944 — директор) руководил Ташкентской сельскохозяйственной опытной станцией (с 1947 — НПО, с 1967 — НИИ садоводства, виноградарства и виноделия им. Р.Р. Шредера, с 1997 — Плодовоягодный Институт им. академика Р.Р. Шредера, с 2013 переименован им. академика М. Мирзаева). В 1904 — 1918 гг. — председатель Туркестанского общества сельского хозяйства. Один из организаторов Народного университета в Ташкенте, проректор по учебной и научной работе (апрель — июнь 1918); 1921 — 1928 гг. — профессор, зав. кафедрой частного земледелия САГУ, 1929 — 1930 гг. — зав. ка-

федрой хлопководства Среднеазиатского хлопково-ирригационного института. В 1935 г. избран академиком ВАСХНИЛ; в 1936 г. утверждён в ученой степени доктора сельскохозяйственных наук; с 1943 г. — академик АН УзССР. Автор более 250 научных работ, основатель нескольких журналов по проблемам сельского хозяйства края. Активный общественный деятель, избран в 1935 г. членом ЦИК УзССР, в 1938 г. — депутатом Верховного Совета УзССР, депутат районных советов. Женат дважды. Дети от первого брака: Антонина, Владимир — почвовед, мелиоратор, автор системы почвенно-мелиоративного районирования бассейна Аральского моря, идейный руководитель известного труда «Нормы водопотребления сельскохозяйственных культур в бассейнах рек Амударья и Сырдарья» (Ташкент. 1968). От второго брака с Анной Матвеевной (Гастевой) — сын Лев — специалист по гидромеханике, выпускник механико-математического ф-та ТашГУ, работал в Институте «Средазгипроводхлопок», после 1966 г. в Москве, работал в институте «Гидропроект» им. С.Я. Жука и др. учреждениях. В семье воспитывался и сын Анны Матвеевны от первого брака, Олег Владимирович Спасский (ум. 2011) — зав. терапевтическим отделением пансионата для ветеранов Москвы. Двоюродный брат — Павел Михайлович Шредер (1878, Москва — 1949) — был женат на Августе Германовне Штоле и сын брата — Борис Павлович Шредер (1903 — 27 сентября 1941, прииск «Нечаянное», лагерь на Дальнем Востоке), был женат на Вере Петровне Ильминской — заслуженные строители электростанций: Волховстрой под Ленинградом и Днепрострой. П.М. Шредер участвовал также в разработке каскада гидроэлектростанций на р. Чирчик в УзССР. Потомки ученого живут в Москве и Ташкенте (ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 900. Л. 3об; Д. 3032. Л. 8 — 9, 30 — 32; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1065; Ф. 29. Оп. 2. Д. 29; Оп. 3. Д. 1200; Ф. 90. Оп. 1. Д. 333; Оп. 2. Д. 92; Д. 94; Ф. 368. Оп. 1. Д. 340. Л. 25 — 27; Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 141; Д. 133. Л. 116; Ф. 837. Оп. 22. Д. 4. Л. 1; Оп. 32. Д. 1445. Л. 70 — 94; Д. 3103; Д. 4172. Л. 409; Д. 4179. Л. 409; Д. 4184. Л. 217 — 223; Ф. 2454. Оп. 1. Д. 46; Д. 55; Ф. 2284 (личный); Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 311, 132; Бюллетень САГУ. 1925. № 11. С. 169 — 195; № 15. С. 178; Бюллетень АН УзССР. 1944. № 1 — 4; Биографические справки ученых. Ташкент. 1990. С. 132; СЛ. С. 10; НР. Т. 3. С. 774).

ШРОТ, Вильгельм — монтер АО «Ташкентский трамвай» (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 55).

ШТАКЕЛЬБЕРГ, Эдуард Эдуардович — барон. Подполковник Семиреченского казачьего войска (1878), помощник начальника Андижанского уезда, брат

— Штакельберг Рудольф Эдуардович (1907, 1913) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1123; Ф. И-19. Оп.1. Д. 8779. Л. 8; ТВ. 1878. № 26; СЛ. С. 40).

ШТАНГЕ, Георгий Владимирович — коллежский советник, магистр ветеринарии, ветеринарный врач Ферганского военно-ветеринарного управления (1906) (СЛ. С. 32).

ШТЕЙН, Екатерина Алексеевна — врач-гинеколог, ординатор больницы Ташкента (1912) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3872; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 203 — 205; Д. 1575. Л. 80).

ШТЕЙНБЕРГ, Ольга Федоровна (22.09.1832) — более 10 лет повивальная бабка Казалинского уезда (ЦГА РУз. И-17. Оп. 1. Д. 38722. Л. 2).

ШТЕЙНБРЕХЕР, Александр Михайлович — организатор акционерного общества «Центрошерсть» (н.д. — до 1937).

ШТЕЛЛИНГ, Э.В. — директор Главной Физической обсерватории Петербурга, прибывший в конце 1920-х годов в Ташкент. При его участии «были разработаны основные положения по вопросу реорганизации метеорологической службы и общей постановке геофизических исследований в Туркестане.

ШТЕЛЬТЕР — предприниматель и известный мастер по дереву в Ташкенте. Репрессирован в 30-е годы XX в.

ШТЕМПЕЛЬ, Фридрих Карлович фон (22.03.1829, Зелингер — 7.06.1891) — барон. Генерал-майор (15.05.1883), герой туркестанских походов. В службу вступил прапорщиком армейской пехоты 12.10.1850 г. Участник подавления восстания в Польше (1863 — 1864), с 1865 г. — в Туркестане, участник похода в Бухару, 1868 г. — начальник гарнизона Самаркандской цитадели, возглавлял ее оборону, комендант Самарканда. В 1872 г. переведен на службу в центральные районы России. Награжден орденами: Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом (1863), 2-й ст. (1868); Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1865), 2 ст. (1872); Св. Георгия (30.08.1869); Св. Владимира 4-й ст. с бантом «за беспорочную службу 24-х лет в офицерских чинах» (1876), 3-й ст. (1878), в 1885 вышел в отставку.

ШТИБЕН, Владимир Давыдович (1895) — микробиолог, доктор медицинских наук (1935), профессор. В 1919 г. — выпускник медицинского факультета Саратовского университета, 1922 г. — зав. краевой химикобактериологической лабораторией в Оренбурге, 1928 г. — один из организаторов санитарно-бактериологического института в г. Кызылорде, командирован во Франкфурт и Копенгаген для ознакомления с работой институтов. С 1928 г. — зав. микробиоло-

гическим отделением, 1931 — 1934 гг. — зам. директора Ташкентского научно-исследовательского института вакцин и сыворотки, с 1930 г. — приват-доцент САГУ, с 1933 г. — доцент САГУ, с 1935 г. — зав. кафедрой микробиологии ТашМИ, 1936 — 1937 гг. — декан санитарного факультета института, 1938 — 1942 гг. — зав. кафедрой микробиологии Крымского медицинского института. В годы Второй мировой войны Крымский мединститут был эвакуирован в г. Кызылорду (Казахстан). С августа 1946 — 1949 гг., 1956 — 1966 гг. — зав. кафедрой микробиологии Красноярского медицинского института. Председатель Красноярского краевого общества микробиологов и санитарных врачей. Изучал изменчивость бактерий, занимался таксономией и систематикой микроорганизмов. Автор 76 научных публикаций, в т.ч. «Определитель бактерий, патогенных для человека» (соавтор Бабич И.К. М. 1935. 1955) (ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 22. Д. 23. Л. 32; Д. 34; Д. 53. Л. 197).

ШТИРЦ, Яков Яковлевич (2.09.1877, с. Норки, Камышинского уезда Саратовской губ.) — губернский секретарь, окончил Камышенское реальное училище, 2.09.1897 г. уволен в запас армии, в 1900 г. получил звание техник путей сообщения, с 11.07.1901 г. — инженер Амударьинского отдела Сырдарьинской обл., с октября 1903 г. перемещен мл. инженером Сырдарьинского областного правления, 28.02.1906 г. — 25.12. 1911 г. — вновь инженер Амударьинского отдела (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 36615. Л. 6; Д. 36589. Л. 5, 12).

ШТОЛЬЦ, Карл Карлович — с 1868 г. — ст. чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской обл. С 15.02.1880 г. — Сергиопольский уездный судья (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1524. Л. 1-2; Оп. 20. Д. 1789; Д. 2451; Д. 3933; ТВ. 1879. № 20).

ШТОФЕР (н.д. — 29.04.1883) — надворный советник, судебный следователь Наманганского и Чустского уездов (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 4. Л. 1; ТВ. 1979. № 4).

ШТРАНДМАН, Карл Карлович — с 12.02.1868 г. — вице-президент Ташкентского скакового общества, устроитель скачек и строитель ипподрома в Ташкенте (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 1356. Л. 5; Д. 2334).

ШТРАУПЕ, Генрих Андреевич — учитель Ташкентского реального училища (1905) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 67).

ШТРАУС, Александр Александрович (1924, Владимир) — экономист, руководитель отдела Госстроя Киргизии, прозаик, очеркист. Был студентом Палех-

ского художественного училища. В военные годы — в «колонне мобилизованных немцев», с 1956 г. — в Центральной Азии, работал откатчиком, забойщиком на урановых рудных разработках. Окончил курс Московской Высшей заочной школы ВЦСПС, затем экономический факультет Киргизского университета, работал инженером-экономистом, начальником отдела проектного института Госстроя КирССР, главным экономистом (г. Бишкек). С 60-х гг. XX в. публикует стихи, очерки, путевые заметки, рассказы, эссе, роман «Живые тени» (1993), «Смести с лица Земли» (1994). На основе архивных документов в 1997 г. публикует при поддержке Посольства Германии «Свидетельства преступлений» об истории немцев Кыргызстана 1917 — 1956 гг. Вместе с художником Теодором Герценом готовил к изданию «Книгу памяти немцев Кыргызстана». В 1994 — 2001 гг. — председатель Совета общественного объединения трудармейцев и жертв политических репрессий. Член Союза писателей Кыргызской Республики (Бельгер Г. Российские немецкие писатели. Алматы. 1996. С. 114 — 115).

ШТРАУС, Владимир Бернардович — губернский секретарь, начальник почтово-телеграфной конторы г. Оше (1907, 1913) (СЛ. С. 44).

ШТРЕМБЕРГ, Ольга Федоровна (22.09.1832) — лют., конференцией С.-Петербургской медико-хирургической академии удостоена в звании повивальной бабки (30.05.1857), определена на службу в форт № 1 Туркестанской обл. (19.08.1862). С 11.08.1866 г. переведена в форт Перовский, повивальная бабка Казалинского уезда, за долголетнюю работу в Туркестанском крае (к 1872 — 10 лет) имела благодарности и поощрения. Замужем за Вейзембергским плотницких дел мастером Штрембергом (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 2686; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 4044; Д. 38722. Л. 1 — 2).

ШТУКЕНБЕРГ, Александр Антонович (7.09.1844, Вышний Волочек Тверской губ. — 13.03.1905, Казань) — действительный статский советник, геолог и палеонтолог. С 1873 г. — доцент, с 1875 г. — профессор кафедры геологии и палеонтологии Казанского университета, основатель Казанской геологической школы. С 1882 г. принимал деятельное участие в исследовании Урала и пролегающих территорий, в т.ч. Оренбургской и Астраханской губерний с целью составления общей геологической карты и геологического описания Европейской России.

ШУБЕРТ, Роберт Федорович (1854) — купец 2-й гильдии, предприниматель, управляющий конторой фирмы «Дюршмидт», 1906 г. — владелец рисоочисти-

тельного завода в Ташкенте на Карасу, стоимость которого доходила до 50 тыс. рублей, рассчитанного на производство 500 — 600 пудов риса в сутки, предлагался в числе других 39 лиц в выборщики от Ташкентского отдела партии «Мирного обновления» во время выборов в Государственную думу 1907 г. С 18.03.1887 г. — казначей Церковного Совета евангелическо-лютеранской кирхи, был членом попечительского совета Ташкентского коммерческого училища. В 1916 г. выслан «за пределы Туркестанского края». Жена — Анна Антоновна. Дети — четверо (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 35. Л. 208; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 111, 249; Д. 1650. Л. 16, 45; Д. 1739. Л. 67, 199 — 205, 331-334; Д. 1748. Л. 57; ТС. № 512. С. 79 — 81; Среднеазиатская жизнь. 1907. 6 января).

ШУВАЛОВ, Петр Андреевич (1827 — 1899) — граф. Генерал-адъютант, член Государственного Совета, 1866 — 1874 г. — шеф корпуса жандармов, начальник третьего отделения его императорского величества канцелярии, ближайший советник императора Александра II, 1874 — 1879 гг. — посол в Лондоне.

ШУЛЬЦ, Александр Львович — образование высшее физико-математическое, ст. научный сотрудник, химик-консультант Среднеазиатского института удобрений и агропочвоведения, научный стаж с 1927 г., педагогический — с 1930 г., автор научных трудов по вопросам агрохимии, пособий для студентов: «К вопросу о методах определения солонцеватости почв», «Сокращенный анализ водных вытяжек. Краткое руководство», «Определение азота в карбонатных почвах», «Приготовление и регенерация наиболее важных реактивов» и др. (ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 22. Д. 4. Л. 96 — 99).

ШУЛЬЦ, Виктор Львович (15.08.1908, Самарканд — 1976, Ташкент) — гидролог, доктор географических наук (1948), профессор (1949), заслуженный деятель науки УзССР (1958). В 1930 г. поступил на ирригационный факультет Узбекского государственного института хлопководства в Самарканде, который окончил экстерном в 1932 г., получив диплом инженера-ирригатора. Работал техником, инженером, руководителем группы водопользования в Управлении водного хозяйства УзССР. С 1933 г. работал в научно-исследовательских институтах системы Гидрометслужбы СССР: старший специалист-гидролог, начальник сектора гидрологии, руководитель отдела рек Узбекского гидрометеорологического института. С 1937 г. — доцент кафедры геофизики физико-математического факультета САГУ. Одновременно, с 1938 г. — научный сотрудник, затем руководитель отдела гидрологии при Совнаркомe УзССР, с 1940 г. — руководитель отдела

гидрологии Узбекского филиала Института энергетики АН СССР (позднее Институт энергетики АН УзССР), с 1943 г. — руководитель секции физико-математических наук в АН УзССР. С 1946 г. — старший научный сотрудник гидрометслужбы СССР. В 1948 г. переведен в Институт сельского хозяйства АН УзССР, с 1960 г. — научный консультант отдела гидрологии и водных ресурсов Института водных проблем и гидротехнических сооружений АН УзССР. В 1940 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук, в 1948 г. — диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук. Основоположник гидрологической школы университета и гидрологии Центральной Азии, инициатор создания в САГУ кафедры гидрологии суши, ее первый заведующий (1949 — 1972), с 1972 г. — профессор-консультант. Превосходный знаток водных объектов, крупнейший специалист по рекам Центральной Азии и Казахстана, создал научную школу в области горной гидрологии, разработал и развил «оригинальные научные направления в области горной гидрологии» <...> «благодаря крупным сводным работам в этой области Узбекистан стал одним из центров горной гидрологии в Союзе»; разработал методику гидрологических расчетов для горных территорий: метод расчета стока рек, вывел основные закономерности формирования стока региональных рек, изменения условий его формирования; изучил влияние рельефа на гидрологические процессы. Консультант, эксперт многих проектов гидротехнических сооружений и оросительных систем Центральной Азии. Полученные В.Л. Шульцем данные стали базой обоснования строительства Большого Ферганского, Ташкентского и Северного Ташкентского каналов, сооружения плотин, водохранилищ, ГЭС, комплексных водохозяйственных систем. Он осуществлял в 1936 — 1938 гг. научно-методическое руководство составлением водного кадастра по серии «Реки» первой капитальной сводки гидрологических данных Центральной Азии. В горах края в течение нескольких лет проводил изучение снежников, установил ряд закономерностей их распространения и таяния, условия снегового и ледникового питания рек в горах, а также фактор преобладания снегового питания в водоносности центральноазиатских рек. Автор более 100 научных публикаций, в том числе книг «Таяние снежников в горах Средней Азии» (1956 — на русском и узбекском языках), «Реки Средней Азии» (1-е издание 1949; 2-е, дополненное 1963 — 1965. Ч. 1 — 2). По определению специалистов, это издание — «энциклопедия речной гидрологии региона», «Указания к

производству расчетов стока в условиях Средней Азии» (1959), «Реки Афганистана» (1968), «Гидрологическая характеристика верхней части бассейна Амударьи» (1975) и др. Состоял членом Всесоюзного географического общества, 1959 — 1976 гг. — президент Географического общества Узбекистана. Удостоен многих правительственных наград, в т.ч. орден «Знак Почета», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» (ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 29. Д. 4. Л. 99; Оп. 32. Д. 4117. Л. 28; Ташкентский горархив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1812; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 301 — 302; Чествование ученого-географа. По поводу 50-летия со дня его рождения // Правда Востока. 1958. № 294; НР. Т. 3. С. 801 — 802).

ШУЛЬЦ, Георг Федорович — городской техник-смотритель Самарканда (1896) (АК. С. 4).

ШУЛЬЦ, К.К фон — инженер, руководитель снаряженной Г.Е. Струве экспедиции, проводившей в 1880 г. нивелировочные исследования для производства изысканий в предполагаемом строительстве железной дороги от Оренбурга до Кара-Тугая на р. Сырдарья. Геологические, атмосферные, этнографические, растительные и прочие особенности местности описал в записках «Некоторые результаты нивелировочных работ, произведенных между Оренбургом, Аральским морем и Кара-Тугаем инженера К.К. фон Шульца» (Записки Русского географического общества Т. XII. № 3. СПб. 1882). Награжден серебряной медалью ИРГО (1882) (ТС. № 329. С. 309 — 349; № 364. С. 59).

ШУЛЬЦ, Сергей Сергеевич-старший (27(15).12.1896, Кострома — 18.08.1981, пос. Горьковское, Ленинградская обл.) — геолог, доктор геологических наук. Из дворянской семьи, окончил гимназию Мая в С.-Петербурге, с 1913 г. — гардемарин морского кадетского корпуса. За отказ присягнуть Временному правительству не был допущен к выпускным экзаменам. Вступил в Белую армию, волонтер 8-й кавказской дивизии, участник Ярославского восстания, с войсками А.В. Колчака отступил в Сибирь. Был арестован 7.01.1920 г. в Иркутске и приговорен к расстрелу, но ему удалось бежать, работал сплавщиком леса по Енисею. В 1921 г. вернулся в Ленинград, по поддельным документам поступил в ЛГУ. Будучи студентом физико-математического, а затем в 1923 — 1928 гг. геологического факультета ЛГУ, участвовал в экспедициях на Кавказ и Якутию, работал коллектором Якутской экспедиции. После окончания университета работал в Институте геологической карты АН СССР,

одновременно в 1931 — 1935 гг. вел курс общей геологии в ЛГУ и до 1933 г. — в Ленинградском горном институте, в 1933 — 1935 гг. — ученый специалист Геологического института Ленинградской АН. Ежегодно с 1929 г. от Геологического Комитета, институтов, трестов и управлений Министерства геологии СССР участвовал в экспедициях в Центральную Азию, проводил геологические съемки многих горных районов края (Джунгарского, Алатау, Илийской долины, Кетлинского хребта, Центрального Тянь-Шаня, верховья Нарына, Иссык-Кульской и Ферганской впадины), занимался поисками нефти, золота, ртути, осмистого иридия, а также в тематических работах, связанных с проблемами тектоники Центральной Азии. С 1935 — 1939 гг. — начальник партии Средазгеолтреста, разработал новые методы исследования тектоники и тектонических структур края. По совместительству, в связи с тектоническими исследованиями, работал в отделе тектоники АН СССР, руководил отделом тектоники Киргизского филиала АН СССР, читал курс геотектоники и геоморфологии в Среднеазиатском университете. В мае 1941 г. на Ученом совете Московского геологоразведочного института защитил докторскую диссертацию на тему «Анализ новейшей тектоники и рельеф Тянь-Шаня» (опубликована в 1948), присуждена ученая степень доктора геолого-минералогических наук (15.11.1944, профессор — 1949). В годы Второй мировой войны 1941 — 1945 гг. — начальник партий и изысканий Киргизского геологического управления. Вернулся в Ленинград в 1945 г., работал во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте, но в 1949 г. был уволен в ходе борьбы с «космополитизмом» и уехал в Центральную Азию, работал во Фрунзе, затем в Ташкенте. Старший инженер Среднеазиатского геологического управления, руководил работами по геологической съемке Центральной Азии. Также в 1949 — 1953 гг. — профессор кафедры общей и исторической геологии САГУ, читал курс геокартирования. В 1953 г. смог вновь вернуться в Ленинград, заведующий кафедрой геоморфологии географического факультета ЛГУ и в 1954 — 1975 гг. — сотрудник лаборатории аэрометодов АН СССР. Автор более 100 научных работ, имел многие награды, в т.ч. орден «Знак Почета» (1946), медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946). Был женат трижды. Сын от Ольги Иосифовны (Некрасова, 1898 — 1987) — Сергей Сергеевич ШУЛЬЦ-младший (30.06.1934, Ленинград — 18.10.2004, Петербург) — геолог, специалист по общей и региональной геотектонике, геодинамике,

сравнительной планетологии, металлогении, историк, преподаватель, поэт, доктор геолого-минералогических наук (1995), участвовал в геологических экспедициях в Центральную Азию, установил генетическую связь между горными массивами Урала и Тянь-Шаня, автор 150 работ по вопросам геологии и 40 по истории Петербурга. Один из основных авторов справочника «Немцы в Петербурге» (Ташкентский горархив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1811. Л. 1821; Д. 1813; Оп. 3. Д. 230. Л. 8 — 45, 47 — 50; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 302, 304; НР. Т. 3. С. 802 — 804).

ШУЛЬЦ, Федор — чиновник, состоящий в распоряжении начальника Зеравшанского округа (ТВ. 1878. № 16. С. 28).

ШУЛЬЦ, Эдуард — депортирован с Волыни в 1915 г., и.д. кистора в с. Константиновка, записи его дневника о событиях переведены Оскаром Шульцем (Ost-West Panorama. 2013. № 11; № 12; 2014. № 1).

ШУЛЬЦ, Эльза Николаевна — зам. заведующего предметной комиссии по языкам Среднеазиатского института инженеров железнодорожного транспорта. Окончила лингвистическое отделение Варшавских высших научных курсов, педагогический стаж с 1901 г., в высших учебных заведениях с 1929 г. (ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 22. Д. 4. Л. 187).

ШУППЕ, Георгий Николаевич (1906 — 1994) — физик, доктор физико-математических наук, профессор. Преподавал в САГУ, где совместно с С.В. Стародубцевым и Л.Н. Добрецовым начал в 30-е гг. первые в Центральной Азии работы в области физической электроники, одновременно ст. научный сотрудник секции физико-математических наук АН УзССР (1943). С открытием 4.11.1943 г. Физико-Технического института АН УзССР — первого научно-исследовательского института физического профиля в Центральной Азии — сотрудник ФТИ. Работал над проблемами электроники, синоптической и динамической метеорологии, атмосферного электричества, земного магнетизма и физики приземного слоя воздуха. «В быстром развитии исследований в области физической электроники немаловажную роль играют работы, начатые в 30 годы Г.Н.Шуппе», — отмечено в изданиях Узбекистана. После землетрясения в Ташкенте 1966 г. семья переехала в Рязань. В течение многих лет работал на кафедре электронной техники и технологии в Рязанском государственном радиотехническом университете, возглавлял Государственную комиссию по защите дипломных проектов по специальности «Микроэлектроника и полупроводниковые

приборы», его имя внесено в список «Заслуженных Соровских профессоров» (раздел «Физика»). Автор многих научных работ и методических пособий для студентов (Диагностика поверхностей электронным, ионным и фотонным зондом. Ч. 1 — 2. Рязань. 1982 — 1984; Физические основы электронной техники. Рязань. 1986 и др.), статей в журнале «Успехи физических наук» и др. (ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 32. Д. 4117. Л. 31; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 290).

ШЮТТЕ, Томас Николаевич — предприниматель, житель Ташкента (нач. XX в.).

ЭБЕЛЬ, Исаак Яков Генрих — проповедник, наставник, руководитель объединения верующих адвентистов седьмого дня в Туркестане в начале XX в.

ЭВАЛЬД, Аркадий Васильевич (1836, Гатчина — 1898, С.-Петербург) — исследователь в обл. авиации, пионер авиации (первым в России разработал принципы проектирования летательного аппарата тяжелее воздуха), писатель, журналист. Сын учителя истории и географии Гатчинского сиротского института, обучался в Николаевском инженерном училище. В Крымскую войну (1854 — 1856) защищал балтийское побережье, затем вышел в отставку. В воспоминаниях описал встречи с К.П. фон Кауфманом (НР. Т. 3. С. 808).

ЭВЕРСМАН, Эдуард (Александр Фридрих Эдуард) Александрович фон (23.01.1794, Вестфалия — 14.04.1860, Казань) — натуралист, доктор медицины и акушерства, зоолог, ботаник, путешественник. Учился в Магдебургском, Берлинском и Дрезденском университетах, защитил докторские диссертации: в Гале (доктор философии и магистр свободных наук, 1814), в Дерпте (доктор медицины и акушерства, 1816). С 1816 г. — в России, в Златоусте, где изучил персидский и татарский языки. Первый натуралист, посетивший Туркестанский край под видом татарского купца в составе экспедиции А.Ф. Негри в Бухару (1820 — 1821), по результатам которой опубликовал свой труд (*Reise von Orenburg nach Buchara*. Berlin. 1823), коллекцию насекомых отправил в Берлинский университет, где она описана М. Лихенштейном. Как врач участвовал в экспедиции полковника Ф.Ф. Берга (1825) на плато Устюрт, собрал много сведений по географии края, в 1827 — 1829 гг. был в Букеевской орде (вместе с Г.С. Карелиным). С марта 1828 г. — профессор зоологии и ботаники Казанского университета. Автор 55 ученых сочинений и 86 печатных работ по зоогеографии и фауне, исследователь районов от Казанской губернии до Арала, Урала, Прикаспия, Кавказа и Туркестана (автор трехтомного издания «Естественная история Оренбургского края». 1840, 1850, 1866). Он заложил основы

систематического изучения Центральной Азии, первым предложил биологические меры борьбы с вредителями растений. Собранные им коллекции хранятся в Зоологическом музее РАН (С.-Петербург) и Зоологическом музее Казанского университета, из них было описано несколько сот новых видов. С 1842 г. — член-корреспондент Петербургской АН. Имел награды. Его имя присвоено в 2003 г. Зоологическому музею Казанского университета, а также дано нескольким видам животных и растений. Жена — Павла (Мансурова) (ИР. Т. 3. С. 813).

ЭВЕРТ, Аполлон Ермолаевич (25.02.1845 — 13.08.1911) — генерал-лейтенант (16.12.1904), окончил 1-ю Московскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище. На службе — подпоручиком с 25.02.1867 г. С 1879 г. — в Туркестане. С 3.06.1882 г. по 25.10.1895 г. — командир 4-го стрелкового батальона в составе 3-го Туркестанского стрелкового полка, с 25.10.1895 г. — командир 42-го пехотного Якутского полка; с 30.03.1898 г. — начальник 1-й Закаспийской стрелковой бригады, с 23.06.1900 г. — начальник 6-й Туркестанской стрелковой бригады. С 24.10.1902 г. переведен в Финляндию, начальник 1-й Финляндской стрелковой бригады, 1904 — 1905 гг. — командующий 42-й пехотной дивизией, 1906 г. — начальник 13-й пехотной дивизией. Награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст. (1881), 1-й ст. (1901); Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1874), 2-й ст. (1889); Св. Владимира 4-й ст. с бантом за 25 лет службы (1892), 3-й ст. (1894). Дети: Григорий Аполлонович — полковник; Николай Аполлонович — капитан, участник туркестанских походов 1873 — 1876 гг.

ЭВЕРТ, Олимпиада Аристарховна — попечительница Ташкентского детского приюта им. К.П. фон Кауфмана (1899) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 181. Л. 187 — 189).

ЭГГЕРТ, Владимир Фавстович (4.06.1842) — прав., из потомственных дворян Виленской губ., в службу вступил в 1858 г. в Оренбургский линейный батальон, участник штурма Ташкента 1865 г., Кокандского похода (1876), востоковед, в 1883 г. — помощник начальника Перовского, 1887 г. — Чимкентского уездов, автор публикации «Материалы для истории службы и деятельности туркестанских сапер за 25 лет (1866 — 1891)» (СПб. 1897). Имел награды (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2424 п/с; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 31173; Д. 36601. Л. 5 — 7).

ЭГЕРТ, Александр Михайлович — с 1.07.1894 г. — заведующий Константиновским приходским училищем, затем — надзиратель ученических квартир при Перовском городском училище. С 3.07.1899 г. служил в отделении Госбанка (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3893. Л. 17).

ЭГЕРТ, Константин Лукьянович — статский советник, начальник межевого отделения областного правления Семиреченской обл. (на 1907), 13.05.1900 г. было подано ходатайство о награждении его орденом Св. Владимира 4-й ст. «за беспорочную службу <...>.в течение 35 лет» (СЛ. С. 61).

ЭГЕРТ, Эрнст Германович фон (1839) — лют., штабс-капитан, из дворян Ковенской губ., выпускник 4-й С.-Петербургской гимназии, на службе — с 10.01.1856 г. — унтер-офицер резервного короля Фридриха Вильгельма III полка, 13.03.1859 г. переведен в 4-й резервный батальон, с 13.02.1860 г. — корнет Янбургского принца Фридриха Винтенбергского полка. С 29.08.1863 г. — поручик в распоряжении Оренбургского генерал-губернатора. С 20.03.1865 г. переведен в Туркестанский линейный батальон; 9.11.1865 г. «назначен исполнять должность управляющего местным населением за Чирчикской стороны Туркестанской области», 1866 г. — ст. помощник начальника Ташкентского района; 6.06.1868 г. зачислен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, помощник начальника города Ташкента, «всегда отличался точным исполнением возложенных на него обязанностей и личными своими качествами заслужил полное к себе уважение», имел награды. Жена — Паулина-Елизавета. Дети: Виктор-Петр-Юлиус-Эрнест (6.02.1866) — секретарь при гидрогеологических исследованиях (1915); Элеонора-Эмалия-Паулина (26.10.1867); Борис-Герман; Виргиния; Юлиус-Артур-Оскар; Эмилия-Маргарита-Цицилия (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 597; Оп. 20. Д. 1202. Л. 2 — 2об; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1983; Д. 1984; Д. 4048; Д. 38726. Л. 1-3; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1739. Л. 37).

ЭДЕЛЬМАН, Яков Петрович — заведующий типографии в период управления краем К.П. фон Кауфманом, художник-гравер г. Маргелана (ЦГА РУз. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 216; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1545. Л. 8).

ЭЙГОРН (ЭЙНГОРН), Оттон Робертович (1839) — коллежский советник, преподаватель немецкого языка. После окончания Венского университета со званием магистра химии работал в Одесском округе (Херсонская женская гимназия, Ананьевская прогимназия), 28.02.1872 г. прошел испытание на звание учителя немецкого языка, работал преподавателем латинского и немецкого языков в Одесской прогимназии, с 1878 г. — в Омской гимназии, 1882 г. — в Енисейской мужской гимназии. С 6.09.1883 г. — в Ташкентской женской гимназии, с 1.09.1887 г. — в Ташкентской мужской гимназии. Жена — Анна Андреевна (Кузьменко). Дети: Антонина (25.01.1875); Конкордия (11.09.1876); Владимир (20.03.1879);

Орест (26.09.1883) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3894. Л. 19, 50 — 57, 72; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 359).

ЭЙЛЕР, Петр (Иоганн-Карл-Пауль) Константинович (1827, С.-Петербург — 1.02.1881, Симбирск) — катол., генерал-майор (18.07.1870). Из дворян С.-Петербургской губ. В 1845 г. — выпускник Московского кадетского корпуса, определен в лейб-гвардии Павловский полк. С марта по сентябрь 1854 г. находился в составе войск, охранявших побережье С.-Петербургской губ. и Выборгского уезда. В 1861 — 1866 гг. — мировой посредник Верхнетуринского уезда Пермской обл. по выписке крестьян из крепостной зависимости. Одновременно заведовал казенными горными заводами, по собственной инициативе организовал общественное управление мастеровых и сельских работников; был мировым посредником и председателем мирового суда. 15.04.1868 г. в чине полковника отправлен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора. С 25.01.1869 г. по 5.01.1877 г. — председатель Сырдарьинского областного правления и помощник Сырдарьинского военного губернатора, «человек прямой, добродушный, сведущий в делах», неоднократно в течение службы исполнял обязанности военного губернатора. С 5.10.1877 г. по 12.12.1880 г. — на аналогичной должности в Семиреченской обл. В 1878 г. возглавлял Комиссию по самоуправлению в г. Верном. Издал циркуляр «О слухах по поводу передачи Кульджинского края обратно во власть китайцев». Лично выезжал в районы Кульджи и успокаивал население в отношении того, что российские власти гарантируют защиту жителей. За свою почти 40-летнюю службу награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (26.08.1856); Св. Анны 3-й ст. (8.09.1859), 2-й ст. с императорской короной, бронзовой медалью «В память войны 1853 — 1856», знаком отличия в память успешного введения в действие положения 19.02.1861 г., поощрениями и благодарностями. Жена — Лидия Александровна (Быковская, 1842 — 1920, Симбирск) — казначей Комитета Туркестанского благотворительного общества попечения о раненых и больных воинах (1875 — 1878), похоронена на кладбище Симбирского Покровского мужского монастыря. Дети: Людмила (29.01.1866); Константин (3.08.1868) (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 28. Л. 5; Д. 49(б). Л. 5; Д. 665; Д. 974; Оп. 20. Д. 1468; Д. 1516. Л. 17; Д. 4521; Д. 4542; Д. 4993; Д. 5050; Д. 5980; Д. 6120; Д. 6154; Д. 7695; Д. 10687; Оп. 33. Д. 332. Л. 16; Д. 569. Л. 1 — 7; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 161. Л. 20; Д. 347; Д. 403; Д. 448; Д. 36589. Л. 4об; Д. 36779. Л. 1 — 2; Д. 38727. Л. 1; ТВ. 1878. № 7; 1879. № 45; НР. Т. 3. С. 821).

ЭЙСЛЕР — династия кондитеров в Ташкенте (славились пирожное «Эклер», «Наполеон», здание их конфетной фабрики было разрушено во время землетрясения в Ташкенте, 1966).

ЭЙХВАЛЬД, Эдуард (Иоганн-Карл-Эдуард) Иванович фон (4.07.1795, Ми-тава, Курляндская губ. — 10.11.1876, С.-Петербург) — тайный советник, пале-онтолог, естествоиспытатель, член-корреспондент Петербургской АН (1826). Образование получил домашнее, в 1814 — 1817 гг. изучал медицину и естествен-ные науки в Германии, Швейцарии, Франции, Англии, Австрии, в 1819 г. сдал экзамен в Вильно на степень доктора медицины, с 1821 г. — приват-доцент в Дерптском университете. С 1823 г. — зав. кафедрой зоологии в Казанском уни-верситете, где преподавал также гинекологию и акушерство. В 1825 — 1826 гг. совершил путешествие по Кавказу, Каспийскому морю, изучал фауну, флору и геологию. Планировалась поездка в Хиву и Персию, но военные действия в Пер-сии помешали этому. Собрал богатейшие коллекции и ценный этнографический материал, который опубликовал в нескольких научных работах. С 1829 г. работал на кафедре зоологии Виленского университета, 1837 г. — профессор Виленской медико-хирургической академии. Читал курсы палеонтологии в С.-Петербург-ском горном институте и минералогии в Николаевской инженерной академии (1839 — 1855). Автор учебников по минералогии, геологии, трудов по система-тике растений и животных, геологии, минералогии и единственного в то время руководства по палеонтологии. В 1871 г. в «Туркестанских ведомостях» было опубликовано его письмо о каменноугольной формации в горах Кара-Тай (Ма-слова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Средней Азии. Ч. 1. Таш-кент. 1955. С. 40, 43; ТВ. 1871. № 1; НР. Т. 3. С. 823 — 825).

ЭЙХГОРН, Август (Фридрих) Федорович (2.04.1844 — после 1911 (?)) — скри-пач, альтист, виолончелист, органист, военный капельмейстер, композитор. Родился в немецком городе Лесниц в земле Саксония. Работал в Риге, затем скрипач Мари-инского театра в С.-Петербурге, с 1864 г. — в оркестре Большого театра в Москве, принял российское подданство. В 1870 — 1883 гг. — Ташкентский военный капель-мейстер, создатель своеобразной нотописи (танбурная табулатура) для записи ма-комов — классической музыки Бухары (многочастевая вокально-инструментальная музыка, основанная на определенных ладах мелодий и песен, протяжное горловое пение), исследовал историю музыки и фольклора народов Зеравшана, Ферганской долины, Ташкента и др. районов, первый записал и опубликовал многочисленные

образцы традиционной музыки, традиционного музыкального фольклора народов Центральной Азии, изучил музыкальные инструменты народов края, был основателем музыкального общества в Ташкенте (1883), собрал две коллекции музыкальных инструментов: первая в составе 15 экземпляров не вернулась со Всемирной выставки в Вене, вторая в составе 37 экземпляров была представлена на выставке в С.-Петербурге в 1885 г., им был составлен ее каталог «Полная коллекция музыкальных инструментов народов Центральной Азии А.Ф. Эйхгорна» (СПб. 1885). Коллекция приобретена музеем Московской консерватории (открыт в 1912). С 1954 г. хранится во Всероссийском музыкальном объединении музыкальной культуры им. М.И. Глинки. Основная часть рукописного наследия была опубликована в 1963 г. в Ташкенте В.М. Беляевым «Музыкальная фольклористика в Узбекистане (первые записи) Августа Эйхгорна». Позднее собранный талантливым музыкантом-исследователем музыкально-этнографический материал, его дневник, переведенный с немецкого языка (1870 — 1872), с описанием жизни общества того времени, сделанные им фотографии описаны в работе Джани-заде Т.М. «Музыкальная культура Русского Туркестана по материалам музыкально-этнографического собрания Августа Эйхгорна, военного капельмейстера в Ташкенте» (М. 2013). За годы службы в Туркестане повысил профессиональный уровень местных оркестров, написал несколько пьес «Полька в Ташкенте», «В Туркестанской широкой степи» и др. Выехал в Россию, затем в Германию (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3894. Л. 19; Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981. С. 359; ТВ. 1879. № 16; № 17)

ЭНГЕЛЬГАРТ — два брата, бывшие офицеры, преподаватели физкультуры в Ташкентской мужской гимназии.

ЭНГЕЛЬГАРТ, Нил Евгеньевич — управляющий банка в Андижане (1915), член благотворительного комитета по оказанию помощи пострадавшим воинам и их семьям (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20 Д. 654; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1675. Л. 108, 160; Д. 1329. Л. 185).

ЭНГЕЛЯНД, Рудольф — выпускник медицинского факультета Берлинского университета, организатор и заведующий кафедрой биохимии Ташкентского медицинского института (организован в 1935).

ЭПП, Герман — сырдел с. Николайполь Ауле-Атинского уезда.

ЭПП, Клаас (н.д. — 1913) — проповедник в Романовской духовной общине меннонитов.

ЭРАТОСФЕН, Кирейский (III в. до н.э.) — свыше сорока лет глава первой в мире Александрийской библиотеки, один из выдающихся ученых и писателей эллинистического мира, философ, астроном, математик, историк и географ ввел в оборот само название науки географии, разработал методику картографии и научной хронологии.

ЭРГАРДТ, Владимир Владимирович — инструктор по сельскому хозяйству в Ашхабадской обл. (1913) (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1328. Л. 92 — 93).

ЭРМ, Август Денисович — пом. бухгалтера Ташкентского отделения Госбанка, с 1912 г. — учитель немецкого языка в Пишпекской мужской гимназии (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 43).

ЭРН — врач в экспедициях Г.Н. Потанина и в 1876 г. А.Н. Куропаткина в Кашгарию (ГВ. 1878. № 6).

ЭССЕН, Даниил Игнатович — член окружной артиллерийской лаборатории (1877), с 12.12.1877 г. — Ташкентский городской голова (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 514. Л. 10).

ЭССЕН, Петр Кирилович (1772 — 1844) — генерал-лейтенант, военный губернатор Оренбургской обл. (1817 — 1830).

ЭШ, Амалия-Луиза Богдановна — лют., городская повивальная бабка Ташкента. 1.06.1873 г. Конференцией С.-Петербургской медико-хирургической академии удостоена звания повивальной бабки, 10.06.1877 г. назначена в Ташкент, 30.09.1882 г. произведено прибавочное жалование. Муж — Р.К. Эш. Вдова (на 1882). Дети: Евгения (14.12.1861); Александр (9.05.1865); Максимилиан (15.08.1869) (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38704. Л. 1).

ЭШ, Родион Карлович (1830 — до 1882) — лют., врач. Из семьи иностранных колонистов разночинцев. По окончании 15.12.1860 г. Дерптского университета утвержден в звании лекаря и направлен в распоряжение Уральского горного управления врачом в «Преображенский господина Пашкова завод». С 15.10.1867 г. определен на службу в Туркестанское генерал-губернаторство, с 28.01.1868 г. — Чимкентский уездный врач. Жена — Амалия-Луиза Богдановна. Дети: Евгения, Александр, Максимилиан (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 472; Д. 2224; Д. 2384; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 4026; Д. 4027; Д. 38705. Л. 1 — 3).

ЮНГ-ШТИЛИНГ, Иоган Генрих (1740 — 1817) — немецкий писатель-мистик.

ЮНГМЕЙСТЕР, Андрей Карлович (Васильевич) (12.04.1854) — прав., статский советник, педагог. Сын обер-офицера, в 1881 г. окончил историко-филоло-

гический факультет С.-Петербургского университета со степенью кандидата. Педагогическую деятельность начал с 3.02.1879 г. классным воспитателем при университете. С 1881 г. — учитель русского языка в Гатчинском Николаевском сиротском институте, с 1883 г. — в С.-Петербургской гимназии им. Я.Г. Гуревича и в училище при евангелическо-лютеранской кирхе Св. Петра и Павла. В 1891 г. переехал в Одессу, и.д. инспектора 2-й прогимназии, с 1896 г. — ее директор. С 1900 г. — директор 5-й прогимназии в Одессе. Сохранился донос о факте им взяточничества (РГИА. Ф. 733. Д. 77. Л. 1). На свои средства 2.06.1905 г. открыл частную мужскую гимназию. В 1912 г. переехал в г. Пишпек Семиреченской обл. (ныне Бишкек, Республика Киргизия), с 1.07.1912 г. — директор организованной им и единственной до революции в городе мужской гимназии. В 1914 г. избран почетным мировым судьей Верненского округа. Награжден орденами: Св. Станислава 3-й ст. (28.12.1886), 2-й ст. (30.12.1897); Св. Анны 3-й ст. (1.01.1894), 2-й ст. (1.01.1905); серебряной медалью «В память царствования императора Александра III» и нагрудным знаком «Борьба с чумой» (21.05.1903) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3860. Л. 45 — 48; Д. 3861; Д. 3872. Л. 44 — 48; Д. 3911. Л. 7; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 43; НР. Т. 3. С. 861).

ЮРГЕНС, В. — врач, автор работы «Практическое руководство оспопрививания персам, бухарцам и местному населению Туркестанского края» (Ташкент. 1898).

ЮРГЕНСЕН, Теодор-Генрих-Юстус (9.12.1864, местечко Эгиптен Курляндской губ. — 16.12.1932, Ташкент) — первый пастор Ташкентской евангелическо-лютеранской общины края. Сын потомственного лесничего в Курляндской губ. По окончании богословского факультета Дерптского университета (1890) ординирован в Вольской (Куккусской) сельской общине Самарской губ., служил пастором-адьюнктом при пастве Левобережья Волги. В июне 1892 г. назначен приходским пастором в Ташкент, где служил 41 год, до дня своей кончины. Выполнил обязанности пастора не только в Ташкентской общине, но и по всему Туркестану. В служебном предписании для пастора отмечалось то, что он должен проповедовать, проводить службу: 55 раз в году в Ташкенте, по 12 раз в Ашхабаде и Самарканде, по 6 раз в Коканде, Константиновке, Крестовке и Орловке, по 3 раза в Андигане, Кызыл-Арвате, Красноводске, Мерве (ныне г. Мары), Новом Маргелане (ныне Фергана), Саратовке и Чарджуе, по 2 раза в Новой Бухаре (ныне Каган), Кушке, Серахсе, 1 раз в Катта-Кургане, 1 раз в 2 года в Ауле-

Ате (ныне Тараз), Керки, Намангане, Оше, Петро-Александровске (ныне Турткуль), Термезе, Ходженте, Чимкенте. Переезд по территории Туркестана в то время представлял значительную трудность, требовал много затрат и физических сил. Проводимые Ю. Юргенсеном литургии отличались большой торжественностью, строгостью и просветленностью. По признанию многих старожилов Туркестана, пастор был «душой всей евангелическо-лютеранской общины края и организатором всей ее жизни». На плечи пастора легли все заботы по строительству кирхи в Ташкенте (добился разрешения на приобретение участка земли, собрал необходимые для строительства средства, руководил разработкой архитектурного проекта и многолетней его реализацией). В трудные годы, выпавшие на долю пастора, средством для обеспечения семьи служило преподавание им немецкого языка. С 16.05.1893 г. зачислен преподавателем немецкого языка в Ташкентскую мужскую гимназию, давал и частные уроки. Хорошо играл на флейте и кларнете, обладал прекрасно поставленным баритоном. Вместе с пастором он пережил тревожные годы начала XX в., в 1915 — 1916 гг. находился под подозрением охранного отделения, подозревался в связях с германскими военнопленными и в сборе средств для германской армии, в частности, как писали в доносах «для строительства немецких кораблей». Опрошенный охранкой 14.06.1915 г. он показал, что, действительно, к нему заходили военнопленные и с разрешения коменданта он передавал им съестные припасы и белье, пожертвованные для этой цели разными лицами, а также 3 — 4 раза заведующему военнопленными передавал деньги, присылаемые Американским консулом в Москве для определенных лиц. «Сборы на германский флот никогда не производил». Наоборот, после объявления войны он собирал пожертвования для раненых воинов своей страны. Деньги в размере 1000 рублей передал еще 14.08.1914 г. и.д. генерал-губернатора В.Е. Флугу. Во время произведенного у него в 1916 г. обыска также «ничего явно преступного не обнаружено». В Ташкенте на кладбище по бывшей улице Боткина сохранилась его могила. Вторая супруга Ю. Юргенсена — Катарина Германовна (Оттендорф, 1884 — 1961) — вместе с детьми — Гертруда-Клара (1904) и Курт (1902) — арестована в 1937 г., выслана в г. Канск Красноярского края, вернулась в Ташкент, в 1957 г. выехала в ГДР, в Фалькензее (Бранденбург). В семье Ю. Юргенсена также проживал Генрих Генрихович Кауфман — отец первой жены пастора (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3917. Л. 1 — 2; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1329. Л. 111; Д. 1739. Л. 5, 15, 154, 327; НР. Т. 3. С. 865; Из

истории евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. СПб. 1996. С. 25, 41, 53 — 64).

ЮРГЕНСЕН, Юстус Юстусович (1896, Ташкент) — окончил курс в Дерптском университете, работал в центральной конторе фирмы «Зингер», в 1916 г. выслан из Ташкента как сотрудник этой фирмы (ЦГА Руз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1739. Л. 327; Д. 1742. Л. 146).

ЮСТУС, Соломон Вильгельмович — служащий Кокандского отделения Русско-Азиатского банка.

ЯН, Софья Ивановна (25.06.1843) — повивальная бабка, в звании удостоена Конференцией Петербургской медико-хирургической академии и 19.04.1868 г. определена на службу в Туркестанское генерал-губернаторство, с 11.07.1868 г. назначена в Ауле-Атинский уезд, прослужила 17 лет, «пользовалась уважением населения и благосклонностью руководства». Уволена «по болезни» в отставку 24.10.1885 г. (ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38729. Л. 8 — 12).

ЯНЦЕН, Герман Германович (1866 —1956) — меннонит, евангелический миссионер, переводчик при дворе хивинского хана, государственный лесничий, с 1923 г. — в эмиграции в Германии.

ЯНЦЕН, Леонгард — владелец сыроваренного и маслодельного заведения в с. Романовка Ауле-Атинского уезда.

ЯНЦЕН, О. — председатель в нач. 20 гг. Николайпольского волисполкома Ауле-Атинского уезда.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Bendinger Margarete Mein Vater erinnert sich an die Deutschen in Taschkent // Volk auf dem Weg. 2007. № 1. S. 26 — 27.
- Population migration in Uzbekistan 1989 — 1998. Tashkent. 2000.
- Абаза К.К. Завоевание Туркестана. М. 2008.
- Абдуллаева Л., Ниязова Т. Самаркандская старина. Кн. вторая. СПб. 2010.
- Авишарова Н.П., Виридарский М.С. Евгений Карлович Бетгер (1887 — 1956). Очерк жизни и деятельности. Ташкент. 1960.
- Александр II. Время великих реформ. М. 2014.
- Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII — XIX вв. М — СПб. 2015.
- Бельгер Г. Российские немецкие писатели. Алматы. 1996.
- Библиоковедение Узбекистана. Сб. статей, посвященных 100-летию со дня рождения Е.К. Бетгера. Ташкент. 1989.
- Бланкеннагель. Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793 — 1794 годах. Изданы с объяснениями В.В. Григорьева. СПб. 1858.
- Богод А. Просветительская работа среди национальных меньшинств // Журнал Наркомпроса Туркеспублики. 1922. № 2.
- «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов. М. 2014.
- Века А.В. История России. Минск. Москва. 2003.
- Вирский М.М. Адрес-календарь лиц, служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях Самаркандской области. Самарканд 1896.
- Военно-народное управление в Туркестанском крае // Восточное обозрение. 1884. № 8.
- Вольтер Г. Под небом Киргизии. Фрунзе. 1991.
- Воспоминания ветеранов труда и тружеников тыла «Чирчикстроя» («Узбек-гидроэнергостроя»). Ташкент. 1995.
- Гейер И. Крестьянская колонизация в Сыр-Дарьинской области. Ташкент. 1892.
- Гельмерсен Г. Хива в нынешнем ее состоянии // Отечественные записки. 1840. № 8.
- Гентике В.Л. «Немецкий компонент» в жизни Туркестанского общества, специфика формирования (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию). М. 2013. С. 151 — 160.
- Герман А. Эхо любви. М. 2013.
- Герман А.А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. 1996.

Гинзбург А.И. Узбекистан: этнополитическая панорама. Очерки, документы, материалы. М. 1995.

Глуценко Е. Герои империи. М. 2001.

Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М. 2010.

Голендер Б.А. Мои господа ташкентцы. Ташкент. 2007.

Греческий М. В семье не без урода. Биография великого князя Николая Константиновича. М. 2002.

Де Йонг Л. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М. 1958.

Депортация и реабилитация народов в СССР в 20-е — 80-е годы XX века. Исторические уроки. Бишкек. 2010.

Дингильштедт Н. Опыт изучения истории Туркестанского края. Сырдарьинская область. Ч. 1. СПб. 1893.

Дневные записи плавания А.И. Бутакова на шхуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848 — 1849 гг. По рукописным материалам Узбекской и Украинской государственных публичных библиотек. Подготовил к печати заслуженный библиотекарь УзССР кандидат исторических наук Е.К. Бетгер. Ташкент. 1953.

Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент. 1912.

Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент. 1912.

Евгений Карлович Бетгер (по материалам конференции к 110-летию со дня рождения). Ташкент. 2001.

Жукова Л.И. Меннониты в Хорезме // Этнический атлас Узбекистана. Ташкент. 2002.

Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. СПб. 1915.

Земков В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930 — 1960. М. 2005.

Из истории Евангелическо-Лютеранской Церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. СПб. 1996.

Из истории Илийского кризиса (заятие русскими войсками Кульджинского края в 1871 // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. Барнаул. 1996.

Из истории церкви адвентистов седьмого дня в России. Калининград. 1993.

Иноятова Д.М. Ак-Мечетские меннониты // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений. Материалы XI Международной научной конференции. Москва 1 — 3 ноября. М. 2006.

Иноятова Д.М. История появления и расселения немцев Узбекистана на территории Узбекистана // Общественное мнение, права человека. Ташкент. 2006. № 1. С. 91 — 101.

Иноятова Д.М. Роль закона о всеобщей воинской повинности в судьбе меннонитов Туркестана. // Немцы Сибири: история и современность. Материалы V Международной научной конференции. Омск. 2006.

История евангельских христиан-баптистов в СССР. М. 1989.

История российских немцев в документах (1763 — 1992). Т. I — II. М. 1993.

История русской армии. СПб. 2003.

- К 100-летию евангелическо-лютеранской церкви в Ташкенте. Ташкент. 1996.
- Каллаур В.* Немецкая культура на реке Талас // Среднеазиатская жизнь. 1907. № 115.
- Касымова А.Г.* История библиотечного дела в Узбекистане. Ташкент. 1981.
- Касымова А.Г.* Туркестанский сборник. Ташкент. 1985.
- Каульбарс А.В.* Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. Генерального штаба полковником бароном А.В. Каульбарсом // Записки Русского географического общества. СПб. 1881. Т. 9.
- Кауфманский сборник. Изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го. М. 1910.
- Кригер В.* Рейн — Волга — Иртыш. Из истории немцев Центральной Азии. Алматы. 2006.
- Кронгарт Г.* Немцы Кыргызстана. Бишкек. 1997.
- Кронгарт Г.К.* Национальный состав населения Южного Казахстана // Исторические науки. 1976. Вып. 2.
- Круковская С.* Леон Бурэ — художник, гражданин // Звезда Востока. 1967. № 10.
- Культурное наследие немцев в Центральной Азии. Сб. статей под редакцией составителя О. Клименко. Алматы. 2012.
- Кун А.Л.* От Хивы до Кунграда. Ежегодник издания Туркестанского статистического комитета. Вып. 4. СПб. 1876.
- Курт В.* Твои немцы, Россия. Augsburg. 2012.
- Лавров М.* Генерал-адъютант, инженер-генерал К.П. Кауфман. Первый туркестанский генерал-губернатор, покоритель и устроитель Туркестанского края. Ташкент. 1913.
- Лессар П.* Юго-западная Туркмения // Известия Русского географического общества. Т. 21. Вып. 1. 1884.
- Лунин Б.В.* Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Ташкент. 1974.
- Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент. 1962.
- Лунин Б.В.* Ориенталист туркестановед Евгений Федорович Каль // Научные труды ТашГУ. Новая серия. Археология Средней Азии. Т. VII. Ташкент. 1966.
- Лунин Б.В.* По велению сердца и разума. (А.Э. Шмидт и его научно-педагогическая деятельность в Ташкенте) // Общественные науки в Узбекистане. 1970. №. 8.
- Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент. 1965.
- Лурье С.* Особенности русской колонизации в Средней Азии // Центральная Азия. 1997. № 2(8).
- Матвеев А.* К вопросу о выходцах Германии в Средней Азии в конце XIX — начале XX века // Научные труды ТашГУ. Вып. 392. Материалы по истории и археологии Средней Азии. Ташкент. 1970. С. 61 — 77.

Матвеев А.М. Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому Октябрю. 1914 — 1917. Ташкент. 1977.

Мауэр Ф.М. Флора Узбекистана. Ташкент 1959.

Мейендорф К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М. 1975.

Мой город Алма-Ата. Алма-Ата. 1971.

Назарян Р. Самаркандская старина. Кн. первая. СПб. 2010.

Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань. 1885.

Население Средней Азии. М. 1985.

Немцы: 250 лет в России. Т. 1 — 2. М. 2012.

Немцы России. Энциклопедия. Т. 1 — 3. М. 1999 — 2006.

Никитин В.Н. Воспоминания // Русская старина. 1906. Сентябрь.

Никольская Г.Б., Матвеев А.М. К истории азиатских и европейских выходцев в Средней Азии в начале XX века // Научные труды ТашГУ. Вып. 423. Ташкент 1972.

Нурджанов К. Восьмое чудо света. Ургенч-Хива. 1994.

Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии. Ч. I — IV (1715 — 1886). Сост. к.и.н. О.В. Малова. Ташкент. 1955 — 1971.

Остроумов Н.П. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877 — 1881). Ташкент. 1899.

Пален К. Переселенческое дело в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по Высочайшему повелению сенатором, гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб. 1910.

Петровский А.Г. Походы русских войск на Хиву. М. 1887.

Петровский Н.Ф. Туркестанские письма. Отв. ред. ак. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М. 2010.

Посмертные бумаги М.Д. Скобелева // Исторический вестник. 1883. № 10.

Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта Константина Петровича фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7 ноября 1867 — 27 марта 1881. СПб. 1905.

Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 — 1920 годах Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М. 1822.

Рейнталь П. Из путевых записок о Нарыне и Кашгаре // Военный сборник. 1870. № 8.

Ремпель Л.И. Мои современники. Ташкент. 1992.

Русский Туркестан. Сб. издан по поводу Политехнической выставки. Вып. 3, под ред. В.Н. Троцкого. СПб. 1872.

Семенов А. Памяти М.Г. Черняева // Исторический вестник. 1914. № 9.

Смирнов Н.А. Очерки истории изучения ислама в СССР. М. 1954.

Соболев Л.Н. Англо-Афганская распря. Очерк войны 1879 — 1880. СПб. 1882.

Соболев Л.Н. Мнение иностранной прессы о Хивинском походе 1873 г. Ташкент. 1879.

Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент. 1965.

Список лиц гражданского ведомства служащим в Туркестанском крае на 1907 г. Ташкент. 1907.

- Струве В.В.* Арийская проблема. Ташкент. 1944.
Ташкент. Энциклопедия. Ташкент. 1984.
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1 — 3. СПб. 1903 — 1906.
- Терентьев М.А.* Хивинские походы русской армии. М. 2010.
- Толбухов Е.* Устроитель Туркестанского края // Исторический вестник. 1913.
- Толбухов Е.М.* В борьбе за русское дело (Эпизод из государственной деятельности К.П. фон Кауфмана) // Исторический вестник. 1909. № 4.
- Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент. 1981.
- Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. № 11.
- Фитц А.* Забытые фрагменты истории // Вера в жизнь. 1992. № 3.
- Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. М. 1965.
- Хидоятов Г.А.* Россия и Средняя Азия во второй половине XIX в. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ташкент. 1969.
- Центральная Азия. Источники, история, культура. Материалы международной научной конференции. Москва, 3 — 5 апреля 2003. М. 2005.
- Центральная Азия: собственный взгляд. Ташкент. 2006.
- Центральная Азия в составе Российской империи. М. 2008.
- Чеботарева В.* Меннониты: поиск земли обетованной // Neues Leben. 1992. № 40. (2 декабря).
- Чижов Б.И.* Генерал-адъютант, инженер-генерал Константин Петрович фон Кауфман 1818 — 1882. Биографический очерк. Петроград. 1915.
- Шишков А.В.* Схватка за Кавказ XVI — XXI века. М. 2007.
- Шмидт А.Э.* Из истории сунитско-шиитских отношений. Ташкент. 1927.
- Шмидт А.Э.* Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки института востоковедения. Т. 16. М. 1958.
- Шмидт А.Э.* Очерки истории исламской религии. СПб. 1912.
- Штремплер И.И.* Село меняет облик. Фрунзе. 1972.
- Шумигорский Е.* К биографии К.П. фон Кауфмана // Русская старина. 1898. Январь.
- Щеглов В.П.* Институт астрономии АН УзССР и его история. История Ташкентской астрономической обсерватории — Астрономического института Академии наук УзССР. Избранные труды. Ташкент. 1989.
- Эвальд А.В.* Воспоминания о К.П. фон Кауфмане // Исторический вестник. 1897. № 10.
- Этнический атлас Узбекистана. Ташкент. 2002.
- Юдин М.Л.* Памяти Константина Петровича фон Кауфмана 1818 — 1882. СПб. 1913.
- Юдин М.Л.* Памяти М.Г. Черняева // Исторический вестник. 1914. № 9

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК — Адрес — календарь лиц, служащих в правительственных, общественных и частных учреждений Самаркандской области. Самарканд. 1896.

НР — Немцы России. Энциклопедия. Т. 1 — 3. М. 1999 — 2006.

СЛ — Список лиц гражданского ведомства, служащих в Туркестанском крае на 1907 г. Ташкент. 1907.

ТВ — Газета «Туркестанские ведомости».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо пролога	3
«Он стал им новой Родиной»	5
Кауфманы на службе России	35
Кавказ	42
Северо-Западный край	51
Отставка и новое назначение	57
Туркестан	66
«Устроитель туркестанского края»	97
Организация управления краем	104
Бухарский поход	122
Оборона Самаркандской цитадели	130
Искандеркульская экспедиция	139
Благоустройство и исследование края	144
Хивинский поход	184
Экспедиция в Коканд	209
Джам	220
Переселение немцев-крестьян	235
Устройство культурной и хозяйственной жизни края	263
«Деловой он человек»	294
Взятие Геок-Тепе	301
Покушение на Александра II	304
О памятнике К.П. фон Кауфману	310
«Человек благородный, прямой»	334
Генерал от инфантерии Ф.В. фон Мартсон	352
Ташкентский Эристофан	358
Ташкентский аптекарь	388
«А ведь такой талантливый человек»	396
«Это слишком дерзко»	412
«Бесспорный и глубокий специалист»	417
Ученый — селекционер	421
Сын лозы	427
Заклучение	438
Приложение. Имена в веках истории	440
Литература и источники	668
Список сокращений	673